

Б. Г. ГАФУРОВ

ТАДЖИКИ

ДРЕВНЕЙШАЯ, ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

Издание второе

ДУШАНБЕ
«ИРФОН»
1989

Раздел четвертый
СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ
И УТВЕРЖДЕНИЯ
ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОСТАВЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

1. ПАДЕНИЕ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аравия накануне ислама

В исторических трудах нередко подчеркивается отсталость арабов накануне возникновения ислама. Это утверждение является односторонним и ошибочным. В 1853 г. Ф. Энгельс писал: «Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, — они были, видимо, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их архитектурные сооружения»¹. Полученные с тех пор археологические и эпиграфические материалы² полностью подтверждают правоту Ф. Энгельса: южноарабские племена в древности создали могущественные государства, высокую и своеобразную культуру.

Уровень социально-экономического развития различных частей Аравии был резко неодинаков. Если на территории Йемена и некоторых других областей во второй половине VI — начале VII в. развивалось земледелие и городская жизнь, то обширные пустыни и степи были местом обитания кочевников-бедуинов, главным богатством которых были верблюды. Хотя родоплеменная организация у арабов была еще очень сильна, у них зарождались феодальные отношения, ход исторического развития приводил к образованию из разрозненных племен и союзов племен единого государства. В начале VII в. возникает новая религиозная система — ислам.³

Чтобы проанализировать исторические причины, обусловившие возникновение новой религии — ислама и стремительное за-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 210.

² Пигулевская А. Г., 1951, стр. 260 и сл.; Лундин А. Г., 1961, 1971; Бауэр Г. М., 1966; Лундин А. Г., 1971; Nielsen D., 1927; Bawen R. le Baron and Albright W. F., 1958; Ryskmans J., 1964.

воевание арабами колоссальных территорий, необходимо прежде всего рассмотреть классовый состав общества той эпохи и происходившие в нем сдвиги. Тот факт, что ислам возник в период образования классового общества у арабов, не вызывает сомнений. Гораздо сложнее проблема определения характера нового классового общества и преобладающего тогда у арабов и на завоеванных ими территориях способа производства, изучение процесса, протекавшего в ту эпоху сложного социального синтеза. Разрешение этих проблем особенно важно потому, что они не только освещают один из важнейших периодов истории народов Востока, но и показывают, идейные запросы какого или каких конкретно классов в первую очередь удовлетворяла новая религия. Разрешение последней проблемы должно дать основу для марксистского анализа идеологической стороны раннего ислама.

Скудость источников, содержащих сведения о социальном строе доисламской Северной Аравии, где возник ислам, особенно средневековой историографии, уделяющей внимание почти исключительно династийной и «священной» истории и постоянно смешивающей сообщения о фактах с легендами, различными фольклорными мотивами, следует отнести к числу причин, в значительной степени затрудняющих решение намеченных выше проблем. Буржуазное исламоведение накопило большое число фактов по данному периоду, создало множество идеалистических гипотез относительно причин возникновения ислама, однако в методологическом отношении в области анализа социальных корней ислама оказалось совершенно беспомощным.

В советской исторической науке существуют две основные тенденции в характеристике сложившегося классового общества. Согласно первой из них, на юге Аравии рабовладельческое общество существовало во всяком случае уже в VI в., а в конце VI — начале VII в. происходит сложение рабовладельческого уклада в Северной Аравии, Хиджазе, в Мекке и Медине, лежавших на важнейшем караванном пути. Во внутренней Аравии, населенной бедуинами, скотоводами-кочевниками, также началось разложение патриархально-общинного строя, но оно происходило здесь гораздо медленнее. Все же и среди бедуинов появились, с одной стороны, богачи — обладатели больших стад, иногда земель, значительного числа рабов-пленников, занимавшиеся зачастую и караванной торговлей, и, с другой стороны, — бедняки, о которых доисламский арабский поэт аш-Шанфара сказал так: «День [бедняка] проводит в одном становище, ночь — в другом, всегда один, верхом на спине опасностей»³. Эти бедняки все же сохраняли пока свою свободу. |

Однако на севере Аравии рабовладельческий уклад не развивая в господствующую формацию, поскольку в период кризиса, вызванного переходом к классовому обществу, возник ислам, по-

³ Фальтшинский И. И., 1965, стр. 29.

явился Мухаммад, оказавшийся незаурядным военачальником, был принят догмат ислама о священной войне, преемники Мухаммада стали искать выход из социального кризиса в завоевательных походах, и массы арабов — «воинов ислама» хлынули на территории, где шел быстрым темпом процесс феодализации, либо уже был сложившийся феодализм. Но в этих странах не исчез еще также и рабовладельческий уклад, поэтому он сохранился и у арабов, причем в период завоеваний, в результате захвата большого числа пленных, получил дополнительное развитие. В общем и целом феодальные отношения сложились в халифате после больших завоеваний к самому концу VII в. рабство же сохранилось еще долгое время в виде уклада.

Согласно этой же точке зрения, ислам первоначально возник на базе сложившегося рабовладельческого общества и лишь после завоеваний развился в религию общества феодального. Эту точку зрения разрабатывали у нас Е. А. Беляев, а также А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, И. П. Петрушевский.

Согласно второй точке зрения, уже до возникновения ислама и на юге и на севере Аравии складывались не рабовладельческие, а ранне-феодальные отношения, которые стали там господствующими еще до VII в., т. е. до великих завоеваний. Таким образом, ислам с самого начала был религией формирующейся верхушки феодального общества. Эту вторую точку зрения выдвинули Н. В. Пигулевская, А. Г. Лундин, Н. А. Смирнов и Л. И. Надирадзе. Последний обращает внимание на распространение в Аравии VII в. издольной аренды — в тех исторических условиях предпосылки феодальных отношений.

Обе указанные точки зрения на обстановку в Аравии VII в. и на социальную природу возникновения ислама имеют пока лишь значение рабочих гипотез, и окончательное решение проблемы — дело будущего ⁴.

Не подлежит, однако, сомнению, что общество халифата конца VII в. было уже в весьма значительной степени феодализированным при сохранении рабовладельческого уклада, и завоевание арабами Средней Азии, востока Хорасана и Мавераннахра велось военно-феодальной знатью, сохранившей элементы кочевого быта, и накладывало свойственные такого типа обществам отношения на отношения местной оседлой феодализированного общества, изменяя и ускоряя тем самым процесс феодализации.

Возникновение ислама. Разгром Сасанидского государства

Несколько слов о возникновении ислама! «Пророком» высшего и единого божества — Аллаха выступил Мухаммад, житель круп-

⁴ Петрушевский И. П., 1966, стр. 7.

нейшего центра Аравии — Мекки. Не добившись успеха в родном городе, он со своими приверженцами в 622 г. переселяется в Медину; с этого года начинается мусульманская эра — хиджра. Подчинив себе мединские племена, Мухаммад впоследствии включает в свою «общину верующих» также Мекку, покоряет ряд других племен, которые признали и Аллаха и его земного «посланника» — Мухаммада. Утвердившееся название новой религии «ислам» означает «покорность», «подчинение». После смерти Мухаммада (632 г.) в качестве халифа (букв. «преемник», «заместитель») был провозглашен Абу Бакр (632—634 гг.); после него халифом стал Омар (634—644 гг.), в правление которого было завершено подчинение арабских племен и обращение их в ислам. Было создано в высшей степени централизованное теократическое государство, сформировано большое и весьма боеспособное войско⁵. Арабская знать мечтала о больших завоеваниях, грабеже и захвате богатств в соседних и дальних странах. Недовольство низших слоев арабского общества можно было при этом направить на немусульман, иноверцев, отвлекая их тем самым от классовой борьбы против «своих» эксплуататоров. К тому же и рядовые воины-арабы получали часть добычи, что отнюдь не меньше, чем вера в Аллаха, воодушевляло их в битвах. Для арабских аристократов учение ислама о священной войне за веру служило удобной ширмой, прикрывавшей истинные цели их завоевательных походов.

Завоеватели двинули свои войска почти одновременно против Византии и Ирана. Действия полководцев Йездигерда III (632—651 гг.) — последнего представителя Сасанидов, предпринятые с целью приостановить движение арабов, ни к чему не привели. В сражениях при Кадисии и Нехавенде (636 и 642 гг.) арабские войска разбили соединенные силы персов и положили конец почти пятивековому существованию Сасанидского государства. В течение 10 лет арабы захватили территорию Ирана, нанесли жестокий удар Византии, овладели Палестиной, Египтом, Сирией и Ираком.

Отступая под натиском арабов из одной местности в другую, Йездигерд III в течение 10 лет скитался по разным городам и странам, стремясь поднять население против арабских завоевателей. Однако его старания не увенчались успехом.

Основная масса населения Сасанидского государства — крестьяне и ремесленники — беспощадно эксплуатировалась сасанидской администрацией, феодалами и зороастрийским жречеством и, кроме того, страдала из-за кастово-сословных ограничений. Длительные войны Сасанидов против эфталитов, тюрков и Византии еще более ухудшили и без того бедственное положение

⁵ Литература относительно Мухаммада, раннего ислама и арабских завоеваний очень обширна (см.: *Беляев Е. А.*, 1965 и *Петрушевский И. П.*, 1966, где имеются ссылки на источники и литературу; *Sauvaget I.*, 1965, p. 115—129 — это полезные библиографические указания).

трудящихся. Все это вызвало недовольство народных масс, и они не стали поддерживать Сасанидов в их борьбе с арабами.

Бесперывные войны ослабили Сасанидское государство, лишив его былого политического и военного могущества. Вследствие усиления провинциальной феодальной знати былая роль центрального правительства резко снизилась, периферия не подчинялась центру. Местные владетели в отдельных областях и провинциях во время вторжения арабов не оказали помощи центральному правительству.

Массы угнетенного населения в ряде случаев связывали надежды на облегчение своего тяжелого положения с арабами и их верой, сулившей всем мусульманам равноправие. Жизнь скоро показала несбыточность надежд народа, но на первых порах это оказало некоторое воздействие и порой ошибочно воспринималось как возрождение традиций маздакитского движения.

Все это и привело к тому, что Сасаниды не смогли сдержать мощного потока арабов и Сасанидское государство пало⁶.

2. ЗАВОЕВАНИЕ АРАБАМИ МАВЕРАННАХРА (ПЕРВЫЙ ПЕРИОД)

Политическая раздробленность Мавераннахра в середине VII в.

С начала вторжения в Иран арабы ставили своей целью также покорение областей Средней Азии за Амударьей — так называемого Мавераннахра (араб. «по ту сторону реки»). В «Истории Бухары» Наршахи (Xв.) и в сочинении арабского географа Якута (XIII в.) приводится сказание арабов о том, будто сам основоположник ислама Мухаммад заявил, что покорение Мавераннахра является священной и почетной обязанностью последователей его веры.

Мавераннахр переживал в этот период то состояние политической раздробленности, которое возникло уже в IV—V вв. и усилилось к концу владычества эфталитов и Тюркского каганата.

Эту раздробленность характеризует огромное количество самостоятельных и полусамостоятельных владений, расположенных к моменту арабского вторжения на территории нынешнего Таджикистана.

В Фергане находились *северное и южное ферганские княжества*, в районе Ура-Тюбе — *Уструшана* со столицей Бунджикет (около нынешнего Шахристана, Верховья р., Зеравшан вместе со склонами и долинами Туркестанского и Зеравшанского хребтов

⁶ Подробности относительно состояния Ирана накануне арабского завоевания и хода этого завоевания см.: *Пигулевская Н. В.* и др., 1958, стр. 69—89; *Колесников*, 1970.

входили в состав *Буттама*. На севере этой области были владения *Матча* (Масча) и *Паргар* (совр. Матча и Фальгар). Западнее находилось владение и г. *Пани* — современный Пенджикент.

В районе Гиссарской долины — *Чаганиан* — вся долина р. Сурхан (Чаганруд) и западная оконечность Гиссарской долины с главным городом Чаганиан (около Денау); *Ахарун* и *Шуман* — восточнее Чаганиана; *Вашгирд* — между Кафирниганом и Вахшем в среднем его течении — со столицей Вашгирд (Файзабад); *Кумед* — верховья Кафирнигана (р. Рамит) и Вахша.

В районе Курган-Тюбе — область *Вахш* в равнине *Кабодиён* — в нижнем течении реки Кафирниган с главным городом Кабадиан.

В районе Куляба — *Хутталян* — между Пянджем и Вахшской долиной со стороны Хульбук и городом Мунк (Бальджуан). В состав Хутталяна в разное время входили и другие княжества, например, *Вашгирд*, *Кабодиён* и др.

В районе Гарма — *Рашт* со столицей Рашт (Гарм). *Дарваз* — со столицей Карран. В Горно-Бадахшанской области — *Вахан*, *Шугнан* и *Рушан*, тесно связанные с *Бадахшаном*.

Правитель каждой области считал себя совершенно самостоятельным и имел свой особый титул. Отсутствие единства среди правителей Мавераннахра затруднило объединение народов Средней Азии для отпора арабам.

Выход арабских отрядов на границы Средней Азии. Первые набеги на Мавераннахр

Согласно арабским преданиям, мусульманские отряды, преследуя после битвы при Нехавенде (642 г.) разгромленное сасанидское войско, якобы вошли в контакт с турками Тохаристана еще до смерти халифа Омара, т. е. до 644 г.⁷ Однако в действительности завоевания в Средней Азии начались десятилетием позже. В 651 г. преследуемый по пятам арабскими отрядами последний сасанидский царь Йездигерд III подошел к Мерву. Здесь он вынужден был скрываться и был убит (по одной из версий — мельником, в доме которого пытался укрыться) при подстрекательстве собственного вассала — наместника Мерва. В том же году Мервом овладели арабы.

Уже через три года арабы начали совершать первые набеги на Мавераннахр; упоминается, в частности, набег 654 г. на Маймург в Согде. В 667 г. был совершен первый набег на Чаганиан и нанесен сильный удар по эфталитам. Арабы явно готовились к военным действиям в больших масштабах. Одним из подготовительных военно-политических мероприятий было переселе-

⁷ Gibb N. A. R., 1923, p. 15.

ние из Басры и Куфы в Хорасан 50 тыс. семей арабов. Они были размещены в пяти пунктах в виде гарнизонов.

Можно согласиться с Гиббом, полагающим, что это мероприятие преследовало две цели; усилить безопасность уже завоеванных областей и накопить силы для дальнейших завоеваний⁸.

Наршахи сообщает, что арабские завоеватели неоднократно переправлялись тогда через Амударью и совершали набеги на Мавераннахр. Бухарская царица каждый раз уплачивала им дань или преподносила какие-либо дары, чтобы заключить мир и тем самым спасти свое государство от нашествия.

В конце 673 — начале 674 г. арабский наместник Хорасана Убейдаллах ибн Зияд, напав на Мавераннахр, захватил и разорил Рамитан и окрестности Бухары, но, встретив сильный отпор со стороны объединенных войск тюрков и бухарцев, заключил мир.

Получив от бухарской царицы выкуп и уведя в рабство 2 тыс. местных жителей — искусных стрелков из лука (из них он сформировал отряд своей личной гвардии) — Убейдаллах ибн Зияд временно оставил пределы Мавераннахра⁹.

В 676 г. новый наместник Хорасана Саид ибн Осман перешел с большим войском через Амударью и достиг Бухары. Бухарская царица, как обычно, уплатила выкуп, исчислившийся в данном случае в 300 тыс. дирхемов, и выделила группу знатной бухарской молодежи в качестве заложников. Саид двинулся к Самарканду. Согдийцы мужественно сопротивлялись. Война продолжалась более месяца. В конце концов Саид был вынужден заключить мир и отступил, взяв пленных и небольшую добычу. На обратном пути он захватил Термез.

Наршахи и Балазури рассказывают о мужественном поступке согдийских заложников, обращенных Саидом в рабство. «Они (заложники. — Б. Г.)... сказали: «Есть ли еще какое-нибудь унижение, которому этот человек (Саид. — Б. Г.) не подвергал нас? Он взял нас в рабство и дает нам тяжкую работу. Если мы погибнем в унижении, то по крайней мере погибнем с пользой». Они вошли во дворец Саида, закрыли двери и убили Саида, а сами покончили жизнь самоубийством»¹⁰.

Любопытный эпизод, характеризующий отношение населения горных областей Мавераннахра к арабским завоевателям, передает Табари. К арабскому наместнику, стоявшему лагерем у Кеша, прибыл племянник хутталаянского малика. Он изменил своему народу и предложил арабам идти походом на Хутталаян. Намест-

⁸ Gibb N. A., 1923, p. 17.

⁹ Местная традиция об этих событиях отражена в сочинениях Балазури, Якуби и Наршахи. Несколько иное изложение дает Табари. Разбор версий см.: Gibb N. A. R., 1923, p. 17—18.

¹⁰ Джалилов А., стр. 114—115. Версии источников разобраны Гиббом, см.: Gibb N. A. R., 1923, p. 18—19.

ник согласился и послал своего сына Язида ибн ад-Мухаллаба.

«У границы Хутталаяна, — пишет Табари, — остановился он отдельным лагерем, а племянник мелика — мелик тогдашний был по имени Сабал — остановился своим лагерем. И совершил Сабал ночное нападение на лагерь племянника. Его воины подняли арабский клич. Племянник мелика подумал, что арабы его предали, а арабы, когда он оставил их лагерь, опасались, что он их предаст. И захватил Сабал своего племянника, привез его в свою крепость и убил... После казни племянника мелика мать его в слезах сказала матери Сабала: «Как надеешься ты на сохранение жизни Сабала после того, что он убил своего племянника! Ведь у убитого осталось семь братьев, и всем им нанесена кровная обида. Ты же — мать единственного сына». И послала мать Сабала в ответ: «У львиц детенышей мало, много их у свиней»¹¹.

После набега Саида арабские войска в продолжение пяти лет не нападали на Мавераннахр. Третье нашествие на Мавераннахр арабы совершили при наместнике Хорасана Салме ибн Зияде в период правления халифа Язида ибн Муавия в 680—683 гг. По Белазури, арабские отряды дошли до Ходжента, но были там разгромлены¹². Однако самаркандцы и бухарцы потерпели поражение от арабов и вынуждены были откупиться от захватчиков.

В 689 г. сын одного мятежного хорасанского наместника Муса ибн Абдаллах овладел Термезом и полтора десятилетия сохранял власть над этой сильной крепостью. Он не признавал ничьей власти, нападал на соседние владения и грабил их. Лишь в 704 г. войском центрального арабского правительства при активной поддержке согдийских и тюркских войск удалось ликвидировать этот мятеж¹³. Прав А. Джалилов, который пишет: «... Эта победа над Мусой имела двойственное значение. С одной стороны, то, что местные владетели вместе с войсками Арабского халифата ликвидировали власть Мусы, — являлось положительным. Но, с другой, — этим они помогли арабской центральной власти избавиться от мятежника, в какой-то мере служившего помехой для проникновения в Среднюю Азию»¹⁴.

Все военные действия арабов в Мавераннахре до назначения на должность наместника Хорасана Кутейбы ибн Муслима (705 г) носили, таким образом, разрозненный характер и служили лишь целям обогащения тех или иных арабских предводителей за счет ограбления захватываемых областей. Разорив и опустошив занятую в результате стремительного набега область, арабские войска возвращались в Мерв.

¹¹ Табари, II, стр. 1040—1041.

¹² Белазури, 413.

¹³ Бартольд В. В., 1963, стр. 242.

¹⁴ Джалилов А., 1961, стр. 118.

Борьба согдийцев, тохаристанцев и других народов Средней Азии против завоевателей

Арабская знать решилась осуществить захват Мавераннахра лишь после того, как при халифе Абд ал-Малике ибн Марване (685—705 гг.) был положен конец междоусобной борьбе за власть внутри халифата и подавлены восстания в уже завоеванных странах¹⁵. Примерно около 705 г. наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим начал военные действия, приведшие к захвату Мавераннахра.

Используя раздробленность страны и внутренние распри местных аристократов-дихканов, Кутейба сумел постепенно укрепить позиции халифата в Средней Азии. Он покорил в 705 г. отдельные районы области Балха. Кроме самого Балха, ему подчинились Чаганиан (правитель которого Тиш в это время примкнул к арабам и натравливал их на соседние владения), Шуман и др. В 706 г. он с большими силами вступил в Мавераннахр. Как пишет Табари, Кутейба, переправившись через Амударью, двинулся на Пайкенд, причем в составе его войска были дихкан Балха, чаганхудат — изменники, ради своих корыстных целей оказывавшие поддержку завоевателям.

Пайкенд считался в то время одним из самых цветущих городов Мавераннахра. Его называли «городом купцов», а также «меднобронным городом», так как он имел сильно укрепленную цитадель. Здесь армия Кутейбы впервые встретила упорное сопротивление жителей. В обороне города участвовали не только пайкендцы, но и другие согдийцы, к которым пайкендцы обратились за помощью. Вначале на их стороне был перевес, и арабы попали в тяжелое положение. Арабское войско длительное время было окружено согдийцами, коммуникационные линии Кутейбы были перерезаны. Во всех мечетях Ирака и Ирана возносились молитвы. Но Кутейбу спасли не молитвы, а отсутствие единства среди местных правителей. Постепенно некоторые из них отвели свои отряды. Ряды защитников Пайкенда поредели. Этим воспользовался Кутейба: он овладел городом, разграбил его и направился на Бухару. Осада Пайкенда продолжалась, по некоторым сведениям, 50 дней, по другим — 10 месяцев.

Не успел Кутейба отойти и пяти фарсахов, т. е. около 30 км, от Пайкенда, как жители этого города восстали и перебили арабский гарнизон. Захватив Пайкенд вторично, Кутейба разрушил его до основания, перебил всех мужчин, а женщин и детей обратил в рабство. Захватчики овладели здесь такой богатой добычей, какой до этого им не удавалось захватить нигде. Быть может, наиболее важной частью этой добычи было огромное количество

¹⁵ Обзор этих событий см.: *Беляев Е. А.*, 1965, стр. 180 и сл.

оружия и боевых доспехов — целый арсенал. Качество этих изделий было исключительно высоким, ибо с тех пор в арабской поэзии в качестве эпитета для несравненного мастерства употреблялось обозначение «согдийский». По некоторым сведениям, до захвата Пайкенда в армии Кутейбы имелось лишь 350 комплектов боевых доспехов. Поэтому он настоял, чтобы захваченное в Пайкенде боевое снаряжение не попало в разделяемую часть добычи, а вооружил им своих воинов, чем значительно увеличил боевую силу арабского войска¹⁶.

Трагедия Пайкенда показала жителям Мавераннахра, с каким опасным и жестоким врагом они имеют дело. Отдельные владетели Согда, призвав на помощь турков, собрали в окрестностях Рамитана (вблизи Бухары) объединенные силы для отпора арабам. Произошло ожесточенное сражение. Арабские войска были окружены.

Тогда Кутейба через тайно подсланных людей натравил царя Согда на турок, а турок — на царя Согда и таким образом внес раскол в их ряды. Тем временем к Кутейбе подошли высланные ему новые отряды, с помощью которых он вырвался из окружения. Однако огромные потери, понесенные арабскими войсками, заставили Кутейбу временно отказаться от планов завоевания Мавераннахра и вернуться в Мерв.

В 708 г. Кутейба с новыми силами двинулся в Мавераннахр. Несмотря на упорное сопротивление населения Согда, ему удалось достичь владений Бухары и захватить Рамитан. Однако сражение за Бухару не принесло успеха. Понеся большие потери, Кутейба осенью снова был вынужден вернуться в Хорасан. Узнав об этой неудаче, правитель Ирака Хаджжадж, которому Кутейба как наместник Хорасана был подчинен, приказал Кутейбе во что бы то ни стало разбить бухар-худата.

В 709 г. Кутейба с очень большими силами снова перешел Амударью и достиг окрестностей Бухары. Жители Бухары, как и прежде, призвали на помощь согдийцев и турок. Разгорелась кровопролитная битва.

Кутейба объявил, что всякий, кто принесет голову одного врага, получит 100 дирхемов. В ставке арабов была воздвигнута большая пирамида из голов воинов Мавераннахра, но это не помогло сломить сопротивление защитников Бухары. Они нанесли сильные удары по арабским войскам. Кутейба, опасаясь поражения, вновь прибегнул к обычной для него тактике вероломства и обмана. Он, как рассказывает Наршахи, подослал к царю Согда Тархуну своего агента, который сказал ему, что арабы через некоторое время уйдут и тогда-де турки нападут на Тархуна, потому что Согд так богат и прекрасен, что они захотят его захватить. Оманутый и напуганный этими лживыми речами, сог-

¹⁶ Gibb H. A. R., 1923, p. 33—34.

дийский царь спросил совета, что ему делать. Совет ему был дан, причем чрезвычайно коварный: заключить мир с Кутейбой, сообщив тюркам, что к арабам двигаются большие подкрепления. — тюрки тогда также уйдут.

Тархун последовал этому совету. Антиарабская коалиция распалась, и арабские войска сумели занять Бухару.

Кутейба, чтобы упрочить свое положение, заключил договор с согдийским ихшидом Тархуном, взял заложников из числа приближенных царя и установил сумму дани.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией во время неудач арабов в Бухарском оазисе, правители некоторых тохаристанских владений, в том числе правитель Шумана, объявили об отказе признавать власть Кутейбы.

В 710 г., собрав новые силы, Кутейба выступил в поход на Шуман. Жители Шумана отвергли ультиматум арабов. Смело и мужественно они сражались против превосходящих сил врага. В одном из ожесточенных сражений правитель Шумана был убит. Кутейба, разграбив город, двинулся к Несефу (вблизи совр. Карши) и Кешу (ныне Шахрисабз) и овладел ими.

Оборона Самарканда

Как указывалось выше, самаркандский правитель согдийский царь Тархун заключил мирный договор с арабами. Он при этом обязался выплачивать дань. В следующем году Кутейба отправил своего брата Абд ар-Рахмана в Самарканд за получением дани. Тархун вынужден был ее уплатить, что вызвало недовольство самаркандской знати (и, несомненно, рядовых согдийцев), Тархун был низложен приближенными и в отчаянии лишил себя жизни¹⁷.

Новым согдийским царем в 710 г. стал Гурек, который, в оценке знатока событий эпохи арабского завоевания Г. А. Р. Гибба, «был государственным деятелем и патриотом»¹⁸.

События в это время разворачивались следующим образом. В Хорезме началось народное движение, во главе которого стоял брат хорезмшаха по имени Хурзада. Кутейба под предлогом помощи хорезмшаху вмешался в хорезмийские дела и двинулся с войсками в Хорезм. В 710—712 гг. хорезмшах заключил с Кутейбой договор о мире и дал ему в награду за совершенную им кровавую расправу с повстанцами 10 тыс. голов скота. Это означало признание хорезмшахом власти арабов.

С целью дезориентации согдийцев Кутейба распустил слух, что он из Хорезма с награбленной добычей направляется в Мерв,

¹⁷ *Табари, II, 1229; Ибн ал-Асир, IV, 437—438.*

¹⁸ *Gibb H. A. R., 1923, p. 42.*

а на самом деле вместе с войсками хорезмшаха и бухар-худата направился к Самарканду.

Для складывавшейся в то время ситуации характерно не только отсутствие единого фронта борьбы против арабов, но, что еще хуже, предательство правителей Бухары и Хорезма. Хорезмийские и бухарские отряды активно сражались против Самарканда на стороне арабов, в то время как самаркандцам пришлось обороняться в одиночку. К тому же и внутри самаркандского Согда отсутствовало единодушие. После смерти Тархуна в Согде осталась сильная группировка знати, настроенная проарабски. Одним из ее представителей был, возможно, пенджикентский князь Деваштич. После самоубийства Тархуна он покровительствовал его малолетним сыновьям и принял титул «согдийский царь, самаркандский государь» (этот титул известен по согдийским документам с горы Муг).

И. Ю. Крачковский предполагал, что «возможно, конечно, что дело шло глубже, и в арабских или арабофильских кругах было предположение выставить сыновей Тархуна как продолжателей «законной» династии согдийских царей в противовес Гуреку»¹⁹. С меньшей долей вероятности это предположение можно распространить и на Деваштича, хотя вполне возможно, что принятие им титула «согдийский царь, самаркандский государь» произошло значительно позже, в 719 г. Расчетливо и коварно Кутейба объявил, что он явился, чтобы отомстить за смерть Тархуна²⁰. Этим заявлением он активизировал сторонников свергнутого согдийского царя, дал возможность сплотиться им с откровенно арабофильскими элементами. Важную роль в лагере сторонников арабов играл Деваштич. Все это чрезвычайно осложняло положение Гурека и руководимых им защитников Самарканда.

Детальный анализ письменных источников о ходе завоевания Самарканда принадлежит В. В. Бартольд.

Основной источник — Табари — содержит три версии и сводный рассказ, написанный по нескольким источникам²¹. В процессе упорного сражения, в котором арабам был нанесен большой урон, защитники города проявили чудеса героизма. Как сообщал в одном из своих писем царь Гурек, «много наших воинов погибло и было ранено, пехота и конница даши (арабов. — Б. Г.) были крайне многочисленны, и мы не могли им сопротивляться. Я отступил под защиту крепостных стен, чтобы там обороняться»²².

Согдийцы обратились за помощью к царю Чача, к тюркскому кагану и ихшиду Ферганы, написав им, что «если арабы овладеют

¹⁹ В. А. и И. Ю. Крачковские, 1934, стр. 70.

²⁰ Табари, II, 1249.

²¹ Бартольд В. В., 1964, стр. 382—384.

²² Chavannes E., p. 205.

2007
729

Согдом, то затем наступит и их очередь». Было решено помочь Согду, отправив отряд конных воинов из «сыновей царей и храбрейших из молодых царских воинов». Начальником был поставлен сын кагана²³. Дело в том, что тюркские войска были в это время на границах Согда и могли оказать помощь в антиарабской борьбе. Именно поэтому во главе отряда был поставлен младший сын тюркского кагана — Инэль-каган, который являлся главнокомандующим тюркскими войсками на западе²⁴. Однако благодаря хорошо поставленной разведке Кутейба заранее узнал о продвижении этого отряда и выслал навстречу ему отборное войско под начальством своего брата. Арабы устроили засаду, в которую попали ничего не подозревавшие союзники согдийцев. Спешивший на помощь Гуреку отряд был в этом бою разгромлен. Арабы узнали, что разгромленный отряд состоял из знатных воинов. Отрубив головы убитых, они написали их имена на ушах, подвесили головы на свои пояса и так вернулись в лагерь. Участник событий, араб, рассказывал: «И не было ни одного из нас, у которого на поясе не висело бы головы именитого противника... и взяли мы прекраснейшее оружие, дорогие ткани, золотые пояса, великолепных коней, и Кутейба все это подарил нам. И были согдийцы сломлены этим, Кутейба наставил на них катапульти и начал стрельбу, он все время сражался с ними. Бывшие на его стороне бухарцы и хорезмийцы, жестоко сражавшиеся [против согдийцев. — Б. Г.], были для них примером». Тогда-то Гурек бросил гневные слова, приведшие в ярость Кутейбу и его соратников: «Ты сражаешься со мной руками моих братьев и людей моего дома, а ты поставь против меня арабов!»²⁵. Это, а также еще несколько сражений, в которых перевес был на стороне арабов (Якуби говорит о нескольких «упорных сражениях»), и заставил согдийцев укрыться за стенами Самарканда (в последней крупной битве у Самарканда победа вначале склонялась на сторону согдийцев, но затем арабам удалось одержать верх).

Началась осада. Сам Гурек так описывал ее ход: «Тогда арабы осадили город. Они установили против стен 300 стенобитных машин, в трех местах они вырыли большие траншеи. Они хотели уничтожить наш город и наше царство»²⁶.

Стенобитные машины день и ночь долбили стены Самарканда. Арабам удалось пробить брешь, согдийцы сумели ее заделать. Стреляя из луков, делая вылазки, согдийцы наносили большой урон осаждающим. В течение месяца защитники города мужественно оборонялись. Но в конце концов город пал. Гурек вынужден был подписать договор, крайне тяжелый для Самарканда, где обязался выплатить 2 млн. дирхемов единовременно, передать

²³ Табари, II, стр. 1247—1249.

²⁴ Кляшторный С. Г., 1964, стр. 146—153.

²⁵ Табари, II, 1244, 1248.

²⁶ Chauvannes E., 1903, p. 205.

3 тыс. взрослых рабов, отдать сокровища идолов из храмов огня, а также ежегодно вносить 200 тыс. дирхемов. Кроме того, согласно предварительному условию, самаркандцы должны были построить в своем городе мечеть для мусульман, а также не держать в Самарканде согдийское войско. За это Кутейба утвердил Гурека в качестве государя «над Самаркандом, и над его землями, и пределами, и над Кешем, и Нахшебом, и над городами, и крепостями», причем Гурек стал его вассалом. Опасаясь восстания согдийцев, Кутейба оставил в городе свой отряд²⁷

Но свободолюбивый дух самаркандцев отнюдь не был сломлен. Уже осенью 712 г., как сообщает Якуби²⁸, «люди Самарканда восстали против него (арабского наместника. — Б. Г.) и на него напал хакан, царь тюрков». Лишь приход (весной 713 г.) Кутейбы с основными арабскими войсками спас арабский гарнизон от неминуемого разгрома. Интересные данные об этих событиях имеются и в древнетюркских источниках. Судя по ним, в тюркскую ставку прибыло согдийское посольство во главе с Суком²⁹. В ответ, как сообщает большая надпись в честь Кюль-тегина, «чтобы устроить народ согдийцев», тюрки прошли «вплоть до Железных ворот» (теперешнее Байсун-тау)³⁰. К тому же, как правильно отметил Г. Гибб, завоевание Самарканда не привело автоматически к подчинению Согда и согдийцев — значительная часть их не признавала арабской власти и оставалась свободной³¹. И тем не менее восстание самаркандцев было жестоко подавлено.

Несмотря на то, что после 10 лет непрерывных кровопролитных войн Мавераннахр был подчинен верховной власти халифата, народы Мавераннахра не считали себя окончательно покоренными. Каждый год осенью Кутейба в страхе перед жителями этой свободолюбивой страны переправлял свои войска за Амударью и размещал их в Мерве и других городах Хорасана, а весной, собрав войска, вновь нападал на Мавераннахр, причем каждый раз он отправлялся в поход на Мавераннахр со свежими силами, так как потери во время этих походов были очень велики.

Коалиция Согда, Чача, Ферганы и тюрков

В 712—713 гг. против арабов выступает коалиция Тюркского каганата и трех крупных, тогда еще не подчиненных арабами государств: Согда, Чача и Ферганы.

²⁷ См. подробнее об этих событиях: *Kurat A.N.*, 1948, p. 387—430; *Смирнова О. И.*, 1957, стр. 119—134; *Смирнова О. И.*, 1960, стр. 69—79; *Кляшторный С. Г.*, 1959, стр. 151—152.

²⁸ *Якуби*, II, стр. 344.

²⁹ «Памятник в честь Тоньюкука», 46—47.— *Малов С. Е.*, 1951, стр. 69.

³⁰ «Памятник в честь Кюльтегина». Большая надпись, 39—40.— *Малов С. Е.*, 1951, стр. 41.

³¹ *Gibb H. A. R.*, 1923, p. 47.

Внутренняя борьба среди согдийской знати привела к тому, что Деваштич, учитывая капитуляцию Гурека и признания его арабами в качестве царя Согда, счел для себя выгодным включиться в антиарабскую борьбу. Он посылает в Чач и соседние области своего посла по имени Фатуфарн. В замке на горе Муг сохранилось донесение этого посла, отправленное из Чача. Это замечательный документ, живо и непосредственно рисующий сложную и драматическую обстановку того времени. Фатуфарн пишет, обращаясь к Деваштичу и называя его «господином»: «И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю. И, господин, я и письма вручил, и то, что следовало устно передать, я полностью, ничего не упуская, изложил и тудуну (правитель Чача. — Б. Г.) и «помощнику». И, господин, письмо кагану и письмо ферганскому царю я через ферганского тутука (титул. — Б. Г.) ферганскому царю переслал. И, господин, я потому дальше не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем нельзя увидеть. И, господин, от тудуна и от «помощника» я получил письмо и ответы..., а Уструшанская область вся сдана. И, господин, я один-одинешенек, без спутников, и, господин, не осмеливаюсь я идти. И, господин, потому я вернулся снова в Чач. И, господин, из-за этого тебя я страшно боюсь. И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил. И, господин, в соответствии с перемирием Жамраваз и перс-полководец пошли вниз — по слухам [для того], чтобы получить выкуп и чтобы отвести войско от арабов... И, господин, тудун [ранее] с Тарбандом заключил соглашение [«помирился»], и, господин, все земли он [так] получил. И, господин, по слухам, «помощник» очень опечален «перемирием» и также он боится тебя из-за того, что он не прибыл к тебе». В заключительной части сообщается о том, каким путем донесение пересылается Деваштичу — через Канд (современный Канибадам) и вероятно дальше через Исфару — в Матчу и далее по долине Зеравшана в резиденцию Деваштича³².

Имя тудуна — правителя Чача — известно и по другим письменным источникам — это Мохэду-тутунь (Багатур-тудун)³³. В. А. Лившиц предполагает, что наряду с тудуном, резиденцией которого был Тарбанд (совр. Отрар), существовал и местный правитель — «государь Чача» с резиденцией в Чаче — Бинкете³⁴. Эту точку зрения не разделяет С. Г. Кляшторный, который не без основания настаивает на идентичности «тудуна» и «государя Чача»³⁵. Каган — это тюркский Инэль-каган³⁶.

Участником этой коалиции был и ферганский царь. К трем участникам коалиции, разумеется, нужно прибавить самого Деваштича.

³² Лившиц В. А., 1962 б, стр. 77—91.

³³ Бичурин, II, 1950, стр. 313.

³⁴ Лившиц В. А., 1962 б, стр. 82—83.

³⁵ Кляшторный С. Г., 1959, стр. 159—161.

³⁶ Кляшторный С. Г., 1960, стр. 134; Кляшторный С. Г., 1959, стр. 154.

И хотя Согд, особенно его горные районы и Самарканд, не были еще полностью покорены, Кутейба ибн Муслим решил нанести удар по наиболее могущественным участникам антиарабской коалиции — ферганцам, чачцам и тюркам. Собрав большое войско, он выступает двумя колоннами. Одна, состоявшая в значительной мере из «союзников» — отрядов, сформированных из жителей Кеша, Несефа и Хорезма, была направлена им в Чач, вторая двинулась в направлении Ходжента и Ферганы. Сведения о действиях северной колонны отрывочны. Она захватила Чач и сожгла большую часть его поселений. Южная колонна, возглавляемая самим Кутейбой, после нескольких сражений овладела Ходжентом и достигла Касана. Здесь обе колонны соединились. Из сообщений ибн Хаукаля³⁷ и Истахри³⁸, в которых, к сожалению, содержится немало анахронизмов, явствует, что Кутейба проводил действия и в Уструшане, причем не только в равнинной ее части, но и в предгорной³⁹.

Имеются сообщения о назначении Кутейбой арабского наместника в Фергану, устройстве арабских колоний в Чаче и Фергане, но есть основания сомневаться в достоверности этой информации. Кутейба одержал победу, но сопротивление ферганцев и чачцев отнюдь не было сломлено. Именно в этом историческом контексте становится понятной информация, содержащаяся в донесении Фатуфарна, который был послан, как представляется, в разгар боевых действий 713 г.

В следующем, 714 г. Кутейба еще раз обрушивается на Чач. Он превращает его в свою ставку и совершает поход в сторону Исфиджаба (совр. Сайрам, неподалеку от Чимкента). Кутейбу интересовало не столько торговое значение этого центра, сколько его стратегическая роль: захватив Исфиджаб, Кутейба надеялся перерезать основные пути, по которым двигались тюркские отряды на помощь своим среднеазиатским союзникам.

В начале 715 г. Кутейба вновь наносит удар по Фергане. Ферганскому царю пришлось бежать.

В это время халифом становится Сулейман — враг Кутейбы; последний начинает мятеж, завершившийся его поражением и смертью (715 г.).

Закончив завоевания в Средней Азии, арабы сделали центром наместничества, включавшего Хорасан и Мавераннахр, Мерв — подальше от «беспокойных» Бухары и Самарканда.

Что содействовало успеху халифата в завоевании Средней Азии? Основной причиной этих успехов была политическая раздробленность страны, весьма умело использованная арабами в своих интересах. С первых же дней вступления в Мавераннахр

³⁷ *Ибн Хаукаль*, ВГА, II, 1873, р. 328.

³⁸ *Истахри*, ВГА, I, 1870, р. 383.

³⁹ *Негматов Н. Н.*, 1954, стр. 120.

они приняли все меры к тому, чтобы отдельные области Средней Азии не объединились. И это им удалось. Кутейба оказывал помощь сначала одному из враждовавших царьков и разбивал его соперника, а затем подчинял себе и первого. Нередко бывало, что отдельные царьки Мавераннахра воевали друг с другом в интересах халифата. При захвате Согда Кутейба использовал в дополнение к арабским войскам военные силы Хорезма, Бухары и Несефа, а позже он привлекал к участию в военных действиях на своей стороне и силы Согда.

Другой причиной успеха войск халифата было то, что им временами удавалось, используя противоречия между тюркскими кочевниками и жителями земледельческих оазисов Средней Азии, разъединять их и натравливать друг на друга.

Наконец, халифат обладал большим военным превосходством. Захватив много стран, он стремился использовать местное население и материальные ресурсы покоренных областей для проведения дальнейших операций.

Народные массы Средней Азии оказывали арабским захватчикам ожесточенное сопротивление, но были неоднократно предаваемы своими царьками, что, например, имело место в Хорезме и в Согде. Многие из местных царьков, поверив посулам арабов, предпочитали покориться завоевателям, но не возглавлять борьбу народных масс за независимость.

3. ЗАВОЕВАНИЕ АРАБАМИ МАВЕРАННАХРА (ВТОРОЙ ПЕРИОД)

Положение народов Средней Азии

Во всех городах и крупных селениях Средней Азии арабы разместили свои гарнизоны, опираясь на которые они держали в повиновении местное население и проводили сбор налогов.

Господство Арабского халифата в Средней Азии легло тяжелым бременем на ее население. Так, уходя из Самарканда после его завоевания, Кутейба дал такое распоряжение своему брату, возглавлявшему арабский гарнизон: «Не разрешайте ни одному многобожнику входить в какие-либо из ворот Самарканда до того, как ему будет поставлена на руку [глиняная] печать, и если глина высохнет прежде, чем он выйдет из города, — убейте его, и если у него найдут железный нож — убейте его. И если после закрытия ворот на ночь вы обнаружите в городе кого-нибудь, — убейте его»⁴⁰. Пришельцы разграбили захваченную ими страну, принудили ее жителей принять новую веру, преследовали культуру и обычаи покоренных ими народов. Не довольствуясь богат-

⁴⁰ Табари, II, 1250, 1252.

ствами, захваченными при взятии городов, завоеватели вносили с местного населения многочисленные поборы, обязывая его снабжать своих новых господ рабами, рабынями, скотом и хлебом, ткацкими изделиями и разными другими товарами, а также обеспечивать всем необходимым арабские гарнизоны.

В покоренных областях арабская знать захватила лучшие земельные угодья, ирригационные сооружения, обложила города данью. Часть арабских воинов осела на поливных землях, отобранных у местного населения.

Были введены налоги по сасанидскому образцу: земельный (харадж), достигавший половины урожая, и подушная подать (джизья), первоначально распространявшаяся лишь на лиц, не принявших ислама. Кроме того, с крестьян и ремесленников взимались и другие поборы; они отбывали также натуральные повинности, принудительные работы по возведению зданий, мостов и крепостных стен, рытью каналов и т. п. Неплательщики налогов подвергались жестокому наказанию, а земля у них отбиралась.

В некоторых городах — Мерве, Самарканде, Бухаре и др. — арабские гарнизоны и администрация занимали у местных жителей для своих нужд половину каждого дома. Хотя иногда, как, например, в Бухаре, такая конфискация производилась под предлогом необходимости постоянного наблюдения за тем, как местные жители выполняют предписания ислама, однако фактически это было еще одной формой ограбления местного населения, тем более что завоеватели, став хозяевами жилищ, часто заставляли прежних владельцев домов работать на себя.

Арабские халифы проводили политику внедрения ислама в завоеванных областях. В Средней Азии они тоже старались упрочить свое господство таким путем. К началу арабского проникновения в Среднюю Азию в ней не было единой религии. Наряду с широким распространением зороастризма здесь имелись последователи христианства, буддизма, манихейства, иудаизма. Арабы объявили все эти религии ложными; особенно решительно они боролись с зороастризмом, который был религией большинства населения Средней Азии. Для того чтобы свести на нет влияние других религий, наместники халифа всюду уничтожали религиозную литературу народов Средней Азии, особенно зороастрийскую. В результате не только религиозная, но и светская литература народов Мавераннахра, в том числе произведения согдийской письменности, почти совершенно исчезли.

Местные жители, принявшие ислам, пользовались вначале значительными льготами. Тем, кто исполнял предписания новой религии, даже платили деньги. С тех же, кто оказывался исповедовать ислам, ежегодно взималась подушная подать — джизья. Эти меры способствовали распространению ислама в Средней Азии, однако большинство принявших ислам еще долгое время продолжало тайно исповедовать свою прежнюю религию.

Борьба согдийцев, ферганцев и тюрок в 720—722 гг.

В исторической литературе порой встречаются упоминания об участии Китая в антиарабской борьбе. Это основано на недоразумении. На самом деле, как показывают письменные источники, танские императоры натравливали среднеазиатских правителей против арабов, выражали им благодарности и жаловали чины. Подстрекая к борьбе против арабов, обещая в будущем помощь и требуя за неисполнявшиеся обещания от этих правителей признания вассальных отношений к Китаю, китайское правительство палец о палец не ударило, чтобы реально помочь народам Средней Азии.

Как отмечает Л. Н. Гумилев⁴¹, танское правительство не сняло ни одного полка с других границ и не бросило ни одного воинского подразделения на помощь ферганцам или согдийцам. Как пишет этот исследователь, «имперцы рассчитывали, что страх перед грабежами арабов и тибетцев толкнет к ним в объятия все население Средней Азии и им останется лишь внести туда организуемое начало» (последнее выражение следовало бы взять в кавычки)⁴².

Не получив помощи от китайцев, согдийцы попытались возобновить коалицию с Ферганой и тюрками. В 720 г. в Согде вновь вспыхивает мощный очаг освободительной борьбы.

Предшествующие события протекали следующим образом.

Халиф Омар ибн Абд ал-Азиз (717—719 гг.) объявил о проведении финансовой реформы, согласно которой с новообращенных мусульман, как и с мультисульман-арабов, не следовало взимать ни харадж, ни джизью. Он также запретил арабам в дальнейшем приобретать, т. е. попросту захватывать, земли, так как

⁴¹ Гумилев, 1967 а, стр. 355.

⁴² Наряду с ценными наблюдениями и соображениями относительно среднеазиатско-китайских отношений в этот период, Л. Н. Гумилев высказал одно положение, которое представляется в корне ошибочным. Среднеазиатские правители, сообщает Л. Н. Гумилев, «хотели, чтобы им прислали войско [из Китая.— Б. Г.], а в Китае ждали возможности получить от них подкрепления. Как только это поняли в Согдиане, прекратилось и ее сопротивление арабам как безнадежное» (Л. Н. Гумилев, 1967 а, стр. 355). Итак, Л. Н. Гумилев ставит продолжение сопротивления арабам со стороны среднеазиатских народов целиком в зависимость от китайской помощи. Отметим прежде всего, что столь категорически высказанный Л. Н. Гумилевым вывод противоречит сведениям, изложенным им самим далее, где он говорит о продолжавшейся согдийцами в союзе с тюрками борьбе против арабских захватчиков, утверждая, что согдийские горцы «не хотели и слышать об исламе и налогах, связанных с ним» (Л. Н. Гумилев, 1967 а, стр. 357). В самом деле, в конце 718 или начале 719 г. согдийский царь Гуре послал письмо китайскому императору. В письме говорилось, что согдийцы ежегодно выставляют большие армии и сражаются с арабами, но ни разу император не прислал воинской помощи. В конце письма Гурек просил прислать некоторое количество китайских солдат (Славатнес Е., 1903, р. 205). Как известно, китайцы вновь не прислали помощи. Но, вопреки Л. Н. Гумилеву, согдийцы отнюдь не прекратили сопротивления арабам.

это уменьшало хараджные поступления в центральную казну. Однако наместники Хорасана уклонялись под разными предлогами от выполнения приказа халифа. В свою очередь среднеазиатская знать, многие представители которой заявили, что считают себя мусульманами, не желала вносить налога и оставляла его себе. Между знатью и местными представителями халифатской администрации возник конфликт. На стороне среднеазиатской знати был и народ, который испытывал на себе ужасы террора и безмерного угнетения со стороны арабов. Усиленно распространялись слухи, что в 100 г. хиджры, т. е. в 718—719 гг., оканчивается могущество арабов⁴³.

Выступление Гурека против арабов, возможно, привело (именно в этот момент, а не раньше) к тому, что по наущению арабов царем Согда и правителем Самарканда объявил себя Деваштич.

Против арабов выступили многие ранее враждовавшие между собой и придерживавшиеся разной ориентации группировки согдийской знати. На помощь были позваны турки.

Согдийцы восстали в начале 720 г. Прибыла помощь от тюрок — их каган направил войско под руководством Курсуля. Союзники нанесли арабам крупное поражение. В Согде почти не оставалось районов и правителей, которые бы не восстали против захватчиков. Лишь в отдельных райнах остались арабские гарнизоны, но и тем приходилось откупаться от восставших контрибуцией, выдавать заложников и т. д. Роли переменялись. Зажатые, словно в мышеловке, захватчики трепетали перед морем народного гнева. Попытки наместника Хорасана подавить восстание успеха не имели. Тогда наместником Хорасана был назначен Саид ал-Хараша, который перед тем «прославился» жестоким подавлением народного восстания в Ираке. Новый наместник начал переговоры с восставшими. И сразу же часть знати изменила делу восстания. Среди этих изменников был и царь Согда Гурек, который не только перешел на сторону арабов, но и принял обязательство выступать вместе с ними против своих же подданных⁴⁴. Тем не менее значительная часть восставших решила не сдаваться арабам, а уйти в те области, которые были тогда за пределами арабской власти.

Такой областью являлась Фергана. Ее царь Алутар (к тому времени вернувший себе ферганский престол) обещал согдийцам убежище и покровительство. Основываясь на этой договоренности, в Фергану решила уйти большая группа согдийцев — выходцев из разных мест Согда. Их возглавлял Карзанч — человек большой отваги и мужества. Ему не нравилась идея укрыться в Фергане. Он предложил свой план, а именно: напасть на аван-

⁴³ Бартольд В. В., 1964 г., стр. 382, 384—387.

⁴⁴ Возможно, на это предательство он пошел, опасаясь, что арабы утвердят на согдийском престоле Деваштича.

гард арабского войска и разгромить его, либо уйти за Сырдарью к тюнкам. Однако согдийские купцы и дикканы не согласились с его предложениями и настояли на уходе в Фергану.

Когда колонна восставших направилась в сторону Ферганы, Алутар вероломно начал переговоры с арабами, обещая им выдать восставших. Согдийцам же он сообщил, что его обязательства по отношению к ним вступят в силу через 20 или 40 дней после того, как они укроются в одном ущелье в Исфаре. Пока шли эти переговоры, к Ходженту, где временно расположились согдийцы, подошли арабские отряды; ставленник арабов Алутар, разумеется, отказался помогать обманутым им людям.

Захват Ходжента (весна или лето 722 г.) дался арабам нелегко. Согдийцы стояли насмерть. Они вырыли у городских ворот ров, замаскировали его, а затем, притворно обратившись в бегство, завлекли арабов, десятки которых попали в плен. Но когда подошли значительные арабские силы, были подтянуты стенобитные машины, положение осажденных стало критическим. Они приняли условия арабов вернуться в Согд, заплатить харадж, отпустить арабских пленных. Согдийцы были обезоружены. Обвинив одного из них в преступлении, арабы начали истреблять их всех. Но и в последние часы своей жизни согдийские воины вели себя как герои: Табари с удивлением пишет, что безоружные согдийцы оказали сопротивление, они сражались дубинами⁴⁵. Все они были перебиты, в живых остались 400 купцов, откупившихся богатыми товарами. Пострадал и простой народ Ходжента: арабский предводитель приказал ходжентским земледельцам носить на шее свинцовые пломбы — печати; проявивших непокорность убивали.

Другой группой восставших руководил Деваштич. Возглавляемая им группа согдийцев двинулась от Пенджикента вверх по Зеравшану. По весьма вероятному предположению А. Ю. Якубовского, Деваштич намеревался вывести своих людей через Шахристанский перевал к Ходженту и также увести в Фергану⁴⁶. Но этому замыслу не суждено было осуществиться. В районе кишлака Кум находился замок Абгар (или Абаргар), который отождествляют (хотя это не бесспорно) с замком на горе Муг⁴⁷. Арабское войско включало отряды некоторых среднеазиатских владетелей. Попытка Деваштича остановить продвижение противника в открытом сражении не принесла ему успеха. Через некоторое время осажденные начали испытывать острую нужду в припасах. Деваштич вынужден был начать переговоры. Ста семьям осажденных, в том числе самому Деваштичу, была гарантирована жизнь. Но и здесь завоеватели проявили свое обычное ве-

⁴⁵ Табари, II, 1445.

⁴⁶ Якубовский А. Ю., 1950, стр. 39.

⁴⁷ Волин С., 1940.

роломство: Деваштич вскоре бы зверски убит — его распяли, а отрубленную голову отправили правителю Ирака⁴⁸.

С небывалой жестокостью было подавлено это антиарабское движение. Многие местные правители и дикканы были убиты, их владения захвачены арабскими военачальниками, эксплуатация крестьян усилилась.

Некоторые правители среднеазиатских владений и после поражения антиарабского движения 720—722 гг. не сложили оружия. Среди них оказались даже те, кто в прежние времена склонял голову перед завоевателями. В частности, в 723 г. двинул свои войска против арабов ферганский царь Алутар. Вместе с тюрками и чачцами ферганское войско наносит сильное поражение захватчикам, преследуя их на всем протяжении пути от Ходжента до Самарканда. Затем вновь произошло восстание в Согде. Борьба то затихала, то разгоралась. Военные действия шли с переменным успехом⁴⁹.

Хутталян в борьбе с завоевателями

Серьезное сопротивление арабам оказало свободолюбивое и мужественное население Хутталяна. Хутталян в то время охватывал территорию кулябской группы районов и Вахшской долины, в политическом отношении ему подчинялись и другие районы Южного Таджикистана. Царь Хутталяна имел в своем распоряжении 50 тыс. войска⁵⁰.

Арабы решили начать серьезные военные действия против Хутталяна лишь в 725 г. Арабский наместник Асад ибн Абдаллах, восстановив Балх, совершает поход на Хутталян. Арабов встретили объединенные силы царя Хутталяна и кагана тюрков. Арабское войско обратилось в бегство. Табари сообщает, что, когда Асад ибн Абдаллах после позорного провала военной операции в Хутталяне возвратился в Балх, жители Балха сложили о нем насмешливую песенку — первое сохранившееся произведение на таджикском языке:

Из Хутталяна ты пришел,
Обещанным пришел,
Сокрушенным ты вернулся,
Истощенным, растерянным ты прибыл⁵¹.

Разгром был столь полным, что более чем десятилетие арабы и не пытались овладеть Хутталянном. Лишь в 737 г. Асад ибн Абдаллах сторгся в Хутталян. Вначале он сумел получить неко-

⁴⁸ Табари, II, 1447—1448; *Ибн ал-Асир*, V, 82.

⁴⁹ Подробнее об этом см.: *Кадырова Г.*, 1965, стр. 80—85.

⁵⁰ *Chavannes E.*, 1903, p. 200—201.

⁵¹ Табари, II, 1492, 1494, 1602—1603.

торый перевес. Но о его вторжении через некоторое время узнал каган тюрков. С большим войском он двинулся на помощь хутталянам. Асад ибн Абдаллах отступил. Он переправился через Пяндж в районе Соленой горы (сейчас ее называют Ходжа Му-мин). При этом арабы потеряли весь обоз. Войска тюрков и хутталянцев преследовали арабов и на левом берегу реки. У анти-арабской коалиции была полная возможность полностью разгромить деморализованные беспорядочным отступлением силы арабов и захватить Балх. Но вместо того, чтобы нанести концентрированный и немедленный удар по арабскому войску, союзники долго выжидали, захватывали второстепенные пункты, рассеивали свои отряды по всей стране. И когда произошло сражение при Харистане между отрядом союзников и отрядом Асада, арабам не только удалось уйти от поражения, но и разгромить кагана и хутталянцев. Во главе Хутталяна в качестве его правителя того времени называется Бадр-Тархан⁵². Попав в окружение, Бадр-Тархан и его воины сражались против арабов, но в конце концов хутталянцы вынуждены были пойти на переговоры. Бадр-Тархану была обещана неприкосновенность, но это было обманом: как и в случае с Деваштичем, клятва была нарушена, и Бадр-Тархан зверски убит. Лишь после этого арабы захватили Хутталян.

Один из потомков хутталянских правителей был вынужден переправиться в Фергану. Преследуемый арабами, он бежал отсюда в Уструшану. Он и его спутники захватили с собой множество идолов и установили их в Уструшане⁵³.

Во главе Уструшаны, как указывалось, стоял афшин. Опираясь на поддержку мелких владельцев-дихканов и особенно на сочувствие и активную борьбу свободолюбивых земледельцев-общинников, уструшанские афшины не допускали арабских захватчиков в свои земли вплоть до конца VIII в.⁵⁴

В 728 и в 736—737 гг. против арабских завоевателей поднялось население Тохаристана и Согда, поддержанное войсками тюркского кагана. Положение арабов, особенно в 737 г., было критическим.

Подробности этих восстаний таковы. При халифе Хишаме (724—743 гг.) большинство населения Согда внешне приняло ислам и не платило подушной подати (джизьи). Казна халифата в это время сильно оскудела, и с целью ее пополнения халиф отдал приказ, чтобы все принявшие ислам уплатили дополнительный налог. Возмущенное население обратилось в центр халифата с посланием, в котором указывалось, что введение дополнительного налога незаконно, так как противоречит обещанию об освобождении верующих от уплаты джизьи. Как и следовало ожидать,

⁵² О нем см.: Смирнова О. И., 1969, стр. 217—220.

⁵³ Табари, II, 1694. Подробное освещение борьбы Хутталяна против арабов см.: Беленицкий А. М., 1950 а, стр. 113—120.

⁵⁴ Негматов Н. И., 1954.

требование об отмене налога Хишамом было отвергнуто. Тогда согдийцы отреклись от ислама и вновь вернулись к своей древней вере. Они призвали на помощь тюрок и восстали против власти халифата. Восстание приняло широкие размеры, вся территория Мавераннахра, кроме Самарканда и Дабусии, перешла в руки восставших.

Сложность положения в Хорасане и Мавераннахре вынудила халифа в короткий срок сменить здесь нескольких наместников. Наконец, в 738 г. наместником Хорасана и Мавераннахра стал Наср ибн Сайяр. В течение длительного времени он занимался государственными делами в Хорасане. В 738—739 гг. новый наместник совершил три похода в Мавераннахр (в Самарканд, Чач и Фараб) для подавления восстаний местного населения. Наср ибн Сайяр постарался установить близкие отношения с местной знатью, с тем чтобы с ее помощью держать страну в повиновении. Он вступил в родственные связи с аристократами Мавераннахра, женившись на дочери бухар-худата.

Несмотря на все это, борьба народа против захватчиков продолжалась. Средняя Азия считалась одной из самых ненадежных окраин халифата.

Последствия включения Средней Азии в Арабский халифат

При оценке исторического значения арабского завоевания Средней Азии не следует впадать в крайности, которые можно встретить, часто в завуалированной форме, в некоторых исследованиях.

При анализе такого сложного явления, каким было арабское завоевание Средней Азии, необходимо прежде всего строго придерживаться классовых позиций, учитывать необыкновенно пестрый, разнообразный классовый и племенной состав феодального общества⁵⁵.

Нет сомнения в том, что сасанидская администрация и местная светская и духовная знать тяжело угнетали в Иране и Средней Азии крестьян и ремесленников; поэтому народ в массе первоначально отказывался поддерживать правительство в его борьбе против арабов. Лозунги арабских правителей о равноправии и освобождении ошибочно воспринимались иногда народом как воскрешение традиций маздакитского движения. Все это способствовало победоносному шествию арабов по территории Ирана и Хорасана в первый период завоевания.

Вместе с тем арабское завоевание Средней Азии было прежде всего завоевательной войной в интересах арабской правящей вер-

⁵⁵ Гафуров Б. Г., 1963 а.

хушки, несшей завоеванному населению разорение и насилие, потерю земель и домов, перспективу двойного гнета.

Местные правители, покончив с зависимостью от сасанидского Ирана, особенно во второй половине VII в., попали под власть еще более жестокой арабской администрации. Завоеватели осуществляли политику грабежа и угнетения. Вследствие этого, особенно на последующем этапе завоевания, во многих пунктах население Средней Азии выступало против захватчиков и стойко оказывало им вооруженное сопротивление.

Необходимо также учитывать, что обстановка менялась в зависимости от места и времени. Первоначальные попытки «задобрить» арабов, откупиться от них данью сменялись вооруженным сопротивлением. Натиск арабов нарастал, менялась политика феодализовавшейся верхушки халифата, становившаяся по мере укрепления этого огромного и растущего государства все более жестокой по отношению к завоеванным народам. И тогда сравнительно мирно занятые арабами районы восставали и оказывали им стойкое сопротивление, рассчитывая зачастую на помощь восточных союзников, в частности тюрок. Такова была в общих чертах историческая обстановка в Средней Азии VII—VIII вв.

Очень сложными и противоречивыми были этногенетические, языковые и культурные процессы на территориях, вошедших в состав халифата. На Ближнем Востоке и в Северной Африке значительные этнические массивы «арабизируются». Но и в тех областях, где население сохраняло родной язык, произошла исламизация, а вместе с тем распространился арабский язык, который считался священным: лишь тот, кто его знал, мог читать Коран и богословскую литературу. Так же как латинский язык в средневековой Западной Европе, арабский язык на территории халифата становится почти универсальным научным языком (лишь позже вновь развивается научная литература на местных языках). Культура народов халифата, или, как ее иногда не вполне точно называют, мусульманская культура (и уж совсем неверно — арабская культура), — результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе среднеазиатских. Наличие единого религиозного мировоззрения (ислам) и общий (во всяком случае на начальных этапах) язык, тесное и непрерывное общение обусловили многие специфические черты этой культуры. Однако подчеркнем еще раз: каждый из входивших в халифат народов имел значительное культурное своеобразие, самобытность, определявшуюся его собственными культурными традициями и социально-экономическими факторами, которые, особенно с конца IX—X вв., приводят к постепенной культурной дезинтеграции.

Культура народов халифата IX—XII вв. была несравненно выше синхронной европейской. Величайшей исторической заслугой народов, входивших в состав халифата, является «ретрансляция» для всего человечества многих античных традиций, особен-

но в области естественных наук и философии, творчески переработанных учеными халифата. Их труды и деятельность способствовали знакомству европейцев с достижениями народов Востока. Труды таких среднеазиатских ученых, как Фараби, Бируни, Ибн Сина и многих других, внесли колоссальный вклад в культуру и науку не только халифата, но и всего человечества. Медицинские сочинения и математические трактаты, астрономические таблицы и арабские переводы с различных языков проникали на Запад и столетиями являлись наиболее авторитетными руководствами. Значительная роль Востока и в развитии западноевропейских литератур; существует даже предположение, что рифма перешла в романскую поэзию из арабской⁵⁶.

Итак, с точки зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в халифат способствовало в конечном счете ускорению развития феодализма, консолидации среднеазиатских народностей, ослаблению раздробленности и созданию централизованного государства, на базе и по типу которого в дальнейшем сложились местные среднеазиатские и иранские государства; кроме того, нанеся сперва значительный ущерб местной экономике и культуре, оно способствовало в дальнейшем широчайшему развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел величайший культурный синтез в Средней Азии и на Ближнем Востоке IX—XI вв.

4. РОЛЬ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В БОРЬБЕ МЕЖДУ ОМЕЙЯДАМИ И АББАСИДАМИ

Оппозиционные группировки в халифате

Враждебные настроения по отношению к власти халифата были сильны в Средней Азии и в других странах, подвластных халифату. Не только трудящиеся массы, но и местная земельная аристократия была недовольна режимом, установленным администрацией халифата. Местные аристократы были в значительной степени лишены политических прав, а поборы с крестьян в пользу халифа и арабской знати отражались на их доходах.

Недовольство политикой халифов из рода Омейядов охватило не только покоренные народы, но и арабское население халифата. Это было связано с происходившим тогда процессом классового расслоения среди арабских племен, распадом родовых связей, ростом имущественного неравенства.

Законность пребывания Омейядов у власти оспаривалась двумя основными группировками.

Первая группировка — хариджиты, состоявшая из представителей тех слоев, которые были недовольны засильем арабской знати, выступала против принципа наследования в халифате

⁵⁶ Массэ А., 1962; Мейс А., 1966; Фильштинский И. И., Шидфар Б. Я., 1971.

и выдвигала следующую формулу: «Нет халифа иначе, как по воле Аллаха и по воле народа». Хариджиты считали, что халиф, выбранный общиной, может быть и смещен общиной, если он плохо управляет; что внутри мусульманской общины должно царить полное равенство. Впоследствии это привлекло к хариджитам симпатии широких кругов обращенного в ислам населения неарабского происхождения, в частности крестьян. В VII — IX вв. хариджиты опирались на народные массы, выражали радикальные социально-политические взгляды.*

Вторая группировка — партия Али (шииты)⁵⁷ — первоначально выражала интересы верхушки некоторых старых мекканско-медицинских родов, признававших принцип наследования в халифате, но считавших законными наследниками пророка потомков Али — двоюродного брата и зятя Мухаммада (мужа его дочери Фатимы). Али и его младший сын Хусейн, убитые в междоусобной борьбе, оказались окруженными ореолом святых мучеников и стали знаменем борьбы против Омейядов. Впоследствии шиизм с его культом Али служил знаменем множества оппозиционных и сектантских течений в исламе. В частности, шиизм с самого начала его возникновения пользовался симпатиями среди верхушки покоренных халифатом народов, видевшей в нем средство к ослаблению иноземного ига⁵⁸.

Кроме того, начиная примерно с 718 г. против господства Омейядов вели энергичную тайную пропаганду потомки Аббаса — дяди Мухаммада с отцовской стороны. Аббасиды утверждали, что право на халифат принадлежит роду Хашима, т. е. роду, к которому принадлежал Мухаммад. Однако обычно они не заявляли конкретно, кто из этого рода должен быть халифом, и поэтому смогли объединиться с шиитами, которые полагали, что Аббасиды действуют в их интересах.

Общее недовольство политикой Омейядов особенно усилилось в 40-х годах VII в., в правление Марвана II (744—750 гг.). Оно было вызвано увеличением поземельного налога (хараджа), а также широким использованием принудительного труда местного населения при проведении затеянных этим халифом больших строительных работ.

Халиф Марван предпринял ряд мер для обеспечения безопасности власти Омейядов: в частности, переселив всех членов омейядского дома из Дамаска в г. Харран (новая столица халифата), приказал разрушить все крепости, кроме Антиохии, предназначенной служить центром обороны от Византии, и срыть все городские стены. Но ничто уже не могло остановить развивавшегося протеста. Всеобщее недовольство Омейядами зашло далеко, и

⁵⁷ «Ши'ат' Али» — араб. «партия Али».

⁵⁸ Петрушевский И. П., 1966, стр. 38—57.

впервые в истории халифата подняла мятеж придворная гвардия халифа.

Один из влиятельных Аббасидов, имам Ибрахим ибн Мухаммад, взял на себя руководство антиомейядской пропагандой и разослал множество эмиссаров-проповедников во все страны халифата. Особое внимание при этом было обращено на восточные провинции.

Аббасиды заявляли, что все бедствия, постигшие мусульман в течение столетия со дня появления ислама, произошли из-за омейядских халифатов. В случае свержения господства Омейядов они обещали народу уменьшить харадж и другие налоги, прекратить строительные работы, к которым насильно привлекалось крестьянство, предоставить местному населению политические права и допустить его к участию в государственных делах халифата.

Конечно, о подлинных интересах широких масс Аббасиды и их эмиссары беспокоились также мало, как и омейядские халифы. Эти обещания давали лишь в целях привлечения масс на свою сторону в династической борьбе с Омейядами.

В Мавераннахре и Хорасане Аббасиды в борьбе против Омейядов в большой мере опирались на местную земельную аристократию, которая надеялась в случае успеха аббасидского переворота получить доступ к управлению страной. Эмиссары Аббасидов появились в Хорасане еще в период правления халифа Хишама (724—743 гг.). В источниках сообщается, что в период наместничества Асада ибн Абдаллаха (735—738 гг.) в Хорасане нескольким уполномоченным Аббасидов отрубили руки и ноги. Упорно преследовал шиитов и сторонников аббасидов и другой наместник Хорасана — Наср ибн Сайяр (738—748 гг.)⁵⁹.

Во второй половине 40-х годов VIII в. руководство борьбой с Омейядами взял в свои руки приобретший впоследствии широкую известность инициатор аббасидского переворота Абу Муслим.

Движение Абу Муслима

Абу Муслим происходил из крестьян, а по некоторым сведениям, был в юности рабом. Вблизи самого крупного города Хорасана — Мерва Абу Муслим развернул энергичную тайную вербовку шиитов и других недовольных, действуя как «доверенное лицо семьи пророка». Это звание дали ему Аббасиды, в чьих интересах он вел пропаганду. Когда почва была подготовлена, 9 июля 747 г. Абу Муслим призвал народ к открытой борьбе, подняв черное знамя, — таков цвет, избранный Аббасидами.

⁵⁹ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 246—250.

Призыв Абу Муслима имел большой успех как среди арабов, так и среди народов, подвластных халифату.

Арабоязычный автор Динавери очень красочно описывает, как росла армия Абу Муслима: «Спешно двигались к Абу Муслиму люди из Герата, Бушенга, Мерверруда, Таликана, Мерва, Нисы, Абиверда, Туса, Нишапура, Серахса, Балха, Чаганиана, Тохаристана, Хутталаяна, Кеша, Несефа. Все сошлись на том, что красили в черный цвет свое платье. Красили они также половинки деревянных палиц... Приезжали эти люди на лошадях, ослах или пешком, погоняя своих ослов и покрикивая на них «Харро Марван!», называя ослов Марваном в насмешку над [халифом] Марваном ибн Мухаммадом, и было их числом 100 000 человек»⁶⁰. Под черные знамена поспешили и отряды йеменских арабов, восстание которых было незадолго перед этим подавлено. К войскам Абу Муслима присоединились и рабы, надеявшиеся на облегчение своего положения.

Наместник Хорасана Наср ибн Сайяр, на которого была возложена борьба с Абу Муслимом, тщетно пытался объединить против него арабов. Аристократия отдельных племен находилась в состоянии непрерывной борьбы за власть, которая разгорелась в это время с особой силой. Внутри арабских племен происходил интенсивный процесс классового расслоения, и многие из арабов, в особенности те, которые принадлежали к наименее обеспеченным слоям, шли под знаменем Абу Муслима.

В начале 748 г. Наср ибн Сайяр был вынужден уступить повстанцам столицу Хорасана г. Мерв и отойти к Нишапуру, где один из полководцев Абу Муслима, которому было поручено преследовать Насра, нанес ему жестокое поражение. Можно сказать, что это сражение решило судьбу Омейядов. Несмотря на то, что халиф Марван II, мобилизовав все имевшиеся в его распоряжении силы, разгромил повстанцев и публично казнил имама Ибрахима Аббасида, — все это не спасло Омейядов. Восставшие нанесли их войскам несколько сокрушительных ударов в Ираке и заняли крупнейший центр Омейядов — Дамаск.

Таким образом, те войска, которые Абу Муслим собрал в восточных провинциях халифата в основном из населения Средней Азии и из арабов, недовольных политикой Омейядов, разбили в 750 г. военные силы последнего представителя омейядской династии.

К власти пришли Аббасиды.

Но, как следовало ожидать, придя к власти, Аббасиды ничего не сделали для основной массы участников восстания. Обещания, данные ими народу, встали невыполненными. Не сдержал своих обещаний и Абу Муслим, назначенный на должность наместника Хорасана.

⁶⁰ Динавери, 1888, стр. 359—360.

Убедившись, что Аббасиды и Абу Муслим и не думают выполнять свои обещания, согдийцы подняли в Бухаре восстание, которое возглавил под шиитскими лозунгами Шарик ибн Шейх. Абу Муслим послал против восставших десяти тысячный отряд. Однако восстание приняло такие размеры, что его удалось подавить лишь с помощью бухархудата Кутейбы ибн Тахшады, бросившего против трудового населения Бухары отряд по численности отряду, который был прислан Абу Муслимом.

Важную роль сыграл Абу Муслим в борьбе с китайским императором, который, воспользовавшись внутренними войнами в халифате, решил установить свое господство в Средней Азии, но без какого-либо успеха: в 751 г. в ожесточенной битве на берегу р. Талас, вблизи нынешнего г. Джамбул, арабским войскам под руководством одного из полководцев Абу Муслима удалось разгромить войска китайского императора.

Несмотря на то, что Абу Муслим, борясь как с внешними врагами, так и с антиаббасидским движением внутри страны, был ревностным сторонником Аббасидов, последние не вполне доверяли ему, подозревая в претензиях на халифский престол. В 755 г. халиф Абу Джафар ал-Мансур (754—775 гг.) пригласил Абу Муслима к себе и вероломно убил его в своем дворце⁶¹.

Восстание Сумбада Мага и движение Муканны

При аббасидских халифах положение широких народных масс стало еще более тяжелым, чем при Омейядах. Рента имела преимущественно натуральную форму. С неполивных земель взималась половина урожая, с поливных — от четверти до одной трети. Иногда, пользуясь несовпадением мусульманского лунного календаря с сельскохозяйственным солнечным, налоги взимали дважды в один год. К этому присоединялись обмеры и вымогательства при сборе налогов.

В связи с усилением процесса развития феодальных отношений земля, номинально считавшаяся собственностью халифа, а фактически находившаяся в значительной части во владении местной земельной аристократии, дробилась на мелкие участки и раздавалась на основе издольной аренды мелким земледельцам. Прежние свободные общинники теряли свою независимость и становились издольщиками наряду с издольщиками-кадиверами, освобожденными рабами или рабами, посаженными на землю. Аббасидские халифы восприняли сасанидские традиции, а

⁶¹ Бургольд В. В., 1963 г. стр. 252—255; Якубовский А. Ю., 1954 г. стр. 19—26; Moscati S., 1949—1950; Spuler W., 1952, S. 34—50.

также их дворцовую роскошь. От них старались не отстать и местные аристократы.

Возводилось много построек — дворцов, крепостей и др. Все тяготы, связанные с этим строительством, несло крестьянство. Не лучшим было положение и городских ремесленников, которые подвергались полуфеодальной эксплуатации и были совершенно разорены огромными налогами и произволом чиновников; натуральные налоги тяжелым бременем ложились на кочевников-тюро.

Все это вызывало рост народного возмущения. Одним из наиболее крупных восстаний было восстание, возглавленное Сумбадом Магом. Сумбад считался близким последователем Абу Муслима. Восстав в 755 г. под лозунгом «Мы должны отомстить за кровь Абу Муслима», он сумел привлечь к себе большое количество сторонников из разных слоев населения. К нему присоединились и группы зороастрийцев и последователи маздакизма — хуррамиты⁶². Хуррамитами назывались также «люди сурхалем»⁶³. Восстание охватило большие районы, включая Хорасан и Табаристан. Аббасиды смогли подавить это восстание только с огромным трудом. Сумбад потерпел поражение. Сам он был казнен в Рее, а его жена и дети проданы в рабство. После поражения Сумбада продолжалась тайная деятельность его последователей — секты муслимийя, проповедовавшей, что Абу Муслим вернется, чтобы «справедливо править миром».

Не успели арабские войска подавить восстание Сумбада, как в окрестностях Герата вспыхнуло новое восстание, которым руководил некто Устад Сис. В этом восстании приняли участие тысячи людей.

Все более нараставшее возмущение трудящегося населения привело при халифе ал-Махди (775—785 гг.) к широкому народному движению против Аббасидов, охватившему в 70-х годах VIII в. весь Мавераннахр.

Руководителем восстания был Муканна⁶⁴ — ремесленник из района Мерва. Некоторые исторические источники⁶⁵ сообщают, что он был одним из военачальников Абу Муслима и участвовал в движении против омейядских халифов. Он был очень образованным человеком. Есть основания предполагать, что на него оказали сильное влияние идеи маздакизма. Узнав о проповеди Муканны, наместник захватил его и как важного государственного преступ-

⁶² Название происходит от имени жены Маздака Хуррамы, которая, как гласит предание, спаслась при разгроме маздакитов и продолжала проповедовать идеи маздакизма.

⁶³ Сурхалем — араб.-перс. термин, букв. «краснознаменщик».

⁶⁴ Муканна — араб. «закрытый покрывалом». Это прозвище было дано ему в связи с тем, что он якобы носил на лице зеленое покрывало. Действительное его имя было Хашим ибн Хаким.

⁶⁵ Подробные указания на них см.: *Айни С.*, 1944; 1966; *Якубовский А. Ю.*, 1948

ника отправил для суда в центр халифата — Багдад. Но Муканна бежал из багдадской темницы и добрался до Мерва. Собрав здесь своих сторонников, он в 776 г. разослал их по всем районам Средней Азии с призывом подняться на борьбу против иноземного гнета. Этот призыв имел особый успех в Несефе и Кеше — городах, населенных преимущественно согдийцами.

Чиновники халифа усиленно охотились за Муканной. Они поставили на берегу Амударьи многочисленный вооруженный отряд всадников, который должен был караулить днем и ночью, чтобы не пропустить Муканну из Мерва в Согд, где число его сторонников росло с каждым днем. Местные правители хорошо знали, что если Муканна проберется в Мавераннахр, их положение чрезвычайно усложнится. Несмотря на это, Муканне все же удалось переправиться с несколькими десятками своих сторонников на другой берег Амударьи и скрыться в Согде.

В это время, как сообщает Наршахи, «в Согде большинство селений перешло в веру Муканны, и из селений Бухары многие стали неверными и открыто проявляли неверие, и эта смута стала великой, и мусульмане подверглись тяжкому бедствию».

Говоря о движении Муканны, Наршахи открыто заявляет о своем враждебном отношении к вождю повстанцев. Такое отношение к Муканне характерно для всех феодальных историков.

Основная причина признания массами учения Муканны заключалась в том, что оно требовало уничтожения имущественного неравенства и было направлено против господства арабов. Движение Муканны скоро переросло в открытое восстание, на короткий срок охватившее весь Мавераннахр.

Штаб восставших был расположен в селении Наршах около Бухары. Бухарский правитель Хусейн ибн Муаз, собрав свои воинские силы, состоявшие в основном из арабов, соединил их с отрядами бухарской знати и двинулся на восставших. В 776 г. у стен Наршаха произошло ожесточенное сражение между арабскими войсками и повстанцами. Муканна был разбит, потеряв 700 человек убитыми. Но эта победа не могла коренным образом изменить положение. Вскоре повстанцы вновь овладели окрестностями Бухары.

Видя, что восстание разрастается, халиф ал-Махди спешно выехал из Багдада в Нишапур для принятия мер по усилению борьбы против движения Муканны и приказал хорасанскому эмиру немедленно выслать бухарскому правителю подкрепление.

Посланный из Хорасана со вспомогательным отрядом арабов Джабраил ибн Яхья долгое время безуспешно осаждал Наршах.

Своими непрерывными атаками повстанцы до того измотали войска Джабраила, что тот уже не мог продолжать военные действия без дополнительных сил. В это время из Балха пошло семитысячное войско халифа, но военачальники, видя

успехи повстанцев, даже не попытались вступить с ними в бой. Наконец, подошли резервы эмира Хорасана, которые должны были почти вдвое увеличить численность отряда, посланного халифом в Мавераннахр. Но и это не помогло — арабские войска были разбиты повстанцами еще на пути к Мавераннахру. Положение Джабраила ибн Яхьи оказалось критическим. Коммуникации между Балхом и Мервом были перерезаны. Джабраил стянул к Наршаху, где были сосредоточены основные силы восставших, все бывшие в его расположении войска и военную технику. Четыре месяца арабские войска безуспешно осаждали Наршах. Утомленные непрерывными стычками, обе стороны начали переговоры о мире.

При заключении мира арабские военачальники вероломно убили одного из руководителей восстания, надеясь таким образом обезглавить движение. Но это убийство лишь во много раз увеличило сопротивление восставших.

В арабских источниках имеются сведения, что в конце концов повстанцы были разбиты в Наршахе, но восстание тем временем охватило новые районы Средней Азии. Начался второй этап борьбы.

Если на первом этапе движение Муканны пользовалось поддержкой некоторой части согдийской аристократии, то на втором этапе эта напуганная размахом движения аристократия целиком перешла на сторону халифата. Широкие же слои согдийского крестьянства продолжали все в большем числе примыкать к движению.

«Люди в белых одеждах» (сторонники Муканны) становились хозяевами Мавераннахра, а «сад повелителя правоверных», как называли Мавераннахр и Хорасан, превращался в независимый от Арабского халифата край.

Халиф ал-Махди сменил наместника Хорасана, обвинив его в неспособности справиться с восстанием, и назначил на его место Муаза ибн Муслима. Муаз, собрав в районе между Бухарой и Мервом огромное войско, направился на помощь арабским отрядам, находившимся в чрезвычайно тяжелом положении под Самаркандом, захваченным повстанцами. Но и поход Муаза, несмотря на значительную поддержку его местной знатью, окончился провалом. Восставшие встретили войска Муаза на равнине около Пайкенда и нанесли им ряд сокрушительных ударов, в результате чего Муаз не смог продолжить поход на Самарканд и повернул в сторону Бухары.

Лишь в следующем году войскам халифа удалось овладеть Самаркандом. Начался третий — последний — этап борьбы.

Основные силы повстанцев были сосредоточены в горной крепости Санам, вблизи Кеша. Муаз осадил эту крепость, но вскоре снял осаду. Арабские историки утверждают, что его вынуди-

ли к этому зимние холода. Однако причиной, видимо, послужило поражение, которое Муаз потерпел от отрядов Муканны. Последовавшее в скором времени снятие Муаза с поста наместника Хорасана и назначение халифом другого наместника подтверждают его предложение.

Муаз ибн Муслим, как говорит Наршахи, целых два года боролся против Муканны. Новый хорасанский наместник Мусайяб ибн Зухайр также потратил много лет на кровопролитную борьбу с ним. Лишь используя свои огромные преимущества как в отношении военного снаряжения, так и в отношении численности войск, он после долгой и упорной борьбы смог сломить сопротивление народных масс, руководимых Муканной. В 780 г. арабскими войсками была захвачена крепость, в которой находился Муканна. Все защитники крепости были казнены. Сам Муканна, не желая сдаваться, покончил с собой. Но и после его гибели отдельные вспышки восстания «людей в белых одеждах» в течение ряда лет давали о себе знать в разных пунктах Средней Азии.

В годы, когда население Мавераннахра вело освободительную борьбу, Арабский халифат считался одним из наиболее мощных государств того времени. Борьба, которую в продолжение многих лет вели народные массы под знаменем Муканны, является еще одним ярким примером храбрости и свободолюбия народов Средней Азии.

Длительность этой борьбы, ее организованность свидетельствуют о военном и политическом таланте Муканны, воодушевлявшего народ на бой с чужеземными и местными угнетателями.

В заключение необходимо отметить, что народные восстания при Аббасидах существенно отличались от восстаний периода правления Омейядов. Восстания при Омейядах были направлены в основном против господства иноземных завоевателей и ими обычно руководила местная знать. При Аббасидах народ восстает не только против правящей династии, но и против поддерживавших их местных аристократов.

Движение Муканны было движением трудовых слоев населения, прежде всего крестьян, направленным против все более развивавшегося феодального закабаления. Вот почему восстание Муканны имеет огромное значение в истории народов Средней Азии. Несмотря на поражение, народные восстания развивали классовое самосознание трудящихся, воспитывали дух возмущения и свободомыслия у народных масс и несколько обуздывали эксплуататорские стремления начинавших входить в силу феодалов.

**ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА
И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.
ГОСУДАРСТВА ТАХИРИДОВ,
САФФАРИДОВ И САМАНИДОВ (IX—X ВВ.)**

I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ IX—X ВВ.

Усиление местной феодальной аристократии

Непрерывные восстания народов Мавераннахра против арабского владычества, начавшиеся в период завоевания халифатом Средней Азии, не прекратились и после подавления восстания Муканны.

Крупное восстание вспыхнуло в 806 г. под руководством Рафи ибн Лейса. Наместник халифа в Самарканде был убит, и город некоторое время оставался в руках восставших. Наиболее активное участие в восстании принимало оседлое население Ферганы, Ходжента, Бухары, Усрушаны, Хорезма, Чаганиана и Хутталаяна. На помощь восставшим пришли также и кочевники-тюрки.

Это широкое народное восстание было подавлено лишь в 810 г., когда его руководитель Рафи ибн Лейс в критический момент борьбы перешел на сторону врага.

В последующие годы то в Согде, то в Усрушане и Фергане вспыхивали новые восстания¹. Они свидетельствовали, что наместники халифа не могли держать Мавераннахр и Хорасан в повиновении одной только силой оружия. Управление этой страной становилось возможным для них только тогда, когда наместники в более широких масштабах привлекали к управлению местную аристократию. Таким путем Аббасиды хотели парализовать ее стремление к независимости и в то же время опереться на нее в борьбе с народными восстаниями. Именно поэтому начиная со времени правления халифа Мансура (754—775 гг.) и при его преемниках — халифах Махди (775—785 гг.) и Харуне ар-Рашиде (786—809 гг.) различными областями Мавераннахра в

¹ Кадырова Т., 1965, стр. 138—147.

основном управляли везиры из местной феодальной знати, главным образом из семейств Бармакидов и Саманидов. Однако это не привело к усилению власти халифата в Средней Азии, а, наоборот, дало толчок для развития условий, способствовавших освобождению Средней Азии от арабского владычества.

В это время в Иране и Средней Азии получило большое распространение шуубитское (антиарабское, иранофильское) движение². С середины IX в. шуубизм становится идеологической основой антихалифатских народных движений (он был распространен преимущественно в деревенской среде). Шуубизм имел и некоторое распространение среди образованных кругов местного населения, которые всячески подчеркивали свое культурное превосходство над арабами. В то же время среди почуубствовавшей силу местной аристократии день ото дня росло стремление захватить власть в свои руки и не зависеть от Арабского халифата.

Опасаясь все усиливавшегося экономического и политического влияния неарабской аристократии в лице Бармакидов, Харун ар-Рашид приказал убить всех представителей семейства Бармакидов³.

Харун ар-Рашид чрезвычайно усилил роль мусульманского духовенства в стремлении найти в нем опору. Он раздал духовенству большое количество земель. Одновременно продолжалась политика привлечения местной знати на сторону халифата. Уничтожение семейства Бармакидов, которые в продолжение 50 лет пользовались огромным влиянием как при дворе халифа, так и среди местных жителей, не изменило, однако, политики халифата в отношении управления восточными областями. Эти области по-прежнему управлялись с помощью представителей местной землевладельческой аристократии. Роль этой аристократии особенно возросла с 821 г., т. е. с прихода к власти в Хорасане и Мавераннахре местных династий — сначала Тахиридов, а затем Саманидов.

Тахириды (821 — 873 гг.)

Предки Тахиридов владели г. Бушенгом в Гератской области. Основателем этой династии был Тахир ибн Хусейн — владетель Бушенга. Когда Мамун, ставший впоследствии халифом, был наместником Хорасана, Тахир приобрел большой авторитет при его дворе. В 811 г. в войне двух братьев, наследников Харуна ар-Рашида — Амина и Мамуна, — за власть в халифате Тахир руководствовал войсками Мамуна. В 813 г. он взял Багдад и

² Петрушевский И. П., 1966, стр. 248—250.

³ Barthold W., 1913; Бартольд В. В., 1966 в; см. также: Bouvat L., 1912; Sourdel D. 1959, I, p. 127—182.

энергично способствовал возведению Мамуна на халифский престол. Потом в течение некоторого времени он является начальником всех военных сил халифа, а в 821 г. был назначен наместником Хорасана⁴.

Тахир правил Хорасаном и областями Средней Азии как независимый правитель. В 822 г. он даже отдал приказ не упоминать имени халифа в пятничной хутбе⁵, что было равносильно разрыву с Багдадом. Через короткое время после этого Тахир умер. Как полагают, он был отравлен агентами халифа.

Несмотря на совершенно очевидные сепаратистские тенденции Тахира, халиф Мамун утвердил наместником Хорасана его сына Талху (822—828 гг.). Другой сын Тахира — Абдаллах (830—844 гг.), не считая себя подчиненным халифату, управлял Хорасаном совершенно самостоятельно. При нем резиденцией Тахиридов стал Нишапур. Халиф Мутасим (833—842 гг.) ненавидел Абдаллаха, но не имел возможности привести его к повиновению. Не удалась также попытка отравить Абдаллаха.

Тахириды приняли решительные меры к организации твердой власти и к упорядочению сельского хозяйства. Они провели мероприятия по улучшению водопользования и построили новые каналы. По заданию Абдаллаха крупнейшие законоведы страны разработали нормы использования воды для орошения. Написанное и представленное ими сочинение на тему служило в течение двух столетий руководством при разрешении споров в области водопользования.

Сохранилось письмо Тахира ибн Хусейна к Абдаллаху⁶. Здесь в назидательной форме трактуются вопросы управления государством, отношения к подданным, принципы налогообложения и пр. Тахир советует сыну облагать подданных налогами по справедливости, не освобождая от них ни богатых, ни близких ему лиц. Истинная подоплека этой «заботы» ясно выражена в письме: «Помни, что богатство не приносит прибыли, когда оно умножается и копится в казне, а, напротив, растет, прибавляется тогда, когда тратится на нужды подданных, на уплату им должного и на освобождение их от забот; вот этим достигается благоденствие народных масс, это служит украшением для правителей, этим достигается процветание эпохи, этим обретается слава и могущество... Вместе с тем ты, благодаря этому, получишь большую возможность собирать подлежащую сбору земельную подать..., умножится взимаемый тобой поземельный налог и возрастет твое богатство, а тем самым ты получишь силы для того, чтобы привязать к себе войско и удовлетворить народные массы, изливая

⁴ Политические события при Тахиридах и Саффаридах подробно см.: Бартольд В. В., 1963 г., стр. 265; см. также: Spuler B., 1952, S. 59 и сл.

⁵ Хутба — молитва в честь правящего царя.

⁶ Шмидт А. Э., 1925, стр. 127—137.

на них свои дары»⁷. Тахир выступает здесь как выразитель интересов своего класса, понимающий, однако, что безудержная эксплуатация народа невыгодна, она разорит народ и подорвет его платежеспособность. Именно с точки зрения интересов своего класса он призывает к «разумной» эксплуатации. И Абдаллах в какой-то степени претворил на практике заветы отца.

Абдаллах пытался по возможности ограничить произвол, который царил на местах по отношению к крестьянам со стороны крупных землевладельцев и государственных чиновников. Он издал специальное распоряжение, которое несколько упорядочило положение крестьян. «Бог кормит нас их руками, — говорится в приказе Абдаллаха, — приветствует нас их устами и запрещает обижать их». Разумеется, Абдаллах не был человеком, защищавшим интересы крестьянства; он принимал во внимание лишь интересы крупных землевладельцев и купцов. Он требовал «не обижать» крестьян, ибо без этого невозможно было нормальное поступление налогов в казну государства.

Положение населения, и особенно крестьянства, оставалось и при Тахиридах очень тяжелым. Крестьяне подвергались усиленной эксплуатации со стороны крупных землевладельцев и одновременно были обязаны платить государству большие налоги. Об этом можно судить хотя бы по тому, что взысканная в 844 г. сумма налогов была крайне велика — 48 млн. дирхемов. Крестьянские восстания в Систане почти не прекращались.

Тахириды усиленно насаждали ислам, стремясь в мусульманском духовенстве найти опору своей централизаторской политике. При Талхе Тахириде ислам был внедрен и в Уструшане, где дольше всего держался зороастризм. Абдаллах содействовал организации в 840 г. процесса над бывшим афшином Уструшаны Хайдаром, который после принятия ислама стал одним из наиболее видных военачальников халифа Мутасима. На суде афшину Хайдару было предъявлено обвинение в том, что он принял ислам, чтобы скрыть свои замыслы а на деле готовил переворот в Уструшане для восстановления ее независимости и древней религии. В процессе суда выяснилось, что Уструшанцы приняли ислам лишь формально, а на самом деле продолжали исповедовать местную религию.

Государство нуждалось в большом числе грамотных чиновников, и Абдаллах заботился о том, чтобы сделать образование доступным более широким группам населения, чем прежде. Подобно своему отцу он был поэтом. Его племянник Мансур, управлявший

⁷ Там же, стр. 132—135.

⁸ Об этом важном процессе см.: *Баргольд В. В.*, 1963 б, стр. 269; *Sadighi G. H.*, 1938, p. 287—305; *Herfeld E.*, 1948, S. 138—152; *Wright E. M.*, 1948, p. 124—131; *Spuler B.*, 1952, S. 62—67; *Негмаров Н.*, 1957, стр. 140—150. Важные соображения по некоторым вопросам, связанным с этим процессом, см.: *Henning W. B.*, 1965 а.

Мервом, Амудем и Хорезмом, был известен своими философскими сочинениями. Сын Абдаллаха Тахир II (844—862 гг.) стремился во всем подражать отцу. Вообще время Абдаллаха и Тахира II было началом возрождения местной культуры⁹. Однако процесс этот был сложным и противоречивым. Дело в том, что сами представители тахиридской династии, особенно Абдаллах ибн Тахир, настойчиво подчеркивали свою приверженность арабской культуре и ее проявлениям¹⁰. В IX — начале X в. в Иране процветали зороастрийские общины, и именно в это время оформляются такие важные зороастрийские сочинения, как «Бундахишн» и «Денкарт», а также многие нерелигиозные сочинения¹¹. Все это не могли игнорировать Тахириды, тем более что в политическом отношении их основным противником являлся Аббасидский халифат, а опирались Тахириды на области, большинство населения которых было ираноязычным. Именно поэтому Тахириды разрешали поэтам, особенно с шуубитскими симпатиями, прославлять их, сравнивая с царями и героями домусульманского Ирана. При дворе Тахиридов, наряду с арабским, был распространен и язык фарси. В Мерве существовала библиотека, где хранились книги на среднеперсидском языке¹².

Следует признать, что большую роль в подъеме именно местной культуры сыграли не Тахириды, а пришедшие им на смену Саффариды.

Саффариды (873 — 903 гг.)

В IX — X вв., как и в предшествовавшую эпоху, одной из задач государственной власти в земледельческих оазисах Средней Азии была организация защиты от набегов кочевников. С этой целью в описываемый период создавались специальные отряды вооруженных добровольцев, которых называли газнями — борцами за веру. В ряды газнев вступали большей частью разорившиеся земледельцы и ремесленники. Эти люди, избравшие своей профессией войну, посылались туда, где происходили стычки с «неверными».

Местные правители использовали отряды газнев на службе в укреплениях на границе земледельческих оазисов с кочевой степью. Газни, по отзыву арабского географа Макдиси, составляли «опору и в то же время предмет беспокойства» для местных властей: с одной стороны, они давали отпор набегам кочевников

⁹ Spuler W., 1952, S. 68—69, 231—235.

¹⁰ Bosworth S. E., 1969 a.

¹¹ Петрушевский И. П., 1960, стр. 36—37; Frye R. N., 1963, p. 238—241.

¹² Bosworth S. E., 1969 b.

и охраняли земледельческие оазисы от нападения врагов, с другой, — часто являлись активными участниками народных движений против местной знати.

В конце IX в. вооруженные отряды газиев стали ядром большого народного движения на границе Средней Азии и Ирана. Это движение использовали братья Якуб ибн Лейс и Амр ибн Лейс¹³. Они вначале организовали разбойничью шайку, которая в скором времени присоединилась к отряду газиев в Систане. Храбрость и воинские способности Якуба позволили ему взять в свои руки командование отрядом. Отряд принял активное участие в политической жизни области и, используя народные восстания в земледельческих оазисах, в 861 г. прогнал тахиридского правителя и захватил центр Систана — г. Зерендж.

Якуб стал правителем области и в продолжение десяти лет захватил ряд восточных областей халифата, которыми до этого управлял последний представитель династии Тахиридов — Мухаммад ибн Тахир (862—873 г.г.¹⁴). В 873 г. Якуб разбил войска Тахиридов и захватил столицу Хорасана — г. Нишапур. Власть Тахиридов в Средней Азии и в восточных областях нынешнего Ирана была свергнута.

Хотя багдадское правительство, чрезвычайно обеспокоенное успехами Якуба, и предприняло некоторые меры, чтобы пресечь дальнейшее распространение его влияния, однако они не дали никакого результата. В 874 г. халиф, признавая совершившийся факт, вынужден был поручить Якубу управление всем Хорасаном.

До конца жизни Якуб оставался неприхотливым воином, носил простую одежду из хлопчатобумажной ткани, не признавал ковров и паласов, сидел на земле, спал на старой полоне, положив под голову щит и свернутое знамя. В то же время ему были совершенно чужды идеи, которые питали народные движения Средней Азии.

В его армии царил строжайшая дисциплина. Он многого требовал от солдат и командиров, проявляя и сам удивительное бесстрашие. В одном бою ему ударом сабли так изуродовали лицо, что двадцать дней он мог питаться лишь через трубку, вставленную в рот. Выздоровев, он с прежней яростью участвовал в битвах.

Одним из составных частей его войска были ал-мутатаввиа

¹³ По некоторым сведениям, Якуб был медником (араб. — *саффир*). Отсюда название династии «Саффарида». Амр занимался плотничьим ремеслом. Детальное исследование см.: *Barthold W.*, 1906.

¹⁴ Мухаммад Тахирид был одним из крупнейших феодалов. Сохранились сведения, что его земли в Мазандеране приносили ему доход около миллиона дирхемов (при общем доходе Мазандерана 13 630 тыс. дирхемов) (см.: *Ибн Исфендияр*, т. I, 1320/1941, стр. 74).

(букв. «добровольцы»), которых с несколько презрительным оттенком называли айярами (одно из значений — «мошенники», «бандиты»). Это было отдельное сословие «борцов за веру», которое пополнялось безземельными и беглыми крестьянами. Айяры играли важную роль в политической жизни, в частности в Систане, где они наиболее активно противодействовали захватчикам. По-видимому, те из айяров, которые проявили особую отвагу в бою, переводились в более высокое по положению сословие сархангов. Наряду с айярами в войске были и азадаган («свободные») — сыновья дихканов и собственников земли, а также отряды гулям-рабов. Вначале в распоряжении Саффаридов было всего 2—3 тыс. войска, но уже в 874/75 г. в одно сражение Якуб мог двинуть в бой 15 тыс. конницы. Саффаридская армия располагала военными машинами; в сражениях принимали также участие боевые слоны. Во время боевого марша придавалось большое значение выдвигению боевого охранения и действиям лазутчиков. Воины каждые три месяца получали жалованье. Периодически, во время науруза, производился инспекторский смотр войска. Каждый воин, начиная с самого эмира демонстрировал специальному чиновнику своего коня, оружие и т. д., а затем получал деньги.¹⁵

Успехи Якуба ибн Лейса не улучшили тяжелого положения простых труженников, с помощью которых он достиг власти. Якуб опирался преимущественно на мелких и средних феодальных землевладельцев. В завоеванных им областях он оставил без какого-либо изменения существовавший там ранее режим и не уменьшил размер подати, тяжелым бременем ложившейся на земледельцев.

В 876 г. Якуб решил на захват власти в халифате и двинул войска на Багдад, но, не дойдя до него около 100 км, был разбит войсками халифа в местности Дар ал-Акул и отступил. Как показывают исторические источники, одной из причин поражения Якуба ибн Лейса был его отказ от помощи, предложенной ему Али ибн Мухаммадом Буркаи, вождем длившегося около 14 лет (869—883 гг.) восстания рабов-негров (зинджей) в Ираке. Якуб ибн Лейс не считал возможным вступить в союз с рабами, так как сам стоял за сохранение рабовладения. Через три года после неудачного похода на Багдад Якуб ибн Лейс, положивший начало династии Саффаридов, умер. Войска возвели на трон его брата Амра ибн Лейса.

Заняв место брата, Амр ибн Лейс (879—900 гг.) поспешил обратиться к халифу с выражением покорности, в результате чего

¹⁵ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 272—280; Bosworth C. E., 1968.

получил наместничество в Хорасане и некоторых восточных областях Ирана. Однако фактически Амр, как и Тахириды, был независим от халифата. По свидетельству источников, Амр был хорошим администратором и обладал военными талантами.

Судя по некоторым данным, Саффариды в значительной степени использовали шиитское сектантское движение, имевшее успех у крестьян и ремесленников (Якубу приписывается даже заявление: «Вместо каабы мы установим культ солнца»).

Образование государства Саманидов

Родоначальник Саманидов, Саман, был выходцем или из Балха, или из окрестностей Самарканда, или из Термеза¹⁶. Он принял ислам и пользовался покровительством хорасанского наместника. Его внуки — Нух, Ахмад, Яхья и Ильяс — находились на службе у самого халифа, и по его распоряжению хорасанский наместник назначил их правителями четырех областей: Нух получил Самарканд, Ахмад — Фергану, Яхья — Шаш и Уструшану, а Ильяс — Герат. Внешне это выглядело так, будто каждый из четырех братьев был жалованным владельцем своей области, непосредственно подчиненным хорасанскому наместнику. Однако все обстояло совсем иначе.

Нух — старший среди четырех братьев — занимал особое положение. Во внешних сношениях он выступал как глава семьи. Историки обращали на этот факт недостаточно внимания. Привлечение же нумизматических материалов показывает¹⁷, что еще в этот ранний период братья рассматривали себя не как отдельных владельцев, а как династию, во главе которой стоял Нух. Не случайно самые ранние медные саманидские монеты чеканены от его имени. Особенно существенна одна из них: выбитая в Бинкете, владении Яхьи, она несет имя не Яхьи, а Нуха. Поэтому убедительным кажется заключение, что с самого начала в умах внуков Самана созрела идея династического единства как одного из условий превращения семьи в сильную династию, способную сделать Среднюю Азию независимой от Арабского халифата и Тахиридов.

После смерти Нуха главой этой маленькой, еще окончательно не оформившейся династии стал его брат Ахмад. Отличавшийся энергией и способностями, Ахмад целенаправленно занялся «собираанием» земель своих братьев и утверждением своего династического приоритета. В частности, еще при жизни он сумел передать Самарканд своему сыну Насру, который и стал главой династии после смерти отца в 864 г. В 875 г. халиф признал его

¹⁷ Давидович Е. А., 1954, стр. 78—79

главой династии и прислал ему «диплом» на управление государством.

Положение Насра было нелегким. Его старшие родичи претендовали на отдельные владения, а иногда отказывали ему даже во внешних формах признания как главы династии. Борьба Насра с сепаратистскими устремлениями своих братьев не была ни достаточно настойчивой, ни достаточно успешной. Например, пока Шашем владел дядя Насра, Мухаммад ибн Нух, он признавал племянника главой династии и чеканил медные монеты от его имени, себя упоминая лишь как вассального правителя. Когда же Шаш достался брату Насра, Якубу, тот стал чеканить монеты от своего собственного имени. Ферганой управлял брат Насра, Асад; Наср и Асад были союзниками в борьбе против других братьев, тем не менее Асад чеканил в Ахсикете (столице Ферганы) монеты от своего имени, Насра не упоминал даже в качестве сюзерена, и тот с этим мирился. Но особенно сложно развивались отношения у Насра с другим его братом, Исмаилом. Исмаил лишь в 874 г. получил крупное владение — Бухару. До этого Бухара не принадлежала Саманидам. Когда жители этого города восстали против злоупотреблений бухарского наместника и изгнали его, знать города обратилась к Насру, и тот в качестве наместника назначил Исмаила¹⁸. Однако Исмаилу понадобились весь его ум, гибкость и коварство, чтобы по-настоящему упрочить свою власть в Бухаре.

Бухара в руках Исмаила была жалованным владением за службу. Анализ текста Наршахи позволил заключить¹⁹, что Исмаил большую часть доходов с Бухарской области должен был сдавать в казну Насра (около 700 тыс. дирхемов гитрифи) и лишь меньшую часть (500 тыс. дирхемов гитрифи) оставлять себе как вознаграждение за службу в качестве наместника. Упрочив свою власть в городе, Исмаил перестал считаться с Насром и присвоил себе все доходы этой богатой области.

Между братьями началась длительная борьба. До недавнего времени принято было считать, что это была политическая борьба за власть, но такой вывод не находит опоры в источниках. Подробное описание взаимоотношений братьев показывает, что это была в значительной степени борьба на экономической почве, что Исмаил хотел лишь закрепить за собой Бухару, но зато со всеми правами и привилегиями. Оба военных столкновения между братьями произошли из-за того, что Исмаил присвоил себе ту часть доходов с Бухары, которая причиталась казне Насра: одно (886 г.) окончилось временным смещением Исмаила с должности наместника Бухары, второе (888 г.) — победой Исмаила. Но Исмаил не отнял у Насра престол, ибо на этом этапе он не пре-

¹⁸ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 281.

¹⁹ Давидович Е. А., 1954, стр. 71—77.

Бронзовая гиря с именем
Исмаила Самани

тендовал на него. Он боролся за экономическую и политическую независимость Бухары, за превращение ее в свой удел и окончательно добился этого в 888 г. Лишь в 892 г., после смерти Насра, он стал главой государства, а Бухара — его удельное владение — новой столицей.

После ликвидации междоусобиц и усмирения мятежей перед Исмаилом стала еще одна задача: обеспечить внешнюю безопасность созданного им государства. А между тем внешнее положение страны было очень тревожным. Возраставшая с каждым днем мощь государства Исмаила Саманида возбуждала беспокойство в центре халифата, а непрекращавшиеся набеги со стороны соседних кочевых племен наносили тяжелые удары хозяйству земледельческих оазисов.

В борьбе с Исмаилом халиф использовал правителя Хорасана Амра ибн Лейса Саффарида. В 898 г. халиф пригласил в свой дворец паломников, прибывших из Средней Азии в Багдад, и в их присутствии зачитал рескрипт о низложении Исмаила и назначении правителем Мавераннахра Амра Саффарида. Этот рескрипт он послал затем Амру вместе с ценными подарками. Натравливая Амра на Исмаила, халиф желал тем самым ослабить их обоих в интересах укрепления власти халифата в Средней Азии.

Получив рескрипт, Амр выступил против Исмаила. Исмаил, как пишет Наршахи, вооружил «ремесленников и простолюдинов», с большими силами направился в Балх навстречу Амру и преградил ему путь.

Исмаил победил Амра ибн Лейса у стен Бухары в 900 г., так как его поддержали народные массы — простолюдины и ремесленники²⁰. Об этом свидетельствуют Табари²¹, Ибн Мискавейх²² и еще более определенно Наршахи, рассказывающий о том, как Исмаил выдал довольствие и оружие и аристократам, и простолюдинам, и ремесленникам-ткачам. Амр, недооценивавший грозную силу народного ополчения, был разгромлен²³. Утверждение Наршахи о вооружении Исмаилом простолюдинов и ткачей находит подтверждение в «Тарихи Систан»: «Исмаил ибн Ахмад в Мавераннахре велел глашатаям кричать: «Явился Амр, чтобы захватить Мавераннахр, убивать людей, грабить имущество и обратить в рабство детей и женщин!»». Поскольку это так и было, все ремесленники, которые были в Мавераннахре, стали на его сторону и отправились на войну с Амром со словами: «Лучше славная смерть, чем плен».

В 900 г. в результате искусно проведенного маневра Исмаилу удалось окружить войска Амра, разбить их и установить свою власть в Хорасане.

Успехи Исмаила в войне против кочевников были не менее значительными, чем его победа над Амром. Кочевники на долгое время отказались от набегов на земледельческие оазисы Мавераннахра. Чтобы обезопасить оазисы Бухары от вторжения кочевников, между земледельческими оазисами и кочевой степью еще до Исмаила была выстроена высокая стена протяженностью в несколько десятков километров. Ежегодный ремонт этой стены был возложен на население. Как утверждают историки X в., это была очень тяжелая повинность. Когда Исмаил разгромил кочевников, он освободил население Бухары и ее окрестностей от этой повинности. «Пока я жив, — я стена Бухары», — говорил он. Наршахи пишет, что Исмаил действительно сам участвовал в сражениях, не давая врагу возможности овладеть Бухарской областью.

Используя борьбу народных масс за независимость, Исмаил впервые после арабского завоевания объединил разрозненную в результате междоусобиц страну и создал сильное, независимое государство. Положив конец власти Саффаридов, Исмаил не только утвердил свою власть над Мавераннахром и Хорасаном, но и стал правителем ряда восточных и северных областей Ирана

²⁰ Гафуров Б. Г., 1958, стр. 53—54.

²¹ Табари, III, 2194.

²² Ибн Мискавейх, р. 10.

²³ Наршахи, тегеранское изд., стр. 105.

и обеспечил фактическую независимость созданного им государства от Арабского халифата.

Будучи крупным феодалом, Исмаил защищал интересы местной феодальной аристократии и купечества. Именно в их интересах он стремился упрочить внешнюю безопасность страны и упорядочить внутреннее управление. Эти меры, а также в первую очередь объединение Хорасана и Мавераннахра вокруг одного центра, обеспечение фактической независимости страны и урегулирование отношений с кочевниками создали необходимые предпосылки для развития сельского хозяйства, ремесла и торговли в Мавераннахре и Хорасане.

Государственное устройство и организация аппарата управления

Основатель Саманидского государства Исмаил Саманид прекрасно понимал, что обеспечить независимость Мавераннахра от Арабского халифата можно лишь путем создания твердой централизованной власти.

В этих целях он провел ряд мероприятий. Одним из них было введение стройной системы государственного управления²⁴. При Саманидах государственный аппарат делился на царский двор (дарга́х) и на диваны (военно-гражданские центральные управления)²⁵. В условиях феодальной жизни это деление соблюдалось не слишком строго: влиятельные придворные часто вмешивались в дела, входившие в компетенцию того или иного дивана.

Как отмечает Наршахи, при Насре II Саманиде (914—943 гг.) вокруг бухарского Регистана (площади, находившейся рядом с арком-цитаделью) было выстроено десять больших зданий для десяти диванов, функции которых состояли в следующем. *Диван везира* считался основным и контролировал все административные, политические и хозяйственные учреждения государства. Ему подчинялись руководители всех других диванов. На должность главы дивана, т. е. на должность везира, обычно назначался один из представителей трех семейств: Джейхани, Бадами или Утби.

Диван мустауфи — государственное казначейство²⁶.

²⁴ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 285 и сл.

²⁵ Система диванов существовала еще в сасанидском Иране. В Арабском халифате этот метод управления был введен лишь с приходом к власти Аббасидов, когда к государственным делам были привлечены представители местной земельной аристократии (Мец А., 1966, стр. 70—73; Spuler B., 1952, S. 337; Sourdel D., II, 1960, p. 589—605).

²⁶ В. В. Бартольд предполагал, что этот диван, вероятно, соответствовал «дивану хараджа» Аббасидов (Бартольд В. В., 1963 б, стр. 289). Вместе с тем есть данные, что «диван ал-харадж» был и у Саманидов (Bosworth C. E., 1963, p. 28)

Диван амид ал-мульк ведал всеми важными государственными бумагами, а также дипломатическими сношениями с другими государствами.

Диван сахиб аш-шурат имел в своем ведении гвардию Саманидов. Он наблюдал за выдачей продовольствия и жалованья войскам и за их содержанием²⁷.

Диван сахиб ал-барид (начальника почты) ведал доставкой казенной корреспонденции. Однако местные работники этого дивана занимались не только почтовыми делами, но также сообщали в центр секретные сведения о правителях и местных государственных чиновниках, об их поведении, выполняя функции чиновников «черных кабинетов». Диван начальника почты отличался от других тем, что его местные учреждения подчинялись не правителям области (хакимам), а непосредственно своему центральному управлению. Почта в то время служила лишь для государственных нужд и не была доступна населению.

Диван мухтасиба наблюдал за рынком, правильностью употреблявшихся весов и мер, продажей товаров крестьянами и ремесленниками. Он мог приостановить торговлю поддельными и недоброкачественными товарами, запретить продажу продуктов по высокой цене. Этот диван стал постепенно надзирать и за нравственностью населения, посещением мечетей и употреблением вина. Не было города, который не имел бы своего мухтасиба.

*Диван мушрифов*²⁸ контролировал государственные дела, особенно доходы и расходы казначейства.

Кроме этих диванов, были еще *диван государственных земель*, *диван судейский*, возглавлявший главным казием (судьей), и *диван вакуфный*. Ал-Хорезми упоминает, кроме того, диван военных дел, не названный в сочинении Наршаши²⁹. Местные учреждения всех перечисленных диванов, кроме дивана почты, имели двойное подчинение: с одной стороны, они подчинялись правителям областей, с другой — соответствующему центральному дивану.

Правители областей чаще всего назначались из числа членов династии и влиятельной феодальной знати, включая бывших местных владетелей. Наряду с этими правителями в каждом городе было по одному градоправителю — раису, на должность которого назначался кто-либо из среды местной городской знати.

²⁷ Не исключено, что важнейшие функции этого дивана были полицейские (Spuler B., 1952, S. 335—336; Bosworth C. E., 1963, p. 29).

²⁸ От араб. *шираф* («наблюдение с высокого места»). Поэтому иногда высказывается мнение, что этот диван занимался внутренним шпионажем (Bosworth C. E., 1963, p. 29).

²⁹ Bosworth C. E., 1963, p. 29, 270. Отсутствие дивана военных дел в списке Наршахи может объясняться тем, что он не имел постоянного местопребывания, а передвигался с главными силами армии.

В X в. при Саманидах большую роль играло мусульманское духовенство. В Мавераннахре был в основном распространен так называемый ханифитский толк ислама. Глава духовенства — уstad (впоследствии — шейх ал-ислам) имел большое значение в государстве Саманидов.

Однако стройная система государственного управления отнюдь не свидетельствует о том, что государство Саманидов можно считать строго централизованным.

В течение всего периода правления Саманидов не прекращалась борьба центральной власти с центробежными тенденциями отдельных феодальных владетелей. Ни Исмаил Саманид, ни его преемники, несмотря на ожесточенную борьбу, которую они вели за укрепление централизованной власти, не смогли распространить ее на многие местности и окраины Средней Азии. Хорезм, Чаганиан, Хутталян и др. входили в состав государства Саманидов лишь номинально, фактически же правители этих областей управляли ими самостоятельно. В Хутталяне, например, на протяжении почти двух столетий (IX—X вв.) правили представители местной династии Баниджуридов³⁰, причем им принадлежали все доходы этой богатой области, Саманидам же они посылали лишь подарки. Таким образом, стремясь прекратить сопротивление местных феодалов и привлечь их на свою сторону путем назначения правителями областей, Саманиды в большинстве случаев терпели крах.

Институт феодальных земельных пожалований, весьма развитый при Саманидах, буквально «взрывал» государство изнутри, так что даже его основная территория оказывалась до известной степени расчлененной. Члены династии и крупные сановники, владевшие на основе пожалования областями и городами, стремились к полной самостоятельности и часто добивались весьма независимого от центральной власти положения.

Практика назначения правителями областей видных начальников гвардии саманидского двора, применявшаяся первое время для подавления сопротивления местных феодалов и народных восстаний, также не дала ожидаемых результатов. Тюркские военачальники, пользуясь недовольством местных феодалов и внутренней классовой борьбой, сами восставали иногда против центральной власти и объявляли свои области независимыми.

³⁰ Подробнее см.: *Fasmer R.*, 1925; *Беленицкий А. М.*, 1950 а, стр. 124—126.

**Феодалные междоусобицы
и ослабление государства Саманидов.
Караханидское завоевание.**

После смерти Исмаила (907 г.), в начале царствования Ахмада ибн Исмаила (907—914 гг.), в нескольких областях вспыхнули мятежи. Восстали правители Самарканда, Рея, Систана. Через некоторое время после подавления этих мятежей началось народное восстание в Систане, возникшее в результате увеличения налогов и резкого ухудшения положения крестьян. Подавить это восстание Саманидам удалось с большим трудом.

Ахмад ибн Исмаил вызвал враждебное к себе отношение тюркской гвардии и был убит на охоте своими рабами. При его сыне Насре II (914—943 гг.) управление государством взял на себя везир Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад Джейхани.

Джейхани был одним из наиболее просвещенных людей того времени. За период своего пребывания везиром он, как отмечает Гардизи, привел в порядок управление страной. Однако междоусобицы продолжались. Так, по свидетельству арабского автора Ибн ал-Асира, в конце 914— начале 915 г. в Самарканде поднял восстание родственник Насра II Исхак ибн Ахмад. Через некоторое время сначала в Герате, потом в Нишапуре начинается так называемое карматское (исмаилитское) движение, возглавляемое крупным военачальником Хусейном ибн Али Мервези³¹. Разгромивший военные силы Хусейна Мервези и пленивший его крупный землевладелец Ахмад ибн Сахл вскоре сам восстал против Саманидов, и лишь через год этот мятеж был подавлен.

После смерти Хусейна Мервези руководство карматским движением в Мавераннахре перешло к Мухаммаду ибн Ахмаду

³¹ Хусейн ибн Али Мервези был связан с халифатом Фатимидов, во главе которого стояли исмаилиты, однако исторические источники называют его обычно карматом. Противоречивое применение терминов «исмаилит» и «кармат» в источниках объясняется следующими причинами. Во время войны зинджей и карматского восстания в конце IX в. образовались два враждебных Аббасидскому халифату государства: карматское в Бахрейне и Фатимидский (по имени Фатимы, дочери Мухаммада, от которой Фатимиды вели свой род) халифат в Магрибе, впоследствии завоевавший Египет. Общественное устройство и идеология этих двух государств были различны, в частности в вопросе о власти и пр. Карматы во время восстания и позднее, когда они в 930 г., совершив набег из Бахрейна, захватили Мекку и увезли ее главную святыню — «черный камень», заслужили на всем Востоке славу самых смелых и воинственных еретиков. В X—XI вв., когда Фатимиды и карматское государство вели одновременно борьбу против Аббасидского халифата, ортодоксальные мусульманские источники называли часто исмаилитских проповедников, посланцев Египта, карматами. В это слово вкладывалось тогда и общее значение «еретик», «борющийся» против ортодоксального суннитского ислама, а также значение «шинит», «рафизит», поскольку исмаилиты причисляли себя к сторонникам Али и его потомков, а карматы придерживались мнений, сходных по форме с шиитскими (подробнее см.: *Заходер Б. Н.*, 1940; *Бертельс .Е.*, 1959, стр. 52 и сл.; *Петрушевский И. П.*, 1966, стр. 280 и сл.).

Нахшаби. Нахшаби добился больших успехов: склонил к принятию карматства многих крупных сановников саманидского правительства, среди которых были главный хаджиб, личный секретарь саманидского эмира, глава дивана мустауфи и правитель Илака. Через посредство этих людей Нахшаби сумел проникнуть ко двору Насра II Саманида.

В конце правления Насра II карматское движение значительно усилилось. Сам Наср II примкнул к карматскому учению и по просьбе Нахшаби дал согласие уплатить египетскому халифу 119 тыс. динаров в качестве виры (возмездия) за погибшего в бухарской тюрьме Хусейна ибн Али Мервези, который был тайным эмиссаром Фатимидов.

Все это вызвало серьезное недовольство мусульманского духовенства. Вместе с представителями тюркской дворцовой гвардии духовенство организовало заговор против Насра II. Для осуществления заговора предполагалось устроить ночной пир военачальников в честь предстоящего похода саманидского эмира против кочевников и на этом пиру убить Насра II и перебить всех последователей карматства.

Однако о готовящемся покушении узнал сын Насра II Нух. По его требованию Наср II обманом позвал к себе главаря заговорщиков и казнил его, а потом вместе с Нухом явился на устроенный военачальниками пир. В разгар празднества Наср II объявил, что знает о заговоре, и приказал бросить к ногам пирующих военачальников голову казненного главаря. Тут же он заявил об отречении от престола в пользу своего сына Нуха, которого никто не мог обвинить в симпатиях к карматству.

По утверждению исторических хроник, после своего официального восшествия на престол Нух ибн Наср пригласил к себе Нахшаби и приказал ему выступить на диспуте с мусульманскими факихами (богословами) и публично доказать правоту своей веры. Победителями на диспуте были, конечно, объявлены мусульманские богословы. Нахшаби, обвиненный в том, что он якобы присвоил себе 40 тыс. динаров из суммы, предназначенной на уплату Фатимидам виры за умерщвление Хусейна Мервези, был по приказу Нуха повешен на площади в Бухаре. Показательно, что на следующий же день после казни Нахшаби его труп исчез с виселицы.

Вслед за этим началось повсеместное истребление карматов и конфискация их имущества. С тех пор карматское движение продолжало существовать в Мавераннахре лишь как тайное течение. Но и тайная организация сторонников этой ереси продолжала действовать в Бухаре довольно активно и долгое время. Карматские проповедники были схвачены и казнены в Бухаре в 1045 г., уже при Караханидах, т. е. через 100 лет после описанных событий.

В период правления Нуха ибн Насра (943—954 гг.) признаки упадка Саманидского государства уже ясно дают о себе знать. В первые же годы правления Нуха возникли серьезные финансовые затруднения. Имеются сведения, что уже в 942 г. налог с населения собирали дважды. Финансовые затруднения были настолько велики, что войскам и даже гвардии эмира в течение долгого времени не выплачивали жалования, что вызвало серьезное недовольство в войсках. Чтобы хоть временно успокоить недовольных, Нух ибн Наср обвинил во всех финансовых трудностях своего везира и приказал его казнить. Конечно, эта «мера» не привела к улучшению финансового положения в стране.

Пользуясь затруднительным положением Нуха, его дядя Ибрахим ибн Ахмад в январе 947 г. с помощью крупного чаганианского феодала Абу Али Чагани захватил власть. Дворцовая гвардия Нуха, которая после смерти Насра не получала жалования, поддержала Ибрахима. Нух был вынужден удалиться в Самарканд. Однако, когда Абу Али уехал в Чаганиан, Нух вновь овладел тронem, а своего дядю и двух его братьев, принимавших участие в мятеже, ослепил.

В последние годы правления Нух ибн Наср был занят главным образом борьбой с восставшим против него Абу Али Чагани. После безуспешных попыток ликвидировать восстание военным путем, Нух был вынужден назначить Абу Али сначала правителем Чаганиана, а потом (в 952 г.) и правителем Хорасана.

Правление старшего сына Нуха Абд ал-Малика I (954—961 гг.) характеризуется усилением политического влияния военачальников тюркской гвардии, в руки которых переходит почти все управление государством.

В это время особенно выдвигается в качестве «великого хаджиба» начальник тюркской гвардии и крупный феодал Алп-тегин. Его влияние было настолько велико, что без его согласия Абд ал-Малик не мог назначить кого-нибудь на должность везира. За короткий срок, с 954 по 959 г., должность везира 4 раза переходила из рук в руки, пока им не был назначен друг Алп-тегина Абу Али Балами. Алп-тегин и Абу Али условились быть заместителями друг друга, и Абу Али Балами не должен был ничего предпринимать без согласия Алп-тегина.

Смерть Абд ал-Малика послужила поводом для волнений в Бухаре. Восставшие жители столицы подожгли и разграбили эмирский дворец. По настоянию Алп-тегина эмиром был объявлен малолетний сын Абд ал-Малика, царствование которого, однако, длилось всего лишь один день, так как другие военачальники и крупные феодалы не поддержали попытки Алп-тегина укрепить свою власть и возвели на трон Мансура ибн Нуха Саманида (961.—976 гг.).

После нескольких стычек с саманидскими полководцами в районах Мерва и Балха Алп-тегин направился в Газну и в 962 г.

захватил там власть в свои руки. Власть Саманидов в Газне Мансур ибн Нух сумел восстановить лишь после смерти Алп-тегина (963 г.).

После смерти Мансура при его сыне Нухе II (976—997 гг.) еще более усилились придворные распри и мятежи местных феодалов и правителей, в руки которых переходили отдельные области Саманидского государства, в том числе многие местности Хорасана.

Государство настолько ослабло, что не могло противостоять нападению извне. В таком именно положении Саманидское государство подверглось в 992 г. первому нападению ряда тюркских кочевых племен во главе с ханами, династия которых получила в исторической литературе название Караханидов. К моменту своего вторжения в Мавераннахр Караханиды уже владели долиной Семиречья и частью Восточного Туркестана — Кашгаром. Самым крупным и культурным племенем среди караханидских тюрок были карлуки.

Все попытки Нуха II мобилизовать военные силы страны не дали положительных результатов. Поднять население против нашествия тюрок под лозунгом религиозной войны было невозможно, так как караханидские тюрки исповедовали ислам, который распространялся среди них в результате торговых связей с городами и земледельческими оазисами Мавераннахра. Крупные военачальники не стали поддерживать Нуха II. Наместник Хорасана Абу Али Симджури заключил тайное соглашение с Караханидом Богра-ханом и не послал хорасанские войска на защиту Мавераннахра. Высланное против Богра-хана войско потерпело поражение вследствие измены начальника войск Фаика, который присоединился к Богра-хану и двинулся к Бухаре. В результате этой измены караханидские войска, не встретив отпора, без труда захватили столицу Саманидского государства Бухару. Нух II вынужден был бежать в Амударью.

Неожиданная смерть Богра-хана изменила положение. Караханидские войска, захватив богатую добычу, вернулись в степь.

События 992 г. показали непрочность государства Саманидов. Абу Али Симджури и Фаик восстали против Нуха II — один в Хорасане, другой в районе Балха.

Вернувшись в Бухару, Нух II, не надеясь на свои силы, обратился за помощью к правителю Газны, Себук-тегину. Себук-тегин — незаурядный полководец, был выходцем из тюркской гвардии саманидского двора. Он породнился с Алп-тегином и после его смерти закрепил свою власть в Газне, присоединив к ней еще ряд областей. Себук-тегин охотно принял просьбу Нуха II и немедленно направился в Мавераннахр. С 20-тысячным войском он перешел Амударью и вступил сперва в Кеш (Шахри-сябз), затем в Нахшеб (Карши), а оттуда вместе с Нухом направился против Абу Али и Фаика. После нескольких сражений

войска Абу Али и Фаика были разгромлены, а сами они бежали в Гурган. За эту услугу Нух II наградил Себук-тегина титулом «насир аддин-в-ад-даула» («защитник религии и государства»). Сын Себук-тегина Махмуд, также отличившийся в сражениях с мятежниками, получил титул «сайф ад-даула» («меч государства») и был назначен наместником Хорасана вместо Абу Али Симджури.

В 995—996 гг. произошли новые восстания правителей отдельных саманидских областей, а караханидские турки возобновили свои попытки захватить территорию Саманидского государства. И на этот раз Нух II с помощью Себук-тегина подавил восстания и предотвратил нападение Караханидов на Бухару, однако был вынужден уступить им северо-восточные области государства Саманидов, расположенные в бассейне Сырдарьи. Влияние Газневидов в Мавераннахре после этого усилилось до такой степени, что Нух II фактически перестал быть самостоятельным правителем.

В 997 г. умерли Нух II и Себук-тегин. Эмир Мансур ибн Нух (997—999 гг.) — сын Нуха II находился под сильным влиянием Махмуда Газневида. Правители Нишапура Бегтузун и Фаик, бывшие в сговоре с Караханидами, боясь дальнейшего сближения Мансура, ибн Нуха с Махмудом, ослепили Мансура, после чего он вскоре умер (999 г.). На престол по настоянию Бегтузуна и Фаика вступил брат Мансура Абд ал-Малик II ибн Нух.

Под предлогом кровной мести за Мансура Махмуд Газневид выступил с войском против саманидского двора и принудил саманидского эмира уступить северную часть нынешнего Афганистана. Через некоторое время Махмуд Газневид овладел всем Хорасаном. В подчинении у Саманида Абд ал-Малика II ибн Нуха остался один Мавераннахр.

Однако в 999 г. и этот последний оплот рухнул под новым ударом Караханидов. Караханидский государь Наср-илек захватил столицу Саманидов Бухару, а Абд ал-Малика и остальных членов правящей семьи заключил в темницу.

Очень скупо, но выразительно повествует об этом Хилал ас-Саби, чей рассказ впервые обнаружил в рукописи и опубликовал В. Р. Розен еще в конце прошлого века. Вот что сообщил очевидец событий: «Я был в Бухаре, когда пришли войска ханские. И взошли тогда хатибы (проповедники) Саманидов на кафедры соборных мечетей и возбуждали народ к борьбе и говорили от имени Саманидов: «Вы ведь знаете, как мы хорошо с вами обращались и как мягко к вам относились. И угрожает теперь нам этот враг, и вам теперь надлежит помогать нам и сражаться за нас. Просите же бога, чтобы он благословил вас в деле оказания нам помощи и поддержки». Жители Бухары большей частью носят оружие, как и [вообще] обитатели Мавераннахра. И когда люди услышали это, то они пошли к тем, которые у них счи-

тались факихами (законооведами.— *Б. Г.*), и просили их фетвы относительно того, сражаться ли им. Но те запретили им это, говоря: «Если бы Ханиды препирались [с Саманидами] из-за религии, то сражаться с ними было бы обязательно. А когда борьба идет из-за благ сего мира, то не позволительно мусульманам губить себя и подставлять себя для убиения. Образ жизни этих людей (т. е. Ханидов.— *Б. Г.*) прекрасный и вера их безупречна, и [поэтому] лучше воздержаться [от всякого вмешательства]». И было это одной из главных причин захвата власти Ханидами и бегства и падения Саманидов»³². В. В. Бартольд в свое время правильно заметил: «...О каком-либо сопротивлении Богра-хану при его движении из Исфиджаба на Самарканд и Бухару и при занятии им столицы Саманидов [в источниках] не говорится. Очень вероятно, что народ, более всего страдавший от постоянных смут, отнесся к перемене династии довольно равнодушно»³³.

Саманидское государство прекратило свое существование.

Классовый антагонизм, а также борьба между феодалами и центральным правительством, распри между Саманидами и их военачальниками-тюрьками, нескончаемые интриги между представителями двора и чиновниками диванов — все это расшатало государство Саманидов и привело к тому, что к концу X в. от его мощи осталось одно лишь воспоминание.

В условиях, когда местные феодалы, враждуя друг с другом, с оружием в руках боролись против мероприятий центрального правительства и отказывались подчиняться ему, Саманиды, конечно, не могли ничего противопоставить захватническим действиям извне. Народные массы Мавераннахра, изнывавшие под тяжестью налогов и неоднократно восстававшие против Саманидов, также не выступили в их защиту. А тюркская гвардия, остававшаяся единственной опорой трона, не имела прочного тыла и была не в состоянии отразить напор врага.

Вот почему Саманиды не могли устоять против натиска извне и сошли с политической арены.

2. ХОЗЯЙСТВО, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Сельское хозяйство

Основная часть трудового населения занималась земледелием и скотоводством. Культура поливного земледелия в Средней Азии и Хорасане достигла высокого развития, разветвленные сети каналов и сложные ирригационные сооружения обеспечивали интенсивность земледелия. Для характеристики хозяйства весьма

³² Розен В., 1888, стр. 275.

³³ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 319—320.

существенно было бы выяснить, произошли ли в IX—X вв. значительные изменения посевных площадей и ирригационного хозяйства по сравнению с предшествующим периодом. В IX—X вв. в рамках крупных государственных образований существовали, безусловно, объективные предпосылки для крупных ирригационных работ, которые были менее осуществимы в период, предшествующий арабскому завоеванию, когда Средняя Азия делилась на множество самостоятельных владений, подчас очень небольших. Поэтому можно было бы ожидать, что IX—X вв. окажутся новым и более высоким этапом развития поливного земледелия по сравнению, например, с VI—VII вв. Однако конкретных материалов для этого заключения пока еще мало³⁴. Например, известно, что новый канал был построен в Шаше на средства халифа Мутасима (833—842 гг.). Изменилась организация управления крупными оросительными системами — оно было централизовано. Например, известно, что в бассейне Мургаба оросительной системой заведовало одно лицо, так же как и в бассейне Зеравшана. Еще при Абдаллахе ибн Тахире (830—844 гг.) были приняты меры для законодательного регулирования пользования каризами.

Однако разрозненные факты не дают оснований для сравнительного анализа уровня развития поливного земледелия двух названных периодов и выявления сдвигов, безусловно имевших место в IX—X вв. Можно надеяться, что широкое развитие археологических работ по истории ирригации и интенсивное за последнее время изучение юридических документов дадут возможность датировать сооружение и крупные ремонты многих каналов. Пока же мы вынуждены ограничиться констатационной характеристикой ирригационного хозяйства в Средней Азии и Хорасане IX—X вв. на основании письменных известий, скрупулезно собранных В. В. Бартольдом для всей Средней Азии и дополненных наблюдениями других исследователей по отдельным районам.

Две самые большие реки Средней Азии — Амударья (кроме низовьев в пределах орезмийского оазиса) и Сырдарья — почти не использовались непосредственно как источник орошения: каналы выводились главным образом из их притоков. Крупные массивы орошенных земель находились в долинах северных притоков Амударьи и Пянджа (Сурхана, Кафирнигана, Вахша и др.). Макдисн сообщает, что вода Сурхана в таком количестве использовалась для орошения, что иногда не достигала Амударьи. Ниже по течению Амударьи, между Термезом и Амулем, источники упоминают лишь маленькие раздробленные оазисы около городов-

³⁴ Данные письменных источников об ирригации в Средней Азии IX—X вв. м.: Жуковский В. А., 1894, стр. 12 и сл.; Бартольд В. В., 1965 а, стр. 99 и сл.; Гулямов Я. Г., 1957, стр. 125 и сл., и др.

переправ, орошаемые каналами из самой Амударьи. Вообще же, по свидетельству Истахри, вся польза от вод Амударьи шла Хорезму.

Еще меньше для орошения пользовались водами Сырдарьи. Плодородные земли Ферганы питались ее притоками. Некоторые притоки и здесь целиком разбирались на орошение и не доходили до Сырдарьи. Арабские географы подробно описывают водоснабжение городов и поселений Ферганы, каждый раз упоминая многоводные каналы и хаузы, изобилие садов.

Но самой цветущей местностью в бассейне Сырдарьи в X в. считались долины рек Илака (Ангрен) и Парака (Чирчик). Нигде в Мавераннахре не было такого количества городов и поселений на столь небольшой территории. Именно здесь в первой половине IX в. был вырыт новый большой канал.

Система орошения в бассейне Зеравшана еще в доарабское время была настолько развита и рациональна, что впоследствии кардинальным изменениям уже не подвергалась. Достаточно было поддерживать действующие каналы, восстанавливать временно заброшенные, иногда перемещать головы каналов вследствие их углубления и т. д. При восстановлении каналов их названия часто менялись. Основу оросительной системы Зеравшана в X в., как и раньше, составляла плотина у Варагсера. Отсюда брали начало три главных канала, орошавших всю территорию к югу от Самарканда. Три северных канала брали свое начало с другой стороны Зеравшана — напротив Варагсера. По плодородию район Самарканда считался единственным в своем роде. Один из арабских наместников в 720/21 г. запрещал своему войску преследовать врагов в Согде, чтобы не повредить этот «сад эмира правоверных», т. е. халифа. Столь же многочисленные и крупные каналы обеспечивали водой район Бухары.

Нельзя не упомянуть оросительную систему в бассейне Мургаба, которая была весьма совершенной по тому времени. Число лиц, обслуживавших различные сооружения этой системы, ведавших распределением воды и т. д., доходило якобы до 10 тыс.

Искусственное орошение с помощью наземных каналов, введенных из рек, было основным в Средней Азии и Хорасане. Но использовались и другие приемы. Во многих местах были проведены каризы (подземные каналы), если рельеф местности не позволял провести воду наземным путем. Высоколежащие земли орошались чигирами-дулабами, которые иногда приводили в движение верблюды. В подгорных местностях воды весенних саев сохранялись с помощью заградительных плотин для летнего времени.

Нужно, однако, сказать, что и неорошаемые земли использовались достаточно широко. Даже в районах очень развитого орошаемого земледелия, например, в бассейне Мургаба и Зеравшана, было много богарных земель, урожай которых были достаточны,

чтобы обеспечить целый город или район. В других случаях увеличение богарных посевов объяснялось недостатком воды для орошения. Так, например, было в нижней части бассейна р. Герируд, в результате чего там преобладало скотоводство. В тех местах, где воды рек, особенно летом, не хватало, для орошения садов и огородов пользовались водой колодцев.

Источники IX—X вв. подробно описывают сельскохозяйственные занятия жителей разных районов и областей, часто отмечают, чем особенно славилась та или иная местность. По-прежнему на первом месте были посевы зерновых культур. Очень развито было хлопководство. В этом отношении Средняя Азия занимала особое место на всем Ближнем и Среднем Востоке. Не случайно именно из Средней Азии во все другие области и города Арабского халифата вывозились в большом количестве хлопчатобумажные ткани. Хлопок в большом количестве возделывали в области Мерва (источники отмечают высокое качество этого хлопка, он служил своего рода эталоном), вокруг Самарканда и Бухары, в области Шаш и в других местах. Значительные площади, особенно вокруг городов, были заняты под садами, виноградниками, огородами, бахчами. Некоторые сорта фруктов, винограда и бахчевых славилась далеко за пределами государства Саманидов. В отдельных районах возделывались и такие редкие технические культуры, как марена, шафран и др.

Земледельцы, естественно, имели и скот. Хорошие пастбища упоминаются даже около больших городов. Но скотоводство было развито и как специализированное занятие. Особенно большое место оно занимало в хозяйстве степных и горных районов. Однако следует отметить, что скотоводство не обеспечивало полностью потребности населения, поэтому большое значение имели торговые контакты с кочевниками-скотоводами, обитавшими к северо-востоку от границ Саманидского государства.

Горное дело и металлургия

Продолжалось развитие горной промышленности. В Фергане добывали железо, олово, серебро, ртуть, медь, свинец, а также смолу, асбест, бирюзу и нашатырь; в Кара-Мазаре, в районе Ходжента, увеличилась добыча серебра; эти месторождения назывались Кухи-сим (гора серебра). Арабский географ ибн Хаукаль пишет, что в Уструшане, близ города Марсманды и в рустаке Минк добывалось железо. Продукция этих рудников не только обеспечивала потребности Ферганы, но вывозилась в Хорасан и Ирак³⁵. В географическом сочинении «Худуд ал-алам» (Преде-

³⁵ Ибн Хаукаль, ВГА, стр. 384.

лы мира») рассказывается, что в Марсманде ежегодно устраивались ярмарки, откуда по округе распространялась продукция из добывавшегося там железа³⁶. Арабский автор ал-Истахри, сообщая о существовании в Асбаре (Исфаре) больших каменно-угольных шахт, пишет, что там «есть гора из черных камней, которые горят, подобно тому как горит уголь»³⁷. Тот же автор отмечает, что в X в. в Средней Азии в военном деле широко использовалась нефть: при осаде городов применялись наполненные нефтью зажигательные бомбы. Как центры горной промышленности выделялись также районы верховьев Зеравшана, где добывались железо, золото, серебро и купорос, и области Дарваза, Рушана, Шугнана и Бадахшана, где разрабатывались золотые и серебряные рудники, рубиновые и лазуритовые копи. В местности Хаджистан (современный поселок «Сольпром» Аштского района) добывалась самоосадочная соль, которой снабжалось население Шаша, Ходжента и других мест³⁸.

Вся территория Средней Азии была детально обследована. При этом никакие природные трудности не являлись препятствием. Добыча руд производилась даже на Восточном Памире, в хребте Базар-Дара. Здесь имелось большое руднично-торговое поселение: возможно, это упоминаемое в письменных источниках селение Самаркандак. Найденные здесь письменные документы подтверждают, что в средневековье, как и в древности, Восточный Памир был заселен представителями среднеазиатских народов.

Благодаря археологическим и геологическим работам сейчас вырисовывается реальная картина состояния горного промысла в IX—X вв. Громадный опыт, накопленный к тому времени таджикскими мастерами, практическое знание многих поисковых признаков помогали им достигать успеха в столь сложных случаях разведки месторождений, что это вызывает удивление современных геологов. В зависимости от характера месторождения закладывались мелкие выработки или крупные. Иногда разработки достигали колоссальных размеров. Таковы, например, выработки Кани Мансура, Кани Гута и многих других. Для добычи руды проводились шахты — вертикальные и наклонные, штольни, камеры, открытые карьеры и т. п. Выработки опускались нередко на большую глубину — в Таджикистане зарегистрированы средневековые шахты глубиной свыше 150 м. Для проведения выработок широко использовался «огневой способ». У стенки забоя на длительное время зажигался костер и, когда его пламя рас-

³⁶ Худуд ал-Алам, 1930, л. 23 б.

³⁷ *Истахри*, ВГА, I, стр. 334.

³⁸ Сведения письменных источников о добыче полезных ископаемых в Средней Азии собраны в работах В. В. Бартольда (особенно в историко-географической главе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия») и М. Е. Массона (1934 б; 1947; 1953). См. также: *Беленицкий А. М.*, 1953 а.

каляло породу, ее обливали водой. В результате, особенно при неоднократном повторении, происходило растрескивание породы, и добывать ее становилось несравненно легче. В зависимости от крепости породы применялись те или иные инструменты — железные клинья, кирки с рукоятью и без нее, кайлы, кетмени, лопаты; известны железные молотки и кувалды, каменные молотки, а также деревянные клинья.

Средневековые рудокопы, стремясь к меньшим затратам труда, выбирали лишь столько окружающей жилу пустой породы, сколько требовалось для того, чтобы можно было продвинуться дальше. В результате эти шахты, штольни и т. п. не имеют правильной формы, причем в некоторых местах с трудом можно пробраться лишь ползком. Вместе с тем обращает внимание исключительная тщательность отработки — руда выбрана начисто.

В большинстве случаев выработки не крепились, однако многочисленны и находки древних крепей. Деревянные крепления применялись, например, на функционировавших в IX—X вв. рудниках группы Кани Мансура. Отсутствие крепления во многих рудниках является не показателем технической беспомощности тогдашних рудокопов, а следствием социально-экономических условий эпохи: жизнь тогда ценилась настолько мало, что крепление устраивалось лишь в тех случаях, когда дальнейшая проходка без него была заведомо невозможна. Для технического уровня показательное другое: уже тогда устраивали «эластичное» крепление, которое рекомендует и современная наука в ряде случаев с целью избежать разрушительного влияния первоначально го давления горных пород.

Освещение производилось огнем светильников-чирагов. Вентиляция осуществлялась несколькими способами. Наиболее распространенной была естественная вентиляция: явление естественной тяги воздуха в подземных выработках, впервые объясненное М. В. Ломоносовым, было хорошо известно средневековым таджикским рудокопам. Применялись также различные способы для усиления естественной тяги, вроде установки щитов для отражения воздуха вниз при ветре и т. д. Видимо, уже тогда применялась и искусственная вентиляция.

Осуществлялся и водоотлив. Здесь использовался полутора-тысячелетний опыт строительства каризов — вода отводилась при помощи подземных галерей.

Отбитая порода извлекалась наверх в корзинах или кожаных мешках. В крутых ходах иногда устраивались ступени. В вертикальных шахтах ставились бревна с насечками или настоящие лестницы. В последние годы обнаружены и ворота. В одной из выработок Кани Мансура найден составной барабан сложного деревянного ворота; на конце веревки болтался крючок, который цеплялся за корзину или мешок.

На поверхности происходила окончательная разборка руды, затем она подвергалась дроблению (для чего опять-таки существовали разнообразные, в том числе довольно сложные, приспособления) и промывке. Лишь после этого начиналась плавка. Существовали крупные рудоплавильные центры, например в районе древних выработок Канджола.

Очень высок был уровень металлургических знаний и приемов. Сопоставление письменных источников, сохранивших остатки плавильных печей, анализы шлаков и металлических изделий показывают, что были вполне освоены такие сложные металлургические процессы, как плавка сульфидных медных руд, извлечение серебра купелированием и др.³⁹.

Производство стекла и керамики

При обследовании средневековых городов и поселений прямо на поверхности и во время археологических работ в культурных слоях, в помещениях и мусорных ямах встречается большое количество «домонгольского» стекла, датируемого в пределах IX—XII вв. Много такого стекла из разных пунктов Средней Азии и в музеях СССР. Несмотря на значительное количество статей и монографические исследования⁴⁰, этапы развития стекольного производства Средней Азии с IX по XIII в. в хронологическом разрезе не изучены. Находки комплексов стеклянных изделий даже при раскопках часто получают очень обобщенную датировку вроде X—XII вв., X—XI вв., поэтому не могут быть в полной мере использованы для характеристики состояния и особенностей стекольного производства в IX—X вв. Безусловно, во всех крупных и даже средних городах с IX—X вв. производили и употребляли стеклянные изделия, но они выделены еще недостаточно четко в общей массе стекла IX—XII вв.

Лишь в нескольких пунктах стекло, обнаруженное археологами, несомненно было изготовлено именно в IX—X вв.: на городище Кульдортепе (в районе Самарканда)⁴¹, на территории средневекового города Нисы⁴², в жилом квартале X в. на территории средневекового города Варахши⁴³ и т. д. Среди стекла из этих пунктов преобладают бытовые и парфюмерные сосуды. Излюбленными формами были разнообразные бокалы на высоких ножках, широкогорлые и узкогорлые кувшины с ручками и без ручек, разной конфигурации чаши, кружки с петлеобразной руч-

³⁹ Литвинский Б. А., 1950 а, 1952 а, 1954 в, 1956 а; Литвинский Б. А. и Исламов О. И., 1953; Исламов О. И., 1955; Бубнова М. А., 1961; Бубнова М. А., 1962; Буряков Е. Ф., 1965.

⁴⁰ Абдуразаков А. А. и др., 1963; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., 1966.

⁴¹ Абдуразаков А. А. и др., 1963; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., 1966.

⁴² Ставиский Б. Я., 1960.

⁴³ Давидович Е. А., 1949.

⁴⁴ Кабанов С. К., 1956.

кой, узкогорлые флаконы грушевидной формы, иногда с двумя маленькими ручками, мелкие сосуды в виде пробирок и т. д.

Сосуды чаще сделаны из бесцветного стекла, но есть изделия из стекла разных цветов; цветное стекло использовалось и для украшения посуды.

В IX—X вв. среднеазиатские мастера-стеклодувы уже полностью и весьма виртуозно владели разнообразными техническими приемами изготовления тонкостенной посуды путем выдувания. Стеклодувы пользовались выдуванием и как средством украшения сосудов: в этих случаях сосуды выдувались в форме с рельефным орнаментом внутри.

Повторяемость форм посуды в комплексах стекла из разных мест; отсутствие украшений на большинстве изделий или же такие приемы украшения, которые не требовали дополнительных работ: редкость применения таких «индивидуальных» приемов украшения посуды, как гравирование и пр., — все это говорит о том, что производство бытовых стеклянных изделий в IX—X вв. было уже массовым, рассчитанным на широкого потребителя. В этом плане любопытно отметить, что некоторые формы стеклянных изделий явно подражали формам керамики IX—X вв., что свидетельствует о далеко уже зашедшем процессе стандартизации посуды, даже когда она изготовлялась из разных материалов.

Очень существенно, что в IX—X вв. в Средней Азии изготовляли и употребляли оконное стекло. Дошедшие фрагменты (например из Нисы, с городища Афрасиаб — домонгольского Самарканда) изготовлены из бесцветного стекла той же техникой выдувания, что и посудное стекло. Приспособив эту технику, среднеазиатские стеклодувы научились изготавливать плоские диски, недостатком которых было утолщение в центре. Но этот недостаток существенного значения не имел, так как плоские диски резали на фигурные куски, которые вставляли в алебастровые оконные решетки.

Находки оконного стекла не связаны с дворцовыми сооружениями или иными монументальными постройками. Очевидно, оно использовалось в жилых домах зажиточных горожан. Это было весьма прогрессивное изобретение, значительно улучшавшее жилищные условия того времени.

Керамическое производство Средней Азии IX—X вв. изучено основательно и разносторонне⁴⁴, хотя обобщающих работ все же нет. Большой размах археологических работ привел к тому, что были обнаружены целые кварталы керамистов; найдены и вскрыты многочисленные и разного устройства гончарные печи; распаны мастерские ремесленников с разным инструментарием,

⁴⁴ Ахраров И., 1966; Большаков О. Г., 1958, 1963, 1966; Вактурская Н. Н., 1959; Лукина С. Б., 1962; Сайко Э. В., 1963; Ташходжаев Ш. С., 1967, и др.

Глазурованная чаша
IX—X вв. Самарканд

полуфабрикатами, бракованными изделиями и т. д. Все это дало возможность воссоздать технику гончарного ремесла IX—X вв. начиная с момента заготовки глины до выхода готовых изделий. Керамическое производство IX—X вв. изучено и под другим, технологическим, углом зрения. Установлено, какие глины использовались для изготовления посуды, как и чем их ангобировали, какие краски применялись для росписей, каков был состав глазури и многое другое.

В IX—X вв. изготовлялась самая разнообразная посуда, от крупных хумов для хранения припасов до игрушечных чашечек и блюдец. Высшим достижением гончарного ремесла в это время была глазуванная керамика. Она пользовалась большим спросом и производилась соответственно в большом количестве.

Керамисты IX—X вв. умели изготовлять разные глазури. Еще употреблялись щелочные глазури, но преобладающими стали более высококачественные — свинцовые. Свинцовые глазури были прозрачными, что открывало самые широкие возможности для украшения посуды подглазурной росписью. Добавляя определенный процент олова, керамисты получали «глухие», непрозрачные глазури, чаще всего зеленого или коричневого цвета.

В IX—X вв. большим разнообразием отличалась группа керамики, покрытой прозрачной глазурью и подглазурной росписью. Ее изготовление требовало особенно большого мастерства и искусства. Сосуд изготовлялся на ножном гончарном круге. Затем его поверхность подготавливалась для росписи, с этой целью сосуд покрывали ангобом: жидкой глиной особого качества и приготовления, тонко размолотой и отмученной, часто цветной. В IX—X вв. употреблялся белый, красный и черный ангоб. Он затягивал поры сосуда и создавал гладкий, ровный, одноцветный фон для росписи. Затем сосуд подсушивался, росписывался цветными красками и обжигался. Только после этого его покрывали глазурью и обжигали вторично. Для изготовления такой посуды, для сохранения четкости задуманного рисунка и его цветовой гаммы требовалось глубокое и тонкое знание взаимодействия при двойном обжиге всех компонентов.

Среди посуды с подглазурной росписью преобладали в IX—X вв. разного размера чаши и блюда. Формы их были стандартными, варьировали они в деталях и отличались друг от друга главным образом размерами. Кроме этих форм в той же технике изготовлялись кувшины, чираги (светильники) и некоторые другие поделки.

Одним из любимых способов украшения этой посуды были надписи. Надписи размещались по краю чаш и блюд или на их дне; встречаются они на кувшинах и на чирагах. Почерк очень изящный, выработанный и тоже стандартный. Содержание различное. Иногда это благопожелания владельцу: «Благословение и благо владельцу сего», «Благословение», «Благополучие», «Ешь на здоровье» и т. д. В других случаях это просто различные сентенции: «Ученье сперва горько на вкус, а конец его слаще меда», «Щедрость — свойство праведников», «Щедрость — страж чести и имущества» и т. д.

Очень часто подобная посуда украшалась растительным и геометрическим орнаментом, встречаются даже изображения живых существ, особенно часто — птиц.

Совершенно другой тип — так называемая мраморовидная керамика. Здесь разные краски наложены так, что не образуют определенного рисунка; главное — цвет, его переливы, пятна, полутона.

Как вспомогательное средство украшения мраморовидной керамики, а также керамики с глухой зеленой глазурью применяли процарапанные контурные рисунки, залитые глазурью, которые выделялись густыми жгутами на общем фоне. Эти «гравированные» рисунки сделаны умелой и твердой рукой. Здесь мы опять встречаемся с геометрическими и растительными орнаментами, изображениями птиц и пр.

Керамическое производство IX—X вв. — безусловное свидетельство развития производительности труда в ремесле этого вре-

мени, успешного освоения многих процессов; улучшения состава глазурей, изобретательности в украшении посуды при одновременном увеличении объема ее производства.

Другие виды ремесленного производства

Другие ремесла и их продукция не могут быть охарактеризованы с той же степенью полноты, как стеклоделие и керамическое производство. Здесь мы должны опираться главным образом на письменные источники, сведения которых, правда, ясно показывают, что в IX—X вв. были развиты самые различные производства, а продукция многих ремесел достигла высокого качества и даже славилась далеко за пределами Средней Азии. Не случайно Истахри утверждал, что жители Мавераннахра не нуждались в произведениях других стран, так как сами весьма изобильно изготовляли все необходимое.

Весьма развито было ткачество. Оно характеризовалось и большим объемом производства, и разнообразием сортов тканей, и высоким их качеством. Ткани изготовлялись из шелка, хлопка и льна. Средняя Азия была родиной многих сортов прекрасных тканей. Некоторые сорта иноземных тканей также были освоены среднеазиатскими мастерами.

Среди местных сортов тканей одно из ведущих мест занимали ведарийские хлопчатобумажные ткани. Свое название этот сорт получил от селения Ведар, расположенного недалеко от Самарканда, но делали эту ткань и во многих других местах Средней Азии. Она пользовалась широким спросом не только в Средней Азии, но и далеко за ее пределами. По словам Ибн Хаукаля, ее «надевают целыми кусками, не обрезанными; и нет в Хорасане ни эмира, ни везира, ни казия, ни богача, ни простолудина, ни воина, который не надевал бы ведарийских тканей поверх того, что надевают зимой; у них это считается признаком изящества и нарядности, так как цвет тканей склоняется к желтому и в них есть мягкость и приятность; эти ткани густые и нежные, цена куска ткани доходит от двух динаров до двадцати; я не раз носил такую ткань пять лет. За ними присылают из Ирака (Вавилонии), вывозят туда и (там) гордятся ношением их»⁴⁵.

Весьма славилась красная, зеленая и белая ткани — специализированная продукция особой мастерской, расположенной рядом с бухарской цитаделью. Селение Зандана близ Бухары дало название прекрасной ткани занданичи, которая производилась во многих местах и широко вывозилась. Когда-то ткань занданичи была шелковой, фрагменты шелковой занданичи более раннего времени имеются в некоторых музеях мира. На оборотной сторо-

⁴⁵ *Ибн Хаукаль*, ВГА, II, стр. 403. Русский перевод отрывка см.: *Бартольд* В. В., 1965 г., стр. 441.

не одного из фрагментов имеется согдийская надпись (пометка тушью с указанием размера и названия ткани). Техника, цвета и рисунки, занданичи VII—VIII вв. изучены⁴⁶. Что представляла собой эта ткань в IX—X вв., пока не совсем ясно, хотя высказано предположение, что не позднее конца X в. ее выдвигали уже из хлопчат, об этом свидетельствует и Наршахи⁴⁷.

В источниках упоминаются еще многие сорта тканей (полотняных, шелковых, типа парчи и пр.). Почетное место среди них занимали ткани Мерва⁴⁸. Мервским тканям, в частности шелковым, даже подражали в других местах, и они широко экспортировались.

Небольшое число фрагментов среднеазиатских тканей IX—X вв. сохранилось до наших дней. В средневековых погребениях Египта, среди сохранившихся там древних тканей, было найдено и несколько фрагментов льняных тканей мервского производства IX в. На этих фрагментах надписи, на одном также и орнаментация.

Не менее интересен фрагмент ткани середины X в. с именем ее владельца, одного из саманидских военачальников. В центре поля изображены два слона, а между ног каждого — маленькие крылатые грифоны. Кайма состоит из нескольких орнаментальных полос, между которыми то надписи, то идущие верблуды. Весь образительный сюжет и детали орнаментации повторяют в модифицированном виде сюжеты и орнаменты более раннего времени⁴⁹.

Видное место занимало производство различных изделий из металлов. Часть удовлетворяла местные нужды, часть завоевала себе более широкий рынок. Макдиси упоминает бухарские медные фонари, оловянную посуду из Ребинджана, самаркандские медные котлы и стремена, шашские ножницы и иглы, предметы вооружения и мечи Ферганы и Исфиджаба и т. д. Ферганское оружие настолько славилось, что вывозилось во многие страны вплоть до Багдада.

По распоряжению халифа Харуна ар-Рашида (786—809 гг.), писать следовало только на бумаге. Вследствие этого папирус и другие материалы для письма выходят из употребления. На протяжении длительного периода единственным поставщиком бумаги для стран Арабского халифата являлся Самарканд (вторая половина VIII — начало X в.). Именно мастерские этого города производили тряпичную бумагу, ее называли самаркандской (иногда хорасанской). Известны названия шести сортов этой

⁴⁶ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., стр. 61—78.

⁴⁷ Наршахи, тегеранское изд., стр. 17.

⁴⁸ Крачковская В. А., 1949, стр. 4 и сл., 1958, стр. 615 и сл.

⁴⁹ Обобщающее исследование по истории ткачества на «мусульманском» Востоке см.: Serjeant R., 1946, vol. IX—XVI (о тканях Хорасана и Средней Азии — vol. XI—XII).

бумаги. В X в. способ изготовления бумаги становится известным и за пределами Средней Азии — на западе вплоть до Сирии. Но и в X в. Самарканд остается основным поставщиком бумаги. Ал-Хорезми шутя заметил, что один из его друзей не пишет ему потому, что живет далеко от Самарканда и бумага поэтому слишком дорога для него^{49а}.

Во многих пунктах производилась обработка кож и шерсти и изготовление разных кожаных и шерстяных изделий.

Нет надобности перечислять другие виды ремесел, да и не все названы в источниках. Существовали ли корпоративные организации ремесленников? Прямых указаний источников на этот счет нет⁵⁰, но косвенные, в том числе историко-топографические, позволяют считать это возможным.

Важно подчеркнуть, что свидетельство письменных источников об экспорте многих видов ремесленной продукции и те образцы ремесленных изделий IX—X вв. (керамика, стекло, ткани), которые нам известны, ясно свидетельствуют о большом объеме товарного производства в это время и о таком уровне развития производительных сил, который обеспечивал высокое качество не только предметов роскоши, но и товаров широкого потребления.

Строительство и архитектура

В письменных источниках имеются многочисленные сведения о постройках IX—X вв., но до нашего времени сохранилась лишь небольшая их часть⁵¹.

Возводились дворцы и замки, караван-сарай и торговые помещения, мечети, медресе и мавзолеи. Строили в основном еще из глины: и пахсовых блоков и сырцового кирпича. Большое место в строительстве занимало дерево: деревянные колонны и плоские перекрытия были весьма типичны для IX—X вв. Жженный кирпич в этих сырцово-деревянных постройках занимал второстепенное место. Но именно в это время появляются монументальные постройки, сложенные целиком из жженого кирпича. Это было новое, важное и прогрессивное достижение эпохи.

Среди разных категорий монументальных построек IX—X вв. лучше изучены мавзолеи. Сейчас известно четыре: мавзолей Саманидов в Бухаре, мавзолей Араб-Ата в Тиме, мавзолей Мир-Саид-Бахром в Кермине и мавзолей Ак-Астана-баба близ Узунна.

Мавзолей Саманидов, по общему признанию, — шедевр среднеазиатской средневековой архитектуры. Композиция его проста:

^{49а} Grohmann A., 1954, S. 74—76; Мец А., 1966, стр. 363—364.

⁵⁰ Lewis B., 1937; Spuler B., 1952, S. 398.

⁵¹ Архитектурным памятникам этого времени посвящена большая литература, см., например: Булатов М. С., 1953, 1962; Воронина В. Л., 1954; 1950; Денике Б. П., 1939; Литвинский Б. А., 1953; Нильсен В. А., 1950; Писарчик А. К., 1944; Пугаченкова Г. А., 1960, 1963 б; Пугаченкова Г. А. и Рейпель Л. И., 1965; и др.

кубовидный объем, увенчанный куполом. Постройка невелика, но производит впечатление монументальности. Вместе с тем гармоничное сочетание горизонтальных и вертикальных членений, подчеркнутых декоративной отделкой, делает памятник изящным и легким.

Все фасады его оформлены одинаково. Поверху мавзолей обегает сплошная арочная галерея. Плоскость стен ниже галереи расчленена тремя вертикалями: углы постройки — в виде массивных приставных колонн; по центру — арочные входы, заключенные в прямоугольные рамы. Входы имеют свои собственные членения: они решены в виде двух перспективно уменьшающихся арок, опертых на угловые колонки, что увеличивает ощущение их глубины.

Внутри переход от квадратного помещения к куполу осуществлен с помощью усложненных арочных парусов, переброшенных по углам и превращающих квадрат в восьмигранник. В целом внутреннее членение соответствует внешнему: гладь стен, прорезанная заключенными в прямоугольные рамы арками входов; горизонтальный пояс из восьми арок; купол. Поясу арочных парусов внутри и арочной галерейки снаружи соответствует узкий внутрестенный ход, обегаящий на этой высоте весь мавзолей.

Основным материалом декоративной отделки является тот же строительный кирпич, основным приемом орнаментации — разные виды фигурной выкладки. Орнаментация строга и вместе с тем чрезвычайно разнообразна.

Почти все конструктивно-планировочные приемы, детали постройки и ее украшения находят аналогии в более ранней архитектуре Согда; мавзолей Саманидов как бы впитал в себя достижения зодчества предшествующего времени, подвел некий итог. Вместе с тем жженный кирпич как основной строительный и декоративный материал открыл перед зодчим новые возможности, которые и были виртуозно использованы.

Мавзолей Саманидов был построен в конце IX или начале X в., а мавзолей Араб-Ата — в 977/78 г. (дата в надписи на нем). Их разделяют примерно три четверти столетия. Поиски архитектурной мысли привели к созданию принципиально нового типа мавзолея — портално-купольного.

Мавзолей Араб-Ата — куб, перекрытый куполом, но вход в него с одной стороны и оформлен он монументальным порталом, вздымающимся выше уровня стен и закрывающим собой значительную часть купола. Портал фланкирован по углам гранеными устоями, которые придают ему одновременно и стройность и монументальность. Над стрельчатой входной нишей расположена декоративная аркатура. Внутри членение трехчастное (гладь стен; пояс парусов, образующих переход от квадрата к восьмиграннику; купол), но система парусов очень своеобразная, двухъярусная. В декоративной отделке мавзолея использованы разные ма-

териалы и приемы. Здесь фигурная кирпичная кладка и орнаменты, вырезанные в ганче, здесь надпись на фоне растительного рисунка и узоры из подтесанных и отшлифованных кирпичей. В целом ряде конструктивных и декоративных деталей еще усматривается связь с согдийским зодчеством, но больше тех новых черт, которые в законченном и развитом виде будут представлены в памятниках XI—XII вв.

Анализ пропорций двух этих памятников показал, что они построены по заранее разработанному проекту, причем все размеры относились друг к другу, как сторона квадрата к его диагонали. Эта математическая закономерность, талантливо воплощенная в реальных постройках, явилась основой удивительной гармоничности и совершенства мавзолея Араб-Ата, и особенно мавзолея Саманидов.

В этот период видоизменяются феодальные усадьбы, на первый план выступает не оборона, а благоустройство жилых помещений. Непрístupной когда-то мощи и замкнутости наружных крепостных стен уже нет. По всем фасадам — никак не защищенные входы, гладь стен прорезана окнами, в угловых башнях нет даже бойниц.

На городище Афрасиаб были вскрыты остатки дворца Саманидов, выстроенного в основном тоже из сырцового кирпича. Один из залов дворца сохранил декоративную отделку: панель и фриз из резного штука (фриз окрашен), остатки живописи. Панель делилась на прямоугольные панно, каждое панно заключало крупный геометрический узор, внутри которого мелкий, стилизованно-растительный орнамент. Резной штук саманидского дворца свидетельствует о большом мастерстве, изобретательности и фантазии резчиков по алебастру.

Великолепны образцы резного дерева саманидского времени: михраб из Искодара, деревянные колонны из верховьев Зеравшана. Искодарский михраб, с большим искусством собранный без клея и гвоздей, весь покрыт резьбой: здесь и ленты куфических надписей, и крупные геометрические узоры, и тончайшая сетка сплошного стилизованно-растительного орнамента. В строгих пропорциях выдержаны колонны из кишлаков Курут, Обурдон, Фатмев. Они еще сохранили традиции согдийского зодчества, но в них много новых элементов. Резьба этих колонн, особенно капителей, — глубокая, горельефная; растительные узоры самой причудливой формы сочетаются с зооморфными изображениями. Наиболее богата зооморфными мотивами обурдонская колонна (рыбы, птичьи головы и пр.).

Торговля и денежное обращение

Крупные города Средней Азии IX—X вв. были центрами внутриобластной, межобластной, а некоторые — и международной

Мавзолей Араб-ага в Тиме. 977/78 г.

ной торговли. Однако оживленная торговля велась не только в этих торгово-ремесленных центрах, но также и во многих селениях, особенно в случае процветания там какого-либо ремесла. В этом плане любопытно свидетельство Наршахи о селениях, расположенных вокруг Бухары. Базарные дни здесь обычно бывали раз в неделю и в эти дни туда съезжалось много народа. В некоторых селениях бывали ежегодные ярмарки, длившиеся по 10, а то и 20 дней. На ярмарки приезжали купцы из разных отдаленных областей. Приезжие покупали товары не только для себя, но преимущественно для перепродажи, так как некоторые произведения ремесел этих селений, особенно ткани, пользовались спросом даже за пределами Средней Азии. Крупные купцы из этих селений и сами вели обширную торговлю⁵².

О состоянии, уровне развития и некоторых особенностях внутренней торговли свидетельствуют монеты того времени, развитое денежное хозяйство и конкретно-историческая специфика денежного обращения⁵³.

Золотые монеты (динары) чеканились при Саманидах в довольно значительном количестве, но более всего за пределами Средней Азии, среднеазиатские же монетные дворы выпускали динары лишь эпизодически. Но главная особенность заключалась в другом: золотые динары, по свидетельству источников, были «как товар», т. е. обращались не штучно, как настоящие монеты, а на вес. Это свидетельство источников подтверждает и реальный вес самих динаров: его колебания таковы, что действительно исключают штучное обращение.

Однако золотые монеты и в следующие столетия, в XI—XIII вв. например, также принимались не штучно, а на вес, однако в этот период они уже участвовали в реальном торговом обороте. А в IX—X вв. они практически не выполняли функцию средства обращения. Между прочим, описывая деньги Бухары, Истахри прямо пишет, что «они не торгуют между собой на динары». И Ибн Фадлан, бывший в Бухаре в 921 г., интересовавшийся бухарскими деньгами и подробно их описавший, золотые динары вовсе не упоминает. Более всего золотым динарам свойственна была функция сокровища, их предпочитали припрятывать. При уровне цен и объеме торговли того времени даже крупные сделки вполне обеспечивало серебро, серебряные монеты — дирхемы.

В IX—X вв. в государствах Тахиридов и Саманидов чеканили разные виды дирхемов, и каждый вид имел свое название и назначение. В IX, а особенно в X в., регулярным стал чекан общегосударственных серебряных дирхемов. На этих монетах нет никаких изображений, только надписи арабским почерком куфи.

⁵² Наршахи, тегеранское изд., стр. 13 и сл.

⁵³ Давидович Е. А., 1966, стр. 103—134.

В X в. эти монеты получили название «исмаили» — по имени Исмаила Саманида. Любопытно, что на территории Средней Азии дирхемы исмаили встречаются не часто, тогда как в Восточной Европе и в Прибалтике найдены уже сотни кладов дирхемов исмаили. Следовательно, они в первую очередь выполняли функцию мировых денег, хотя во внутригосударственной экономической жизни тоже играли определенную роль. В полном соответствии с этим находится их проба и вес. Сначала проба их была очень высокой, а вес точным, так что обращение внутри государства могло быть и было штучным. Когда же стало ясно, что все равно основная масса этих монет уплывает за границу, а за пределами государства, как известно, монеты все равно идут на вес, саманидское правительство решило удешевить их чеканку. И действительно, не прошло и трех десятилетий, как изменился вес дирхемов исмаили, а весовые колебания стали очень значительными. Аналогичным образом изменилась и их проба. Такие монеты внутри государства уже не могли обращаться поштучно, а это важное косвенное доказательство того, что роль дирхемов исмаили во внутренней торговле уменьшилась. Возможно, они, подобно золоту, уже лишь в редких случаях обслуживали внутригосударственные рынки.

Главным средством обращения в Средней Азии в IX—X вв. были дирхемы, именуемые в источниках хорезмийскими, мусейяби, мухаммади и гитрифи. Особенно интересны три последние вида. На них, в отличие от дирхемов исмаили, арабские надписи занимают самое незначительное место, главное же — это изображения: бюст государя на одной стороне, священный жертвенник с огнем и стражи — на другой. Это не что иное, как схематизированное повторение изображений сасанидских монет одного из государей V в. н. э. Очень важная особенность экономики того времени заключалась в том, что налоги были исчислены именно в этих видах монет с изображениями, но каждая область платила налоги не любыми монетами, а каким-либо определенным видом. Например, область Шаш со своими рудниками и г. Ходжент платили только высокопробными дирхемами мусейяби; Согд с центром в Самарканде и Фергана платили дирхемами мухаммади; Бухара — только дирхемами гитрифи и т. д. А область Уструшана платила 48 тыс. дирхемов мухаммади и 2 тыс. дирхемов мусейяби.

Ясно, что эти три вида дирхемов чем-то существенно отличались друг от друга, иначе каждая область фиксированную сумму налога могла бы платить любыми из этих дирхемов. Существуют две точки зрения по этому вопросу: первая, что эти дирхемы с изображениями различались арабскими надписями⁵⁴, вторая —

⁵⁴Markoff A., 1891; Лепх П. И., 1909; Walker J., 1941; Массон М. Е., 1965 и др.

металлом⁵⁵. Вторая точка зрения находит подтверждение и в источниках. Мусейяби были из высокопробного серебра, недаром ибн Хаукаль отметил, что мусейяби — «из их сокровищ». Про дирхемы мухаммади Истахри пишет, что они сплавлены из железа, меди, серебра и пр., т. е. они были из низкопробного серебра. А гитрифи — из бронзы. Соответственно различалась и их покупательная способность: больше можно было купить на дирхемы мусейяби, меньше — на дирхемы гитрифи. Однако одной из особенностей денежного хозяйства IX—X вв. являлось то, что все три вида этих монет по курсу были выше серебряных общегосударственных дирхемов исмаили, т. е. даже на бронзовые гитрифи можно было купить много больше, чем на дирхемы исмаили.

Для мелкой торговли употреблялись медные монеты — фельсы. Они ходили в определенном соотношении с серебряными монетами. Например, в 921 г. в Бухаре серебряный дирхем равнялся 24 медным фельсам. Медные монеты были предназначены для внутриобластного обращения, но практически выходили за пределы области, хотя там они шли по более низкому курсу. Например, в том же 921 г. в Бухаре на самаркандские медные монеты можно было купить лишь $\frac{2}{3}$ того, что можно было купить на местные бухарские фельсы.

Особенности обращения дирхемов мусейяби, мухаммади, гитрифи и медных монет говорят о том, что даже в X в., в рамках достаточно централизованного Саманидского государства, Средняя Азия не представляла собой в экономическом отношении единого целого. Четко выделяются экономические области со своими рынками. Эти областные рынки, несмотря на растущие торговые связи, сохраняют некоторую обособленность, вплоть до особого состава монет. И правительство вынуждено было считаться с этими особенностями и традициями.

В этот период значительно развилась также торговля Мавераннахра с Востоком и Западом, особенно со странами Ближнего Востока, с кочевой степью на северо-восточных границах. Изменился и ассортимент товаров, бывших в ходу в торговле Мавераннахра с другими странами. Теперь чаще встречаются предметы, идущие для личного пользования широких слоев населения и для нужд кустарной промышленности. Караванный путь между Ближним Востоком и Китаем пролегал по Мавераннахру. Этот путь начинался в прибрежных средиземноморских странах, проходил через Багдад, Хамадан, Нишапур, Мерв, Амуй на Бухару, а оттуда через Самарканд, Шаш, Тараз, Баласагун, Суяб и южный берег Иссык-Куля вел в Монголию и Китай.

Караваны бывали иногда очень большие. Так, например, Ибн Фадлан, который в 921—922 гг. в качестве секретаря участвовал

⁵⁵ Давидович Е. А., 1966.

в посольстве халифа Муктадира в царство волжских болгар, утверждает, что караван посла состоял из 5 тыс. человек и 3 тыс. коней, не считая верблюдов⁵⁶. Однако обычные торговые караваны все же были меньше. С караванами часто ездили не только купцы, но и ремесленники, мастера, ученые, художники и путешественники. С ними же ездили и послы. В этих случаях караваны бывали действительно очень большими и сопровождались вооруженными отрядами.

Сильно была развита торговля Мавераннахра и Хорасана с Булгарским царством⁵⁷. Ибн Фадлан подробно описал торговый путь, связывавший Среднюю Азию и юго-восток Европы. Прежде торговый путь из Багдада и Ирана в Булгарское царство шел через Кавказ и Хазарское царство. Однако в начале X в., т. е. при правлении халифа Муктадира, отношения между багдадским халифом и Хазарским царством ухудшились, и торговые пути стали проходить через Мавераннахр. Ибн Фадлан пишет, что из Бухары торговые пути шли к Амударье, затем по Амударье в Кят — центр Южного Хорезма, потом в Ургенч, а оттуда через Эмбу в Булгарское царство. Таким образом, торговый путь огибал территорию Хазарского царства и шел по левому берегу Волги. По пути были выстроены постоянные дворы, где купцы останавливались на отдых. Об интенсивности торговых связей Средней Азии с Русью свидетельствует большое количество саманидских дирхемов исмаили, найденных в различных местностях России, вплоть до Балтийского моря⁵⁸. Из Булгарского царства через Хорезм вывозили меха, кожи, кору для дубления кож (последнее существенно в связи с развитым в самой Средней Азии кожевенным производством), скот, рабов, мед, орехи и многое другое. Из Средней Азии в Восточную Европу везли рис, сухофрукты, различные ткани, но более всего — серебряные дирхемы исмаили.

Бухара — столица Саманидского государства

VIII век для городского населения Мавераннахра был очень тяжелым. Наршахи в «Истории Бухары» рассказывает, что после захвата Бухары в 709 г. арабские завоеватели не только отобрали у местных жителей по половине их домов, но и освободили для себя целую часть города, где разместились представители арабских племен⁵⁹. Большинство арабских домовладений было расположено у Кухандизских ворот бухарского шахристана, так как это место считалось в Бухаре наиболее укрепленным.

⁵⁶ Ковалевский А. П., 1956, стр. 128.

⁵⁷ Якубовский А. Ю., 1932, стр. 12—15.

⁵⁸ Сводку окладах восточных монет в Восточной Европе см.: Янин В. Л., 1956.

⁵⁹ Наршахи, тегеранское изд., стр. 63 и сл.

В результате расширения торговых сношений между Ближним Востоком и Мавераннахром ускорилось превращение городов Средней Азии в города развитого феодального типа. Внешне это изменение шло разными путями: иногда изменялась внутренняя структура шахристанов, в других случаях прежний шахристан терял свое значение, а вне его развивался новый центр ремесла и торговли и т. д.

Бухара являет пример первого пути развития феодального города. Экономическая и политическая жизнь все больше концентрировалась внутри шахристана Бухары; там появились базар и кварталы ремесленников, были построены караван-сарай. По словам Наршахи, уже при Тахиридах в Бухаре была большая ткацкая мануфактура, где, вероятно, применялся труд рабов. Производимые в этой мастерской товары вывозились в центр халифата и в отдаленные города Ближнего Востока. В пределах прежнего шахристана выросли большие дома знати, появилось много новых зданий, в которых размещался государственный аппарат. Одновременно с внутренними изменениями бухарского шахристана произошло с начала VIII в. расширение города по трем направлениям: с юга, за воротами аттаров (бакалейщиков), появились базары и рабаты⁶⁰; в юго-западном и юго-восточном направлениях возникли базары и специальные кварталы ремесленников. К середине IX в. Бухара территориально сильно выросла, и в 849—850 гг. ее заново обнесли стеной, имевшей 11 ворот⁶¹.

Превращение Регистана Бухары в центр политической жизни Саманидского государства, возведение в северной части города эмирского дворца и постройка зданий диванов значительно изменили внешний облик города.

Концентрация экономической жизни в центре города сыграла большую роль в превращении Бухары в город феодального типа: в нем появились специальные улицы различных ремесленников, работавших в своих мастерских и здесь же торговавших. Вот почему в X в. вся центральная часть представляла собой базар, а сам город совершенно изменил свой прежний облик.

Институт феодальных пожалований и условное землевладение

X век — это уже период развитого феодализма. Саманидское государство было феодальным государством, защищавшим интересы крупных землевладельцев и купцов. Поэтому все сказанное выше о росте хозяйства, о развитии земледелия, ремесла и денежной торговли совершенно не дает оснований полагать, что этот подъем сопровождался улучшением жизни трудового народа.

⁶⁰ Рабат — постоянный двор, гостиница, а также пограничный форт, крепость.

⁶¹ Сухарева О. А., 1954, стр. 28 и сл.

Основными собственниками земли и воды были государство и крупные феодалы. Соответственно этому самыми распространенными категориями земель были государственные, феодальные, мильковые и вакуфные. Материалы предшествующего времени показывают, как интенсивно разорялись мелкие собственники и как они «добровольно» отдавали свои земли крупным феодалам⁶². Процесс этот в X в., конечно, продолжался.

Наряду с безусловной собственностью при Саманидах существовало и условное землевладение феодалов, основанное на пожалованиях за службу. Степень развития института феодальных пожалований за службу и условного землевладения — один из важнейших показателей уровня феодализации общества «сверху». Высказана была точка зрения, будто при Саманидах то и другое не играло существенной роли в социально-экономической жизни общества, а в XI—XIII вв., при Караханидах и Сельджукидах, получило быстрое развитие⁶³. Такая точка зрения сложилась, вероятно, под влиянием некоторых указаний письменных источников о том, что при Саманидах почти половина бюджета шла на жалованье за службу, а также прямого указания более позднего источника — «Сиясет-наме» о том, что в Хорасане при Саманидах икта⁶⁴ не раздавали. Сыграла свою роль и малочисленность прямых упоминаний в источниках случаев пожалования за службу в государстве Саманидов. Так родилось противопоставление двух периодов в истории Средней Азии: IX—X вв. и XI—XII вв.: развитие института феодальных пожалований целиком связывалось с завоеванием Средней Азии Караханидами и Сельджукидами.

Историко-нумизматические исследования позволили коренным образом пересмотреть этот вопрос на конкретном среднеазиатском материале⁶⁵. Они выявили еще 18 случаев феодального пожалования за службу, не считая тех, что уже были упомянуты в литературе, вроде Симджуридов в Кухистане и др. Ни в одном случае в качестве жалованных лиц не выступили рядовые представители служилого и военного сословия. Заметно, что в IX в. пожалования были преимущественно очень крупными (целые области, районы, города) и даны они в пользу именно членов династии. В X в., особенно во второй половине столетия, все чаще и чаще владельцами пожалований выступают не члены династии,

⁶² В Арабском халифате собственники земли на завоеванных территориях не редко вынуждены были передавать свою землю назад, но уже не в собственность, а во владение на тех или иных условиях (*Lokkegaard F.*, 1950, p. 68—70; *Lambton A. K. S.*, 1969, p. 21, 25—26).

⁶³ А. Ю. Якубовский (1949, стр. 37—38; он же в кн.: *Тревер К. Б.* и др., 1950) вообще не упоминает институт феодального пожалования и условное землевладение в главе, посвященной IX—X вв.

⁶⁴ О происхождении эволюции института икта на средневековом Востоке см.: *Lokkegaard F.*, 1950 p. 58 ff; *Cohen C.*, 1959; *Lambton A. K. S.*, 1967, 1969, p. 28—30, 53 ff.

⁶⁵ *Давидович Е. А.*, 1954, стр. 69—117; 1960 б, стр. 254—257; и др.

а разные сановники, причем порой даже и не очень видные. Размеры жалованных владений — иногда по-прежнему очень крупные, иногда заметно мельче.

Пожалования в IX—X вв. означали передачу жалованному лицу права на все или часть доходов жалованного владения, но эти пожалования не были ни пожизненными, ни наследственными. Пожалования были обусловлены службой; чаще всего служба эта была наместничеством в пожалованной области или городе, поэтому давала большие права и привилегии во внутренних делах. Жалованные владельцы иногда получали даже право предоставлять на монетах свое имя. В этих случаях особенно заметно, что взаимоотношение между центральной властью и жалованными владельцами, степень самостоятельности последних бывали различными. Например, некоторые медные монеты чеканены от имени главы династии, имя же жалованного владельца-наместника скромно обозначено на второстепенном месте как вассала (Самарканд и Шаш в третьей четверти IX в., Исфиджаб в начале X в.). Значительно чаще отношение обратное: медные монеты чеканены от имени жалованного владельца, глава же саманидской династии упоминает лишь почетно, в качестве сюзерена (ферганские города Ахсикет, Насрабад и Куба, а то и вся Фергана на разных отрезках времени в X в.). Но известен и еще один вариант, когда на медных монетах вообще нет имени главы династии, а есть только имена жалованных владельцев (Ахсикет и Шаш во второй половине IX и начале X в.). Здесь чувствуется попытка разорвать даже формальные отношения вассалитета. Такие попытки, по известным сейчас примерам, делали лишь члены династии, владевшие большими областями.

Жалованные владения часто превращались в настоящие самостоятельные уделы внутри Саманидского государства. Их владельцы (будь то члены династии или крупные сановники) часто присваивали те же самые титулы «эмиров» и «клиентов повелителя правоверных», которые носили главы Саманидской династии.

При Саманидах развиваются и оформляются типично феодальные отношения «многоступенчатого» вассалитета: феодальная иерархия. Зарегистрированы такие случаи, когда глава Саманидской династии жаловал крупному сановнику город или область, последний же уступал часть жалованных ему прав другому лицу и т. д. Для Ферганы, например, известен случай даже «четырёхступенчатого» вассалитета.

Следует отметить, что жалованные владельцы стремились расширять свои права, а центральная власть пыталась пресекать эти попытки. Борьба велась с переменным успехом. Например, уже упоминалось, что Наср ибн Ахмад пожаловал своему брату Исмаилу часть хараджа Бухарской области за службу в качестве наместника, но Исмаил пытался присвоить себе все доходы облас-

ти. Первые его попытки в этом направлении не были удачными, но в конечном счете он добился своего. Это было поражением центральной власти.

А вот в другом случае центральная власть одержала победу. Ферганские города Куба и Насрабад были пожалованы крупным сановникам. Попытки жалованных владетелей расширить свои права кончились тем, что оба эти владения были отобраны совсем. Еще раньше известна попытка превратить в пожизненное и наследственное владение Ахсикет, находившийся тогда в руках членов династии. Сначала это удалось: много лет Ахсикетом владел Исхак ибн Ахмад, затем город достался его сыну. И лишь после открытого восстания Исхака ибн Ахмада, претендовавшего на престол, и его поражения центральная власть отобрала Фергану у его семьи и пожаловала Ахсикет другому лицу, но со значительно меньшими правами. Область Кухистан при Саманидах была жалованным владением четырех поколений одной семьи — Симджуридов.

Итак, институт феодальных пожалований за службу в социально-экономической жизни государства Саманидов играл значительную роль. Даже центральные и самые основные области государства (Самарканд, Бухара, Шаш, Фергана и т. д.) и отдельные города на разных отрезках времени служили объектами пожалования и часто превращались в настоящие удельные владения внутри Саманидского государства.

Некоторые конкретные указания источников, аналогии с Западным Ираном и Ираком, особенно же свидетельство ал-Хорезми, позволяют заключить, что в Средней Азии пожалования такого типа при Саманидах обозначались терминами икта и тума. Ал-Хорезми был канцеляристом у саманидского везира и свое сочинение написал между 976—991 гг. «Задачей его, в основном, было дать справочник для канцелярий, который он задумал в виде терминологического объяснительного словаря, охватывающего весь круг знаний»⁶⁶. Феодальные земельные пожалования своего времени он обозначил двумя терминами⁶⁷. Тума (дословно «кормление») — пожалование только пожизненное, причем с пожалованной земли взималась и рента — налог определенного размера, иначе говоря, жалованное лицо в этом случае получало право не на все доходы, а только на их часть. Икта — это наследственное земельное пожалование, причем лицо, которому эту землю дали, считается ее владельцем. Хотя теоретически икта в это и последующее время считалась пожалованием только доходов с земли, на практике, как об этом свидетельствует ал-Хорезми, владелец икта уже в X в. обладал большими правами, и пожалование типа икта превратилось даже в наслед-

⁶⁶ Крачковский И. Ю., 1957, стр. 240.

⁶⁷ Кадырова Т., 1965, стр. 38, 42.

ственное. Разные варианты пожалований, выявленные для Средней Азии IX—X вв. главным образом на основании нумизматических данных, вполне отвечают существу пожалований икта и тума, как их описывает ал-Хорезми.

Вместе с тем нельзя упускать из виду тот факт, что почти половина государственного бюджета Саманидов шла на выплату жалования войску и должностным лицам. В государстве Саманидов явно боролись две тенденции: с одной стороны, институт феодальных земельных пожалований стремительно развивался; с другой стороны, центральная власть пыталась бороться с развитием этого института, тратя большие суммы на выплату жалования за службу.

Некоторые свидетельства источников показывают, что пагубные для экономики страны и для самой центральной власти последствия развития института феодальных земельных пожалований были вполне понятны современникам. Если те или иные обстоятельства создавали благоприятные условия, позволяющие обходиться без земельных пожалований, — центральная власть старалась не раздавать землю в кормление и владение (так было, например, при первых Газневидах).

Государство Саманидов, с этой точки зрения, переживало своего рода переходный период. Сосуществование в нем двух противоборствующих тенденций привело к тому, что в IX—X вв. институт икта и тума, очевидно, совсем не распространялся на рядовых представителей служилого и военного сословия — здесь центральная власть еще удерживала свои позиции. Что же касается верхушки господствующего класса, то тут центральная власть вынуждена была идти на все более широкие раздачи земель, пытаясь только (и то не всегда успешно) бороться против их превращения в наследственные владения. Не подлежит сомнению, что в западных областях халифата (особенно во второй половине X в. в государстве Буидов) процесс феодализации общества в этом плане зашел дальше. Но и в государстве Саманидов удельный вес типично феодального, т. е. условного (на основе пожалований) землевладения был явно очень велик.

Феодальная рента, положение крестьянства и народные движения

При Тахиридах и Саманидах «печатание» земледельцев, низводившее их до положения рабов, прекратилось, причем решающую роль в отмене этого жестокого и унижительного обычая сыграло упоминавшееся выше восстание Муканны в Мавераннахре и столь же крупное народное движение в Азербайджане. А. Ю. Якубовский предполагает, что несколько уменьшился размер отработочной ренты, так как при Саманидах крестьянам не приходи-

лось строить и ремонтировать стены для отпора кочевников⁶⁸. Однако все это не значит, что в целом снизилась общая норма феодальной земельной ренты, норма феодальной эксплуатации. Развитие института икта, безусловно, влекло за собой усиление феодальной эксплуатации крестьянства. С другой стороны, и государство регулярно собирало фиксированную норму хараджа, иногда даже дважды в год под видом займа в счет следующего года. И, наконец, можно предполагать, что бурное развитие в IX—X вв. товарно-денежных отношений должно было оказать самое существенное влияние на земельную ренту в сторону ее фактического увеличения. На первый взгляд, это предположение не находит подтверждения в фактах. Действительно, согласно источникам IX—X вв., рента-налог с разных областей Средней Азии была исчислена в деньгах, и размер ее, выраженный определенной суммой, оставался неизменным. Однако факты явно свидетельствуют о том, что неизменность эта была чисто внешней, на деле же в течение IX—X вв. происходило неуклонное увеличение фактического размера ренты-налога⁶⁹. Это видно из следующего. Согласно данным Наршахи⁷⁰, харадж Бухары сначала был немногим менее 200 тыс. серебряных дирхемов. Когда начался выпуск дирхемов гитрифи, был установлен курс: 1 серебряный дирхем = 6 дирхемам гитрифи, так что харадж Бухары оказался немногим менее 1200 тыс. дирхемов гитрифи⁷¹. Впоследствии курс дирхемов гитрифи поднялся, и в конце концов серебряные дирхемы и дирхемы гитрифи сравнялись по покупной способности. Но правительство по-прежнему взимало харадж только дирхемами гитрифи. А это значит, что фактический размер хараджа за определенное время вырос в 6 раз! Но и это не все. К 835 г. соотношение между серебряными дирхемами и дирхемами гитрифи еще более изменилось: теперь 10 серебряных дирхемов равнялись не 10, а только 8,5 дирхемам гитрифи. А в 921 г. 10 серебряных дирхемов равнялись уже лишь 7 дирхемам гитрифи. Если первоначальный размер хараджа счесть за 100%, то к 921 г. харадж вырос до 857%. Цифра эта, конечно, условная, так как невозможно учесть многие другие факторы (изменение цен на товары и продукты и т. д.). Но одно не вызывает сомнения: на протяжении IX—X вв. размер хараджа Бухары, внешне неизменный, фактически возрастал. Ясно также, что аналогичный процесс должен был иметь место и в других областях Средней Азии.

Не совсем ясен чрезвычайно важный вопрос: в какой форме взималась земельная рента. Источники более позднего времени

⁶⁸ Якубовский А. Ю., 1949, стр. 35—36.

⁶⁹ На эти факты обратила наше внимание Е. А. Давидович.

⁷⁰ Наршахи, тегеранское изд., стр. 43—44; в переводе Н. Лыкошина есть серьезные искажения.

⁷¹ 1 168 567 — у Наршахи, 1 189 200 — у Ибн Хордалбега, 1 166 897 — у Мақдисси.

показывают, что в Средней Азии феодальная земельная рента, как правило, взималась в смешанной форме (продуктовой, отработочной и денежной) с преобладанием продуктовой. Источники IX—X вв. харадж упоминают в денежном выражении. Но важно выяснить, взимался ли харадж практически с непосредственного производителя именно деньгами или он только исчислялся в деньгах, взимался же продуктами. Лишь в первом случае можно было бы сделать ответственный вывод о преобладании денежной формы ренты-налога.

А. Ю. Якубовский был сторонником того, что «денежная доля хараджа в IX—X вв. становится основной»⁷². При этом он опирался на известный рассказ Наршахи о том, как в 874 г. Бухарой овладел Хусейн ибн Тахир, который собрал харадж Бухары дирхемами гитрифи, собирався обменять их на чистое серебро⁷³. Таким образом, земельная рента-налог в Бухаре тогда была действительно собрана деньгами. О том, что это был не единичный случай, свидетельствуют вышеизложенные факты относительно хараджа Бухары, в частности та часть текста, где повествуется, как правительство после «подорожания» дирхема гитрифи отозвалось принимать харадж серебром и требовало именно гитрифские дирхемы. Взимание хараджа в денежной форме известно для IX—X вв. и для многих областей Ирака⁷⁴.

Бухара была одним из крупнейших центров ремесла и торговли. Вся бухарская область была втянута в товарно-денежные отношения. Уже упоминалось, что даже во многих селениях близ Бухары было развито товарное производство. Но не во всех областях Средней Азии товарное производство было развито в равной степени, не везде товарно-денежные отношения достигли одинакового уровня. Для многих областей, особенно окраинных, трудно представить реальную возможность господства денежной формы ренты. Конкретные факты, которыми мы располагаем, касаются высокоразвитой Бухарской области. Было бы преждевременно на основании этих немногих фактов делать широкие обобщения в рамках всей Средней Азии: возможно, характер взимания хараджа был неодинаков в различных областях, в одних он мог быть денежным, других — натуральным, в третьих — смешанным.

В IX—X вв. основная часть непосредственных производителей делилась на две группы: крестьяне-общинники и крестьяне-арендаторы. Грань между ними иногда стиралась, так как арендаторами-издольщиками становились не только безземельные, но и малоземельные крестьяне.

В литературе было высказано положение, что на Востоке издольная аренда была основной формой эксплуатации крестьян,

⁷² Якубовский А. Ю., 1932 стр. 46.

⁷³ Наршахи, тегеранское изд., стр. 92.

⁷⁴ Lambton A. K. S., 1969, p. 31—49.

крестьянин-издольщик являлся центральной фигурой в земледелии⁷⁵. Однако, если основываться на фактах, придется признать, что вопрос о месте и удельном весе общины и издольной аренды конкретно для Средней Азии IX—X вв. еще не изучен.

Утвердившиеся формы феодальной эксплуатации в саманидский период (фактический рост феодальной земельной ренты; случаи, когда годовая норма собиралась дважды; развитие условного землевладения на основе пожалования; издольная аренда и т. д.) приводили к тому, что огромные массы людей оказывались полностью лишенными земли и целиком зависимыми от крупных землевладельцев. Простой народ — крестьяне, ремесленники — жил в большой нужде и все больше и больше разорялся.

Саманиды возводили величественные дворцы, строили мечети, мечети за счет трудового народа, на плечи которого тяжким бременем ложились расходы по строительству. Все это, вместе взятое, являлось причиной ряда массовых восстаний крестьян против невыносимого феодального гнета.

Еще Исмаил Саманид в первый же год правления подавил крупное крестьянское восстание. Об этом восстании Наршахи писал: «Один из разбойников собрал вокруг себя народ. Собрались 4 тыс. человек из бродяг и сельских бездельников, и все они разбойничали на дороге между Рамитаном и Баркадом. Дело кончилось к тому, что они (восставшие. — Б. Г.) намеревались пойти на город (т. е. Бухару — Б. Г.)»⁷⁶.

Безусловно, речь идет здесь о восстании трудового крестьянства. Но, являясь выразителем интересов феодалов, Наршахи резко отрицательно относится к народным восстаниям, именуя восставших и их вождей «бродягами», «разбойниками».

Не менее тяжелым было положение ремесленников. Таджикский арабоязычный поэт Абу Хатим ал-Варрак, мастер по изготовлению бумаги, на закате своей жизни, после 50 лет занятий своим ремеслом, пришел к такому заключению:

Поистине, изготовление бумаги — занятие презираемое,
Несчастное, жизнь моя с ним тяжела.
Если я живу, то живу и нет у меня пищи,
Или же [если я] умру, то умру и нет у меня савана.

Основным внутренним противоречием в государстве Саманидов была борьба между трудящимися классами — крестьянами, ремесленниками, с одной стороны, и господствующим классом феодалов и его правящей верхушкой — с другой.

В большинстве случаев классовая борьба, возникавшая на

⁷⁵ Якубовский А. Ю., 1934, стр. 61—62; 1947.

⁷⁶ Наршахи, тегеранское изд., стр. 95.

экономической почве (увеличение хараджа и т. п.), находила свое идеологическое выражение в столкновении между официальной религией и религиозными ересями, под флагом которых выступали угнетенные классы. Борьба такого рода происходила в Бухаре, Систане, Чаганиане.

Между прочим, карматство также было религиозной формой протеста народных масс против угнетения и эксплуатации. Раннее карматство вобрало в себя множество доисламских религиозных представлений, в том числе и некоторые элементы мадакизма. Карматы проповедовали возврат к укладу сельской общины с равенством ее свободных членов наряду с сохранением рабства. Проповедь общинного равенства привлекала к карматам значительные группы крестьянства, закабаляемого феодалами. В этом причины быстрого распространения карматства по всему Переднему Востоку.

В Средней Азии многие народные движения X—XI вв. примыкали к карматской секте. Многие передовые люди того времени воспринимали карматство как оппозицию против господствующего гнета, как призыв к общественному равенству.

Карматское движение было глубоко противоречиво с самого момента зарождения. Это, с одной стороны, движение народных масс против новых, феодальных порядков, с другой — движение знати против центральной феодальной власти.

Завершение процесса образования таджикского народа

В период, когда власть над Мавераннахром и Хорасаном была сосредоточена в руках Саманидов, завершился процесс образования таджикского народа. В новых условиях государственной независимости были возрождены многие культурные традиции и вместе с тем созданы новые культурные ценности, в частности классическая поэзия, получившая мировое признание.

Еще задолго до арабского проникновения в Среднюю Азию на основе усиления экономических и культурных связей между отдельными районами и государственными образованиями Средней Азии, роста городской жизни в условиях развития феодальных отношений явственно наметилась тенденция к соединению и слиянию некоторых, преимущественно оседлых, среднеазиатских народностей в один народ.

Этнические процессы, протекавшие на территории Средней Азии с древнейших времен, привели к тому, что здесь сформировались отдельные народности, такие как согдийцы, хорезмийцы, ферганцы, тохарстанцы и др. У каждой из этих народностей была собственная культура. Специфичность этих локально-этнических культур не следует преувеличивать, так же как и степень их единства, ибо каждая из них состояла из мозаики субкультур

Языки этих народностей принадлежали к числу восточноиранских, однако для Тохаристана источник указывает три языка: «местный» (по-видимому, восточноиранский), какой-то «тохаристанский» и тюркский. Этнический массив состоял из оседлых и кочевников, последние до рубежа нашей эры были почти исключительно восточноиранскими, в частности кочевники, входившие в сакскую группировку. С последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры наряду с притоком ираноязычных групп начинаются вторжения иноязычных групп, в частности тюркоязычных. Крупные массивы последних переселяются в Среднюю Азию лишь во времена Тюркского каганата; с VI—VIII вв. тюрки начинают играть существенно важную роль в среднеазиатской этнической истории.

Границы этнических образований отнюдь не были непроницаемы, этническая диффузия происходила постоянно и непрерывно. Этот процесс протекал не только между однородными в культурном отношении массивами, но и между разнородными, скажем, между оседлыми и кочевниками. Оседание кочевников, переход их к земледелию, включение в состав населения, проживающего в поселениях, в том числе в городах, — все эти процессы протекают на территории Средней Азии на протяжении тысячелетий. Существенно также, что и разноязычные этнические массивы в случае территориальной близости вступали в теснейшие культурные, экономические и межгрупповые этнические контакты. Это привело к появлению частичного или полного двуязычия, утрате своего языка, различным формам взаимного усвоения элементов культуры и хозяйства или всего культурно-хозяйственного комплекса, созданию форм взаимосвязанного хозяйственного уклада и т. д. Механизм и варианты таких взаимоотношений детально изучены лингвистами и этнографами и для Средней Азии. В результате мы видим такие крайние полюсы, как, например, таджикоязычные хардури, усвоившие образ жизни и культуру кочевых узбеков, и, напротив, первоначально кочевое и тюркоязычное племя «тюрк», в новое время в Кулябской группе районов полностью перешедшее к земледельческому труду и усвоившее таджикский язык. Очень интересны различные формы двуязычия, распространенные, например, у чустских или мухарских таджиков⁷⁷.

Разумеется, смешанные браки, метисизация населения имели место — об этом прямо свидетельствуют письменные источники. Основной массив среднеазиатского населения принадлежал к расе Среднеазиатского междуречья, иначе называемой памиро-ферган-

⁷⁷ Кармышева Б. Х., 1957; 1960; 1960 а; 1964; Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., 1953; Сухарева О. А., 1958; 1966; Эшниязов М., 1956; 1967 и др. Из работ лингвистов: Боровков А. К., 1952; Расторгуева В. С. и др., 1964, а также материалы сборника «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР» (М., 1969).

ской. Это один из расовых типов большой европеоидной расы. Он был выделен, описан и проанализирован советскими антропологами, в частности Л. В. Ошаниным и А. И. Ярхо. Этот антропологический тип характеризуется следующими признаками: лицо не плоское, а слегка выдающееся вперед, с обильной растительностью. Скулы развиты слабо, лицо не широкое и не высокое, нос средней высоты с прямой спинкой (у памирцев — чисто «орлиный» нос). Цвет глаз темный, со значительной примесью, волосы черные. Череп, если смотреть сверху, — округлый, отсюда название «брахицефалы» («круглоголовые»). Рост средний (166—167 см).

К расе Среднеазиатского междуречья относятся таджики (в наиболее чистом виде она представлена горными и припамирскими таджиками) и узбеки, но у последних имеется значительная примесь монголоидных элементов.

Есть несколько гипотез о происхождении этой расы. По одной, она возникла на основе смешения более древних, распространенных в Средней Азии европеоидных расовых типов: по другой — в результате трансформации одного из этих типов — примерно в начале I тыс. н. э. Некоторые антропологи значительно углубляют эту дату.

В середине I тыс. н. э. усиливается приток тюркских племен и вместе с ними монголоидного расового типа. Однако на первых этапах монголизация расового типа далеко отстает от процесса тюркизации по языку.

В последующую историческую эпоху развитие расы Среднеазиатского междуречья продолжалось, и к настоящему времени она претерпела значительные изменения, отличные в разных областях ее расселения (под влиянием по-разному протекавших и комбиниовавшихся процессов вековой трансформации, смешения и явления изоляции)⁷⁸.

В Средней Азии ко времени арабского завоевания были распространены восточноиранские языки, такие как согдийский, ферганский, хорезмийский, эфталитский. Парфянский язык, принадлежащий к кругу западноиранских, к V—VI вв. н. э. в целом исчез с территории Южной Туркмении и Хорасана.

Таджикский язык (порси-и дари) исторически сформировался и вышел на широкую арену политической и культурной жизни в Хорасане, Сиистане и Мавераннахре, где сложились первые независимые от халифата государственные образования восточноиранских народностей. Именно здесь местная феодальная знать и поддерживающие ее круги стали выдвигать свой родной язык (порси-и дари) в качестве государственного литературного языка.

⁷⁸ Ошанин Л. В., 1937; 1957; 1957 а; 1958; 1959; Ошанин Л. В. и Зезенкова В. Я. 1953; Гинзбург В. В., 1949; 1959; 1964; Дебей Г. Ф., 1948; Рычков Ю. Г., 1969; и др.

Находки в Мерве персидских (среднеперсидских) надписей, относящихся к рубежу VII—VIII вв., позволяют предполагать, что к этому времени здесь уже пользовались языком фарси. Согласно важному свидетельству ал-Джахшяри, вплоть до 742 г.⁷⁹ в Хорасане пользовались персидской письменностью (вероятно, на основе пехлевийского алфавита), причем писцы назывались магами. По сообщениям ал-Мукаффы и Мукаддаси, можно судить о том, что уже в первой половине VIII в. язык фарси (таджикский) был распространен в Балхе.

В VII—VIII вв. этот язык занимал уже прочное положение в Северо-Восточном Иране, Северном Афганистане и на юге Средней Азии, в том числе и в Южном Таджикистане. Об этом свидетельствуют помимо вышеуказанных данных ал-Мукаффы сообщение Хой Чао о наличии особого «тохаристанского» языка, сведения Табари о насмешливом стихотворении, которое распевали жители Тохаристана в связи с поражением арабов, данные древней топонимики. В сочинениях авторов VIII—X вв. таджикский язык (его называли «забани фарсий дари», или «забани фарси») связывается с Хорасаном, в частности с Балхом. Вполне вероятно, что именно в период, предшествующий арабскому завоеванию, сформировались многие его важные особенности. Политические причины, гонения против местной культуры — все это создало неблагоприятные условия для дальнейшего развития согдийского, хорезмийского и других восточноиранских языков.

Из Мерва, Балха и других административных, экономических и культурных центров Северного Хорасана фарси распространялся на территорию Мавераннахра, вытесняя постепенно местные восточноиранские языки Средней Азии — согдийские и бактрийские диалекты. Науке недостаточно хорошо известны детали этого процесса и конкретно-исторические условия, в которых он протекал. Возможно, язык фарси еще за несколько веков до арабского завоевания уже проник в Среднюю Азию вместе с манихейством. Известно, что в крупных центрах Средней Азии, например в Самарканде, существовали в VI—VII вв. значительные манихейские общины. Есть основания предполагать, что в них, как и в манихейских общинах Восточного Туркестана, пользовались языком фарси.

Отметим прежде всего, что среди войск Арабского халифата, осуществлявших захват Мавераннахра, имелось значительное число лиц неарабского происхождения. Это так называемые мавалл, т. е. представители покоренных арабами народов, принявшие мусульманство и находившиеся под покровительством отдельных арабских племен. Известно, что в составе войск арабских намест-

⁷⁹ С 742 г. арабский язык и арабское письмо стали обязательными для административного аппарата Хорасана, а следовательно, и Мавераннахра, административно входившего в Хорасанское наместничество.

ников Хорасана, руководивших завоеванием Мавераннахра, число таких мавали, главным образом хорасанцев, было довольно велико. Привлекаемые жаждой богатой добычи, эти фарсиязычные, принявшие ислам мавали были активными участниками завоевания Мавераннахра и насаждения в завоеванных областях мусульманства. (Разумеется, распространение языка в соответствующей ситуации может быть более широким, значительно превосходящим объем этнических перемещений — хрестоматийный пример тому дает история латинского языка в Западной Европе). Сохранившиеся хадисы (священные предания мусульман) свидетельствуют о том, что язык фарси был в ту эпоху, как, впрочем, и позднее, одним из важных орудий мусульманской пропаганды. Из рассказа Наршахи (X в.) о постройке в 74 г. хиджры, т. е. в 712—713 гг. большой мечети в цитадели Бухары явствует, что для пропаганды ислама и в исламском ритуале использовался местный язык (или языки) жителей Бухары.

Известно также, что один из мусульманских миссионеров отказывался (в 728 г.) от пропаганды ислама в Самарканде на том основании, что он неискусен в фарси.

Процесс перехода согдоязычного населения Мавераннахра на язык фарси был, конечно, процессом очень длительным. Согласно запискам китайского паломника Сюань-цзана, проехавшего через Среднюю Азию в 629 г., название Су-ли (Согд) прилагалось ко всей территории от Суяба (долина реки Чу) до Кеша (современный Шахрисабз, к югу от Самарканда) и соответственно к языку населения и письменности всей этой области. Как видно, в начале VII в. согдийский язык был широко распространен не только в собственно Согде (долина Зеравшана и прилегающие районы, Кашкадарьинский оазис и др.), но и в Семиречье — области интенсивной согдийской колонизации. Доказательством того факта, что в первой четверти VIII в. население долины Зеравшана говорило еще по-согдийски, является уже упоминавшийся архив согдийских документов с горы Муг. Как показывает изучение этого архива, вся внутренняя переписка Деваштича и других согдийских феодалов велась на согдийском языке. На этом языке написаны письма, отправленные от его имени, по-согдийски же пишут его корреспонденты. Интересный факт, относящийся к периоду арабского завоевания Бухары, сообщает Наршахи. Завоеватели принуждали бухарцев ходить на молитву в упомянутую выше мечеть. Но так как бухарцы (или какая-то часть бухарцев) не знали в то время ни арабского, ни персидского языков, то позади молящихся стоял специальный человек, который подсказывал им по-согдийски, когда нужно становиться на колени или выполнять какие-либо другие требования ритуала.

По-видимому, только к IX—X вв. основная часть населения крупных городов Мавераннахра (Самарканд, Бухара) перешла на язык фарси.

В X в. в Бухаре уже существовала, как известно, весьма развитая литература на языке фарси. Однако в сельских местностях, в горных районах, удаленных от больших городов, от основных путей сообщения, еще держался согдийский язык. По свидетельству арабоязычного географа Мукаддаси, еще в конце X в. в бухарских рустаках (сельские местности, зависимые от Бухары) говорили по-согдийски: «...У согдийцев есть свой язык; на него похожи языки бухарских рустаков; они очень различны. Их там понимают; я видел славного имама Мухаммада ибн Фадла, который много говорил на них».

Как уже указывалось, в верховьях Зеравшана, по верхним его притокам, согдийские диалекты сохранялись на протяжении всего средневековья, а один из них существует в долине Ягноба (левый приток Зеравшана) и поныне.

Переходя на язык фарси, согдоязычное население привнесло в него некоторые элементы согдийского языка, главным образом лексические ⁸⁰.

Аналогичными путями происходило вытеснение языком фарси местных восточноиранских диалектов горных районов древнего Тохаристана.

Итак, «забани фарси» распространяется прежде всего в городах и лишь затем в сельских местностях, где еще в X—XI вв. были большие группы, говорившие на согдийском и хорезмийском языках. Как сообщают путешественники X в. и как явствует из близких по времени текстов, язык фарси, т. е. таджикский, распался на ряд диалектов и жители каждого крупного города и района имели свой диалект. Сообщается о диалектах Самарканда, Герата, Нишапура, Мерва, Балха и др. Вместе с тем эти восточные диалекты благодаря изоляции, специфичности произношения, включению многих слов из восточноиранских языков сильно отличались от западных. Диалекты востока именовались «фарси», диалекты запада — «аджами», и лишь позже название «фарси» стало прилагаться к западным диалектам. По мнению лингвистов, уже в X—XI вв. намечаются некоторые существенные особенности, характерные для современного таджикского языка и отличающие его от современного персидского языка. Однако полностью эти отличия сформировались примерно на полтысячелетия позже.

Многие важные вопросы сложения и развития таджикского языка еще не получили окончательного истолкования в трудах лингвистов; дискуссионными остаются, в частности, место и время сложения этого языка ⁸¹.

⁸⁰ Лившиц В. А., 1957, стр. 31 и сл.

⁸¹ Бехар М. Т., I—II, 1942; Мирзоев А., 1949; Бертельс Е. Э., 1950; Фазылов М. Ф., 1954; Болдырев А. Н., 1955; Семенов А. А., 1960; Lazard, 1961; Лившиц В. А., 1962 а; Капранов В. А., 1964.

На таджикском языке в IX—X вв. развивается обширная литература. В основу литературного языка легли хорасанско-среднеазиатские говоры. Складывается литературный таджикский язык, на котором были написаны замечательные шедевры таджикско-персидской литературы.

Развитие литературы явилось лишь одной из сторон, хотя и очень важной и яркой, возникновения и становления таджикской культуры. IX—X вв. характеризуются четко выраженными процессами в области развития науки, духовной и материальной культуры, процессами, знаменующими создание среднеазиатских школ и направлений. Происходит дальнейшая унификация культуры отдельных исторических областей.

Итак, к эпохе IX—X вв. в Среднеазиатском междуречье (Мавераннахре) и Хорасане складывается большая этно-культурная общность, почти целиком входившая в состав государств Тахиридов, Саффаридов и, особенно, Саманидов. Свое этническое имя эта общность получает на рубеже X—XI вв. или в первой половине XI в. Как рассказывает Абу-л-фазл Бейхаки, в 435/1043-44 гг. один из приближенных султана сказал: «У нас, у тази-ков...»⁸². До этого, еще в X в. термином «тази» обозначали и арабов. Бехаки же, рассказывая об одной стычке после битвы при Давденакане (1040 г.), сообщает, что индийцы, арабы и курды бежали, а воины-тазики стойко сражались с врагом⁸³. Итак, в первой половине XI в. термин «таджик» стал «самоназванием» сформировавшегося в Средней Азии и Хорасане народа⁸⁴.

Хотя сложение таджикского народа завершилось уже в IX—X вв., в последующие столетия он не остается неизменным. С одной стороны, происходит процесс консолидации таджикского народа, усиление общности его духовной и материальной культуры. Однако иноземные завоевания, феодальная раздробленность порождают процесс, направленный в обратную сторону. Все большую и большую роль в этнической и культурной истории таджиков играет теснейший контакт с тюркоязычными племенами и народами Средней Азии, роль которых значительно и скачкообразно возрастает во II тыс. н. э. Происходит сближение между этими народами, они совместно ведут борьбу против классовых врагов и иноземных захватчиков. Во всех народных восстаниях последующих веков, в героической борьбе против иноземных захватчиков мы видим рядом предков всех народов Средней Азии. И в частности народов-соседей — таджиков и узбеков. Изучая самобытный вклад, внесенный каждым из этих народов в сокровищницу мировой культуры, мы вместе с тем констатируем их взаимную связь и влияние друг на друга.

⁸² Бейхаки, 1969, стр. 725.

⁸³ Там же, стр. 758—759.

⁸⁴ Мандельштам А. М., 1954 а, стр. 58.

Первые письменные произведения на таджикском языке (дари, фарси дари)

Завоевание Мавераннахра и присоединение его к Арабскому халифату означало распространение здесь не только ислама, но и арабского языка. Так же как и в других областях халифата, арабский язык считался в Мавераннахре языком религии и государства. Местная аристократия, стремившаяся как можно теснее сблизиться с арабскими правителями, усиленно старалась изучить арабский язык. Среди нее появились люди, совершенно забывшие свой родной язык и говорившие только по-арабски. Вместе с тем арабским языком как языком науки пользовались ученые, происходившие из народов Средней Азии. Известны написанные на арабском языке труды местных ученых, таких как хорезмиец Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми (780—863 гг.)⁸⁵, ферганец астроном ал-Фергани (IX в.), Ахмад ибн Абдаллах ал-Мервези (из Мерва, умер около 870 г.), языковед Себавейхи (умер около 800 г.) и др.

Период правления Тахиридов, являвшийся первым шагом к освобождению от власти халифата, несколько изменил это положение. Первые Тахириды подчеркнуто пренебрежительно относились к литературе на родном языке, но в конце этого периода местная аристократия, которая прежде считала изучение и применение арабского языка одним из средств упрочения своего положения, не могла больше игнорировать язык широких масс. Для упрочения власти в стране необходимо было опереться на местное население. Попытки введения в литературный обиход наряду с арабским языком местного языка, языка коренного населения страны, являлись своего рода политической демонстрацией. Этим шагом местная аристократия еще раз подчеркивала свою независимость от власти Арабского халифата. Вот почему со времени Тахиридов в придворных кругах и среди правящих слоев начинают писать на местном языке. Якуб ибн Лейс, представитель династии Саффаринов, сменившей Тахиридов, открыто отказался слушать посвященные ему стихи на арабском языке.

При Саманидах таджикский язык того времени, называвшийся в письменных произведениях дари, или фарси дари, был принят в основном как государственный язык. Официальная переписка по вопросам, не имевшим отношения к религии, стала вестись преимущественно на этом языке.

⁸⁵ Известный историк науки Сартон пишет о нем, что он был «величайшим математиком своего времени, а если принять во внимание все обстоятельства, одним из величайших всех времен».

Языку дари открылся также доступ в область прэтической и прозаической литературы. Наряду с произведениями на арабском языке стало появляться все больше произведений на языке дари.

К сожалению, большинство ранних памятников письменности саманидского периода до нас не дошло. Но и на основании того, что осталось, можно утверждать, что достижения того времени в области языка, как в прозе, так и в поэзии, были велики.

Одним из дошедших до нас памятников прозы саманидского периода, написанных на языке дари, является предисловие к прозаической «Шах-наме», написанной в г. Тусе в 957 г. по приказу и под наблюдением одного из крупных деятелей того времени Абу Мансура Мухаммада ибн Абд ар-Раззака, который при Саманидах неоднократно являлся правителем Туса и Нишапура (в Хорасане), а в 960—962 гг. дважды был главным военачальником в Хорасане. С помощью мобедов (зороастрийских жрецов) и ученых были собраны сведения о прошлом иранских народностей, изложенные затем в форме книги, послужившей впоследствии одним из источников для «Шах-наме» Фирдоуси.

Дошедшее до нас предисловие к «Шах-наме» Абу Мансура представляет собой прозаическое произведение на языке дари, в котором встречается не более двух процентов арабских слов, если не считать имен собственных.

Другим произведением, написанным на языке дари, является перевод с арабского «Истории» Табари, сделанный Балами.

Абу Али Мухаммад Балами, бывший везиром во время правления Мансура ибн Нуха Саманида, по приказу последнего в 963 г. завершил перевод этой книги. Балами добавил к переводу описание многих эпизодов из жизни иранских народов, например дастан «Бахрам Чубин», которого в «Истории» Табари не было. По сравнению с языком предисловия «Шах-наме» Абу Мансура в переводе Балами встречается больше арабских слов, но в грамматической структуре, в построении фраз и в отдельных выражениях разницы нет.

К памятникам того периода принадлежит также перевод арабской книги «Тафсири Табари» («Комментарий Табари» к Корану). Этот «Комментарий» состоял из 14 томов и переведен учеными Мавераннахра в 962 г., т. е. одновременно с «Историей» Табари. Один из известных ученых саманидской эпохи, крупный знаток поэзии и истории Абу ал-Муайяд Балхи написал на языке дари книгу «Аджаиб ал-булдан» («Чудеса городов»). Как сообщает автор «Истории Систана», Абд-ал-Муайядом были написаны также и «Шах-наме» и «Гаршасп-наме», от которых, к сожалению, сохранились лишь небольшие отрывки.

Кроме перечисленных произведений к числу прозаических памятников, написанных на языке дари того периода, принадлежит еще ряд научных сочинений, в том числе написанное неизвестным автором в конце X в. географическое произведение «Худуд

«Алам» («Пределы» мира) — один из важнейших источников для изучения социально-экономического строя Средней Азии и других стран X в. В 1950 г. был переведен со среднеперсидского на дары сборник рассказов «Синдбад-наме».

Развитие художественной литературы

Политическое положение в Средней Азии уже в начале IX в. подготовило благоприятные условия для развития на таджикском языке (дары) новой письменной литературы, связанной с устным народным творчеством и усвоившей высокую поэтическую культуру на арабском языке; в саманидский же период эти условия принесли свои плоды. Вот почему саманидский период считается периодом возникновения классической таджикско-персидской литературы.

Следует, однако, уточнить, что «саманидский период» фактически не является периодом зарождения новой таджикско-персидской литературы, это только период ее официального признания и письменного оформления, период расцвета.

Задолго до создания государства Саманидов таджики устно слагали на своем языке художественные произведения. Сохранение доисламских литературных традиций в продолжение всего периода арабского владычества, древних сюжетов и художественных образов является одним из доказательств того, что истоки таджикско-персидской литературы относятся к более древним временам, чем IX в.

Наряду с литературой на таджикском языке (дары) развивалась при Саманидах и литература на арабском языке. Творцами этой литературы в Хорасане и Мавераннахре были в большинстве случаев представители иранских народностей Ирана и Средней Азии, предки современных таджиков и персов, которые соприкасались с официальными кругами и кроме своего родного языка прекрасно владели арабским.

Уроженец Средней Азии Саалиби в своем труде на арабском языке «Ятимат ад-дахр» («Редкая жемчужина») дал подробные сведения о поэтах саманидского периода, проживавших в Бухаре, Хорезме и Хорасане и писавших на арабском языке. Из 119 упомянутых им поэтов большинство были эмиры, везиры, письмоводители и военачальники, что еще раз показывает связь поэтов, писавших по-арабски, с официальными кругами.

Этот период в развитии классической таджикско-персидской литературы средневековья является одним из самых значительных.

Саманиды привлекали к своему двору поэтов с целью распространить свою славу. С другой стороны, стремление к популярности, а также стесненное материальное положение заставляли

поэтов и писателей примыкать ко двору того или иного правителя.

В литературе саманидского времени, как и в литературе последующих веков феодального периода, можно отметить две тенденции: народную и феодальную (клерикально-аристократическую)⁸⁶. В последующем изложении основное внимание, естественно, уделяется писателям, в творчестве которых преобладает народная тенденция.

Признанным родоначальником классической таджикско-персидской поэзии является Рудаки, бывший в юности народным певцом и музыкантом.

Абу Абдаллах Джафар Рудаки родился в середине IX в. в селе Пандж Руд (вблизи Пенджикента) в крестьянской семье. О жизни этого замечательного поэта, и особенно о его детстве, сохранилось очень мало данных.

Для понимания судьбы Рудаки решающее значение имело открытие основоположника таджикской советской литературы С. Айни. После тщательного исследования первоисточников и расспроса местных старожилов С. Айни сделал вывод, что в родном селе Рудаки находится его могила, местонахождение которой до этого никому не было известно. Этот факт пролил свет на всю жизнь Рудаки и подтвердил, что блестящий поэт, пользовавшийся исключительным покровительством Саманидов, провел последние годы, как и рассказывает легенда, в опале, умер и похоронен в безвестном горном селе. Такова была судьба поэта в феодальную эпоху⁸⁷.

Рудаки в юности стал популярен благодаря своему прекрасному голосу, поэтическому таланту и мастерской игре на музыкальном инструменте руде. Он был приглашен Насром II ибн Ахмадом Саманидом (914—943 гг.) ко двору, где и прошла большая часть его жизни. Как говорит Абу-л-Фазл Балами, «Рудаки в свое время был первым среди своих современников в области стихотворства, и ни у арабов, ни у персов нет ему подобного»; он считался не только мастером стиха, но и прекрасным исполнителем, музыкантом и певцом. Рудаки воспитывал начинающих поэтов и помогал им, что еще больше поднимало его авторитет.

Однако в преклонном возрасте Рудаки терпит большие лишения. В 937 г. его близкий друг и покровитель везир Насра II — Балами был смещен с должности. Престарелый и слепой поэт, а может быть, насильственно ослепленный, как утверждают некоторые источники, был либо вследствие его дружбы с Балами, либо из-за причастия к движению карматов изгнан со двора и вернулся к себе на родину.

⁸⁶ Подробнее см.: Брагинский И. С., 1956.

⁸⁷ Айни С., 1959, стр. 30—36.

После этого Рудаки прожил немного. Как пишет Самани в книге «Ал-Ансаб», поэт умер в 941 г. (по другим данным — в 952 г.) в своем родном селении⁸⁸.

До нашего времени дошло едва ли больше 2000 строк из произведений Рудаки. Сохранившиеся стихи Рудаки свидетельствуют о его высоком мастерстве во всех поэтических жанрах той эпохи. Он писал торжественные оды (касыды), лирические газели, большие дидактические поэмы (сборник известных басен из цикла «Калила и Димна» и др.), сатирические стихи и траурные посвящения.

Рудаки не был придворным одописцем обычного типа. Его оды начинаются с ярких описаний природы, воспевания радостей жизни, любви; введение к оде составляет главную ее прелесть. У Рудаки почти совершенно отсутствуют религиозные мотивы. На многих стихах лежит печать глубокого философского раздумья. В стихотворении, посвященном наступившей старости, Рудаки спрашивает, кто виновник наступившей старости, и отвечает:

Так мир устроен, чей удел — вращенье и круженье,
Подвижно время, как родник, как струи водяные.
Что ныне снадобьем слывет, то завтра станет ядом,
И что же? Лекарством этот яд олять сочтут больные.
Ты видишь: время старит все, что нам казалось новым.
Но время также молодит деяния былые.
Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые⁸⁹.

В своих стихах Рудаки воспевает разум и знание, благородство и преодоление жизненных невзгод, гуманное отношение к человеку, почитание труда, отдает предпочтение жизненной практике и называет ее лучшим наставником. Рудаки выражал взгляды, складывавшиеся в народной среде. Своим творчеством он заложил основы всей таджикско-персидской поэзии, выработал основные жанры и жанровые формы; в его стихах выкристаллизовались почти все поэтические размеры и системы образов.

Стихи Рудаки стали образцом для последующих поколений таджикских поэтов. Он признанный основоположник классической поэзии, которая, распространившись в X—XV вв. среди таджиков и персов, выдвинула таких корифеев, как Фирдоуси и Хайям, Саади и Хафиз, Джами и др. Классики этой поэзии любовно вспоминали Рудаки, считая его своим учителем.

Абу-л-Хасан Шахид Балхи родился в селении Джахудонак. в Балхе. О его жизни известно также очень мало. Из первоисточ-

⁸⁸ О жизни и творчестве написано много работ, из которых отметим (на русск. яз.): *Мирзоев А. М.*, 1968, где дана подробная библиография. См. также работу иранского ученого Нафиси (Тегеран, т. I—III, 1309—1313 гг. с. х.) и новое (дополненное) издание: Тегеран, 1341 г. с. х.

⁸⁹ *Рудаки*. 1958.

ников можно узнать только то, что Шахид был одним из лучших придворных поэтов Насра II ибн Ахмада Саманида и близким учеником Рудаки.

Шахид Балхи считается не только поэтом, но и одним из передовых ученых своего времени. Ибн ан-Надим пишет о нем в своем сочинении «Фихрист»: «Был во времена ар-Рази⁹⁰ человек, известный под именем Шахида ибн ал-Хусейна и прозванный по сыну Абу-л-Хасаном. Он следовал путем его (ар-Рази. — Б. Г.) философии в науке... У этого человека [имеются] сочиненные [им] книги. Между ним и между ар-Рази были споры...»

Шахид умер раньше Рудаки. Престарелый поэт написал трогательную элегию на смерть своего любимого ученика.

Абу Шакур Балхи родился в 915 г. и был приглашен ко двору Саманида Нуха ибн Насра (943—954 гг.). Он получил широкую известность благодаря написанной в 947—948 гг. поэме «Афарин-наме» («Книга сотворения» или «Книга благословения»), к сожалению до нас не дошедшей (сохранились только небольшие отрывки). Очевидно, это была одна из первых в классической таджикско-персидской литературе дидактических, нраво-учительных поэм. Кроме нее у Абу Шакура были еще две поэмы — маснави, также не сохранившиеся. Писал он и четверостишия (рубай), близкие к народным. В некоторых фрагментах его лирических стихов заметны, однако, уже попытки усложнить стиль, сделать его изысканным. Его наиболее сложные стихи пользовались таким успехом, что их переводили на арабский язык, распространенный в качестве литературного в Средней Азии и Ирана.

Рабиа — первая известная нам женщина-поэтесса, писавшая стихи на языке дари. В нескольких тазкире (антологиях) сохранились ее лирические стихотворения, проникнутые теплыми человеческими чувствами и отличающиеся высоким литературным мастерством. С ее именем связана поэтическая легенда — рассказ о трагической любви Рабии к простому юноше-рабу, изложенная в XIII в. в стихах Фарид ад-Дином Аттаром. Реальными сведениями о ее жизни мы не располагаем. Если верить отдельным сведениям легенды, Рабиа была современницей Рудаки и знаменитый поэт высоко отзывался о ее стихах. Появление женщины-поэтессы свидетельствует о высоком уровне культуры того времени.

Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад Дакики (умер около 997 г.) Место рождения этого поэта до сих пор не установлено. Некоторые считают его уроженцем Туса (Хорасан), другие же — Самарканда или Бухары; во всяком случае вся его жизнь прошла

⁹⁰ Имеется в виду врач и ученый Абу Бакр Мухаммад ибн Закария Рази (около 865—925 г.).

в Мавераннахре. Дакики начал свою деятельность при дворе правителя области Чаганиан, которая в то время считалась одной из цветущих местностей Саманидского государства. Слава о мастерстве Дакики разнеслась настолько широко, что он вскоре был приглашен в Бухару ко двору Саманидов.

В это время в правящих кругах большим успехом пользовалось собиране древних легенд.

Составление сводов героических сказаний прошлого имело большое значение для объединения народов в борьбе за самостоятельное государство. Поэтому Саманиды особое внимание обращали на сбор древних героико-мифологических преданий как из пехлевийских источников, так и из арабских, но в особенности устных, бытовавших среди дикханов и мобедов. Именно это вызвало в свое время появление прозаической «Шах-наме» Абу Мансура.

Эмир Нух II Саманид (976—997 гг.) поручил Дакики переложить эту «Шах-наме» на стихи. Но выполнить до конца это поручение поэт не успел — он был убит на пиру своим рабом. Весьма вероятно, что он пал жертвой интриг со стороны тех лиц — сторонников мусульманского правоверия, кто враждебно относился к его деятельности по воскрешению героических традиций.

Тысяча бейтов Дакики, в которых описывается борьба Гуштапа (Виштапы) с Арджаспом, была включена Фирдоуси в его «Шах-наме».

О количестве бейтов «Шах-наме», написанных Дакики, существуют и другие мнения: так, автор первой дошедшей до нас антологии XIII в. Мухаммад Ауфи говорит даже о 20 тыс.

Самый великий поэт этого времени *Абу-л-Касим Фирдоуси* родился между 934 и 941 гг. в селении Баж недалеко от Туса в аристократической семье среднего достатка и получил хорошее по тому времени образование. Кроме своего родного языка дари он свободно владел также арабским и, вероятно, пехлевийским (среднеперсидским) языками, что позволило ему использовать при составлении «Шах-наме» литературу на этих языках.

В 35-летнем возрасте, совершив путешествие в Бухару и в другие места и собрав в дополнение к «Шах-наме» Абу Мансура подробные сведения о прошлом иранских народов, Фирдоуси приступил к изложению «Шах-наме» стихами. В это время государство Саманидов было еще в зените своего могущества.

Главную задачу поэмы Фирдоуси видел в том, чтобы на основе художественного осмысления героического прошлого народ укрепился в своих патриотических чувствах. Фирдоуси посвятил этому творению лучшие годы жизни. Как он сам говорит, он состарился на этом труде, но не отложил пера:

И в шестьдесят шесть лет ослабел, как пьяный,
Вместо повода оказался в руке моей посох.

Лицо мое, имевшее цвет тюльпана, стало подобно луне (т. е. бледным)
Подобным камфаре стал цвет моих черных волос.
От старости согнулся прямой стан
И уменьшилась ясность нарциссов (глаз. — Б. Г.).

Главным источником поэмы был цикл сакско-согдийских по происхождению сказаний о богатыре Рустаме, составляющий более одной трети всей поэмы; согдийско-хорезмийские в своей основе легенды о Сиявуше; бактрийская в своих истоках легенда об Исфандияре. Многие мифы в первых главах поэмы, перекликающиеся со сказаниями, следы которых отражены в «Авесте», также происходят из среднеазиатского источника. Предания же о сасанидском периоде (меньшая часть поэмы) в основном заимствованы из письменных источников, преимущественно из пехлевийской литературы. Вся поэма делится на три больших периода — мифологический, героический и исторический.

Фирдоуси построил свое произведение на идее борьбы добра и зла, берущей начало в древнеиранских преданиях. На протяжении всей поэмы иранские народы как сторонники доброй силы борются против злой силы — иноземных захватчиков. В легендарной части поэмы в лице царя-дракона Заххака поэт изображает тиранию иноземных угнетателей и мастерски показывает свержение этой тирании в результате героической борьбы кузнеца Кава и восставшего по его призыву народа.

В лице Рустама и других героев поэмы автор показал самоотверженную борьбу следующих поколений за независимость своей родины. Включив в поэму исторические события начиная с похода Александра Македонского и до арабского завоевания и смерти Йездигерда III, поэт воспел идею борьбы народа за независимость родного края на всем протяжении его истории. Кроме того, он украсил поэму романтическими эпизодами (подобно сказанию о любви Заля и Рудабе), пословицами и изречениями дидактического характера.

Вся эта эпопея Фирдоуси проникнута сочувствием труженикам — крестьянам и ремесленникам, которых он изображает людьми благородными и великодушными. Фирдоуси намного опередил всех своих современников в оценке движения маздакитов, о которых он пишет с симпатией, считая их «голодными и страждущими».

Лишь глубоким стариком, после многолетней непрерывной работы поэт завершил к 994 г. свое выдающееся произведение, насчитывавшее свыше 100 тыс. стихотворных строк.

Но с начала работы Фирдоуси над поэмой прошло уже много времени. Саманидское государство успело за этот период распасться, из покровителей поэта никого не осталось в живых. Тогда Фирдоуси, по совету одного из своих доброжелателей, посвятил «Шах-наме» пришедшему к власти султану Махмуду Газнеvidу.

Однако Махмуд отверг поэтический дар и, по преданию, даже приказал бросить поэта за его богухульство — описание доисламских героев и царей — на растоптание под ноги слону. Представитель новой тюркской династии, пришедший на смену Саманидам, Махмуд Газневид, естественно, усмотрел политическую опасность в поэме, восхвалявшей борьбу предков таджикского народа против туранцев⁹¹, которые воспринимались при Махмуде как предки тюрков.

Кроме того, султан Махмуд, искавший поддержки у Арабского халифата и у мусульманского духовенства, ополчился против воспеания старинных, доисламских традиций в «Шах-наме» и ее антиарабской направленности. Но важнейшей причиной резко отрицательного отношения Махмуда к «Шах-наме» Фирдоуси явилось то, что Махмуд, считавший основной задачей подавление народных движений, не мог одобрить народное по своей сути творение гениального поэта.

Художественные достоинства эпопеи, созданной Фирдоуси, ставят ее в один ряд с наиболее выдающимися эпическими произведениями мировой литературы⁹².

Великий поэт провел остаток жизни в нищете и лишениях и умер в Тусе в 1020 г. (по другим сведениям — в 1025 г.). Мусульманское духовенство, считавшее Фирдоуси еретиком, запретило хоронить его на мусульманском кладбище. Тело поэта было предано земле в его саду⁹³.

Имя Фирдоуси стало бессмертным. Оправдались его слова, обращенные к Махмуду Газнеvidу:

Судьбою дан бессмертия удел
Величью слов и благородству дел.
Все пыль и прах. Идут за днями дни.
Но труд и слово вечности сродни.
Властитель! Я палящими устами
Воспел тебя, безвестного вождя.
Дворцы твои разрушатся с годами
От ветра, солнца, града и дождя...
А я воздвиг из строф такое зданье,
Что, как стихия, входит в мирозданье.
Века пройдут над царственной книгой,
Которую дано мне сотворить.
Меня, над коим тяготеет иго,
Душа людей начнет боготворить:
Мужи и старцы, юноши и девы
Для счастья призовут мои напевы —

⁹¹ Древнее название кочевых восточноиранских племен.

⁹² В Советском Союзе вышло полное научное издание текста «Шах-наме», основанное на древнейших рукописях, составленное сотрудниками Института востоковедения АН СССР (т. I—IX, 1960—1971). Полный русский перевод «Шах-наме» выходит в серии «Литературные памятники»: Фирдоуси, т. I, 1958; т. II, 1960; т. III, 1965.

⁹³ О Фирдоуси см.: Осмаков М. Н., 1959.

И даже веки навеки смежив,
Я не умру: я буду вечно жив!⁹⁴

Наука

Научные достижения в саманидский период были не меньшими, чем успехи художественной литературы. Однако разница здесь состояла в том, что научные труды в большинстве случаев писали по-прежнему на арабском языке. В странах мусульманского Востока арабский язык в течение нескольких веков играл роль международного научного языка. Употребление местного языка при составлении научных трудов ограничивало область распространения произведения автора. Следует учитывать и то обстоятельство, что арабский язык обладал разработанной научной терминологией, в то время как местные языки ее еще не имели. Поэтому для того, чтобы сделать свои труды доступными всем научным кругам стран Востока, автор стремился писать их на арабском языке.

Число ученых этого периода в каждой области знания весьма велико, и приходится ограничиться упоминанием лишь самых выдающихся.

Ибн Кутейба (828—889 гг.) занимал видное место как в области истории, так и в области литературоведения. Большое значение имеет его труд по истории — «Китаб ал-маариф» («Книга знаний»). Не меньшее значение имеет его литературоведческая работа («Книга о стихах и поэтах»), в которой автор высказывал справедливое положение о том, что и древние и новые поэты имеют равное значение в истории литературы.

Абу Машар Джафар ибн Мухаммад Балхи — один из известных ученых IX в., занимался собиранием хадисов (религиозных преданий), а в 47 лет начал изучать в Багдаде математику; потом перешел к астрономии и в этой области написал около 40 трудов. Абу Машар умер почти столетним стариком в 886 г.

Абу Бакр Наршахи (умер в 959 г.) — один из известных историков саманидского периода. Книга «Тарихи Бухара» («История Бухары»), написанная им по-арабски и переведенная в 1128 г. Абу Насром Кубави на таджикский язык, — один из лучших исторических источников, дающих описание жизни отдельных областей Мавераннахра, в особенности Бухары.

Абу Наср Фараби (около 870—950 гг.) происходил из древнего Фараба, лежавшего на берегах Сырдарьи, и был сыном тюркского военачальника. В юности для продолжения образования он выехал в Дамаск, затем перехал в Багдад, где провел значительную часть жизни. Все его труды написаны по-арабски. Фараби принадлежит выдающаяся роль в области освоения наследия

⁹⁴ «Таджикская поэзия», 1949, стр. 54.

Аристотеля и других древнегреческих философов и передачи его народам Ближнего Востока. Многие таджикские мыслители его называли «Второй учитель» (после Аристотеля) считали его своим учителем в области греческой философии. Фараби создал большое число оригинальных работ. Огромный интерес представляет его трактат «О взглядах жителей совершенного города», сложившийся не без влияния античных сочинений о государстве, но содержащий много самостоятельных мыслей. Фараби пытается в нем дать ответ на ряд важнейших вопросов: о происхождении государства, о причинах социального неравенства. Его социально-утопические представления имели большое прогрессивное значение для своего времени.

Абу Али ибн Сина (Авиценна) родился примерно в 980 г. в селении Афшана (в районе Бухары) в семье чиновника одного из диванов Саманидского государства. Он получил весьма обширное по тому времени образование. Вылечив эмира Нуха ибн Мансура

Саманида, Ибн Сина получил доступ к знаменитому книгохранилищу Саманидов, где и проводил большую часть своего времени за изучением литературы по различным вопросам.

Когда Саманидское государство подверглось угрозе со стороны Караханидов и нападению султана Махмуда Газневида, Абу Али вынужден был покинуть Бухару. С этого момента начинается долгий период его скитаний, вызванных преследованием султана Махмуда. Хорезм и Аби-верд, Гурган и Рей, Казвин и Хамадан, Исфахан и опять Хамадан — где только не был «князь ученых», как его называли современники.

Эти годы были для Ибн Сины годами напряженной работы. Он занимался врачеванием и чтением лекций, был везиром у правителя Хамадана и одновременно много писал. Деятельность Ибн Сины была очень разносторонней: он был философом, врачом, поэтом и политическим деятелем.

Не было ни одной отрасли науки, которую не изучил бы этот замечательный таджикский энциклопедист X—XI вв.

Лист рукописи «История Бухары» Наршахи

Его произведение «Ал-Канун фи-т-тиб» («Канон медицины») было лучшим сочинением по медицине, служившим в течение шести веков (с XI в. до середины XVII в.) руководством для врачей и учебным пособием для медиков всей Европы. «Ал-Канун» публиковался в Европе на латинском и других языках множество раз.

Ибн Сина прославился на Востоке и на Западе как крупнейший философ того времени.

Энциклопедическое произведение Ибн Сины «Китаб аш-шифа» («Книга исцеления»), трактующее о логике, естествознании, метафизике и математике, «Даниш-наме» («Книга знания»), написанная на языке фарси дари и затрагивающая вопросы логики, естественных наук, философии, математики и астрономии, равно как и «Ал-Канун» и др., считаются лучшими памятниками передовой средневековой мысли X—XI вв.

В освоении наследия античных философов, особенно Аристотеля, Ибн Сина не был простым последователем, он пытался творчески развивать их идеи.

Хотя Ибн Сина пытался либо бывал вынужден приводить свои рационалистические взгляды в какое-то соответствие с догмами ислама, что порождало непоследовательность и двойственность, однако основное ядро его философской системы представляло самое передовое слово восточной перипатетики. Он развивал учение о причинной закономерности в природе в противовес догме о божественном предопределении. В то же время Ибн Сина оставался дуалистом, признающим в качестве начала бытия две субстанции — материальную и идеальную, и идеалистом, который утверждал существование бога и отдавал дань предрассудкам своего времени, символике чисел и т. д. Но эта неизбежная историческая ограниченность не умаляет значения Ибн Сины в истории таджикской и мировой науки. Можно указать и на такие передовые для своего времени взгляды Ибн Сины, как право народа вооруженным путем свергнуть тирана. В этом взгляды великого таджикского ученого созвучны идеям «Шах-наме» Фирдоуси.

Подводя итоги развития культуры в IX—X вв., можно отметить, что таджикский народ добился значительных результатов во всех областях науки и литературы. Этому содействовала исторически сложившаяся обстановка: создание собственной государственности и освобождение страны от гнета Арабского халифата; объединение таджикского народа, оформление литературного языка; централизация государственного управления; наконец, широкие хозяйственные и культурные взаимосвязи народов Средней Азии со всеми странами Переднего Востока.

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД XI— начале XIII в.
ГОСУДАРСТВА ГАЗНЕВИДОВ, КАРАХАНИДОВ,
ГУРИДОВ И ХОРЕЗМШАХОВ

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

**Безуспешная борьба Абу Ибрахима Мунтасира
за восстановление власти Саманидов**

В первые годы XI в., после захвата Мавераннахра Караханидами, упорную борьбу против них вел брат Абд ал-Малика — Абу Ибрахим Исмаил ибн Нух, который в связи с этим стал известен под именем Мунтасира («победителя»). Мунтасир бежал из Узгенда, где Караханиды держали его в заключении, в Хорезм и, собрав там войско из сторонников Саманидской династии, двинулся к Бухаре, изгнал караханидского наместника и захватил город. Остатки разгромленного войска Караханидов укрылись в Самарканде.

Брат караханидского хана Джафар-тегин, бывший в это время правителем Самарканда, выступил навстречу Мунтасиру во главе соединенных сил Самарканда и Бухары, но потерпел жестокое поражение и попал в плен с большим числом своих военачальников. Затем Мунтасир вернулся в Бухару и взял власть в свои руки.

Однако когда караханидский государь Наср-илек направил против него свои основные силы, Мунтасир не смог оказать им сопротивления и, оставив без боя Бухару, двинулся в Хорасан. Там к нему присоединился Абу-л-Касим Симджури, вместе с которым он начал борьбу против Махмуда Газневнда. Несмотря на частичные успехи, эта борьба окончилась для него неудачно.

В 1003 г. Мунтасир вернулся в Мавераннахр и с помощью гузов вторично поднял восстание против Караханидов.

Гузами (огузами) в Средней Азии именовались тюркоязычные племена, преимущественно кочевые. В X в. кочевья гузов были разбросаны в широких степных пространствах от Южного Прибалхашья до низовьев Волги, но наиболее компактно они жили в Прикаспии, низовьях Сырдарьи и в Приуралье¹. Небольшая бед-

¹ Обстоятельный анализ всех сведений о расселении гузов см.: Агаджанов С. Г., 1969, стр. 49—85.

нейшая часть гузов осела к этому времени в городах и селениях, они занимались земледелием. В конце IX — начале X в. образовалась держава гузов у Аральского моря. Их столицей и зимней резиденцией был город Янгикент в низовьях Сырдарьи. Феодализирующаяся знать гузов интенсивно эксплуатировала рядовых кочевников и земледельцев. Развитие классовых противоречий в огузской среде привело к упадку на рубеже X — XI вв. сырдарьинского государства гузов.

Войны с соседними оседлыми народами были постоянным источником обогащения родо-племенной знати гузов. Против их набегов вдоль границ оазисов строились многочисленные укрепления. С другой стороны, нужда в хлебе, взаимовыгодный обмен продуктами кочевого и оседлого хозяйства увеличивали контакты между гузами и оседлым населением оазисов.

На первых порах события разворачивались чрезвычайно благоприятно для Мунтасира. Он разбил войска Насра-илека и взял в плен 18 караханидских военачальников. Однако вскоре после этого у Мунтасира начались распри с его военачальниками из-за дележа военной добычи. Мунтасир, не имевший опоры среди населения Мавераннахра, боясь, как бы военачальники не сговорились с Караханидами и не изменили ему, решил искать других союзников. Поздней осенью 1003 г. с 700 пешими и конными воинами он переправился через Амударью, намереваясь стать лагерем в Абиверде или Нисе, однако встретился здесь с военным отрядом хорезмшаха и был разбит, после чего с остатками своего войска повернул в Мавераннахр.

В последующей борьбе против Караханидов Мунтасир нанес поражение войскам наместника, оставленного Насром в Бухаре. В результате этих успехов Мунтасира в ряде местностей Мавераннахра началось движение за восстановление власти Саманидов. К Мунтасиру присоединился предводитель самаркандского отряда Харис, известный под прозвищем Ибн Аламдар, со своим трехтысячным войском. Кроме того, городские шейхи вооружили сотни рабов. Наконец и гузы снова выразили желание встать под командование Мунтасира. Укрепив таким образом свое войско, Мунтасир в битве при Бурнемеде (на границе Согда и Уструшаны) разгромил основные силы Насра-илека.

Несмотря на этот крупный успех, Мунтасир не смог утвердиться в Мавераннахре, ибо илек быстро собрал свежие силы и напал на него на равнине между Джизаком и Хавасом. Гузы, захватившие в битве при Бурнемеде богатую добычу, не захотели принять участие в этом сражении и вернулись в свои кочевья. К тому же в критический момент один из крупных военачальников Мунтасира изменил ему и с 4 тыс. воинов перешел к илеку. Мунтасир не смог отбить натиска Караханидов и был вынужден бежать в Хорасан.

Но даже и после этого Мунтасир не оставил мысли о восста-

новлении государства Саманидов. Он быстро собрал новое войско и в четвертый раз двинулся в Мавераннахр. Однако и на этот раз он потерпел поражение вследствие измены своих военачальников. В начале 1005 г. Мунтасир был убит одним из предводителей кочевых племен.

Мунтасир был единственным представителем династии Саманидов, непрерывно боровшимся за восстановление ее власти в Мавераннахре. Но, поскольку Саманиды как в политическом, так и в экономическом отношении лишились почвы под ногами и основные группы населения уже не поддреживали их, все стремления и усилия Мунтасира не увенчались успехом.

После смерти Мунтасира борьба за раздел саманидского наследства продолжалась только между Махмудом Газневидом и Караханидами.

Таджики в государстве Газневидов

Возвышение Газны как политического центра начинается еще во второй половине X в.²

В исторических источниках прямым основателем государства Газневидов в X в. признается Себук-тегин³, который обеспечил самостоятельность Газны и присоединил к ней земли в бассейне реки Кабул. За помощь, которую он оказал саманидскому эмиру Нуху II, в его руки перешла также власть над Хорасаном. Себук-тегин умер в 997 г.

Махмуд Газневид был старшим сыном Себук-тегина и считался законным его преемником. Однако во время своей болезни Себук-тегин объявил наследником младшего сына, Исмаила. Царствование Исмаила продолжалось не более 7 месяцев. В стране участились восстания местных феодалов против центральной власти. Этим воспользовался Махмуд. Он двинулся с войсками к Газне и захватил власть в свои руки.

В 999 г., когда Саманидское государство подверглось нападению Караханидов с севера, Махмуд выступил против Саманидов с юга и овладел всем Хорасаном.

² Политическая история Газневидов подробно изложена: Бартольд В. В., 1963 б, стр. 322 и сл.; Bosworth C. E., 1963, p. 35—47; 227—268; краткий очерк см.: Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 242 и сл.; Spuler B., 1952, S. 111—124.

³ Сведения о происхождении и ранней биографии Себук-тегина, содержащиеся в «Панд-наме», дошли до нас (в виде извлечений) в некоторых средневековых источниках, в частности в труде Мухаммада Шабангарая (XIV в.) «Маджма ал-ансаб», в котором говорится, что Себук-тегин был родом из тюркского племени барсхан, обитавшего в Туркестане. В юности Себук-тегин был взят в плен и четыре года пас скот у тюркского племени тухси, затем его продали купцам из Мавераннахра (ЛЮ ИВАН СССР, С-372, лл. 144, 145). Относительно «Панд-наме» как источника по ранней истории Газневидов см.: Bosworth C. E., 1965.

Положение Махмуда сильно укрепило то, что багдадский халиф признал его власть и пожаловал ему почетные титулы. В 1002 г. Махмуд занял Систан.

Границей между Газневидами и Караханидами вначале была признана Амударья, но вскоре караханидские отряды стали нарушать эту границу. В 1008 г. в районе Балха произошла битва между газневидскими и караханидскими войсками. Полная победа Махмуда закрепила его положение в Хорасане. Под его власть подпали также Чаганиан и Хутталян, где он оставил (в качестве своих наместников) представителей старых местных династий.

При Махмуде (998—1030 гг.) Газневидское государство достигло наибольшего могущества⁴.

В период с 1002 по 1026 г. султан Махмуд Газневид совершил более 15 походов в Индию. Основной целью этих походов, проводившихся под лозунгом «священной войны», было ограбление Индии, захват ее богатств.

Походы Махмуда Газневида принесли народам Индии неисчислимые бедствия. Его воины грабили население, разрушали религиозные и исторические памятники. Махмуд не только грабил и разрушал города, но и проявлял невероятную жестокость по отношению к населению. Овладев в 1019 г. крепостью Махован (или Мохабан), Махмуд перебил всех ее жителей в отместку за то, что правитель крепости бежал перед его приходом.

Из индийского похода 1019 г. султан Махмуд вывез в Газну огромное количество драгоценных камней и других ценностей, 350 слонов, 57 тыс. рабов. Как отмечают исторические источники, число вывезенных Махмудом пленников было настолько велико, что для размещения их не хватало зданий в городах и пришлось строить специальные помещения.

В 1010—1011 гг. Махмуд ценою больших потерь занял часть страны Гур (область в нынешнем Афганистане). В 1017 г., воспользовавшись убийством хорезмшаха Мамуна, Махмуд захватил Хорезм и присоединил его к своему государству. В 1024 г. он подошел с большими силами к Балху и под тем предлогом, что хочет освободить население Мавераннахра от тирании Караханида Али-тегина, перешел Амударью и дошел до Самарканда. В сфере его влияния вновь оказались такие приамударьинские области, как Чаганиан, Кабадиан, Хутталян и др. В 1029 г., захватив Рей, Махмуд заключил в тюрьму его правителя, а все взятые богатства отправил в Газну. Таким образом, в государство Махмуда Газневида вошло огромное число областей начиная с севера и северо-запада Индии до Чаганиана и Хорезма, а на территории нынешнего Ирана — до Исфагана и Рея.

Захватнические походы султана Махмуда, особенно его войны в Индии, составлявшие основной источник обогащения султана,

⁴ Подробнее о нем см. Якубовский А. Ю., 1934; Nazim M., 1931.

его гвардии и войска, приводили к разорению трудового населения. Перед каждым походом с населения взимались огромные налоги, после уплаты которых оно совершенно лишалось средств к существованию. Поэтому хозяйство страны приходило в упадок, многие земледельческие оазисы запустели, а оросительная система в ряде мест совершенно вышла из строя.

В результате такого упадка сельского хозяйства в Хорасане в 1011 г. начался голод. Ранняя осень и засушливая весна вызвали большой недород. В Нишапуре и его окрестностях, по данным исторических хроник, от голода погибли тысячи людей. Хотя бывали случаи, что на базарах в Нишапуре оставались непроданными до 400 манов зерна, население до того обнищало, что не имело возможности купить его. Жители ели кошек и собак, бывали случаи людоедства.

Махмуд Газневид, имея все возможности избавить население Хорасана от голодной смерти, не предпринял в этом отношении никаких сколько-нибудь серьезных мер и лишь приказал, чтобы правители Хорасана выдали ничтожную денежную сумму в помощь беднякам.

В перерывах между походами султан Махмуд занимался украшением своей столицы. При нем были построены известная мечеть и медресе в Газне. Строительство стоило населению больших жертв. Как сообщают источники, мраморные плиты и другие дорогие породы камня, которыми мостили двор соборной мечети в Газне, были перенесены строителями на руках из отдаленных местностей. Даже ежегодные расходы на содержание находившегося в Балхе прославленного сада Махмуда шли целиком за счет населения этого города.

Махмуд делил всех жителей страны на две категории: на вооруженные силы и гражданское население. Войскам он выплачивал жалование и требовал от них безропотного выполнения любого приказа. От гражданского населения он требовал, чтобы оно также беспрекословно выполняло каждое его распоряжение и, кроме того, платило государственные налоги.

Султан был чрезвычайно скарёдным человеком и стяжателем. Все богатства, которые были различными путями захвачены им в Индии и в разных областях страны, он сберегал в сокровищнице. Историк Мирхонд (XV в.) приводит любопытный рассказ, свидетельствующий о жадности и скупости Махмуда Газневиды: «Говорят, что султан за два дня до своей смерти приказал принести из сокровищницы мешки, наполненные серебряными дирхемами, и кошелки с золотыми динарами, прекрасные драгоценные камни различных видов и всевозможные редкостные драгоценные вещи, которые были собраны им в дни его царствования и разложить все это на широкой площадке, и эта площадка видевшим ее казалась цветником, украшенным разноцветными цветами —

и красными, и желтыми, и фиолетовыми, и другими. Султан с сожалением глядел на них и громко рыдал, а после долгих рыданий приказал отнести все в сокровищницу и из всех этих различных вещей не дал ничего, хотя бы в фельс ценной, тем, кто этого заслужил...»⁵.

Махмуд Газневид прикрывал свои грабительские войны лозунгом газавата, благодаря чему имел поддержку халифа и собирал в свою армию большое число фанатиков-мусульман, «борцов за веру»; объявив себя последователем суннизма, он боролся со всеми проявлениями недовольства и со всеми движениями, направленными против феодального режима, которые находили свое выражение главным образом в форме еретических воззрений карматов, исмаилитов, шиитов и других течений. Он реквизирует имущество сторонников этих движений и таким путем сосредоточил в своих руках еще больше богатств. Таким образом, его преданность мусульманской ортодоксии была не чем иным, как средством для упрочения своей власти и увеличения богатства.

Махмуд Газневид придавал большое значение государственному сыску. Кроме приставленных к каждому правителю секретных агентов, при Махмуде состоял специальный чиновник, обязанностью которого была информация о внутреннем положении, действиях и настроениях правителей. Султан Махмуд приставил соглядатаев даже к своим родным детям, в том числе и к престолонаследнику Масуду. Но и у Масуда были тайные осведомители при дворе отца.

Махмуд Газневид опирался на большое войско, хорошо организованное и снаряженное. У него было много боевых слонов, для осады крепостей применялись метательные машины, при переправах через реки сооружались плавучие мосты. Многочисленный контингент войск султана составляли купленные и специально обученные военному делу рабы-гулямы. Отряды гулямов состояли из тюрок и воинов других народов, среди них было немало и таджиков⁶.

Он, несомненно, был крупным полководцем своего времени и энергичным и твёрдым правителем. Заботясь о внешнем великолелии своего государства, Махмуд возводил роскошные здания, покровительствовал придворным поэтам и ученым. Но он не сделал ничего для развития сельского хозяйства. Земледелие при нем пришло в упадок, ослабли экономические связи между отдельными областями государства. После смерти Махмуда (1030 г.) особенно ясно обнаружилась непрочность созданной им державы.

⁵ *Раузат ас-Сафа*, стр. 38.

⁶ О вооружении и организации войска Махмуда Газневида и его ближайших преемников см.: *Bosworth C. E.*, 1960; 1963, p. 98—128.

Сельджуки и распад государства Газневидов

По завещанию Махмуда группа сановников во главе с хаджибом провозгласила царем сына Махмуда Мухаммада. Против этого выступил старший сын Масуд. Ослепив Мухаммада и заключив его с детьми в крепость, Масуд взял власть в свои руки.

При Масуде (1030—1041гг), который в жадности и стяжательстве не уступал своему отцу, ограбление населения перешло всякие границы. Правители отдельных областей грабили народ, вымогая взятки и устанавливая незаконные налоги. Масуд не только не боролся с злоупотреблениями, но и сам получал от этого немалые доходы.

Продолжая политику отца, Масуд старался сохранить добрососедские отношения с Караханидами. Приводимое ниже письмо хорезмшаха Алтунташа, написанное Масуду в 1030 г., ясно показывает сущность этих отношений: «Покойный эмир Махмуд Газневид сколько потрудился и [какие] средства истратил, покуда Кадырхан благодаря могуществу эмира и его поддержке не сделался ханом и дело его не упрочилось. А ныне это следует упрочить, дабы дружба стала крепче. Они не то, что настоящие друзья, однако показное дружелюбие будет сохраняться и никаким подстрекательством они заниматься не будут»⁷.

Хорезм, который при номинальной зависимости от Газневидов фактически существовал как самостоятельное государство, играл большую роль в судьбе государства Газневидов. После смерти Алтунташа Масуд хоть и принял меры к ограничению прав царя Хорезма, однако оставил страну в руках его наследников. Масуд присвоил титул хорезмшаха своему сыну, а сына Алтунташа — Харуна — назначил правителем Хорезма с титулом наместника. Однако Харун, установив дружественные отношения с Караханидом Али-тегином и с сельджуками, в 1034 г. объявил Хорезм независимым и запретил при молебствии упоминать имя газневидского султана. Весной 1035 г. Харун двинул войска на Хорасан. Сыновья Али-тегина (сам Али-тегин умер в 1034 г.) поддерживая действия Харуна, также вторглись на территорию Газневидов. Но когда в самом начале похода Харун был убит своими рабами, подкупленными Масудом, сыновья Али-тегина вернулись в Самарканд. Масуд начал мирные переговоры с Караханидами. В результате между ними были установлены дружественные и родственные отношения. Таким образом, угроза государству Газневидов со стороны Хорезма и Караханидов была предотвращена дипломатическим путем.

В том же 1035 г. Масуд должен был выступить против наступавших на Хорасан тюрок-сельджуков. В период борьбы Махмуда с Караханидами за Мавераннахр одна группа сельджуков получила его разрешение поселиться в Северном Хорасане.

⁷ *Бейхаки*, 1962, стр. 108.

Стремление освободиться от налогового гнета, обрести новые земли и пастбища не раз побуждало сельджуков к восстаниям. Борьба между сельджуками Хорасана и газневидским правительством сначала проходила с переменным успехом. В 1035 г. началось новое наступление сельджуков на Хорасан. Масуд отправил из Нишапура в Нису против сельджуков большое войско. В начале сражения газневидские войска одержали победу, однако ночью сельджуки атаковали их лагерь и нанесли им тяжелое поражение.

В последующее время сельджуки нанесли Газневидам еще несколько чувствительных ударов и овладели значительной частью Хорасана, включая Нишапур. Масуд собрал после этого огромное войско и сам отправился в поход. Решительное сражение произошло весной 1040 г. около Данденакана.

В результате этого сражения (по свидетельству источников, одного из самых кровопролитных в истории народов Средней Азии) был навсегда положен конец владычеству Газневидов в Хорасане. После окончания битвы предводитель сельджуков Тогрул поставил на поле боя трон, взшел на него и объявил себя верховным правителем Хорасана⁸.

Нужно отметить, что большую поддержку сельджукам оказала городская знать Мерва и Нишапура, интересы которой были ущемлены Газневидами.

Султан Масуд перешел реку Мерверруд и достиг Газны. Однако снова собирать здесь войско для борьбы против сельджуков он не рискнул. Ему было ясно, что широкой поддержки в Маверанахре и Хорасане он не найдет. Ни знать, выступавшая против централизации, ни разоренное поборами население Хорасана и Тохаристана, ни народы окрестностей Газны, Систана и горной страны Гур не намерены были защищать государство Газневидов. Ярким подтверждением этому было бегство от врага целых толп воинов, которое Масуд наблюдал собственными глазами в битве при Данденакане. Вот почему он пришел к решению быстро направиться в Индию и собрать там сильную армию, чтобы с ее помощью остановить движение сельджуков.

Бейхаки сообщает, что Масуд перед своим отъездом в Индию написал письмо Арслан-хану с просьбой о помощи в борьбе против сельджуков. Затем он приказал освободить из заключения своего брата Мухаммада, с которым и предполагал следовать в Индию. Сторонники Мухаммада, сговорившись между собой, напали на Масуда, арестовали его, объявили Мухаммада султаном, а Масуда через несколько дней казнили (1041 г.).

Сын султана Масуда Мавдуд, узнав о казни отца, прибыл в Газну в апреле того же года и объявил себя султаном. В битве

⁸ Об этой битве есть специальная статья: *Заходер Б.Н.*, 1943.

при Динуре (Фатхабаде) он разбил войска Мухаммада, а его самого и почти всех его детей казнил.

Мавдуду удалось не только подавить сопротивление своих братьев, стремившихся овладеть властью, но и удержать в своих руках Газну, а также Термез и Балх. Вскоре после этого он собрал в Индии сильную армию и послал ее против сельджуков в Хорасан. Однако сельджуки разбили и эти силы газневидского султана. Наконец, Мавдуд заключил союз с царями Индии, Туркестана и других соседних стран и в 1049—1050 гг. с большими силами направился в Хорасан. Однако в пути он заболел, вынужден был вернуться в Газну и там скончался.

В 1059 г. сельджуки захватили Балх и тем самым перерезали связь между Мавераннахром и Газневидским государством. После этого газневидская династия с каждым днем теряла свою мощь. В конце XII в. последний газневидский султан был взят в плен войсками Гура — нового государства в Афганистане, возникшего в конце XI—начале XII в.

Государство Гуридов

Гуром в средние века называли горную страну в верховьях реки Герируд, простиравшуюся от Герата до Бамиана и границ Кабула и Газны. С запада, севера и востока Гур граничил с землями, населенными преимущественно таджиками. Большинство населения Гура составляли горные таджикские племена.

В Гуре были широко развиты земледелие и скотоводство, чему благоприятствовали климатические условия, особенно обилие воды.

Авторы X—XII вв. описывая страну Гур, рассказывают о возделанных полях, окружавших поселения, об обилии виноградников и фруктовых садов, о больших стадах, пасущихся в горах и предгорьях.

Довольно высокого уровня для своего времени достигли в Гуре горное дело и обработка металлов. Оружие и воинские доспехи из Гура пользовались широкой известностью и служили предметом вывоза.

Автор XIII в. Джуджани, родом из Гура, пишет в своей исторической хронике о разделении населения Гура в IX—X вв. на племена, враждующие между собой. Один кэшк⁹, пишет он, находился в состоянии войны с другим кэшком, а люди жили в постоянной вражде друг с другом¹⁰. В Гуре существовало и

⁹ Имеются в виду башни и укрепления в общинно-родовых поселениях.

¹⁰ *Джуджани*, пер. Раверти, стр. 318.

рабство. Об этом косвенно свидетельствует, между прочим, сообщение автора X в. о вывозе из Гура рабов¹¹.

В течение длительного времени в Гуре сохранялись пережитки военной демократии.

К исходу X в. отдельными независимыми друг от друга областями Гура управляли мелкие князьки (у арабоязычных авторов они именуется «малик», т. е. царь). Эти князьки в значительной мере оставались родо-племенными вождями, лишь временами распространявшими свою власть на несколько племен. При этом у гуров сохранился восходящий к далекому прошлому обычай, когда во главе области стояли два вождя, наделенных равной властью, один — правитель, а другой — военачальник¹².

Феодалные отношения начали складываться здесь несколько позже, чем в Мавераннахре и Хорасане. Полупатриархально-полуфеодалные отношения характерны для Гура X—XI вв. Правители отдельных областей, превращавшиеся в феодалов, имели в каждой области свой титул. В области Мандеш они назывались *малик* или *мехтар* (позже — *гуршах*); в областях Тамран и Тамазан — *варанда*; в Вармишане — *вармишпат* и т. п.

Ислам внедрялся в Гуре крайне медленно, так же как и в других горных таджикских областях. Арабским халифам не удавалось подчинить себе эту горную страну. Ее свободолюбивое население долго отстаивало свои древние верования, и даже в середине XI в. здесь сохранились еще племена, не принявшие ислама.

Как и по всей Средней Азии, утверждение феодализма в Гуре сопровождалось ожесточенной классово-борьбой.

В 907 г. произошло народное восстание карматов и маздакитов в округе Герата и в Гуре. Низам ал-Мульк (XI в.) пишет об этом так: «В предгорьях Гура и Гарджистана выступил некий человек, которого зовут Бу-Билал, к нему собираются люди всякого состояния. . . Ненсчислимое количество людей из округи Герата и окрестных краев идет к нему, присягает ему; их численность — свыше десяти тысяч людей. . . Бунтовщики оказались у подножья гор Герата, они открыто объявили веру еретиков и карматов, по большей части они пастухи и земледельцы»¹³. Восстание было жестоко подавлено войсками Исмаила и Саманида. Источники говорят о том, что подобные восстания вспыхивали в разных местах Гура неоднократно.

К концу XI в. в Гуре уже установились феодалные отношения. Во второй половине XI в. и в первой половине XII в. князья области Мандеш из дома Сури распространили свою власть на

¹¹ Худуд ал-Алам, 1930, л. 21 б.

¹² См. у Ф. Энгельса о двух вождях у ирокезов в условиях военной демократии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 96, 129).

¹³ Низам ал-Мульк, 1949, стр. 218—219.

весь Гур. К середине XII в. образовалось феодальное государство Гуридов¹⁴.

Князья Гура временами были вынуждены признать номинально верховную власть Газневидов, но в течение многих десятилетий боролись с ними.

Воспользовавшись ослаблением Газневидского государства, князья Гура восстановили свою независимость. Во время правления Кутб ад-Дина Махмуда Гуриды обладали уже значительной силой. Поэтому Бахрам-шах (один из последних газневидских султанов), испугавшись усиления Гуридов и популярности Кутб ад-Дина Махмуда, обманом завлек его в Газну, заключил в тюрьму, а потом отравил.

Однако Бахрам-шаху не удалось подчинить себе Гур. Между Бахрам-шахом Газневидом и братьями Кутб ад-Дина произошло несколько ожесточенных сражений, в которых Бахрам-шах неизменно терпел поражение. В последнем сражении султан Ала ад-Дин Гурид разгромил войска Бахрам-шаха, а его самого заставил бежать. Газна была разрушена Ала ад-Дином (1150—1151 гг.).

Но борьба между Газневидами и Гуридами на этом не кончилась. В 1186/87. в одном из сражений Гурид Гияс ад-Дин Мухаммад, племянник Ала ад-Дина, взял в плен последнего Газневида, правителя Лахора Хусрау-малика, и отправил его в столицу Гура Фирузкух. Тем самым владычество Газневидов было полностью уничтожено. Одержав верх над Газневидами, Гуриды стали правителями большого государства, пределы которого они вскоре значительно расширили дальнейшими завоеваниями. Ядром их государства был Гур.

Гуридские султаны представляли собой большую силу. Они имели в своем распоряжении значительное войско, включавшее в себя племенные ополчения. Кроме того, они пользовались поддержкой таджикской феодальной знати горных областей Бадахшана и бассейна Амударьи. К концу XII в. Гуриды присоединили к своим владениям южные области нынешнего Таджикистана и Узбекистана, в частности области Вахш, Чаганиан, Шугнан, Вахан.

1152—1206 гг. — самый яркий период истории государства Гуридов. В это время здесь наблюдается большой хозяйственный и культурный подъем. Однако этот подъем продолжался недолго: сказалась отсталость Гура по сравнению с другими областями Средней Азии.

¹⁴ Bosworth С. Е., 1961; 1968 а, р. 159—166; Массон В. М., Ромодин В. А., 1964, стр. 255—265.

Сельджукиды и Низам ал-Мульк

Сражение при Данденакане, происшедшее в 1040 г. и решившее судьбу государства Газневидов, привело к тому, что Сельджукиды полностью овладели Хорасаном¹⁵.

После этой победы Тогрул-бек Сельджукид (1040—1063 гг.) объявил себя султаном и, оставив в Хорасане своего брата, двинул войско к Гургану. За очень короткий срок он овладел не только Гурганом, Табаристаном, Хорезмом и Азербайджаном, но и частью западных областей нынешнего Ирана. В 1055 г. он захватил также столицу аббасидских халифов Багдад и официально провозгласил государство Сельджукидов султанатом. Вслед за тем Тогрул завоевал Керман и Фарс и разбил войска Византии на Кавказе.

После смерти Тогрула на трон вступил его племянник Алп-Арслан (1063—1072 гг.), который значительно расширил владения государства Сельджукидов. Алп-Арслан овладел некоторыми местностями Мавераннахра. Он нанес также крупное поражение византийскому императору Роману IV Диогену.

Во время правления Джалал ад-Дина Малик-шаха (1072—1092 гг.) государство Сельджукидов занимало территорию от берегов Средиземного моря на западе до границ Китайской империи на востоке. Однако после смерти Малик-шаха сельджукская держава распалась на несколько фактически самостоятельных владений и государств.

В XII в. столицей государства Сельджукидов, находившегося под властью Санджара (1118—1157 гг.), был Мерв — большой торгово-промышленный центр, округа которого были обеспечены развитой ирригационной системой. Мерв был также одним из крупнейших культурных центров того времени. Так, Якут писал: «Когда я покидал его (т. е. Мерв. — Б. Г.), было в нем десять относящихся к вакфам книгохранилищ, таких, что я не видел на свете подобных им по обилию и превосходству хранящихся в них книг»¹⁶.

По своему культурному уровню кочевники-сельджуки стояли ниже побежденных ими народов Мавераннахра и Хорасана. Такие сельджукские правители, как Тогрул и Алп-Арслан, были даже неграмотными. В результате большую роль в правительственном аппарате Сельджукидов стали играть политические деятели из числа персов, таджиков, оседлых тюрок и др. Как всегда в таких случаях, завоеватели подверглись воздействию со стороны побежденных, но более культурных народов.

¹⁵ Бартольд В. В., 1963 г., стр. 569—583. Заходер Б. Н. 1945. Последующая история Сельджукидов подробно изложена в труде: Bosworth C. E., 1968 а.

¹⁶ Якут, т. IV, стр. 509.

Выдающимся государственным деятелем сельджукидского периода был уроженец Хорасана Абу Али Хасан ибн Али ибн Исхак, в течение почти 30 лет (1063—1092 гг.) состоявший везиром при Алп-Арслане и Малик-шахе. Он пользовался безграничным авторитетом при дворе этих государей, особенно Малик-шаха, и получил титул «Низам ал-Мульк» («Устройство государства»). Низам ал-Мульк был умным и образованным человеком. В организации управления страной он опирался на практику саманидского периода и стремился воскресить его культурные традиции.

В значительной мере благодаря деятельности Низам ал-Мулька было упорядочено управление государством Сельджукидов. Все исторические источники единодушно утверждают, что время правления Сельджукидов было до известной степени периодом мирного развития и подъема феодального хозяйства и торговли. Выросли города, а в них увеличилось число ремесленников, организованных в цехи.

Однако положение трудящихся масс и при Низам ал-Мульке оставалось крайне тяжелым. В целях борьбы с безудержным ограблением феодалами крестьян, что в конечном счете уменьшало доходы государства, Низам ал-Мульк вынужден был предложить сельджукским правителям ряд мероприятий, ограничивающих произвол военачальников и иктадаров, чтобы не довести народ до полного разорения и тем самым не подорвать господство самих феодалов.

Низам ал-Мульк принимал энергичные меры к тому, чтобы добиться централизации управления. Без создания чиновничьего аппарата, без наличия грамотных людей это было невозможно.

Низам ал-Мульк был ревностным сторонником организации высших богословских учебных заведений — медресе. Такие учебные заведения получили в честь этого государственного деятеля название «Низамия»; они были открыты во многих городах, в том числе в Багдаде, Нишапуре, Герате, Балхе, Мерве и др. Учебная программа багдадской «Низамии» включала наряду с изучением корана, хадисов и других схоластических дисциплин, также юриспруденцию, арабский язык и литературу, математику и др. Медресе должны были воспитывать представителей чиновничьего сословия в духе мусульманской ортодоксии и привести к тесному объединению и слиянию бюрократического сословия с мусульманским духовенством. Кроме того, выпускники медресе должны были осуществлять религиозный контроль над массами народа, отвращая их от исмаилизма¹⁷.

Низам ал-Мульк принимал также меры к развитию внешней торговли, добиваясь отмены тормозивших ее чрезмерных пошлин.

¹⁷ Tritton A. S., 1957, p. 102 et seq.; Makdisi C., 1961; Tibawi A. L., 1962.

Некоторые историки изображают Низам ал-Мулька чуть ли не борцом за благо народа. Таким он, конечно, никогда не был. Если некоторые из его мероприятий и ограничивали произвол военачальников и феодалов, если он и заботился о создании медресе, то все это делалось для того, чтобы укрепить могущество Сельджукидов, увеличить поступление доходов в государственную казну.

Укрепление системы икта предусматривало прежде всего интересы аристократии сельджукских тюрок. Благодаря этой системе основной доход государства попадал в руки членов султанской семьи Сельджукидов, каждый из которых владел городом или областью с развитым сельским хозяйством и тратил доходы с них на свои личные нужды. Остальные родственники сельджукидских султанов и военачальники также владели целыми селениями и даже районами. Все это, естественно, вызывало недовольство местных феодалов, которые с приходом к власти Сельджукидов лишились значительной части своих доходов.

Исмаилитское движение

Движение исмаилитов¹⁸ почти на протяжении четырехсот лет играло значительную роль в истории Средней Азии и Ирана. Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹⁹. Все эти три формы свойственны исмаилитскому движению на разных этапах.

В VIII в. исмаилиты — небольшая мистическая шиитская секта, сторонники седьмого потомка Али и Фатимы — имама Исмаила, лишенного прав отцом, Джафаром Садиком.

В конце IX в. во время карматского восстания²⁰ исмаилитам удалось захватить политическую власть в Магрибе, и руководство исмаилитской сектой около двухсот лет стояло во главе сильного феодального государства со столицей в Каире (с 974 г.) — Фатимидского халифата.

В X—XI вв. исмаилизм в виде ереси, противостоящей ортодоксальному суннитскому исламу, широко распространяется по всему Среднему Востоку, особенно в Средней Азии и Иране. Исмаилиты, используя греческую философию, развивают целую систему рационалистических учений, привлекают на свою сторону интеллигенцию, многих выдающихся государственных деятелей

¹⁸ Об исмаилизме подробнее см.: *Беляев Е. А.*, 1957; *Бертельс А. Е.*, 1959; *Петрушевский И. П.*, 1966.

¹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, стр. 361.

²⁰ Об исмаилитах и карматах см.: *Stern S. M.*, 1961—1962.

и мыслителей. В Хорасане и Мавераннахре, удаленных от Египта на месяцы караванного пути, Фатимидские халифы объявляются правителями, «которые наполнят землю справедливостью», и многие верят этой уловке исмаилитских проповедников.

В конце XI в. исмаилиты Средней Азии и Ирана порвали с Фатимидским халифатом, шедшим к упадку. Во главе их стал Хасан ибн Саббах (1054 — 55 — 1124 гг.). В Исфахане, в районе Казвина и других областях вспыхнуло народное восстание. Создается небольшое исмаилитское государство с центром в крепости Аламут (область Дейлем). Опираясь на ряд захваченных ими крепостей, исмаилиты образуют сильную тайную террористическую организацию, направленную против сельджукских правителей. Они получают славу ловких и смелых террористов. Знатные люди настолько боятся исмаилитского кинжала, что носят постоянно под одеждой кольчуги.

В октябре 1092 г. исмаилитами был убит Низам ал-Мульк. В дальнейшем им удалось запугать султана Санджара, так что он отказался от похода против исмаилитских крепостей²¹.

Естественно, что исмаилитское движение, протекавшее в X — XIII вв. в феодальном обществе с его пестрым переплетением сословий и классов, не могло быть однородным в классовом отношении. Основной силой «войны зинджей» и карматского восстания были сперва негры-рабы, потом крестьяне-издольщики и бедуинские кочевые племена. Однако завоевания этого государства использовала знать — рабовладельческая в карматском государстве Бахрейна и феодальная в Египте под властью Фатимидов. Во всем исмаилитском движении IX—XI вв. следует отличать народную, крестьянскую стихию, стихию низших слоев города от политиканства аристократической верхушки, постоянно обманывавшей народ.

В исмаилитском движении были различные течения. В периоды восстаний, в которых принимали участие широкие массы крестьян и городской бедноты, появлялись маздакитские лозунги равенства имущества, справедливости, протест против угнетения. В период существования исмаилитской организации как тайного общества с несколькими степенями посвящения в теорию исмаилизма весьма искусно вплеталась рационалистическая философия.

²¹ Монгольское завоевание нанесло исмаилитскому государству сокрушительный удар. В 1256 г. Аламут пал, и глава исмаилитов Хуршах был убит. После этого исмаилитам не удалось уже прийти где-либо к политическому господству.

До наших дней в Индии и других странах сохранилась замкнутая исмаилитская религиозная секта. (По истории средневекового исмаилитского движения и их государства существует много исследований, см., в частности: *Hodgson M. G. S.*, 1955; *Lewis B.*, 1966; *Hodgson M. G. S.*, 1968.)

Учение исмаилитов в целом было формой протеста против мусульманской ортодоксии, запрещавшей в период сельджукского господства не только вольное толкование Корана и богословских вопросов, но и любое научное исследование, даже в области математики, астрономии, медицины.

Прогрессивные черты исмаилитской идеологии X—XI вв. следует определять конкретно-исторически, на фоне жестокой действительности того времени. Мужество исмаилитских проповедников достойно уважения. Они распространяли свое «знание», в том числе рационалистическое, точные науки, несмотря на страшные преследования.

Роль исмаилизма IX—XI вв. в поддержании традиции вольной мысли несомненна. Не случайно многие средневековые мусульманские ортодоксальные авторы (ан-Надим, Абд ал-Кахир Багдади, Ибн Хазм, Низам ал-Мульк) называют исмаилитов самыми страшными врагами ислама, его губителями. Рядовые исмаилиты, однако, наивно полагали, что они «борются за чистоту ислама». Стремление под видом «очищения религии» провести уравнилельные идеи характерно для многих народных ересей средневековья.

Караханиды

История Средней Азии при Караханидах изучена еще далеко не достаточно. Письменные источники сообщают лишь отрывочные сведения о ходе политических событий и внутреннем устройстве государства Караханидов. Историки всегда возлагали большие надежды на изучение караханидских монет. Но караханидские монеты как исторический источник чрезвычайно сложны и трудны для изучения и требуют большой осторожности. За последние десятилетия караханидская нумизматика сделала значительные успехи, разрешив ряд спорных, а то и вовсе неизученных вопросов истории Средней Азии XI—XII вв. Однако не все новые выводы и построения историков и нумизматов кажутся одинаково убедительными и доказанными бесспорно, в этой области предстоит еще большая работа, много новых открытий и пересмотр некоторых концепций.

При изложении политической истории Караханидов мы опирались на известные работы В. В. Бартольда, которые являются непревзойденным образцом критического анализа и синтеза отрывочных и часто противоречивых известий письменных источников. Мы использовали также некоторые наиболее убедительные выводы нумизматов, позволяющие уточнить и дополнить данные письменных источников.

Происхождение самой династии неясно, принятые в литературе ее названия (Караханиды, реже Илеки) совершенно услов-

ны и сконструированы историками в XIX в. из двух распространенных титулов: карахан и илек. Очевидно, ядро государства Караханидов составляли тюркские племена ягма и чигили, что находит подтверждение в титулатуре ранних Караханидов. Самыми высокими титулами у них сначала были Арслан-хан (а «арслан» — лев — это тотем чигилей) и Богра-хан (а «богра» — верблюд — это тотем ягма)²². Примерно в середине X в. ислам стал государственной религией Караханидов. Ко времени завоевания Средней Азии главенствующее положение у Караханидов занимали Али и Хасан Богра-хан; Хасан Богра-хан, как уже упоминалось, возглавил в 992 г. поход на Мавераннахр; Наср ибн Али окончательно завоевал эту область. Две эти семьи — потомки Али («Алиды») и Хасана Богра-хана («Хасаниды») — уже с конца X в. были самыми влиятельными, сильными и владели большими уделами.

Государство Караханидов вообще в это время было поделено на многие уделы, границы уделов не оставались неизменными, удельные владетели обладали большими правами, вплоть до чекана монет со своим именем. Мелкие удельные владетели меняли и уделы и сюзеренов. Отношения вассалитета иногда бывали многоступенчатыми. Политическая история была насыщена сложными перипетиями междоусобной борьбы.²³

Политическое преобладание на первых порах было у «Алидов», потомков Али. После завоевания Мавераннахра в их руках оказалась огромная территория: на западе и юге она граничила по Амударье с государством Газневидов, на востоке же Туган-хан, старший брат Насра, владел Кашгаром. И главами династии на этом отрезке времени были также разные представители семьи «Алидов»²⁴.

Однако очень скоро обозначились успехи и второй семьи, т. е. «Хасанидов», которые начали теснить «Алидов» с востока. По монетным данным, Юсуф Кадыр-хан, сын Хасана Богра-хана, к 1005 г. уже овладел Кашгаром, вытеснив оттуда Туган-хана²⁵.

Постепенно семья «Хасанидов» настолько усилилась, что именно к ним после смерти сыновей Али перешло почетное звание и высокие титулы глав династии. С 1026/27 г. главой

²² Сводку гипотез о происхождении династии см.: *Pritsak O.*, 1953, p. 21—22.

²³ Вопросы титулатуры и феодальной иерархии, а также все прочие нумизматические данные для ранней истории Караханидов наиболее подробно рассмотрены в работах: *Vasmer R.*, 1930; *Pritsak O.*, 1953; *Федоров М. Н.*, 1965.

²⁴ Однако среди ученых нет единого мнения о том, кто из сыновей Али и на каком отрезке времени считался главой династии и был носителем самой высокой титулатуры. Трудность разрешения этого вопроса, безусловно, заключается еще и в том, что формальное место в феодальной иерархии и фактические власть и влияние часто не совпадали, о чем забывают некоторые исследователи.

²⁵ *Vasmer R.*, 1930, стр. 93—94; *Давидович Е. А.*, 1968 а, стр. 70—71. В. В. Бартольд (1963 б, стр. 343) эти монеты не были известны, поэтому у него совсем другая, более поздняя дата.

Караханидов считался Юсуф Кадыр-хан, в качестве такового он выступал и при дипломатических сношениях с другими государствами. После его смерти (1032 г.) ему наследовал его сын Сулейман, принявший титул Арслан-хана и считавшийся главой Караханидов. Центром его собственного удела были города Баласагун и Кашгар. Его брат Мухаммад, принявший второй по значимости титул Богра-хана, владел Исфиджабом и Таразом²⁶. Следовательно, успехи этой семьи выразились не только в формальном признании их династического главенства. Постепенно они все больше и больше теснили «Алидов», захватывали все новые и новые области. Даже Фергана — исконное владение «Алидов» (столицей Насра ибн Али, завоевателя Мавераннахра, был ферганский город Узгенд) — оказалась в сфере влияния Юсуф Кадыр-хана и особенно двух его сыновей — Сулеймана Арслан-хана и Мухаммада Богра-хана²⁷.

Мавераннахр, завоеванный Насром ибн Али, теперь также отошел к «Хасанидам». Бухару и вообще весь центральный Мавераннахр еще до 1025 г. захватил Али-тегин, брат Юсуфа Кадыр-хана²⁸. Между братьями не было мира и согласия, Кадыр-хан, очевидно, боялся усиления Али-тегина. Опасался этого и газневидский государь Махмуд. Поэтому они совершили в 1025 г. совместный поход на Мавераннахр²⁹. Свидание двух знаменитых государей того времени, сопровождавшееся пышными приемами и обменом богатыми подарками, завершилось решением отнять Мавераннахр у Али-тегина (в пользу Кадыр-хана), а также породниться. Оба решения не были осуществлены. Махмуд еще долго правил настолько усиливать Кадыр-хана. Али-тегин еще долго правил Мавераннахром, принял пышный титул «Тамгач Богра-хан»³⁰ и был совершенно независим от своих родственников. Любопытно, что Газневиды и впоследствии очень опасались Али-тегина. При газневидском дворе он считался опасным, коварным и хитрым противником, от которого нужно было весьма бдительно охранять пограничные области государства. Поэтому Масуд Газневид решил избавиться от Али-тегина, для чего в 1032 г. по его поручению хорезмшах Алтунташ совершил поход на Мавераннахр. Али-тегин оставил Бухару из тактических соображений. Хотя город был взят Алтунташем, основная битва состоялась в другом месте. Алтунташ был смертельно

²⁶ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 357.

²⁷ Марков А. К., 1896, стр. 246, 256, № 348, 401; *Vasmer R.*, 1930, стр. 95; Давидович Е. А., 1968 б, стр. 69--74 и табл. 1—2.

²⁸ Принадлежность Али-тегина к семье «Хасанидов» установил О. Прицак (*Pritsak O.*, 1950, стр. 216—224).

²⁹ Об этом походе и его политических последствиях подробнее см.: Бартольд В. В., 1963 б, стр. 344 и сл.

³⁰ Принадлежность этого титула Али-тегину (а не его сюзерену, как считал В. В. Бартольд) убедительно доказал Р. Фасмер (см. *Vasmer R.*, 1939, стр. 96—97).

ранен, с Али-тегином вынуждены были заключить договор, а хорезмийское войско ушло из Мавераннахра.

Али-тегин не оставлял намерения отвоевать у Газневидов некоторые приамударьинские владения. Он нашел союзника в лице нового хорезмшаха Харуна, обиженного Газневидами. Совместный поход был осуществлен уже после смерти Али-тегина (1034 г.) его сыновьями. Они захватили область Чаганиан, осадили город Термез, но вынуждены были вернуться к себе, не поддержанные хорезмийским войском, так как хорезмшах Харун был убит.

В дальнейшем отношения между сыновьями Али-тегина и Масудом Газневидом внешне были отрегулированы.

За весь этот довольно длительный период больших политических успехов «Хасанидов», когда именно они владели и западными и восточными областями Караханидского государства, об «Алидах» почти ничего неизвестно из письменных источников. Монеты показывают, что Мухаммад и Ибрахим, два сына Насра (завоевателя Мавераннахра), были лишь удельными владельцами небольших районов, причем на правах вассалов каких-либо более значительных членов династии. Сначала в лучшем положении был Мухаммад ибн Наср (по письменным источникам известный как Айн ад-Даула). Он владел отдельными городами и районами в Фергане, чаще всего Узгендом (бывшей столицей своего отца), иногда Ахсикетом, Ходжентом, позже Кубой. Но почти всегда на его монетах выше его имени упоминался его сюзерен³¹.

В 40-х годах XI в. самое видное место на политической арене занимает Ибрахим ибн Наср. В молодости он носил скромный титул Бури-тегина, имел мелкое владение, а потом даже попал в плен к сыновьям Али-тегина. Из плена он бежал к своему брату в Узгенд, не ужился с ним, собрал войско и в 1038 г. вступил в области Хутталаян и Вахш, а затем в Чаганиан. Хотя все эти области находились в сфере влияния Газневидов Масуда, последний, занятый борьбой с сельджуками, вынужден был примириться с появлением Бури-тегина в своих владениях. Кроме того, он рассчитывал, что вражда между Бури-тегином и мавераннахскими Караханидами (сыновьями Али-тегина) обезопасит его с этой стороны и избавит от борьбы на два фронта.

Но приамударьинские области были для Бури-тегина только плацдармом. Отсюда он начал завоевание Мавераннахра и быстро в этом преуспел. Не случайно вслед за первыми успехами в борьбе с сыновьями Али-тегина он переменял свою титулатуру: вместо скромного титула Бури-тегина он принял пышный

³¹ Давидович Е. А., 1968 г., стр. 67—74.

титул Тамгач Богра-хан³² (который до него в Мавераннахре носил Али-тегин), а также другой весьма почетный титул Муайид ал-Адль, который до него носили его отец и брат. К 1041 г. он уже овладел всем Мавераннахром. Газневид Масуд, только что перед этим в битве при Данденкане (1040 г.) потерпевший тяжелое поражение от сельджуков, примирился с возвышением Ибрахима ибн Насра и даже предполагал еще больше поощрить его с целью обрести в его лице хорошего союзника.

Ибрахим Тамгач Богра-хан проводил совершенно независимую внешнюю политику и не признавал восточных Караханидов своими сюзеренами. При нем в Мавераннахре окончательно оформилось независимое государство Караханидов со столицей в Самарканде³³ Вскоре (в начале второй половины XI в.) Ибрахим ибн Наср овладел и Ферганой, которая до этого находилась в сфере влияния восточных Караханидов.

Чрезвычайно интересна и внутренняя политика Ибрахима Тамгач-хана. Если верить рассказам, приводимым в источниках, Ибрахим Тамгач-хан в какой-то степени заботился о безопасности, спокойствии и нуждах своих подданных и был весьма популярен в народе. Особенно сурово он наказывал всякое посягательство на собственность. В источниках на этот счет имеется ряд рассказов. Разбойники однажды написали на воротах самаркандской цитадели: «Мы подобны луку: чем больше нас срезают, тем больше мы вырастаем». Ибрахим Тамгач-хан велел написать: «Я стою здесь подобно садовнику; сколько бы ни вырастало вас, я вас вырываю». Ему удалось якобы прекратить в государстве воровство. Он следил также за тем, чтобы базарные цены не повышались. Приводится такой любопытный рассказ. Однажды мясники попросили повысить цену на мясо, предлагая за это в казну 1000 динаров. Хан согласился, деньги взял, а населению запретил покупать мясо. Мясники уплатили еще раз за восстановление старых цен³⁴.

По нумизматическим данным стало известно³⁵, что он проводил и другие мероприятия для улучшения условий торговли. На-

³² Вопрос о принадлежности титула Тамгач Богра-хан на этом отрезке имеет не формальное, а принципиальное значение: это вопрос о времени и путях сложения независимого государства Караханидов в Мавераннахре. В. В. Бартольд (1963 б, стр. 367) и Р. Фасмер (*Vasmer R.*, 1930, стр. 97—98) полагали, что титул этот принадлежал сюзеренам Бури-тегина (однако в качестве сюзеренов они называют двух разных лиц). О. Прицак (*Pritsak O.*, 1950, стр. 222, 224) высказал предположение, а Е. А. Давидович (1970 б) доказала, что этот титул принадлежал самому Бури-тегину (т. е. последний отнюдь не признавал себя вассалом восточных Караханидов) и принят был им не позднее 1040 г., еще до окончательного завоевания Мавераннахра.

³³ Внешне стройная концепция О. Прицака (*Pritsak O.*, 1950, стр. 227—228) о независимой Фергане во главе с Мухаммадом ибн Насром, о времени и путях образования двух караханидских государств — Западного с центром в Узгенде и Восточного с центром в Баласагуне — находится в полном противоречии с фактами (см. Давидович Е. А., 1958 б, стр. 67—75).

³⁴ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 374—376.

³⁵ Давидович Е. А., 1968 б, стр. 76.

пример, в Фергане до него основу денежного обращения составляли монеты, именуемые дирхемами, но в них совсем не было серебра, они были сплавлены из свинца и меди. Кроме того, они были такого разного размера и веса, что ходили не штучно, а на вес, что очень затрудняло денежную торговлю. Ибрахим отменил эти монеты и ввел в Фергане чекан дирхемов правильной круглой формы, из сплава серебра и меди: его монеты имели штучное обращение, что сразу создало более благоприятные условия для денежной торговли.

Подобного рода мероприятия хотя и не ослабляли феодального гнета, но препятствовали его увеличению. В условиях феодального государства и это было достаточно прогрессивным явлением.

Ту же политику в какой-то мере продолжали Шемс ал-Мульк Наср, Хизр и Ахмад, два сына и внук Ибрахима Тамгач-хана.

Отношения между этими караханидскими государями и духовенством — интересная и еще недостаточно проанализированная страница истории Средней Азии. Но этот вопрос следует рассматривать как часть, звено в их внутренней политике. И Ибрахима Тамгач-хана, и других государей источники называют ревностными мусульманами, благочестивыми людьми, с большим уважением относившимися к духовенству и особенно отдельным его представителям. Тем не менее в царствование почти каждого из этих государей происходили крупные конфликты именно с духовенством, сопровождавшиеся даже казнями и убийствами.

О. Г. Большаков подметил, что «подданные», которых преследовал, например, Ахмад и у которых он конфисковывал имущество, — это верхушка феодального общества. Не менее существенно, что совместно с духовенством выступала феодальная верхушка также и кочевников³⁶. Нет оснований считать простой идеализацией утверждение источников о большой популярности в народе некоторых из этих ханов, об утвердившейся за ними славе справедливых государей и т. д.

За этими разрозненными фактами видна целенаправленная внутренняя политика. Очевидно, эти караханидские ханы стремились к централизации государства среднеазиатских Караханидов. Естественно, их противниками стали феодалы-кочевники и недовольное усилением ханской власти духовенство. Конфискация же имущества в условиях такой борьбы была одним из методов экономического ослабления политических противников.

Если Ибрахим Тамгач-хан расширил пределы своего государства присоединением некоторых областей, то его наследники во внешнеполитических и военных делах оказались менее удачливыми. С одной стороны, уже при Шемс ал-Мульке Насре их потеснили восточные Караханиды. Фергана вновь отошла к ним, и граница между двумя Караханидскими государствами пролегла

³⁶ ИТН, т. II, 1, стр. 239.

через Ходжент. С другой стороны, именно при этих государях Сельджукиды предприняли набеги и походы сначала на отдельные окраинные районы государства Караханидов, а затем и на центральный Мавераннахр³⁷. В конце концов в 1089 г. Сельджукид Малик-шах взял Бухару, а затем и столичный Самарканд. Однако Сельджукиды не уничтожили династию Караханидов: они удовлетворялись тем, что активно вмешивались в их дела и сами назначали ханов из числа членов Караханидской династии. Единственный серьезный конфликт произошел в 1130 г. между Караханидом Арслан-ханом и знаменитым Сельджукидом султаном Санджаром. Примерно за 30 лет до этого, в 1102 г., один из восточных Караханидов захватил Мавераннахр и даже двинулся во владения Сельджукидов, но погиб в сражении с султаном Санджаром. После этого-то султан Санджар и посадил на престол правнука Ибрахима Тамгач-хана Мухаммада II Арслан-хана. Последний правил около 30 лет и прославился своей строительной деятельностью. Ему, как и его предшественникам, пришлось бороться с духовенством. Когда в результате заговора духовенства был убит его сын и соправитель, он обратился за помощью к султану Санджару. Санджар с большим войском подступил к Самарканду, но Арслан-хан уже не нуждался в его помощи, так как сам сумел расправиться с противниками. По свидетельству источников, он даже подослал убийц к Санджару. Так или иначе, Санджар взял Самарканд, сместил Арслан-хана и в дальнейшем опять назначал ханов, которые были его верными подданными, но сохраняли самостоятельность во внутренних делах.

Караханиды и кара-китай

В начале второй четверти XII в. многочисленный народ киданей завоевал Семиречье с городом Баласагуном и основал огромную империю, доходившую на северо-востоке до реки Енисей. Затем они присоединили все остальные владения восточных Караханидов и начали угрожать западным, т. е. мавераннахрским Караханидам. У мусульманских авторов, писавших о событиях этих лет и политических успехах киданей, народ этот получил название кара-китаев³⁸.

В 1137 г. кара-китай около Ходжента разгромили Караханида Махмуда. Махмуд был верным подданным султана Санджара он даже на своих монетах упоминал его имя в качестве сюзерена. Но султан Санджар на этот раз не мог помочь Махмуду, так как был занят борьбой с Хорезмом. Правда, кара-китай в этом случае не воспользовались своей победой.

³⁷ Подробнее об этих событиях см.: *Бартольд В. В.*, 1963 б, стр. 379 и сл.

³⁸ О кара-китаях и их взаимоотношениях с Караханидами см.: *Бартольд В. В.*, 1963 а, стр. 48 и сл.; 1963 б, стр. 386 и сл.

Но не прошло и нескольких лет, как в решительной битве кара-китаи нанесли такое поражение объединенному войску Караханида Махмуда и Сельджукида султана Санджара, которое стало вехой в истории всех этих трех династий. Произошло это 9 сентября 1141 г. в Катванской степи близ Самарканда. Сельджукско-караханидские войска были совершенно разбиты, султан Санджар и Махмуд отступили. Кара-китаи же заняли Бухару и весь центральный Мавераннахр.

Соотношение политических сил в Средней Азии изменилось. Кара-китаи, подобно Сельджукидам, не уничтожили династию Караханидов, отныне Караханиды стали вассалами кара-китаев. Караханиды должны были выплачивать дань гурхану — главе кара-китайского государства. Султан Санджар, занятый борьбой с хорезмшахом Атсызом (который очень активизировался после Катванской битвы и поражения Санджара), даже и не пытался бороться с кара-китаями и восстановить свое бывшее влияние в Мавераннахре.

Кара-китаи не вмешивались во внутренние дела Караханидов, их столицей оставался город Баласагун. В государстве же Караханидов сложилась следующая обстановка. После битвы в Катванской степи в Самарканде некоторое время правил родной брат бежавшего Караханида Махмуда, Фергана же в это время находилась в руках семьи «Хасанидов», т. е. восточных Караханидов. Однако со второй половины XII в. (1156 г.) ферганская семья Караханидов прочно овладела и Самаркандом. Отныне после долгого перерыва Мавераннахр вновь оказался в руках восточной ветви Караханидов, объединившей под своей властью обе богатейшие области: центральный Мавераннахр и Фергану. Однако необходимо отметить, что центральный Мавераннахр и Фергана во второй половине XII в. и в начале XIII в. остались фактически двумя независимыми крупными уделами в руках разных членов одной семьи. Самарканд (центр первого) и Узгенд (центр второго) систематически, обильно и независимо друг от друга чеканили монеты, каждый город от имени своего удельного владельца, обычно с пышной титулатурой. И все же Самарканд одновременно считался столицей всего государства, а удельный владелец Самарканда был номинальным главой династии. Выражалось это в том, что титулы самаркандских владельцев были выше титулов владельцев Ферганы³⁹.

Кроме того, и в это время, безусловно, существовали более мелкие вассальные удельные владельцы, но их политический вес уже был не тот что в XI в. На это указывает редкость монет XII

³⁹ О Фергане и Мавераннахре во второй половине XII в., о хронологии и генеалогии глав династии (удельных владельцев Самарканда) и удельных владельцев Ферганы см.: *Давидович Е. А.*, 1957 б, стр. 108—119.

— начала XIII в., чеканенных, как и в XI в., с именами мелких удельных владетелей. Особое положение занимали лишь садры Бухары, своего рода династия представителей высшего духовенства. Они носили титул «садр-джахан» — «столп мира», занимали сначала высшие духовные должности в городе, а затем весьма активно стали вмешиваться и в дела управления. Наиболее влиятельные из них не только фактически управляли Бухарой, но даже и формально занимали должность правителей города. Их отношения с самаркандскими Караханидами были довольно сложными. Признавая верховную власть последних, садры иногда чеканили монеты от их имени. Иногда власть в Бухаре полностью переходила к Караханидам, в других же случаях, наоборот, садры держались совсем независимо, сами собирали дань для кара-китаев, весьма обогащались благодаря этому, не говоря уже о том, что они очень широко использовали свое положение для увеличения своих богатств любыми способами.

Хорезм и государство Сельджукидов

Победа кара-китаев в 1141 г. ослабила Сельджукидов. Другим крупным фактором этого периода, сильно ослаблявшим Сельджукидов, было возвышение Хорезма как политического центра.

Глава династии хорезмшахов Ануш-тегин еще при Сельджукиде Малик-шахе был назначен правителем Хорезма. После смерти Ануш-тегина править Хорезмом стал его сын Кутб ад-Дин Мухаммад (1097—1127 гг.), который принял титул хорезмшаха и считался преданным вассалом султана Санджара.

Подлинным основателем великого государства хорезмшахов можно считать сына Кутб ад-Дина Мухаммада — Атсыза (1127—1156 гг.). Он и его наследники используя каждый удобный момент, прилагали все усилия, чтобы добиться независимости Хорезма от государства Сельджукидов. В первые годы своего правления Атсыз подчинялся султану Санджару и принимал участие в его походах, но в то же время он путем подчинения Хорезму соседних племен становился все более могущественным. Ему удалось захватить местности, которые имели для кочевников очень большое значение, в том числе по нижнему течению Сырдарьи, и полуостров Мангышлак.

Укрепив своё положение, Атсыз трижды (1138, 1141—1142 и 1147—1148 гг.) восставал против Санджара, но терпел поражения. Наконец в июне 1148 г. Атсыз вынужден был заявить Санджару о своем полном подчинении Сельджукидам. Тем не менее он сумел подготовить почву для независимости Хорезма и создания будущего великого государства хорезмшахов (власть Сельджуки

будущего великого государства хорезмшахов (власть Сельджукидов в Хорезме с середины XII в. была по существу номинальной)⁴⁰.

В начале второй половины XII в. в Мавераннахре и на территории северных районов нынешнего Афганистана произошли события, послужившие главной причиной падения государства Сельджукидов. В 1153 г. против султана Санджара восстали турки-гузы (огузы), кочевавшие в Балхской области. Причиной восстания были чрезмерные вымогательства сборщиков налогов. После этого кочевники-гузы стали совершать набеги на оседлые земледельческие районы. Чтобы наказать их, султан Санджар двинул против них свои войска, однако потерпел поражение и попал в плен. После этого кочевники стали беспрепятственно совершать набеги на земледельческие оазисы Хорасана и на юго-восточную часть Мавераннахра.

В 1156г., после трехлетнего плена, султану Санджару удалось освободиться и вернуться в свою столицу — Мерв. Спустя год он умер, а с ним исчезла и внешняя видимость существования централизованного государства Сельджукидов. Малая Азия и Керман добились независимости еще при султани Санджаре. После его смерти независимые владения возникли в Фарсе и Азарбайджане. Из-под власти Сельджукидов вышел также Хорасан. В центре халифата, в Багдаде, восстановил свое положение халиф.

Это обстоятельство еще больше укрепило самостоятельность Хорезма, чем поспешил воспользоваться сын и наследник Атсыза Иль-Арслан (1156 — 1172 гг.). Иль-Арслан вмешался в борьбу между караханидскими ханами Мавераннахра, бывшими в подчинении у кара-китаев, и войсками тюркского племени карлуков.

Иль-Арслан поддержал карлуков. В 1158г. он вступил с хорезмийскими войсками на территорию Мавераннахра и принял участие в битвах карлуков за Самарканд и Бухару. Позже он вел борьбу с хорасанскими гузами и добился некоторых успехов. В 1165 г. он двинул войска против Нишапура, намереваясь подчинить себе этот город, однако не добился успеха и возвратился в Хорасан. Но в обстановке постоянных внутренних раздоров нечего было и думать об изгнании кара-китаев из Мавераннахра. Больше того, Иль-Арслан должен был принять меры к защите собственной территории. В 1171—1172 гг. кара-китай под тем предлогом, что Иль-Арслан несвоевременно посылает им дань, двинули войска на Хорезм. Иль-Арслану удалось спасти свою столицу от нападения кара-китаев лишь ценой разрушения плотины на Сырдарье.

После смерти Иль-Арслана (1172 г.) на престол хорезмшахов вступил его младший сын Султан-шах, захвативший престол с помощью своей матери. Старший сын Иль-Арслана — Ала

⁴⁰ Подробное изложение истории государства хорезмшахов дал В. В. Бартольд (1963 б); см. также: Kafesoglu I., 1956.

ад-Дин Текеш, правитель одной из областей Хорезма, обратился к кара-китаем с просьбой помочь ему захватить Хорезм; за это он обязался выплачивать им ежегодную дань. В том же году он с помощью кара-китаев захватил Хорезм. Султан-шах спасся бегством.

Став государем Хорезма и укрепив свое положение, Ала ад-Дин Текеш (1172—1200 гг.) отказался от уплаты кара-китаям дани и казнил их посла, прибывшего в Хорезм для сбора податей. Узнав об этом, Султан-шах в свою очередь поспешил к кара-китаем с просьбой помочь ему свергнуть Текеша.

Кара-китай, желая получить дань с Хорезма, выступили в поход против Текеша, но Текеш, затопив дороги, чрезвычайно затруднил передвижение кара-китайского войска. Кроме того, надежды Султан-шаха и кара-китаев поднять против Текеша хорезмийское население не оправдались. Кара-китай были вынуждены вернуться в свою столицу, оставив в распоряжении Султан-шаха один отряд. С этим отрядом он двинулся на Хорасан и, разбив военные силы местных кочевников-гузов, занял Мерв, а через некоторое время овладел также Серахсом и Тусом.

После неудачного наступления кара-китаев Текеш значительно укрепил свою власть. Совершив несколько успешных походов на Мавераннахр и Хорасан, он занял ряд крупных городов и селений. В июне 1187 г. он вступил в Нишапур, а в 1193 г., после смерти Султан-шаха, овладел Мервом.

Почти одновременно с этим Текеш получил возможность вмешаться во внутреннюю политическую жизнь некоторых районов Ирана. Сельджуковский султан Тогрул II стремился взять в свои руки управление государством, предоставив халифу ведать одними только религиозными делами. На это аббасидский халиф Насир (1180—1225 гг.) не пошел. В разгоревшейся борьбе он обратился за помощью к Текешу. Текеш, не упуская столь удобного случая, двинул войска против Тогрула, в марте 1194 г. разбил его и занял Хамадан. Однако Аббасиды быстро распознали, что хорезмшах гораздо опаснее для Арабского халифата, чем сельджуковский султан. Поэтому халиф Насир через своего везира предложил Текешу совершить предписываемый халифатом придворный церемониал. Это означало, что Текеш должен согласиться на подчинение аббасидскому халифу как в религиозных, так и в административных делах. Текеш вернул посланца халифа с грубым ответом.

В июне 1196 г. между войсками хорезмшаха и военными силами халифа произошло ожесточенное сражение, окончившееся победой хорезмийцев. Несмотря на это, халиф потребовал от Текеша вывести войска из западных провинций Ирана и отступить в Хорезм. На это Текеш ответил, что доходы занятых им стран недостаточны, чтобы обеспечить его крупные военные силы, поэтому халиф должен в дополнение к этим странам

отдать в его, хорезмшаха, распоряжение еще некоторые области. Не останавливаясь на этом, он потребовал также, чтобы в хутбе в Багдаде упоминалось его имя. Борьба между халифом и хорезмшахом затянулась.

Хотя во время правления Текеша государство хорезмшахов чрезвычайно усилилось, борьба с халифатом все более истощала Хорезм. Халиф в своих интересах сумел использовать в этой борьбе влияние мусульманского духовенства, Текеш пытался опереться на войско. Для успешного проведения своих военных мероприятий Текеш разделил военачальников по степеням и создал сильную группу военной аристократии. Однако в конечном счете прочной опоры внутри страны Текеш так и не нашел, хотя всячески стремился к этому.

Дошедший до нас труд личного секретаря (мунши) Текеша Мухаммада Багдади «Ат-тавассул иля-т-тарассул» («Искание доступа к деловой переписке») рисует картину социального и этнического состава населения Сырдарьинской области к началу XIII в. и содержит в числе некоторых других официальных документов наказ хорезмшаха Текеша наместнику Дженда. В этом наказе хорезмшах приказывает наместнику установить правильные отношения с различными слоями населения, которые им подробно перечисляются:

1. Сайиды (люди, считавшиеся потомками пророка Мухаммада) — «устройство их интересов сообразно их справедливости и степени святости он (наместник) должен признать великим сокровищем... и пусть он сделает их не нуждающимися ни в чем».

2. Имамы и ученые (улемы) — «да сделает он их радостными, давая им подарки и оказывая блага» в государственных делах, исходя из законоположений (фетва).

3. Судьи и правители — от них должно требовать справедливых решений, «но, разумеется, они не должны способствовать уменьшению блеска достоинства судьи».

4. Суфии и примыкающие к ним — их должно одарять, «дабы они могли со спокойным сердцем заняться молитвами за наше победоносное государство».

5. Влиятельные старейшины — им нужно покровительствовать.

6. Группа подчиненных наместнику чиновников и военных людей — управлять ими, не соучаствуя в «их препирательствах между собой, в их распрях и побоищах», следить за аккуратной выдачей жалованья, «дабы они не нуждались в вымогательствах у населения».

7. Борцы за веру (газии) — их всячески поддерживать, поручая наблюдение за населением.

Это перечисление показывает, на какие эксплуататорские группы стремились опереться хорезмшахи.

В этом труде имеются также указания о землепашцах и землевладельцах, а также о ремесленниках и «людях рынков», на которых рекомендуется обратить необходимое внимание, так как «их трудом войска обеспечиваются материальными средствами».

Далее указывается на необходимость покровительства купцам, «кои суть бесплатные вестники и восхвалители государя».

Особо подчеркивается необходимость одинакового отношения к тюркам и таджикам.

В заключение население призывается встретить с радостью нового наместника: «да доставят они ему целиком и полностью подати за будущий год в размере одной трети сбора, да воздержатся от неосновательных жалоб на него, что будто бы жалобщики угнетаются, и да пребудут покорными нашим повелениям и его — наместника — приказам».

Этот документ свидетельствует, помимо прочего, о том, что в XIII в. даже на окраине Хорезма значительная часть населения состояла из таджиков (при несомненном преобладании тюркоязычного элемента). Главное же его значение состоит в том, что в нем дается яркая картина феодальной иерархии того времени⁴¹.

Текешу наследовал его сын Мухаммад (1200—1220 гг.). В 1203 г. Мухаммад при поддержке кара-китаев полностью завоевал Хорасан. Покорив также Герат с окрестностями, он в 1207 г. вернулся в свою столицу и стал готовиться к захвату Мавераннахра. В том же 1207 г. Мухаммад положил начало захвату Мавераннахра, выступив с большим войском на подавление горожан в Бухаре, восставших против правителей города — садров.

Восстание Санджара. Завоевание государства Караханидов Мухаммадом хорезмшахом

Как уже отмечалось, в Бухаре еще в первой половине XII в. большое влияние получила родовитая семья — представители крупного и богатого духовенства, принявшие титул «садр джахан» — «столп мира». Сосредоточение в их руках большого количества вакуфных земель, а также сборы налогов с ремесленников и торговцев и с окружающих город земель, доходы от торговых предприятий и базаров — все это дало садрам огромные богатства. О размерах этого богатства можно судить по такому факту: один из садров (Мухаммад ибн Ахмад) содержал на свои доходы до 600 факихов. Когда же он предпринял паломничество в Мекку, то для перевозки необходимых путевых припасов потребовалось более ста верблюдов. За свою жадность

⁴¹ Детальную характеристику этого источника (с частичным изложением содержания) см.: Семенов А. А., 1952. стр. 17.

и недостойное поведение он был прозван «садри джаханнам» («столп ада»).

Богатства садров Бухары имели еще и другое происхождение. Под предлогом необходимости сбора крупных сумм для выплаты ежегодной дани кара-китаям садры жестоко обирали трудящихся. При этом значительная доля собранных таким образом средств оставалась у самих садров.

Все это, конечно, не могло не вызывать возмущения широких масс. В 1206 г. население Бухары под предводительством ремесленника (мастера по изготовлению шитов) Санджара восстало против владычества садров.

Основной силой в восстании Санджара были городские ремесленники. Исторические источники приводят очень мало сведений о том, как началось и как развивалось это восстание. Мы ничего не знаем также о том, сколько времени повстанцы держали в своих руках город после одержанной ими победы и как они осуществляли управление им. Известно лишь, что, овладев городом, Санджар, как писали придворные хронисты, сильно «унизил» именитых людей, т. е. аристократов-феодалов. Садры были с позором изгнаны из города, а их имущество поступило в распоряжение повстанцев.

Изгнанные садры обратились за помощью к кара-китаем.

Хорезмшах Мухаммад, давно искавший удобного случая отвоевать Мавераннахр у кара-китаев, считал бухарские события самым подходящим для этого моментом и с большими силами направился к Бухаре. Повстанцы, которые не приняли должных мер к защите города и даже не объединились с крестьянами окрестных селений, не смогли отразить нападение военных сил хорезмшаха. В 1207 г. Мухаммад, опередив кара-китаев, занял Бухару. Бухарские садры восстановили свое господство и стали вассалами хорезмшаха Мухаммада. Но для полного подчинения всей территории Мавераннахра Мухаммаду нужно было иметь союзника среди правителей самого Мавераннахра.

О событиях этого времени в письменных источниках много сведений, но и много противоречий⁴². Уточнить многие обстоятельства и хронологию событий помогают данные нумизматики⁴³.

Правителем Самарканда и номинальным главой Караканидов в это время был Осман ибн Ибрахим, а правителем Ферганы — его родной брат Кадыр. Осман вступил на престол своего отца на рубеже XII—XIII вв. и вскоре принял громкий титул «Великого султана султанов». Его положение «между двух огней», т. е. между Мухаммадом хорезмшахом и кара-китаями, оказалось очень сложным, но в течение некоторого времени

⁴² Бартольд В. В., 1963 а, стр. 420 и сл.

⁴³ Давидович Е. А., 1957 б, стр. 93—108.

он довольно ловко маневрировал. Создается впечатление, что Мухаммад хорезмшах первоначально не предполагал уничтожить династию Караханидов и лишь в ходе борьбы с кара-китаями его политика в этом вопросе изменилась. Отношения между Караханидами и Мухаммадом хорезмшахом можно разбить на три этапа: сначала союзнические, затем отношения вассалитета и, наконец, изгнание или уничтожение караханидских владетелей.

После занятия Бухары Мухаммад хорезмшах заключил союз с Османом самаркандским, не претендуя на его владения. Осман продолжал чеканить монеты от своего собственного имени с вышеуказанным титулом, который был даже выше и пышнее титула самого Мухаммада хорезмшаха.

В это время союзники потерпели поражение от кара-китаев. Хорезмшах вынужден был вернуться к себе, а Осман вновь сблизился с кара-китаями и посватался за дочь гурхана. Получив отказ, он вторично перешел на сторону Мухаммада хорезмшаха, но уже не как равноправный союзник, а как вассал: в 1209/10 г. он чеканит двухименные монеты: на одной стороне — имя и титулы Мухаммада хорезмшаха, на другой — свое собственное.

Эта измена Османа вызвала поход гурхана на Самарканд. Однако кара-китаи, захватив Самарканд и собрав небольшую дань, оставили город ввиду того, что на востоке у них начались серьезные осложнения.

Успех борьбы, которую хорезмшах Мухаммад вел с кара-китаями в последующие годы, был до некоторой степени обусловлен тем, что государство кара-китаев подверглось нападению монгольского племени найманов. Последние даже разграбили казну гурхана. Осман, ввиду таких неудач кара-китаев, снова перекинулся на сторону Мухаммада хорезмшаха и снова подтвердил свой вассалитет двухименным чеканом монет. Мухаммад хорезмшах, велел укрепить Самарканд и оставил при Османе своего представителя, двинулся на восток, одержал победы в долине Таласа над каракитайским войском и взял в плен их полководца. Хотя это сражение не решило окончательно участи кара-китаев, оно, однако, подняло авторитет Мухаммада хорезмшаха. Его имя начало упоминаться в официальных документах с титулом «Искандари дуюм» («второй Александр») или «султан Санджар»⁴⁴.

Завоевание Мавераннахра Мухаммадом было облегчено и тем, что население Мавераннахра надеялось на улучшение своего положения после изгнания «язычников» кара-китаев и установления власти единоверных хорезмшахов. Хорезмшах Мухаммад

⁴⁴ Имеется в виду Александр Македонский и последний из видных Сельджукидов — султан Санджар.

решил использовать в своих целях эти надежды населения. Заняв в 1207 г. Бухару, он, по-видимому, отдал своим войскам приказ не чинить никаких насилий. Даже руководителю повстанцев Санджару вначале была сохранена жизнь и лишь впоследствии он был утоплен в Амударье.

Тем не менее население Мавераннахра очень скоро испытало на себе всю тяжесть власти «правоверного» хорезмшаха Мухаммада. Осман, после победы Мухаммада над кара-китаями женившийся на дочери Мухаммада и целый год проживший в Хорезме, после возвращения в Самарканд, недовольный опекой хорезмийцев и лишенный самостоятельности, возобновил сношения с кара-китаями, изменив на этот раз своей политике примыкать к сильнейшему. На этот раз интересы караханидского правителя и народа оказались одинаковыми: гнет хорезмийцев объединил их в общей борьбе.

Притеснения и насилия, чинимые наместником хорезмшаха в Самарканде, были настолько невыносимыми, что уже в 1212 г. население города восстало против своих новых угнетателей. Не полагаясь на собственные силы, оно обратилось за помощью к кара-китаем. Мухаммад немедленно прибыл в Самарканд и жестоко подавил восстание. Убийства и грабежи в городе продолжались три дня, в результате были убиты тысячи неповинных людей. Осман был казнен.

Расправившись с непокорными жителями Самарканда, хорезмшах сделал этот город своей резиденцией и приступил к постройке там мечети и царского дворца.

Чтобы укрепить свое положение в Мавераннахре, Мухаммад приказал казнить караханидских правителей из других областей Средней Азии. В частности, он овладел Ферганой, отняв ее у Кадыра, брата Османа. В Узгенде, столице крупнейшего удела Караханидов, и в Самарканде, столице Караханидского государства, в 1213 г. были отчеканены монеты с именем Мухаммада хорезмшаха, чем было подчеркнуто окончательное уничтожение династии Караханидов. Династию же кара-китаев уничтожил Кучлук, предводитель кочевников-найманов.

Кучлук найманский был сильным противником, помыслы же честолюбивого Мухаммада хорезмшаха были направлены на юг и запад, он мечтал завоевать территорию Афганистана и Ирана и затем бросить вызов самому халифу. Не будучи уверен в возможности воевать на два фронта и опасаясь, что Кучлук найманский попытается завоевать северо-восточные области его государства, он переселил жителей Шаша, Исфиджаба и части Ферганы на новые места, а эти районы приказал опустошить.

Тем временем Иран и Афганистан были завоеваны, и Мухаммад хорезмшах сначала потребовал от халифа, чтобы тот отказался в его пользу от светской власти даже в Багдаде, а затем вообще объявил его низложенным. Мухаммад объявил

халифом термезского сайида Ала ал-Мулька и в 1217 г. предпринял поход на Багдад. Поход этот окончился неудачей. Дальнейшие известия письменных источников об отношениях халифа и султана противоречивы: одни сообщают, что Мухаммад объявил халифа умершим и почти во всех городах своего государства отменил упоминание его имени в хутбе, другие отмечают, что он, наоборот, искал примирения с халифом. Историки отдавали предпочтение второй версии⁴⁵, но данные нумизматики показывают, что ближе к истине именно первая версия: и до и после багдадского похода на монетах одних городов имя халифа упоминалось, на монетах других — нет⁴⁶. Любопытен в этом смысле чекан Термеза — родины провозглашенного Мухаммадом халифа Ала ал-Мулька: здесь после провозглашения последнего и после багдадского похода имени «свергнутого» халифа на монетах нет (а раньше было), но имени Ала ал-Мулька Термези тоже нет. Авторитет багдадского халифа среди мусульман был слишком велик, Мухаммаду не удалось быть до конца последовательным в своей политике его ниспровержения. Он ничего не выиграл, но многое проиграл. В. В. Бартольд правильно подметил, что не было ни одного класса общества, который был бы опорой Мухаммада. Феодалы, духовенство, народ — все по разным причинам, но были недовольны. Даже наемная армия, обеспечившая ему военные успехи, в конце концов вышла из повиновения. Огромное государство Мухаммада хорезмшаха не обладало внутренней прочностью и поэтому легко пало под ударами монголов.

2. ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Икта и условное землевладение в XI—XII вв.

Развитие института феодальных пожалований за службу (икта) в XI—XII вв. в государствах Газневидов, Караханидов, Сельджукидов и хорезмшахов нет оснований рассматривать как параллельный и общий процесс. При конкретно-историческом рассмотрении места икта в социально-экономической жизни каждого из этих четырех государственных образований необходимо иметь в виду, что наиболее дальновидные государственные деятели и правители того времени прекрасно понимали, что развитие икта ослабляет центральную власть и экономически и политически.

⁴⁵ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 437—440.

⁴⁶ Давидович Е. А., 1953 б, стр. 51—53.

В этом плане интересен рассказ об Алтунташе, наместнике Хорезма при Махмуде Газневиде. Харадж Хорезма был в два раза меньше, чем жалованье, получаемое Алтунташем за службу в качестве наместника. Алтунташ обратился к везиру Махмуда с таким предложением: он будет оставлять себе харадж Хорезма, а остальное ему будут доплачивать уже из казны. Алтунташ получил не только отказ, но и резкую отповедь от везира: «Да будет известно эмиру Алтунташу, что он не может быть Махмудом. Ни в коем случае те налоги, за которые он ответственен, ему не будут предоставлены. Собери налоги, доставь в казнохранилище султана и получи расписку, а затем проси и содержание... великая опасность для раба — искать соучастия в царстве со своим владыкой»⁴⁷. Но «великая опасность» икта (а передача права собирать харадж в свою пользу это и есть ранняя форма икта) была не для «раба», а именно для владыки. Поэтому всегда, когда правительство имело достаточно сил и экономических возможностей обходиться без пожалований, оно стремилось платить за службу наличными деньгами и т. д.

По свидетельству Низам ал-Мулька, Саманиды и Газневиды «... не давали икта, а каждому соответственно выдавали из казнохранилища наличными его плату четыре раза в год. И те всегда были в довольстве и благоденствии. Амили собирали налоги и сносили в казнохранилище; из казнохранилища же выдавали таким способом каждые три месяца один раз»⁴⁸. Низам ал-Мульк в данном случае говорит только о войске, глава так и называется «О ясности в имущественном состоянии всего войска». С некоторыми оговорками это утверждение Низам ал-Мулька можно признать достаточно достоверным. При Саманидах икта получила значительное развитие, но по всем известным примерам в качестве жалованных лиц выступали члены династии или крупные сановники, войску же действительно платили жалованье. При Газневидах, правда, войско сначала получало икта, но уже Себук-тегин (977—997) принял меры для ликвидации такого положения дел и перевел войска на содержание от казны в виде регулярной выплаты наличными деньгами. Положение это удавалось сохранять и позже, еще по меньшей мере двум или трем поколениям его наследников⁴⁹. Вместе с тем и при Газневидах известны отдельные случаи крупных пожалований, хотя и такого типа пожалования при них не занимали столь большого места в социально-экономической жизни, как при Саманидах.

⁴⁷ *Низам ал-Мульк*, 1949, стр. 230—231.

⁴⁸ Там же, стр. 106.

⁴⁹ *Bosworth C. E.*, 1963, p. 124—125.

Итак, при Газневидах в пору расцвета этого государства феодальные пожалования за службу были распространены даже меньше, чем при Саманидах; центральное правительство явно ставило своей целью не раздавать икта и обладало экономической возможностью не делать этого.

Совершенно иным было положение при Сельджукидах, хотя такие дальновидные люди того времени, как Низам ал-Мульк, прекрасно понимали пагубные результаты широких раздач икта. Тем не менее это имело место, причем при Сельджукидах распространены были как крупные пожалования чиновникам и знати, так и самые широкие раздачи пожалований войску⁵⁰. Икта воинам были разбросаны по всей стране. Иктадары получали право собирать ренту в свою пользу. На практике они стремились расширить свои права. Низам ал-Мульк многократно по разным поводам говорит о том, что мукта (держатели икта) не должны превышать данные им права и что центральная власть должна следить за этим: «Мукта, у которых икта, пусть думают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручено; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жены и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет мукта к ним никакого пути»⁵¹.

Хотя положение крестьян на землях, отданных в икта, было различным, обычно оно было тяжелым. Свобода переезда крестьян ограничивалась, есть сообщения о принудительном труде крестьян. В икта были отданы целые районы, находящиеся сейчас в Южной Туркмении⁵².

Значительно менее ясен вопрос об икта в государстве Караханидов. В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский считали, что в государстве Караханидов победила удельная система, а икта распространилась настолько широко, что стала господствующей формой землевладения⁵³. Оба выдающихся исследователя делали свои выводы по аналогии с государством Сельджукидов.

О. Г. Большаков⁵⁴, соглашаясь с тем, что эти выводы вполне соответствуют общей линии развития феодальных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, вместе с тем подверг справедливому сомнению правомочность построений, основанных на одних аналогиях, так как это механически исключает выявление возможного своеобразия.

⁵⁰ Бертельс А. Е., 1959, стр. 31—33; Bosworth C. E., 1968a, p. 230—244; Lambton A. K. S., 1969, p. 53—76 (здесь же о соотношении сельджукидской системы икта с той, что была развита в государстве Буидов).

⁵¹ Низам ал-Мульк, стр. 34.

⁵² Lambton A. K. S., 1969, p. 66—69.

⁵³ Бартольд В. В., 1963b, стр. 330, 367 и сл.; 1963e, стр. 248; Якубовский А. Ю., 1949, стр. 39—40.

⁵⁴ ИТН, т. II, 1, стр. 248—250.

В части удельного устройства государства Караханидов О. Г. Большаков приводит следующие соображения. По данным Е. А. Давидович, в Саманидском государстве даже в пору его расцвета, кроме вассальных владений типа Хорезма, Чаганиана и Хутталяна, существовали уделы и крупные владения на основе пожалования. При Караханидах в первые десятилетия Мавераннахр был раздроблен на значительное число уделов. Но после образования здесь самостоятельного государства положение оказалось таким же примерно, как при Саманидах. Следовательно, нет никаких оснований противопоставлять (хотя и с оговорками) удельное устройство Караханидского государства таковому же в государстве Саманидов.

В целом нельзя не признать правильность этого методического подхода и выводов, однако некоторые коррективы необходимо внести. Если пожалования за службу условно разбить на две группы (по социальному признаку): пожалования — «кормления» войску и крупные пожалования членам династии и сановникам, то для суждения о первой группе пожалований при Караханидах конкретно-исторических данных пока действительно нет. Что же касается второй группы, то некоторый материал дают караханидские монеты. В начале XI в. государство Караханидов действительно было разбито на многие большие и малые уделы с ярко выраженными отношениями вассалитета и многоступенчатой феодальной иерархией, причем в качестве вассалов более крупных владетелей выступали не только члены династии. Впоследствии число вассальных владетей в монетных надписях заметно сокращается, но все же они есть. И при Ибрахиме Тамгач-хане, действительном основателе самостоятельного Западно-Караханидского каганата с центром в Самарканде, на некоторых его монетах есть имена или титулы мелких удельных владетелей — его вассалов⁵⁵. Даже во второй половине XII в., когда государство среднеазиатских Караханидов оказывается в руках ферганской семьи, самостоятельный монетный чекан осуществляли не только главы династии (сидевшие в Самарканде) и не только главы Ферганского удела (сидевшие в Узгенде)⁵⁶, но иногда и более мелкие удельные владетели, например в Маргинане и Бинакете⁵⁷.

Создается впечатление, что развитие централизаторских тенденций после образования самостоятельного Караханидского государства с центром в Самарканде не отменило удельную систему, победившую в начале XI в., а лишь ограничило права удельных владетелей и, возможно, число уделов. В частности, мелкие

⁵⁵ Марков А. К., 1896, стр. 265—267, № 451—453, 457—460 и др.

⁵⁶ Давидович Е. А., 1957б, стр. 108—119.

⁵⁷ Давидович Е. А., 1961, стр. 189—190.

удельные владетели с этих пор лишь в отдельных случаях представляли свои имена на монетах. Кроме того, если Саманиды боролись с попытками превратить жалованные владения в наследственные (и боролись иногда успешно), при Караханидах, насколько это видно из монетного чекана, наследственность стала уже частым явлением, возможно, нормой. О. Г. Большаков прав в той части, что говорить о противопоставлении государств Саманидов и Караханидов сейчас нет никаких данных и оснований, но о дальнейшем «поступательном» развитии икта и удельной системы говорить можно, памятуя, однако, что и это развитие не было однолинейным непрерывным процессом.

В ином, более выигрышном положении мы находимся, когда говорим о ситуации в государстве хорезмшахов. В уже упомянутом выше труде Мухаммада Багдади, личного секретаря хорезмшаха Текеша (1172—1200 гг.), имеется несколько документов, связанных с областью Нисы. В это время большую роль в политической жизни южной окраины государства хорезмшахов играли гузские феодалы. Одному из ведущих гузских феодалов, Туган-шаху, Текеш отдал в икта большие районы области. Из жалованной грамоты вытекает, что Туган-шаху принадлежал полный объем иммунитетных прав. Ему подчинялись духовенство, судьи, ученые, зажиточные люди, «князья», «военачальники», земледельцы и люди прочих сословий. В подчиненном положении от иктадара находились *шихнэ* — правители селений и районов, *мутесаррифы* — финансово-податные чиновники (в центральном правительственном аппарате и на местах), ведавшие также орошением, и *амили* — непосредственные сборщики податей. В грамоте содержится наставление иктадару: «Пусть он накажет, чтобы назначенные им сборщики податей и мутесаррифы были украшены справедливостью и доверием, чтобы были вне порочности и беспечности и чтобы непременно и действительно защищали [интересы населения] с тем, чтобы, кроме определенного налога и ясного хараджа, не санкционировали возложение на крестьян [каких-либо других налогов и податей], чтобы не налагали [на них] не обусловленного обычаем и [того, что квалифицируется] как определенно неодобряемое новшество, которыми не будут довольны ни господь, ни народ».

В этом цветистом поучении содержатся также призывы охранять женскую честь, имущество и жизнь населения, охранять безопасность дома и т. д. Из всего этого становится ясно, что уполномоченные иктадара в действительности выступали в роли заведомых грабителей и насильников и, как сказано в грамоте, «доводили мусульман до бегства [со своих мест]».

Не вошедшая в икта Туган-шаха часть области Нисы находилась во владении самого хорезмшаха Текеша, который управлял ею через наместника. Этому наместнику выплачивалось жалование, и, кроме того, некоторые местности были ему же

отданы в икта. В грамоте, предназначенной этому наместнику, говорилось, что с земель, отданных ему в икта, он может собирать в свою пользу подати, ему предоставлялись «ключи разрешения и связывания, приказания об исполнении и запрещении». «Да скажет он своим заместителям, чтобы они при требовании поземельной подати не налагали на крестьян выходящего [за пределы] договоренности и тяжести, когда они не имеют силы перенести свои затруднения при проверке финансовых расчетов и при расстройстве [их]...» От крестьян и горожан требовали, чтобы они полностью выплачивали налоги и подати, не ссылаясь на отсутствие средств, уклоняющихся же ожидали жестокие кары⁵⁸.

Итак, картина жесточайшего угнетения народных масс предстает из этих подлинных документов во всей предметной конкретности.

Земельная собственность и дикханство

Один из характерных социальных процессов рассматриваемого времени — это изменение состава крупных и даже средних земельных собственников. До арабского завоевания основными собственниками земли были дикханы. После арабского завоевания началось систематическое разорение дикханства. В первую очередь пострадали, конечно, мелкие и средние дикханы, которых разоряло тяжелое налогообложение и злоупотребления чиновников. Некоторые мелкие собственники земли предпочитали добровольно сдать ее более крупным (институт талджиат). Завоеватели и близкая им знать охотно покупали земли дикханов, последние иногда вынуждены были под нажимом продавать наследственные земли. Имели место конфискации и насильственные захваты.

Процесс этот продолжался при Саманидах: мильковые земли скупали члены династии, чиновничество, достигшие высоких должностей и богатства военные и др. Развитие института феодальных пожалований в IX—X вв. с одной стороны умножало богатство жалованных лиц, с другой стороны, открывало перед ними еще более широкие возможности: скупки наследственных земель дикханов, т. е. пожалования в IX—X в. в. были крупные и включали административную власть в виде должностей наместников — правителей городов, районов, целых областей. В результате к XI в. в качестве земельных собственников выступали уже далеко не одни дикханы.

И все же к XI в. дикханство было еще сильным сословием.

⁵⁸ Семенов А. А., 1955.

Крупные дихканы владели целыми областями и районами. Некоторые охотно перешли на сторону завоевателей — Караханидов⁵⁹ — и первое время сохраняли не только свои земли, но в какой-то степени и политический вес. В качестве примера можно назвать дихканов Илака. Их имена с титулом «дихкан» упоминались даже на медных монетах (чеканенных в Илаке в 997,

998, 1004/ 05 и 1008/ 09 гг.) в качестве вассалов караханидского государя⁶⁰. Создается впечатление, что при Караханидах в конце X — начале XI в. дихканы Илака даже возвысились, стали более самостоятельными и приобрели больший вес, чем это было в X в. при Саманидах⁶¹.

Прочными до начала XI в. были позиции старой земельной знати — правителей разных пограничных областей. При саманидах, например, как уже упоминалось, некоторые владения не платили хараджа, ограничиваясь подарками, часто символическими. Там земля оставалась собственностью местных феодалов. Махмуд Газневид потратил немало сил, чтобы завоевать эти области. Так, он подчинил Гарчистан и разрушил замки местной знати. Окончательное подчинение Гура также сопровождалось разрушением замков⁶². Завоевал он и приамударьинские области, хотя Чаганиан до 1038/ 39 г. сохранял большую политическую автономию, правила там, по словам Бейхаки, наследственные владетели, а на монетах, чеканенных в Чаганиане, Газневиды не упоминались вовсе, даже в качестве сюзеренов⁶³.

В завоеванных областях безусловно вводилась хараджная система, что экономически было крайне невыгодно местным земельным собственникам, а наиболее слабых и мелких из них постепенно разоряло. Здесь, очевидно, повторился с «запозданием» тот же процесс, который в центральных областях начался раньше и к XI в., естественно, зашел дальше.

На протяжении XI—XII вв. в государствах Караханидов, Газневидов и Сельджукидов шел интенсивный процесс приобретения мельковых земель членами этих династий, служилой знатью разного происхождения, верхушкой войска. В источниках упоминаются очень крупные владельцы мельков из числа новой, служилой знати. Они получали высокие привилегии, их мельковые земли часто освобождались от хараджа.

Итак, разными путями мельковые земли дихканов переходили в руки новых династий и новых феодалов. По общему

⁵⁹ В частности, дихканы сами приглашали Караханида Богра-хана (*Бартольд В. В.*, 1963 г., стр. 318).

⁶⁰ *Марков А. К.*, 1896, стр. 218—219, № 192—193; *Массон М. Е.*, 1953, стр. 81.

⁶¹ Ср. *Бартольд В. В.*, 1963 г., стр. 292.

⁶² *Бертельс А. Е.*, 1959, стр. 25—26.

⁶³ *Давидович Е. А.*, 1970 г.

признанию исследователей, дихканы как главное сословие земельных собственников ко времени монгольского завоевания совсем перестали существовать. Параллельно этому эволюционировало значение самого слова «дихкан», которое, по мере разорения дихканства, все чаще стали употреблять для обозначения простого земледельца, крестьянина⁶⁴. В XI—XII вв сложился новый социальный состав земельных собственников, в котором растворились остатки дихканства.

Необходимо также акцентировать внимание на таком важном явлении развития феодальной экономики, как купля-продажа земли, земельной собственности. Появление цены земли, превращение мильковой земли в объект купли-продажи, безусловно, было ускорено завоеванием Средней Азии и Хорасана сначала арабами, потом Караханидами и Сельджукидами, образованием новых государств, изменением состава феодальной верхушки и прочими рассмотренными явлениями. Иначе говоря, исчезновение дихканства как самостоятельного и основного сословия земельных собственников и образование нового состава земельных собственников в значительной мере базировалось именно на превращении мильковых земель в объект купли-продажи и ускоряло это превращение.

Города Средней Азии в XI—XII вв.

Одним из самых приметных явлений рассматриваемого времени был интенсивный рост городов, товарного производства, денежной торговли.

Города Средней Азии расширились, население увеличилось. Центр жизни Самарканда, например, сосредоточился на территории внешнего города, где концентрировались многочисленные торгово-ремесленные кварталы. Здесь же располагались и дома городской знати, духовенства, богатого купечества и т. д.⁶⁵ Городские укрепления Бухары также перестраивались, при этом площадь города увеличивалась. Было возведено много новых монументальных зданий⁶⁶. Термез XI—XII вв. намного увеличился по сравнению со временем Саманидов. В XI в. его укрепления были усилены, цитадель облицована обожженным кирпичом. В этом же столетии был воздвигнут «дворец термезских правителей». Особое значение приобрела торгово-ремесленная часть города, где происходила концентрация тех или иных ремесленных производств вокруг некоторых пунктов, вероятно ба-

⁶⁴ Об эволюции слова «дихкан» см.: Бартольд В. В., 1923; 1963б, стр. 238—239; Бертельс А. Е., 1959, стр. 16—26; и др.

⁶⁵ Массон М. Е., 1950, стр. 164—165.

⁶⁶ Сухарева О. А., 1958, стр. 31 и сл.

заров⁶⁷. Одним из крупнейших городов Южного Таджикистана являлась столица Хутталяна — Хульбук. Только центральная часть его занимала площадь около 70 га. Здесь высилась цитадель, при раскопках которой были обнаружены остатки богато украшенного дворца правителей Хутталяна. В городе существовали различные ремесленные производства: гончарное, металлическое и др. Характерно, что в этот период город интенсивно развивался: в местах, где раньше были городские свалки или развалины культурные насаждения, появились жилые дома⁶⁸. По данным археолого-топографических наблюдений, в XI—XII вв. значительный подъем переживают и крупные, и средние, и небольшие города Южного Туркменистана: Мерв, Данденакан, Амуйль, Земм, Серахс, Мейхене, Абиверд, Ниса, Языр, Дахистан и др.⁶⁹. В Чуйской долине именно в X—XII вв. некоторые поселения превращаются в крупные городские центры⁷⁰. Даже горные районы интенсивно втягиваются в товарно-денежные отношения (например, район в долине реки Обиниоу, притока Пянджа, или район Исфары).

Основными причинами значительного, а в некоторых случаях бурного подъема городской жизни являлось развитие производительных сил, дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства. Другим важнейшим фактором роста городов являлось усиление феодальной зависимости крестьянства, приводившее к массовому бегству крестьян в города (что, между прочим, наложило отпечаток на некоторые формы городской материальной культуры).⁷¹ Таким образом положения К. Маркса и Ф. Энгельса о роли беглых крепостных в образовании европейских средневековых городов⁷² следует в какой-то мере распространить и на средневековые города Средней Азии.

Ремесло в XI—XII вв.

Основными центрами ремесла и торговли были города. Городское ремесло этого времени изучено преимущественно по археологическим данным. Более всего материалов археологи накопили для характеристики керамического и стекольного производств.

Для XI—XII вв. характерно прежде всего значительное увеличение объема производства керамических изделий при дальнейшей стандартизации форм. Другая характерная черта — то

⁶⁷ Массон М. Е., 1938, стр. 7—8.

⁶⁸ Литвинский Б. А. и Давидович Е. А., 1954 г. стр. 41 и сл.

⁶⁹ Пугаченкова Г. А., 1958, стр. 190—199.

⁷⁰ Кожемяко П. Н., 1959, стр. 183.

⁷¹ Подробнее см. Литвинский Б. А., 1953б, стр. 55 и сл.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 14—15, 50—51; т. 4, стр. 425.

большое место, которое в производстве парадной «столовой» посуды занимают неглазурованные, но богато и разнообразно орнаментированные сосуды. Существенно отметить территориально широкое распространение глазурованной керамики XI—XII вв.: она встречается в таких глухих горных уголках Средней Азии, где в IX—X вв. глазурованная керамика была редкостью или вовсе отсутствовала. Произошли и другие изменения, которые позволяют отличать керамику XI—XII и начала XIII в. от предшествующего периода.

Производство керамики XI—XII вв. изучено и с точки зрения технологии и техники, и с точки зрения форм и украшения весьма основательно⁷³, ибо посуду этого времени археологи на всех средневековых городищах обнаруживают в большом количестве. В ряде пунктов зафиксированы следы производства, раскопаны керамические обжигательные печи, найдены разнообразные формы для орнаментации и предметы печного припаса (штыри, на которые ставилась и развешивалась в печах посуда; сепоа — трехножки, которыми отделялись друг от друга сосуды и т. д.).

Глазурованная посуда занимает почетное место в производстве. Господствует прозрачная свинцовая глазурь, по-прежнему употребляется глухая непрозрачная. Среди непрозрачных глазурей особенно выделяется появившаяся в это время бирюзовая глазурь красивого оттенка и хорошего качества.

Формы глазурованной керамики — частично старые, но появляются их модификации и новые варианты. Например, если в IX—X на чираги-светильники имели округлый резервуар и короткий носик, то в XI—XII вв. наряду с этой формой получают большое распространение чираги с граненым резервуаром и длинным прямым граненым носиком.

Подглазурные росписи по-прежнему включают надписи, геометрический и растительный орнамент, изображения живых существ (особенно птиц). По-прежнему часто встречается светлый фон, но широко используется и красновато-кирпичный, и черный; цвета рисунков самые разнообразные: черные и белые, коричневые разных оттенков и красные, болотно-зеленые, желтые, голубые и зеленые. Все достижения предшествующего времени в части орнаментации использованы, включены, но в значительной степени преобразованы и изменены.

Исчезают длинные благожелательные надписи и сентенции, преобладают надписи короткие, в одно слово. Это слово может многократно повторяться; появляется эпиграфический орнамент, повторяющиеся сочетания букв, не имеющие определенного смысла не читаемые и не переводимые. В изображении живых существ заметен процесс схематизации. Например, птицы по-

⁷³ Работы И. Ахрарова, О. Г. Большакова, Н. Н. Вактурской, Э. Гулямовой, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинского, С. Б. Луниной, Э. В. Сайко, Ш. С. Ташходжаева, Г. В. Шишкиной и др.

прежнему являются излюбленным сюжетом подглазурной росписи, но они не только очень схематичны, а часто изображены даже не целиком, например повторяющийся рисунок птичьего крыла.

Очень разнообразны геометрические и растительные мотивы. Разрабатывается два принципа: один, когда орнамент покрывает лишь часть поверхности, развертываясь на свободном фоне, причем светлый фон имеет как правило желтоватый или зеленоватый оттенок; другой, когда орнамент сплошь покрывает всю поверхность сосуда, не оставляя свободного фона. Появляется много новых орнаментальных мотивов, новые очень удачные сочетания цветов. Например, очень хороши рисунки в коричневых тонах, лишь тонко и деликатно оттененные белым, черным и болотно-зеленым.

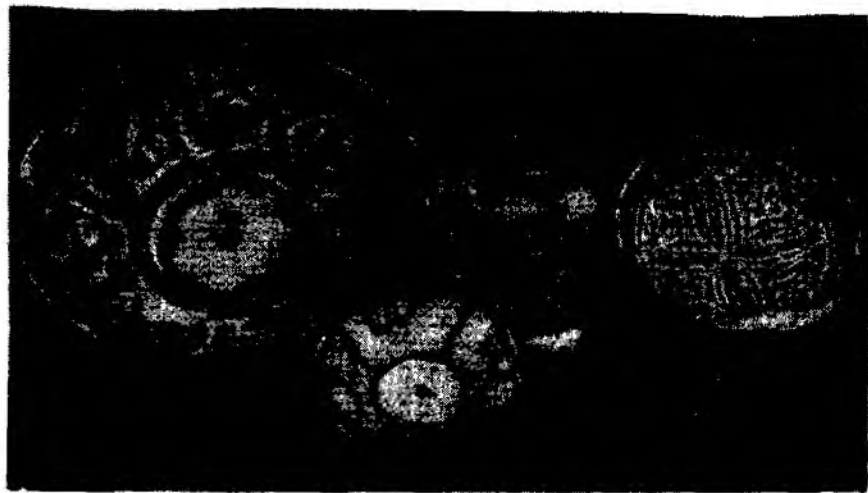
В XI—XII вв. изготовлялась кашинная керамика. Ее черепок — белый или чуть розоватый, хрупкий и пористый; покрывалась она светло-голубой или даже синей глазурью. Тонкие стенки чаш иногда прорезались мелкими круглыми, треугольными или квадратными отверстиями, которые, будучи залиты глазурью, создавали своеобразный и очень эффектный прозрачный орнамент.

Очень хороша тонкостенная неглазурованная орнаментированная керамика XI—XII вв. Преимущественно это разных форм и размеров узкогорлые кувшины то с округлым или грушевидным туловом, то с туловом, подчеркнутые изломы которого создавали большое сходство с металлом. Для украшения кувшинов использовались разнообразные технические приемы. Применялись орнаментальные формы, внутри которых отдельно лепились верхние и нижние части кувшинов, иногда отдельно и горлышки, а потом все эти части уже с готовым рельефным рисунком слеплялись вместе. Широко использовались штампы-оттиски, рисунки которых отпечатывали на готовом сосуде. Употреблялись и другие вспомогательные приемы.

Геометрические и растительные орнаменты, надписи, изображения животных, птиц и рыб, людей и фантастических существ украшают эту изящнейшую неглазурованную керамику. Рисунки на ее поверхности скомпонованы различно. Один из любимых приемов — горизонтальные пояса: в одном разворачивается надпись, в другом — сложнейший растительный узор, в третьем — звериный гон.

Яркую картину развития ремесла в XI—XII вв. рисуют и стеклянные изделия¹⁴. В это время значительно более широкие

¹⁴ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А., 1953. В главе V, к сожалению, не сделана попытка выявить черты нового в стеклоделии XI—XII вв.; стекло рассматривается суммарно в рамках более чем четырех столетий (IX — начало XIII в.), хотя археологические материалы уже открывают определенные возможности для более конкретной характеристики развития этого вида ремесла на разных хронологических отрезках времени. Находки стеклянных изделий XI—XII вв. весьма многочисленны и описаны во многих археологических публикациях.

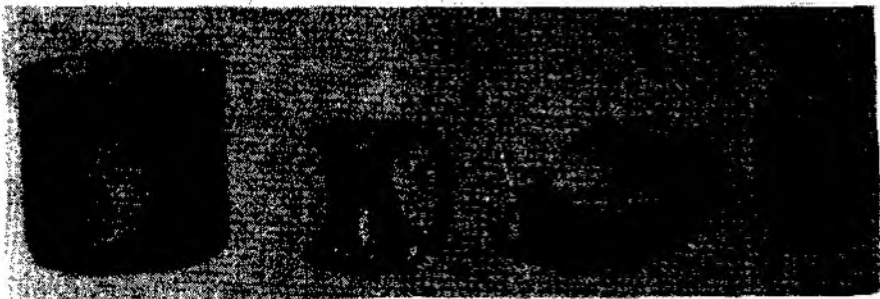

Поливная керамика XI—XII вв. Афрасиаб

применение и распространение получило оконное стекло. Фрагменты плоского оконного стекла, изготовленного техникой выдувания, встречаются во многих местах: на городище древнего Мерва, в ряде пунктов Хорезма и Ферганы, на городище средневекового Тараза и пр. Стекло по большей части было бесцветное, т. е. остекление окон в первую очередь преследовало утилитарные цели. Но встречается и цветное плоское стекло, использование которого предполагало и декоративный эффект. В этом плане интересный материал дал дворец правителей в Термезе, где в оконные решетки были вставлены просто куски битой цветной стеклянной посуды, они пропускали мало света, зато создавали богатый многоцветный «мозаичный» узор.

Наблюдения археологов показывают, что в XI—XII вв. стекольное производство значительно выросло по сравнению с предшествующим временем, стекло значительно шире вошло в быт населения. Находки, указывающие на наличие стекольных мастерских, обнаружены на территории многих средневековых городищ и относятся именно к этому времени. Находки же большого количества самого стекла XI—XII вв. в Средней Азии повсеместны.

По-прежнему господствует массовое производство бытовой посуды. Наряду с бесцветным или немного желтоватым стеклом часто встречается и цветное: зеленое, синее, голубое, коричневое. Ассортимент посуды, безусловно, расширился по сравнению с предшествующим временем. Возможно, как и в керамическом производстве, существовала и областная специфика, но уверенно говорить об этом еще рано. Другая же тенденция не вызывает сомнений: некоторые формы сосудов преобладают в коли-

Стеклянная посуда X—XII вв. Афрасиаб

чественном отношении и встречаются повсеместно. Это некоторые виды чаш, блюд, бокалов на ножках, кубков, флаконов, кувшинов и мелких парфюмерно-аптекарских сосудиков. Большинство посуды без украшений, но много и орнаментированного стекла. Излюбленные способы украшения — это выдувание в узорную форму и рельефные налеты стекла и стеклянных нитей. Использовались, конечно, и более трудоемкие технические приемы орнаментации (например, гравирование). Особенно хороши орнаментированные стеклянные сосуды из Хульбука (Южный Таджикистан) и Кувы (Фергана). Не менее интересны стеклянные медальоны (особенно термезские) с изображением птиц, животных, всадников, с кufическими арабскими надписями и др.

Использование изделий из стекла было весьма разнообразным: тут и столовая посуда, и парфюмерно-аптекарская, и бытовые изделия (чернильницы, туваки и пр.), и различные украшения (особенно бусы), и оконное стекло, и, вероятно, химическая посуда (последняя, к сожалению, в большинстве случаев не датирована)⁷⁵.

Массовость и повсеместность производства стеклянной посуды и даже оконного стекла, богатый ассортимент и одновременно стандартизация многих форм сосудов, использование эффектных и в то же время наименее трудоемких и наиболее дешевых способов орнаментации посуды — все это говорит о том, что стеклоделы XI—XII вв. работали на еще более широкого потребителя, чем в IX—X вв.

Значительное место в городском ремесле занимало металлическое производство. В Термезе, например, «квартал металлотов» имел площадь 5 га. Наряду с массовым выпуском предметов быта, оружий производства и оружия производилось немало высокохудожественных изделий — котелков, каламданов, светильников и др., украшенных надписями, изображениями различных сцен и т. д. Таков, например, найденный в Средней Азии

⁷⁵ См., например, Жуков В. Д., 1940, 1945; Давидович Е. А., 1953; Трудновская С. А., 1958; Мережин Л., 1956; Ахроров И., 1960; Амиджанова, М., 1960, 1961; Гулямова Э., 1961 а и мн. др.

бронзовый каламдан (письменный прибор типа пенала). Он инкрустирован серебром. Главным украшением его являлись надписи, фигурки птиц и узоры. В одной из надписей указывается, что он был изготовлен 12 апреля 1148 г. мастером Омаром ибн ал-Фазлом⁷⁶. В Бухаре был найден замечательный бронзовый котелок, инкрустированный медью и серебром, сделанный в декабре 1163 г. рисовальщиком Масудом ибн Ахмадом и чеканщиком Мухаммадом ибн Абд ал-Вахидом из Герата. На котелке изображены сидящий на троне царь, игры, охота, танцы и другие сцены⁷⁷. Клад великолепных бронзовых изделий этого времени обнаружен в Лягмане (Вахшская долина).

Продолжалась добыча полезных ископаемых, функционировала многочисленная сеть рудников.

Денежное обращение

Рост производительных сил, усилившийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, дальнейшее развитие товарного производства, тесные связи с кочевой степью приводили к развитию обмена внутри государств Средней Азии и с более или менее отдаленными странами. Об этом говорят как археологические материалы (особенно в части Китая и Ирана), так и письменные источники.

О денежном обмене свидетельствует обильный нумизматический материал. В период с XI по начало XIII в. на территории Средней Азии обращались монеты чекана разных государственных образований (в соответствии с вхождением в их состав отдельных областей и районов Средней Азии). Газневидские и сельджукидские монеты обычно обнаруживаются в южных районах Средней Азии: первые чаще всего в Таджикистане, а вторые — в Южной Туркмении. Больше всего караханидских монет найдено на территории Киргизии, Узбекистана и Северного Таджикистана. По всей Средней Азии встречаются хорезмшахские монеты Мухаммада ибн Текеша.

Денежное обращение этого времени⁷⁸ характеризуется двумя основными чертами. Первая — возросшее по сравнению с предшествующим периодом значение золота, золотых монет. Правда, они по-прежнему принимаются на вес. Но неизмеримо возросла их роль как средства обращения. Их выпускают многие города Средней Азии. Они активно вторгаются на рынок, чего раньше не было. Вторая особенность среднеазиатского чекана рассматриваемого периода была обусловлена явлением, которое получило название серебряного монетного кризиса. С XI в. в государствах

⁷⁶ Гюзальян Л., 1938, стр. 217 и сл.

⁷⁷ Веселовский Н. И., 1910.

⁷⁸ Давидович Е. А., 1960 а, стр. 92—117.

Востока проба серебряных монет начинает снижаться, в некоторых случаях уменьшается их вес. Порченные дирхемы уже не вывозятся (в отличие от предшествующего периода) в Восточную Европу. Территория их обращения суживается: не являясь полноценными монетами, они обращаются только в границах выпустившего их государства.

Динамика порчи серебряных монет в разных государствах была различной. В государстве Газневидов этот процесс протекал медленнее: Махмуд и Масуд Газневиды награбили столько богатств в Индии, что могли несколько задержать порчу монет; в их монетах еще 70—76% чистого серебра, и не исчезло полностью из обращения такие высокопробные дирхемы, в которых было 95% серебра. А в это же самое время в караханидских дирхемах, чеканенных на юге Средней Азии, было всего около 20% серебра. В Фергане, в середине XI в. находившейся в сфере влияния восточных Караханидов, выпускали дирхемы совсем без серебра: они были сделаны из сплава меди со свинцом и даже не имели штучного обращения. Правда, позже Ибрахим Тамгач-хан, глава Западно-Караханидского государства, завоевав Фергану, выпустил там монеты, в которых было в среднем 20% серебра. Но это улучшение оказалось временным. В XII в. Караханиды выпускали медные дирхемы, лишь сверху покрытые тонким слоем серебра. Кроме того, в Средней Азии продолжали обращаться медные дирхемы гитрифи — наследие предшествующего периода. Все эти разного рода монеты обслуживали сферу серебряного обращения, их покупательная способность, их номинал были много выше их стоимости. Они как бы замещали в торговле настоящие серебряные монеты.

Некоторые исследователи причиной серебряного монетного кризиса считают отлив серебра в Европу за предшествующее время, нехватку серебра-металла. Это существенный фактор, но сам по себе он привел бы к порче монет; в другие периоды при таком же состоянии серебряных запасов продолжали чеканить высокопробные серебряные монеты, просто менялось их отношение к золоту, их курс. В данном случае именно бурное развитие городов, товарного производства и денежной торговли потребовало такого количества монет — средств обращения, которое не могло быть дано рынку на базе чекана высокопробных монет. Возросшие потребности рынка, с одной стороны, активизировали золото, с другой стороны, толкнули на выпуск низкопробных монет, но в большом количестве.

Приведенная характеристика денежного хозяйства XI—XII и начала XIII в. сама по себе говорит об очень развитых товарно-денежных отношениях того времени. Если учесть при этом, что в товарно-денежные отношения были втянуты самые глухие, в том числе и горные районы Средней Азии, станет ясно, какое особое место рассматриваемый период занимает в истории развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии.

3. КУЛЬТУРА В XI—НАЧАЛЕ XIII В.

Строительство, архитектура, прикладные ремесла

От XI—XII и начала XIII в до нас дошло значительное число памятников монументальной архитектуры, и это не случайно. Если сопоставить число сохранившихся памятников с известиями о строительстве дворцов, мечетей, бань и пр., станет ясно, что рассматриваемый период был временем чрезвычайно бурного строительства. Это, между прочим, одно из проявлений и свидетельств роста и развития городов, товарного производства, торговли, развития производительных сил, общего подъема экономики. Период этот, однако, примечателен не только числом возведенных построек, но и дальнейшим развитием архитектурной мысли, новыми конструктивно-планировочными решениями, достижениями в области декоративной отделки памятников.

В монументальном строительстве этого периода жженный кирпич занимает большее место, чем раньше. Но и старые строительные материалы — пахса, сырцовый кирпич — используются достаточно хорошо, особенно при сооружении крепостей, замков, дворцов. Широко применяется комбинация из сырцового и жженого кирпича, например стены из кирпича-сырца, а купола — из жженого кирпича или стены из сырца облицованы жженым кирпичом.

Любопытным образцом крепостного строительства является замок-крепость Кала-и боло в Исфаринском районе Таджикистана⁷⁹. Построенная в VI—VIII вв., разрушенная и находившаяся в запустении какое-то время в X в., в XI—XII столетиях она была значительно укреплена и перестроена. При перестройках XI—XII вв. использованы пахса и сырцовый кирпич, но в облицовках — жженный кирпич на алебастровом растворе. Система обороны, созданная в VI—VIII вв., теперь усилена сооружением двух прямоугольных башен в наиболее ответственных местах восточного фаса крепости. Коленчатый коридорно-пандусный подъем на платформу и внутрискладные подъемы к парапету восточной крепостной стены достались в наследство от предшествующего периода, зато жилой комплекс на платформе полностью перестроен. В XI—XII вв. это парадная комната, дворик и затем два ряда смежных прямоугольных комнат, выходящих в общий коридор. Комнаты перекрыты сводами из сырцового кирпича. Это творческое развитие планировочной схемы предшествующего времени: коридор выполнял роль светового дворика, он решал проблему освещения жилых и хозяйственных помещений, ибо каждая комната могла освещаться через дверной проем или окно над ним. Следует отметить, что в крепости было найдено и

⁷⁹ Давидович Е. А., 1958, стр. 83—90, 100—103 и рис. 70 на стр. 94.

плоское оконное стекло этого времени. Предусмотрены были и другие бытовые удобства: в платформе были выкопаны глубокие цилиндрической формы ямы для мусора и слива; верх ям был укреплен жженым кирпичом и покрыт деревянными, обмазанными глиной крышками.

Большого размаха в рассматриваемое время достигло дворцовое строительство. Представление о нем дают раскопанные археологами дворцы хутталянского правителя в Хульбуке (Южный Таджикистан), термезского правителя в Термезе, дворцы газневидских эмиров в пригороде Газны в Лашкар-и базар.

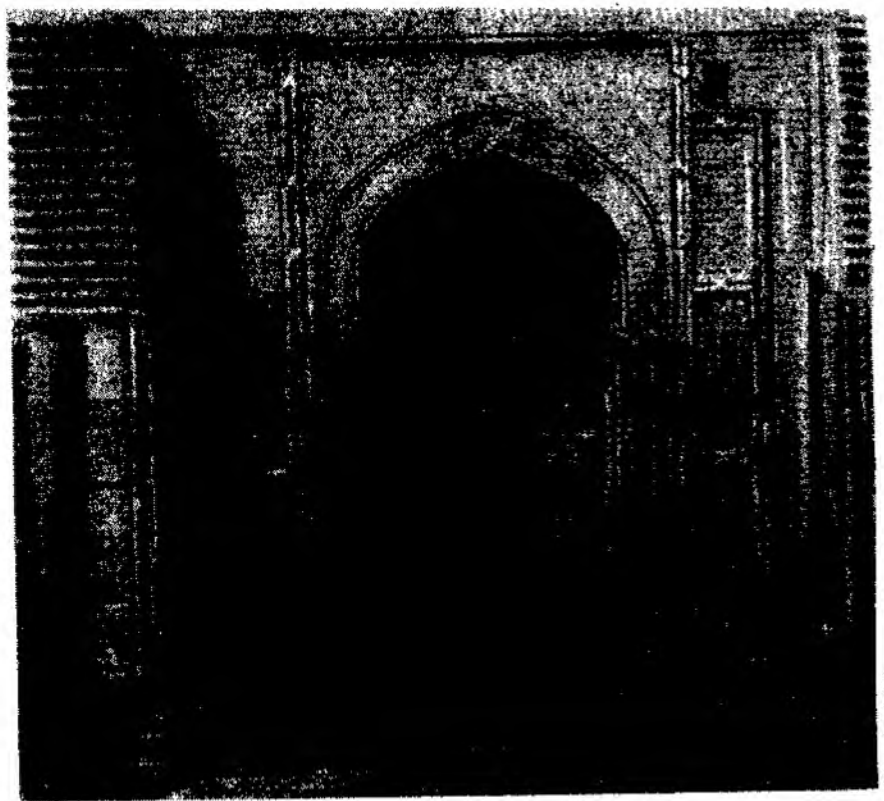
Дворец в Хульбуке⁸⁰ расположен в цитадели города, что определило его многие особенности. Он поднят на высокой искусственной платформе и представляет собой сложный комплекс парадных, бытовых и хозяйственных помещений. Выстроен он в основном из пахсы и сырцового кирпича; жженный кирпич применялся как самостоятельно, так и для облицовки сырцовых стен и сводов. Из бытовых удобств слудует упомянуть сливные и мусорные ямы (как в Кала-и боло) в виде глубоких цилиндрических трубок, сверху укрепленных куполками из жженого кирпича; отопительную систему в виде выложенных кирпичом каналов под полами помещений. Дворец был богато декорирован. Особенно великолепен резной sztuk, демонстрирующий необычное разнообразие геометрических и растительных узоров, надписей. На ряде фрагментов сохранилась краска; синим и красным были окрашены углубленные части рисунка, что усиливало светотеневой эффект. Большую изобретательность и фантазию проявили мастера при «паркетной» выкладке полов жженым кирпичом. Дворец существовал долго и многократно ремонтировался, перестраивался и достраивался. В XI в. его южная более высокая часть представляла собой комплекс, двумя широкими сводчатыми пересекающимися коридорами разделенный на четыре части. Северная группа помещений была расположена несколько ниже, ее пересекал коридорный пандус, выходящий в один из сводчатых коридоров южной части.

Оборонительная система хульбукской цитадели не раскопана. Но и Кала-и боло, дворец в Хульбуке одновременно были и дворцами, и крепостями, что определяло их размеры и облик.

Совсем иного типа три другие из вышеупомянутых дворцов. Они свободно раскинулись на большой площади и им была присуща оборонительная функция. Великолепен загородный дворец близ Газны⁸¹ — резиденция Газневиды Масуда III (1099—1115 гг.), строительство которого, как гласит одна из надписей, было закончено в 1112 г. Это огромная площадь трапецевид-

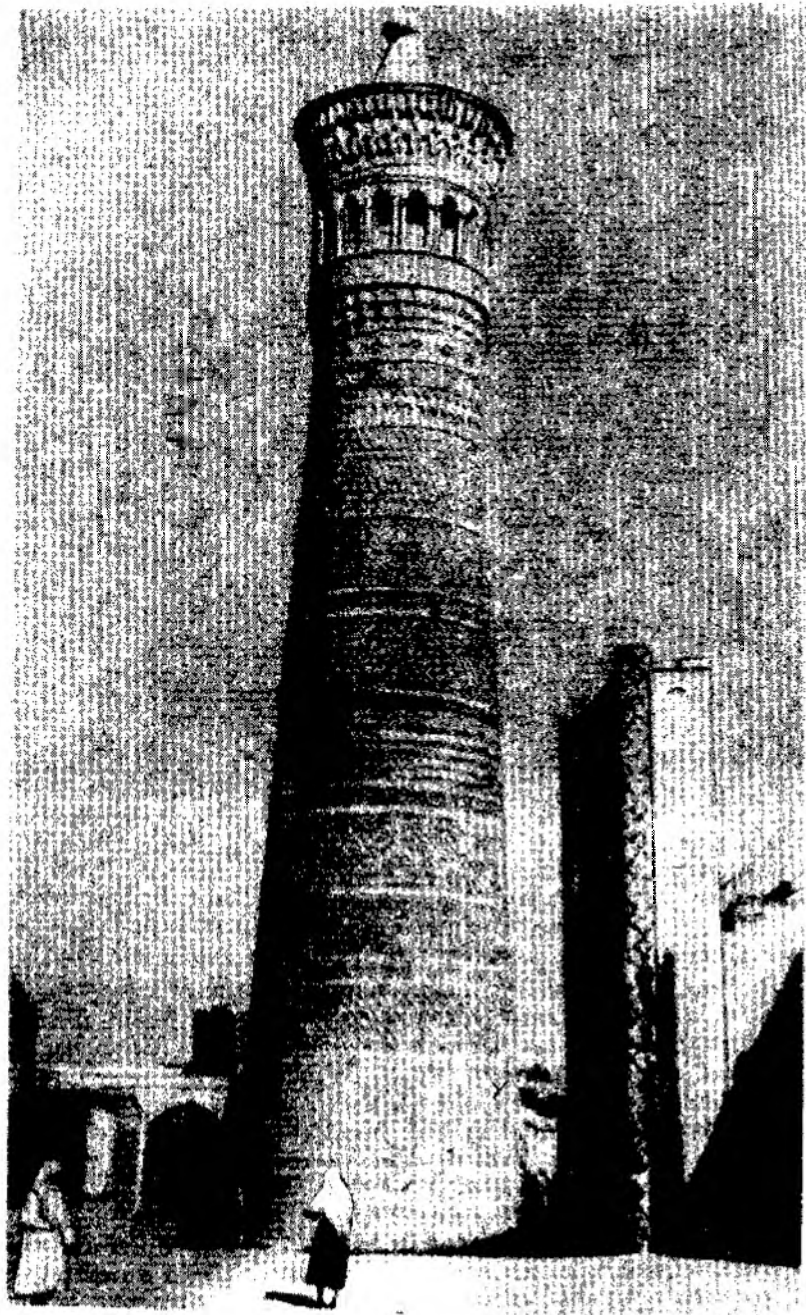
⁸⁰ Давидович Е. А., Литвинский Б. А., 1954; Гулямова Э. 1961, 1962, 1964, 1968.

⁸¹ Scerrato U., 1959; Bombaci A., 1966.

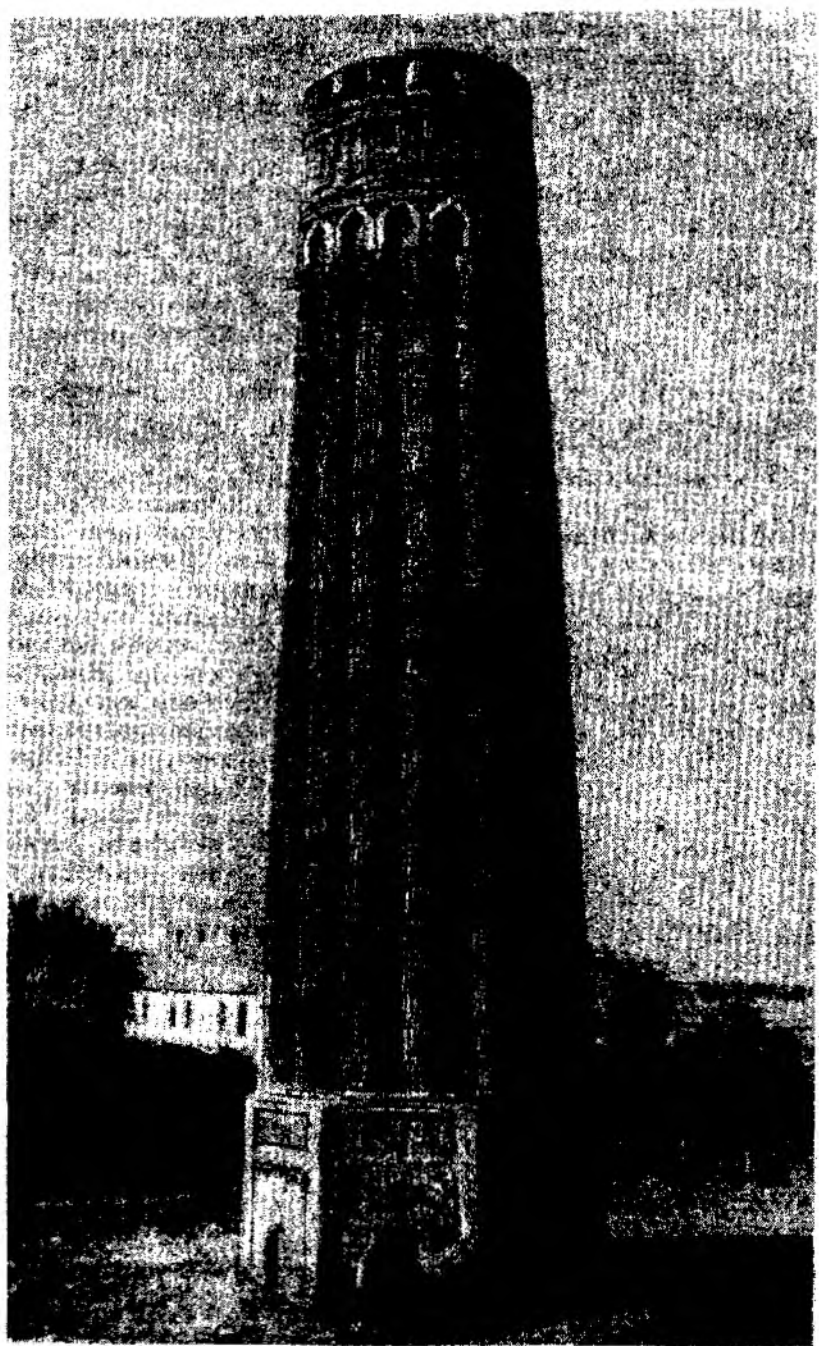

Южный портал мечети Магоки-Аттари.
Вторая половина XII в. Бухара

ной формы, окруженная стеной. Композиционный центр самого дворца — большой прямоугольный двор 50,6 м в длину и 31,9 м в ширину. Центральная часть этого двора площадью $40,4 \times 23,5$ кв. м вымощена мрамором и окружена широкой дорожкой, также выложенной мраморными плитами. По центрам **четырёх** сторон двора — 4 айвана: один из них более глубокий — это входной вестибюль, противоположный ведет в тронный зал. По сторонам айванов расположены 32 входные ниши, ведущие в другие помещения разного размера и назначения. Великолепна декоративная отделка этих ниш со стороны двора. По низу они были охвачены мраморной панелью, покрытой растительным и геометрическим резным орнаментом и лентой кувфической надписи. Почерк надписи чрезвычайно изящен, по содержанию — это стихи в честь

Минарет Калян 1127 г. Бухара.

Минарет в Джаркургане 1108/09 г.

газневидских правителей, написанные на таджикском-фарси. Это один из старейших эпиграфических памятников на фарси. Стены выше панели и своды ниш были украшены резной терракотой и резным штукатуром, раскрашенным в желтый, красный и голубой цвета.

Другой загородный дворец был раскопан на городище старого Термеза⁸². Здесь в центре прямоугольного двора был бассейн, против входа — арка айвана, через который проходили в аудиенц-зал — большое прямоугольное помещение, разделенное на три части двумя рядами массивных прямоугольных «колонн» — устоев. Стены и устои были облицованы фигурным и резным жженым кирпичом таким образом, что получался эффектный рельефный узор. В XII в. весь этот кирпичный декор был закрыт резным алебастром. Узор разбит на широкие полосы и прямоугольные панно. Здесь геометрический и растительный рисунки, изображенные фантастических животных, надписи.

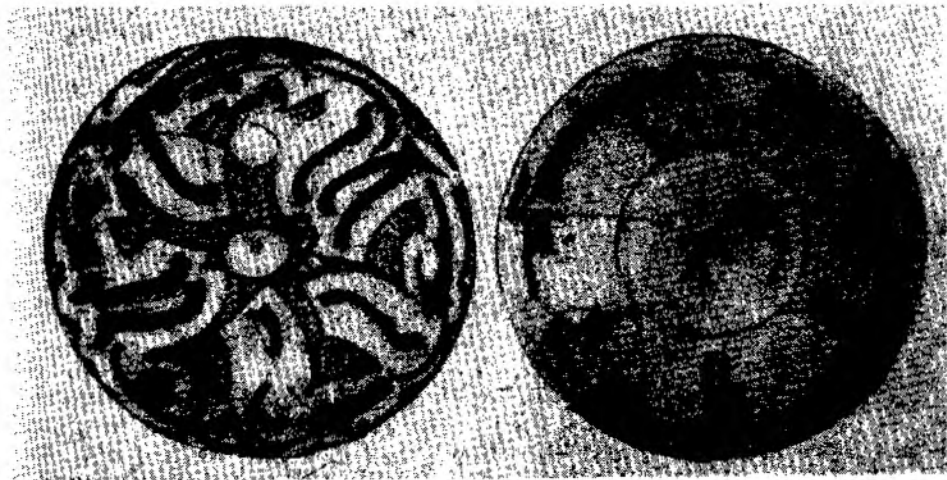
Не останавливаясь на планировке сложного комплекса в Лашкар-и базар⁸³, отметим лишь богатство и разнообразие его декоративной отделки, среди приемов которой особого упоминания заслуживает живопись. На стенах аудиенц-зала южного дворца сохранилось около 50 фигур вооруженных воинов — гвардия газневидских царей. Росписи сохранились и в другом зале, предназначенном, очевидно, для пиров: здесь богато одетые придворные, а на одной колонне — склоненное лицо юноши. Живопись плоскостная. При Газневидах — судя по известиям письменных источников — она вообще получила большое распространение.

Один из замечательных памятников архитектуры — Рабат-и малик (XI в.). Внутри двор окружен рядами одинаковых узких помещений. Внешние стены сложены из сырца и лишь облицованы жженым кирпичом; входной портал и верхушки угловых башен — из жженого кирпича. Слегка скошенные — в подражание крепостным — стены главного фасада декоративно разделаны гофрами, внешне похожими на массивные сомкнутые полуколонны. В украшении портала использован рельефный кирпичный узор, резной штук, резная терракота, еще более древняя надпись, чем в газнийском дворце, на языке фарси. В Рабат-и малик гармонично сочетаются традиции и черты нового, гофры стен и парадный портал не выглядят соединением разнородных элементов.

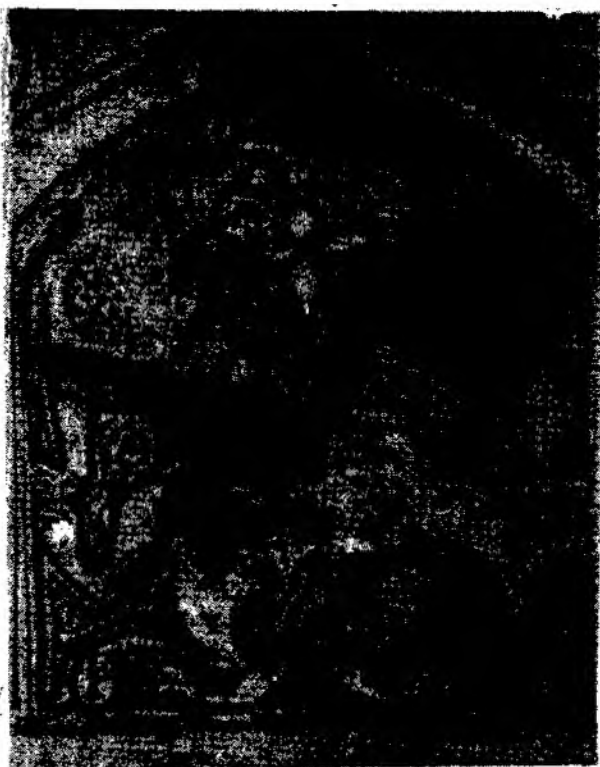
Значительно больше до нас дошло памятников культурного назначения: мечетей, минаретов, особенно мавзолеев. Мечеть

⁸² Жуков В. Д., 1945; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. С., 1965, стр. 190—192 (на стр. 406—407 список литературы).

⁸³ Арунова М. Р., 1959, стр. 91—93; Пугаченкова Г. А., 1963, стр. 114—121.

Среднеазиатская поливная керамика XI в.

Див. Резьба по ганчу
XII в. Дворец правите-
лей Термеза

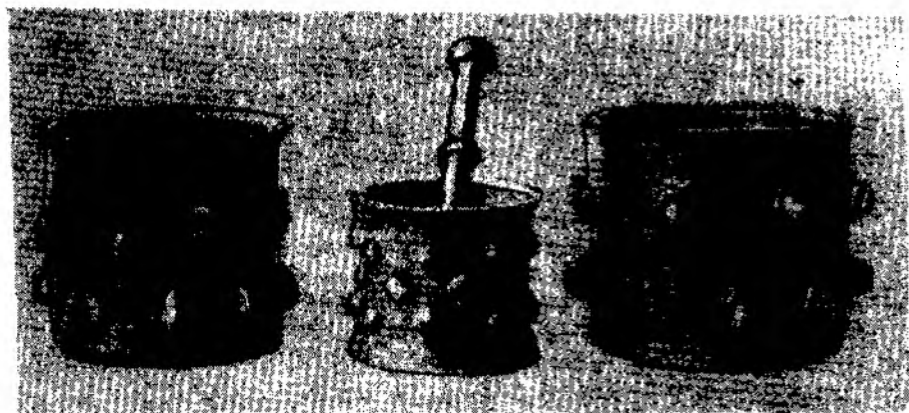
Бронзовый кувшин
XI—XII вв.

Диггарон в сел. Хазра (недалеко от Бухары) — это куб с центральным куполом на четырех круглых столбах и боковыми проходами, перекрытыми особыми куполками. Мечеть в Термезе сначала имела вид трехкупольного открытого айвана, потом число столбов-устоев и покоящихся на них куполов было увеличено, а открытая мечеть превратилась в зарытую. Мечеть Магок-и аттари в Бухаре (XII в.) имеет шесть столбов-устоев, 12 куполов и порталный вход. В мечети Лашкар-и базар центральный купол покоится на четырех столбах, боковые же проходы перекрыты рядами маленьких куполов.

Очень разнообразны по формам и пропорциям минареты того времени: массивен и монументален круглый в плане минарет в Бухаре, минарет же в Вабкенде близ Бухары — совсем других, подчеркнута стройных и вытянутых пропорций. Поверхность Джар-Курганского минарета (Сурхандарьинская область Узбекистана) разработана гофрами. Минарет Масуда III близ Газны в плане имеет вид звезды. Минарет в Джалме имеет восьмигранное основание и три круглых в плане, сужающихся кверху звена.

Мавзолеи и светских и духовных лиц в это время строятся то целиком из жженого кирпича, то комбинированно из жженого и сырцового. Мавзолеи купольные, чаще всего с порталами, иногда,

без них. Но они не повторяют друг друга, каждый своеобразен, в каждом одна и та же идея нашла индивидуальное воплощение. Мавзолеи султана Санджара в Мерве и Абу-Саида в Мейхене (Туркмения), караханидские мавзолеи в Узгенде (Киргизия), мавзолеи в селении Саят (близ Шаартуза) и Ходжа-Нахшран близ Резара, архитектурное сооружение в Чорку (Таджикистан)

Среднеазиатские бронзовые ступки XI—XII вв.

и многие, многие другие — это яркие и всегда своеобразные страницы, «вписанные» зодчими XI—XII вв. в историю среднеазиатской архитектуры.

Весьма большого развития и совершенства в это время достигли прикладные ремесла. Великолепны образцы резьбы по алебастру, дереву и мрамору, резная терракота. Мастера неистощимы в создании растительных и геометрических узоров, фантастических живых существ. Особенно хороши надписи, выполненные цветущим куфи или насхом. Большой декоративный эффект иногда достигался самыми простыми средствами: фигурной кирпичной кладкой, использованием в декоре подгесанных шлифованных, фигурных, а также глазурованных кирпичиков. Многие приемы декоративной отделки монументальных построек повторяют и развивают традиции предшествующего периода, но мастера вносят и новое. Сочетание того и другого и создает неповторимый облик декоративного оформления в зодчестве XI—XII и начала XIII в.

Литература и наука в XI — начале XIII в.

Политические изменения, происходившие в конце X в., т. е. распад Саманидского государства, завоевание Караханидами Мавераннахра и переход Хорасана к Газневидам, не могли не отразиться на науке и литературе таджиков. Начавшийся подъем науки и культуры народов Средней Азии, развитие языка дари и персидско-таджикской литературы были несколько приостановлены войнами и междоусобицами.

Возникновение державы Махмуда Газневида и объединение всей территории Хорасана, Чаганиана, Хутталяна, Тохаристана основной части нынешнего Ирана и Северной Индии вокруг

одного центра вновь создали некоторые условия для дальнейшего развития науки и литературы.

В этот период развивались отношения между Багдадом, с одной стороны, и Средней Азией, особенно Хорасаном и Тохаристаном, — с другой. Идеологическое влияние Багдада на территорию Газневидского государства, в Мавераннахре и Хорасане чрезвычайно усилилось.

При Газневидах арабский язык получил большое распространение. Дивай, ведавший государственной перепиской, вначале вел все дела на языке дари, но затем полностью перешел на арабский. В диване привлекались на работу преимущественно лица, владеющие арабским языком. Начиная с периода Газневидов в таджикский язык начинают все более проникать арабские слова и выражения.

Таджикская литература сконцентрировалась в Газневидском государстве преимущественно при дворе. Литературные источники отмечают, что при дворе султана Махмуда собралось несколько десятков поэтов. Махмуд покровительствовал литературе ради придания «пышности» двору и собственного прославления. Именно поэтому-то получил столь широкое развитие жанр панегирической оды (касыды).

Одним из крупнейших поэтов-одописцев, удостоенных при дворе султана Махмуда звания «царя поэтов», был уроженец *Балха Абул-Касим Хасан ибн Ахмад Унсури* (род. в 60-х годах X в.— ум. в 1039 г.). Получив образование, он через брата султана Махмуда эмира Насра попал ко двору газневидского султана. Унсури принял участие в большинстве походов Махмуда и большую часть своих касыд посвятил воспеванию побед султана. Современники с большой похвалой отзывались об Унсури как о крупном мастере слова. Его перу принадлежат (дошедшие только в отрывках) любовные поэмы (маснави), в частности «Вамик и Арза» (на древнегреческий сюжет). Унсури внедрил в таджикско-персидскую литературу новый стиль панегирической касыды с усложненными риторическими фигурами и рационалистическим подходом к образности.

Видными придворными поэтами являлись *Абу-л-Хасан Али Фаррухи* (ум. в 1038 г.) и *Абу-н-Наджм Ахмад Манучихри* (ум. в 1041 г.).

В целом для поэзии газнийского круга характерны панегирическая и гедоническая темы. Поэты данного периода продолжали развивать жанры, существовавшие при Саманидах. Газневидские поэты обогатили арсенал изобразительных средств персидско-таджикской литературы, выработали новые стилистические приемы и поэтические фигуры.

Начавшийся в X в., в условиях государственной независимости, подъем науки продолжался и в XI в. Выдающимся ученым этого периода был Абу ибн Сина, о котором уже говорилось выше.

Другим крупнейшим ученым этого периода являлся хорезмиец

Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад Бируни (973—1051 гг.). Бируни родился в пригороде Хорезма. По преданию, он занимался научной работой все дни, кроме ежегодных праздников Науруза (весенний праздник «Нового года», 21 марта) и Мехргана (праздник сбора урожая, 21 сентября).

Бируни имел большую склонность к путешествиям, которые он совершал с научной целью. Одним из мест, где он прожил сравнительно долгое время, была прикаспийская область Джурджан (Гурган). Во время его пребывания там правителем Джурджана был Кабус ибн Вушмагир (976—1012 гг.). Кабус считался образованным человеком, знатоком литературы и покровителем наук. Он и сам написал несколько книг. В 1000—1003 гг. Бируни закончил свой труд под названием «Ал-асар ал-бакия ан ал-курун ал-халия» («Памятники прошедших поколений», сокращенно — «Хронология»). В нем он описал календари и системы летоисчисления, а также праздники согдийцев, древних хорезмийцев, персов, греков, евреев, христиан и мусульман. Труд этот является важнейшим историческим источником по истории народов Средней Азии и всего Востока.

Осенью 1003 или весной 1004 г. Бируни возвратился в Хорезм. Здесь он встретился со многими крупными учеными, которые в результате политических перемен конца X в. бежали из Бухары и из других городов Мавераннахра и Хорасана и собрались в Хорезме. Источники указывают на то, что хорезмшах Мамун II покровительствовал ученым, в том числе Бируни. Но в 1017 г. Махмуд Газневид после захвата Хорезма увез Бируни с собой в Газну. Таким образом, последующая научная деятельность Бируни протекала в Газне.

Бируни принимал участие в походах султана Махмуда и, будучи в Индии, изучал там санскрит, а также обычаи и нравы народов этой страны. По возвращении из путешествия он написал книгу «Тахрир ма ли-л-Хинд мин макала макбула фи-л-акл ау марзула» («Разъяснение принадлежащих индусам учений, приемлемых рассудком или отвергаемых»), являющуюся одним из важнейших источников по истории Индии.

Бируни оставил ряд трудов по вопросам астрономии, геометрии и астрологии. Один из них написан в Газне в 1030 г. для некой хорезмийки, дочери ал-Хасана, о которой больше ничего не известно. Второй труд, «Ал-Канун ал-Масуди фи-л-хайа ва-н-нуджум» («Масудовский канон по астрономии и звездам»), был написан между 1030 и 1036 гг. и посвящен султану Масуду. Этот труд Бируни — подлинная астрономическая энциклопедия восточного средневековья.

Бируни создал много научных работ, но большинство их, к сожалению, до нас не дошло. Средневековый арабский путешественник Якут писал, что в одной из мечетей Мерва он встретил

среди документов список работ Бируни, занимавший 60 листов. В последние годы в некоторых библиотеках мира были найдены неизвестные труды Бируни.

Бируни сделал ряд открытий, которые настолько опередили уровень знаний его времени, что нередко приближаются к некоторым данным современной науки. Например, таковы теории Бируни по истории ландшафта североиндийской низменности и по истории изменения течения Амударьи⁸⁴.

Бируни было абсолютно чуждо чувство религиозного фанатизма и враждебного отношения к культуре немусульманских народов. Так, все его произведения об Индии проникнуты духом высочайшего уважения к великой индийской культуре. Поэтому Бируни и его труды пользуются большой популярностью и в Индии, и в Пакистане.

В первой половине XI в. развивалась и историография. *Абу Наср Утби* (один из придворных Махмуда Газневида) составил на арабском языке посвященную султану «Тарихи Ямини»⁸⁵, в которой приводит много важных сведений о правлении Себуктегина и Махмуда.

Одним из крупнейших историков газневидского периода считается *Абу Саид Гардизи*⁸⁶. В период между 1048—1052 гг. Гардизи написал на таджикском языке книгу «Зейн ал-ахбар («Краса сообщений»).

Наконец, выдающимся историком газневидского периода является *Абу-л-Фазл Бейхаки* (около 996—1077 гг.). Абу-л-Фазл в течение девятнадцати лет работал секретарем дивана посланий у Газневидов и был очевидцем почти всех важных событий того периода. Он составил на таджикском языке историческую летопись, состоявшую якобы из 30 томов⁸⁷. Однако из этого важного исторического труда сохранилось до нашего времени лишь несколько разрозненных и неполных томов, повествующих о царствовании султана Масуда и о событиях его эпохи, известных под названием «Тарихи Масуди», или же «Тарихи Бейхаки»⁸⁸.

В государстве Караханидов наука и литература в это время переживает упадок.

Как пишет в антологии XIII в. Мухаммад Ауфи, из караханидских ханов, по-видимому, один только Клыч Тамгач-хан придавал некоторое значение развитию науки и литературы. Однако можно назвать несколько произведений, появившихся в XI в. в Мавераннахре. Например, «Тарихи мулки Туркистан» («История

⁸⁴ См. *Бируни*, 1950; *Бируни*, 1957; 1963.

⁸⁵ «Тарихи Ямини» — «История, посвященная Ямину», от слова «ямин» — «десница», ибо одним из титулов Махмуда был «ямин-ад-даула» — «десница державы».

⁸⁶ Гардиз — название местности, находящейся на расстоянии одного перехода от Газны по дороге к Индии.

⁸⁷ В источниках упоминается под разными названиями.

⁸⁸ Русский перевод: *Абу-л-Фазл Бейхаки*, 1962.

Туркестана») *Маджд ад-Дина Мухаммада ибн Аднана* и другие, из которых до нас, к сожалению, дошли лишь отдельные отрывки.

Таджикская литература в Мавераннахре и в этот период знает некоторых талантливых поэтов, вроде *Амака Бухарая* (ум. в 1149 г.), *Сузани Самарканди* (ум. в 1173 г.), *Рашиди Самарканди* и др., которые, однако, не могут сравниться по значению и творчеству со своими предшественниками.

Амак и Сузани представляют собой как бы две противоположности. Творчество Амака, придворного поэта, изысканно, он доводит до совершенства форму стиха, его стихотворения приводят в руководствах по риторике в качестве образцов для подражания. Напротив, Сузани в своей поэзии — типичный представитель города. Правда, ему приходилось писать ради заработка панегирики знати, однако больше всего он прославился своими сатирами и пародиями, написанными очень простым языком, тяготеющим к разговорной речи. Демократические мотивы в его творчестве продолжили поэты последующих периодов.

Вторая половина XI—начало XIII в занимает в истории культуры народов Средней Азии большое место. Объединение Мавераннахра, Хорасана и Тохаристана вокруг одного центра, происшедшее при Сельджукидах, возродило культурную деятельность в таких городах, как Нишاپур, Мерв, Балх и частично Герат.

К этому периоду относится творчество таких крупных представителей таджикской литературы, как Асади Туси, Насир-и Хусрау, Омар Хайям, Фахр ад-Дин Гургани, Анвари, Масуд Саад Сальман, Муиззи, Сабир Термези и др.

Творчество этих писателей было различно по идейному содержанию. В творчестве поэтов большее место, чем раньше, занимают вопросы морали и воспитания, философские и гуманистические мотивы, подчас смелая защита интересов народных масс, выступления против произвола и насилия феодалов. Среди этих поэтов особенно выделяются Насир-и Хусрау, Омар Хайям и Фахр ад-Дин Гургани, в творчестве которых преобладала прогрессивная народная тенденция.

Насир-и Хусрау (1004—1088 г.) родился в городе Кабадиане на территории нынешнего Таджикистана⁸⁹. В юношеском возрасте он начал изучать различные науки, особенно интересовался литературой, религиозно-философскими вопросами.

В молодости Насир-и Хусрау познакомился с жизнью двора газневидских султанов Махмуда и Масуда и некоторое время был крупным чиновником по финансово-податной части при дворе Сельджукидов, после чего отправился путешествовать. Еще в юности он совершил поездки в Индию, в районы Туркестана и современного Афганистана. Насир-и Хусрау путешествовал с

⁸⁹ По другому предположению — в селении, также называвшемся Кабадиан, но находившемся в окрестностях Балха.

целью изучения образа жизни и верований различных народов. На протяжении семи лет поэт побывал в Хиджазе, Малой Азии, Сирии и Египте, познакомился с жизнью, нравами и обычаями местного населения. Встретившись в Египте со сторонниками фатимидских халифов, главами исмаилитской секты, Насир-и Хусрау стал ревностным последователем исмаилизма⁹⁰.

Вернувшись в Хорасан и остановившись в Балхе, Насир-и Хусрау стал открыто проповедовать исмаилитское учение и вербовать его последователей. Этим он навлек на себя преследования мусульманских богословов и сельджукидских правителей. Скрываясь от преследований, он стал вести скитальческую жизнь, переходя из города в город⁹¹. Как пишет сам Насир-и Хусрау, это был очень тяжелый период его жизни.

Скорпион скитаний изранил мне сердце,
Ты сказал бы, что нет на свете никого бессильней меня.
Когда я гляжу на свое положение,
То от печали желчь ударяет мне в голову.
Говорю я: почему мишенью стрел времени сделало меня
Высокое, невежественное и несправедливое небо?
Если бы орбита вселенной вращалась соразмерно,
То моим жилищем было бы только жилище месяца.
Знание лучше света, лучше души и богатства, —
Это сказал великий ум мне.
В борьбе с войском времени и с острым мечом вселенной
Вера и знание — мое войско и щит.

Результатом странствий Насир-и Хусрау явился историко-географический трактат «Сафар-наме» («Книга странствий») ⁹² кроме того, Насир-и Хусрау написал ряд книг по вопросам исмаилизма: философские трактаты «Зад ал-мусафирин» («Про-виант путников»), «Ваджх-и дин» («Лик веры»), «Джами ал-хикматайн» («Гармония двух мудростей», т. е. мусульманской и античной) и др. Наибольшую ценность представляют, однако, его поэмы «Раушанаи-наме» («Книга света»), «Саадат-наме» («Книга счастья») и поэтический «Диван» в целом ⁹³.

В своих стихах Насир-и Хусрау касается не только религиозно-философских вопросов, он высказывает много передовых мыслей воспитательно-нравоучительного характера; встречаются в его стихах гуманистические и атеистические мотивы. В одном из стихотворений, обращаясь к богу, Насир-и Хусрау пишет:

⁹⁰ Существует предположение, что Насир отправился в Египет, уже будучи втайне исмаилитом.

⁹¹ О жизни Насира см.: Бертельс А. Е., 1959; см. также: *Насир Хусрау*, 1954; *Носири Хисров*, 1957; *Насир-и-Хусрау*, 1935; *Насир-и Хусрау*. Сафар-наме; *Ашуров Г.*, 1965.

⁹² См.: *Насир-и Хусрау*. Сафар-наме.

⁹³ Имеется предположение, что «Саадат-наме» написана не Насиром, а другим автором, также носившим имя Насир-и Хусрау и жившим в Исфахане в XIV в.

Если ты свое подобие творил,—
 Не игральную костяшку на кону,—
 Что ж глумишься над созданием своим?
 Для чего еще ты создал сатану.
 Много есть еще вопросов у меня,
 Но боюсь тебе загадки задавать.
 Если, впрочем, бессловесным надо быть,—
 Ты бы должен был скотом меня создать.
 Буду спорить в день последнего суда!
 Впрочем, можешь у меня отнять язык,
 А не то тебе придется отвечать,
 Чтобы я свое невежество постиг.
 Прикажи меня поглубже спрятать в ад!
 Что за прох с тобою спорить всякий раз?
 Ты, когда мы честно молимся тебе,
 «Соврати их!» — сатане даешь приказ.
 Если сам ты без песчинки на ступнях⁹⁴,
 Как ты создал, повторяю, сатану?
 Словом, столько в этом деле темноты,
 Что рукой на богословие махну. . .
 Зло даешь и получаешь плату злом,—
 Чем ты лучше, в этом случае, меня?
 Пусть я плох,—но я тобою сотворен. . .
 А не нравлюсь так не делал бы меня!⁹⁵

Очень тепло пишет Насир о людях труда — крестьянах и ремесленниках — резко осуждает царей, святош, чиновников, особенно сребролюбивых поэтов-панегиристов.

До конца своих дней Насир и Хусрау так и не освободился от преследований. После нескольких лет нелегальной жизни в Хорасане, Табаристане и Мазандаране он уехал на Памир, в Бадахшан, где в горном селении провел в уединении свои последние годы.

Омар Хайям (1048—1131 гг.) родился в Нишапуре, там же завершил свое образование и стал одним из крупнейших ученых XI в. Хайям оставил ряд научных трудов в области астрономии, математики, философии и других наук. Во время правления Малик-шаха Сельджукида он вместе с другими астрономами руководил подготовкой реформы календаря.

Выдающийся поэт Востока, Омар Хайям особенно прославился своими рубай (четверостишия). Число рубай Хайяма невелико, но значение их как с литературной точки зрения, так и с точки зрения их философского содержания огромно. Высокое мастерство в сочетании с материалистическими и атеистическими тенденциями

⁹⁴ Соответствует русскому 'без соринки в глазу'.

⁹⁵ «Антология», стр. 261.

делают четверостишия Хайяма одной из жемчужин мировой литературы.

Вот одно из характерных для Омара Хайяма четверостиший:

Когда б я властен был над этим небом злым,
Я б сокрушил его и заменял другим,
Чтоб не было преград стремленьям благородным
И человек мог жить, тоскою не томим⁹⁶.

В рубаи Омара Хайяма изображен гордый свободный человек, не признающий ни авторитета земных властей, ни религиозных догм о потустороннем мире.

Среди поэтов XI в. особое место по остроте выражения настроений городских кругов и их критики в адрес феодалов занимает *Фахр ад-Дин Гургани* и его поэма «Вис и Рамин», написанная около 1055 г. В этой романтической поэме, использовавшей пересказ старинного пехлевийского парфянского любовного сюжета, содержится скрытая сатира, едкое высмеивание нравов царей и придворной челяди⁹⁷. В заключение поэма рисует картину социальной утопии, как ее представляли горожане того времени⁹⁸.

Абу Наср Асади Туси (ум. ок. 1070 г.) составил «Гаршасп-наме» («Книгу Гаршаспа») по образцу «Шах-наме» Фирдоуси. Сказание о Гаршаспе является одним из древнейших дастанов восточноиранских народов.

Асади первый внедрил в таджикскую литературу форму муназара — поэтического диспута. Им написано пять таких произведений, в которых излагается диспут между землей и небом, днем и ночью, копьем и луком, магом-зороастрийцем и мусульманином, арабом и персом. Кроме того, им составлен словарь, в котором приведены образцы произведений почти 80 поэтов того времени. Историческое значение этого словаря очень велико: в нем можно найти отрывки из многих не дошедших до нас произведений поэтов той эпохи и более ранних периодов, например из «Калилы и Димны», написанной в стихах поэтом Рудаки.

Масуд Саад Сальман (1046 г.— ок. 1121 г.) был придворным поэтом последних Газневидов. Большую часть своей жизни он провел в Северной Индии, в Лахоре, являясь, таким образом, одним из первых представителей средневековой таджикско-персидской поэзии в Индии, где впоследствии поэзия на фарси распространилась чрезвычайно широко. По наветам врагов поэт неоднократно заточался султанами в темницу и провел в тюрьме в общем свыше 18 лет.

⁹⁶ *Омар Хайям*, 1955. См. издания текста рубаи: *Омар Хайям*, 1959; *Умари Хайём*. Рубойёт, 1963.

⁹⁷ *Бёртельс Е. Э.*, 1960, стр. 284—285.

⁹⁸ *Фахр ад-Дин Гургани*, 1963. Предисловие

В своем творчестве Масуд Саад Сальман пытался воскресить традиции воспевания могущества Газневидов и даже включал в свои стихи цитаты из Унсури — «царя поэтов» султана Махмуда. Однако свои славословия он пишет простыми, ясными, поэтичными стихами, причем искусно вводит в них мудрые изречения, наставления, философские раздумья, прекрасные описания битв.

Находясь в заточении, поэт создает глубоко трогательные «тюремные элегии», в которых описывает свое невыносимое положение и жалуется на несправедливость. Судьба этого талантливо-го поэта глубоко трагична. Как его жизнь, так и творчество опутаны цепями феодального гнета.

Амир Мухаммад Муиззи (ум. ок. 1140 г.) родом из Нишапура. Большую часть его произведений составляют оды-панегирики (касыды) в честь Сельджукидов Малик-шаха и Санджара, при дворе которых он подвизался. При Санджаре Муиззи, получив титул «малик аш-шуара» («царь поэтов»), стал главой придворных поэтов.

Адиб Сабир Термези. По призванию поэт-лирик, Термези вынужден был служить султану Санджару Сельджукиду, выполняя его разнообразные поручения. Последний поручил ему какие-то дела в Хорезме и отправил ко двору своего соперника-хорезмшаха Атсыза. Здесь по приказу хорезмшаха Термези был схвачен, обвинен в шпионаже в пользу Сельджукидов и около 1148 г. утоплен в Амударье. Стихи Термези составляют целый диван касыд и лирических стихотворений (газелей).

Аухад ад-Дин Анвари (1126 г. — ок. 1190 г.) родился в селении Бадна на севере Хорасана в 1126 г. Как многие поэты той поры, Анвари в молодости изучил все науки своего времени. Он был приглашен ко двору сельджукидского султана Санджара и написал много касыд, посвященных этому правителю. Общеизвестно, что в творчестве Анвари касыда достигла своего высшего развития. Написанные с необыкновенным поэтическим мастерством, они содержат прекрасные лирические любовные вступления, философские раздумья, великолепные описания и вместе с тем славословия Санджара. Одна из его самых известных касыд, описывающая разорение Хорасана гузами, проникнута высокими патриотическими чувствами. Газели Анвари близки к народной лирике.

На склоне лет, до конца осознав пустоту и безнравственность придворной поэзии, Анвари отдалился от двора. В его стихах этого времени содержится едкая насмешка над поэтами, продающими свой дар сильным мира сего.

О придворных поэтах речь мою разумей,
Чтоб толпу лизоблюдов не считать за людей!
Ведай: мусорщик нужен в государстве любом,—
Бог тебя покарает, коль забудешь о том.

Если скопится мусор вокруг жилья твоего,—
Без носильщика, брат мой, приберешь ли его?
А в поэте-рабе нет нужды никому
И хозяйство вселенной не прибегнет к нему.
Коль тебе ради хлеба наняматься пришлось,
Так неси лучше мусор, а поэзию брось!⁹⁹

Наряду с выдающимися поэтическими произведениями мы встречаем в таджикско-персидской классической литературе этого периода также классические образцы прозаических произведений. Таковы, например, политический трактат везира Сельджукидов Низам ал-Мулька «Сиясет-наме» («Книга об управлении государством»), литературоведческий труд Низами Арузи Самаркандского «Чахар макала» («Четыре беседы»), руководство по поэтике Рашид ад-Дина Ватвата, «Хадаик ас-сихр» («Сады волшебства»), «Синбад-наме» Захири Самарканди и «Макамати Хамиди» («Хамидовы макамы») Хамид ад-Дина из Балха.

«Сиясет-наме» — весьма ценный исторический источник, содержащий критику существовавшей при Сельджукидах системы управления с позиций сторонника централизованного феодального государства. После смерти Низам ал-Мулька «Сиясет-наме» подверглась редактированию, в текст были внесены добавления, однако и в дошедшем до нас виде она представляет собой ценный памятник прозы конца XI в. Язык книги простой и ясный.

«Чахар макала» *Низами Арузи* — важнейший источник для понимания современной автору и предшествовавшей его времени литературной и культурной жизни. Составляющие ее «беседы» посвящены профессиям придворного писца-секретаря, поэта, астролога и врача. В каждой «беседе» дается характеристика одной из этих профессий, иллюстрируемая десятью историческими поучительными рассказами о выдающихся деятелях соответствующей профессии. Книга дает больше сведений об условиях жизни деятелей культуры того времени, чем какой бы то ни было другой источник. Особенно ценна «беседа»; посвященная поэтам, характеризующая их тяжелое положение в феодальном государстве.

«Хадаик ас-сихр» *Рашид ад-Дина Ватвата* представляет собой детальный разбор формы стихов того времени, особенно поэтических фигур и образов. В ней имеются интересные эстетические оценки и суждения.

«Синлбад-наме»¹⁰⁰ Захири Самарканди написана на тему распространенного на Востоке дидактического романа о коварстве женщин. Увлекательный сюжет обрамляющего повествования послужил автору поводом для введения множества притч, излагающих в занимательной форме положения «науки об управлении

⁹⁹ Антология», стр. 304.

¹⁰⁰ Захири Самарканди, 1960.

страной». Многие притчи содержат в завуалированной форме критику правителей и довольно едкую иронию в их адрес.

Книга «Макамати Хамиди» написана рифмованной прозой и состоит из 24 занимательных «макомов», представляющих своеобразное сочетание новеллы, притчи, загадки и пословицы на дидактические темы.

Наука описываемого периода также представлена многими новыми именами.

Имам Фахр ад-Дин Мухаммад ибн Омар Рази (1150—1219 гг.) жил в Рее и Герате, где занимался преподавательской деятельностью и чтением проповедей. Написал много научных трудов по медицине, астрономии, математике.

Абу-л-Касим Махмуд Замахшари Хорезми (1074—1143 гг.) был одним из выдающихся исследователей лексики и арабской грамматики. Ему принадлежит арабо-фарси словарь.

Абу Бакр Абд ал-Казир ибн Абд ар-Рахман Джурджани (ум. в 1108 г.) был специалистом в области грамматики.

Зайн ад-Дин Исмаил Джурджани (ум. между 1135 и 1137 гг.) приехал по приглашению хорезмшаха Кутб ад-Дина Мухаммада ибн Ануш-тегина в Хорезм и там в 1110 г. написал на таджикском языке свой труд «Захиран Хоразмшахи» («Сокровище хорезмшаха»). Эта работа, основанная на «Каноне» Ибн Сины, состоит из десяти книг, трактующих о сфере применения медицины, об анатомии, причинах и симптомах болезней, гигиене, диагностике и прогнозах течения болезней, способах лечения, ядах и противоядиях, фармакологии. «Захиран Хоразмшахи» была переведена на языки древнееврейский, турецкий и урду.

Распространение суфизма и его влияние на таджикско-персидскую литературу

Одной из важнейших особенностей этого периода является проникновение суфийских идей в литературу. Слово «суфизм» в научной литературе на европейских языках и равно ему «тасавуф» в литературе на арабском, таджикском, фарси объединяет по признаку наличия особой формы мистицизма множество весьма различных по классовой природе течений и идеологических теорий, имевших и имеющих еще хождение на огромном пространстве распространения ислама.

Суфизм вырос на почве ислама, широко использовал Коран, хадисы и другие его элементы, однако многие формы суфизма, особенно на ранних этапах развития, в силу совершенно особого истолкования в нем элементов ислама, стали выражением оппозиции ортодоксальному вероучению. Поэтому феодальные власти и ортодоксальное духовенство подвергали многих суфиев

жестоким гонениям (в 922 г. зверски казнен Хусейн ибн Мансур Халладж, в 1191 г. убит в тюрьме Шихаб ад-Дин Сухраварди).

Суфизм появился в VIII—IX вв. в Ираке. Первоначально он принял форму оппозиционного мистицизма, направленного против роскоши и лицемерия знати. В суфийской проповеди отказа от всех земных радостей, проповеди аскетизма нашел выражение растущий протест ремесленников и низших слоев города и деревни против гнета феодалов, против несправедливого распределения благ¹⁰¹. Первые суфии учили, что частная собственность, богатство, роскошь, изнеженность являются порождением зла. Они носили грубые простые одежды из овечьей шерсти («хирка», «суф», откуда, как полагают, и произошло слово «суфи» — суфий), жили отшельниками.

В XI в суфизм получает широкое распространение в Хорасане и Мавераннахре. Шейх Абу Саид (ум. 1049 г.) строит в Нишапуре дервишскую обитель и ведет там проповеди и диспуты с богословами, шейх Абу-л-Касим Кушейри (ум. 1073 г.) создает теоретический труд по суфизму.

Под влиянием духовенства и феодалов появляется новая форма суфизма. Некоторые суфии стали призывать народ только к благочестию, покорности властям, следованию шариату. Наибольшую роль в слиянии суфизма с ортодоксальным мусульманством, в создании особой, отвечающей интересам феодалов формы суфизма сыграл крупный богослов и философ Мухаммад Газали (1058—1111 гг.).

Пантеистическое мистическое учение суфизма состояло в том, что все разновидности мертвой и живой природы представлялись в конечном счете эманацией божества (ал-хакк — истина), пропитанная его духом. Все в земном материальном мире представлялось отражением потустороннего духовного мира. Человек, являющийся последним творением бога-абсолюта, должен стремиться к слиянию с «истиной». Для этого человек должен отказаться от всего земного и подавить в себе все желания и стремления, кроме одного, — стремления к слиянию с божеством. Чтобы идти по пути (тарикат) к слиянию, надо найти себе учителя и стать послушным орудием этого учителя, слепо выполнять любое его указание или распоряжение. Как указывается в суфийских книгах, ученик должен быть подобен трупу в руках обмывателя трупов.

Суфийские шейхи, старцы-наставники приобретают постепенно огромный авторитет и политическую силу. В их руках — сотни послушных учеников-мюридов. Господствующие классы быстро поняли, какую выгоду представляет привлечение шейхов на свою сторону, и многие шейхи становятся приближенными правителей. Однако некоторые шейхи все еще тесно связаны с ремесленниками,

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 378.

создающими организации по образцу суфийских (футувва). На основе этих созданных суфиями объединений появляются своеобразные рыцарские ордена, выступающие в джихаде — войнах против «неверных» (в Грузии, на Северном Кавказе, в Индии). После XI в. многие суфийские шейхи, связанные с правителями, сами открыто становятся крупнейшими землевладельцами. Например, живший в XV в. и похороненный в Самарканде Ходжа Ахрар владел колоссальными богатствами и обширнейшими земельными угодьями.

Другие шейхи, напротив, выступают своей организованной и военной силой на стороне борющихся против феодалов народных масс. настаивают на имущественном равенстве и даже иногда частично, временно добиваются его, как, например, шейх Хасан Джури в XIV в. во время восстания сарбедаров.

Таким образом, в суфизме на протяжении всех средних веков прослеживаются по крайней мере два течения — феодальное и народное, связанное с городом, ремесленными кругами, выражающее протест, служащее целям самозащиты масс от гнета феодалов. Наряду с аскетизмом, отречением от всего земного, обязательным во многих орденах пассивно-созерцательного направления и необходимым в период начального ученичества у старца-наставника во всех орденах, суфии проповедают любовь к человеку и не останавливаются перед вооруженной борьбой за достижение своей цели. Неверно было бы считать всех суфиев борющихся с оружием в руках против феодалов и иноземных поработителей, тем самым утратившими связь с «подлинным» аскетическим суфизмом.

В области идеологии протест суфиев, несмотря на многие ценные черты, был ограниченным вследствие религиозной мистической формы суфизма, искаженно, фантастически отражающей действительные общественные отношения. Несмотря на это, во многие исторические периоды некоторые течения суфизма, не утратившие живой связи с ремесленниками и городскими низами, оказывались наиболее прогрессивными для данной исторической эпохи, хотя и исторически ограниченными общественными течениями. Этим объясняется тесная связь с суфизмом и многих выдающихся поэтов и мыслителей прошлого (Баба Кухи, Ансари Герати, Санаи, Аттар, Низами Ганджави, Джалал ад-Дин Руми, Амир Хусрау Дехлеви, Джами). Некоторые из них были связаны скорее с феодальным суфизмом (Ансари), однако и на них влияла общая суфийская литературная традиция: обращаться простым, близким к народному языком к массам, приводить в стихах широко известные народные притчи, басни и пословицы, следовать народным идеалам благородства и человечности. Все эти черты придают ценность поэзии суфиев.

Было бы неверным считать, что выдающиеся поэты средневековья, использовавшие суфийскую фразеологию (она встречается и у Ибн Сины), употребляли ее всегда только из страха перед

фанатиками и с целью скрыть свое свободомыслие. В. И. Ленин, говоря о философах древности, выступал «за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»¹⁰². Полное отделение мыслителей прошлого от общественных движений их времени следует считать неисторичным. Не забывая об исторической ограниченности каждого средневекового мыслителя, опутанного сетью господствующей тогда религиозных представлений, надо выделять в его творчестве прогрессивное для той эпохи.

Распространение идеологии суфизма в общественной жизни Средней Азии было настолько велико, что реакционный, феодальный суфизм становится здесь постепенно, особенно в позднем средневековье, вторым ведущим, наряду с ортодоксией, течением мусульманской религии.

Из сказанного выше следует, что с самого начала распространения учение суфизма таило моменты, которые тормозили развитие светской науки и рационалистической философии. Позже, в период Тимуридов и Бухарского ханства, феодальный суфизм возглавил борьбу со всякой свободной мыслью. Вместе с тем нельзя не видеть в суфийской поэзии разных периодов проявления оппозиционно-гуманистических идей. Обожествление совершенного человека в суфийской поэзии часто в мистической форме выражало высокое понимание человеческого достоинства.

В исследуемый период появились такие крупные теоретики суфизма, как философ Мухаммад Газали и его брат Ахмад Газали, обосновавший особую суфийскую теорию мистической любви, а также выдающиеся поэты суфийского направления — Абдаллах Ансари Герати (1005—1089 г.), Абу-л-Маджд Санаи (род. ок. 1050 г. — ум. 1131 г.), Фарид ад-Дин Аттар (род. ок. 1119 г. — ум. ок. 1190 г.).

Абу Хамид Мухаммад Газали (1058—1111 гг.) родился в Тусе и еще в молодости ознакомился с учениями суфиев, однако в это время суфием не стал. Затем он переехал в Джурджан и Нишапур, где изучал богословие и вскоре приобрел среди духовенства большой авторитет в этой области. О нем прослышал везир Сельджукидов Низам ал-Мульк и пригласил его в 1091 г. преподавателем в медресе «Низамийя» в Багдад. Здесь Газали было поручено вести полемику с исмаилитами, злейшими врагами Сельджукидов, и доказывать несовместимость их учений с правоверным исламом. Однако Газали не ограничился этим и стал усиленно изучать философию, особенно труды Фараби и Ибн Сины. Живя в обстановке острых классовых и политических противоречий, находивших идеологическое выражение, как это свойственно средне-

¹⁰² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 222.

вековую, в борьбе религиозных сект, будучи сторонником централизаторской политики Низам ал-Мулька, он пытался примирить богословие с рационалистической философией, большое значение которой было ему очевидно. Потерпев на этом пути, естественно, полную неудачу, Газали испытал глубокий моральный кризис, в 1095 г. отказался от преподавания в медресе и примкнул к суфиям.

Отойдя от жизни, Газали вообразил, что обрел в аскетизме, как сам писал впоследствии, «уверенность и покой». В последующие годы он много странствовал, посетил Сирию, Мекку, где его мистические настроения еще усилились, и написал там на арабском языке свой главный труд — «Ихйа улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»), в котором основой познания признал мистическую суфийскую интуицию, а основой религии — любовь к богу.

В конце жизни он снова недолго преподавал в медресе в Нишапуре, затем удалился в Тус, где жил в суфийской обители, окруженный немногими учениками. Там он и умер.

Принято считать, что Газали в своих трудах с помощью суфийских идей «разрушил рационалистическую философию в странах распространения ислама», хитроумно соединил суфийские мистические и богословные начала религии ислама и надолго охранил тем самым мусульманское богословие от философского тупика и дискредитации. Действительно, Газали с позиций ислама осудил чисто философские рассуждения, объявил учения восточных перипатетиков (Фараби и Ибн Сины, развивших, в частности, идеи Аристотеля) несовместимыми с религией и придал богословскую форму мистическому интуитивизму суфиев, сыграв тем самым реакционную роль в истории общественной мысли многих народов Ближнего Востока. Не случайно его книги много веков после его смерти пользовались большой популярностью среди близких к феодалам суфиев и части феодальных правителей, склонных к суфийскому фанатизму.

Однако труды Газали, благодаря его одаренности и глубоким познаниям в философии, сыграли и иную роль. В книге «Макасид ал-фаласифа» («Цели философов») он изложил, например, ради опровержения основных учения перипатетиков настолько точно и четко, что это изложение долгое время использовалось как лучшее пособие по их учениям, независимо от поставленных автором задач, и объективно способствовало распространению рационализма. Оно было переведено на латинский язык и считалось одно время в средневековой Европе лучшим кратким пересказом перипатетических идей.

В своей поздней работе «Ал-Мункиз мин ад-далал» («Спаситель от заблуждения») Газали, очевидно, осознав опасность религиозного мракобесия и полного запрета вообще всех наук, на чем настаивали реакционные представители мусульманского духо-

венства, высказывает крайне противоречивые суждения. Так, он, например, объявляет «неверными» с точки зрения ислама Аристотеля, Фараби и Ибн Сину и в то же время отмечает их огромные заслуги в области развития рационалистической логики; отвергает атеистические опровержения религии, с его точки зрения основанные на преувеличении роли точного научного знания, но в то же время осуждает невежественных мусульманских мракобесов, которые заявляли, что «чистоту» ортодоксального ислама надо охранять путем запрета всех наук, связанных с философией, как противоречащих откровениям Корана. Газали защищает от реакционеров право ученых точно вычислять и предсказывать время солнечных и лунных затмений (внезапных «божественных знамений», по убеждению духовенства), право развивать математику, применять логику, использовать практическую медицину. Не надо думать, что ислам основан на невежестве, заявлял Газали, невежество — это преступление против самой религии. Путем такой казуистики он пытался, очевидно, спасти близкие ему в душе отрасли знания. В конце книги он, однако, говорит, что природа действует не сама по себе, а только по воле бога, капитулируя тем самым перед ортодоксией.

Весь творческий путь Газали — трагедия талантливого мыслителя, который в бессилии сдал позиции рационалистической мысли перед быстро нараставшим тогда давлением реакционного духовенства.

В творчестве *Ансари* следует отметить примененную им впервые (еще в прозе) форму рассуждения, перемежающегося с народными занимательными притчами, сыгравшую впоследствии роль в развитии композиции дидактической поэмы (творчество *Атгара*, *Низами*, *Джами* и других поэтов). Интересны и его рубаи, иногда близкие к народным.

Санаи, в целом оставаясь поэтом-мистиком, в ряде случаев подымался выше своих обычных мотивов и религиозной ограниченности, и тогда в его противоречивой поэзии в своеобразной форме отражались также и настроения народных масс. Для образца можно привести гневное обращение нищей старухи к султану Махмуду в его поэме «Хадикат ал-хакаик» («Сад истин»). На вопрос султана, на что она жалуется, старуха ответила:

... Нищая я,

Убого живу — помогают друзья.

Двух дочек имею да малого сына,

Отца их сгубила лихая година.

Гну спину над пажитью в дни урожая,

Колосья пшеницы и проса собирая.

Истаяла я от вседневных забот.

Не скажешь: старуха в довольстве живет.

Что ж гонишь меня, словно кара господня?

Ведь завтра наступит вослед за сегодня!

Доколь угнетать подчиненных своих!
 Доколь отнимать достоянье у них!
 Была целый месяц работать я рада
 В саду богатея за горсть винограда.
 Вчера, в день расплаты, с веселой душой
 Взяла виноград заработанный свой.
 Вдруг вижу, — пять воинов ждут у дороги:
 «Эй, стой!» — подкосились усталые ноги.
 Один забирает весь мой виноград,
 Рыдая, тяну я корзинку назад.
 Другой, угрожая расплатой короткой,
 Чтоб я не кричала, стегнул меня плеткой,
 Сказал: «Я — султана Махмуда слуга!
 Смирись и молчи, коли жизнь дорога.
 Попробуй султана слезами растрогай!
 Ступай, лобирушка, своею дорогой!»
 Пришлось, ради жизни, мне губы замкнуть.
 Охоты твоей разузнала я путь.
 Теби здесь полдня ожидала я, стоя. —
 И гневное сердце не знало покоя.
 Теперь, когда знаешь про злобных людей, —
 Ты бойся горячей молитвы моей!
 Коль мне, беззащитной, не дашь ты управы, —
 Пожалуюсь господу силы и славы¹⁰³.

Подобные же мотивы мы находим у *Аттара*, не принявшего реформы суфизма, осуществленной Газали. Его ранняя поэма «Хусрау и Гуль» — романтическая любовная история, вероятно, восходящая к греческому роману. В ней заметен лишь легкий налет мистицизма. «Мантик ат-тайр», несмотря на наличие в ней суфийской схемы в обрамляющем повествовании — блестяще написанная дидактическая аллегорическая поэма, перемежающаяся занимательными притчами и содержащая критику феодальных нравов. Талант *Аттара* как рассказчика, проявившийся и в других его поэмах, еще выше таланта *Санан*. *Диван Аттара*, поскольку по профессии он был аптекарем и не подносил стихи знати ради заработка, панегириков вообще не содержит. Это лирические, философские и мистические стихи. Ему принадлежит написанная великолепной прозой тазкира — биография видных суфиев.

Ведущую роль в развитии гуманистических идей в этот период сыграл писавший на фарси великий азербайджанский поэт *Низами Ганджави* (ум. в 1209 г.), создатель прославленных «Пяти поэм» («Хамса»), на которые потом писали поэтические ответы — «назира» — десятки поэтов, слагавших стихи на фарси, узбекском, турецком, азербайджанском и других языках.

В этом поэтическом состязании, продолжавшемся много веков, приняли участие такие прекрасные поэты, как Амир Хусрау Дехлеви, Алишер Навои и Абд-ар-Рахман Джами.

В рассматриваемый период на смену «хорасанскому» пришел новый литературный стиль, именуемый часто «иракским». Если «хорасанский», или «туркестанский», стиль был сравнительно простым, близким к разговорной речи, то «иракскому» стилю свойственна значительная украшенность риторическими фигурами и выпренность, характерные для поэзии эпохи развитого феодализма. Особенно ярко эти признаки проявились в придворной панегирической поэзии.

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД В ГОСУДАРСТВЕ ЧИНГИЗИДОВ

1. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ. ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ МОНГОЛАХ

Вторжение орд Чингиз-хана в Среднюю Азию

Во втором десятилетии XIII в. в государство хорезмшахов, сильно разросшееся к этому времени, кроме Хорезма и Мавераннахра входила территория нынешнего Афганистана и большая часть Ирана. Однако государство было весьма слабо централизовано. Некоторые местные владетели лишь формально признавали себя вассалами хорезмшахов, на деле же управляли своими областями почти самостоятельно.

Власть хорезмшаха Мухаммада не была прочной: он не только не пользовался поддержкой трудящихся масс покоренных народов, находившихся под двойной эксплуатацией — местного правителя и хорезмшаха, но даже военно-феодалная знать и влиятельное духовенство стремились ограничить власть шаха и относились к нему явно враждебно. К этому прибавились еще внутрисемейные раздоры: мать хорезмшаха Мухаммада Турканхатун, властная и энергичная женщина, была против Мухаммада и настраивала против него дворцовую группу кипчакских военачальников, представлявших серьезную военную силу¹.

В этой обстановке государство хорезмшахов и подверглось нашествию воинственных монгольских племен под предводительством Чингиз-хана.

Основным занятием кочевников-монголов было скотоводство. Кроме того, они занимались охотой. Между ними и этнически

¹ У хорезмшахов существовал обычай брать в жены дочь какого-либо видного военачальника из числа родовых, кипчакских вождей (из племени канглы). Вокруг царицы (хатун) обычно группировалась своя дворцовая партия, опиравшаяся на воинственных соплеменников. Отсюда особая роль некоторых цариц, например Туркан-хатун, матери Мухаммада хорезмшаха.

близкими к ним соседними племенами происходила оживленная меновая торговля.

По свидетельству историка Джувейни, монгольское войско делилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, было исключительно дисциплинировано и подвижно. Все монгольские племена обязаны были в любое время выступить в поход.

К началу XIII в. в общественном строе монголов появляются зародыши феодальных отношений. К. Маркс характеризует этот процесс следующим образом: «В *Ясе* (общий свод законов древних монголов. — Б. Г.) есть упоминание о *высшем сословии, тарханах*, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз. (Этот вид *феодальных прав* возникает у всех полукцивилизированных народов в результате воинственного образа жизни.)»².

Предпринятые Чингиз-ханом грандиозные захватнические походы возвышали класс кочевых феодалов не только над покоренными народами, но и над своими соплеменниками. Великий хан и феодальная знать баснословно богатели, масса же трудовых монголов — аратов — в конечном счете попадала в еще более зависимое положение от этой верхушки, беднела и разорялась.

Монгольские отряды под предводительством Джучи — старшего сына Чингиз-хана — покорили «лесные народы», жившие на берегу Енисея. Покорились власти Чингиз-хана уйгуры. Полководец Хубилай завоевал северную часть Семиречья. Чингиз-хан совершил поход против Северного Китая и занял Чжунду (Пекин), бывший тогда столицей Цзиньского государства³.

После этого в 1218—1219 гг. войска монголов под предводительством полководца Чингиз-хана Джебе почти без всякого сопротивления заняли владения кара-китаев (Семиречье и Восточный Туркестан) и вплотную подошли к границам государства хорезмшахов. В постепенном обострении и ухудшении отношений между этими двумя государствами сыграло некоторую роль среднеазиатское купечество. Многие богатые среднеазиатские купцы, державшие в своих руках торговлю между Монголией и Средней Азией еще до того, как эти два государства стали граничить друг с другом, считались вместе с уйгурами главными советниками Чингиз-хана в делах организации и устройства гражданского управления Монголии. Чингиз-хан через этих купцов постоянно получал сведения о внутреннем положении государства хорезмшахов. Хорезмшах Мухаммад, располагая в это время гораздо более значительными силами, чем Чингиз-хан, держал себя по отношению к нему вызывающе. В 1218 г. с

² «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 220.

³ Владимирцов Б. Я., 1922; 1934; Grousset R., 1944: d'Ohsson C., 183 Н.

с, ведома Мухаммада в пограничной крепости Отрар, расположенной на берегу Сырдарьи, воинами хорезмшаха был разграблен посланный Чингиз-ханом караван среднеазиатских купцов, заподозренных в шпионаже. Караван, состоявший из 500 верблюдов, вез золото, серебро, китайские шелка, ценную пушнину и другие дорогие товары. При нем было 450 человек — купцы, знатные монголы, доверенные люди монгольского хана. Воины хорезмшаха перебили этих купцов, продали все товары и вырученные деньги послали в столицу хорезмшахов.

Узнав о событии в Отраре (так называемой «Отрарской катастрофе»), Чингиз-хан потребовал от хорезмшаха выдачи ему наместника Отрара, виновного в случившемся, и возмещения убытков. Однако посол Чингиз-хана, прибывший с этим требованием в столицу государства хорезмшахов, был по приказанию Мухаммада казнен, а его спутникам обрезали бороды и лишь после этого отпустили (по другой версии — их всех перебили). Это вызывающее поведение Мухаммада ускорило вторжение Чингиз-хана в Среднюю Азию.

Чингиз-хан придавал походу в Среднюю Азию большое значение и готовился к нему с особой тщательностью. До начала военных действий были изучены добытые среднеазиатскими купцами сведения о численности и степени подготовленности военных сил противника. Вот почему вторжение Чингиз-хана в Среднюю Азию и было не беспорядочным и стихийным движением кочевников-монголов, каким его представляют многие буржуазные историки, а глубоко продуманным наступлением по заранее намеченному плану⁴. Проводниками были местные купцы.

Как уже говорилось выше, Хорезм не был подготовлен к обороне. Несмотря на видимое могущество, хорезмшах в очень большой степени зависел от военно-феодальной знати. Не вполне доверяя своим военачальникам и местному населению, Мухаммад опасался сконцентрировать войска в одном месте и разбил их на мелкие отряды, которые расставил в разных пунктах. Эта распыленность его военных сил облегчила победу монгольских войск. Кроме того, готовясь к войне, хорезмшах в течение года трижды собирал подати, чем вызвал возмущение населения.

В сентябре 1219 г., подойдя к Отрару, Чингиз-хан разделил свои силы на три части: часть войска отдал в распоряжение своих сыновей — Уктая (Угедея) и Чагатая — для осады Отрара, другую часть под предводительством Джучи отправил в сторону Дженда для захвата городов на берегу Сырдарьи, а сам с сыном Тулуем, возглавив основные силы, направился на Бухару.

Монгольское войско штурмом захватило город Отрар, однако

⁴ Наиболее тщательно источники о завоевании монголами Средней Азии проанализированы В. В. Бартольд, который дал и детальное изложение связанных с этим нашествием событий (*Бартольд В. В.*, 1963 б). Относительно источников и литературы см. также: *Srufer B.*, 1955, S. 463—502.

цитадель Отрара продолжала сопротивляться еще в течение целого месяца (по другим данным — шесть месяцев).

Овладев Отраром, монгольские захватчики перерезали всех защитников города и цитадели.

Войска под предводительством Джучи захватили Сыгнак и перерезали все его население, после чего очень быстро заняли расположенные по нижнему течению Сырдарьи города, также разграбив и разрушив их. Отряд монгольских войск, двигавшийся вдоль берега Сырдарьи, вверх по течению, захватил в устье Ангрена город Бинакет и перебил все оставленное для его обороны войско.

В начале 1220 г. Чингиз-хан с основными силами своего войска начал наступление на Бухару. Здесь он встретил ожесточенное сопротивление, хотя войска, защищавшие Бухару, были гораздо малочисленнее наступавших монгольских войск. Сопротивление, однако, не могло быть длительным. На третий день сражения защитники Бухары, окруженные со всех сторон, были поставлены перед необходимостью прекратить оборону. Большая часть прорвалась через кольцо монгольских войск и переправилась через Амударью. Несколько сот храбрецов, не пожелавших покинуть свой город, заперлись в цитадели, чтобы бороться против захватчиков до конца. И лишь когда окружавший цитадель ров наполнился трупами людей и коней, монголам удалось овладеть крепостью. Овладев Бухарой, они истребили тысячи мирных жителей города, а оставшихся в живых обратили в рабство.

Вслед за тем войска Чингиз-хана направились к Самарканду. Хорезмшах Мухаммад придавал защите Самарканда особое значение и сосредоточил здесь многочисленное войско. Городские укрепления были отремонтированы. В городе имелся большой гарнизон (по Рашид ад-Дину — 110 тыс. человек, по другим источникам — 50 — 60 тыс. человек). Вся страна с надеждой смотрела на Самарканд: по мнению современников, этот город мог выдержать многолетнюю осаду. На третий день осажденные совершили вылазку, в которой участвовал очень крупный отряд. Хотя им удалось перебить некоторое количество монгольских воинов, в целом вылазка была неудачной: самаркандцы попали в засаду и большое число их погибло. Это подорвало боевой дух оборонявшихся, чем не преминули воспользоваться духовенство и знать. Самаркандский кадий и шейх ад-ислам отправились в ставку к Чингиз-хану и начали переговоры о капитуляции. На рассвете они предательски открыли городские ворота, и монголы ворвались в город. Начались всеобщая резня и грабеж, монголы не трогали лишь изменников и тех, кто находился под их покровительством. Продолжали упорно сопротивляться лишь защитники цитадели. Но они не могли, несмотря на мужество, противостоять всему монгольскому войску. Когда укрепления цитадели пали, тысяча отважных укрылась в соборной мечети и не подпус-

кала монголов к ее стенам, но монголам удалось поджечь ее — и защитники, не дрогнув, предпочли сгореть, но не сдались врагам.

Больше половины населения Самарканда погибло. 30 тыс. ремесленников были отданы сыновьям и родственникам Чингизхана, такое же количество должно было сопровождать войско.

Разрушенный город обезлюдел. Даже через полтора года, когда часть жителей вернулись, в городе проживала лишь четверть прежнего населения⁵.

Во время осады Самарканда хорезмшах Мухаммад ожидал исхода битвы на берегу Амударьи. Когда город был занят войсками Чингиза, Мухаммад бежал в пределы Ирана — в Табаристан, где скрывался на одном из островов в южной части Каспийского моря и уже ничего не предпринимал для организации борьбы с монгольским нашествием.

Героическая оборона Ходжента. Тимур-Малик

Монгольские войска, которым было поручено взять Ходжент, в течение долгого времени безуспешно осаждали этот древний таджикский город. Поэтому после падения Бухары и Самарканда вокруг Ходжента собрались десятки тысяч монгольских войск.

Осажденными руководил отважный воин Тимур-Малик⁶. Только после того, как стало ясно, что дальнейшее сопротивление безнадежно, защитники города переправились на остров, расположенный на Сырдарье (по-видимому, в километре ниже Ходжента), укрепились там и оттуда продолжали свою борьбу против захватчиков.

Этот остров имел большие удобства для обороны. Монголы, используя пленных, начали строить через Сырдарью плотину, по которой можно было переправиться на остров. Но воины Тимур-Малика, покрыв лодки кошмами и смазав их глиняным раствором, чтобы стрелы врага не могли причинить вреда, по ночам и на рассвете подплывали к берегу, нападали на захватчиков и разрушали возведенную накануне часть плотины.

Героизм защитников Ходжента составляет одну из замечательных страниц в истории таджикского народа. Несмотря на огромное превосходство сил противника, осажденные не прекращали своей борьбы. Но когда иссякли запасы продовольствия, Тимур-Малик был вынужден оставить остров, чтобы спасти оставшихся в живых воинов. Он посадил их на суда и ночью при свете факелов флотилия двинулась вниз по реке. Захватчики, как стая голодных коршунов, преследовали на конях по берегу уходившие суда и осыпали их стрелами. По неточным сообщениям, монгольские отряды обогнали отходивших и протянули

⁵ Чан-чунь, 1966, стр. 311.

⁶ Бартольд В. В., 1963 б, стр. 485 и сл.; Айни С., 1944.

цепь с одного берега на другой. Однако Тимур-Малик и его воины, разбив протянутую преследователями цепь, открыли путь судам.

Около города Дженда Тимур-Малик встретил большие силы захватчиков, которые соорудили из связанных друг с другом судов, вооруженных катапультами, плавучий мост и таким образом преградили ходженцам путь. Храбрецам пришлось высадиться на берег и вступить в последний бой с врагом. В этом неравном бою погибли почти все воины Тимур-Малика, лишь ему самому с небольшой группой людей удалось спастись и прибыть в Хорезм, где собрались остатки разгромленных войск хорезмшаха.

В Хорезме Тимур-Малик собрал всех способных сражаться и возобновил военные действия против захватчиков. Он нанес врагу несколько значительных ударов и даже отнял у монголов расположенный в низовьях Сырдарьи крупный город Яныкент. Однако между Тимур-Маликом и другими военачальниками хорезмшаха не было единства, это помешало ему закрепить свои успехи, и он был вынужден возвратиться в Хорезм.

Упорное сопротивление войскам Чингиз-хана оказал также сын хорезмшаха Мухаммад — Джелал ад-Дин. Вместе с присоединившимся к нему Тимур-Маликом Джелал ад-Дин нанес монгольским войскам ряд крупных поражений, но в конце концов был разбит в сражении на реке Инд.

Оборона городов была организована очень плохо. Только народные массы самоотверженно защищали города и селения, а знать, чиновники и верхушка мусульманского духовенства шли на соглашение с завоевателями, чтобы сохранить свою жизнь, имущество и господствующее положение. Именно поэтому Чингиз-хан с меньшими силами, чем у хорезмшаха, одерживал победу за победой.

Дальнейшие завоевания Чингиз-хана в Средней Азии

Подвергнув оставшееся в живых население Бухары, Самарканды и Ходжента жесточайшим мучениям, захватчики после короткой остановки двинулись в сторону Каршинской степи и Термеза. Совершенно разрушив Термез, они перебили все его население. После этой кровавой расправы Чингиз-хан переправился через Амударью и вступил на территорию нынешнего Северного Афганистана, где в 1221 г. овладел Балхом и полностью разрушил его.

В это время его сыновья Чагатай, Уктай и Джучи со стотысячным монгольским войском осадили столицу государства хорезмшахов Гургандж (Ургенч). Защитники Гурганджа в течение шести месяцев мужественно сражались с монголами. Сражение за Гургандж было настолько ожесточенным, что захват каждого квартала и каждой улицы стоил захватчикам больших жертв.

Овладев городом, захватчики перебили все его население, кроме ремесленников, детей и женщин, которых обратили в рабство. Кроме того, озлобленные понесенными ими огромными потерями, они решили совершенно стереть город с лица земли. С этой целью они разрушили дамбу на берегу Амударьи и затопили город водой.

В начале следующего года сын Чингиз-хана Тулуй захватил Хорасан, где в числе других городов был разрушен до основания древнейший культурный центр Средней Азии Мерв. От всеобщего избиения спаслось только несколько сот ремесленников, обращенных в рабство, остальное население погибло.

Из районов, населенных таджиками, не были завоеваны монгольскими войсками лишь Бадахшан и некоторые прилегающие к нему горные княжества Восточного Таджикистана, а также некоторые местности в Гуре, защищенные сильными крепостями.

Один из арабских историков, Ибн ал-Асир (1160—1244 гг.), будучи очевидцем ужасающих событий, так описывает бесчеловечные действия захватчиков: «Эти [орды Чингиза] никого не щадили, наоборот, они убивали женщин, мужчин, детей, вспарывали животы беременным и убивали неродившихся младенцев... Искры этого бедствия разлетелись, и вред его стал всеобщим, и оно странствовало по областям, как тучи, подгоняемые ветром. Вышел народ из окраин Китая и устремился в области Туркестана, подобные Кашгару и Баласагуну, затем из них в области Мавераннахра, подобные Самарканду, Бухаре и др., и овладевают ими..., разрушая, убивая и грабя. Ни одного города татары не щадили; уходя разрушали. Все, возле чего проходили, что им было негодно, — то сжигали. Навалют они груды шелка и поджигают, так и разные другие товары».

Монгольское завоевание принесло народам Средней Азии неисчислимые бедствия. В результате грабежей и пожаров города Мавераннахра превратились в груды развалин, трудовое население их подвергалось массовому истреблению. Пришло в запустение и сельское хозяйство.

Маркс, характеризуя монгольское иго, подчеркивал, что оно «не только давило, оно оскорбляло и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами». По словам Маркса, монгольские завоеватели «обращали людей в скот, а плодородные земли и многолюдные населенные пункты — в пастбища»⁷

Вместе с тем героическая борьба народов Средней Азии против чингизовского нашествия, совлашая с отпором, который был дан монгольским ордам великим русским народом, имела большое историческое значение. Эта борьба ослабила силу монгольского натиска и дальнейшее его распространение на запад.

⁷Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 78.

Хозяйственная жизнь после монгольского завоевания

Чингиз-хан разделил образованную им обширную империю между своими сыновьями.

Старший сын Джучи еще в 1207 г. получил во владение «лесные народы», населявшие обширное пространство от низовьев Селенги до Иртыша. Ко времени смерти Чингиз-хана (1227 г.) к этим владениям были присоединены также северная часть Семиречья, вся территория, населенная казахами и киргизами, северная часть Хорезма. Владения второго сына Чингиз-хана, Чагатая, простирались от страны уйгур до Самарканда и от южной части Алтая до берегов Амударьи. Орда — основные силы великого хана Уктая — находилась в Тарбагатае. Младший сын Чингиз-хана Тулуй по обычаю кочевников владел основными землями своего отца.

Мавераннахр входил во владения Чагатая, но фактически им владел великий хан Уктай (1229 — 1241 гг.), который выделял Чагатаю и его семье часть получаемых с Мавераннахра доходов.

Захватчики не могли сами управлять завоеванными ими странами. Управление Мавераннахром Уктай поручил крупнейшему купцу и ростовщику этой области Махмуду Ялавачу. Пребывая в Ходженте, Махмуд управлял оттуда отданной в его власть страной. В его распоряжении находились все расквартированные в Мавераннахре военные отряды монголов под начальством баскаков, в функции которых входило также наблюдение за поступлением податей от населения.

Монгольское завоевание не изменило общественного строя, установившегося в Средней Азии, но по-разному отразилось на положении различных классов в стране.

Духовенство, купцы и крупные землевладельцы очень быстро превратились в опору монгольских захватчиков. Как сообщает историк событий XIII — XIV вв. Рашид ад-Дин, при Чингиз-хане и его преемниках Уктай-хане и Гуюк-хане (1246—1248 гг.) монгольские принцы и ханы щедро раздавали крупным земледельцам и купцам пайцзы, на основании которых местное население было обязано нести для них различные повинности. Положение трудящихся было одинаково тяжелым как в городах, так и в сельских местностях.

Крестьяне и ремесленники, кроме выплаты государству ежегодного налога с обработанной земли — хараджа, должны были нести еще множество повинностей. Население было обязано по особым ярлыкам предоставлять чиновникам, купцам, представителям духовенства и членам ханской семьи, проезжавшим через данную местность, жилище, продовольствие, транспорт. На население возлагалось также снабжение одеждой и продовольствием расквартированных по городам и селениям военных отрядов. Ремесленники находились в особом списке, и кроме упомянутых выше повинностей они обязаны были выработать

и поставить монгольским правителям определенное количество изделий. Особенно тяжелым было положение тех ремесленников, которые изготовляли оружие, обувь, ткани.

Монгольское завоевание нанесло тяжелейший удар хозяйству Средней Азии. Злоупотребления местных правителей, которые самовольно в несколько раз увеличивали установленные налоги и подати делали положение народа совершенно невыносимым. Произвол и насилия, отсутствие всяких гарантий безопасности лишали оставшееся в живых городское и сельское население всяких стимулов к развитию хозяйства. Поэтому в первые десятилетия после монгольского нашествия состояние хозяйства еще более ухудшилось.

Показательно в этом отношении состояние городской жизни и внутренней денежной торговли. По свидетельству Чан-чуня, посетившего Самарканд вскоре после монгольского погрома, в городе осталось не больше четверти местного населения, было много нищих и голодных, тем не менее торговля не прекратилась и на базарах было много товаров. В последующее время положение не стабилизировалось, а начало быстро ухудшаться. Самаркандские монеты того времени рисуют чрезвычайно яркую картину нарастания кризисных явлений в денежной торговле, форму кризиса и бесплодность попыток правительства предотвратить этот кризис⁸.

В Самарканде после монгольского завоевания (как и раньше в XII — начале XIII в.) чеканили крупные монеты из меди, лишь сверху покрытые тонким слоем серебра. Эти медные посеребренные дирхемы заменяли в обращении настоящие серебряные монеты: Средняя Азия еще не преодолела «серебряный монетный кризис». Первые послемонгольские выпуски таких монет с обычными арабскими, преимущественно религиозными, надписями вскоре пришлось запретить и изъять. В 1225 г. их заменили другими, несколько необычными. Основные надписи их были не на арабском языке, а на местном, таджикском: появилась необходимость, чтобы люди, обычно просто по облику узнававшие монеты, теперь знали содержание надписей. А содержание было «уговорное»: в надписях сообщалось, что монеты местные, предназначены для Самарканда с округой, имеют хождение здесь. Надписи призывают к доверию на понятном родном языке самаркандцев. Но самаркандцы не поверили, иначе не появились бы через год новые медные посеребренные дирхемы, которые тоже уговаривали, тоже звали к доверию, но уже с некоторой угрозой: для этой цели в надписях трижды, назойливо подчеркивалось, что это монеты самого Чингиз-хана. Но самаркандцы не испугались. Иначе не появились бы в 1232 г. медные посеребренные дирхемы уже с откровенно угрожающими надписями на таджикском языке: «Кто в Самарканде и округе этого города не станет брать эту монету, — будет преступником». А

⁸ Давидович Е. А., 1970 а.

это значит, что Самарканд переживал кризис денежного обращения в самой худшей его форме: никто не хотел торговать на медные посеребренные монеты, а других монет не было.

Уговоры и угрозы не помогли, правительство вынуждено было выпустить в Самарканде настоящие серебряные монеты. Но это только ухудшило положение: настоящее серебро исчезло, упрятанное в клады, а возвращаться к медным посеребренным дирхемам после этого было вообще бессмысленно. И Самарканд — когда-то крупнейший торгово-ремесленный центр Средней Азии — вступил в «безмонетный период»: денежная торговля прекратилась вообще.

В еще худшем положении была торговля многих других больших и когда-то экономически очень развитых областей. Например, в Фергане, Шаше, Термезе, Чаганиане и других областях и городах чекан монет после монгольского завоевания вообще не возобновился. Если там и была какая-то минимальная внутренняя торговля, то она опустилась до примитивного натурального обмена.

Восстание Махмуда Тараби

С 30-х годов XIII в. среди населения земледельческих оазисов и городских ремесленников началось движение против гнета иноземных и местных угнетателей. Это движение было особенно сильным в Бухаре, где в 1238 г. вспыхнуло восстание, известное под названием восстания Махмуда Тараби⁹.

Бухарой в основном управляли представители местной феодальной аристократии (эмиры и садры), которые угнетали народ не меньше, чем монгольские ханы. Поэтому не удивительно, что первым врагом, против которого был направлен гнев восставших, были местные правители Бухары.

Руководитель восстания — Махмуд из селения Тараб — был ремесленником, изготавливавшим сита. На улицах Тараба и в окрестных селениях он выступал с гневными речами, в которых призывал народ на борьбу с завоевателями и их приспешниками. Выступления Махмуда обратили на него внимание правителей Бухары. Они задумали обманом завлечь Махмуда в Бухару и здесь казнить его, чтобы таким образом обезглавить восстание. Но Махмуд Тараби разгадал намерения врагов и предотвратил грозившую ему опасность. Он явился в Бухару не один, а в сопровождении большого числа своих последователей.

Многочисленные сторонники Махмуда собрались на одном из холмов в окрестностях Бухары, где Махмуд произнес речь и призвал трудовой народ к вооруженной борьбе с угнетателями. Все окрестное население присоединилось к восставшим.

⁹Бартольд В. В., 1963 г, стр. 545—547; Якубовский А. Ю., 1936, стр. 101—135.

Собрав большие силы, Махмуд потребовал от духовенства, садров и других представителей правящих слоев провозгласить его халифом, что они и вынуждены были сделать, поскольку народ полностью перешел на сторону Махмуда. Объяснив своей резиденцией дворец, выстроенный в 1206 г. вождем народного восстания Маликом Санджаром, Махмуд приступил к выполнению своих планов. Садры и другие представители правящих слоев были изгнаны из города.

Историк Джувейни, который со своих классовых позиций резко отрицательно относился к восстанию Махмуда Тараби, так описывает меры, принятые Махмудом в отношении правящих классов: «Большинство людей, знатных и именитых, он подверг оскорблению, а другая часть их спаслась бегством от него».

В то же время Джувейни вынужден признать, что «он (Махмуд Тараби) благожелательно относился к простому народу и к бездомным бродягам... посылал людей в дома богатых, чтобы они принесли оттуда палатки и ковры и устроили бы лагерь для войска».

Эти слова показывают, что Махмуд тщательно готовился к очередному этапу борьбы. Он хорошо знал, что «великие люди» Бухары не прекратят сопротивления, что они, конечно, будут пытаться вернуть утерянную ими власть.

Засев в Кермине, садры и другие представители правящей верхушки вместе с монгольскими отрядами также готовились к бою.

Ожесточенное сражение повстанцев с монгольскими отрядами произошло неподалеку от города. Повстанцы были хорошо организованы, они сражались мужественно и самоотверженно. Махмуд Тараби находился в самой гуще боя. Победу повстанцев ускорило присоединение к ним вооруженного кетменями и топорами населения окрестных областей. Войска монголов и местных феодалов, потерпев поражение, бежали. Повстанцы преследовали их до Кермине и перебили большинство отступавших. Как утверждает Джувейни, в этой битве было убито около 10 тыс. человек.

Однако вскоре ход борьбы изменился, и восстание закончилось неудачей. Вождь и организатор его Махмуд Тараби был убит под Кермине. Погиб и другой талантливый руководитель повстанцев, друг Махмуда — Шамс ад-Дин Махбуби. Через несколько дней повстанцы, лишённые руководства и не имеющие достаточного количества оружия, были разгромлены.

Джувейни в своих летописях всячески пытается очернить Махмуда Тараби. Он описывает его как полусумасшедшего фанатика и говорит, что за ним шли лишь «чернь да бродяги». Эти слова классового противника народного восстания только лишний раз доказывают подлинно народный характер движения Махмуда Тараби.

Восстание Махмуда Тараби было направлено не только против захватчиков и их гнета, но и против крупного духовен-

ства, местных купцов и феодалов, ставших опорой завоевателей. Крестьяне и ремесленники шли за Махмудом потому, что он выступал против неограниченного произвола богачей и требовал раздела их имущества между неимущими.

Ради интересов народа Тараби не отступал ни перед какими трудностями. Вот почему Махмуд Тараби занимает выдающееся место в истории таджикского и других народов Средней Азии.

Внутренняя политика Мунке-каана и купца-правителя Масуд-бека

Среди монгольских ханов и аристократии вскоре после завоевания Средней Азии и Ирана четко наметились две тенденции по отношению к оседлому населению завоеванных территорий. Социальные основы этих тенденций исследованы А. Ю. Якубовским и И. П. Петрушевским¹⁰. Выразителями первой тенденции была большая часть военно-кочевой знати (как монгольской, так и тюркской), многие царевичи и некоторые кааны — верховные государи монголов. Они были противниками оседлой жизни, всю землю хотели бы превратить в пастбища, все города — в развалины. Они готовы были беззащитно грабить, разорять, жечь, угонять в плен, не заботясь о том, что при таком отношении к оседлому населению они довольно быстро лишили бы себя огромных и регулярных доходов от земледелия, ремесла, торговли. К этой группе примкнула часть местной знати и купечества, рассчитывавшая на быстрое обогащение за счет прямого грабежа.

Выразителями второй тенденции были некоторые кааны и небольшая часть военно-кочевой монгольской знати, близкой к каанскому дому, основная часть местной знати чиновничества, духовенства, большинство купечества. Эти слои господствующего класса объединяло стремление к сильной центральной власти, борьба с сепаратистскими настроениями представителей первого направления, ясное понимание необходимости прекратить грабеж и разорение оседлого населения. Покровительство городам и торговле, точная фиксация размеров податей и повинностей, ограждение крестьян и горожан от произвольных поборов, от вытаптывания посевов, от разрушения городов — только такая политика могла обеспечить восстановление и развитие разоренного хозяйства, без чего невозможна была эффективная эксплуатация податного населения. Представители второй тенденции прекрасно понимали, что не осуществить эту программу — значит рубить сук, на котором сидишь, ибо никакой единовременный грабеж не принесет столько, сколько дадут систематические и ежегодные поступления доходов от сельского хозяйства, от города, ремесла и торговли.

¹⁰Якубовский А. Ю., 1932, стр. 52--53; Петрушевский И. П., 1960, стр. 48 и сл.

Яркими выразителями второй тенденции были Мунке-каан, пришедший к власти в 1251 г., и купец-правитель Масуд-бек, сын первого правителя Махмуда Ялавача. Историки недостаточно внимательно отнеслись к сохранившимся известиям письменных источников о деятельности Мунке-каана, рассматривая его распоряжения лишь как единичные попытки ограничить произвол местных властей. Сопоставление содержания указов Мунке-каана с данными нумизматики, проведенное Е. А. Давидович, позволяет думать, что перед нами не разрозненные мероприятия, а целенаправленная внутренняя политика, по крайней мере в Средней Азии получившая и некоторое практическое претворение.

При Мунке-каане был строго регламентирован подушный налог, декретирован регулярный чекан золотых динаров одинаковой пробы во многих городах Средней Азии и за ее пределами.

В условиях феодализма вообще, в условиях хозяйственной разрухи после монгольского завоевания в особенности, высокопробные золотые монеты были слишком крупными, они не соответствовали объему внутренней торговли и уровню цен на основные товары. Чтобы золотые динары стали общегосударственным средством обращения и тем самым способствовали бы восстановлению и развитию денежной торговли, проба для золотых динаров была назначена низкой (около 60% чистого золота). Таким путем достигалось «сближение» денег и товара.

Остальные мероприятия живо описывает Рашид ад-Дин: «Так как после [смерти] Гуюк-хана множество ханш и царевичей выдали людям ярлыки и пайзы без числа, рассылали во все концы государства гонцов и покровительствовали и простым, и знатым, потому что имели дело с ними в торговле и по другим причинам, то Менгу-хан повелел указом вышеупомянутым лицам, дабы каждый, разыскав в своей провинции ярлыки и пайзы, кои люди со времени Чингиз-хана, Угедей-каана и Гуюк-хана от них и других царевичей получали, все отобрал, чтобы впредь царевичи не давали и не писали приказов о делах, касающихся провинций, без спроса у наместников его величества, чтобы великие послы не отправлялись в путь более чем на четырнадцать подставах, чтобы они ехали от яма до яма, а не забирали по дороге лошадей у населения. Во времена [Угедея]-каана было принято, что купцы ездили по областям Могулистана на подставах, [Менгу-хан] это отменил: [поскольку] торговцы ездят для приобретения денег, какой смысл [давать] ездить [им] на почтовых лошадях. И приказал, чтобы они ездили на собственных животных. Также повелел, чтобы гонцы ни в какие города не заезжали, а также и в деревни, в которых у них нет какого-либо дела, и чтобы не вносили содержания выше установленного»¹¹.

Старые, наиболее обременительные и ненормированные подати и налоги были отменены. В частности, Мунке-каан признал не-

¹¹ Рашид ад-Дин, 1960, 11, стр. 141.

действительными все ярлыки и пайзы, изданные после смерти Чингиз-хана. Он запретил также гонцам брать лошадей у населения, определил норму почтовых лошадей для них. Частным лицам вообще было запрещено пользоваться казенными лошадьми. Мунке-каан не разрешал без дела заезжать в города и деревни и требовать себе содержание сверх положенного. Было даже оговорено, чтобы недоимки с населения не собирать. Небезынтересно отметить еще одну деталь: при Мунке-каане указы писались на языке тех народов, которым они предназначались. Для монголов, привыкших не считаться с покоренными народами, это был акт, продиктованный определенной политической дальновидностью.

Таким образом, мероприятия, декретированные Мунке, предусматривали регламентацию и твердую фиксацию размеров налогов, ограждение населения от наиболее произвольных и нерегламентированных повинностей, оживление городской жизни и торговли. Самый факт декретирования подобных мероприятий является свидетельством большой победы второй тенденции в политике уже с середины XIII в. Одним из главных вдохновителей и практических ее проводников был безусловно Масуд-бек, которому при Мунке-каане была подвластна огромная территория от Уйгурии на востоке до Хорезма на западе. Но имели ли практический успех эти декреты?

В Иране, как об этом свидетельствуют источники, введение подушной подати не принесло населению облегчения из-за чрезмерных злоупотреблений чиновничества и монголов. В Средней Азии регламентация налогов и отмена некоторых произвольных поборов сыграли положительную роль в восстановлении хозяйства. Что же касается городской жизни и денежной торговли, то здесь успех был весьма значительным. Золотые монеты оживили денежную торговлю. В основе денежного обращения оказались не целые монеты, а их фрагменты, кусочки, принимаемые на вес. В сочетании с низкопробностью это красноречиво свидетельствует о том, что золотые монеты обслуживали довольно широкую сферу денежной торговли, причем на равных основаниях по всему государству. Кроме этих общегосударственных монет, ряд городов возобновили чекан медных посеребренных дирхемов. В этой связи очень важно отметить интенсивную работу монетных дворов таких городов, как Отрар и Ходжент, что указывает на оживление жизни как этих городов (а ведь Отрар при завоевании был разрушен!), так и Ферганы, и всей северо-восточной части государства в целом. Эти районы неуклонно шли к подъему. Позже, в последней четверти XIII в., они достигли значительного процветания, хотя Семиречье к середине XIII в. в значительной части было захвачено под пастища, и многие города там обратились в развалины.

Денежная реформа Масуд-бека.

Частичное восстановление городской жизни и торговли

В начале 70-х годов XIII в. Масуд-бек провел кардинальную

денежную реформу¹². Она знаменует собой новую, более серьезную и последовательную победу второй тенденции. Реформа была введена в 1271 г., но временем полного ее осуществления и успеха были два последние десятилетия XIII в.

Основное содержание этой реформы составлял переход к регулярному чекану настоящих серебряных монет во многих городах и областях Средней Азии, но везде одинакового веса и пробы. Такие монеты имели общегосударственное обращение, вне зависимости от места выпуска. Это была целая революция в денежной торговле. Серебряные монеты более всего соответствовали уровню цен и объему внутренней торговли феодальной Средней Азии. Но более двух с половиной столетий в Средней Азии не было регулярного чекана серебра, и монгольский погром надолго отсрочил преодоление этого серебряного монетного кризиса.

Неоднократно предпринимались попытки вернуться к серебряному обращению, но они не удавались. Реформа же Масудбека имела полный успех, что ясно свидетельствует о ее подготовленности и своевременности.

Чекан серебряных монет был свободным, т. е. любое частное лицо могло принести на монетный двор свое серебро для передела в монету за определенную плату. Успех реформы целиком зависел от того, удастся ли организовать этот свободный чекан, решатся ли владельцы серебра «объявиться», понесут ли они свое серебро на монетные дворы. Было слишком много причин для недоверия. Необходимы были гарантии от произвола, грабежей и насилий со стороны монголов; уверенность, что правительство не затеяло просто какую-то махинацию в свою пользу. Характер осуществления реформы показывает, что это недоверие было преодолено не сразу и не везде в одинаковой степени.

Хотя Масудбек предпринимал специальные усилия для повсеместного налаживания чекана серебряных монет, это удалось не сразу.

В 70-х годах XIII в. работали лишь немногие монетные дворы, и их продукция не была обильной. Лишь в 80 — 90-е годы XIII в. чекан серебра действительно стал чрезвычайно обильным, а монетные дворы были открыты минимум в 16 городах и областях. Следовательно, недоверие удалось преодолеть. А это косвенно свидетельствует о существовании необходимых гарантий от произвола и грабежей и достаточно нормальных условий для развития городской жизни и торговли.

В 1269 г., т. е. незадолго до этой реформы, на берегах реки Талас состоялся курултай, на котором монгольские царевицы обязались жить в горах и степях, не вытаптывать пашни, не вмешиваться в дела оседлого населения и довольствоваться фиксированными налогами. Ясно, что эти обязательства в какой-то степени были выполнены, иначе реформа Масудбека не

¹²Об этой реформе подробнее см.: *Давидович Е. А.*, 1970 а.

имела бы такого успеха. Решения курултая 1269 г. и самый факт проведения реформы — звенья одной цепи: курултай давал те гарантии, без которых не имело бы смысла и пытаться проводить эту реформу.

Конечно, борьба двух тенденций продолжалась, и победа второй тенденции никогда не была окончательной. Пример этому — судьба Бухары, которая именно после курултая 1269 г. и во время проведения денежной реформы была настолько разорена хулагуидскими и некоторыми чагатаидскими царевичами в 1273 и 1276 гг., что обезлюдела на целые 7 лет. В Бухарском оазисе еще и в первой четверти XIV в. было много развалин, заброшенных садов и виноградников¹³. Но и тут важно подчеркнуть, что Масуд-бек предпринял эффективные меры для заселения и восстановления Бухары, так что с 1282 — 1283гг. даже в Бухаре начался достаточно регулярный чекан серебряных монет, свидетельствующий о реальном оживлении здесь городской жизни и денежной торговли. Любопытен и другой факт: Тува-хан (1282 — 1306 гг.) построил в Фергане город Андижан, который стал быстро развиваться.

Итак, денежная торговля, судя по данным нумизматики, к концу XIII в. достигла больших успехов по сравнению с предшествующим временем, что свидетельствует о частичном восстановлении и развитии товарного производства и городской жизни в целом. В лучшем состоянии находились, по-видимому, города и торговля северо-восточных областей Средней Азии, включая часть Семиречья (особенно обильным был чекан Тараза, Кенджебе, Отрара и др.), города Ферганы, область Шаш. Восстановление городов Мавераннахра происходило более замедленными темпами, но и здесь два последних десятилетия XIII в. и начало XIV в. были ознаменованы значительными успехами.

Меньше известно о состоянии сельского хозяйства Средней Азии к началу XIV в. Существенно свидетельство вакуфной грамоты 1299 г. о том, что учредитель вакфа купил недалеко от Бухары (примерно в 30 км к северу) целую деревню с богато орошенными землями, построил еще одно селение, две мечети, хорошие жилища для работников, мельницу и несколько (не менее трех) ткацких мастерских¹⁴. Покупка земельных угодий и все это строительство в районе Бухары едва ли имели бы место, если бы этому не предшествовал достаточно длительный период мирной жизни, убедивший в безопасности вложения денег в землю и строительство. Так как гарантии, данные на курултае 1269 г., до конца XIII в. как уже отмечалось, оказались вполне реальными, это создало благоприятные условия для частичного восстановления не только городской, но, очевидно, и сельской жизни.

¹³Петрушевский И. П., 1949; Чехович О. Д., 1965 а, стр. 14.

Конечно, к началу XIV в. (и в XIV в.) последствия монгольского разорения не были преодолены, хозяйство в целом было еще далеко от домонгольского уровня, формы эксплуатации и тяжкий налоговый гнет мешали восстановлению хозяйства, замедляли этот процесс. Монгольское иго было для народов Средней Азии ни с чем не сравнимым бедствием. Эти материалы лишь фиксируют этапы восстановления и относительного подъема, в первую очередь городской жизни и торговли. И они опровергают ставшую для многих историков аксиомой точку зрения, будто в Средней Азии для развития городов и внутренней торговли реальные возможности создались только после реформ Кебека (1318 — 1326 гг.), что именно Кебек прекратил анархию в денежном обращении.

Средняя Азия в первой половине XIV в.

Кебек был первым монгольским государем, который окончательно перенес свою ставку в Мавераннахр. Кебек оставался язычником — он не принял мусульманства, но охотно беседовал на религиозные темы с мусульманскими богословами. Имеются факты, показывающие, что он пытался — и иногда безуспешно — пресечь крайние проявления преследования кочевыми феодалами оседлых жителей. Он выстроил себе дворец (карши) недалеко от Несефа, впоследствии вокруг этого дворца вырос целый город, который получил название Карши.

Кебеку приписывают денежную и административную реформы. Денежная реформа Кебека наиболее подробно рассмотрена М. Е. Массоном¹⁵. Проведена она была в 1321 г. с учетом денежных систем в государстве Хулагуидов и в Золотой Орде. Крупная серебряная монета весом выше 8 г называлась серебряным динаром и равнялась шести мелким монетам — дирхемам. В первые годы чекан этих новых монет (особенно дирхемов) с именем Кебека был чрезвычайно интенсивным, причем основную продукцию выпускали Бухара и Самарканд. Чекан серебряных монет этих двух достоинств продолжали и другие государи. Тармаширин, в частности, выпускал тоже много серебряных монет, при нем интенсивно работал монетный двор Отраара. Позже чекан монет в количественном отношении сокращается.

Значение реформы Кебека было явно переоценено большинством историков. Она не произвела таких коренных преобразований в денежном хозяйстве, как предшествующая реформа Масуда. Но она создала еще более благоприятные условия как для внутренней, так и для внешней торговли. Факт ее проведения и весь пореформенный чекан свидетельствуют о том, что подъем городов и денежной торговли продолжался, хотя по-прежнему не все области Средней Азии находились в этом смысле на одинаковом уровне.

¹⁵Массон М. Е., 1957.

В XIV в. чрезвычайно обострилась борьба двух рассмотренных выше политических тенденций по отношению к оседлому населению. Так, Кебеку пришлось вести тяжелую борьбу с мятежным чагатайским царевичем Ясавуром. Этот царевич с помощью войск хорасанских эмиров нанес поражение Кебеку. После этого, как сообщает источник, Ясавур «от Термеза до границы Самарканда всех жителей вилайетов и селений от реки Амуля (Амударьи) переселил, и города, и местности, которые были под властью Кебека, разрушил, а людей тех мест взял в плен». Одни лишь хорасанские эмиры увели в плен более 50 тыс. человек, захватили огромную добычу. Когда Кебек собрался нанести ответный удар по хорасанским владениям Ясавура, последний приказал жителям из Фараба и Мургаба переселиться в Гератскую область. Во время этого переселения от холода и голода погибло много десятков тысяч человек. Феодалные усобицы 1316—1319 гг., связанные с мятежом Ясавура, нанесли громадный ущерб народам Средней Азии.

Преемник Кебека — его брат Тармаширин (1326—1334 гг.) продолжал политику предшественника. Он еще больше склонялся к традициям оседлой жизни, стал ревностным мусульманином и сделал ислам официальной религией Чагатайского государства. Недовольство кочевых феодалов вылилось в восстание, и Тармаширин был убит¹⁶.

Междоусобия нанесли окончательный и уже непоправимый удар городской жизни и земледелию Семиречья.

Очень образно это изложено в одном из источников со слов очевидца-путешественника: «Издали виднелось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием»¹⁷.

Определенное влияние на жизнь страны должна была оказать административная реформа, разделившая Среднюю Азию на мелкие административные единицы — туманы. Относительно времени проведения реформы единой точки зрения нет, «авторство» Кебек-хана не бесспорно. В. В. Бартольд предполагал, что эта реформа была проведена между 1318—1334 гг. (т. е. Кебеком или Тармаширином)¹⁸. А. Ю. Якубовский высказался в пользу Кебека как ее автора. А. Ю. Якубовский исходил из того, что ко времени Тимура туманы уже существовали, а до Кебека их не было, после же Кебека никто этой реформы провести не мог¹⁹. О. Д. Чехович, обнаружившая термин «туман» в вакфнаме 1299 г. (правда, слово это сохранилось не в арабском

¹⁶ Бартольд В. В., 1963а, стр. 74—76; Строева Л. В., 1958, 210—216.

¹⁷ Бартольд В. В., 1963е, стр. 264.

¹⁸ Бартольд В. В., 1963ж, стр. 153; 1964 г., стр. 33.

¹⁹ «История народов Узбекистана», 1, стр. 338—340.

оригинале, а в персидском переводе этой грамоты), предположила, что деление на туманы, возможно, существовало задолго до Кебека²⁰.

Исследователи видят в этой реформе выражение централизаторских тенденций. А. Ю. Якубовский подчеркивал, что «...ее нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития феодальной государственности в Мавераннахре». Вместе с тем он считал, что «административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владельцами, а приспособилась к ним; владения превращены были в административные единицы — туманы, а прежние владельцы — в наместников туманов». Однако вакуфная грамота 1326 г. позволяет допустить, что эта реформа произвела более глубокие преобразования в административно-политическом управлении. Среди условий вакуфодателей оговорено, что вакуфные местности не следует отдавать на откуп или в аренду «правителям города Бухары и других вилоятов из числа эмиров туманов, маликов, баскаков и диванских вазиров»²¹, т. е. наследственные владельцы и правители домонгольского происхождения названы здесь вне связи с туманами. Во главе туманов стоят эмиры, т. е. главы и знать тюрко-монгольских племен. В данном случае, следовательно, владения маликов и туманы — не равнозначны. Возможно, эта административная реформа произвела более серьезную ломку старого, чем представлялось ранее. Не исключено, что одной из задач было как раз уничтожение автономии местных владельцев-правителей. Поэтому более правильным кажется предположение В. В. Баргольда, что деление на туманы, «по всей вероятности, было связано, как в Персии, с назначением уделов представителям родов, пришедших в Мавераннахр с ханом»²²; арлаты поселились в северной части Афганистана, каучины — в Южном Таджикистане, джалаиры — у Ходжента, барласы — в долине Кашкадарьи и т. д. То обстоятельство, что тюрко-монгольская знать заняла места в административном управлении страной не только на территории своих уделов, — важный штрих для характеристики как самой административной реформы, так и процесса приобщения кочевой знати к оседлой культуре со всеми ее институтами. Однако в целом вопрос о значении и назначении этой реформы нуждается в доработке, еще неясно, что представляли собой эти туманы (каков был критерий при определении территории как тумана).

Феодальные распри мешали проведению прогрессивных мероприятий, сводили их последствия на нет. В 40-х годах XIV в. хан Казан, продолжая политическую линию Кебека —

²⁰ Чехович О. Д., 1967, стр. 67.

²¹ Чехович О. Д., 1965 а, стр. 107—108 (текст), 183 (перевод).

²² Баргольд В. В., 1964 г. стр. 34.

Тармаширина, пытался восстановить ханскую власть. В двух переходах к западу от современного города Карши он построил замок-дворец Зенджир-сарай — свой оплот в борьбе с кочевыми феодалами. В 1346 г. он погиб в бою. Ему наследовал эмир Казаган — ревнитель обычаев кочевого быта. Зимой он проводил время в Сарайской долине (совр. Пянджский район Таджикской ССР), летом — у города Мунка, большую часть времени занимался охотой и грабительскими походами, что было на руку кочевой знати, захватывавшей много добычи. Его сын Абдаллах с 1358 г. попытался проводить иную политику, отражающую интересы оседлой верхушки, но был изгнан.

В конце 50-х годов XIV в. Чагатайское государство распалось примерно на полтора десятка владений. Некоторые принадлежали кочевым феодалам (например Ходжент был во власти Баязида Джелаира), во главе других стояли местные феодалы — светские и духовные (так, в Бухаре — садры, в Хутталаяне — потомки старой таджикской фамилии Кайхусрау, два брата-царя из местной династии — в Бадахшане, сейиды — в Термезе и др.). Чагатайское государство распалось, кроме того, на две части — северо-восточные области выделились, получив название Моголистан²³.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ МОНГОЛАХ

Категории земельной собственности. Суюргал

Социально-экономические отношения при монголах, влияние монгольского завоевания и владычества на различные социально-экономические институты основательно изучены для государства Хулагуидов²⁴. Механически переносить наблюдения и выводы историков Ирана на Среднюю Азию нельзя, однако эти материалы помогают понять и осмыслить некоторые косвенные данные о ряде социально-экономических институтов Средней Азии этого времени.

Нужно отметить, что для конкретно-исторического изучения самой Средней Азии в этом аспекте историками сделано еще слишком мало. Одна из причин — узость источниковедческой базы. Особое внимание следует обратить на поиски и изучение местных источников. Насколько это перспективно, показывает исследование вакуфных грамот 1299 г. и 1326—1333 гг. и сделанные О. Д. Чехович наблюдения о значении ряда терминов²⁵.

²³ Бартольд В. В., 1963 а, стр. 76—80; Строева Л. В., 1958, стр. 216—219.

²⁴ См.: Али-Заде А. А., 1956; Бартольд В. В., 1966 г; Беленицкий А. М., 1948; I. P. Petrushevsky, 1968; Петрушевский И. П., 1948; 1951; 1960 (там же библиография).

²⁵ Чехович О. Д., 1959; 1965 а; 1967.

Из этих документов видно, что монголы не только не уничтожили в Средней Азии вакуфное земледение, но удельный вес этой категории земель, вероятно, не уменьшился, а возможно, и возрос. Монгольские ханы, за отдельными исключениями, были веротерпимы. Они нередко освобождали духовенство (в том числе и мусульманское) от налогов. Даже во время завоевания и поголовного грабежа городов они часто щадили имущество духовенства. Конечно, вакуфные земли подвергались разорению наряду с другими видами земель во время завоевания, междоусобных войн и грабительских набегов монголов. Но сама категория этих земель продолжала существовать. Если при этом учесть, что монголы до Кебек-хана не вмешивались в управление Средней Азией и не стремились к земельным приобретениям, можно заключить, что фонд вакуфных земель после монгольского завоевания не уменьшался. По мере нормализации хозяйственной жизни этот фонд не мог и увеличиваться, о чем наглядно свидетельствуют вышеупомянутые вакуфные грамоты. В 1299 г. Абд ар-Рахим Мухаммад, знатный выходец из Исфиджаба купил селение с орошенными землями, произвел значительное строительство и все это обратил в вакф, распорядителем назначив себя и своих потомков. В 1326 г. внук Сейф ад-Дина Бахарзи пожертвовал в пользу мавзолея и ханака своего деда целый район к юго-востоку от Бухары. Еще до того монгольская ханша Сюркүктени выделила крупную сумму на постройку медресе в Бухаре (медресе Ханийе) и обеспечила его вакфами. Купец-правитель Масуд-бек также построил в Бухаре медресе (медресе Масудийе), в котором впоследствии и был похоронен. Вакуфные имущества этих медресе должны были быть очень значительными, так как одних учащихся в каждом было якобы до тысячи человек.

С другой стороны, какие-то попытки присвоения вакуфных земель, возможно, имели место. Нельзя простой формальностью считать одно из условий вакфодателя в вакуфной грамоте 1326 г. о том, чтобы вакуфное имущество не отдавалось на откуп и в аренду власть имущим (см. выше).

Кроме вакуфных земель в этой же грамоте при описании не вошедших в вакф участков упоминаются еще три категории земель: мильк (мильк-и хасс), мамлакан инджу и мамлакан диван. Удельный вес каждой категории в Средней Азии при монголах неизвестен. Мильковыми землями по юридической номенклатуре мусульманских законодателей назывались и крестьянские мильки и мильки феодальные. Монгольское завоевание и владычество не уничтожило оба вида мильков, поскольку мы встречаем их и в послемонгольское время. Землями инджу в государстве Хулагуидов назывались земли, принадлежавшие непосредственно главе государства, членам его семьи и их непосредственным вассалам. Эти земли могли быть пожалованы за службу, переданы в вакф, подарены, проданы и т. д. Нельзя

не согласиться с И. П. Петрушевским, который земли инджу сравнивает с мильковыми землями, считая их одной и той же категорией: первые — в руках государя, его семьи и вассалов, вторые — в руках любых частных лиц²⁶. Правда, земли инджу были освобождены от налогов, но и мильковые иногда освобождались. Фонд земель инджу в Иране образовался из конфискованных во время завоевания и впоследствии земель иранских феодалов и за счет коммендации (отдачи частными лицами своих земель «под покровительство» кому-либо из членов династии) и был очень велик. Очевидно, земли инджу в Средней Азии не отличались от иранских. Но не исключено, что удельный вес и пути образования были несколько иными. Необходимо учесть, что лишь Кебек-хан и следующие государи (и то не все) прочно переселились в Мавераннахр. К этому времени отношение к оседлому населению и местным порядкам было уже не такое, как во времена завоевания и в первые десятилетия после этого. Поэтому можно допустить, что в Средней Азии конфискации были не основным путем образования и пополнения фонда земель инджу, и вообще этот фонд занимал здесь не такое большое место. При более детальном рассмотрении этого вопроса, когда позволят источники, не следует упускать из виду покупку мильковых земель, как весьма вероятный путь пополнения фонда земель инджу. Для Средней Азии более позднего времени известны примеры, когда государи именно покупали мильковую землю, обычным образом оформляя это в канцеляриях каднев.

Земли дивана — это государственные земли. Следовательно, при монголах в Средней Азии известны четыре категории земель по праву собственности: 1) государственные, 2) феодальные мильки и инджу, 3) вакуфные земли и 4) крестьянские мильки.

Нет оснований сомневаться, что в Средней Азии при монголах, так же как и в Иране, существовал и развивался институт феодальных пожалований. В Иране этого времени пожалования назывались старым термином икта (араб.) или новым — суюргал (монг.). И икта, и суюргал могли быть и небольшими, и очень большими. Сначала икта получали преимущественно крупные военные чины, рядовые же воины получали содержание натурой и деньгами. При Газан-хане уже целые округа были выделены под икта всем воинам-монголам, но не мелкими участками каждому, а большими наделами целой войсковой единице. Эмир тысячи делил такой надел между эмирами сотни, те, в свою очередь, — между эмирами десятков. Эти икта не только означали право на ренту, землю, воду и людей, они были наследственными и включали полный налоговый иммунитет. Суюргал —

²⁶ Петрушевский И. П., 1960, стр. 224—245.

наиболее ярко выраженная и законченная форма господства феодала-завоевателя (тюрка или монгола) над оседлыми земледельцами, подразумевавшая наследственность и полный налоговый и административно-судебный иммунитет. В крупных суюргалах соединялось владение как земледельческим оазисом, так и кочевой степью.

Вопрос о феодальных пожалованиях в Средней Азии на конкретно-исторических материалах еще не разработан. Ясно только, что район Ходжента для джалаириров, район Кашкадарьи для барласов, район Южного Таджикистана для каучинов и т. д. были жалованными территориями, их икта, или суюргалами²⁷

Категории крестьян. Вопрос о крепостничестве. Рабство

Крестьянство при монголах было так же неоднородно, как до и после этого. Существовала привилегированная группа крестьян (видимо, очень сократившаяся в результате разорения и уничтожения значительной части населения), которые были собственниками крестьянских мельков т. е. уплачивали государству налог-ренту в уменьшенном по сравнению с другими виде. Огромное количество крестьян были арендаторами-музари. Термин этот многократно упоминается в вакуфной грамоте 1326 г. Судя по данным этой грамоты, арендаторы вакуфных пахотных земель отдавали треть своего урожая. Однако специально оговорено, что вакуфные земли сдаются в аренду не более чем на два года. Косвенные данные более позднего времени заставляют предполагать, что монгольское завоевание не уничтожило и общинных пережитков — категории крестьян, наследственно живших в одной деревне, обладавших правом «вечной аренды» и какими-то общими, связывающими их правами и обязанностями. В XV—XVI вв. такие пережиточные «крестьянские общины» были на разных категориях земель: на государственных, мельковых и вакуфных. Не известно, как это было в XIII—XIV вв.

В вакуфной грамоте 1326 г. упоминается еще одна категория крестьян — кадиверы. Они связаны с обработкой мельковых садов. Но из документа неясно, чем их положение отличалось от положения арендаторов и в каких отношениях они были

²⁷ В этой связи нельзя ещё раз не вспомнить упомянутых в вакуфной грамоте 1326 г. «эмиров туманов». Были ли эти туманы только административными единицами, а эмиры — их правителями? Или, как это было в некоторых областях государства Хулагуидов, эмиры туманов являются владельцами крупных пожалований (икта или суюргалов)?

с собственниками земли. Между прочим, мильковые сады обрабатывались не только кадиверами, упоминаются еще и багбаны. Существенно отметить, что, согласно грамоте 1326 г., вакуфные земли обрабатывали и рабы, освобожденные вакфодателями, но прикрепленные к земле. Они не имели права покинуть вакуфные земли, в остальном же не отличались от арендаторов, так как работали на условиях сдачи той же трети урожая натурой.

Прикрепление освобожденных рабов еще не дает основания говорить о крепостничестве в Средней Азии. В Иране при монголах крестьян прикрепляли к земле, запрещали переход и возвращали на место уже с середины XIII в. Ярлык Газанхана 1303 г. лишь подтвердил это положение. Весьма существенно, что это касалось крестьян, которые сидели не только на землях икта, но и на мильковых землях. И. П. Петрушевский считает, что это положение распространялось на всех крестьян, сидевших на любой земле. Предпосылки были следующие: если раньше орошенной земли не хватало для густого населения, то после монгольского погрома численность населения и посевные площади резко сократились, а жестокая эксплуатация, особенно со стороны военно-кочевой знати, вызвала массовые побеги крестьян. Закрепостительная политика монгольских ханов была продиктована стремлением государства и феодалов сохранить крестьянина как налогоплательщика. Эта политика стимулировалась также и тем, что отвечала положениям чингизовой Ясы, которые прикрепляли кочевников к своим вождям, запрещали им самовольный уход²⁸.

В Средней Азии аналогичные предпосылки (сокращение населения и посевных площадей, разорение крестьянского хозяйства, усиление эксплуатации) существовали. И в тех районах Средней Азии (Южная Туркмения), которые входили в состав государства Хулагуидов, прикрепление крестьян к земле имело место так же, как и в других областях этого государства. Но прямых данных о крепостничестве в государстве Чагатаидов, на территории Мавераннахра и восточнее расположенных областей у нас нет.

Поэтому решать этот вопрос сейчас преждевременно. Тем более что нужно учитывать и некоторые особенности организации управления Мавераннахром по сравнению с Ираном. Как уже не раз отмечалось, монголы сами в дела управления страной не вмешивались и своих определенных наделов и икта в XIII в. не имели: доходы собирали купцы-правители (Махмуд Ялавач, Масуд-бек и сыновья последнего), и эти доходы считались общими для тех монголов, которым эта часть Средней Азии принадлежала. Поэтому перед монгольскими царевичами и знатью в это время не стоял конкретный вопрос, как и с кого

²⁸ Петрушевский И. П., 1960, стр. 327—337.

собирать земельную ренту, на месте ли крестьяне или разбежались. Конечно, в XIV в. положение изменилось. Но и здесь нельзя упускать из виду свидетельство вакуфной грамоты 1326 г. о том, чтобы издольщикам не сдавать землю в аренду более чем на два года, даже при условии благоустройства и орошения земли. А ведь здесь речь идет о Бухарском оазисе, который в 1273 и 1276 гг. был так разорен, что и в 1326 г. на каждом шагу встречались развалины замков и деревень, выкорчеванные и погибшие сады и т. д.

Положение ремесленников

Политика монголов, направленная на закрепощение населения, яснее вырисовывается по отношению их к ремесленникам. В этом смысле очень интересно свидетельство одного из источников. Около 1262 г. посланец Кубилай-каана произвел в Бухаре новое исчисление: из 16 тыс. бухарцев 5 тыс. принадлежало Бату (т. е. Джучидам); 3 тысячи — Сиюркуктени-беки (матери Хулагу-хана, Мунке-каана и Кубилай-каана), остальные же — тому, кто был главой монголов, кааном, чтобы он управлял ими как своей собственностью. В 1263 г. Хулагу-хан, воевавший с Джучидами, приказал вывести из Бухары и перебить 5 тыс. жителей, принадлежавших Джучидам, причем не пощадил ни имущества их, ни жен, ни детей. Исследователи справедливо полагают, что речь идет о ремесленниках, приписанных к монгольским ханам, лично зависимых от них и работающих на них²⁹

Две группы ремесленников упоминает Плано Карпини: «В земле Сарационов и других, в среде которых они (монголы. — Б. Г.) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия... каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах»³⁰. Здесь одна группа городских ремесленников сведена до положения рабов, у которых отбираются все продукты их производства, им же предоставляется лишь ежедневное питание; и вторая группа городских ремесленников (неясно, свободных или закрепощенных), которые работают самостоятельно и платят налог с ремесла. Об этой же группе, вероятно, говорит и Рашид ад-Дин при перечислении

²⁹ Петрушевский И. П., 1949, стр. 103, 114—115.

³⁰ Плано Карпини, 1911, стр. 36.

мероприятий Мунке-каана, имевших прямое отношение к Средней Азии: «... [Менгу-каан] приказал, чтобы простые люди из (числа) купцов, владельцев промыслов и ремесленников своим подручным оказывали снисхождение и уделяли (им) из своих благ и чтобы всякий безотлагательно уплачивал причитающийся с него с суммы сделки (денежный сбор) пропорционально количеству и достатку»³¹.

Положение ремесленников Средней Азии не было одинаковым и менялось на протяжении двух столетий. Из письменных источников видно, что многие ремесленники были низведены до положения рабов. В период завоевания Средней Азии монголы часть ремесленников вообще угнали в Монголию. Позже в городах Ирана были организованы принадлежавшие представителям монгольской верхушки кархане — мастерские, где ремесленники находились на положении рабов. Наряду с этим существовали ремесленники-крепостные, вроде упомянутых выше, в Бухаре они работали самостоятельно, но были приписаны к монгольским ханам и уплачивали им налог с ремесла и торговли. Была и, очевидно, увеличивалась группа более свободных ремесленников и торговцев, которые платили налоги (тамга) в казну центральной власти. Налоги эти могли собирать чиновники дивана или откупщики.

Нет оснований думать, что монголы, угнавшие большое число ремесленников в плен, других превратившие в рабов и крепостных, тем самым уничтожили совсем и цеховую организацию ремесла. Она должна была вновь возрождаться вместе с возрождением городов и товарного производства.

Одним из многих отрицательных явлений монгольского владычества было увеличение рабовладельческого сектора. Монголы во множестве обращали в рабов население завоеванных территорий, и не только ремесленников. Рабы широко использовались в хозяйстве, в том числе и в земледелии. На рынках продавались рабы разных народностей. Так как труд раба, не заинтересованного в производстве, был не выгоден, практиковалось — как показывает вакуфная грамота 1326 г. — освобождение рабов и превращение их в крепостных.

Основной конфликт происходит не между феодальной знатью и кочевой аристократией, а между феодальной верхушкой (включавшей высшее духовенство, купцов и ростовщиков), с одной стороны, крестьянством и городскими низами — с другой. Гнетущее влияние мусульманского духовенства на темные, забытые массы, а особенно одурманивающая роль суфизма-дервишизма и его многочисленных шейхов всячески сдерживали (хотя и не могли полностью предотвратить) развитие прямых

³¹ Рашид ад-Дин, II, 1960, стр. 141.

форм борьбы эксплуатируемых таджикских масс против их местных порабитителей.

3. КУЛЬТУРА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ МОНГОЛАХ

Архитектура. Прикладные ремесла. Искусство

Отражением нормализации, а затем и относительного подъема городской жизни и хозяйства в целом является довольно интенсивная строительная деятельность, начавшаяся в середине XIII в. и особенно в XIV в. Строительство оплачивали духовные и светские феодалы, даже отдельные представители монгольской верхушки. Но строителями были местные мастера, поэтому архитектура этого периода является дальнейшим и логическим развитием местных традиций, выражением, материализацией достижений среднеазиатских архитекторов и различных мастеров прикладного искусства³².

От этого времени сохранилось довольно значительное число памятников, но все это мавзолей. Не следует думать, что строительство XIII — XIV вв. ограничивалось одним этим видом монументальных построек. Из письменных источников известно, что сооружались медресе и дворцы. Два больших медресе были построены в Бухаре в середине XIII в.; дворец (Карши), как указывалось, построил монгольский государь Кебек-хан. В Куня-Ургенче (Хорезм) сохранился великолепный минарет (высота около 62 м), второй такой же рухнул в начале XX в. — оба являются составной частью мечети.

Наиболее ранняя из сохранившихся построек этого периода — мавзолей Сейф ад-Дина Бахарзи, влиятельного и очень популярного шейха, с которым считались даже монголы. Умер он в 1258 г. Потомки возвели над его могилой великолепный мавзолей и ханака. В 1333 г. ханака посетил Ибн Батута, отметивший, что «обитель очень велика». Дошедший до нас мавзолей шейха около Бухары ханака не имеет. Он вообще подвергся большим перестройкам в XIV в. Древнейшая часть — сам мавзолей. Примыкающая же к нему зиарат-хана (довольно большое помещение для поклонения могиле шейхов и совершения обрядов) была пристроена позже. Самая поздняя часть — портал. Памятник прост и монументален. Впечатление прочности и монументальности увеличивает нарастание объемов: небольшой

³² Об архитектуре см.: *Бачинский Н. М.*, 1939; *Беленицкий А. М.*, 1950; *Брита-ницкий Л. С.*, 1958; *Пугаченкова Г. А.*, *Ремпель Л. И.*, 1965; 1961; *Шишкин В. А.* 1966; и др.

купол самого мавзолея, крупный купол зиарат-хана и высокий массивный портал, фланкированный по бокам декоративными башнями.

Дотимуровских мавзолеев XIV в. много: несколько в самаркандском комплексе Шах-и зинда (зиарат-хана перед мавзолеем Куссама ибн Аббаса, мавзолей 1360 г., мавзолей Ходжи Ахмада и др.), бухарский мавзолей Буян Кули-хана, куняургенчские мавзолеи Наджм ад-Дина и Тюрабек-ханым, мавзолей Мухаммада Башара в центральном Таджикистане, ныне разрушенный мавзолей Тубахан в Ленинабаде и др. С точки зрения архитектурно-планировочной большинство мавзолеев делится на две группы: более многочисленная — это купольные мавзолеи из одного помещения, другая группа — мавзолеи типа Сейф ад-Дина Бахарзи, т. е. состоящие из двух купольных помещений (усыпальницы и зиарат-хана). В этот период разрабатываются некоторые конструктивные идеи, особенно переход к купольному перекрытию мавзолеев, применяются системы двойных и даже тройных куполов.

Архитектурная декорация этого времени богата, разнообразна и свидетельствует о дальнейшем развитии прикладных ремесел. Широко применялась резная терракота с использованием глазури. Резной рельефный узор обожженной плитки иногда сплошь покрывался голубой или синей глазурью, в других случаях глазурировался лишь основной крупный рисунок или надпись, внутреннее же орнаментальное заполнение сохраняло фактуру терракотовой плитки.

Большое распространение получила и майолика, двуцветная и многоцветная, иногда с подглазурным или надглазурным рисунком, выполненным золотом или красками. Применялось скромное, но изящное украшение стен вставками на равных расстояниях вертикальных глазурированных кирпичей. Внутри отштукатуренные плоскости стен иногда покрывались великолепной росписью. Старые приемы орнаментации тоже не были оставлены совсем. Так, например, типичную для XI—XII вв. резную терракоту (без глазури) мы встречаем и в XIV в. Обращает внимание разнообразие и богатство сложнейших растительных и геометрических рисунков, использованных в резной терракоте, майолике, стеновых росписях и т. д. Изобретательность художников, составлявших эти образцы для мастеров-керамистов или расписывавших стены, просто поразительна.

Особо должны быть упомянуты надписи на монументальных памятниках архитектуры, выполненные разными почерками и свидетельствующие о том, что искусство каллиграфии сохранилось на прежней высоте. Важно отметить, что каллиграфия и искусство орнаментации оставили прекрасные образцы не только в архитектуре. В этом плане очень интересны два сероглиняных узкогорлых кувшина, грушевидное тулово которых украшено

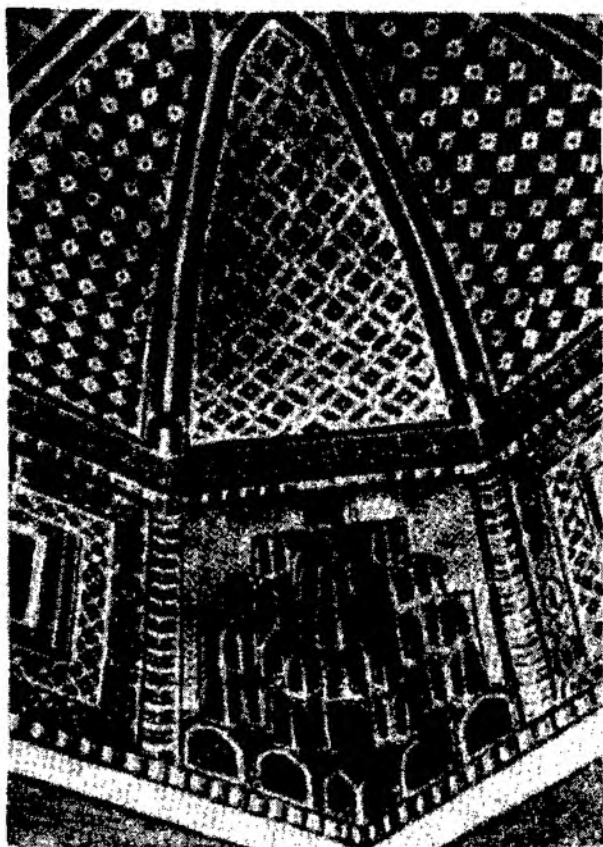
Мавзолей Сейф ад-Дина Бахарзи XIV в. Бухара

поясами великолепного штампованного орнамента, в том числе поясом надписи, содержащей имя и дату: «Работа мастера Абд ар-Рахмана; семьсот двадцать первый год» (т. е. 1321 г. н. э.). Пояс надписи, выполненный очень изящным почерком, один и тот же у обоих кувшинов, остальные же орнаментальные пояса — разные.

Большую художественную ценность представляют и некоторые образцы глазурованной керамики, найденной в Хорезме и в Южной Туркмении³³. Буддийская кумирня в Мерве в свое время была расписана, сохранились богатые фрагменты этой росписи с изображением зайца, дракона и т. д.³⁴

³³ Вактурская Н. Н., 1959; Массон М. Е., 1949; Литвинский Б. А. 1953 в; Атагарриев Е. А., 1967.

³⁴ Пугаченкова Г. А., 1954.

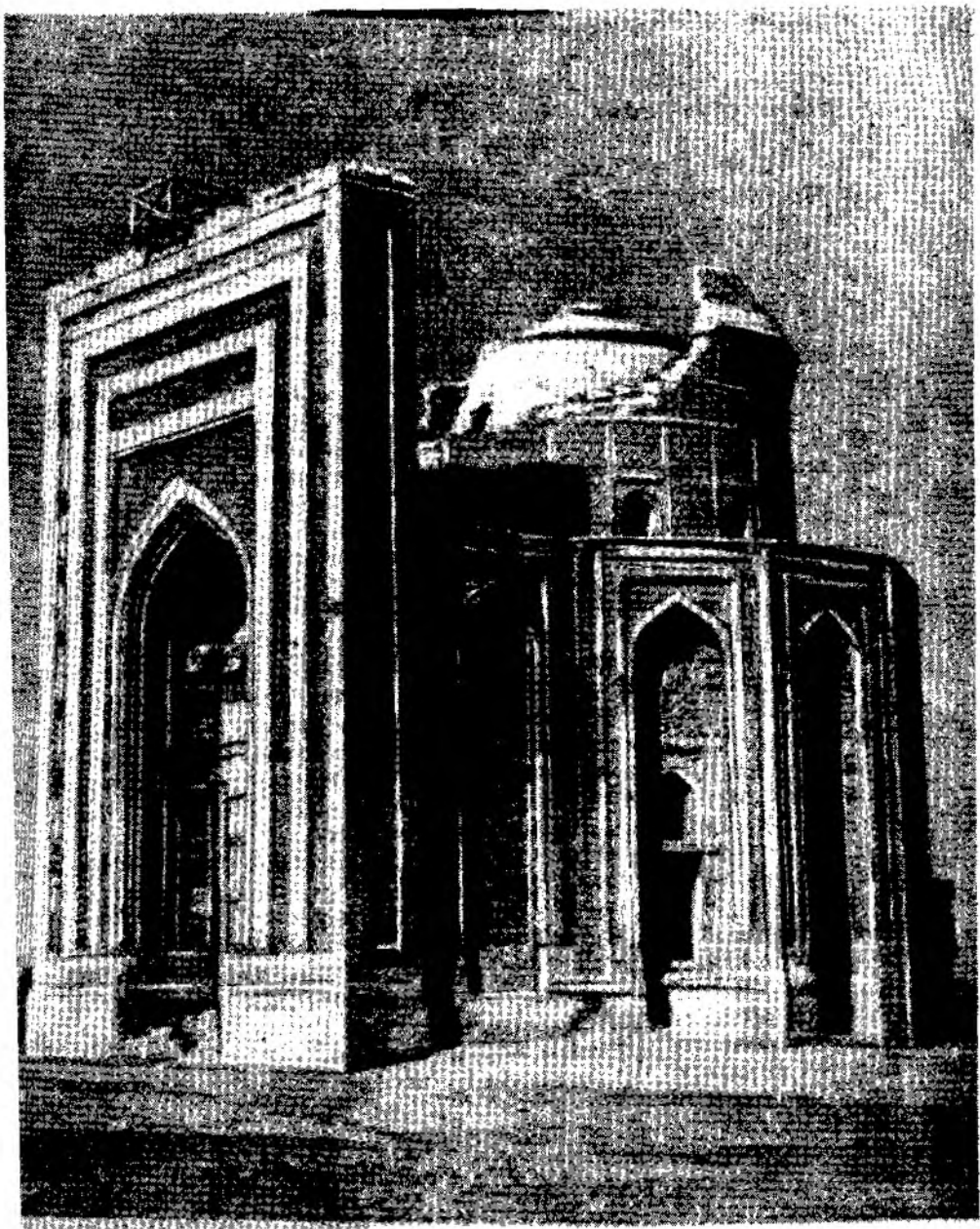

Внутренний вид зиарат-хана. 1334 г. Ансамбль Шах-и зинда. Самарканд

Литература и наука в XIII— середине XIV в.

Завоевание Средней Азии ордами Чингиз-хана нанесло развитию науки и литературы тяжелый удар. В XIII и начале XIV в. литература развивается главным образом в тех местах, которые не были подвластны монгольским захватчикам,— в Малой Азии, на юге Ирана и в Индии. Лишь к концу XIV — началу XV в. литературные центры вновь сосредоточиваются в Мавераннахре и Хорасане.

Наиболее крупными представителями таджикско-персидской поэзии XIII в. являются Джалал ад-Дин Руми, Саади, Амир Хусрау Дехлеви.

Мавзолей Тюрабек-ханым. 60--70-е годы XIV в.

Джалал ад-Дин Руми (1207—1272 гг.) происходил из древнейшего центра культуры таджикского народа — города Балха. Перед монгольским нашествием он в возрасте 14 лет вместе со своим отцом покинул родину и, побывав в Нишапуре, Хиджазе, Сирии и Малой Азии, остановился в Конии (Малая Азия). Получив высокое по тому времени образование сначала под руководством своего отца в самой Конии, а затем в Алеппо и Дамаске, он стал заниматься преподаванием. В 1244 г. под влиянием встречи с одним из дервишей он передал своим ученикам преподавание и руководство созданным им суфийским братством, а сам избрал отшельнический образ жизни.

Джалал ад-Дин Руми — один из крупнейших поэтов суфизма. Наиболее известными его произведениями являются диван, сборник стихотворений и поэма «Маснави маънави» («Назидательные двустушья»), состоящая из 36 тыс. двустуший, в которых изложены основы суфийской философии. В этой поэме Руми развивает жанр суфийско-философского маснави (поэмы с парными рифмами).

Стиль произведений Руми очень простой, с использованием форм таджикской народной поэзии: лирической песни в газелях и притч в маснави³⁵

Муслих ад-Дин Саади Ширази (род. ок. 1219 г. — ум. в 1292 г.) начал свое образование в Ширазе, затем переехал в Багдад и там закончил курс обучения.

С одной стороны, его страсть к путешествиям, а с другой стороны — полная тревог обстановка, создавшаяся на родине Саади во время монгольского нашествия, заставили поэта долго скитаться по разным странам Востока. Во время своих многочисленных путешествий, продолжавшихся 30 — 40 лет, Саади посетил Хиджаз, Багдад и Северную Африку.

В 1256 г. он вернулся в Шираз и занялся обработкой своих произведений.

Ширазский поэт, творивший вне территории Средней Азии, Саади органически вошел в историю не только персидской, но и таджикской поэзии. Творчество его сформировалось под воздействием раннесредневековой таджикской поэзии и неразрывно с ней связано.

Кроме широко известных произведений «Гулистан»³⁶ и «Бустан»³⁷ Саади написал множество стихов, в частности несколько циклов газелей.

Саади был также большим мастером в области прозы. Он совершенствовал и дидактический жанр. В дидактических произведениях поэт красноречиво выразил свои гуманистические взгляды, проповедовал любовь к родной земле.

³⁵ *Одилов Н.*, 1964.

³⁶ *Саади*, 1959.

³⁷ *Саади*, 1969.

Саади осуждал тиранию, произвол сильных мира сего, призывал правителей уважать и ценить простых людей. Он призывал довольствоваться малым и порицал стяжательство и стремление к роскоши. В то же время творчество Саади несет печать исторической и классовой ограниченности. Так, он пишет о необходимости покоряться сильному, проповедуя свой вариант непротивления злу.

Вот некоторые образцы афоризмов «Гулистана»:

«Когда враг исчерпает все хитрости, он начинает потрясать цепью дружбы. Следовательно, он старается стать другом, когда не может стать врагом».

«Для невежды нет ничего лучше молчания; но если бы он знал, что для него лучше всего — не был бы невеждой».

«Мускус — то, что обладает ароматом, а не то, о чем маскательщик утверждает, что это мускус. Мудрец подобен лотку москательщика: молчаливо показывает он свои совершенства; а глупец как походный барабан — обладает громким голосом, внутри пуст и ничтожен».

«Хотя одежды султана почетны, но свое поношенное платье почетнее; хотя стол богачей и сладок, еда из собственной сумы слаще».

«Как известно, кротость верблюда столь велика, что ребенок может взять его за повод и повести за сто фарсангов, и он не будет стараться высвободить свою шею. Но если верблюд придет к опасному месту, которое могло стать причиной гибели его, а ребенок по незнанию захочет пойти туда, — вырвет верблюд у него из рук повод и в другой раз уже не будет слушаться; там, где нужна суровость, — мягкость неуместна».

«Говорят, что мягкостью не сделаешь врага другом, а только увеличишь его притязания».

«Высшее из творений, очевидно, человек, низшее — собака. Но мудрецы единодушно утверждают, что благодарная собака лучше неблагоприятного человека».

Амир Хусрау Дехлеви (1253—1325 гг.). Отец поэта был родом из Кеша, но во время монгольского нашествия бежал из Мавераннахра в Индию. Поэт родился в одном из городов Северной Индии. Окончив учение, Амир Хусрау избрал местом своего жительства город Дели, где и продолжал свою творческую деятельность при дворе султана.

Богра-ханом), «Мифтах ал-футух» («Ключ побед») и «Нух сипихр» («Девять небесных сфер») написаны на местные темы. Эти произведения, помимо большой литературной ценности, имеют также огромное историческое значение. Интересна сказочно-романтическая поэма Амира Хусрау об индийском принце и его возлюбленной — «Хизр-хан ва Дувалранн».

Амир Хусрау занимался также разными науками, поэтикой и музыкой.

В 1221 — 1222 гг. была составлена первая дошедшая до нас антология таджикской поэзии «Лубаб ал-албаб» («Сердцевина сердцевин», т. е. «лучшая из лучших»). Ее автор, *Мухаммад Ауфи*, родом из Мерва, воспитывался и учился в Бухаре. Спасаясь от монгольского нашествия, бежал в Индию. Здесь, кроме антологии, он составил также сборник прозаических произведений «Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат» («Собрания рассказов и лучи повествований»), состоящий из новелл, легенд и т. д.

Другой автор, *Мухаммад ибн Кейс Рази*, служивший при дворе хорезмшаха Мухаммада, спасался от монгольских захватчиков в южных районах нынешнего Ирана и здесь в 1223 г. составил руководство по поэтике («Оценщик проб стихов Аджам», т. е. стихов на фарси), содержащее образцы творчества таджикских поэтов, начиная с ранних и кончая современниками автора.

Большое развитие в XIII в. получила историческая литература. Из произведений этого рода литературы необходимо назвать «Табакати Насири», написанное в 1260 г. выходцем из Гура *Абу Омаром Минхадж ад-Дином Джузджани*. Кроме истории царей Индии, в «Табакати Насири» дается подробное описание некоторых событий газневидского периода, монгольского владычества и особенно перипетий борьбы с исмаилизмом. Это сочинение является также лучшим источником по истории средневекового Гура.

Из исторических трудов, особенно ценных для изучения монгольского периода, должны быть упомянуты составленные в Иране сочинения *Ала ад-Дина Ата Малика Джувейни* (ум. в 1283 г.) «Тарихи Джахан-гушай» («История завоевателя мира») и произведение *Фазлаллаха Рашид ад-Дина* (убит в 1318 г.) «Джами ат-таварих» («Собрание историй»). Произведение последнего В. В. Бартольд расценивает как первую серьезную попытку составления средневековой «Всемирной истории».

группой людей с обнаженными мечами, и заявил: «Бесчисленные полчища неверных (моголов. — Б. Г.), вторгшиеся в страну с целью грабежа, приближаются к городу. Правитель, который взимал с каждого жителя большие суммы в виде налогов и податей и тратил их по своему усмотрению, при появлении врага бросил нас, мусульман, убежал от неверных. Теперь, какой бы выкуп ни давали за свою жизнь жители Самарканда, они не спасутся от врага. В день Страшного суда призовут к ответственности вас, вельможи. Кто же теперь возьмет на себя ответственность защищать население города и быть ответственным за это перед знатными и простыми? Мы склоним перед таким человеком головы и примем за исполнение своих обязанностей»⁴.

На призыв Маулана-заде знать Самарканда отвечала гробовым молчанием.

Тогда с согласия всех присутствующих Маулана-заде принял на себя обязанности руководителя обороны. Тут же ему принесли присягу 10 тыс. хорошо вооруженных юношей. Вместе с Маулана-заде обороной руководили также Маулана Хурдак Бухаран и трепальщик хлопка Абу-Бакр Келеви (или Кулай — «старшина»).

Трое суток вождь восставших Маулана-заде не сомкнул глаз: нужно было организовать оборону, а для этого распределить силы и укрепить город. Все это надо было делать спешно, ибо враг приближался к городу.

Защита города была организована очень умело. Восставшие действовали быстро и в высшей степени дисциплинированно. Горожанам был дан приказ не ложиться спать и оставаться на отведенных им участках.

Могольский хан, зная о бегстве эмира Хусейна и Тимура, решил, что город остался беззащитным. Поэтому его передовые отряды вступили на главную улицу Самарканда без всяких предосторожностей. Когда они достигли того места, где скрывался в засаде Маулана-заде со своими лучниками, раздался сигнал ко всеобщему нападению. Могольские войска были атакованы с трех сторон. Защитники города, стоя за заграждениями, осыпали их камнями и стрелами. Моголы были вынуждены повернуть назад, понеся большие потери.

На следующий день могольские войска возобновили атаку на Самарканд. Но какие бы тактические военные приемы кочевников они ни применяли (притворное бегство и неожиданный переход в наступление), не могли добиться успеха. Тогда моголы решили расположиться вокруг города для длительной осады. Но и это не дало никаких результатов. К тому же через некоторое время в войсках кочевников вспыхнула эпидемия конской чумы, и

⁴ Абд-ар-Раззак, л. 76 ; Баргольд В. В., 1964д, стр. 371.

моголы вынуждены были снять осаду и уйти, ограничившись ограблением города.

В Самарканде же развернулась борьба бедных против богатых. Трудящиеся массы расправлялись с ненавистными ростовщиками и другими угнетателями. Это движение жителей Самарканды известно в исторической литературе под названием «движения сарбедаров». Выражение «сарбедар» появилось в 1336—1337 гг. в связи с восстанием в местности Себзевар в Хорасане, вспыхнувшим против могольских ханов и местных крупных землевладельцев. Повстанцы выдвинули лозунг: «Лучше видеть нам свои головы на виселице, чем умереть от страха». «Сарбедар» — сложное слово, образованное из двух слов: «сар» («голова») и «дар» («виселица») с прибавлением предлога «бе» («на»).

Феодалыне историки эпохи Тимура, истолковывая термин «сарбедар» как «дарбов» («проходящий для виселицы»), называли так руководителей самаркандского движения 1365 г., считая их мятежниками — противниками «законных» властей. Так, Мирхонд, автор «Раузат ассафа», говорит: «Одна группа из них (жителей Самарканды. — Б. Г.), выдающаяся по силе и мощи и одаренная в смутьянстве и злодействе осмелилась выйти за предел дозволенного, захватила власть и приступила к насилию». Несклько ниже он добавляет: «Сарбедары стали совершать разного рода гнусные поступки».

Мирхонд ничего не говорит о том, в чем заключались эти «гнусные поступки», и лишь сочувственно отмечает, что Хусейн и Тимур «укрошение и покорение их (сарбедаров — Б. Г.) сочли богоугодным делом».

Историк Хондемир (племянник Мирхонды и продолжатель его труда) также дает сарбедарам негативную оценку, хотя и вынужден признать их заслуги в отражении нападения моголов: «Когда самаркандские сарбедары успешно справились с этим огромной важности делом (с отражением моголов. — Б. Г.), они вступили на путь злодейства и смутьянства и протянули руку захвата к имуществу подданных»⁵.

Другой историк, Шараф ад-Дин Йезди, пишет о сарбедарах Самарканды следующее: «В мысли той группы, которая имела большую силу и власть, проник ветер тщеславия, они осмелились подняться выше положенного им и протянули к кровопролитию и возбуждению бунта руку захвата власти и насилия». Эту оценку он подкрепляет стихом: «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком!»⁶.

⁵ Мирхонд, т. VI, стр. 12—13; Хондемир, т. III, ч. 3, стр. 9.

⁶ Шараф ад-Дин Йезди, 1887, р. 110.

Сарбедары защищали интересы ремесленников и низших слоев городского населения, поэтому то проводившиеся ими мероприятия шли вразрез с интересами знати Самарканда.

Когда весть об отступлении могольского отряда от Самарканда дошла до Тимура, он тут же послал к эмиру Хусейну своего гонца, а спустя некоторое время и сам встретился с ним. Обсудив создавшееся положение, они решили не спешить с занятием Самарканда, так как боялись, по-видимому, натолкнуться на ожесточенное сопротивление его защитников. Не осмеливаясь на открытую борьбу с самаркандцами, они решили взять их хитростью.

Чтобы ввести защитников Самарканда в заблуждение, они написали руководителю обороны города письмо, в котором сообщали, что поручают ему управление городом и что никто из жителей города не будет наказан. Они клятвенно подтвердили это обещание, присовокупив к письму почетные одежды и другие подарки. Вместе с красноречивыми посланцами они направили в Самарканд также специальных эмиссаров, которые должны были проникнуть в город и, пользуясь неоднородностью состава сарбедаров, подготовить почву для захвата Самарканда.

Деятельность эмиссаров эмира Хусейна и Тимура, старавшихся привлечь колеблющиеся слои городского населения, нерешительная линия зажиточной части сарбедаров, а также готовность некоторых влиятельных лиц в их среде заключить с эмиром Хусейном и Тимуром соглашение вносили разнь в среду сарбедаров.

В начале весны 1366 г. эмир Хусейн и Тимур подошли с войском к Самарканду и, остановившись здесь лагерем, написали сарбедарам письмо, в котором, между прочим, сообщали: «Мы вам полностью доверяем и мы считаем вас лучшими, чем другие правители». Поверив обещаниям, руководители сарбедаров отправились в лагерь эмира Хусейна, но когда они прибыли туда, то были схвачены и казнены. По желанию Тимура получил пощаду только один Маулана-заде. Таким образом, движение самаркандских сарбедаров было обезглавлено и жестоко подавлено, а эмир Хусейн и Тимур вновь стали властителями Самарканда.

Движение 1365—1366 гг. охватывало, по-видимому, не только Самарканд, но и окружающие его селения, однако в исторических источниках об этом говорится очень мало. Впрочем, Хондемир сообщает: «После того, как эмир Хусейн занял Самарканд, и другие области тоже прекратили самовольство и неповиновение».

Сведения письменных источников об этом движении, сохранившиеся в трудах представителей феодальной историографии, и предельно отрывочны, и крайне тенденциозны. Очень мало известно о социальной программе и политике руководителей восстания — всего лишь несколько упоминаний. Нам остается неизвестным

большинство из тех мероприятий, которые они осуществили за время восстания.

Обычно в исторических работах общего плана, да и в специальных исследованиях самаркандское движение сарбедаров трактуется лишь как реакция городского населения на опасность захвата города моголами. Представляется, однако, что в таком случае горожане едва ли смогли бы организовать — всего за несколько дней! — превосходную оборону против многочисленного и искусного в военном деле врага. Скорее всего, в городе накануне, а может быть, задолго до этих событий существовала сильная сарбедарская организация, имелись силы, готовые выступить с сарбедарскими целями и лозунгами.

Как известно, в Западном Хорасане в 1337—1381 гг., т. е. на протяжении почти полувека, существовало государство сарбедаров, а в Мазандеране в 1350—1392 гг. и в Гиляне с 1370 г. возникли так называемые сейидские государства. Сарбедарское движение в Самарканде (1365—1366 гг.) и в Кермине (1373 г.), конечно же следует рассматривать не изолированно, а в контексте всех этих движений, идеи которых и, вероятно, какие-то определенные, но подпольные формы организации в середине и в третьей четверти XIV в. проникли и в Среднюю Азию.

Государства сарбедарского типа, так же как и другие соседние государства, строились по монархическому принципу. Однако имелось принципиальное отличие в социальной базе. В сарбедарских государствах власть была в руках мелких феодалов, причем существовать эти государства могли лишь при поддержке крестьянства и ремесленников. Военные силы состояли из ополчения, рекрутировавшегося из мелких землевладельцев и из свободных крестьян, а не из феодалов с их военными дружинами. Было демократизировано не только войско, но и управление; хотя во главе государства стояла сарбедарская знать, его внешние формы были совсем иными. Даже правители носили простые одежды, было установлено равенство при делении военной добычи, правители устраивали общие трапезы для всех проходящих. Раз в год дом правителя отдавался «на разграбление» толпе. Все это явилось результатом приспособления знати к уравнительным тенденциям радикального крыла сарбедарства и осуществлялось под нажимом народных масс.

Как правильно отмечает И. П. Петрушевский, «сарбедарское государство не было крестьянской демократией, это было государство мелких землевладельцев, которое, однако, могло существовать лишь благодаря значительным уступкам, сделанным крестьянству». И эти уступки касались не только внешних форм. Достаточно сказать, что все налоги и повинности, не основанные на шариае, были вообще отменены. У крупных феодалов земли были конфискованы — они-то в значительной мере и попали в руки той прослойки, которая образовала сарбедарскую знать.

канда в крупнейший торговый центр. Гонзалес де Клавихо пишет об этом так: «Так как в нем (в Самарканде. — Б. Г.) не было большого места, где бы можно было продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров»¹⁶.

Эта работа была выполнена характерным для Тимура методом. По приказу его чиновников дома и другие строения, которые были расположены на месте намечаемой к постройке улицы, были снесены, а их владельцы во избежание неприятностей разбежались кто куда. «Улицу провели очень широкую, и по обеим сторонам поставили палатки... сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же в них помещали торговцев, которые продавали в них разные вещи»¹⁷.

Тимур стремился направить торговые пути вновь через Мавераннахр и разрушить торговлю, шедшую между Европой и Востоком через Золотую Орду. Он разгромил и разрушил Сарай и Ургенч, чтобы эти города потеряли торговое значение.

После завоевания Ирана Тимур частично восстановил проходивший через Мавераннахр мировой торговый путь¹⁸. Купцы ехали теперь из Ирана в Султанью, а оттуда, через Герат и Балх, в Самарканд, после чего через Тараз следовали в Монголию.

Династическая борьба среди Тимуридов

Вскоре после смерти Тимура созданная им империя распалась, а Мавераннахр превратился в арену кровавой династической борьбы. Еще при жизни Тимур назначил управлять частями государства своих сыновей Джехангира, Омар-шейха, Миран-шаха, Шахруха и внуков Мухаммад Султана, Пир Мухаммада, Ибрахима, Улугбека.

Не прошло и несколько дней после смерти Тимура, как каждый из Тимуридов объявлял себя независимым. Внук Тимура, правитель Ташкента Халил-султан (сын Миран-шаха), собрал войско и, опередив другого внука Тимура, сына Джехангира Пир Мухаммада, которого Тимур назначил своим преемником, овладел столицей государства Самаркандом. Неоднократные попытки Пир Мухаммада восстановить свои права не увенчались успехом. В 1406 г. он был убит.

¹⁶ Клавихо, 1881, стр. 316.

¹⁷ Там же, стр. 317—318.

¹⁸ В переписке Тимура с правителем государств Западной Европы — французским королем Карлом VI и английским королем Генрихом IV вопросы развития торговли занимают значительное место. См.: Умяков И. И., 1956; «История Самарканда», т. I, 1969, стр. 173—189.

Тимуридам пришлось вступить в борьбу и с представителями прежних династий, которых Тимур лишил власти. На западе и на северо-западе Ирана восстали представители одной из туркменских династий — Кара-Куюнлу, в Туркестане подняли мятеж эмир Худайдад и шейх Нур ад-Дин.

В то время как Халил-султан сражался на берегу Амударьи с войсками Пир Мухаммада, Худайдад объединил войска моголов и калмыков и вторгся в Мавераннахр. Он захватил Самарканд и во время боя взял Халил-султана в плен.

Для Тимуридов создалось чрезвычайно опасное положение: сын Тимура Шахрух, правивший в Герате и считавшийся номинальным наследником Тимура, поспешно собрал войско и двинулся в Мавераннахр.

Разбив войска Худайдада, Шахрух через подосланных лиц убил его и освободил Халила. Однако он не восстановил Халила в правах наследника трона, а назначил его правителем Рей. Управление Самаркандом и вообще Мавераннахром Шахрух в 1409 г. поручил своему пятнадцатилетнему сыну Улугбеку. После этого он двинул свои войска в Иран.

Постепенно отстранив от власти потомков трех старших сыновей Тимура (детей Джехангира, Омар-шейха и Миран-шаха), предприимчивый Шахрух сделал своего сына Ибрагим-султана правителем Шираза, а другому сыну, Суюргатмышу, поручил управление Кабулом, Газной и Капдагаром.

За это время представители туркменской династии Кара-Куюнлу успели вернуть себе территорию, которой они владели до завоеваний Тимура, и значительно расширить ее. Шахрух совершил против Кара-Куюнлу три похода, но, не добившись решительной победы, согласился на заключение мира и предоставил управление Азербайджаном одному из представителей этой династии — Джехан-шаху.

В период правления Шахруха (1405—1447 гг.) держава Тимура хотя и потеряла часть своей территории, однако до некоторой степени сохраняла еще могущество. Фактически из владений Шахруха образовалось два государства: самого Шахруха с центром в Герате и Улугбека с центром в Самарканде¹⁹.

Правление Улугбека

Когда Шахрух назначил пятнадцатилетнего Улугбека правителем Самарканда, власть фактически находилась в руках видного военачальника, сподвижника Тимура эмира Шах-Малика. Уже 20 апреля 1410 г. Улугбеку и его опекуну пришлось бежать

¹⁹ Детальное исследование по всей истории Средней Азии в эпоху Улугбека принадлежит В. В. Бартольд (1964 г.). См. также: *Ахмедов Б. А.*, 1965.

из Самарканда под натиском войск другого тимуровского военачальника, правителя Туркестана. Для наведения порядка с большим войском явился сам Шахрух, разгромивший войска мятежного феодала; через два года он был убит.

Власть Шахруха была окончательно утверждена в Средней Азии. Улугбек тяготился зависимостью от опекуна, много раз жаловался на него отцу. Политическая целесообразность также диктовала необходимость отозвать Шах-Малика (у него было много врагов среди среднеазиатской знати), и это было осуществлено. С 1411 г. семнадцатилетний Улугбек становится уже не формальным, а фактическим правителем Мавераннахра.

При этом верховная власть оставалась в руках Шахруха. Улугбек несколько раз ездил на поклон в Герат, постоянно запрашивал мнение отца по важнейшим вопросам, отчитывался и т. д. Вместе с тем современники не считали Улугбека удельным князем или наместником. Практически почти во всех отношениях он был самостоятельным, но не доводил до открытого неповиновения отцу или до разрыва отношений с ним.

В 1414 г. Улугбек осуществил успешные военные действия против правителя Ферганы царевича Ахмада. Фергана, а затем и Кашгар были присоединены им к его владениям. Большое беспокойство причиняли Улугбеку усилившиеся узбеки и Моголистан. Вначале ему удалось добиться возведения на престол в этих кочевых государствах своих ставленников, но вскоре они перестали ему подчиняться.

В 1425 г. он разгромил моголистанских эмиров в районе оз. Иссык-куль и р. Или, захватил добычу, в том числе нефрит, пошедший на могильник Тимура ²⁰.

Памятником этих событий является также надпись в Джилянтинском ущелье (на пути между Джизаком и Самаркандом), где Улугбек сообщает, что предпринял поход и «от того народа возвратился в эти страны невредимым» ²¹.

Но уже через два года войска Улугбека потерпели жестокое поражение от кочевых узбеков, причем в значительной степени благодаря беспечности и нераспорядительности самого Улугбека и руководителей его войска. Победители опустошили страну. На помощь сыну прибыл с большим войском сам Шахрух.

Виновники военного поражения были наказаны палками, Улугбек отстранен от власти, которую отец вернул ему лишь в виде милости.

После этого Улугбек уже не рисковал возглавлять военные экспедиции, а действия тех отрядов, которые он направлял против кочевников, обычно не приносили успехов. Кочевые узбеки не только захватили значительную часть Хорезма, но и неоднократно

²⁰ Массон М. Е., 1948.

²¹ Лерх П. И. 1870, стр. 26.

вторгались в Мавераннахр и северные провинции Ирана. Таким образом, Улугбек не стяжал военных лавров.

Из внутригосударственных мероприятий Улугбека следует отметить денежную реформу 1428 г., сыгравшую положительную роль в упорядочении денежного обращения и торговли и соответствовавшую интересам трудового населения (подробнее о ней см. ниже). По-видимому, при Улугбеке поземельный налог взимался в меньшем размере, чем во второй половине XV в., уже после смерти этого государя. Отсюда слова Даулат-шаха: «Во время царствования своего отца Шахруха Улугбек сорок лет самостоятельно правил Самаркандом и Маверанахром. Он придерживался похвальных правил в деле управления и правосудия».

Улугбек во многом отличался от Шахруха, который был ортодоксальным мусульманином и главную свою задачу видел в том, чтобы не только самому точнейшим образом соблюдать все предписания шариата, но и принуждать к этому всех своих подданных. В столице государства, в Герате, при Шахрухе господствовал ригоризм и показное благочестие.

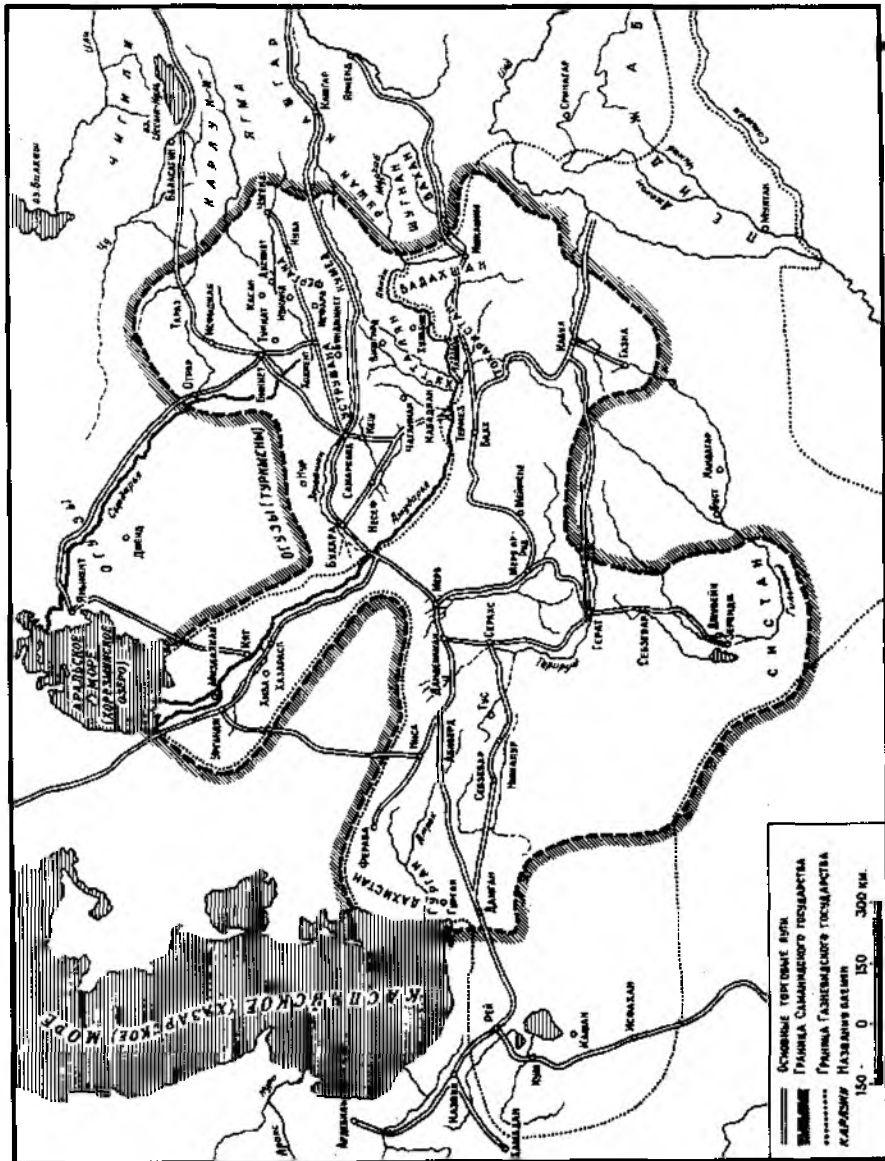
Вместе с тем в этот период в Герате развиваются литература и изобразительные искусства. Сын Шахруха принц Байсункар устроил здесь большую kitab-хана — книгохранилище. При ней имелось большое число переписчиков, переплетчиков и даже специалистов по литературе. Была организована не просто переписка старинных и редких текстов, но проводилась и текстологическая работа. Только так можно расценивать подготовку свободного текста «Шах-наме» Фирдоуси, проведенную в этой kitab-хана по приказу Байсункара. Кроме того, тексту было предпослано обширное предисловие. Этот экземпляр «Шах-наме» сохранился до наших дней (находится в Тегеране)²².

Совсем иная атмосфера царил в Самарканде. Даже официальный глава духовенства — шейх ал-ислам — устраивал пиры, на которых бывали женщины-певицы. Приверженец строгого соблюдения шариатских норм задал ему вопрос: «Шейх ал-ислам без ислама, какой религиозный толк дозволяет мужчинам и женщинам сидеть вместе и пить?»

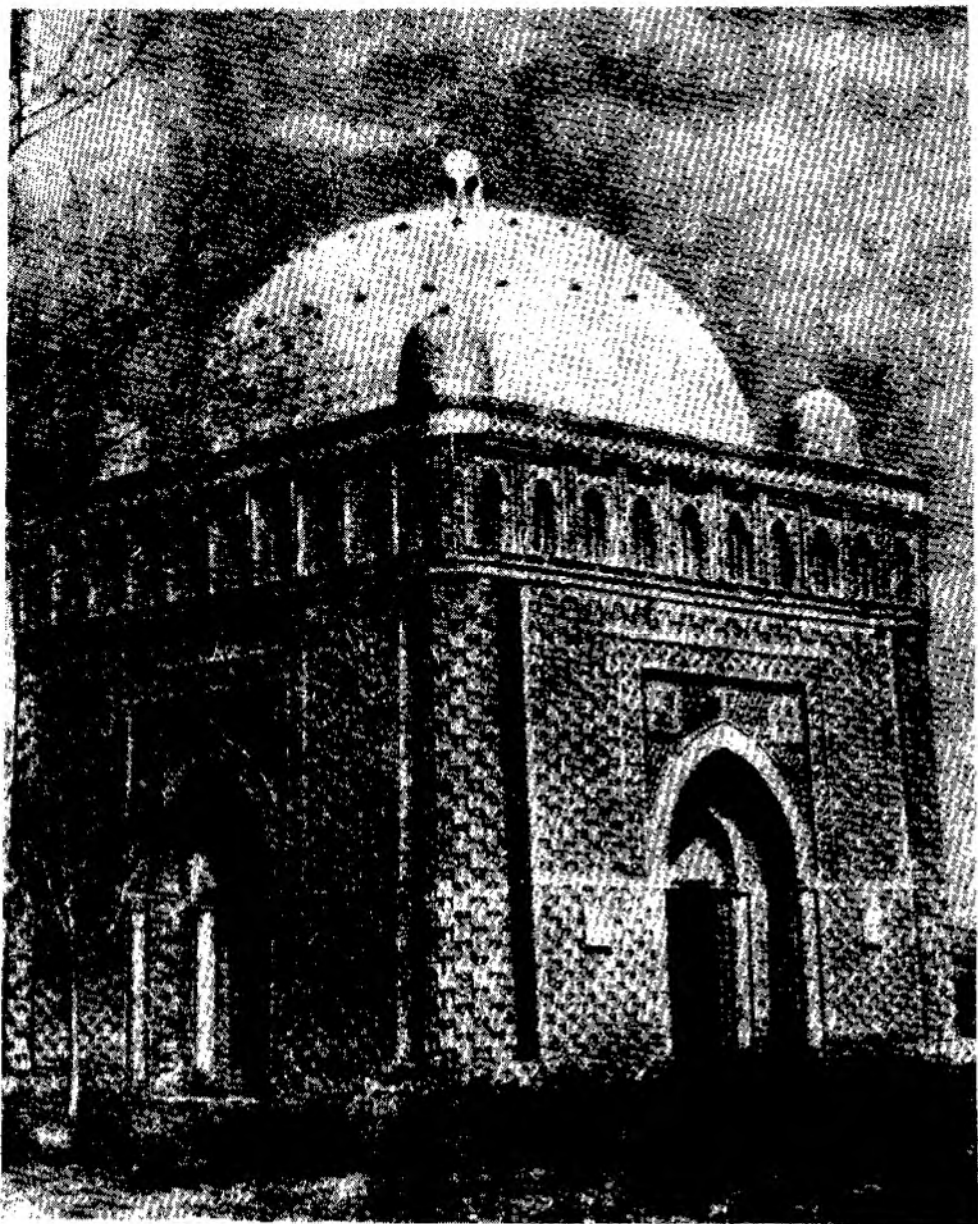
Конфликт между представителями мусульманского благочестия и Улугбеком углублялся из-за увлеченности Улугбека светскими науками.

Первым воспитателем Улугбека в детские годы был шейх Ариф Азари — сказитель, поэт и известный ученый. Позже были и другие учителя. Среди них следует особо отметить Кази-заде Руми, которого называли «Платоном своей эпохи», Гияс ад-Дина и др. Улугбек прекрасно разбирался в литературе, в совершенстве

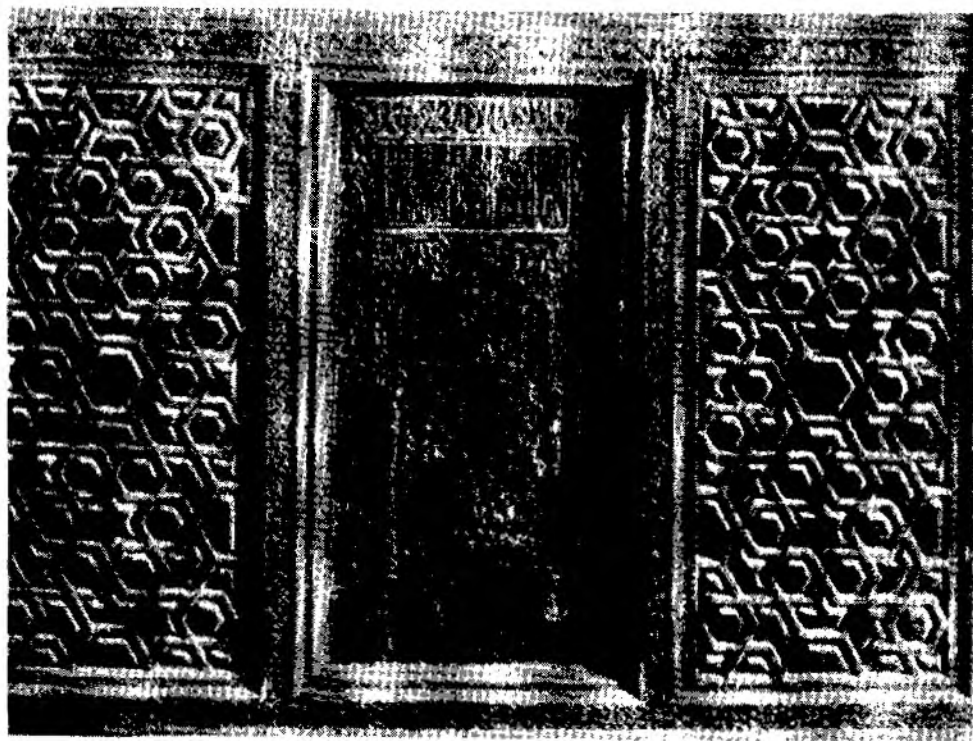
²² Бартольд В. В., 1964 г., стр. 120—121; Ромаскевич А. А., 1934, стр. 14; Якубовский А. Ю., 1946, стр. 20—21; Бартольд Е. Э., 1960, стр. 169—170.

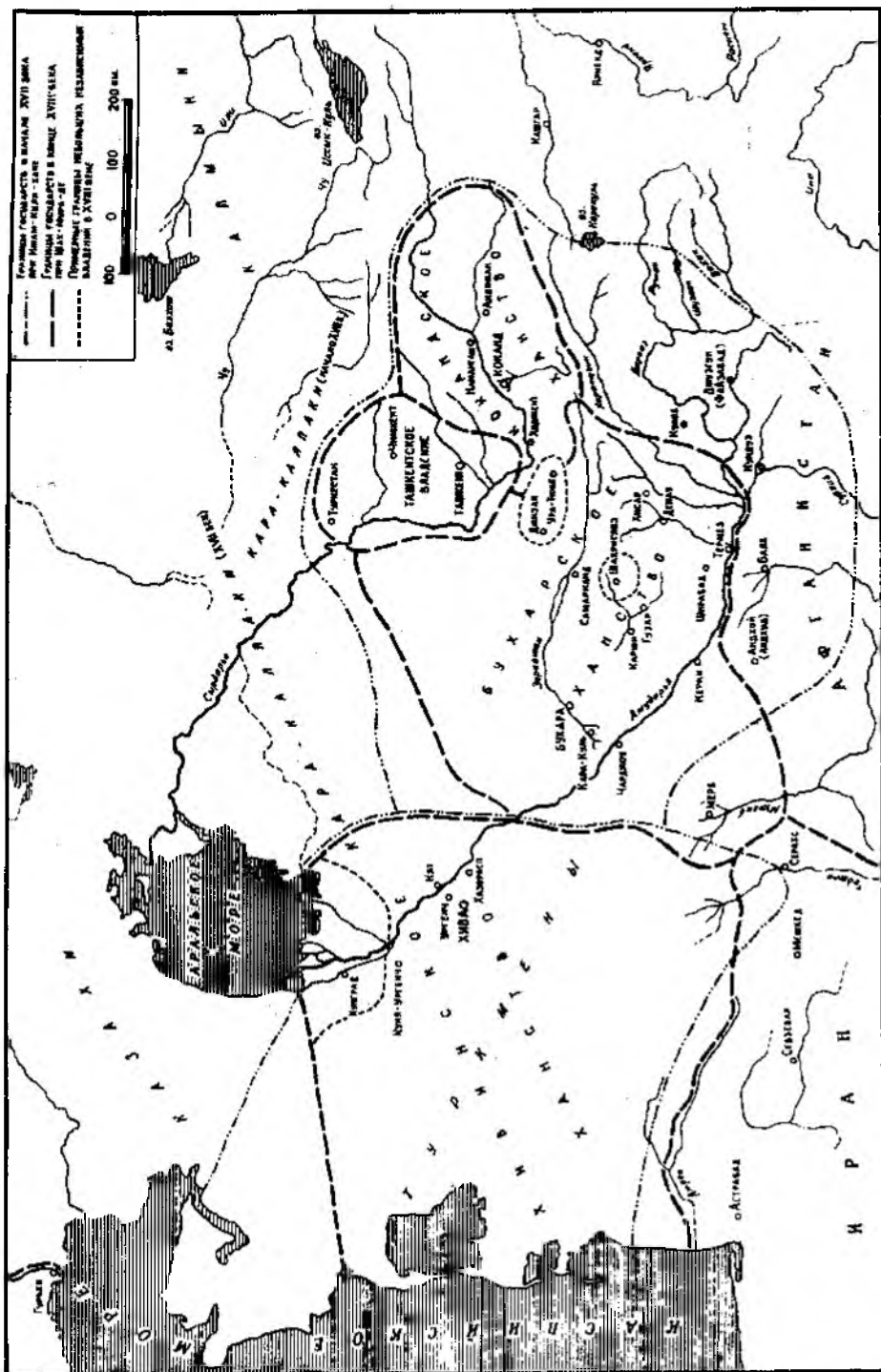
Саманидское и Газневидское государства.

Мавзолей Саманидов IX—X вв. Бухара.

Резное панно кенотафа. Мавзолей Сейф ад-Дина Бахарзи XIV в.
Бухара.

Средняя Азия в XVII—XVIII вв.

Воины эпохи Тимуридов, XV в. (по миниатюрам Бех-юда)

знал тюркский, таджикский, арабский языки, сам писал стихи на тюркском и на таджикском языках, был знатоком музыки и автором пяти музыкальных произведений, увлекался медициной. Он участвовал в ученых диспутах, поражая не только своей феноменальной памятью, но и глубиной познаний. При всей энциклопедичности знаний Улугбека его излюбленными науками были математика и особенно астрономия. Он сумел собрать в Самарканде цвет астрономической и математической мысли того времени, была сооружена астрономическая обсерватория с усовершенствованными инструментами. Плодом работ обсерватории, в которых Улугбек принимал непосредственное участие, явились новые астрономические таблицы с обширным теоретическим введением²³.

В Самарканде, Бухаре, Кеше, Гиждуване по приказу Улугбека было возведено много монументальных сооружений, в том числе знаменитое медресе на самаркандском регистане²⁴.

Убийство Улугбека. Феодалные распри

После смерти Шахруха (1447 г.) Улугбек на некоторое время занял столичный Герат. Но в это время кочевые узбеки вторглись в область Самарканда и осадили город. Улугбеку пришлось вернуться в Мавераннахр, по дороге он понес большие потери в войске. Это подорвало его авторитет, население было недовольно тем, что центральная власть не может пресечь грабительские нападения и грабежи. Воспользовавшись этим недовольством, усердно подогреваемым духовенством, против Улугбека поднял восстание его собственный сын Абд ал-Латиф. В происшедшем сражении Улугбек потерпел полное поражение и был низложен. С ведома (и, несомненно, по приказу Абд ал-Латифа) в конце октября 1449 г. Улугбек был убит.

Абд ал-Латиф давно уже стремился занять тимуридский трон. Его поддерживали представители мусульманского духовенства и руководители дервишских братств, которые ненавидели Улугбека.

Убив своего отца, Абд ал-Латиф умертвил также и брата, чтобы устранить возможного претендента на престол. Но спустя шесть месяцев он сам был убит военными заговорщиками. После этого династическая борьба между Тимуридами разгорелась с новой силой. Междоусобицами воспользовались кочевые племена, которые стали играть все большую роль в политической жизни страны. При непосредственной помощи узбекских кочевых племен, объединенных под руководством Абу-л-Хайр-хана, тимуриду Абу Саиду удалось восстановить в Мавераннахре власть потомков Миран-шаха.

²³ Массон М. Е., 1941; Кары-Ниязов Т. Н., 1950; Шишкин В. А., 1953; Воронковский Д. Г., 1965; Кары-Ниязов Т. Н., 1965; Сираджинов С. Х., Матвеевская Г. П., 1965; Шишкин В. А., 1965.

²⁴ Пугаченкова Г. А., 1965.

В период правления султана Абу Саида (1451—1469 гг.) развитие наук и литературы сменилось усилением религиозного фанатизма и влияния реакционного духовенства и дервишизма. Не только Самарканд и Бухара, но весь Мавераннахр стал терять значение передовой страны на Востоке.

Роль реакционного дервишизма возросла до такой степени, что Тимуридское государство почти всецело подчинилось руководителю дервишских братств, крупнейшему феодалу Ходже Ахрару. Можно сказать, что сорокалетнее господство Улугбека сменилось почти сорокалетним же господством Ходжи Ахрара, одной из наиболее мрачных фигур в истории народов Средней Азии.

В середине XV в. в Хорасане шла ожесточенная борьба за овладение верховной властью. Абу Саиду удалось захватить гератский престол и объединить под своей властью территорию от Тянь-Шаня до Багдада и от степей Киргизии до реки Инда. Однако объединение было, по существу, номинальным, так как невозможно было бороться с сепаратизмом крупных феодалов, которые были фактически полными хозяевами целых районов и областей²⁵.

О том, насколько силен был в тот период феодальный сепаратизм, особенно в Хорасане, очень ярко рассказывает современник, историк Абд ар-Раззак Самарканди: «Самое удивительное то, что каждая из крепостей, которая находилась в той стране, была во владении какого-нибудь главара».

Мавераннахр с 1469 г. перешел к детям Абу Саида, а Хорасан — к потомкам Омар-шейха, наиболее крупным представителем которых был в этот период Султан-Хусейн ибн Мансур ибн Байкара, которому удалось установить прочную власть в Герате и удержать ее в течение сорока лет²⁶.

2. ХОЗЯЙСТВО. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Общее состояние хозяйства и эксплуатация крестьянства

При Тимуридах сельское хозяйство достигло значительно лучшего состояния, чем при монголах. Войны Тимура были разори-

²⁵ При Абу Саиде западные части Ирана от Азербайджана до берегов Индийского океана, считавшиеся раньше частью территории государства Тимура, перешли в руки западно-огузской династии Кара-Куюнду (1410—1468 гг.). В 1458 г. Джехан-шах сделал даже попытку завоевать Хорасан, даже захватил Герат, но в целом не смог добиться успеха и вынужден был их остановить. В 1459 г. между ним и Абу Саидом было заключено соглашение, по которому западная часть Ирана оставалась во владении Джехан-шаха, а Хорасан переходил к Абу Саиду. После смерти Джехан-шаха Абу Саид пытался восстановить власть государств Тимуридов на западе Ирана, но это ему не удалось, он попал в плен и был убит (1469 г.). Таким образом, западная часть Ирана осталась вне власти позднетимуридских правителей.

²⁶ Бартольд В. В., 1964 г.; Якубовский а. Ю., 1946.

тельны, он уничтожил массу населения, особенно в городах и областях, где ему оказывали сопротивление, но в то же время он предпринимал некоторые меры для восстановления разрушенных монголами ирригационных сооружений и расширения посевных площадей в некоторых областях государства. Его налоговая политика также создавала относительно благоприятные условия для подъема и развития земледелия. Тимуриды (за исключением периодов междоусобных войн) в основном продолжали эту политику основателя государства²⁷.

Известно, что Тимур организовал большие оросительные работы в Мервском оазисе, в долине р. Мургаб. Он распорядился, чтобы военачальники и вельможи вывели из Мургаба каналы; источники называют 20 таких каналов, причем многие из них носили имена крупных военных и сановников тимуровского времени. Позже Шахрух принял меры по восстановлению здесь главной плотины, именуемой Султан-банд, а также по очистке занесенных каналов. Значительное число площадей в Мервском оазисе было орошено по инициативе Султан-Хусейна. Оросительные работы были проведены и в некоторых других областях государства (например, в районе столичного Герата и Самарканда). Поощрялась при Тимуридах и частная инициатива в этом направлении: лицам, осваивающим пустующие земли, предоставлялись льготы.

Ряд важнейших вопросов социально-экономической истории Средней Азии XV в. еще не разрешен, некоторые даже не поставлены. Однако советские историки много и плодотворно занимались и занимаются аграрными отношениями этого времени²⁸, так что основные закономерности, процессы и явления могут быть освещены полнее и конкретнее, чем это было возможно для предшествующего времени.

Харадж — основной поземельный налог-рента при Тимуре и Тимуридах — собирался двойко: из доли урожая натурой или с обмененной площади деньгами²⁹. В основном харадж собирался натурой, и размер его был фиксированным. По некоторым данным, с пахотных земель он равнялся, как правило, трети урожая.

В источниках приводятся примеры того, как чиновников на-

²⁷ Жуковский В. А. 1894, стр. 71; Бартольд В. В., 1964 г, стр. 62; 1965 а, стр. 151—152; 194—195; Махмудов Н., 1966, стр. 13.

²⁸ Азимджанова С. А., 1954 и 1957; Беленицкий А. М., 1945; Махмудов Н., 1966; Молчанов А. А., 1940; Чехович О. Д., 1965 и др.

²⁹ Однако не всегда харадж, обозначенных в источниках деньгами, механически можно считать денежной формой ренты. Например, Н. Махмудов (1966, стр. 70) считает, что денежную форму имел харадж, который должен был выплачивать Тимурю один из правителей; или харадж, который должен был быть доставлен из Хорасана в Самарканд и который был собран посланцем Тимура с налоговых чиновников Хорасана. Едва ли верно в данных случаях говорить о подлинно денежной форме ренты. Скорее, перед нами случаи, когда харадж, как обычно, собирался натурой и лишь был оценен в деньгах и деньгами был внесен в казну центральной власти.

казывали за злоупотребления и превышение нормы сборов: в отдельных случаях якобы даже заставляли возвращать крестьянам то, что было взято у них сверх нормы. По случаю каких-либо торжеств отдельные области на некоторое время освобождались от хараджа.

Но те же источники сообщают, что (особенно в пору междоусобных войн) харадж нередко собирался несколько раз в течение одного года или же сверх всех норм и помимо всех видов налогов производился совершенно произвольный сбор с населения.

Интересно в этой связи свидетельство Даулат-шаха о норме денежного сбора хараджа не из доли урожая, а с определенной площади земли. Из этого свидетельства видно, что норма эта при Улугбеке была ниже, чем в то время (1487 г.), когда писал Даулат-шах³⁰. Имело ли место аналогичное изменение доли хараджа, взимавшегося натурой из доли урожая, — пока неизвестно. Но более правдоподобно, что если уж норма изменялась, то это коснулось всех видов хараджа.

Кроме основного налога-ренты в XV в. существовало много других, дополнительных, но тоже узаконенных, которые взимались то деньгами, то натурой. Целая группа таких дополнительных налогов была предназначена на содержание чиновничьего аппарата. Был специальный налог на плодовые деревья — «сар-дарахт».

Подушная подать, введенная монголами, сохранилась и в XV в. под названием «сар-шомар». Кроме этого, периодически собирался «подымный» налог — «дуди». Очень обременительной была почтовая повинность — «улаг» (согласно которой население обязано было предоставлять лошадей всяким гонцам) и сборы «пишкаш» (для подарков и подношений), нерегламентированность которых открывала широкие возможности для злоупотреблений. Недаром Тимур, например, вообще запрещал сбор пишкаша. Во время войн с населения положено было собирать особые дополнительные налоги, однако чиновники иногда пытались собирать эти налоги и в мирное время.

Третья форма ренты — отработочная под названием «бегар» — тоже широко использовалась при Тимуридах для строительства и ремонта крепостей и городских стен, для рытья и очистки каналов и т.д. Это была очень тяжелая повинность, кроме всего прочего, она отрывала от основных работ.

Таким образом, общий уровень эксплуатации народных масс был очень высок. Однако исследователи справедливо считают положительным тот факт, что Тимур и некоторые Тимуриды в своей налоговой политике старались придерживаться установленных, фиксированных норм и даже пытались иногда пресекать злоупотребления чиновничества. Если это и не создавало достаточно благоприятных условий для развития крестьянского хозяйства, то, во всяком случае, избавляло его от полного разорения.

³⁰ Бартольд В. В., 1964 г, стр. 132; Чехович О. Д., 1965, стр. 303—304 и др.

Следует отметить, что сельское и городское население и само было достаточно активно и в разных формах оказывало властям сопротивление, особенно в случаях злоупотреблений и незаконных поборов чиновников и сверхнормированного обложения. Иногда массы крестьян переселялись в другие области, и для сохранения налогоплательщиков власти вынуждены были даже отменять сверхнормированные поборы. В источниках упоминаются и открытые выступления народных масс, доведенных до разорения во время междоусобных войн бесконечными дополнительными поборами. Например, когда Султан-Хусейн завоевал Хорасан и назначил в диван двух новых чиновников, те наложили на население дополнительную подать. В Герате народ выступил с таким активным протестом, что Султан-Хусейну пришлось и подать отменить, и чиновников отстранить от их должностей.

Известны и другие случаи отмены налогов на разные сроки. Например, неоднократно отменялись налоги на содержание войска в силу того, что население было доведено до крайней степени нищеты не только и не столько самими налогами, сколько злоупотреблениями чиновников, сверх нормы собиравших в свою пользу значительный куш. Для восстановления платежеспособности населения Тимуриды шли на временные жертвы, а также пытались бороться с самовластием чиновников. В источниках упоминаются случаи не только отстранения их от должностей, но даже и казни.

Итак, налоговый гнет был тяжел. Тяжесть его на отдельных отрезках времени усугублялась междоусобицами, которые сопровождалась то многократным сбором одних и тех же налогов и податей, то введением новых. Постоянным злом были злоупотребления чиновников, собиравших подати сверх нормы в свою пользу. Тем не менее в целом относительно благоприятным обстоятельством была нормированность основных налогов и податей, попытки Тимура и некоторых Тимуридов придерживаться этих норм и пресекать в интересах казны злоупотребления чиновников.

Можно думать, что фонд крестьянских мельковых земель к XV в. резко сократился. Именно эти неустойчивые мелкие хозяйства должны были разоряться при монголах в первую очередь. Тем не менее в XV в. эта относительно привилегированная часть крестьянства существовала. Размер основного налога-ренты, который они платили государству был меньше. Но от прочих налогов они, конечно, не были освобождены. Основную же массу крестьян, как и раньше, составляли арендаторы-издольщики и крестьяне-общинники.

Если для монгольского времени о существовании крестьянских общин или их стойких пережитков мы говорили априорно, то для XV в. имеется конкретный, правда очень скудный, материал. Е. А. Давидович по данным XVI в. установила, что одним из

косвенных признаков существования общин или их определенных пережитков является нераздельность земель деревни (карья). В этих случаях при купле-продаже или передаче в вакф отдельные участки не выделялись из общего массива (и описывались поэтому не границы участка, а общие границы всего массива), так что фактически речь шла о доле ренты-налога со всего земельного массива деревни³¹. Аналогичные примеры наличия невыделяемых участков мы можем отметить и для XV в. Например, согласно вакуфной грамоте 1470 г., в вакф было пожаловано селение (карья) Джаиз, но из пожалования исключены 3 тасу (т. е. 1/24 танаба) невыделенной земли³². Согласно вакуфной грамоте времени Тимура, в вакф была пожалована «невыделенная треть» селения Рифан и «невыделенная четверть» селения Нита Самаркандской области. Тут же в противовес этому упоминается и половина разделенного селения, и границы этой выделенной половины описываются отдельно. С общинным землевладением связаны упоминания другого рода в этой же вакуфной грамоте времени Тимура: виноградник, который находится в распоряжении селения, земля «определенного общества»³³.

Конкретное содержание и сущность общинного землевладения на этом этапе пока неизвестны. Ясно только, что все члены имели общие права на землю общины, так что при купле-продаже, передаче в вакф и пр. выделять участки было нельзя. Совместными могли быть даже права на виноградники. Обработка, безусловно, была раздельной, но неизвестно, существовал ли передел участков между членами общины. Не вызывает также сомнения тот факт, что земли эти общине принадлежали «вечно», что было, безусловно, преимуществом крестьянина-общинника перед крестьянином-арендатором. Интересно и другое: ренту крестьяне-общинники, судя по приведенным примерам, могли выплачивать не только государству, но и вакуфному установлению, и частным лицам. Иначе говоря, общинное землевладение в это время было на разных категориях земель: на землях государственных, вакуфных и феодальных мильковых. Следовательно, нельзя дело представлять так, будто крестьяне-общинники сидели только на государственных землях.

Большую группу крестьянства составляли арендаторы. В вакуфных грамотах подчеркивается, что срок аренды не должен превышать трех лет. Необходимость менять арендуемые участки ставила арендаторов в наименее выгодное положение.

³¹ Давидович Е. А. 1961 а, стр. 37.

³² Чехович О. Д., 1965 а, стр. 346.

³³ Чехович О. Д., 1951, стр. 62, 65—66.

Категории феодальной собственности на землю. Суюргал в XV в.

По праву собственности земля и вода делились на те же категории, что и раньше. Выше уже упоминались крестьянские мельки. За XV в., безусловно, вырос фонд вакуфных земель, особенно по сравнению с предшествующим временем. Тимур и Тимуриды развернули большую строительную деятельность. Многие города Средней Азии и Ирана были украшены многочисленными постройками разного назначения: медресе, мечетями мавзолеями, ханака и др. Все эти постройки обеспечивались вакуфным имуществом. Несколько вакуфных грамот сохранилось. О других крупных жертвованиях сообщают нарративные письменные источники³⁴.

Вакуфным имуществом управляли мутаваллии. Очень часто вакфодатели назначали мутаваллиями себя и своих потомков. Общее наблюдение за управлением вакфов осуществляло специальное учреждение во главе с садром. С вакуфных имуществ канцелярии садра получала особый налог, который и употреблялся на содержание аппарата управления вакфами. Лишь специальным указом государя вакуфное имущество могло быть извлечено из-под контроля канцелярии садра и избавлено от этого налога. Во всех остальных случаях садр и его чиновники стремились урвать побольше из вакуфных доходов; на этой почве часто разгоралась борьба. Некоторых садров смешали за злоупотребления.

Что же касается остальных налогов и податей, то с вакуфных земель они взимались в казну, за исключением тех случаев, когда государь особым актом освобождал их от этого. При Тимуридах (особенно при Тимуре) такие освобождения практиковались очень широко.

Фонд государственных земель был самым большим. Но лишь часть налога-ренты поступала в казну центральной власти, так как при Тимуридах очень развит был институт феодальных пожалований. Суюргал XV в. не был каким-то единым, отлившимся в одну форму видом пожалований. В это время, как и раньше, существовали разные виды пожалований, и все они назывались суюргалами. Одной из наиболее развитых форм суюргала были удельные владения членов династии. В пожалованных им крупных городах и областях они фактически были полностью самостоятельными. Такого же положения иногда достигали и крупные сановники, которым были пожалованы области и города. Практически все эти суюргалы часто были и наследственными. Изредка они так и назывались — «вечными» суюргалами. Однако важно

³⁴ Многочисленные данные такого рода собрал Н. Махмудов (1966, стр. 56—59).

подчеркнуть, что наследственность не была чем-то само собой разумеющимся, неотъемлемым компонентом такого вида крупных суюргалов. Когда имела место передача этих суюргалов по наследству, центральная власть оформляла это отдельным актом. Имели место и другие ограничения. Иногда жалованный владетель часть доходов своей области должен был вносить в казну центральной власти. Центральная власть в некоторых случаях ограничивала и судебно-административный иммунитет, посылая к жалованным владетелям своих чиновников. Иногда эти суюргалы отбирались полностью или сокращались в размерах.

Вместе с тем отмечены и обратные случаи, когда жалованные владетели превращались фактически как бы в независимых государей, и центральная власть не всегда была в состоянии с этим бороться.

Таким образом, даже самые крупные суюргалы в XV в. не были по своему содержанию чем-то однородным.

Одновременно существовали более мелкие суюргалы с более ограниченными правами для жалованных владетелей. Суюргалы при Тимуридах, особенно при самом Тимуре, часто получали военачальники (даже не крупные), отличившиеся и замеченные во время военных действий. Эти суюргалы были самых различных размеров, от крупной области до одного селения. Иногда суюргалы получали и духовные лица. Вообще же этим термином обозначалось любое пожалование, вплоть до ценного подарка.

Огромным был фонд мельковых земель, принадлежащих светским и духовным феодалам. Источники называют целый ряд лиц, размеры земельных владений которых были огромны и все время умножались. В качестве примера можно взять владения Ходжи Ахрара³⁵. Ему принадлежало 1300 участков земли в разных областях Средней Азии. Подразумевались не мелкие участки, а целые земельные массивы. Ушр (т. е. рента-налог в размере 0,1 урожая) с участков одной Самаркандской области, который вносил Ходжа Ахрар государству, равнялся 80 тыс. самаркандских манов, т. е. 1600 тоннам зерна, из расчета, что ман равен 20 кг³⁶. А это значит, что основная часть ренты, которая приходилась самому Ходже Ахрару с этих земель, по минимальному расчету (когда вся основная часть земельной ренты равна 0,3 урожая) с тех же земель была не менее 0,2 урожая, т. е. 3200 тонн зерна.

Когда управители Ходжи Ахрара однажды были собраны для отчета, оказалось, что большинство собрало по 30—40 тыс. батманов зерна и никто — не менее 10 тыс., не считая денежных

³⁵ *Набиев Р. Н.*, стр. 35 и сл.

³⁶ *Давидович Е. А.*, 1970, стр. 90. Другие исследователи производят расчет этих данных XV в., считая ман равным 8 пудам, что неверно.

доходов с садов и бахчей. Неясно, какие батманы подразумевались в данном случае. Если самаркандские (равные 20 кг), то каждый управляющий собрал от 200 до 800 тонн зерна.

С мильковых земель государству причиталась часть ренты. Однако в XV в. довольно широко практиковалось освобождение мильковых земель светских и духовных феодалов от передачи в казну центральной власти этой части ренты. Такие освобождения оформлялись тарханскими грамотами. Крупные феодалы, становясь тарханами, получали еще некоторые права: они и их потомки освобождались от наказаний за девять проступков; они могли свободно входить к государю. Но тарханами назывались и другие типы освобождения от государственных налогов. Тарханство на какое-то время могло быть пожаловано жителями целого города и области.

Мы не знаем, с какой интенсивностью в XV в. шел процесс образования полной земельной собственности, но ясно, что он имел место. Подная земельная собственность — это такие мильковые земли, с которых государству не причитается ничего, вся рента принадлежит феодалу, но не на правах тарханного пожалования, а именно на правах полной собственности. В источниках последующего времени такая категория земель фигурирует под названием мильк-и хурр-и халис. Основной путь образования и пополнения этой категории земель — раздел мильковых земель между частным собственником и государством пропорционально их долям ренты. Например, государство получало с мильковых земель $\frac{2}{3}$ ренты, а частное лицо — $\frac{1}{3}$; при разделе государство получает $\frac{2}{3}$ земли (и эта часть переходит в категорию государственных земель), а собственник — $\frac{1}{3}$ земли (и эта треть становится его полной собственностью). Известен документ конца XV в.³⁷ о подобном разделе каналов, причем для канала, ставшего полной собственностью феодала, употреблен совершенно точный термин — «мутлак», т. е. именно «полная» собственность.

Торговля

Самым примечательным явлением экономической жизни XV в. был высокий уровень развития ремесла и внутренней денежной торговли. Как показал сравнительный анализ нумизматических материалов IX—XVIII вв., именно в XV в., особенно в последней четверти столетия и в первой четверти XVI столетия, товарно-денежные отношения достигли максимального развития. Именно в это время чрезвычайно увеличился как общий объем производства товаров, так и удельный вес производства товаров широкого потребления. Именно в это время в товарно-денежные отношения

³⁷ Махмудов Н., стр. 52—53.

были вовлечены наиболее широкие слои городского общества, а отчасти и сельского населения (особенно сельских местностей, прилегающих к крупным городам). Никогда в предшествующее и последующее время, вплоть до присоединения Средней Азии к России, товарное производство, денежная торговля и степень вовлечения широких слоев населения в товарно-денежные отношения не достигали такого уровня³⁸.

С этим фактом непосредственно связана узкая специализация в ремесле, которая обеспечивала рост производительности труда и возможность значительного увеличения объема производства товаров³⁹.

Денежную торговлю в сфере широкого потребления обеспечивали медные монеты. Очень существенно, что Улугбек в 1428 г. провел денежную реформу, основной задачей которой было создание наиболее благоприятных условий именно для мелкой розничной торговли товарами первой необходимости, в которой более всего были заинтересованы рядовые горожане и сельские жители.

Содержание реформы сводилось к следующему⁴⁰: в 1428 г. были запрещены все ранее выпущенные медные монеты низкого веса. Их можно было в течение некоторого времени обменивать на новые, более высококачественные монеты, чекан которых и начался в 1428 г. сразу во многих городах: в Бухаре и Самарканде, в Ташкенте и Шахрухие, в Андижане, Карши и Термезе. После завершения обмена старых монет на новые все монетные дворы, кроме бухарского, были закрыты — отныне чекан медных монет был централизован в Бухаре. Бухара же в течение многих лет (до гибели Улугбека и даже после его смерти) выпускала медные монеты совершенно одинакового вида, даже дата на них не менялась: в каком бы году практически ни была отчеканена монета, на ней всегда был обозначен тот год, когда Улугбек декретировал свою реформу. Бухарские пореформенные монеты обеспечивали торговлю всего государства среднеазиатских Тимуридов на равных основаниях. На эти монеты можно было покупать товары в любом уголке Средней Азии. Их неизменный вид обеспечивал им беспрепятственное обращение и исключал всякие злоупотребления и перемены. Такая организация денежной торговли для феодализма — явление редкое и нетипичное. Эта реформа как нельзя лучше соответствовала объективным потребностям внутренней торговли. Широкое производство товаров для рядового потребителя требовало упорядочения обращения именно медных монет, что и сделала реформа Улугбека. Проведение этой реформы и ее успех, в свою

³⁸ Давидович Е. А., 1965, стр. 83—91.

³⁹ Беленицкий А. М., 1940, стр. 44.

⁴⁰ Давидович Е. А., 1965 а, стр. 274—299.

очередь, создавали благоприятные условия для дальнейшего развития торговли в сфере мелкого товарооборота.

Интересно, что позже, особенно в последнем десятилетии XV в., общегосударственное обращение медных монет было полностью разрушено. Удельные владельцы кто во что горазд выпускали свои монеты и производили с ними всякие перемены и махинации с целью извлечь побольше доходов. Особенно беззастенчивые операции с медными монетами проводил, между прочим, Хусрау-шах, владелец огромного удела с центром в Хисаре (Гиссар Тадж. ССР). Окончилось это кризисом денежного обращения, так что в 1501 г. Хусрау-шах вынужден был провести реформу. Взамен разнообразной и полностью дискредитированной продукции Хисарская область получила одинаковые монеты, обращение которых Хусрау-шах уже не рисковал подвергать никаким переменам. Все монетные дворы в мелких городах были закрыты, отныне медные монеты чеканили только Хисар, Термез и Кундуз, причем продукция этих трех монетных дворов имела равное обращение по всему уделу. Для удобства торговли были выпущены монеты трех достоинств — одинарные динары (так в это время назывались медные монеты), двойные динары и мелкие монетки⁴¹.

Большого развития достигла в XV в. и международная торговля. Тимур и Тимуриды прилагали усилия для развития и расширения торговых связей с разными странами. Как указывалось, Тимур посылал письма даже французскому и английскому королям с предложением взаимно оказывать купцам всевозможное покровительство. В источниках того времени известия о посольствах в разные страны весьма многочисленны. С разных концов приезжали послы и в Герат — столицу Тимуридов. На базарах Средней Азии и Хорасана можно было купить различные иностранные товары. Но и местные товары во множестве шли за границу. Международная торговля была одним из стимулов развития некоторых видов ремесел и расширения объема их производства. Активизировала она и внутреннюю торговлю.

Город и ремесло

Максимальное развитие товарно-денежных отношений именно в XV — начале XVI в. — явление не изолированное. Оно наиболее ярко и выпукло показывает то место, которое этот отрезок времени занимает в жизни средневековых городов Средней Азии, и свидетельствует о больших сдвигах, которые произошли в это время. К сожалению, для всестороннего рассмотрения того, что представлял собой город XV в. в социально-экономическом отношении,

⁴¹ Давидович Е. А., 1965 б, стр. 44—48.

еще не накоплен достаточный материал. Мы располагаем лишь небольшим числом исследований, посвященных частным вопросам. Однако и разрозненные факты и наблюдения позволяют заключить, что все противоречия социально-экономической жизни города как антифеодального звена в системе феодализма именно в XV—XVI вв. чрезвычайно обострились.

С одной стороны, заметна активизация средних слоев и низов города. Исследователи уже отмечали, что принятые при монголах формы эксплуатации ремесленников, сведения до положения крепостных и рабов, в XV в. теряют свое значение, хотя и не полностью. Основной фигурой в ремесле становится свободный ремесленник, основной формой организации ремесленников является ремесленный цех. А. М. Беленицкий справедливо подметил, что цеховые организации в XV в. окрепли, значение их очень выросло. Одним из внешних показателей значительного места цехов в жизни города является их организованное участие в празднествах, устраиваемых Тимуром и Тимуридами. Каждый цех на этих праздниках выступал самостоятельно⁴².

Еще более конкретный и убедительный материал дает изучение идеологии этого времени, отразившейся в литературе и культурной жизни в целом. А. Н. Болдырев рассмотрел обширную группу фактов и убедительно показал, что вторая половина XV в. (особенно конец XV — начало XVI в.) характеризуется несомненным расширением социальной базы культурной жизни и творчества. Среднее городское сословие — городские ремесленники и торговцы, чиновники и среднее духовенство — становятся не только потребителями, но и создателями культурных ценностей. В антологиях того времени, в мемуарах Васифи упоминаются многочисленные поэты из ремесленников, торговцев, мелких служилых людей: лишь немногие из них были профессиональными поэтами, для большинства литература была увлечением, ей они отдавали свой талант и досуг. Поэты, музыканты, остро словы собирались теперь не только в домах вельмож; литературные диспуты, чтение стихов, соревнования в мастерстве поэтических экспромтов происходили и в книжной лавке, и в мастерской ремесленника, и просто на площади или на базаре. Так было в Герате и Самарканде, в какой-то степени во многих других городах государства Тимуридов.

Не менее существенно, что идеология города, средних городских слоев отразилась и на самой литературе. Возникла даже специальная «ремесленная поэзия», основным сюжетом которой стал быт ремесленных кругов, а язык обогатился ремесленной лексикой. Идеология города, его оппозиционное феодализму мировоззрение нашли отражение и в творчестве выдающихся представителей передового направления литературы XV—XVI вв.⁴³

⁴² Беленицкий А. М., 1940 а, стр. 189 и сл.

⁴³ Болдырев А. Н., 1957, стр. 253 и сл.

С другой стороны, город XV—XVI вв. оставался феодальным, и в нем преобладали чисто феодальные формы эксплуатации ремесла и торговли. Эта сторона социально-экономической жизни города лучше исследована по материалам XVI в.⁴⁴, но известные факты по XV в. дают полную аналогию, так что характеристика может быть общей для двух столетий. В городе мы встречаем те же категории земельной собственности, что и в сельской местности. Основная часть земли была или государственной, или же принадлежала духовным и светским феодалам (включая членов династии). Фонд земель, принадлежащих в городе непосредственному производителю, был, очевидно, так же невелик, как и в сельской местности. А это значит, что непосредственный производитель в городе, если его лавка, мастерская или жилой дом находились не на его собственной, а на государственной, вакуфной или на феодальной мильковой земле, должен был в какой-то форме уплачивать ренту за эту землю ее собственнику. В этом смысле между горожанином и крестьянином не было разницы.

Источники показывают, что не только земли, но и многочисленные торговые заведения также принадлежали феодалам. Процесс концентрации ремесленно-торговых заведений и даже жилых домов шел очень интенсивно. А это значит, что ремесленник и мелкий торговец становились не только арендаторами земли, но часто даже мастерской, лавки, жилого дома, что увеличивало их зависимость от феодала. Тяжесть такой зависимости усугублялась еще и тем, что в городе были самые разные сочетания земли и построек. Например, непосредственный производитель мог арендовать вакуфную лавку, находящуюся на мильковой земле, и наоборот.

Не были изжиты и другие, чисто феодальные формы эксплуатации: ремесленная среда не была однородной, кроме свободных ремесленников существовали группы, находившиеся в разной степени «внеэкономической» зависимости. Часть ремесленников, привезенных Тимуром из других стран, по существу находилась на положении рабов. Более существенны данные в отношении формы зависимости некоторых групп оружейных мастеров. Согласно одному указу, группа таких ремесленников была пожалована начальнику оружейной палаты, который должен был наблюдать за их работой; государственные чиновники не имели права вмешиваться в его дела и взимать налоги с этих ремесленников. Другая форма зависимости касалась некоторых групп ремесленников, обслуживавших двор. Эти ремесленники должны были быть объединены в цехи, старшину цеха назначало правительство. Старшина организовывал работу, следил за качеством, но продукция шла не на рынок, а непосредственно государственному ведомству. Существенно отметить, что старшины даже тех свободных

⁴⁴ Иванов П. П., 1954, стр. 42—43; Давидович Е. А., 1961 а, стр. 40—42.

цевых организаций, которые работали на рынок, не были выборными, их тоже назначало правительство⁴⁵.

Еще один существенный показатель: городское население выплачивало государству некоторые из тех налогов, которыми облагались и сельское население (например, подушный или подымный). Городское население не было избавлено даже и от отработочной ренты.

Кроме того, существовали, конечно, непосредственные налоги на торговлю и ремесло. В XV в. основной такой налог по наследству от монголов назывался тамгой. Размер тамги был, судя по ряду косвенных данных, очень велик. Но весьма существенно в данной связи, что против этого налога были феодалы. В частности, духовные феодалы активно боролись против тамги под видом того, что это противоречит нормам шариата. На самом деле причина была чисто экономическая: этот налог задевал их интересы — интересы класса феодалов. Феодалов устраивали чисто феодальные способы эксплуатации города, ремесла и торговли, от которых они получали, прибыль, и не устраивали иные формы эксплуатации, которые приносили им убытки.

В городах Средней Азии, как правило, не было подлинного самоуправления. Управляли городами наместники, назначаемые центральной властью или крупными удельными владельцами. Города всегда были объектами феодальных пожалований.

Таким образом, основное противоречие социально-экономической жизни городов, особенно обострившееся в последней четверти XV в. и в первой четверти XVI в., сводилось к следующему. С одной стороны, — прогрессивное развитие городов, рост производительности труда в ремесле, небывало возросший объем товарного производства, высокий удельный вес производства товаров широкого потребления, максимальное вовлечение в товарно-денежные отношения городского и отчасти сельского населения, активизация среднего сословия городов и вызванные всем этим к жизни новые явления в области культуры. С другой стороны, развитие городов тормозили такие факторы, как очень высокий уровень эксплуатации трудового населения города и преобладание феодальных форм эксплуатации; сосредоточение в руках одних и тех же феодалов и сельской, и городской собственности; концентрация торгово-ремесленных построек в руках тех же духовных и светских феодалов, которые являлись собственниками земли в городе и деревне, т. е. слияние (за малым исключением) торгово-ростовщической городской верхушки с земельной аристократией; феодальные формы управления городом.

Все эти моменты требуют более глубокого конкретно-исторического рассмотрения. Среднеазиатскому городу, его социально-

⁴⁵ Беленицкий А. М., 1940, стр. 45—46.

экономическим проблемам истории уделяют значительно меньше внимания, чем аграрным отношениям. Появление работ, посвященных отдельным вопросам городской жизни, разделяют годы и даже десятилетия. Между тем это одна из важнейших проблем, прежде всего в аспекте изучения особенностей среднеазиатского феодализма, причин и существа его застойного характера.

3. КУЛЬТУРА

Строительство и архитектура

От XV в. до нас дошло значительное число монументальных памятников архитектуры, но это лишь малая часть того, что было. Тимур и Тимуриды развернули грандиозное строительство. Подражали им и крупные феодалы. Особенно интенсивным было строительство в двух столицах — Самарканде и Герате. Но и многие другие города за XV в. были украшены прекрасными постройками гражданского и культового назначения⁴⁶.

От многочисленных дворцов XV в. в Средней Азии сохранилась лишь часть портала Ак-сарая в Шахрисабзе, построенного Тимуром⁴⁷. Однако восторженные отзывы современников и их подробные описания дают достаточное представление об искусстве архитекторов, декораторов и садовников, их выдумке и изобретательности. Особенно охотно Тимур, его потомки и придворные создавали загородные парки с дворцами. Парки, расчлененные аллеями, отличались продуманным и живописным подбором деревьев и цветов, включали водоемы разной конфигурации, обсаженные цветами арыки с проточной водой; в глубине парка возводился дворец, богатый украшенный всеми доступными тогда разнообразными средствами⁴⁸.

О памятниках гражданского зодчества также в основном известно из письменных источников. Характерен большой размах этого строительства. В Самарканде, например, как уже говорилось выше, по приказу Тимура одну из улиц превратили в сплошной благоустроенный базар. Хотя работы не были доведены до конца, Клавихо в совершенном восторге описывает эту улицу-базар, перекрытую сводом с окошками для освещения. Нечто ана-

⁴⁶ Архитектуре времени Тимуридов посвящены многочисленные исследования и публикации. Отметим, в частности, следующие общие и сводные работы: Булатов М. С., 1969; Денике Б. А., 1939; Засыпкин Б. Н., 1928; 1948; 1961; «История Самарканда», т. I, 1969; Массон М. Е., 1948; 1950 в; 1957 а; Пугаченкова Г. А., 1951; 1957; 1958 б; 1965; 1968; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1958; Ремпель Л. И., 1961. Для территории Таджикистана см., в частности: Веймарн Б. В., 1947.

⁴⁷ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., 1953.

⁴⁸ Пугаченкова Г. А., 1951.

логичное сделал Шахрух в Герате. Две пересекающиеся улицы там сплошь были застроены торговыми двухэтажными помещениями и перекрыты сводами с окнами для освещения, а вместе пересечения этих двух крытых улиц-базаров был построен Чорсу — купольное здание, в котором тоже находились торговые помещения⁴⁹.

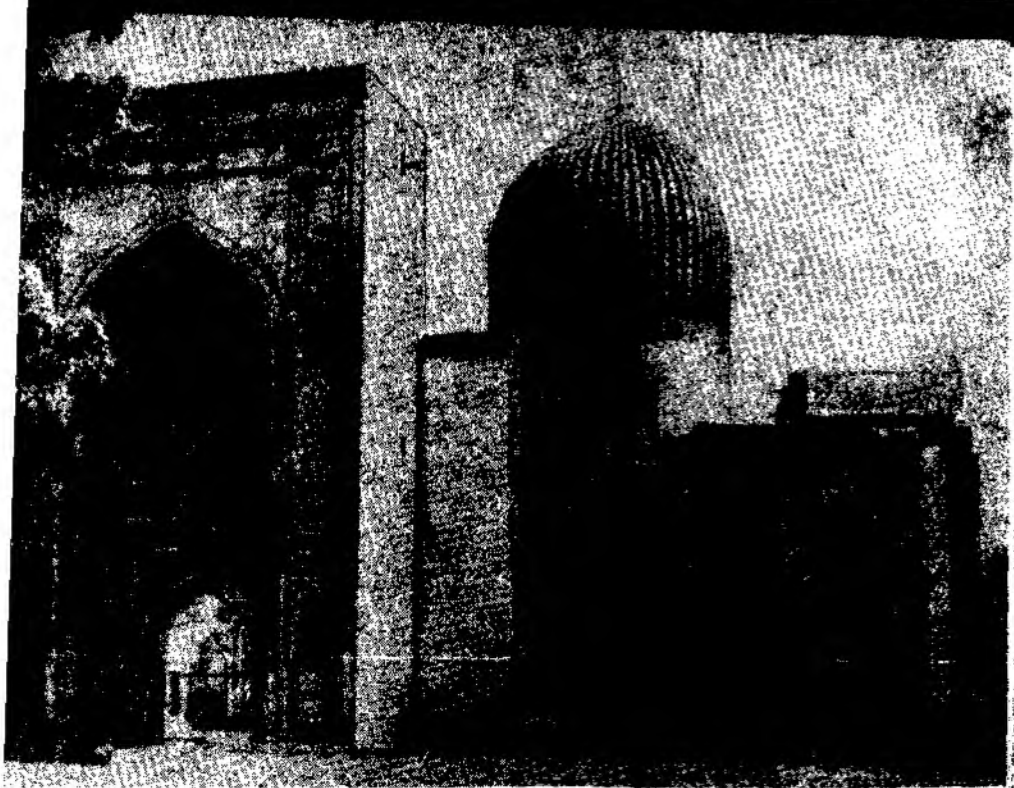
Об инженерных, конструктивно-планировочных и декоративных достижениях зодчества XV в. полное представление дают дошедшие до нас медресе, мечети и мавзолеи того времени. Важнейшим достижением было сначала некоторое усовершенствование старой системы купольных перекрытий, а затем — широкое применение новой системы. Сущностью новой системы заключалось в том, что купол теперь опирался не на стены помещения, а на такую комбинацию пересекающихся арок и парусов, которая позволяла значительно уменьшить его диаметр. А это значит, что куполами можно было перекрывать более обширные помещения. При этой системе купол легко было возвести не только над квадратным, но и над прямоугольным помещением.

Стремление к роскоши и пышности нашло яркое выражение в декоративной отделке памятников. Средства декорации были разнообразны и совершенны: они впитали достижения прошлого и обогатили их новыми приемами. Широкое применение в XV в. получила трудоемкая и дорогостоящая, достигшая неповторимого совершенства наборная мозаика. Мозаику XV в. отличают изящество растительного и геометрического рисунка, благородный подбор цветов (среди которых преобладает сине-бело-голубая гамма), необычайная глубина синей глазури, на мерцающем фоне которой бесконечная фантазия художника тонко и со вкусом «прорисовывала» кружево узора. Для отделки внутренней поверхности использовалась техника кундаль, сочетавшая золото с каким-либо цветом, часто синим. Соотношение позолоты и краски бывало различным: иногда фон покрывался золотом, а слегка рельефный рисунок — цветной краской, иногда — наоборот. В любом случае эффект был поразительный, и не случайно специалисты сравнивают этот вид декорации со златотканой парчой.

Широкое применение получил мрамор: то отполированный, то покрытый резными рисунками и надписями, то тонко расписанный золотом.

В кратком очерке невозможно описать все декоративные приемы этого столетия. Нужно лишь подчеркнуть, что декоративные идеи не оставались неизменными. Для конца XIV —

⁴⁹ Беленицкий А. М., 1946, стр. 181—183.

Мавзолей Гур-и эмир. 1404 г. Самарканд

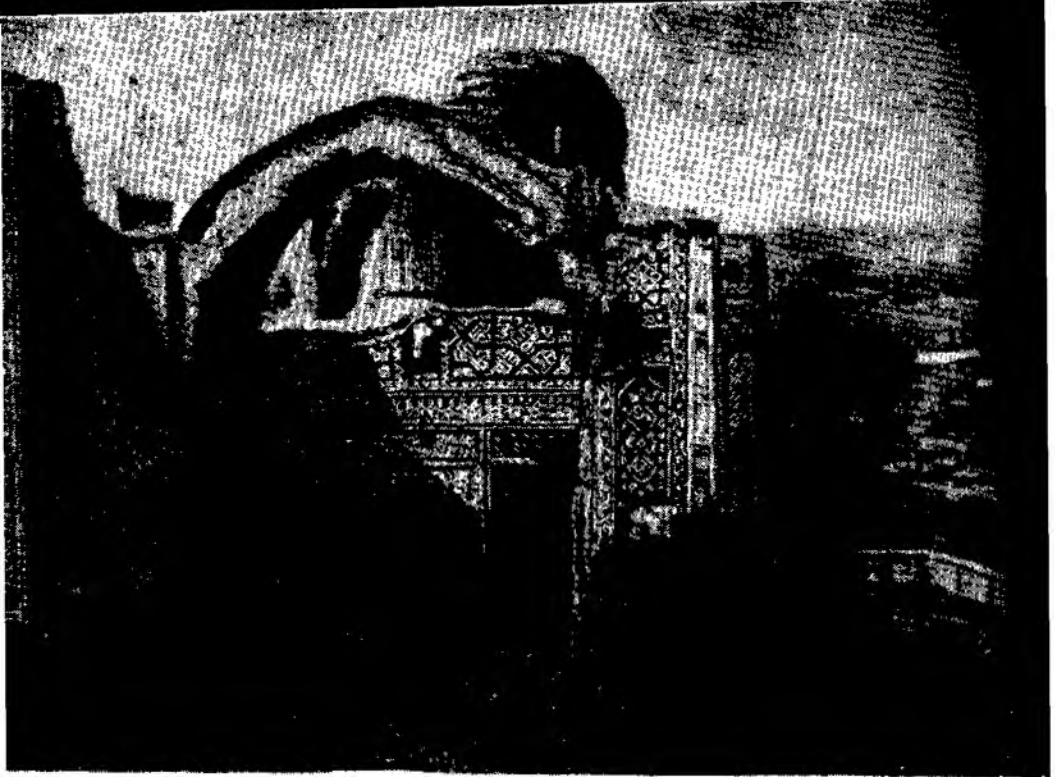
начала XV в. характерно стремление полностью затянуть стены декоративным убранством. Позже часто и широко используется фактура кладки, чтобы на ее фоне развернуть простые узоры и надписи, сложенные из глазурованных кирпичиков⁵⁰.

Стремление к грандиозности лучше всего демонстрирует мечеть Биби-ханым, построенная в Самарканде в 1399—1404 гг. Когда-то монументальный порталный вход вел в обширный двор, окруженный галереями, своды которых покоились на 400 мраморных колоннах. В глубине двора возвышалось главное здание мечети: порталный вход, высокое купольное помещение, а над ним — второй декоративный купол на высоком стройном барабане. Сейчас от мечети осталось немного, но ее романтические руины дают полное представление о былой грандиозности и великолепии⁵¹.

Разнообразны и интересны с архитектурной точки зрения мавзолеи XV в. Небольшие, но необычайно богато декорированные

⁵⁰ Наиболее подробно они охарактеризованы Б. П. Денике (1939) и Л. И. Ремпелем (1961).

⁵¹ О Биби-ханым см.: Массон М. Е., 1929; Ратия Ш. Е., 1950; Пугаченкова Г. А., 1953.

Мечеть Биби-ханым. 1399—1404 г. Самарканд

мавзолей Шах-и зинда (Ширин-бика-ака и Туман-ака), мавзолей Рухабад, Кутби-чахар-духум, наконец, Гур-и эмир — памятники тимуридского времени. Особенно хорош Гур-и эмир (1403—1404 гг.), в котором похоронен сам Тимур и его потомки⁵⁴. Формы его просты и ясны; восьмигранное тело, стройный барабан и облицованный голубыми глазурованными кирпичиками гофрированный купол. Внутренняя декорация квадратного с четырьмя глубокими нишами зала поражает торжественной строгостью. Мрамор, зеленоватый оникс и позолота, общая приглушенность тонов лишь усиливают ощущение покоя, тишины и отгороженности от внешнего мира.

Один из лучших памятников Улугбека — его медресе на самаркандском Регистане⁵⁵. Прямоугольный внутренний двор с четырьмя порталами был обведен рядами жилых комнат.

⁵² Булатова В. А., 1965; Немцева Н. Б. и Шваб., 1968.

⁵³ Пугаченкова Г. А., 1962.

⁵⁴ Массон М. Е., 1929 а; Мечеть Гур-и эмир, 1905; Плетнев И. Е., 1968; Семенов А. А., 1948, 1949; Шишкин В. А., 1946.

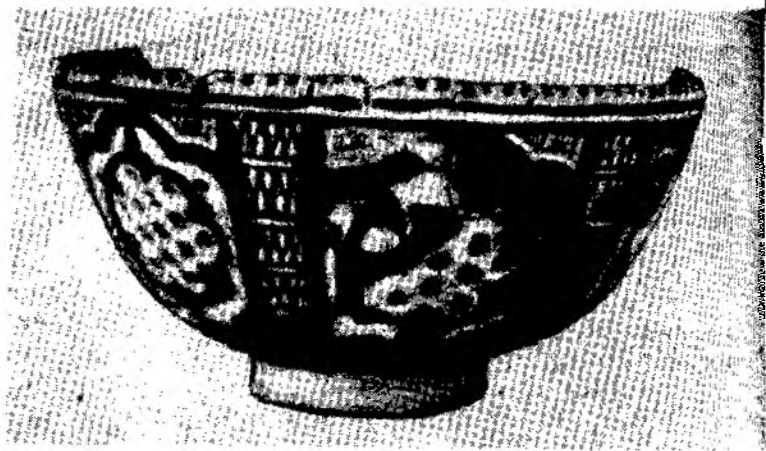
⁵⁵ Веймарн Б., 1946; Массон М. Е., 1929 б, 1950 в.

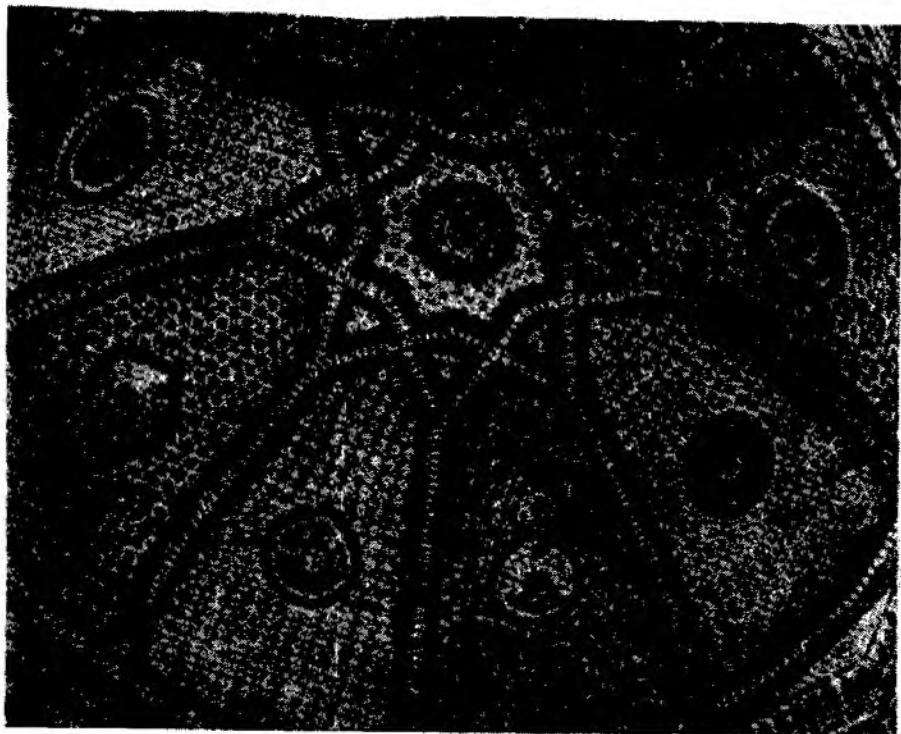
Шах-и зинда. Самарканд

Бронзовый котел из мечети Ходжа Ахмада Ясеви,
г. Туркестан

Среднеазиатская
керамика эпохи
Тимуридов

Мавзолей Шади-Мульк-ака. Купол. Ансамбль Шах-и зинда.
Самарканд

в два этажа, а в углах — квадратные купольные помещения; по четырем внешним углам — четыре стройных минарета, на главном фасаде — монументальный портал. Сейчас уже нет четырех куполов над дарсхана (помещения для лекций), нет одного минарета и второго этажа комнат. Но и в современном виде медресе производит незабываемое впечатление прекрасным общим композиционным решением, хорошими пропорциями и богатой, разнообразной, но очень спокойной декорацией.

В XV в. развивается тип мавзолея в виде сложного, многокомнатного сооружения. Одним из лучших мавзолеев этого типа является Ишрат-хана около Самарканда. Центральный зал с глубокими нишами имеет как бы крестообразный план. По бокам симметрично расположены другие помещения: с одной стороны — мечеть, с другой — трехкомнатный «миян-сарай». Комплекс дополняют небольшие служебные комнатки в два этажа. Новая конструктивная система купольных перекрытий нашла в этом памятнике блестящее и разнообразное применение. Новая декоративная техника кундаль в этом же памятнике использована с наибольшей полнотой и виртуозностью. Чрезвычайному богатству внутреннего убранства противопоставлена простота внешней декоративной отделки. Последнее способствует лучшему восприятию памятника как целого: при внешнем обозрении приковывают внимание не детали, а общее композиционное решение, благодаря которому эта монументальная постройка выглядит очень легкой и стройной⁵⁶.

Совершенно уникальный памятник — Самаркандская обсерватория Улугбека у подножья возвышенности Чупан-Ата⁵⁷. От нее сохранилось лишь небольшое всхолмление да куча строительного мусора. Но усилиями археологов выяснен план нижнего, цокольного этажа. Установлено, что здание было круглое, имело высоту более 30 м и было богато украшено мозаикой, майоликой и мраморными плитами. Из письменных источников, кроме того, известно, что обсерватория имела 3 этажа. Сохранились остатки главного инструмента обсерватории — двойного секстанта, предназначенного для наблюдения за Солнцем, Луной и, возможно, другими планетами. Начинался секстант на глубине 11 м в траншее, выбитой в скале, другой же, не сохранившийся его конец возвышался, по подсчетам, на 30 м. Представлял он собой две параллельные дуги, равные одной шестой части окружности, радиус которой был более 40 м. Дуги имели точное направление, соответствующее меридиану. Они были облицованы полированными мраморными плитами. Луч светила, проходя через два маленьких от-

⁵⁶ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. и др., 1958.

⁵⁷ О памятниках на Чупан-Ата см.: Гилямов Я. Г., 1948.

верстия, бросал пятнышки света на две дуги секстанта, на которых были обозначены градусы, минуты и секунды⁵⁸.

Из гератских построек XV в. особенно впечатляющим был комплекс Мусалля, состоящий из мечети, медресе и мавзолея. Сейчас от этого комплекса сохранилось немного. О былом его великолепии свидетельствуют очень стройные трехчастные минареты и интересный мавзолей Гаухаршад, который был составной частью медресе, занимая одно из его угловых помещений⁵⁹.

Монументальная живопись и миниатюра

Согласно свидетельству письменных источников, монументальные постройки, особенно дворцы Тимура и Тимуридов, часто были украшены целыми картинами, выписанными на стенах. Сюжеты их были самые разнообразные: баталии и осада городов, пиршества, парадные приемы и просто бытовые сценки. Особенно это поощрял Тимур. На стенах его дворцов развевталась целая эпопея его военных походов и развлечений.

По свидетельству современника, обязательным компонентом этих сложных сюжетных построений были портретные изображения самого Тимура, его сыновей, внуков, придворных и даже цариц тимуридского дома. Самое общее и приблизительное представление об этой монументальной живописи дают фрагменты, сохранившиеся в некоторых самаркандских мавзолеях Шах-и зинда. Это лишь пейзажи: ручеек, деревья, кустарники, цветы или летящие цапли на фоне растительности⁶⁰.

XV век подарил человечеству великолепные рукописи, в которых все — начиная от бумаги и переплета до изящного художественного почерка и рисунков-миниатюр — образец непревзойденного искусства⁶¹. Замечательные каллиграфы и миниатюристы жили и творили во многих городах огромной тимуридской державы. Но все же именно Герат был главным центром развития этих искусств. Ни один город не мог похвастаться таким собранием знаменитостей и талантов. Как знаток, ценитель и меценат, в Герате в первой половине XV в. прославился Байсункар,

⁵⁸ О раскопках обсерватории см.: *Вяткин В. Л.*, 1912; *Массон М. Е.*, 1941; *Шишкин В. А.*, 1953, 1965; *Гулямов Я. Г.* и *Буряков Ю. Ф.*, 1968. Реконструкция же несохранившегося здания вызывает дискуссии, см.: *Нильсен В. А.*, 1953; *Пугаченкова Г. А.*, 1969.

⁵⁹ *Пугаченкова Г. А.*, 1963, стр. 147—152.

⁶⁰ *Денике Б. П.*, 1939, стр. 200—208; *Ремпель Л. И.*, 1961, стр. 318—325, 332—337; *Бородин И. Ф.*, 1965.

⁶¹ Литература о них огромна. Назовем лишь некоторые работы общего характера: *Денике Б. П.*, 1938, стр. 68—120; *Семенов А. А.*, 1940; 1946 б; *Пугаченкова Г. А.*, *Ремпель Л. И.*, 1965; «Персидские миниатюры», 1968, стр. 6—17; *Sichoukine I.*, 1954; *Ettinhausen R.*, 1960; *Gray V.*, 1961 (там же подробная библиография.)

Портрет Тимура. Миниатюра XV в. (возможно, копия с более раннего оригинала)

брат Улугбека. Как уже указывалось, он организовал kitab-xana, которая была не только библиотекой, но и подлинной творческой мастерской; в ней работали лучшие из лучших: миниатюристы, каллиграфы, переплетчики (одних только каллиграфов было сорок). В Герате, кроме того, существовала придворная библиотека — мастерская Шахруха, где также создавались прекрасные образцы каллиграфии и миниатюры. Во второй половине столетия Алишер Навои и Султан-Хусейн Байкара, тоже ценители этих видов искусства, покровительствовали талантам, привлекали их ко двору.

Особенность восточной миниатюры, — украшала ли она книгу или была на отдельном листе, — это отсутствие объема и светотени, отсутствие перспективы и глубины. Объекты, находящиеся на разном расстоянии от зрителя, просто размещались по вертикали: ближние внизу, дальние наверху, размер дальних пропорционально не уменьшался. Однако все эти особенности миниатюры воспринимаются не как недостаток, а именно как специфика этого вида изобразительного творчества. Достоинством же миниатюры считалась тонкость рисунка, насыщенность колорита, эмоциональный настрой, достигаемый цветом, композиционным построением всего рисунка.

В письменных источниках названы многие имена миниатюристов XV в., которые в свое время считались непревзойденными художниками. Однако изучение творчества большинства из них крайне затруднено тем обстоятельством, что они, как правило, не подписывали свои миниатюры.

В kitab-хана Байсункара была отредактирована и переписана «Шах-наме» Фирдоуси. В рукописи «Шах-наме» 1429/30 г. двадцать миниатюр, исполненных несколькими художниками. Считается, что это лучшие образцы раннего этапа развития тимуридской школы миниатюры. Тонкость, даже изысканность рисунка, яркость красок и своеобразие композиционных построений даже на «канонизированные» темы отличают эти миниатюры.

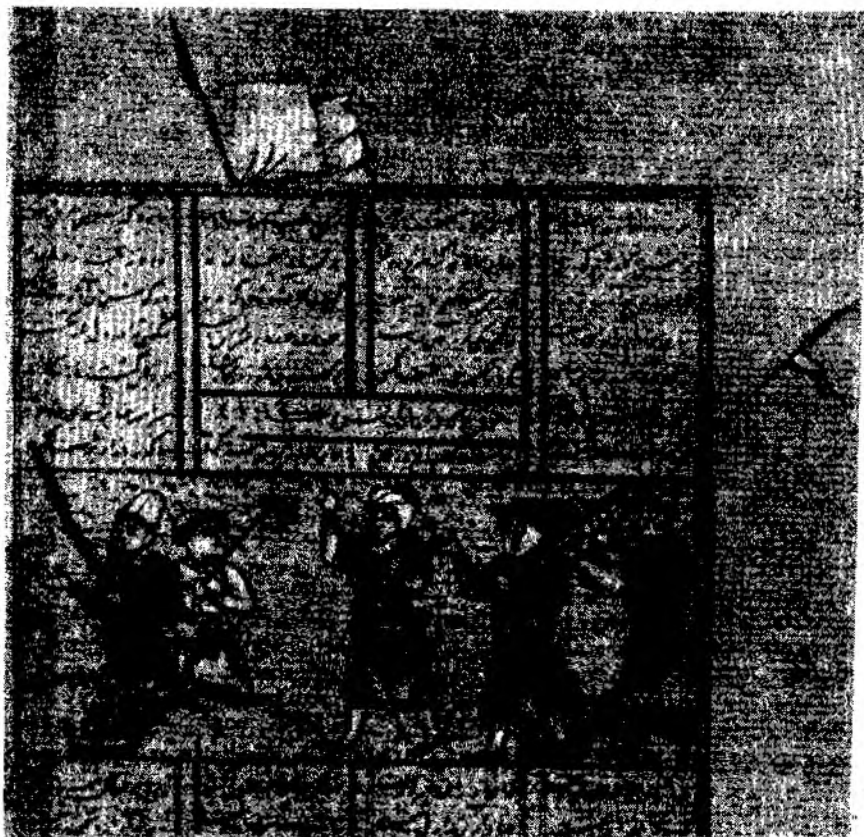
Наивысшего расцвета гератская школа достигла во второй половине XV в. в творчестве ряда художников, среди которых первым был Бехзод (род. между 1450—1460 гг. — ум. в 1536/37 г.).

На одаренного мальчика-сироту обратил внимание выдающийся художник того времени Мирак Наккаш, творчество которого изучено недостаточно, так как известны только две его подписанные миниатюры. Заметил успехи Бехзода и Алишер Навои, неизменно покровительствовавший ему и открывший ему возможность вращаться в среде наиболее культурных и талантливых людей того времени, суждения которых не могли не сыграть самой положительной роли в становлении эстетических идеалов Бехзодов и в развитии его творчества.

Для миниатюр раннего этапа творчества Бехзода характерны яркие, контрастные краски, динамические композиции, многофигурность, заполненность пространства. Таковы его миниатюры к «Зафар-наме» Йезди. В центре внимания художника — динамика сражений, пафос труда. Битва двух армий на равнине совсем не похожа на решение аналогичного сюжета в рукописи «Шах-наме» 1429/30 г. Здесь нет двух равномерно сближающихся армий, здесь буря битвы, здесь каждый персонаж индивидуален, пересечения и встречи воинов неожиданны, динамичны и разнообразны. Миниатюра совсем иного содержания — строительство джума-мечети в Самарканде. Но и здесь все полно напряженного движения. Трудятся, не отрываясь, столяры и резчики по камню: заленившегося надсмотрщик избивает палкой; подъезжает арба, груженная глыбой мрамора. Множество человеческих фигур — и все в разных позах и положениях, то стремительных, то более статичных, но всегда напряженных.

К концу XV в. в творчестве Бехзода больше раздумья, лирики, он все чаще обращается к пейзажу. Эти настроения воплотились в миниатюрах к поэме Дехлеви «Лейли и Меджнун». Тема юной и несчастной любви в творчестве Бехзода нашла самое трогательное и поэтичное выражение.

Бехзод был и замечательным портретистом. Черты портретно-

Кузнец Кава во главе повстанцев. Миниатюра конца XV в. Самарканд (?)

го сходства с его современниками иногда получали на его миниатюрах исторические персонажи. Например, на одной миниатюре Александру Македонскому приданы черты Султан-Хусейна Байкары. Известны миниатюры, изображающие картинки придворного быта, где изображен тот же Султан-Хусейн или один из его придворных. Но лучшие его работы в этом жанре — это отдельные портреты Султан-Хусейна и Мухаммада Шейбани-хана.

Бехзод — создатель целого направления в искусстве. У него было много учеников. Среди современников Бехзода более всего прославился Касим Али, который, по данным некоторых источников, также был учеником великого живописца. Современники считали, что их работы может отличить тонкий знаток живописи. Миниатюры, бесспорно выполненные им, не сохранились.

Гератская школа конца XV и самого начала XVI в. применяет в принципе мало изменившиеся композиционные решения (по сравнению с первой половиной столетия). Вместе с тем в ее миниатюрах, по мнению искусствоведов, возрастают реалистические тенденции, усиливается стремление к индивидуализации и даже психологизму персонажей, пейзаж усложняется. Техническое мастерство художников достигает поразительно высокого совершенства. Талантливые произведения художников — миниатюристов XV в. — одна из вершин художественной культуры Востока.

Наука и литература конца XIV—XV века

Одним из известных ученых эпохи Тимура, неоднократно принимавшим участие на ученых диспутах при его дворе, был *Саад ад-Дин Масуд ибн Омар Тафтазани* (1332—1389 гг.). До конца своей жизни он занимался преподаванием в Гиждуване, Джаме, Хорезме, Туркестане, Самарканде, Герате и Серахсе и написал много научных работ по грамматике, богословию, риторике, которые еще при его жизни вошли в число учебных пособий того времени.

Выдающимся историком своего времени был *Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах* (1392—1450 гг.). Он родился в Дамаске, но с восьмилетнего возраста жил в Самарканде. Основным его произведением является труд о времени Тимура «*Аджаиб алмакдуф фи наваиб Тимур*» («Чудеса в предопределениях в событиях [жизни] Тимура»), в котором дается смелая для того времени резко отрицательная характеристика Тимура.

Другой историк этого периода *Низам ад-Дин Шахи* завершил в 1404 г. составление труда под названием «*Зафар-наме-и Тимури*» («Книга побед Тимура»). *Шараф ад-Дин Иезди* (ум. в 1454 г.) составил в 1424-25 г. сочинение, также посвященное времени Тимура, — «*Зафар-наме*» («Книга побед»). Из историков следует также упомянуть *Хафизу Абру* (ум. в 1430 г.); *Абд ар-Раззана Самарканди* (1413—1482 гг.); *Мухаммеда ибн Хандшаха бен Махмуда*, известного как *Мирхонд* (1433—1498 гг.); *Гияс ад-Дина Мухаммада* по прозвищу *Хондемир* (ок. 1475-6-1539-40) и др.

В XIV в. дальнейшее развитие получила художественная литература. В это время творили *Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Ширази* (ум. в 1389 г.), признанный классик персидской и таджикской поэзии, и *Камал Худжанди* (ум. около 1400 г.). В их произведениях в значительной мере отразились прогрессивные идеи того времени.

Хафиз потерял отца в раннем детстве. Его мать, не имея возможности дать сыну образование, отдала его на воспитание в чужую семью, но Хафиз вскоре ушел оттуда и поступил учеником к ремесленнику. Некоторое время он учился в медресе. Затем, ведя

жизнь чтеца Корана («Хафиз» — букв. «знающий Коран наизусть»), Хафиз постоянно пополнял свои знания. Вскоре он приобрел известность как поэт.

Еще при жизни Хафиза его стихи широко распространялись в народных массах, а потом часть их вошла в фольклор. И сейчас стихи Хафиза пользуются любовью в Таджикистане, Иране и Афганистане, где его читают в подлиннике. Роль Хафиза в истории персидско-таджикской литературы чрезвычайно велика. Он довел до совершенства жанры лирики, вложив в нее новое содержание. Газелям Хафиза наряду с мотивами любви, красоты, философских раздумий присущи и мотивы протеста против социальной несправедливости. В условиях средневековья Хафиз поднялся до борьбы за достоинство человеческой личности. Нередко из предосторожности он многого не договаривает. Хафиз, не желавший примириться с мрачными условиями окружавший его жизни, предпочитает выступать под личиной бесшабашного гуляки. Однако вовсе не разнузданное веселье, не красота ради нее самой, не созерцательная мистика суфизма, а протест против социальной несправедливости, стремление к лучшему и вера в него являются основным мотивом поэзии Хафиза.

Для лирики Хафиза характерны страстность, возвышенность порывов, осуждение ханжества и лицемерия. Он известен как великий лирик на Востоке и на Западе.

Вот одна из газелей Хафиза, полная смелых намеков и иносказаний:

Нет, я не циник, мухтасиб⁶², — уж это видит бог.
От девушки да от вина отречься б я не мог.
Ханжа — мне имя, если я в молитвенник взгляну,
Когда в свой розовый цветник влетает ветерок.
Сиятельного солнца⁶³ дар, как милости динар,
Отвергну я, хоть мой наряд и беден и убог.
Мой старый плащ дороже всей султанской мишуры, —
Так что же даст мне небосвод⁶⁴ — изменчивый игрок?
Хоть нищ — горю своим огнем! И пусть ослепну я,
Коль отраженьем божества заблещет мой зрачок.
Любовь — жемчужина на дне. Нырнул я глубоко.
Где ж выплыву? Мой океан — всего лишь погребок.
Когда любимая моя пошлет меня в огонь, —
Я и не вспомню про Кавсар⁶⁵ (столь сладостен мой рок!).
Я, у которого сейчас блаженство всех миров,
Польщусь ли на грядущий рай, что обещал пророк?
Не слишком доверяю я дарам седьмых небес —
До гроба верец лишь вину. Вздыхайся ж, пенный рок!⁶⁶

⁶² Мухтасиб — блюститель нравственности.

⁶³ Намек на правителя.

⁶⁴ Намек на бога.

⁶⁵ Кавсар — райский источник.

⁶⁶ «Антология», стр. 402—403.

Хафиза называли при жизни «Лисан ал-гайб», т. е. «Язык сокровенного», имея в виду мистическое содержание его стихов. После смерти Хафиза некоторые представители духовенства пытались трактовать его стихи как сугубо божественно-мистические⁶⁷; его образы нужно якобы понимать иносказательно; «милая» («ер») — это образ бога и т. п. Великий Гете разгадал намеки Хафиза как выражение протеста, направленного против религиозного ханжества и лицемерия. Он посвятил Хафизу отдельную книгу стихов «Хафиз-наме» в своем «Западно-Восточном диване».

Великий поэт пользовался «пафосом намека» для выражения идей гуманизма⁶⁸.

Камал Худжанди провел детство в Ходженте, учился в Самарканде, а затем переехал в Тебриз, где жил при дворе местного владетеля. Когда золотоордынский хан Тохтамыш захватил Тебриз, Камал был взят в плен и увезен в столицу Золотой Орды — Сарай. Где находился долгое время в заключении. Затем поэт возвратился в Табриз, где и умер около 1400 г.

Камал Худжанди является одним из выдающихся мастеров стиха. Его газели отличаются музыкальностью, напевностью. По своим мотивам некоторые из них созвучны газелям Хафиза. Приводимая ниже газель прекрасно передает тоску поэта по родине и сливается с целым циклом таджикской народной лирики — гариби (песни на чужбине):

Эта шумная улица кажется мне пустынной,
К самому себе я прикован здесь беспричинно.
Все брожу и мечтаю о милой своей отчизне.
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.
Если ты над собой не видал зарубежного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины.
Незнакомый язык... Непонятное ление птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина.
Сострадать не могли мы томлению чужеземца,
Ибо домом казалась любая родная долина.
Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой.
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!⁶⁹

Близок к Хафизу и Камалу Худжанди по содержанию своего творчества и по жанру их современник — *Насир Бухарай* (ум. в 1378 г.).

В стихах выдающихся поэтов XIV в., преимущественно лирических, в своеобразной форме отразилось настроение народного протеста. В этом особое достоинство их лирики, причина ее популярности у широчайших народных масс.

⁶⁷ Здесь, возможно, сыграло роль то, что в некоторых бейтах Хафиза поэтически переработано содержание отдельных аятов Корана.

⁶⁸ Брагинский И., 1936, стр. 220—253.

⁶⁹ «Антология», стр. 387.

Большого расцвета наука и литература достигли при Улугбеке. Выше мы уже писали о разносторонней творческой деятельности Улугбека. Он сумел собрать в Самарканде цвет астрономической и математической мысли того времени. В 1428 г. Улугбек закончил строительство большой обсерватории с усовершенствованными инструментами.

Эта обсерватория сыграла большую роль в развитии астрономии. В ней впервые было установлено положение ряда звезд. На основании этих работ Улугбек составил в 1437 г. астрономические таблицы, имеющие всемирное научное значение. Следует отметить, что эти таблицы были составлены на таджикском языке и лишь позднее переведены на арабский. В них указано положение более чем тысячи звезд, видимых простым глазом, и координаты почти всех городов мусульманского Востока. Астрономические таблицы Улугбека долгое время служили как на Востоке, так и на Западе пособием для изучения положения звезд. Значение их заключается еще и в том, что они являются важнейшим источником для изучения состояния астрономических знаний в середине XV в.

Улугбек придавал большое значение и развитию литературы, искусства.

В это время Самарканд и Герат стали крупными культурными центрами Востока. Герат, который начинал приобретать все большее значение со времени правления Шахруха, во второй половине XV в. при султани Хусейне Байкаре (1469—1506 гг.) превратился в крупный культурный и научный центр. Здесь стали собираться деятели науки и искусства со всех концов Мавераннахра и Ирана. В этот период развиваются медицина, правоведение, этика, а также литература и искусство.

Ведущим представителем литературы этого периода является знаменитый поэт и ученый *Нур ад-Дин Абд ар-Рахман Джамий* (1414—1492 гг.). Джамий родился в селении Джам около Нишапура, получил образование в Герате, где впоследствии продолжал занятия литературой и наукой. Он неоднократно посещал также Самарканд.

Из касыды автобиографического характера, которую Джамий написал в 1487 г., можно заключить, что он прекрасно знал поэтику, грамматику, логику, греческую и восточную философию, естествознание, математику, астрономию. Его «Бахаристан» («Весенний сад») считается лучшим образцом прозы XV в. В своих произведениях Джамий мастерски разработал все художественные жанры и тем самым оказал особое влияние на последующее развитие таджикской литературы. По числу произведений Джамий занимает ведущее место во всей истории таджикской средневековой литературы. Автор антологии «Мират ал-хайал» («Зерцало мысли») *Ширхан Луди* сообщает, что «Джамий написал 99 книг, которые все одобрены людьми знания в Иране, Туране и Индии,

и никто не мог положить пальца возражения на ту или иную из них».

Основным поэтическим произведением Джами является его семерика «Хафт авранг» («Семь престолов», т. е. Созвездие Большой Медведицы), состоящая из семи больших поэм по типу знаменитой «Пятерицы» Низами (поэтическими «ответами» Низами являются, собственно, три поэмы из семи: «Тухфат ал-ахрар», «Лейли и Меджнун» и «Хирад наме-и Искандари»). Многие произведения Джами проникнуты идеями гуманизма и критикой произвола правящей знати. Однако творчество Джами противоречиво, и наряду с прогрессивными для того времени идеями в его произведениях отражены религиозно-философские идеи суфизма.

В одной из поэм, входящих в семерицу, в «Хирад наме-и Искандари» («Книга мудрости Александра Македонского»), Джами, развив мысли Фараби и Низами, излагает социальную утопию — описывает сказочную страну, где все люди равны, где нет богатых и бедных, нет гнета и нужды⁷⁰.

Период Тимуридов (время становления литературы на старом узбекском языке) характеризуется все более усиливающимся в последующие века процессом взаимовлияния узбекской и таджикской литератур. Именно к этому времени относится деятельность гения узбекской литературы *Мир Алишера Навои* (1441—1501 гг.).

Навои родился в 1441 г. в очень образованной семье. Среди его близких были поэты, музыканты, каллиграфы. С детства увлекаясь поэзией, он уже в пятнадцатилетнем возрасте был известен как поэт, писавший стихи на фарси и старом узбекском языке.

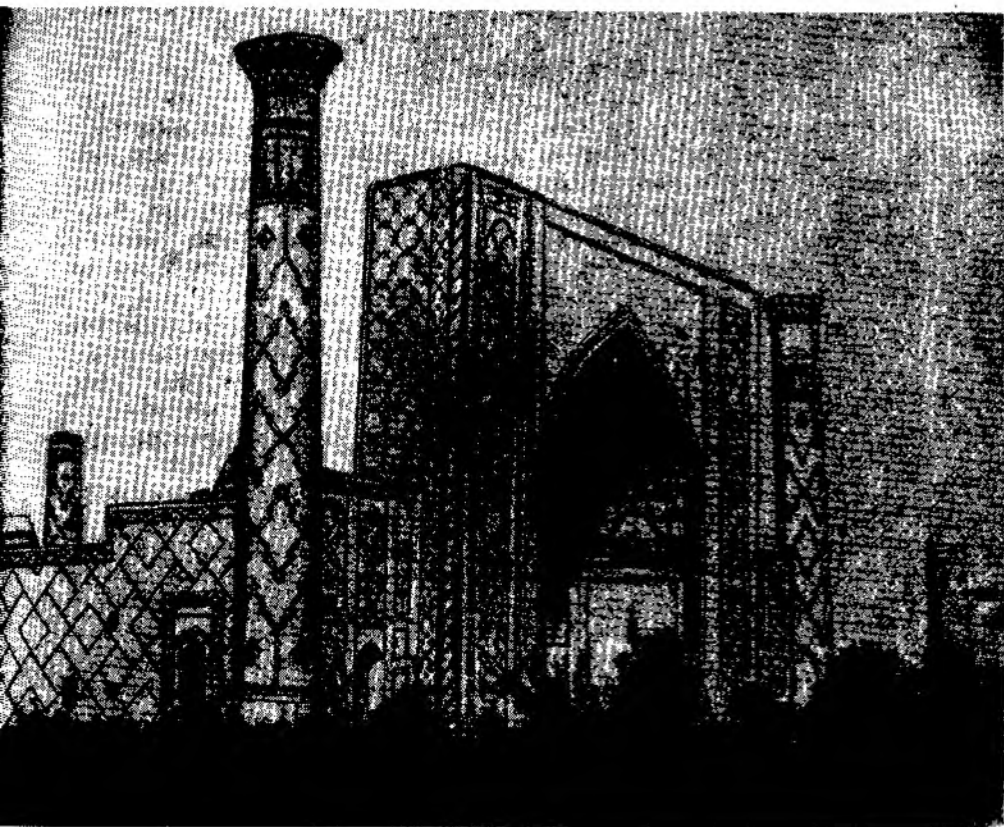
Со вступления на гератский престол Тимурида Хусейна Байкары (1469 г.) Навои становится государственным деятелем. Он получает титул эмира и занимает очень высокие государственные посты. Почти всю свою жизнь он провел в Герате.

В становлении гения Навои большую роль сыграла его дружба с великим Джамии, чьим учеником он себя считал. «...Встреча Навои и Джамии,— пишет Е. Э. Бертельс,— действительно имела результатом дружбу, длившуюся до самой смерти Джамии. Корни этой дружбы, конечно, не только в индивидуальных чертах характера этих двух выдающихся мужей — она укреплялась общностью их мирозерцания, полным совпадением их взглядов на цели и задачи литературы»⁷¹.

В 1483—1485 гг. Алишер Навои создает «Хамсу» — «Пятерицу», т. е. цикл из пяти поэм. Идея такого цикла возникла в связи с «Пятерицей» великого поэта XII в. Низами, в

⁷⁰ См. о нем: Айни С., 1948; Бертельс Е. Э., 1965 а; Джамии, 1965. Издания произведений Джамии и их переводов: Джамии, 1964; Абдурахмони Чоми, 1964.

⁷¹ Бертельс Е. Э., 1965 а, стр. 124.

Медресе Улугбека. 1420 г. Самарканд

подражание которому создали свои циклы многие поэты, в том числе Джами.

В своем цикле Навои много глав посвятил обличению насилия и угнетения народа, алчности, погони за наживой.

Когда в 1493 г. умер Джами, Навои и его друзья носили траур в течение целого года. Для увековечения памяти друга Навои пишет труд «Пятерица смятенных», переводит на староузбекский язык одно из сочинений Джами.

Дружба Алишера Навои и Абд ар-Рахмана Джами — яркий символ дружбы двух народов — узбекского и таджикского, истоки которой уходят в седую старину.

В конце жизни (ум. в 1501 г.) Навои написал поэму «Беседы птиц» и сочинение дидактического содержания «Возлюбленная сердец», где затрагиваются все стороны жизни общества, а также много других сочинений.

Алишер Навои — один из величайших поэтов восточного средневековья, вместе с тем — крупнейший ученый и мыслитель, музыкант и художник, а также политический деятель.

«Навои велик. Его многогранный талант ставит его в один ряд с мировыми гениями. Его творчество давно уже стало достоянием всего человечества. Особенно большую роль сыграло оно для развития литературы на тюркских языках. Крупнейший азербайджанский поэт XVI в. Фузули, туркменские поэты Андалиб, Махтумкули, Молла Непес и др. вдохновлялись творениями Навои и во многом подражали ему. Большой популярностью пользовался Навои также среди турецких поэтов.

Значение Навои для узбекской литературы определяется тем, что он вывел ее на мировую арену. Навои своими творениями открыл узбекскому народу широкую возможность развивать свою культуру на родном языке. Сила таланта Навои в том, что его творения пережили века, вошли в память народа, вдохновляют его и поныне»⁷².

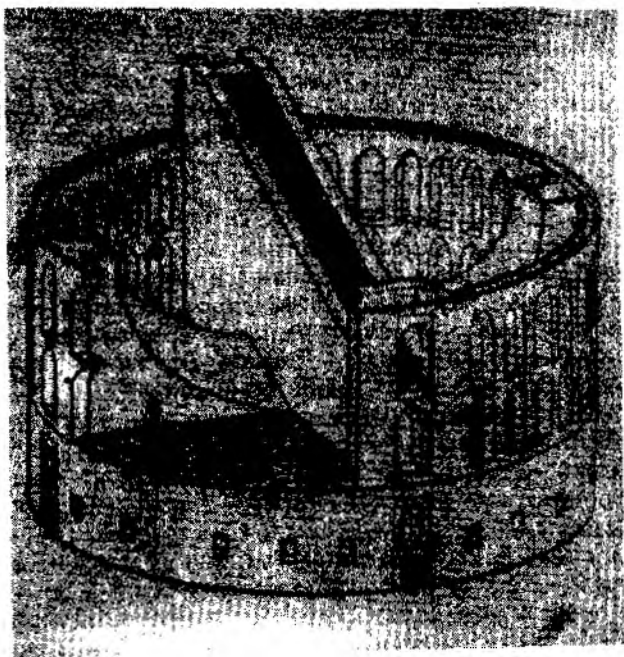
В описываемый период получило большое развитие и литературоведение. Появилось много работ о рифме, метрике, акrostихе, поэтической загадке (муамма) и пр. Джами написал «Муамма-и сагир» («Малая муамма») и «Муамма-и кабир» («Большая муамма»), трактат «Рисала-и кафия» («О рифме»); *Камал-ад-Дин Хусейни* — «Рисала фи-л-муамма» («Трактат о муамма»); *Сайфи* — «Аруз» («О метрике»). В 1486 г. один из придворных Хусейна Байкары, *Даулат-Шах Самарканди*, часто общавшийся с Джами и его другом Навои, составил известную антологию «Тазкират аш-шоара», в которой приводятся сведения более чем о ста поэтах.

Значение литературной школы Герата очень велико. Особенно важно еще раз подчеркнуть, что с этого времени усиливается сближение литературного творчества двух народов-соседей — таджикского и узбекского.

Изложим некоторые выводы советской науки о третьем периоде развития классической поэзии, охватывающем XIII—XV вв. (после монгольского завоевания). С 50-х годов XIII в., несмотря на невыносимый гнет, в сохранившихся очагах культуры начался новый подъем литературы, который постепенно привел и к тому разнообразию жанров, которое характерно для первого периода (IX—XI вв.), и к дальнейшему росту оппозиционно-гуманистического направления, которое сложилось во втором периоде (XI — начало XIII в.).

⁷² *Кор-Оглы Х. Р.*, 1968, стр. 63. Сочинения А. Навои изданы в Ташкенте в 15 томах.

(*А. Навоий*. Асарлар. 15 томлик. Ташкент, 1963—1968); имеются многочисленные переводы на русский язык. О жизни и творчестве Навои см.: *Бергельс Е. Э.* 1965 г.; *Захидов П.*, 1961 и др. Подробную библиографию см.: *Свидича Е. Д.* 1968.

Обсерватория Улугбека.
Около 1428 г. (разрез —
реконструкция)

Возобновление традиций вызвало потребность в обобщающих «литературоведческих» трудах (как тазкира Ауфи и Даулат-шаха и др.). Панегиризм нашел себе применение в историографической прозе весьма риторического свойства, прославлявшей Тимура и его наследников, а также в возрожденной касыде (Хусрау Дехлеви и др.). Второе рождение обретает метод творческого состязания — поэтического ответа (назира). Такова «Хамса» Хусрау Дехлеви, «Семерица» Джамии, «Пятёрница» Навои (на староузбекском языке). В суфийской поэзии это приводит к «суфийствующим» стихам, по форме (лексика и образность) суфийским, а по содержанию — самым разным.

Высшим достижением поэзии были газели Хафиза и Камала. Джамии явился поэтом, завершающим этот период. Он развивал все жанры, синтезировал весь литературный опыт, разрабатывая художественную концепцию совершенного человека. Но в XV в. в поэзии появляются элементы эпигонства, все большее внимание уделяется форме в ущерб содержанию.

Развитие художественной литературы не могло не отразиться и на других, смежных с ней областях искусства. Широкое распространение получили музыка и танец, особенно в середине XV в.

В этот период появились не только музыканты-исполнители, но и отличные композиторы.

Создаются серьезные теоретические труды о музыке. «Рисала-и мусики» («Трактат по музыке») Абд ар-Рахмана Джами считается одним из важнейших источников по изучению музыки XV в.

В этот период был написан ряд трудов по этике. *Джалал ад-Дин Давани* (1426—1502 гг.) написал в 1467 г. книгу «Ахлак-и Джалали» («Джалалова этика»). В 1494 г. *Хусейн Ваиз Кашифи* (ум. в 1504 г.) составил и посвятил принцу Мухсину книгу «Ахлак-и Мухсини» («Мухсинова этика, этика благодетеля») по вопросам воспитания и этики. Им же заново переработана знаменитая книга «Калила и Димна». Эта переработка названа им «Анвар-и Сохайли» («Сияние Канопуса»).

Значительны были достижения и в области историографии. В этот период было создано известное историческое произведение Хафиз-и Аbru (ум. в 1430 г.) «Зубдат ат-таварих» («Сливки истории»), где изложение событий доведено до 1427 г. Его продолжателем был *Абд ар-Раззак Самарканди* (ум. в 1482 г.), который написал книгу «Матла ас-саадайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей»). Эта книга содержит описание исторических событий за период от рождения Хулагуида Абу Саида до Абу Саида Тимурида, т. е. с 1304 по 1470 г.

Муин ад-Дин Мухаммад Исфизари (ок. 1446-47—1498 г.) в 1493-94 г. составил труд «Раузат ал-джаннат фи аусаф-и мадинат ал-Хират» («Райский сад по описанию города Герата»), в котором изложил историю не только города Герата, но и всех областей государства султана Хусейна.

Важнейшим историческим трудом, созданным в период Тимуридов, является книга «Раузат ас-сафа» («Сад чистоты»). Автор книги *Мухаммад ибн Хандшах* (1433—1498 гг.), происходивший из Балха и известный под именем *Мирхонда*, был одним из активных участников культурной жизни Герата: «Раузат ас-сафа» состоит из семи книг и описывает историю стран ислама, в частности Ирана и Средней Азии; наиболее пространно описывается тимуридский период до конца царствования султана Хусейна Байкары. Седьмой, последний, раздел остался незаконченным и был дописан внуком составителя Хондемиром.

Еще раз подчеркнем, что культурные достижения этого времени не дают никаких оснований идеализировать положение в государстве султана Хусейна. Как отмечалось выше, сам султан Хусейн и его чиновники безжалостно грабили трудовой народ. Строительные работы, проводимые в Герате, тяжким бременем ложились на плечи трудящихся. У многих писателей того времени мы встречаем жалобы на насилие и притеснения.

Раздел пятый

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД
В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

задуманные Шейбани-ханом. Но горожане защищали не династические интересы Бабура, как тот наивно полагал. Самаркандцы уже имели большой и горький опыт: измены и заговоры знати, переход города из рук в руки влекли за собой грабеж, резню, голод. Но в данном случае интересы горожан и Бабура совпали.

Однако отстоять Самарканд не удалось. Горожане не имели оружия. В городе начался сильный голод. «Настала уже пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились, а люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо. Так как корм для коней сделался редкостью, то люди давали коням листья деревьев»³.

Бабура обращался к разным правителям за помощью, но безуспешно. Он очень точно подчеркнул непонимание Тимуридами общих интересов: «Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних и окраинных владетелей, но у каждого из них были свои планы»⁴. Особенно его удивляла недалёковидность Султан-Хусейна, главы хорасанских Тимуридов, который не помог ему, Бабуру, но даже заигрывал с Шейбани-ханом.

Горожане, воины и даже приближенные Бабура бежали из голодающего города. Бежал, наконец, и сам Бабура. Столичный Самарканд вторично и окончательно оказался в руках Шейбани-хана. Было это в 1501 г.

Наиболее активное сопротивление Шейбани-хану оказали горожане Каракуля. Весной 1501 г. в Каракуле произошло восстание, носившее ярко выраженный классовый характер. Во главе города был поставлен представитель народа, вероятно, глава этого восстания. Имя его неизвестно, в источниках того времени он презрительно назван «Нищим» и «Глупцом».

Шейбани-хан сам с большим войском выступил против Каракуля. Город был взят, руководителя восстания убили. После ухода Шейбани-хана горожане восстали снова. Но на этом этапе инициативу захватили феодалы, решив использовать это восстание в интересах Тимуридов. Они обратились за помощью к соседним тимуридским правителям. Шейбани-хану вторично пришлось посылать большое войско к Каракулю. Сражения были ожесточенными, беднота города проявляла чудеса храбрости и стойкости. В конце концов Шейбаниды захватили город и устроили там настоящее побоище. А затем по приказу Шейбани-хана в Бухаре для устрашения народа была сложена пирамида из голов перебитых каракульцев⁵.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же.

⁵ Мукминова Р. Г., 1950, стр. 13—14.

Некоторое время Шейбани-хан потратил на то, чтобы обезопасить свои тылы, а затем приступил к завоеванию южных владений Тимуридов. И здесь его успехам способствовали те же обстоятельства. И здесь правители разных областей не смогли и не захотели объединиться. Взаимное недоверие, интриги, заговоры и прямые измены подготавливали почву для завоевания. Шейбани-хан умело использовал эту обстановку, обещая разные милости одним, запугивая других, демонстрируя безнаказанными набегами, грабежом и разорением населения слабость и бессилие Тимуридов и тем самым усиливая пораженческие настроения.

Хусрау-шах, правитель огромной области с центром в Хисаре, когда-то был настолько силен, самовластен и богат, что тимуридские царевичи искали его помощи и покровительства. В этот период он проявлял полное непонимание обстановки: вместо того чтобы объединиться с Тимуридами или хотя бы оказать им помощь, за которой к нему неоднократно обращались, он боялся их притязаний, хитрил, оказался совершенно изолированным и при первом известии о движении войска Шейбани-хана на Хисар трусливо бежал. Южный Таджикистан, часть Северного Афганистана и Южного Узбекистана — бывшие его владения — без труда достались Шейбани-хану. Следом, в 1505 г., был взят Хорезм.

Оставался Герат — другая столица Тимуридов. Только теперь перед лицом уже совершенно конкретной опасности Султан-Хусейн выступил с главными силами, но — старый и больной — скончался в походе. Среди вельмож сразу начались распри. В результате на престол возвели сразу двух сыновей Султан-Хусейна, за которыми стояли две группировки наиболее влиятельной знати. Лучшей для себя ситуации не придумал бы и сам Шейбани-хан. По этому поводу Бабур записал: «Диковинное это было дело: никогда не было слыхано, чтобы два царя правили совместно»⁶.

Пока они собирали войско, пока их приближенные эмиры ссорились, не в состоянии принять единое решение. Шейбани-хан взял и разграбил Балх, а вскоре энергично двинулся к Герату и недалеко от города разбил плохо подготовленное тимуридское войско⁷.

Многие эмиры и сановники бежали прямо с поля боя, другие — из города. Бежали — один на запад, другой на восток — и оба государя. Крупное же духовенство и вельможи, посовещавшись, направили Шейбани-хану письмо с изъявлением покорности. Любопытно, что составлял это письмо Хондемир, зна-

⁶ Бабур, 1958, стр. 212.

⁷ Подробности взятия Герата и последующих событий см.: *Болдырев А. Н.*, 1957, стр. 59 и сл.

менитый историк, автор крупнейшей исторической хроники «Хабиб ас-Сияр». Попытку сопротивления оказали лишь горожане, они совершили вылазку и убили около трехсот узбеков, занимавшихся грабежом в пригородах Герата.

Тем временем прибывшей делегации были продиктованы условия сдачи Герата: простой народ и ремесленники должны были уплатить огромную контрибуцию, со знати были истребованы денежные подарки. Конфискация коснулась главным образом имущества свергнутой династии и связанной с ней знати.

За короткий срок были завоеваны остальные города и области, вплоть до Астрабада. Во всех крупных городах бывшей тимуридской державы — в Самарканде и Бухаре, в Мерве, Серахсе, Балхе и Герате, в Мешхеде, Нишапуре, Тусе, Нимрузе и Астрабаде — отчеканили серебряные монеты от имени нового завоевателя. Шейбани-хан придавал большое политическое значение этому акту, это был своего рода манифест о восшествии на трон.

Шейбани-хан, вознамерившись завоевать государство Тимуридов, объединить под своей властью огромную территорию, прекрасно понимал, что в таком деле одних военных успехов недостаточно. Беспощадно уничтожая и преследуя представителей династии Тимуридов, он с самого начала стремился привлечь на свою сторону влиятельных светских и духовных феодалов. Эта тактика, вероятно, принесла ему больше успехов и побед, чем оружие. Не только он сам, но и его приближенные понимали, что происходит лишь смена власти, все же сложившиеся нормы жизни остаются неизменными. В этом отношении любопытен рассказ поэта и мемуариста Васифи, очевидца завоевания Герата Шейбани-ханом. Один узбекский эмир, приняв его и его спутника за крестьян, разъяснял им, что произошла лишь смена одних хозяев-землевладельцев другими и что новые стремятся к быстрейшему восстановлению хозяйства, ибо теперь к ним перешли права на землю и крестьян, но в то же время обязанность «заботиться» о крестьянах⁸.

Вся внутренняя политика Шейбани-хана после завоевания тимуридского государства служила интересам господствующего класса, класса феодалов; в состав которого вошла знать узбекских кочевых племен. Даже самые внешне положительные его мероприятия отражали интересы господствующего класса.

Сам Шейбани-хан, его родичи, знатные эмиры племен и даже ближайшие дружинники чрезвычайно обогатились за счет конфискации имущества Тимуридов, их приверженцев из числа светских и даже духовных феодалов и как лиц, даже просто подозревавшихся в заговорах против Шейбанидов. Все государство Шей-

⁸ Болдырев А. Н., 1957, стр. 66.

бани-хан поделил на уделы, которые отдал в управление и владение своим родичам и знатным эмирам. Экономическая сторона этих пожалований заключалась в том, что доходы полностью или частично поступали уже не в казну Шейбани-хана, а удельным владетелям областей и городов. Завоеватели быстро поняли, что награбленные и накопленные богатства не должны лежать мертвым капиталом, они начали скупать земли, городские постройки, ремесленные заведения. Они также быстро усвоили, что в условиях всяких перемен самой прочной собственностью была та, что оформлена в виде покупки. Поэтому фактически отобранное насильно часто оформлялось именно как покупка. Любопытно, что насильно отобранные земли иногда приходилось возвращать⁹.

Конфискации и покупки быстро сосредоточили в руках Шейбанидов и узбекской знати огромные земельные массивы, большое число городских построек, мельниц и прочих доходных объектов. Достаточно одного примера: уже в 20-х годах XVI в. жена сына Шейбани-хана смогла передать в вакф медресе более 40 лавок-мастерских, торговый пассаж-тимча, 8 водяных мельниц, мастерские для выделки бумаги, склады, дворы, около полутора участка земли, целиком или частично 6 селений и т. п.¹⁰.

Таким образом, Шейбаниды и знать узбекских кочевых племен превратились в крупнейших земельных феодалов, заинтересованных также в городском ремесле и торговле. Их экономические интересы ничем не отличались от интересов потомственных светских и духовных феодалов Средней Азии, сохранивших при Шейбанидах свои наследственные земельные и городские богатства, накопленные в предшествующее время.

О стремление Шейбани-хана расширить свою классовую базу, привлечь на свою сторону господствующий класс завоеванного им государства свидетельствует его денежная реформа¹¹, декретированная в 1507 г.

Ремесло, торговля и денежное обращение были важнейшей статьей государственного дохода и доходов удельных владетелей. Последние Тимуриды чрезвычайно широко и беззастенчиво пользовались этой статьей, так что состояние денежного обращения не отвечало интересам торговли, препятствовало ее нормальному развитию, что в свою очередь влияло и на ремесло. Это больно ударило по интересам не только ремесленников и мелких торговцев, но всего господствующего класса, ибо в феодальном обществе Средней Азии феодал был и купцом, он владел не только землей в деревне и городе, но различными торговыми ремесленными заведениями, он принимал участие во внутри-

⁹ Мукминова Р. Г., 1966, стр. 26 и сл.

¹⁰ Там же, стр. 41.

¹¹ Давидович Е. А., 1954 а, стр. 85 и сл.

городской торговле, он был основной фигурой в межобластной и международной торговле¹².

Реформа Шейбани-хана организовала равное денежное обращение по всему государству и избавила его от всяких перемен. Она определила вес, размер и вид серебряных и медных монет и отношение между ними. Эти монеты имели равную силу в любом городе, в любой области, удельные владетели не могли чинить препятствий для их равного обращения, понижать или повышать к своей выгоде их курс.

Такая реформа, естественно, получила большой политический резонанс, выгодно оттеняя мероприятия нового завоевателя по сравнению с финансовой деятельностью поздних Тимуридов. Не случайно декрет об этой реформе был объявлен сразу после падения Герата — второй столицы Тимуридов. Наряду с другими более частными мероприятиями Шейбани-хана, направленными на нормализацию нарушенной военными действиями жизни, реформа 1507 г. должна была сразу показать всем слоям господствующего класса, что от перемены династии они не проиграли, а выиграли, что Шейбани-хан понимает и оберегает их интересы.

Борьба между Шейбанидами и Бабуром

Несколько лет на территории огромного государства Шейбани-хана не было военных действий, что, безусловно, способствовало нормализации хозяйственной жизни. Но в 1510 г. на северо-востоке и на юго-западе новому государству почти одновременно был нанесен серьезный урон. Незадолго до того разгромленные Шейбани-ханом степняки-казахи, объединившись с моголами, нанесли Шейбанидам страшное поражение на Сырдарье. Персидский шах Исмаил I победно двигался с запада на восток к Герату, захватывая один город за другим.

Исмаил I происходил из суфийской семьи города Ардебиля. Среди шейхов этой семьи особенно прославился «святостью» Сефи ад-Дин Исхак, по имени которого его потомки и весь дервишский орден стали называться Сефевийе. Зачем они вышли на политическую арену, впоследствии их династия получила в науке название Сефевидов. В XV в. главной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена, жившие на территории иранского Азербайджана. Их по-азербайджански называли кызыл-башами — «красноголовыми», так как воины-кочевники носили на

¹² *Иванов П. П.*, 1954, стр. 42—43; *Давидович Е. А.*, 1961 а, стр. 40—42.

голове чалму с 12 пурпурными полосами в честь 12 шиитских имамов. Они и в духовном, и в политическом отношении подчинялись сефевидским шейхам. Сефевидские шейхи в последней трети XV в. совершали грабительские набеги сначала на немусульманские страны, затем вступили в борьбу с некоторыми мусульманскими правителями. Но явного успеха добился лишь Исмаил I: завоевав Тебриз, он сделал его своей столицей и в 1501 г. принял титул шаханшаха Ирана. За короткий срок, пользуясь междоусобиями среди разных династий, кызылбаши во главе с Исмаилом I покорили весь Западный Иран.

Два государства — Шейбанидов и Сефевидов — оказались соседями. Но мира между ними не было. Политическим замыслом была придана религиозная окраска: Шейбани-хан в своих владениях боролся с шиизмом. Исмаил же и кызылбаши были воинствующими шиитами.

Шейбани-хан с войском отступил к Мерву, послав гонцов за помощью во владения родичей. Шах Исмаил осадил Мерв, но затем, оставив осаду, имитировал отступление. Шейбани-хан на этот раз совершил непростительную для опытного полководца ошибку: он недооценил своего противника. Не дождавшись подкрепления, он бросился вдогонку за «отступавшим» Исмаилом, был окружен, разбит наголову и погиб сам. Из его черепа, оправленного в золото, Исмаил сделал чашу для вина.

Шах Исмаил I направил против шейбанидов не только свой меч, но и дипломатию: он всячески поощрял оставшихся в живых Тимуридов бороться за владения дедов и отцов. Пока влиятельные члены шейбанидской династии занимались вопросами престолонаследия, судили и рядили и ни в чем не могли достичь единогласия, Тимуриды захватили Фергану, а Бабур, до того обосновавшийся в Кабуле, быстро двинулся через Кундуз на Хисар. Решительное сражение у Пул-и Сангин («Каменного моста») через Вахш (там, где сейчас Нурекская ГЭС) кончилось победой Бабура. Центральный Мавераннахр достался ему без боя, ибо шейбанидские султаны предпочли сами оставить Самарканд, Бухару, Карши и другие города.

Легкая победа окрылила Бабура и сделала его беспечным. По свидетельству источников, он, его приближенные и даже простые воины предавались пиршествам и веселью. Это требовало больших средств, в поисках которых Бабур, очевидно, ни перед чем не останавливался. Один из примеров его бездумного отношения к своему собственному положению — его махинации с чеканом монет: он нарушил нормы денежного обращения, установленные Шейбани-ханом. От этого несли убытки все слои общества, заинтересованные в торговле. Многочисленная армия Бабура буквально объедала население, но Бабур, наученный горьким опытом своего прошлого, не решался сокращать армию. Особое недовольство населения вызывало присутствие отрядов

кызылбашей, которых шах Исмаил I прислал на помощь Бабуру. Совсем уже не нравились шиитские настроения Бабура и то, что он их демонстрировал.

Довольно широкие слои Бухары и Самарканда с радостью встретили приход и победу Бабура. Но не прошло и полугодя, как он лишился этой широкой опоры и мог рассчитывать только на свое разнокалиберное войско. А оно его подвело. Весной 1512 г. молодой и очень энергичный Убейдаллах-султан (племянник Шейбани-хана), не уговорив прочих Шейбанидов начать новую войну за Мавераннахр, сам с небольшим войском подошел к Бухаре. И, к законному удивлению современников, одержал решительную победу над войском Бабура, во много раз превосходившим численно его отряд¹³.

Бабур бежал в Хисар. Последнюю попытку отвоевать Мавераннахр он сделал осенью того же года, когда ему на помощь пришло огромное войско кызылбашей. Даже простое прохождение такого войска по территории Мавераннахра было подобно стихийному бедствию. К этому добавилось массовое истребление при первых успехах, особенно в Карши. Но под Гиждуваном Шейбаниды полностью разгромили кызылбашей¹⁴.

Зверская расправа с населением Карши вызвала неодобрение и возмущение историков даже сефевидской ориентации. А тут еще распространились слухи, что кызылбаши собираются полностью истребить население в Самарканде. Все это способствовало сплочению местного населения вокруг Шейбанидов, росту к ним симпатий и новой волне антипатии к Бабуру.

Средняя Азия в первой половине XVI в.

Вскоре Шейбаниды отвоевали все области Средней Азии: Ташкент, Фергану, Хисар и пр. Но Средняя Азия была разорена. Вторжение кызылбашей, бесчинства и грабежи моголов, массовое истребление населения пагубно отразились на жизни народа и на всем хозяйстве. Холодная и снежная зима 1512/13 г. на этом фоне оказалась новым бедствием. Цены на продукты чрезвычайно выросли, в ряде мест был страшный голод. В источниках особенно подробно описано тяжелое положение в Хисарской и Самаркандской областях.

Моголы разграбили и разорили всю Хисарскую область, отняли у населения весь хлеб и скот, начался ужасающий го-

¹³ Персидские источники этот этап борьбы между Шейбанидами и Бабуром описывают несколько иначе, но предпочтение должно быть отдано современникам и очевидцам (Семенов А. А., 1954 г., стр. 127—131).

¹⁴ Описание этих событий в разных источниках отличается деталями (Семенов А. А., 1954 г., стр. 131—138; Болдырев А. Н., 1957, стр. 115—121).

ния в 1512 г. из Средней Азии всех претендентов государем стал не Убейдаллах-хан — самый влиятельный среди Шейбанидов, а Кучкунчи-хан; не обладавший ни авторитетом, ни властью и больше занимавшийся благочестивыми делами и молитвами. Затем государем стал сын Кучкунчи, а уж потом Убейдаллах (1533—1539 гг.).

Еще при Шейбани-хане государство было поделено на уделы. Сейчас произошло окончательное закрепление уделов за членами династии. Крупные удельные владельцы были самостоятельны во внутренних делах, владение сразу стало наследственным и лишь в результате междоусобий те или иные города и области попадали в новые руки. Самыми крупными уделами были Бухара, Самарканд, Ташкент, Балх, Хисар и некоторые другие. На разных отрезках времени удельные владельцы каждого из этих уделов становились государями, но все же чаще всего государями провозглашались владельцы Самарканда (в первой половине XVI в), а с 1560 г. столицей государства Шейбанидов окончательно стала Бухара.

Первые три четверти столетия государство Шейбанидов было типично удельным, носивший титул хана и хакана государь был лишь одним из удельных владельцев, причем не всегда самым влиятельным и сильным. Ему принадлежали лишь внешние прерогативы власти: почетная титулатура, хутба (провозглашение его имени во время пятничных молитв) и чекан серебряных монет от его имени¹⁸. До 40-х годов XVI в. эти правила соблюдались, позже некоторые удельные владельцы даже монеты иногда чеканили от своего собственного имени, как не только фактически, но даже и формально вполне независимые государи.

При первых трех государях (Кучкунчи-хане, его сыне Абу Саид-хане и Убейдаллах-хане) внутреннее положение государства было относительно стабильным, определенные условия для восстановления и нормализации хозяйства существовали. Государи и удельные владельцы даже принимали некоторые активные меры для нормализации тех участков хозяйственной жизни, с которыми были связаны интересы класса феодалов, да и их собственные. В этом плане особенно показательна денежная реформа, проведенная в правление Кучкунчи-хана. Как уже отмечалось, денежное обращение в результате разорительных для хозяйства страны войн и махинаций Бабура и Шейбанидов с монетным чеканом переживало кризисное состояние. Это тяжело отражалось на торговле вообще, задевало интересы класса феодалов, а в конечном счете сокращало доходы самих Шейбани-

¹⁸ В глазах современников хутба и чекан монет были настолько важными признаками верховной власти, что в письменных источниках, когда речь идет о провозглашении государя, эти моменты обязательно подчеркиваются.

дов от торговли и денежного обращения. Необходимость реформы назрела, но провести ее оказалось очень трудно в условиях удельного устройства государства и большой самостоятельности удельных владетелей. Получилось так, что глава государства Кучкунчи-хан в столичном Самарканде и Убейдаллах-хан в своем уделе в Бухаре сначала проводили самостоятельную монетную политику. Понадобилось более десятилетия, чтобы наладить денежное обращение в общегосударственном масштабе¹⁹.

Важной приметой рассматриваемого периода были походы Шейбанидов на Хорасан²⁰. Инициатором этих походов был Убейдаллах-хан, который, как и другими Шейбанидами, владела идея восстановления своего государства в тех размерах, в которых оно существовало при основателе династии Шейбанихане. Кроме того, Шейбаниды считали, что именно они являются законными наследниками Тимуридов²¹.

Во время этих походов Шейбаниды старались захватить крупнейшие города, в первую очередь их привлекал Герат. И действительно, трижды они овладевали Гератом, но на короткое время. В 1532 г. Шейбаниды осадили, но не взяли Герат, зато овладели всеми крупнейшими городами до Астрабада включительно. Последний поход, организованный Убейдаллах-ханом, относится к 1535—1537 гг. После пятимесячной осады Убейдаллах-хан взял Герат и владел им более года. Чтобы закрепить эту победу, он собирался дать решительное сражение сефевидскому государю, но шейбанидские султаны, как это бывало уже не раз, воспротивились и предпочли отступить в свои коренные владения. Даже власть столь авторитетного государя, как Убейдаллах-хан (а он в это время был главой государства), не была достаточной, чтобы принимать самостоятельные решения.

Хорасанские походы Шейбанидов по назначению не были просто грабительскими, но они, естественно, обогащали участников. Кроме того, как правильно отмечено²², объективно они тормозили развитие междоусобий среди Шейбанидов. При всем самовласти и независимости удельных владетелей территория государства Шейбанидов в этот период не стала еще ареной постоянных междоусобных войн. Конечно, многократное продвижение войска в направлении Хорасана, подготовка и снаряжение этих походов были дополнительным бременем для населения Средней Азии, но все же обстановка в этот период была более спокойной и условия для нормального хозяйствования более прочными, чем впоследствии.

¹⁹ Давидович Е. А., 1951 а, стр. 106—120.

²⁰ Наиболее подробно см.: Давидович Е. А., 1953 а, стр. 97—106.

²¹ Миклухо-Маклай Н. Д., 1952, стр. 11 и сл.

²² ИТН, II, 1, 1965, стр. 372.

Феодалные междоусобицы Абдаллах II и «собрание уделов»

С 40-х годов XVI в. феодалные междоусобия и войны стали обычным явлением. Воевали между собой владельцы крупных уделов, к ним примыкали более мелкие владельцы: одни ради сохранения своих уделов, другие ради получения новых.

Нет надобности описывать эти бесчисленные феодалные войны, группировки и перегруппировки султанов²³. Отметим лишь следующее.

Шейбанидские султаны часто не могли договориться даже по вопросам престолонаследия, и глава государства как рядовой удельный властитель участвовал в феодалных войнах. Бывали случаи, когда некоторые султаны не только не признавали главу государства, но только воевали с ним и его приверженцами, но даже присваивали себе верховные регалии: в хутбе провозглашали свое имя и от своего имени чеканили монеты. Бывали и такие случаи, когда разные группировки провозглашали разных государей, и в стране получалось нечто вроде двоевластия. Один из подобных эпизодов связан с именем Тимур-Ахмада, владельца Хисара. Как уже отмечалось, Хисар был одним из крупнейших удельных владений в государстве Шейбанидов. В то время, когда главой государства был владелец Ташкента Науруз-Ахмад-хан (Барак-хан), междоусобные войны разгорелись с особой силой, причем глава государства выступал отнюдь не в роли миротворца, а наоборот, в роли инициатора. В данной связи важно подчеркнуть, что совершенно четко наметились две основные группировки султанов: семья ташкентских удельных владельцев во главе с хаканом и группировка, возглавленная молодым Абдаллах-султаном. В многочисленных битвах и осадах ташкентский Науруз-Ахмад-хан сильно потеснил Абдаллаха и даже отобрал удел его отца, большую область Мианкаль (между Бухарой и Самаркандом) с центром в г. Кермине²⁴.

После смерти Науруз-Ахмад-хана главой государства, согласно письменным источникам, был провозглашен Пир-Мухаммад-хан, владелец Балха и дядя Абдаллах-султана. Но нумизматические данные вносят любопытные коррективы в характеристику политической ситуации этого времени²⁵. Оказывается, уже ранее сложившиеся две наиболее враждебные группировки провозгласили двух разных хаканов ташкентская семья удельных владельцев объявила главой государства Тимур-Ахмада, владельца Хисара, и монеты отчеканила именно от его имени; группировка же Абдаллах-султана главой государства признала члена его семьи, его дядю Пир-Мухаммада. И эта группировка в конце концов одержала верх.

²³ Подробно см.: *Вельяминов-Зернов В. В.*, 1859; *Вяткин В. Л.*, 1927.

²⁴ *Вельяминов-Зернов В. В.*, 1859, стр. 379—386.

²⁵ *Давидович Е. А.*, 1952, стр. 27—36.

Собственно, это была первая крупная политическая победа Абдаллах-султана. За этим последовал ряд других военных и политических успехов. Сначала Абдаллах вернул свой родовой удел — Мианкаль, затем изгнал сыновей Науруз-Ахмад-хана из Самарканда, а в 1557 г. захватил Бухару. Вскоре, воспользовавшись междоусобицами в Балхе (сын Пир-Мухаммад-хана, в отсутствие отца, захватил город), Абдаллах вызвал своего отца из Керамине в Бухару и в 1560 г. провозгласил его главой государства²⁶, хотя его дядя, Пир-Мухаммад-хан, был жив, вернул себе Балх и до самой смерти должен был оставаться хаканом. Но он был стар, удручен своими семейными неурядицами и даже не попытался вернуть столь незаконно отнятый у него престол. Искандар, отец Абдаллаха, был чисто подставной фигурой. Фактически главой государства стал Абдаллах, а единственными серьезными политическими его противниками — семья удельных владетелей Ташкента.

Абдаллах, самостоятельность которого никто и ничто теперь не ограничивало, с удивительной энергией, целенаправленностью и непримиримой жесткостью приступил к дальнейшему «собранию уделов». В 1573 г. он взял Балх, в 1574 г. — Хисар, в 1578 г. — Самарканд, а в 1582 г., наконец, и Ташкент. В 1583 г., после смерти отца, Абдаллах был провозглашен государем в нарушение вышеупомянутого правила, так как он отнюдь не был старшим в роде. Теперь в его руках соединились и фактические и формальные права государя. Он был единственным среди шейбанидских хаканов, борьба которого с самовластным удельных владетелей оказалась успешной и которому удалось создать до известной степени централизованное государство.

Но Абдаллах-хан II мечтал о большем: он хотел вернуть Шейбанидам все владения, которые когда-то завоевал Шейбани-хан, основатель династии. И в отличие от своих неудачливых предшественников, он в значительной степени, этого добился: одной из причин его успехов было, конечно, его умение сосредоточить в своих руках большую власть, он не зависел от капризов и решений других членов династии.

В 1584 г. Абдаллах-хан II завоевал Бадахшан, в 1588 г. — Герат, а затем и многие другие города Хорасана. Завоевание Хорезма потребовало больше сил и времени; понадобилось три похода, чтобы более или менее прочно закрепить там в 1595 г. свою власть.

Прекрашение междоусобных войн и известная централизация власти создавали некоторые благоприятные предпосылки

²⁶ Такой порядок престолонаследия изложен современником событий, Хафиз-и Танышем, в его «Абдаллах-наме». В. В. Вельяминов-Зернов (1859, стр. 392—395) справедливо отметил, что версия более позднего историка, Юсуфа Мунши, является совершенно искаженной и путаной. В поддержку В. В. Вельяминова-Зернова следует добавить, что большой нумизматический материал, накопленный за прошедшее столетие (последнюю сводку см.: *Lowick N. M.* 1966), полностью подтверждает версию именно Хафиз-и Таныша, лишь конкретизируя и детализируя некоторые его данные.

для нормализации хозяйственной жизни. Абдаллах-хан II был, очевидно, незаурядным государственным деятелем. В народных преданиях с его именем связаны бесчисленные сооружения и постройки: тут и ирригационные работы, и строительство дорог, сардабы-водохранилища, мосты, караван-сарай, торговые пассажи. В этих легендах есть зерно истины.

В источниках упоминаются некоторые ирригационные работы, проведенные по его приказу. Такова Нуратинская плотина для собирания селевых вод, таковы работы по исправлению каналов в районе Саурана, водоем у реки Кушка, мост через Зеравшан около Гиждувана, по-видимому, служивший также для поднятия воды и разделения ее на протоки²⁷.

Но особенно много внимания Абдаллах-хан II уделял вопросам внешней и внутренней торговли. Это подтверждает и проводимое им благоустройство дорог, и вообще улучшение условий караванной торговли. Очень показательна в этом отношении его денежная реформа, ее назначение и объективные результаты²⁸.

Почти пятьдесят лет непрерывных феодальных войн на территории Средней Азии создавали весьма неблагоприятные условия для торговли и денежного обращения. Самовластные и независимые удельные владетели и в отношении денежного дела пытались проводить самостоятельную политику, чтобы и из этой статьи дохода извлечь максимальную выгоду. Они разрушили все нормы общегосударственного обращения. При этом нужно учесть все развивающийся в стране недостаток серебра-металла, обусловленный отсутствием значительной внутренней горнодобычи и привоза извне. В этих условиях беззастенчивая эксплуатация удельными владетелями и чекана и обращения именно серебряных монет привели к постепенному их сокращению в торговом обороте. Серебряные монеты исчезали по двум каналам: одна часть припрятывалась «до лучших времен», другая с выгодой вывозилась за границу. Отлив части серебра при условии его общей нехватки привел к изменению рыночного соотношения серебряного и медного металлов и к резкому расхождению базарного и официально-государственного курсов на серебряные монеты.

Кризис денежного обращения был острым и требовал вмешательства. Его и ликвидировала денежная реформа Абдаллах-хана II. В письменных источниках прямых упоминаний о ней нет. Лишь в «Абдаллах-наме» Хафиз-и Таныша глухо говорится о том, что Абдаллах-хан II тщательно следил, чтобы золотые монеты на монетном дворе не портили добавкой неценных металлов. Действительно, Абдаллах-хан II наладил чекан высокопробных золотых монет. Но главная часть его реформы кос-

²⁷ Бартольд В. В., стр. 153, 200, 226; Чехович О. Д., 1954 а, стр. 106.

²⁸ Давидович Е. А., 1951 а, стр. 120—141.

нулась чекана и обращения серебра. Предпосылкой его реформы была централизация государства. Это дало возможность закрыть многие монетные дворы в уделах. Одинаковые монеты, выпускавшиеся главным образом Бухарой, имели равное обращение по всему государству, для них уже не существовало «удельных преград». Базарный и официальный курсы серебряных монет были приведены в соответствие. Это сразу приостановило исчезновение серебра. Реформа удачно сочетала интересы торговли и казны: доходы от чекана теперь поступали главным образом в казну Абдаллах-хана II.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Землевладение и землепользование

В XVI в. земли по праву собственности, как и раньше, делились на 5 категорий. Шейбанидское завоевание в этом аспекте не привело ни к каким принципиальным переменам. Однако некоторые новые явления и тенденции должны быть отмечены. По-прежнему самой обширной была категория государственных земель. Она составляла и основной, но не единственной фонд владения на основе пожалования, т. е. условного феодального землевладения. Новым явилось естественное перераспределение государственных земель. В XVI в. основным владельцем государственных земель на основе пожалования стала новая группа класса феодалов: многочисленные члены династии и верхушка пришедших с Шейбанидами кочевых узбекских племен.

Государство Шейбанидов, как уже отмечалось, имело удельное устройство. Экономическое основание этой «удельности» и заключалось в том, что удельный владелец получал право собирать всю или часть (известны оба варианта) феодальной ренты-налога с государственных земель своего удела в свою пользу. Такие крупные пожалования целых уделов и в XVI в. обычно обозначались термином *сюргал*²⁹. Удельные владельцы, кроме того, обладали рядом иммунитетов, в том числе правом совершенно самостоятельно распоряжаться пожалованной им рентой-налогом. Так возникло положение, когда удельные владельцы в свою очередь раздавали часть государственных земель своих уделов более мелким светским и духовным феодалам и представителям военного сословия. Возникла ступенчатая иерархия земельных пожалований. Факты такого рода конкретно зафиксированы для XVI в. юридическими документами³⁰.

Эти более мелкие пожалования, исходившие от центральной власти или от удельных владельцев, тоже иногда обозначались

²⁹ Иванов И. П., стр. 26.

³⁰ Набиев Р. Н., 1959, стр. 26—28.

термином суюргал, иногда же к ним прилагались и другие термины. Пожалования за военную службу в XVI в. чаще всего обозначались термином танхо и икта³¹.

Другая категория земель по праву собственности — феодальные мильки (т. е. земли, с которых часть ренты поступала в пользу государства, а часть — в пользу частного лица — феодала) — была довольно обширной. Здесь заметны три тенденции. Во-первых, члены Шейбанидской династии и верхушка узбекских кочевых племен прилагают все усилия к приобретению мильковых земель. Большое количество мильковых земель досталось завоевателям путем конфискации их у Тимуридов, у тимуридской знати и чиновничества (не успевших перейти на сторону Шейбанидов) и даже в отдельных случаях у духовенства. В дальнейшем, судя по юридическим документам XVI в., члены династии и верхушка узбекских племен весьма интенсивно скупали мильковые земли как в сельской местности, так и в городах³².

Вторая тенденция, о которой свидетельствуют также юридические документы, это «распадение» мильковых земель, разделение их между государством и феодалом пропорционально долям ренты. Например, если доля государства в ренте с мильковой земли составляла $\frac{2}{3}$ этой ренты, а доля феодала — $\frac{1}{3}$ ренты, то после раздела $\frac{2}{3}$ самой земли превращались из мильковых в государственные, а $\frac{1}{3}$ земли превращалась из мильковой в мильк-и хурр-и халис (т. е. настоящую частнособственную)³³. При таких разделах фонд мильковых земель уменьшался. Нельзя не отметить и другой источник уменьшения этого фонда — обильные пожертвования за XVI в. мильковых земель в вакуфные (см. ниже).

И, наконец, судя по документам XVI в. и последующего времени, мильковые земли государство все шире начинает использовать как фонд для феодальных пожалований. В этом случае государство жаловало свою долю ренты с мильковых земель³⁴. Такого рода пожалования не нужно путать с «обелением» мильковых земель, когда государство освобождало милькара (владельца милька) от налога-ренты, так что всю ренту он забирал себе. Используя мильковые земли (подобно государственным) для пожалований, государство свою долю ренты с мильковых земель могло жаловать не милькару, а совсем другому лицу. В этом случае часть ренты получало одно лицо (на основе собственности), а часть — другое лицо (на основе пожалования).

³¹ Иванов П. П., 1954, стр. 26—27. Следует отметить, что вся терминология, связанная с пожалованиями в XVI в., изучена еще недостаточно.

³² Иванов П. П., 1954, стр. 24—25.

³³ Давидович Е. А., 1961 а, стр. 28—32.

³⁴ Там же, стр. 29—30.

Удельный вес земель категории мильк-и хурр-и халис в XVI в. не был велик, но пополнялся. Юридические документы фиксируют для этого времени два пути увеличения количества этих полностью частно-собственнических земель: раздел между государством и феодалом мильковых земель (см. выше), покупка государственных земель феодалами. Любопытно, что покупка государственных земель оформлялась как превращение их в мильковые земли с последующим разделом последних так, как описано выше.

Фонд вакуфных земель за XVI в. безусловно возрос как за счет мильковых земель, так в некоторой степени и за счет земель мильк-и хурр-и халис. В этом убеждает большое число богоугодных заведений (мечетей, мазаров, медресе, ханака), построенных за XVI в. и во всех случаях обеспеченных вакуфным имуществом, среди которого солидное место занимали и земли. Дошло значительное число вакф-наме XVI в., из которых также видно, что, кроме основного обеспечения, разные лица впоследствии производили в пользу тех же построек и дополнительные пожертвования.

Государство в одних случаях получало с вакуфных земель свою долю ренты, в других — нет. Но хаканы часто «обеляли» вакуфные земли. В этом плане XVI в. мало отличался от предшествующего времени. Любопытно другое. Вакуфные земли, как известно, не подлежали отчуждению и вообще были неприкосновенными. Между тем в некоторых вакуфных грамотах проскальзывает беспокойство, намекающее на то, что крупные феодалы пытались покушаться на вакуфные доходы и имущество. Особенно красноречивы в этом плане вакф-наме в пользу самаркандских медресе Шейбани-хана. Среди условий вакфодательницы есть такие: «...не следует отдавать в наем [эти вакуфные имущества] никому, с чьей стороны есть опасность захвата этих [имуществ], сдаваемых в наем, как-то: тиранам, людям враждебным и наводящим страх, султану...»; «...эти вакуфные имущества никоим образом не отдавать в наем чиновным лицам и людям, из рук которых затруднительно или невозможно будет извлечь арендную плату»³⁶.

Вакуфной землей и прочим вакуфным имуществом обычно распоряжался мутаваллий, а дарственная хранилась у одного из потомков лица, подарившего землю. Вакуфное имущество было для духовенства одним из средств безжалостной эксплуатации трудовых слоев населения стран и если не единственным, то весьма важным способом личного обогащения.

Крупнейшими распорядителями вакуфных земель, держателями вакуфных грамот были шейхи и ишаны двух наиболее

³⁶ Мухоморова Р. Г., 1966, стр. 293.

влиятельных в Средней Азии суфийско-дервишских братств — «кубравия» и «накшбандия» (иначе «ходжагон»). Дервишские шейхи сосредоточили в своих руках огромные богатства. Таковы, например, известные шейхи Джуйбари³⁶.

Современник Абдаллах-хан II Ходжа Ислам Джуйбари был обладателем огромных табунов коней, овечьих отар, верблюжьих стад и пахотных угодий. Увлекаясь охотой, Ходжа Ислам имел много собак, содержал большой штат сокольников и т. п. Верующие, желавшие встретиться с ним, сетовали, что «святой старец» больше беседует с ловчими птицами и борзыми собаками, чем с людьми. 300 рабов обслуживали его двор, а для хозяйственной отчетности существовала особая канцелярия. Ходжа Ислам занимался и торговлей, его караваны доходили до Москвы. Все эти коронованные и некоронованные правители — светские и духовные, всевозможные «святые» со всей их челядью — беспощадно обирали народ.

В юридических документах иногда упоминается еще одна категория земель — мелкие участки мильковых земель, находящиеся во владении непосредственного производителя³⁷. Мы не располагаем прямыми данными о количестве таких крестьянских мильков. Но косвенные наблюдения показывают, что фонд таких земель за XVI в. и последующее время заметно уменьшился. Крестьяне продавали свои земельные мильки богатым феодалам. Заметно, что делалось это не добровольно, а под прямым нажимом или в результате экономического принуждения. Большую роль здесь играли заклад и ростовщичество.

Крестьяне-милкдары по сравнению с остальной массой непосредственных производителей находились в относительно привилегированном положении, так как формально рента-налог, выплачиваемая ими государству, была меньше того, что отдавали государству и феодалам прочие крестьяне. Но небольшие размеры участков, рост семьи неизбежно приводили к тому, что и эти крестьяне попадали в кабалу к феодалам и ростовщикам.

В наихудшем положении находились безземельные крестьяне-арендаторы. В XVI в., как и в предшествующее время, феодалы не вели крупного помещичьего хозяйства и основной хозяйственной единицей было хозяйство крестьянское. Поэтому земли всех категорий сдавались в аренду крестьянам. Крестьяне-арендаторы по своему положению не были одинаковы. Юридические документы XVI в. показывают, что часто в роли арен-

³⁶ Вяткин В. Л., 1927, стр. 3 и сл.; Иванов П. П., 1954, стр. 48 и сл. О борьбе между шейхами «кубравия» и «накшбандия», в основе которой лежали материальные интересы и стремление к политическому влиянию, а также о методах одурманивания народа интересные материалы см.: Семенов А. А., 1940 и 1941.

³⁷ Иванов П. П., 1954, стр. 31—32, 41.

даторов вакуфных и государственных земель выступают феодалы. Крестьяне в этом случае оказывались уже субарендаторами, а условия аренды — наиболее тяжелыми, ибо арендатор-феодал забирал у субарендатора-крестьянина много больше обычных размеров ренты³⁸. Положение крестьян-арендаторов и субарендаторов ухудшалось еще и тем, что сроки аренды были небольшими. В вакуфных грамотах, например, часто оговаривается, чтобы землю в аренду не сдавать более чем на три года.

В Средней Азии XVI в. еще существовали общинное землевладение и сильно общинные пережитки³⁹. Положение крестьянина-общинника экономически мало отличалось от положения крестьянина-арендатора. Но одно несомненное преимущество у него было: он обрабатывал землю «бессрочно», пользовался правом своего рода «вечной аренды». Неверно думать, что крестьяне-общинники сидели только на государственной земле. Общинная земля «передвигалась» от собственника к собственнику, она могла быть и мельковой, и вакуфной, и т. д., но крестьянин при этом не терял своего права «вечной аренды». И чрезвычайно важно, что при купле-продаже общинной земли она на части не дробилась. По существу это была купля-продажа не самой земли, а права на ренту с крестьян-общинников. Зафиксированы такие случаи, когда общинная земля находилась в руках нескольких совладельцев, но сама земля между этими совладельцами не делилась, они делили только ренту⁴⁰.

Мы не располагаем достаточными данными, чтобы судить о том, изменилась ли при Шейбанидах форма эксплуатации по сравнению с XV в. Убедительно доказано, что законный и фиксированный размер основной части земельной ренты составлял в XVI в., как правило, 30% урожая пахотных земель (но иногда достигал 40%) и собирался натурой⁴¹. Кроме того, существовало много разных других налогов и поборов, которые собирались то деньгами, то натурой, причем их абсолютные размеры точно неизвестны, да, вероятно, в большинстве случаев зависели от произвола центральной и местной администрации. Земельная рента с садов и виноградников, как правило, взималась деньгами. По-прежнему существовала и отработочная форма ренты.

Самое прямое и самое несомненное свидетельство тяжелого положения крестьян — зафиксированные разными источниками факты, когда крестьяне оставляли землю, насиженные места и убегали⁴². Это явление, видимо, достигло таких размеров, что

³⁸ Там же, стр. 33—34.

³⁹ Иванов П. П., 1958, стр. 62.

⁴⁰ Давидович Е. А., 1961 а, стр. 36—38.

⁴¹ Там же, стр. 30—32.

⁴² Набиев Р. Н., 1964, стр. 95—96; Мукминова Р. Г., 1966, стр. 52, 55—56.

администрация принимала активные меры, вплоть до прикрепления крестьян к земле. В этом плане особенно интересны документы, относящиеся к Фергане: в них речь идет о возврате беглых крестьян.

В городах Средней Азии существовали те же категории земельной собственности, что и в сельской местности. Судя по юридическим документам этого времени, характерным явлением и для города и для деревни был интенсивный процесс концентрации земельной собственности в руках членов династии, крупных светских и духовных феодалов. Там и здесь это шло за счет разорения мелких и даже средних земельных собственников. В городах параллельно развивался и другой процесс — концентрация в руках феодалов ремесленных лавок, мастерских, жилых домов. Ремесленники превращались в арендаторов не только земли, но и построек, своего рабочего, а часто и жилого места. Это увеличивало норму эксплуатации непосредственного производителя в городе. В городе, кроме того, существовали и типично городские налоги. Вот что пишет об этом Дженкинсон: «Бухарский король взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа»⁴³. Налоговое бремя в городе многократно увеличивалось еще и тем, что кроме фиксированных налогов владельцы городов по своему произволу облагали горожан дополнительными прямыми налогами, а также широчайшим образом пользовались налогами косвенными⁴⁴.

Ремесло, внутренняя торговля и денежное обращение

В литературе высказаны две диаметрально противоположные оценки состояния ремесленного производства в Средней Азии XVI в. Одни считают, что ремесло после шейбанидского завоевания пришло в упадок, другие, наоборот, усматривают черты дальнейшего расцвета. Ни то, ни другое нельзя признать верным.

В развитии ремесленного производства, во внутренней денежной торговле за XVI в. произошли определенные изменения и сдвиги. Менее всего это коснулось технической стороны товарного производства. Специализация ремесла в XVI в. была столь же узкой, как и в XV в. Для характеристики этой специализации в XVI в. мы располагаем еще большими материалами, чем для предшествующего времени, потому что сохранилось очень большое количество юридических документов — актов купли и про-

⁴³ Дженкинсон, 1937, стр. 183.

⁴⁴ Шишкин В. А., 1947 стр. 25—26; Давидович Е. А., 1961 а, стр. 40—44.

дажи, вакуфных грамот и др., в которых упоминаются самые различные лавки и лавки-мастерские. Каждый вид готовой продукции и даже полуфабрикатов изготовляли отдельные ремесленники. Производительность труда в ремесле находилась в это время на максимально возможном при феодализме высоком уровне⁴⁵.

Нельзя сказать, что произошли какие-либо существенные изменения и в качестве выпускаемой продукции. Если, например, несколько ухудшилось качество парадной дорогой керамики или качество некоторых видов изделий прикладных ремесел, то по-прежнему славилась и экспортировалась самаркандская бумага⁴⁶ и многие другие произведения среднеазиатского ремесла. Таким образом, с точки зрения технического уровня ремесленного производства и качества выпускаемой продукции в целом за XVI в. существенных перемен не произошло, в этом аспекте можно говорить о полной преемственности.

Однако наметились и новые тенденции по сравнению со второй половиной XV в.: определенное сокращение *объемов* товарного производства и денежной торговли, причем как в сфере мелкой, розничной торговли, так и в сфере более крупной торговли. Проявились эти тенденции не сразу, но уже во второй четверти и к середине XVI в. это стало заметно⁴⁷. Мероприятия государственной власти, пытавшейся время от времени создавать более благоприятные условия для денежной торговли (имеются в виду реформы Шейбани-хана, Кучкунчи-хана и Абдаллах-хана II), безусловно замедляли развитие этих тенденций, но не могли уничтожить их полностью. Изучение причин постепенного, но устойчивого сокращения товарного производства и денежной торговли в XVI в. и более интенсивного в XVII—XVIII столетиях представляет огромный интерес. Этот вопрос истории еще не разработали во всем объеме.

Остановимся на некоторых частных причинах, которые должны были повлиять на состояние ремесла и денежной торговли XVI в. Определенную роль здесь сыграли изменения во внешней торговле. Через Среднюю Азию в течение многих столетий пролегал транзитный торговый путь, связывавший Восток с Западом, но в XVI в., после великих географических открытий, этот путь потерял свое значение. Средняя Азия оказалась изолированной от основного потока товаров, а это не могло не повлиять и на ее внутреннее товарное производство в сторону сокращения объема продукции целого ряда ремесел: тех, которые вливали свои товары в международную торговлю, и тех, которые обслуживали приезжие и проезжие караваны.

⁴⁵ Беленицкий А. М., 1940; Беленицкий А. М., 1949; ИТН, II, I, стр. 401—402.

⁴⁶ Мукминова Р. Г., 1966, стр. 31—32.

⁴⁷ Давидович Е. А., 1965, стр. 90—91.

Конечно, эти потери в какой-то степени возместили крепнувшие в XVI в. торговые связи Средней Азии с Россией. Однако ассортимент товаров, во все большем количестве вывозимых из Средней Азии в Россию (см. ниже), стимулировал лишь определенную небольшую группу ремесел.

Весьма существенный момент — состояние денежного хозяйства в XVI в., влияние удельного устройства государства Шейбанидов на организацию чекана и обращения монет. Для конца XV в. и первых десятилетий XVI в. характерна безудержная эксплуатация монетной регалии. Быстро сменявшиеся правители городов и областей старались разными способами извлечь побольше доходов из монетного дела. В этот период особенно бесчинствовали с чеканом и обращением медных монет, а ведь именно медные монеты обслуживали мелкую розничную торговлю, в которой одинаково были заинтересованы как ремесленники, изготавливавшие не предметы роскоши, а товары для рядового горожанина, так и сами горожане и крестьяне, приходившие в их лавки за товарами первой необходимости. Для более крупной торговли, в которой прежде всего были заинтересованы разные слои господствующих классов, время от времени также создавалась весьма неблагоприятная обстановка, что в свою очередь косвенно ударяло и по ремеслу в целом.

Две денежные реформы, проведенные на протяжении первой четверти XVI в. и призванные создать более благоприятные условия для денежной торговли, лучше всего свидетельствуют о том, что этих условий, как правило, не было. И очень показательно, что вторую из этих двух реформ из-за самовластия удельных владетелей удалось провести не сразу; понадобилось более полутора десятилетий, чтобы ликвидировать кризис и наладить денежное обращение в общегосударственном масштабе.

В последующее время самостоятельность удельных владетелей чинила все новые и новые препятствия для равного общегосударственного обращения монет.

После реформы Кучкунчи-хана, законченной к 1525 г., упрочилось такое положение, при котором доходы крупных удельных владетелей от чекана, например, серебряных монет складывались из двух видов поступлений: нормированной платы владельцем металла и доходов от ничем не замаскированных махинаций с курсом на серебро. Смысл последнего заключался в том, что серебряные монеты одинакового веса и пробы делились на две группы: группу «старых» монет и группу монет «новых» с разным курсом (по покупной способности 10 «старых» тенга равнялись 9 «новым»). Периодически и произвольно, опираясь только на деспотизм государственной власти, «новые» монеты объявлялись «старыми», принося казне 10% дохода, а владельцам монет сразу 10% убытка. Безудержную эксплуатацию монетной регалии и последствия этого для торговли очень убедительно

тельно охарактеризовал Дженкинсон, посетивший Бухару в 1558—1559 гг.: «Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц: он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов».

К этому следует добавить, что по мере роста феодальной раздробленности удельные владетели все больше препятствовали общегосударственному обращению монет. Стремясь извлечь побольше доходов, они чинили препятствия обращению в своих уделах иногородних монет.

Не случайно в третьей четверти XVI в. Средняя Азия пережила еще один и очень серьезный кризис денежного обращения.

Третий существенный момент — это общая обстановка в стране, ее прямое влияние на хозяйство. Многочисленные походы и набеги на Хорасан обогащали шейбанидских владетелей и отчасти их войско, но подготовка и оснащение этих походов дорого стоили населению. Особенно разорительным было почти полувековое непрерывных феодальных междоусобий: войны между шейбанидскими султанами, переход городов и уделов из рук в руки сопровождалось вытравыванием посевов, грабежом городов, усилением поборов. Таким образом, обстановка этого времени тоже никак не способствовала подъему и даже прочной стабилизации ремесленного производства и торговли.

Правда, к концу столетия, когда Абдаллах-хан II покончил с междоусобицами и принял ряд мер для улучшения условий торговли, положение изменилось и стабилизировалось. Но период стабилизации был слишком коротким, чтобы ликвидировать все последствия урона, нанесенного ремеслу и торговле за предшествующее время. Последующее же развитие довольно быстро свело на нет положительные результаты стабилизации общего положения в стране при Абдаллах-хане II.

Выводу о том, что три четверти XVI в. были временем постепенного сокращения объема ремесленного производства и внутренней торговли, не противоречит тот факт, что Бухара, например, за XVI в. территориально выросла, часть пригородов была включена в городскую черту. Именно за XVI в. в Бухаре было выстроено много новых монументальных торговых построек, караван-сараев и пр. Но Бухара во второй половине XVI в. уже прочно стала столицей Шейбанидского государства. И что еще важнее — Бухара была центром среднеазиатской торговли, местом, куда по преимуществу съезжались иностранные купцы, и перевалочным пунктом для иностранных товаров. Следовательно, объем торговли в Бухаре не является типичным для Средней Азии и не дает основания говорить о прогрессирующем развитии ремесла во всей Средней Азии.

Важнейшим фактором исторического развития Средней Азии в XVI в. было упрочение экономических и дипломатических отношений с Россией⁴⁸. Более всего заметно это стало во второй половине столетия, когда русские послы в Средней Азии и особенно среднеазиатские послы в Московском государстве стали постоянными гостями. Послы в то время были и купцами: они везли в своих караванах не только царские и ханские подарки, но и товары для торговли. Ханская и царская торговля была беспошлинной, шейбанидские государи и удельные владельцы охотно поэтому отправляли в Московское государство свои караваны. Но с точки зрения укрепления экономических связей еще более существен рост, увеличение объема частной торговли. Хотя караваны частных купцов, приходившие в Астрахань, облагались пошлинами, это не уменьшало торговли. Среднеазиатские товары стали столь обычными и необходимыми для России что это нашло отражение даже в терминологии и топонимике. Например, одна из ходовых мер веса в Московском государстве называлась «бухарским ансырем». В Казанском ханстве среднеазиатские купцы назывались «тезиками» (таджиками), а в Казани одно из урочищ в центре города именовалось «тезикским рвом».

Увеличивалась торговля и по другому пути — в сторону Сибири. Здесь среднеазиатские товары были нужны еще больше, поэтому московское правительство в XVI в. не облагало торговлю на этой территории никакими пошлинами.

Из среднеазиатских товаров особенным спросом в Московском государстве пользовались хлопчатобумажные и шелковые ткани различных сортов. Из Москвы в Среднюю Азию везли сырые кожи, деревянную посуду, шерстяные материи и множество других изделий. Некоторую часть русских товаров в Бухаре покупали индийские, китайские и персидские купцы.

Довольно тесные торговые и дипломатические отношения и культурные контакты существовали в XVI в. между государством Шейбанидов и государством Великих моголов Индии. Торговые отношения с сефевидским Ираном значительно сократились. Кроме общих причин (изменение торговых путей), известную роль здесь сыграла и религиозная рознь между шиитским Ираном и суннитской Средней Азией. Другая причина — политические отношения между Шейбанидами и Сефевидами, обострившиеся частыми походами и набегами шейбанидских султанов на Хорасан, их попытками завоевать богатые хорасанские города Герат, Мешхед, Исфераин и др. Вот что пишет о

⁴⁸ Жуковский С. В., 1915; Панков А. В., 1927; Чулошников А., 1932; Зияев Х. З., 1962; 1965; Юлдашев М. Ю., 1964; Джамолов К., 1966.

торговле Средней Азии с Индией и Ираном Дженкинсон, живший в Бухаре в 1558—1559 гг. и специально интересовавшийся именно вопросами торговли: «Индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатой бумаги, но они не привозят ни золота, ни серебра; ни драгоценных камней, ни пряностей. Я выяснял вопрос и установил, что такая торговля идет океаном, потому что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев. Из Бухары индийцы вывозят шелковые материи, сырые кожи, рабов и коней, но караею и другие сукна они ценят очень мало. Я предлагал купцам из этих стран, приезжающим из отдаленнейших частей Индии, даже из Бенгальской земли и с реки Ганга, обменять караею на их товары, но на такие товары, как сукно, они не хотели меняться.

Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно, пестрые шелка, аргамаков и т. п., а увозят отсюда сырые кожи и другие русские товары, рабов происхождением из разных стран, но материй не покупают, потому что сами привозят их сюда»⁴⁹.

Другие источники пополняют список товаров, вывозившихся в Индию (груши и яблоки, кишмиш и миндаль, хорезмские дыни, русские меха и охотничьи птицы). И, наоборот, поступавших из Индии в Среднюю Азию (парча, краски, чай, жемчуг)⁵⁰. Следует отметить и особый товар, шедший из Средней Азии в Индию во второй половине XVI в.: шейбанидские серебряные монеты; любопытно, что Акбар Великий (1556—1605) разрешал в своем государстве обращение шейбанидских монет, для чего на них маленьким штампом наносился надчекан с именем Акбар⁵¹.

Успешно развивались и дипломатические отношения между Шейбанидами и Великими Моголами. Шейбаниды, окончательно изгнавшие Бабур из Средней Азии, приложили усилия для нормализации с ним отношений вскоре после того, как он завоевал значительную часть Индии. В конце правления Кучкунчи-хана к Бабуру было направлено представительное посольство. Любопытно, что послы были не только от главы династии, т. е. самого Кучкунчи-хана, но и от некоторых султанов шейбанидского дома. Бабур принял посольство хорошо и, отпуская, богато одарил; послу Кучкунчи-хана, например, были пожалованы 70 тыс. серебряных монет, драгоценный кинжал и затканная золотом шапка⁵². Посольство это было не только актом признания. В эти годы Шейбаниды интенсивно наступали на Хорасан и были заинтересованы в том, чтобы обеспечить себе тыл.

⁴⁹ Дженкинсон, 1937, стр. 184.

⁵⁰ «История Узбекской ССР», т. 1, стр. 537—538.

⁵¹ Давидович Е. А., 1951 а, стр. 139—140; Lowick N. M., 1966.

⁵² Бабур, 1958, стр. 407.

Весьма успешно дипломатические отношения развивались между двумя действительно незаурядными государями: Абдаллах-ханом II шейбанидским и Акбаром, государем Индии. Они неоднократно обменивались посольствами, письмами и подарками. Абдаллах-хан II большое значение, в частности, придавал посольству, отправленному вскоре после завоевания Бадахшана Шейбанидами и блестящих побед войска Акбара в Афганистане. Посольство преследовало двоякую цель: предотвратить дальнейшее продвижение индийского войска и, с другой стороны, разъяснить Акбару, что и Шейбаниды не претендуют на его владения. Ответное посольство Акбара было принято с большим вниманием и почетом⁵³

3. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Проблема этногенеза узбекского народа впервые была поставлена на научную основу только в советской марксистской историографии. В дореволюционной русской, а также в зарубежной литературе господствовала точка зрения, согласно которой историю узбекского народа следует начинать с XV—XVI вв., когда в Средней Азии появились племена завоевателей, носившие название «узбеки». Начало принципиально новому пониманию было положено А. Ю. Якубовским. Он пришел к заключению, что завоеватели-узбеки растворились в местном тюркском населении Мавераннахра: «...кочевники-узбеки застали если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюркизированное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь с времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя»^{53а}.

В 1949 г. я опубликовал свое понимание этой сложной и важной проблемы. Приведу цитату из «Истории таджикского народа»: «...С XVI в. начинается все растущее проникновение тюркоязычных племен и народностей на территорию Средней Азии»⁵⁴. Процесс сопровождается сближением этих племен и народностей с древним населением Средней Азии. Совместные действия тюрков с согдийцами характерны для борьбы народов

⁵³ Умняков И. И., 1930, стр. 325—328.

^{53а} Якубовский А. Ю., 1941, стр. 3.

⁵⁴ Правда, отдельные историки пытались оспаривать это положение. Они утверждали, что проникновение тюркоязычных племен началось значительно раньше. С этим можно согласиться. Однако автор полагает, что интенсивное, массовое проникновение тюркоязычных племен и народностей на территорию Средней Азии начинается все же именно с VI в.

Средней Азии с иноземными захватчиками. В течение веков совершается переход прежде всего малоимущих слоев тюркских кочевников к оседлости и земледелию. Усиливается смешение и скрещение тюркских народностей с согдийцами, бактрийцами и хорезмийцами, с потомками сако-массагетских племен, причем у складывающейся таким образом народности преобладающей оказалась тюркоязычная речь. На этой основе и формируется узбекский народ, вобравший в себя, таким образом, как и другие народы Средней Азии, культурное наследие древних ее обитателей. К XI в. этот процесс формирования узбекского народа достиг большой интенсивности, все более распространяясь с севера Средней Азии на южные ее районы и найдя свое выражение, в частности, в создании Караханидского государства, в развитии городской культуры.

К этому времени относится также интенсивное формирование туркменского и других так называемых тюркоязычных народов Средней Азии. Именно в этот период широкое распространение получает выражение «тюрк-у-таджик» для характеристики двух основных этнических элементов населения Средней Азии.

Как было отмечено выше, уже в период Саманидов в оседлых районах Средней Азии насчитывалось значительное количество тюркоязычного населения. Источники отмечают наличие большого числа тюркоязычного населения в Фергане, Хорезме, Чаче, Тохаристане и других оседлых земледельческих районах. Но все же в период Саманидов в городах и оседлых земледельческих районах Средней Азии подавляющее большинство населения составляли таджики. Картина меняется в период Караханидов. За счет оседания тюркоязычных кочевников и за счет тюркизации местного таджикского населения в Средней Азии резко возрастает удельный вес тюркоязычных народов.

Среди господствующих классов происходит сближение тюркской племенной знати со старинной феодальной аристократией, совместно усиливающих эксплуатацию трудящихся масс. Вместе с тем внизу, в среде самих трудящихся, в совместной борьбе против этой эксплуатации крепнут узы дружбы между трудящимися таджиками и трудящимися элементами тюркоязычных народов, особенно узбеками и таджиками. Во всех народных восстаниях последующих веков, в героической борьбе против иноземных захватчиков мы видим рядом предков всех народов Средней Азии, и в частности народов-соседей — таджиков и узбеков. Изучая самобытный вклад, внесенный каждым из этих народов в сокровищницу культуры, мы вместе с тем констатируем их взаимную связь и влияние друг на друга⁵⁵. В нашей концепции сформулировано и подчеркнуто положение о том, что узбе-

⁵⁵ Гафуров Б. Г., 1949, стр. 223—224.

ки наряду с таджиками и другими народами Средней Азии — наследники всей древней истории и культуры Средней Азии, показана роль древних ираноязычных племен и народностей в формировании узбекского народа, причем определены хронологические рамки этого процесса — XVI в.

Эта концепция была учтена в предисловии (автор — А. Ю. Якубовский) к первому изданию «Истории народов Узбекистана» 1950 г.)⁵⁶ и четко выражена в издании «История Узбекской ССР» (1967 г.)⁵⁷.

Согласно этой концепции, узбекский народ является равноправным участником не только последних четырех столетий среднеазиатской истории, но и бесконечно более длительного периода времени.

Последующие исследования привели нас к уточнению некоторых конкретных положений этой концепции. Исходным тезисом является неправомерность признания языка в качестве единственного индикатора пределов этнической истории народа. На современном этапе развития исторической науки ее можно вкратце изложить следующим образом.

Выше уже говорилось о начальных этапах взаимодействия ирано-тюркского населения. Проникновение на территорию Средней Азии тюркской речи связано с грандиозными передвижениями кочевых племен Северо-Восточной и Центральной Азии, навчавшимися около рубежа н. э. и продолжавшимися, то ослабевая, то вновь усиливаясь, на протяжении ряда последующих веков. Какая-то часть этих племен, в том числе и племена тюркоязычные, в ходе своих набегов и переселений оставалась на территории Средней Азии. Особенно увеличивается количество тюркоязычного населения Средней Азии начиная со второй половины I в. н. э., когда отряды тюркского каганата захватили после разгрома эфталитов власть на территории Среднеазиатского междуречья. С этого времени тюркоязычные племена играют все более заметную роль в процессах этно- и глоттогенеза Средней Азии (особенно в северных и северо-восточных, а затем и южных областях). А. Н. Бернштам относил начало этого процесса на территории Ферганы к VII в. н. э.⁵⁸, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский — к несколько более раннему времени (VI—VII вв.)⁵⁹. О наличии тюркоязычного населения в Хут-

⁵⁶ Тревер К. В. и др., 1950, стр. 10—12.

⁵⁷ «История Узбекской ССР», т. 1, стр. 380—381; см. также Вахабов М., 1961, стр. 3—85.

⁵⁸ Бернштам А. Н., 1947 в.

⁵⁹ Давидович Е. А. и Литвинский Б. А., 1955, стр. 207—208.

Ко второй половине VI — началу VII в. относится, по-видимому, палеографически весьма древняя тюркская руническая надпись — древнейшая тюркская надпись из Северной Ферганы и вообще с территории Средней Азии. См. Кляшторный С. Г., 1960 а, стр. 175, прим. 14.

тале сообщает Хой Чао, сведения которого относятся к 726—727 гг.

В восточных областях Средней Азии (особенно в Семиречье) и в Восточном Туркестане, где издавна существовали многочисленные согдийские колонии, согдийская речь вытеснялась постепенно тюркской.

Приток тюркоязычного населения значительно усиливается в X—XII вв. Тюрки занимают важное место в административном аппарате Саманидского государства, в его армии и т. п. Возникают тюркские династии (например, Газневиды). В конце X—начале XI в. в Средней Азии наблюдается целая волна тюркских вторжений и переселений: тюрки-сельджуки, туркмены, гузы, илек-ханы. Последние, разгромив Саманидов, создали огромное государство, охватывающее Мавераннахр, Семиречье, Восточный Туркестан. Это государство, известное в исторической литературе как Караханидское, сыграло важную роль в истории Средней Азии. В государство Караханидов входили уйгурские племена, карлуки, чигили, ягма, аргу, тюргеши и др., причем ведущую роль играли карлуки и уйгуры.

Язык тюркского населения Караханидского государства лингвисты характеризуют как карлукско-уйгурский. Он имеет ряд фонетических, морфологических и лексико-грамматических особенностей, запечатленных в таких памятниках, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского, соответствующих разделах «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского и др.⁶⁰ Тюркоязычные племена караханидского времени находились в тесных взаимоотношениях как с местными согдийцами (и другими народностями, часть которых продолжала говорить на восточно-иранских языках), так и с таджикоязычным населением. Так, во времена Махмуда Кашгарского (XI в.) жители городов Семиречья, в частности Баласагуна, «приняли одежду и нравы тюрков», причем говорили они и по-согдийски, и по-тюркски, и не было людей, которые говорили бы только по-согдийски (то же самое — жители Тараза и Исфиджаба)⁶¹. Отсюда явствует, что во второй половине XI в. согдийцы Семиречья были двуязычными и что они постепенно растворялись в тюркской этнической среде. Пример аналогичного процесса можно наблюдать и сейчас. На юге Узбекистана проживает небольшая этническая группа хардури. Они по происхождению являются таджиками и продолжают говорить на таджикском языке, но с большим количеством узбекизмов. Однако характер хозяйства и образ жизни этой группы, многие обычаи аналогичны обычаям соседних узбекских племен⁶².

Второй пример связан с Хорезмом. В XII в. там были представлены две главные народности — таджики (таджикский язык

⁶⁰ Щербак А. М., 1956; Баскаков Н. А., 1969, стр. 300—301.

⁶¹ Бартольд В. В., 1964, стр. 466—467.

⁶² Эшнйёзов М., 1956.

к тому времени в значительной степени вытеснил хорезмийский) и тюрки. В грамотах хорезмшаха Текеша (1172—1200 гг. н. э.) наместникам сырдарьинских пограничных городов упоминаются лишь эти две народности⁶³.

По свидетельству великого ученого Средней Азии, хорезмийца по происхождению, ал-Бируни, «природным» для него был хорезмийский язык. Фразы, даже целые диалоги на восточно-иранском хорезмийском языке встречаются, как известно, еще в сочинениях XII—XIII вв. Однако в этих же сочинениях встречаются и тюркские слова и цитаты, что указывает на наличие в Хорезме XII в. определенного (вероятно, довольно значительного) количества тюркоязычного населения. Такой вывод подтверждается и свидетельствами современников, например Плано Карпини, посетившего Хорезм в 40-х годах XIII в. и сообщаящего, что в Хорезме говорят «по-комански» (т. е. на одном из тюркских наречий). Надо полагать, что к этому времени большинство коренного населения Хорезма было дву- и трехязычным (хорезмийский, таджикский и тюркский языки), причем тюркская речь уже преобладала над хорезмийской.

После XIII—XIV вв. мы не имеем уже о хорезмийском языке никаких сведений. Видимо, вскоре после этого времени он был окончательно вытеснен тюркскими диалектами, и ираноязычное (хорезмо- и таджикоязычное) в прошлом население Хорезма окончательно перешло на тюркскую речь. Развивавшиеся на хорезмийском субстрате тюркские (узбекские и туркменские) говоры вобрали в себя некоторое количество древних хорезмийских слов (ср. например, агпа — большой канал, уав — малый канал и т. п. в узбекских говорах современного Хорезма). Широко представлена древняя иранская речь и в топонимике этого района (Хазарасп и т. п.).

Исследование письменных источников показывает, что в XI—XII вв. тюркское население составляло в Средней Азии не отдельные островки, а значительный пласт, особенно в северных и отчасти в южных областях страны, где он был (или становился) преобладающим. В культурной жизни Средней Азии, даже в культуре городского населения, имеются зримые черты тюркского вклада и тюркского влияния (см., например, изображения на керамике и др.). Тюркский язык того времени, о котором говорилось выше, — карлукско-уйгурский — явился языком-основой, после распадаения которого и на базе которого развился в Средней Азии послемонгольского времени староузбекский язык, очень тесно связанный со своим предшественником⁶⁴.

В советской историографии существует мнение, сформулированное в «Истории Узбекской ССР»: «В XI—XII вв. в основном завершается формирование тюркоязычной народности, получаю-

⁶³ Семенов А. А., 1952, стр. 24.

⁶⁴ Щербак А. М., 1959, стр. 108—109.

шей впоследствии название узбеков»⁶⁵. Здесь правильно подчеркнуто «в основном, ибо формирование узбекского народа (как и таджикского) продолжалось очень длительное время. Племенные различия были еще очень яркими, новые пришельцы — турки — резко отличались от отюреченных по языку оседлых жителей и от тех тюркоязычных кочевников, которые переселились в Среднюю Азию еще в доарабское время, происходило становление староузбекского языка»⁶⁶.

Монгольское завоевание вновь внесло большие изменения в этническую карту Средней Азии. Переселение большого количества монголов-кочевников явилось очень существенным фактором. В плане этнической истории очень важно, что эти монгольские племена — мангыт, джалаир, барлас и др., попав в Среднюю Азию, в непродолжительном времени оказались отюреченными по языку⁶⁷. То, что произошла именно тюркизация, а не таджикизация пришельцев, объясняется тем, что по своему образу жизни и монголы и турки были кочевниками, и естественно, что монголы ближе соприкасались с турками. Но сама интенсивность и быстрота процесса несомненно позволяет заключить об очень сильном тюркском окружении, в котором очутились пришельцы-монголы.

В XIV—XVI вв. существует и достигает высокого совершенства староузбекский язык, в том числе литературный. «В указанный период уже образовался ряд территориальных диалектов, однако племенные языковые различия еще играли существенную роль. На территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской, и кыпчакской»⁶⁸. «Основой литературного языка послужила живая тюркская речь населения Мавераннахра, отличавшаяся, кроме существенной примеси иранизмов, конгломерацией восточных и западных тюркских элементов...»⁶⁹. В литературной речи была очень обильна иранская лексика и арабизмы (нередко 40—50% словарного состава); употреблялись конструкции, не свойственные тюркской речи. Многие поэты писали стихи по-тюркски и на фарси (например, Лутфи и другие предшественники и современники Навои, как и сам основоположник узбекской литературы, которого современники называли «обладателем двух языков»⁷⁰).

В XIV—XV вв. произошло массовое отюречивание оседлого сельского и городского населения, особенно в Хорезме, Семиречье, Ташкентском оазисе и Фергане. В источниках это оседлое

⁶⁵ «История Узбекской ССР», т. 1, стр. 380.

⁶⁶ Малов С. Е., 1961, стр. 221—222.

⁶⁷ Шербак А. М., 1956, стр. 109.

⁶⁸ Шербак А. М., 1962, стр. 223.

⁶⁹ Там же, стр. 211.

⁷⁰ Там же, стр. 20 сл.; Рустамов Э. Р., 1963; Бертельс Е. Э., 1965 а.

население часто фигурирует под именем «сарты»⁷¹, причем, как явствует из «Бабурнаме» это наименование прилагалось как к тюркоязычному, так и к таджикоязычному оседлому населению, что уже само по себе симптоматично: следовательно, резкого различия между теми и другими не было.

Что же касается термина «узбек», то все попытки связать это наименование с золотоордынским ханом Узбеком (1312—1340 гг.) неосновательны⁷². Можно думать что в 50-х или 60-х годах XIV в. этим именем стало обозначаться тюрко-монгольское население Дашт-и Кипчак, а после вторжения союза кочевых племен под предводительством Шейбани-хана в Мавераннахр и Хорасан на рубеже XV и XVI вв. тюркоязычное население этих областей⁷³, т. е. узбекский народ, получило свое имя.

Конечно, переселение новой большой массы тюркоязычных племен, принесших и имя народа, было важным событием, но принципиально новым, узловым моментом в истории узбекского народа оно не явилось. Дело в том, что пришедшие в Мавераннахр кочевники-узбеки были представлены по преимуществу теми же самыми племенами, что уже жили в Средней Азии.

Лингвисты-тюркологи установили что «уже в XIV—XV вв. грамматический строй и основной словарный фонд языка узбекской народности устанавливаются приблизительно в том виде, в каком они выступают в наши дни», причем оседание кочевых узбекских племен в Мавераннахре не изменило ни языкового, ни этнического типа уже существовавшего узбекского народа⁷⁴.

Дальнейшее этническое развитие узбекского народа протекало по нескольким направлениям. Происходило постепенное изживание трибалистического характера расселения и социальной структуры с формированием территориальных единиц и связей. Процесс этот не был завершен даже в новое время, сохранялись в некоторых районах племена и родо-племенное деление. Этот процесс шел интенсивнее там, где происходил переход от кочевого к полукочевому и особенно оседлому хозяйству и образу жизни. Параллельно в широких масштабах шла тюркизация местного таджикоязычного населения — через различные формы двуязычия (от частичного до полного) и одновременно — таджикизация отдельных групп узбеков. Все эти сложные, неоднородные и противоречивые тенденции в целом приводили к нивелированию составных компонентов и консолидации (в этническом отношении) узбекского народа.

⁷¹ Об этом термине и его истории см.: *Остроумов Н. П.*, 1908; *Самойлович А.*, 1910; *Бартольд В. В.*, 1964 ж, 1964 з; *Вахабов М. Г.*, 1961, стр. 31—33.

⁷² *Семенов А. А.*, 1954 б, стр. 3—37; *Ахмедов Б. А.*, 1965 а, стр. 11—12. Ср. *Греков Б. Д.*, *Якубовский А. Ю.*, 1950, стр. 298—302.

⁷³ *Ахмедов Б. А.*, 1965-а, стр. 11—17. О соотношении терминов «узбек» и «казак» в XV—XVI вв. см.: *Ибрагимов С. К.*, 1960 а, 1960 б.

⁷⁴ *Щербак А. М.*, 1956, стр. 109—110.

Выше неоднократно указывалось на то, что узбекский народ сложился на базе оседлого ираноязычного населения, в которое многократно вливались тюркоязычные племена, и уже тюркизированные группы смешивались с новыми тюркскими ингредиентами. Наука, к сожалению, не располагает методами, с помощью которых можно было бы установить количественное соотношение того и другого компонента. Невозможно разрешить эту проблему и на основании анализа антропологических материалов. Следует иметь в виду, что приходившие в Среднюю Азию тюркоязычные племена и народности могли быть метисизированными еще до переселения в Среднюю Азию. Правда, антропологические материалы все же могут представлять интерес для ориентировочных соображений. В самом деле, среди трех крупных тюркоязычных народов севера Средней Азии — узбеков, казахов и киргизов — два последних народа являются монголоидными по физическому типу (киргизы более монголоидны, чем казахи), а узбеки — европеоидны. В антропологическом отношении узбеки принадлежат к той же расе, что и таджики, — к европеоидной брахидефальной расе Среднеазиатского междуречья. Разница между физическим типом таджиков и узбеков — большая монголоидная примесь в последних. Однако, как подчеркивают антропологи, «в основе антропологического типа узбеков лежит местный древний европеоидный расовый тип, а монголоидные признаки лишь примешаны к нему» (В. В. Гинзбург.). Такова точка зрения Л. В. Ошанина, А. И. Ярхо, В. В. Гинзбурга⁷⁵. У кочевых узбекских племен расовый тип иногда более монголоидный, чем у оседлых узбеков, в качестве примера можно привести локайцев. Вместе с тем узбеки-карлуки полностью утратили сколько-нибудь яркие монголоидные черты, «растворились» в массе местного населения и ничем в антропологическом отношении не отличаются от таджиков⁷⁶. Таким образом, от яркой примеси монголоидных черт до сравнительно небольшой, при которой узбекское население совершенно не отличается от таджикского — таковы вариации физического типа современных узбеков. Для сопоставления укажем, что за исключением памирских таджиков, у которых монголоидная примесь совершенно отсутствует, у всех остальных групп таджиков она имеется. Наиболее сильна она у таджиков Ферганы, Южного и Юго-Восточного Таджикистана и в меньшей степени — у таджиков Бухары, Самарканда и верхнего Зеравшана⁷⁷.

Итак, антропологический материал показывает, что основным ядром узбекского народа явилось местное среднеазиатское европеоидное население, которое было в некоторой степени монголизи-

⁷⁵ Ошанин Л. В., 1957, стр. 93—100; Гинзбург В. В., 1964, стр. 132—133.

⁷⁶ Ошанин Л. В., 1957 а, стр. 34—35.

⁷⁷ Гинзбург В. В., 1949, стр. 316—331.

ровано в результате смешения с пришлыми носителями южно-сибирского расового типа. Расшифровывая это с точки зрения этнической истории, следует сказать, что основным компонентом в составе узбекского народа, если брать его в целом, является исконное среднеазиатское население. Тюркизация части его началась еще в раннее средневековье и все интенсивнее продолжалась позже, причем лингвистический процесс тюркизации шел значительно интенсивнее и шире, чем биологический процесс монголизации. В эти процессы вовлекались все новые и новые группы и пласты населения, происходила сложная трансформация в различной степени монголизованных и тюркизированных племен и народностей в более тесно спаянную популяцию в тесном взаимодействии с европеоидными ирано-таджикоязычными этническими образованиями. Последнее в этническом плане приводило к сложному переплетению идущих в разном направлении процессов; фиксируются случаи детюркизации, что еще больше осложняет общую картину.

Таковы общие линии этнической истории. Хорошо документированная история среднеазиатской культуры, в частности литературы, полностью подтверждает и детализирует вышеизложенное. Мы не можем подробно останавливаться на этом, тем более, что таджикско-узбекские литературные связи глубоко разработаны литературоведами⁷⁸. Величественным символом дружбы литератур двух братских народов является жизнь и творчество двух великих сынов таджикского и узбекского народов — Джами и Навои, верных друзей и соратников⁷⁹. Чрезвычайно существенны этнографические материалы, которые помогают более конкретно и реально представить динамику взаимоотношений между таджиками и узбеками (в этом отношении представляют интерес работы этнографа Б. Х. Кармышевой) и показывают, что еще важнее, сколь близко родственны современная народная культура и быт таджиков и узбеков, так что граница между ними порой не может быть намечена даже условно. Многовековое соседство и теснейшее общение, а также наличие общего субстрата привело к бытованию в узбекском языке обширного пласта таджикских слов, а в таджикском языке — узбекских; лингвисты отмечают большое взаимное влияние грамматического строя этих языков. Очень широко распространено таджикско-узбекское двуязычие.

Итак, хотя таджикский и узбекский народы оформились в разное время, причем языки этих народов принадлежат к различным лингвистическим группам, основной этно-антропологический субстрат обоих народов — общий. Исторические судьбы этих народов и их культур оказались теснейшим образом переплетены.

⁷⁸ Брагинский И. С., 1962.

⁷⁹ См. особенно: Бергельс Е. Э., 1965 а.

Для средневековья лишь в некоторых областях культуры возможно — по языковому принципу — выделение узбекской и таджикской культур, внутри каждой из которых имела собственная традиция, но и в этих областях взаимопроникновение исключительно велико. Тюркские и восточноиранские племена и народности, таджикский, узбекский и другие народы Средней Азии бок о бок жили в одних и тех же государственных образованиях, в одних и тех же городах и поселениях. Они вместе боролись и против иноземных захватчиков, совместно участвовали в классовой борьбе против «собственных» эксплуататоров. Разумеется, были случаи и столкновений и недоброжелательства, однако генеральная линия дружбы, совместной жизни и труда абсолютно бесспорна.

Некоторые этнические различия, о которых мы здесь говорили, отнюдь не являются основанием для противопоставления одних народов другим. В развитие общечеловеческой цивилизации все народы Средней Азии внесли огромный вклад. И у ирано- и у тюркоязычных народов Средней Азии были выдающиеся деятели науки и культуры. Они являются гордостью всех народов Средней Азии.

4. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Строительство и архитектура

В XVI в. развернулось интенсивное строительство. Одна из характерных примет этого времени — большой размах гражданского строительства. Во многих городах и на караванных дорогах появились новые мосты, сардабы, караван-сарай, бани, разного рода и размеров монументальные торговые постройки. Много было построено и прочих монументальных сооружений: медресе, мечетей, мавзолеев, ханака. До настоящего времени сохранились лучшие из этих построек. Однако полное представление о размахе строительной деятельности можно получить, добавив к ним те сооружения, которые не дошли до наших дней, а таких тоже было очень много: они упоминаются в вакуфных грамотах и других источниках.

Более всего застраивалась Бухара и ее окрестности⁸⁰. Без преувеличения можно сказать, что облик позднесредневековой Бухары в значительной степени определили постройки именно XVI в. В XVI в. была выстроена новая городская стена, окружившая выросшую к этому времени территорию города. А к концу XVI в. Абдаллах-хан II в угоду влиятельным и богатым джуйбарским шейхам включил в городскую черту все их огромное подворье.

⁸⁰ Шишкин В. А., 1936.

Типичные черты архитектуры XVI в.⁸¹ особенно заметны и могут быть проанализированы на бухарских постройках. В сооружениях культового назначения ярче выступает синтез старых традиций и новых веяний; в постройках общественного назначения новые веяния побеждают.

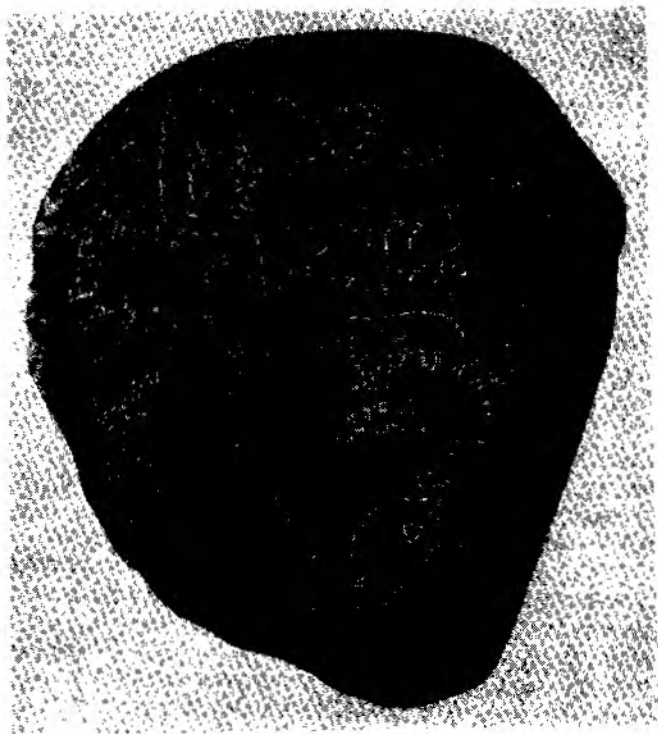
С точки зрения конструктивно-планировочной XVI век отмечен интересными поисками. Особенно хороши купольные перекрытия, гармонично сочетающиеся с размерами и назначением соответствующих помещений. Много отступлений от традиционных схем может быть отмечено в планировке. От XVIIв. дошли подлинные чертежи нескольких построек разного назначения. Это как бы стандартные, типовые проекты⁸². Среди них есть и типовый проект ханака. Некоторые реальные ханака XVI в. отступали от этого проекта лишь в деталях планировки. Одна ханака конца XVI в. в Файзабаде являет собой совершенно новое объемно-планировочное решение: на боковых ее фасадах — открытые купольные галереи, являющиеся прекрасным барьером в условиях жаркого среднеазиатского климата.

Другой пример — медресе XVI в. План медресе сложился и канонизировался раньше, и некоторые медресе XVI в. в основном только повторяют его. В других же имеются значительные отступления от существовавшей схемы, подсказанные практическими соображениями: архитекторы искали способы увеличить число худжр, создать небольшие вспомогательные помещения. С этой точки зрения интересны бухарские медресе Мир-и Араб и особенно медресе Абдаллах-хана II. Чрезвычайно интересен план последнего. Внутри это обычный прямоугольный двор, окруженный двумя этажами худжр. Четыре айвана по серединам четырех сторон двора тоже кажутся обычными. На самом деле два из них ведут в отдельные комплексы дополнительных помещений. Один из этих комплексов представляет собой восьмигранный, крытый куполом внутренний дворик, окруженный худжрами. Общее число худжр в медресе Абдаллах-хана II значительно больше, чем это было бы при обычной планировке.

Очень интересна эволюция декоративной отделки парадных построек. В первой половине XVI в. были живы и развивались тимуридские традиции. Широко использовалась дорогая и трудоемкая наборная мозаика; майолика, как и в XV в., отличалась тонкостью рисунка, чистотой и гармоничностью сине-бело-голубых тонов; глазурованные плитки панелей еще украшались

⁸¹ Литература по архитектуре XVI в. обширна, имеются описания отдельных памятников и сводные работы: *Воронина В. Л.*, 1950, стр. 93—96; 1951: *Давидович Е. А.*, 1950 а; *Дмитриев В. И.*, 1950; *Литвинский Б. А.*, 1953; *Массон М. Е.*, 1936; *Пугаченкова Г. А.*, 1962; 1968; *Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И.*, 1958; *Рагия Ш. Е. и Воронин Л. Н.*, 1936; *Френкель Н. И.*, 1950.

⁸² *Бакланов Н.*, 1944; *Пугаченкова Г. А.*, 1962, стр. 194—210.

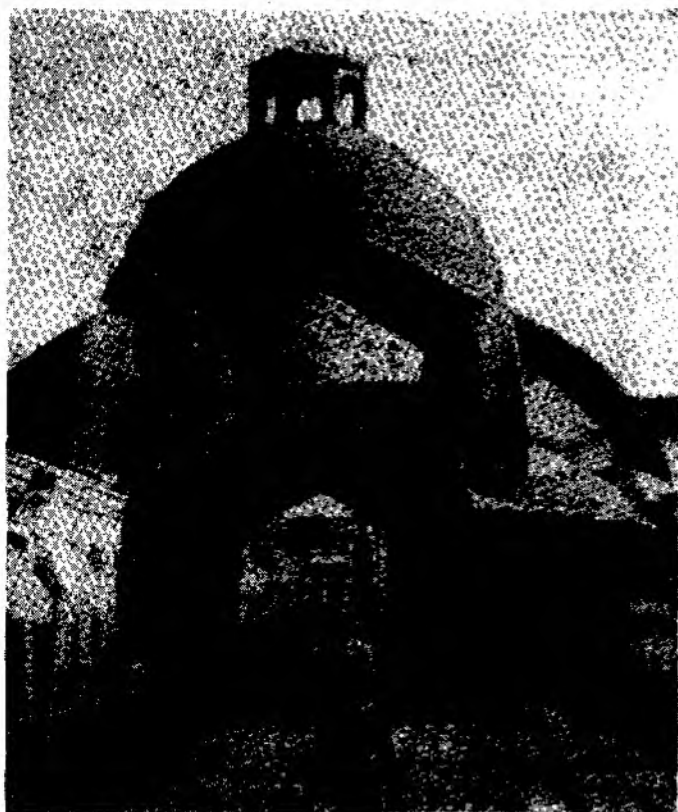

Надпись на камне с именем Бабура. Матча

тончайшей росписью золотом; рельефная сине-золотая роспись в технике кундаль поражала изяществом и богатством.

Такие приемы декора мы находим в бухарских памятниках Масджид-и Калан, медресе Мир-и Араб, мечетях Баланд и Ходжи Зайн ад-Дина, в ташкентском мавзолее Сиюнджи-хана и др. Богатством отделки особенно поражают мечети Баланд и Ходжи Зайн ад-Дина. В мечети Баланд, например, все стены сплошь затянуты декорацией: здесь и расписанные золотом глазурированные плитки панели, и тончайшие наборы мозаики сложного рисунка, и росписи кундаль.

Во второй половине XVI в. декоративный облик монументальных построек меняется. Широкое применение получает более дешевая и менее трудоемкая декорация. Однако с художественной точки зрения это отнюдь не упадок. Самыми простыми средствами мастера достигали подчас прекрасных результатов. Хороши своды, орнаментированные просто фигурной выкладкой кирпича в елочку, так что свод производил впечатление ребристой многолучевой звезды. Часто рисунок свода образо-

Таки-Сараффон. XVI в.
Общий вид. Бухара

вывали литые ганчевые ребра, промежутки между которыми закладывались простыми шлифованными кирпичами. Излюбленный материал для украшения внутренних помещений — белый и окрашенный алебастр. Техника была различной. Иногда алебастр наносился на стену в два слоя (снизу цветной, сверху белый), а затем в верхнем слое вырезался рисунок. В других случаях рисунок вырезался в однослойном белом ганче, а цветной ганч «втирался» в резной узор. Лучшие образцы такой дешевой, но весьма эффектной декорации показывают ханака в Файзабаде и ханака в Бахауддине.

В Средней Азии XVI в. сооружались как отдельные монументальные постройки, так и целые ансамбли. Некоторые ансамбли были грандиозными. Например, ансамбль Масджид-и Калан и медресе Мир-и Араб. Пятничная мечеть Масджид-и Калан — одна из крупнейших в Средней Азии. Вокруг большого прямо-

угольного внутреннего двора — крытые галереи; около трехсот куполов на квадратных столбах. На улицу мечеть открывается парадным порталом, главное здание мечети на противоположной стороне двора увенчано голубым куполом на высоком цилиндрическом барабане. Расположенное напротив мечети медресе Мир-и Араб по сравнению с мечетью — маленькое. Но композиционное равновесие достигнуто очень умело: медресе приподнято на платформе, его фасад «утяжелен» довольно массивными угловыми башнями и т. д.

Еще более грандиозен ансамбль Чар-Бакар близ Бухары. Композиционный центр ансамбля — три монументальные постройки на одной платформе (ханака, мечеть и соединяющий их айван с худжрами по сторонам в два этажа), как бы замыкающие с трех сторон двор — площадь. Комплекс завершают дворыки — семейные усыпальницы с многочисленными надгробиями.

Иного типа были ансамбли, образованные постройками общественного назначения. На перекрестках ряда улиц были воздвигнуты чарсу, вдоль улиц тянулись тимы и тимчики торгового назначения, караван-сарай. Эти ансамбли формировали площади, улицы и перекрестки. Наиболее крупные ансамбли такого типа в Бухаре были в двух местах: один на Регистане (от него сейчас ничего не сохранилось), другой начинался на пересечении двух древних улиц древнего шахристана Бухары и тянулся к северу за пределы бывшего шахристана (от него сохранились три чарсу и тим Абдаллах-хана II).

Характеристика искусства XVI в. была бы неполной, если бы не были упомянуты такие прикладные ремесла, как резьба по камню и по дереву. Здесь мастера XVI в. достигли высокого совершенства. Блестящие образцы резьбы по камню — многочисленные надгробия и стелы уже упоминавшегося комплекса Чар-Бакар. Надгробия украшены орнаментами и надписями, их углы оформлены в виде колонок. Некоторые надгробия в миниатюре повторяют форму купольного мавзолея. Лучшие образцы резьбы по дереву — это подвесной деревянный потолок мечети Баланд, двери некоторых медресе и пр.

На высоком уровне в XVI в. было художественное оформление рукописей⁸³. При дворе некоторых крупных султанов были библиотеки, которые одновременно являлись мастерскими по переписыванию и украшению рукописей. В Средней Азии этого времени жили и творили замечательные каллиграфы и миниатюристы. Некоторые переехали сюда из Герата. Дошло также значительное количество рукописей, переписанных в XVI в. мест-

⁸³ Галеркина О. И., 1956; Долинская В. Г., 1955; 1958; Пугаченкова Г. А., 1950; 1956; 1959; Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И., 1965; Семенов А. А., 1946 б и др.

Миниатюра XVI в. Великодушный везир избавляет от казни юношу-разбойника. Бухара

Миниатюра XVI в. Бухара

Современником Васифи был выдающийся поэт историк *Камал ад-Дин Бинаи* (родился в 1453 г., убит в 1512 г.)⁸⁵. Он родился в Герате в семье искусного мастера-строителя, в молодости провел несколько лет в Ширазе, затем жил в Тебризе при дворе султана Якуба. В 1491 г. он вернулся на родину в Герат, однако в результате придворных интриг, вызванных завистью к нему — талантливому поэту «низкого» происхождения, был вынужден переехать в 1495 г. в Самарканд. Там он стал свидетелем борьбы за власть между последними Тимуридами и Шейбанидами. После занятия Самарканда Мухаммадом Шейбани-ханом он поступил к нему на службу и с его войсками в 1507 г. вернулся снова в родной Герат. После смерти Шейбани-хана (1510 г.) и захвата войсками Сефидов Герата он поселился в Карши, где два года спустя был убит.

Бинаи писал стихи, прозу, был прекрасным музыкантом. Его перу принадлежит дидактическая поэма «Бехруз и Бахрам», где он излагает свои общественные и этнические взгляды. Он осуждает в ней человеческие слабости, критикует социальное зло, указывает на необходимость знания, бичует недостатки богатых и знатных, морально разложившееся алчное духовенство. Несмотря на традиционный характер дидактического жанра, Бинаи вводит в поэму новые идеи.

Газели Бинаи написаны в традициях XV в., однако и здесь он выступает иногда как новатор, вводя автобиографические детали и элементы критики власть имущих.

Среди исторических сочинений Бинаи прежде всего должна быть упомянута его «Шейбани-наме» и ее расширенный вариант — «Футухат-и хани», написанные между 1504 и 1510 гг. Эти книги описывают в прозе, перемежающейся стихами, события из жизни Шейбани-хана. В отличие от других исторических сочинений того времени они содержат много дидактических отступлений, которыми Бинаи наивно рассчитывал воздействовать на совесть правителя.

Бинаи был типичным представителем среднего слоя горожан и с их позиций критиковал пороки правящих кругов. Он был талантливым продолжателем лучших традиций таджикско-персидской классической литературы, ярко отразил в своих произведениях историческую обстановку Средней Азии конца XV — начала XVI в.

Встречающееся в некоторых работах мнение, что Бинаи был противником развития литературы на узбекском языке, вызванное сообщениями историков о его временных размолвках с Навои, основано на недоразумении. Бинаи высоко отзывался об узбекских и таджикских стихах Навои, с теплым чувством вспоминал о нем в своих произведениях после его смерти и да-

⁸⁵ См. о нем: *Мирзоев А.*, 1957.

же сам писал стихи по-узбекски. Никакого «движения против узбекского языка» в то время не существовало. Жизнь и творчество Бинаи, наоборот, говорит о тесной дружбе между деятелями культуры двух народов.

Другой талантливый поэт этого времени — *Бадр ад-Дин Хилали*⁸⁶, как и Бинаи, принадлежал к гератскому культурному кругу. Родился он в Астрабаде около 1470 г., но в 1491 г. переехал в Герат для продолжения образования, где и провел остальную жизнь. В 1529 г. его обвинили в приверженности к шиизму, в том, что он написал сатиру на Убейдаллах-хана, и по приказу этого правителя казнили. Самое важное место в творчестве Хилали занимает диван лирических любовных газелей, до нашего времени очень популярных в Таджикистане. Простота и совершенство формы и песенный строй придают его газелям особую прелесть. Кроме того, его перу принадлежат еще три поэмы — «Лейли и Меджнун», «Сифат ал-ашикин» и «Шаху гада».

Творчество поэтов первой половины XVI в. все еще недостаточно изучено. Нет сомнения, что в нем усиливаются по сравнению с поэзией XV в. формалистические черты, наблюдается снижение мастерства, в чем можно видеть влияние исторической обстановки.

Во второй половине XVI в. после создания Абдаллах-ханом II централизованной власти в Средней Азии литературная жизнь по сравнению с предшествовавшим периодом заметно оживляется. Из ремесленных кругов выходят выдающиеся поэты. Среди них прежде всего следует назвать *Абд ар-Рахмана Мушфики* (1538—1588 гг.), писавшего на таджикском языке. Родился Мушфики, по одной версии, в Бухаре, в семье ремесленника, одно время жил в Самарканде, стал известен как поэт, но при попытке устроиться ко двору султана Саида потерпел неудачу и переехал в Дели ко двору императора Акбара, индийского религиозного реформатора, которого он восхвалял в двух касыдах. В 1567 г. он вернулся в Бухару, где был приближен ко двору Абдаллах-хана II и стал его «малик аш-шоара» («царем поэтов»).

Несмотря на свою карьеру при дворе и большое искусство, проявленное им в жанре касыды (его считают последним крупным поэтом-панегиристом в Средней Азии), Мушфики, выходец из народа, по призванию был прежде всего лирическим и сатирическим поэтом. Особенно известны и популярны его любовные газели и отличные рубаи. А его пышные касыды оказались почти забытыми. Правда, в одной из своих касыд он решился указать правителю на бедственное положение крестьян.

Сатирический диван Мушфики, в котором он высмеивает различных людей, большей частью поэтов, стал широко известен в

⁸⁶ См. о нем: *Айни К.*, 1957.

народе. За Мушфики утвердилась в таджикском фольклоре слава шутника, он стал излюбленным героем анекдотов (латифа), распространявшихся первоначально в среде ремесленников, в них он изображается вольнодумцем, «возмутителем спокойствия».

Вот образец его сатирического стихотворения о разделе наследства, где обличается неравноправие женщин:

Сестра, отец наш опочил, делить имущество пора;
Муллу служить я пригласил, а ты плати ему, сестра.
По справедливости дележ: амбар с зерном нужнее мне,
Зато солому ты возьмешь, свози ее скорей, сестра.
Мужчина должен мягко спать, тюфяк ты отнесешь ко мне,
А ты в ночи должна вздыхать — стена, слезы лей, сестра.
Тамбур и кольца долг велит мне при разделе взять себе.
Послушай, как тамбур звенит — печаль свою развей, сестра.
От пола и до потолка пространство мне принадлежит —
Себе возьмешь ты облака, луна тебе нужней, сестра.
Ты чтить усопшего должна, я на могилке посижу;
Купи халвы, леки блины, корми моих гостей, сестра⁸⁷.

В XVI в. продолжала развиваться и историография. Появились такие обстоятельные исторические летописи, как «Хабиб ас-сияр фи ахбар-и афрад ил-башар» («Друг жизнеописаний в сообщениях о выдающихся личностях рода человеческого») *Хондемира*, где излагались события всеобщей истории и биографии знаменитых людей до периода окончания борьбы Шейбани-хана и шаха Исмаила (1510 г.). «Мехман-наман Бухара» («Книга бухарского гостя») *Рузбехана*, «Абдаллах-наме» («Книга Абдаллаха») *Хафиз-и Таныша* являются важнейшими источниками для изучения истории Средней Азии XVI в.

Хафиз-и Таныш был также поэтом, ему принадлежал целый диван стихотворений, к сожалению, утраченный.

⁸⁷ «Антология», стр. 434, см. также: *Мушфики*, 1958.

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД В ГОСУДАРСТВЕ ДЖАНИДОВ (XVII— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII В)

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Феодалные междоусобия в XVII в.

Шейбанидский государь Абдаллах-хан II умер в 1598 г. и на трон вступил его сын Абд ал-Мумин. Не будучи подобно отцу крупным государственным деятелем, он не сумел ни обуздать, ни привлечь на свою сторону враждебно настроенную группу феодално-племенной знати. В 1598 г. Абд ал-Мумин был убит наймитом группы феодалов, настроенных против центрального правительства. Пир Мухаммад-хану II, последнему Шейбаниду, принадлежала лишь небольшая часть государства. Он вскоре погиб в междоусобной борьбе.

Раздорами среди Шейбанидов немедленно воспользовались Сефевиды, хивинская династия и казахи. Сефевидский государь шах Аббас I захватил значительную часть Хорасана, включая Герат. Балхом сначала овладел Абд ал-Амин, племянник Абдаллах-хана II. Он даже успел отчеканить монеты от своего имени. Но вскоре город перешел к ставленнику Сефевида Аббаса I, Мухаммад Ибрахиму, так что даже эта коренная территория Шейбанидов на короткое время оказалась в сфере влияния Сефевидского государства. Казахи захватили ряд городов, включая Ташкент, крупнейший удел Шейбанидов. Отсюда казахский султан Тевеккель сделал рейд в центральный Мавераннахр и даже захватил Самарканд. Лишь поражение под Бухарой, тяжелое ранение и смерть Тевеккеля приостановили экспансию казахов¹.

¹ Подробнее о перипетиях борьбы разных претендентов см.: *Вельяминов-Зернов В. В.*, 1864; *Абдураимов М. А.*, 1966, стр. 56—57. Однако нужно учитывать, что М. А. Абдураимов совершенно неверно отождествляет последнего Шейбанида Пир Мухаммада II с Пир Мухаммадом I, дядей Абдаллах-хана II (Пир Мухаммад I умер в 1567 г.), а Пир Мухаммад II — двоюродный брат Абдаллах-хана II. Кроме того, автор позитивно и некритически излагает Мухаммада Юсуфа Мунши, сведения которого по истории XVI в. часто очень недостоверны и путанны.

Хорезм, с таким трудом завоеванный Абдаллах-ханом II, вновь обрел самостоятельность. Кто был первым государем новой, Джанидской династии — не совсем ясно. Феодальная аристократия предложила престол Джани-Мухаммад-султану (Джанибек-султану). Он был женат на сестре Абдаллах-хана II. Сам же он происходил из тех потомков Чингизидов, которые правили Астраханским ханством после распада Золотой Орды². Когда Астраханское ханство было присоединено к России, Джанибек бежал к Шейбанидам. Согласно письменным источникам, Джанибек-султан отказался от престола в пользу своего старшего сына Дин-Мухаммад-султана. Последний, однако, погиб на пути в Бухару. Тогда ханом был провозглашен второй сын Джанибека — Баки-Мухаммад-султан. И в научной литературе прочно утвердилось, что первым Джанидским государем был именно Баки-Мухаммад³. Нумизматические данные рисуют несколько другую картину, ибо дошло довольно много монет Джанибек-султана, чеканенных в Бухаре, Самарканде и Ташкенте⁴. Следовательно, фактически или номинально первым государем был Джани-Мухаммад (Джанибек).

Единственным внутривосточным успехом первых Джанидов было возвращение Балха. Все остальные попытки прекратить внутренние раздоры и бороться с кочевниками существенных результатов не дали.

В 1611 г. Имам-Кули-хан (1611—1642 гг.) отнял престол у своего дяди, Вали-Мухаммад-хана. Последний получил помощь от Сефевидов, но был разбит и казнен. Имам-Кули-хану удалось расширить границы государства: он отвоевал у казахов Ташкент⁵. Успешно он боролся с другими кочевниками — каракалпакками и калмыками, подступавшими к границам Джанидского государства.

Имам-Кули-хану удалось на время задержать развитие феодальных междоусобиц. Историки того времени хоть и преувеличивали благоденствие, якобы наступившее в стране при Имам-Кули-хане, но зерно истины в их славословиях было, особенно если сравнить его долголетнее правление с предшествующим и последующим временем. Источники упоминают даже некоторые оросительные работы при Имам-Кули-хане⁶.

Его брат Надир-Мухаммад-хан правил недолго. Очевидно, его политика задела интересы феодальной знати, так что в результате заговора на бухарский престол был посажен его сын, Абд ал-Азиз-хан (1645—1680 гг.). Сам Надир-Мухаммад был вынужден

² Поэтому в литературе династию Джанидов часто называют Аштарханаидами.

³ *Абдураимов М. А.*, 1966, стр. 64; «История Узбекской ССР», 1967, стр. 550 и др.

⁴ *Давидович Е. А.*, 1964, стр. 12—14; 243—244.

⁵ Правда, борьба вокруг Ташкента продолжалась, и владетель города лишь номинально подчинялся Имам-Кули-хану (*Абдураимов М. А.*, 1966, стр. 112—115).

⁶ *Абдураимов М. А.*, 1966, стр. 267—268.

ограничиться положением правителя Балха. Однако и тут позиция его не оказалась прочной. В борьбу за власть и уделы включились остальные сыновья Надир-Мухаммада, принимавшие то сторону отца, то брата. Так было положено начало разорению богатейшей области Балха. Надир-Мухаммад обратился за помощью к Шах-Джехану, государю династии Великих Моголов (Индия). Тот послал двух своих сыновей с большим войском с целью просто захватить Балх. Надир-Мухаммад бежал, завоеватели два года разоряли область, население бедствовало и разбегалось, начался голод. Военные действия между завоевателями и выступившим наконец сюда Абд ал-Азизом окончились победой последнего, но довели население до крайне бедственного положения.

Вскоре Балх вновь, но ненадолго оказался в руках Надир-Мухаммада, но это не принесло спокойствия разоренной области. Сначала Абд ал-Азиз послал против отца своего брата Субхан-Кули-хана, который и овладел городом, потом послал новое войско, чтобы отнять город у брата. Субхан-Кули-хан выдержал осаду, но вокруг Балха и в области было уничтожено и разорено все, что еще оставалось целым.

Всеми этими внутрдинастическими распрями воспользовались хивинцы. Их многократные чисто грабительские набеги разорили многие районы центрального Мавераннахра. Они доходили даже до Бухары, а однажды овладели уже частью города, и лишь активное участие всех горожан помогло изгнать их.

Воспользовавшись всеми этими неурядицами, власть захватил Субхан-Кули-хан (1680—1702 гг.). При нем набеги хивинцев сначала продолжались. Они даже овладели Самаркандом. Знать города признала хивинского хана, за что впоследствии население Самарканда было буквально разорено огромной контрибуцией, взысканной Субхан-Кули-ханом. Последний понял, что набеги хивинцев не прекратятся, если не посадить там своего наместника. Ловко действуя через местную знать, Субхан-Кули-хан в конце концов добился того, что Хива признала его власть.

Зато во всех остальных делах его правление не было отмечено успехами. Междоусобия уже давно потеряли внутрдинастический характер. Чрезвычайно усилились главы узбекских племен. Субхан-Кули и сам в ряде случаев возвышал некоторых из них. Например, когда его сын попытался отложиться в Балхе и был убит по приказу отца, Субхан-Кули-хан назначил правителем этой области, которая издавна считалась уделом наследников престола, одного из эмиров племени юз.

При Субхан-Кули-хане чрезвычайно возвысился Махмуд-бий аталык⁷ из племени катаган. Не раз Субхан-Кули-хан прибегал

⁷ *Аталык* — пятнадцатый по старшинству и самый высший чин в Бухарском ханстве. Он занимал первое место после хана и по существу выполнял функции первого министра.

к его помощи для борьбы с хивинцами. Ему же он поручил усмирение мятежных эмиров в Балхской области, а потом назначил наместником Балха и Бадахшана⁸.

Бадахшан в это время был фактически независимым владением в руках Яр-бека, основателя самостоятельной династии бадахшанских миров. Отношения между Бадахшаном и Бухарой начали портиться еще в 1650 г. После того как бухарские ханы завладели долиной Кундуза, они продолжали совершать набеги на территорию Бадахшана. Бадахшанцы избрали Яр-бека своим миром (правителем) и под его предводительством оказывали пришельцам успешное сопротивление. Непосредственной причиной, вызвавшей поход Махмуд-бия в Бадахшан, был отказ Яр-бека допустить бухарцев к разработке рубиновых копей в Бадахшане⁹.

Поход Махмуд-бия, целью которого являлось полное покорение всего Бадахшана, окончился для него неудачно. Его войска несколько раз осаждали центральный город Бадахшана Файзабад (Джузгун), но не смогли его взять. В конце концов Махмуд-бию пришлось пойти на заключение с Яр-беком договора, согласно которому последний обязался сдать бухарскому хану добытую в течение двух лет продукцию рубиновых копей Бадахшана и признать себя вассалом Бухарского ханства. В действительности Яр-бек остался неограниченным властелином Бадахшана и управлял им совершенно самостоятельно.

Правитель Балха Махмуд-бий становился все более независимым, все менее считался с Субхан-Кули-ханом. Субхан-Кули-хан, опасаясь чрезмерного усиления Махмуд-бия, добился его изгнания из Балха. Правителем Балха был назначен внук хана, Мухаммад-Муким-султан.

Субхан-Кули-хан не сумел преодолеть сопротивление местных феодалов. Непрерывные войны, которые он вел, влекли за собой усиление гнета и эксплуатации трудовых масс. Для ведения войн с непокорными феодалами необходимы были большие средства, и Субхан-Кули-хан потребовал, чтобы налоги с населения взыскивались за семь лет вперед. При том положении, в котором находилась тогда страна, введение такой системы ложилось на народ совершенно непосильным бременем. Взятничество и злоупотребления чиновников при взимании налогов еще более разоряли трудовой народ.

⁸ Мухаммад Юсуф Мунши, 1956, стр. 153.

⁹ Там же, стр. 158—159. В сообщениях о рубиновых коях Бадахшана речь идет о высшем сорте благородной шпильки.

Усиление феодальной раздробленности. Внутренняя политика Убейдаллах-хана

Кратковременное царствование Убейдаллах-хана (1702—1711 гг.) ознаменовалось чрезвычайно напряженной борьбой между центральной властью и феодалами. Убейдаллах-хан был последним Джанидом, пытавшимся поставить предел своеволию феодалов и усилить центральную власть. Личность Убейдаллах-хана и его внутренняя политика незаслуженно долгое время не привлекали внимания. В литературу даже попала и прочно утвердилась характеристика, с которой трудно согласиться: Убейдаллах-хан «проявлял стремление к абсолютизму, но чрезвычайно самонадеянный и заносчивый, не отличавшийся умением ладить с людьми, он в действительности оказался игрушкой в руках эмиров»¹⁰. Такое впечатление складывается вследствие того, что письменные источники того времени целиком посвящены подробнейшему описанию междоусобий, тогда как о событиях иного порядка имеются лишь отдельные строчки да случайные косвенные свидетельства и намеки.

Для характеристики внутренней политики Убейдаллах-хана более всего материалов содержится в «Убейдаллах-наме» Мухаммада Амин-и Бухари¹¹. Сопоставление этих материалов с данными нумизматики убедило в том, что его попытка централизовать государство была самой целенаправленной за весь период царствования династии Джанидов, опиралась на довольно ясное понимание особенностей в расстановке классовых сил, не всегда оказывалась последовательной, но отличалась решительностью, а иногда и гибкостью, и если потерпела крах, то главным образом потому, что для централизации государства не было в это время объективных предпосылок.

От Субхан-Кули-хана Убейдаллах-хану досталось тяжелое наследие. Эмиры — главы узбекских племен — чувствовали себя совершенно независимыми. Как правило, они были правителями именно тех городов и районов, которые были назначены в кормление их племени. Там же они скупали земли и были крупнейшими земельными собственниками, вели себя как полные хозяева. Многие из них, опираясь на силу своих племен, совершенно не считались с центральной властью. Они враждовали между собой, образовывали группировки, иногда открыто отказывались признавать власть бухарского хана. Убейдаллах-хан не имел ни средств, ни достаточной армии, чтобы самостоятельно бороться с сепаратизмом этих феодалов. Он вынужден был опираться на

¹⁰ «История народов Узбекистана», т. 2, 1947, стр. 90.

¹¹ Материалы эти проанализированы историками, хотя не всегда оценены и поняты одинаково. См.: *Чехович О. Д.*, 1954, стр. 68—69; 1959, стр. 208 и сл.; *Давидович Е. А.*, 1964, стр. 148—156; *Абдураимов М. А.*, 1966, стр. 136 и сл.

одних эмиров для борьбы с другими. Действительно, ему далеко не всегда удавалось при этом проводить в жизнь свои решения. Часто эмиры, на которых он опирался, под разными предлогами отказывались идти в поход. Не раз бухарская группировка терпела поражения. Иногда во время похода часть эмиров просто уходила со своим войском или даже переходила на сторону врагов. Положение Убейдаллах-хана было очень сложным, ему приходилось лавировать разными способами. Он старался, чтобы эмиры взаимно ослабляли друг друга, и проявлял в этом деле известную изобретательность. Но это было не единственное и, главное, не основное направление его усилий. Отдельные факты, собранные воедино, показывают, что он проводил целую систему мероприятий, направленных, с одной стороны, на укрепление своей собственной экономической базы, с другой — на экономическое и политическое ослабление эмиров.

Класс феодалов не был единым. К этому времени четко обособились две основные группы: одна — эмиры и вообще феодальная верхушка узбекских племен; другая — старая знать, чиновничество, феодалы — земельные собственники, городская торговоремесленная верхушка. Междоусобные войны эмиров разоряли не только простой народ: они били по интересам и этой второй группы класса феодалов, которые поэтому были заинтересованы в усилении центральной власти. Духовные феодалы по тем же причинам были больше на стороне центральной власти. Однако эта группа феодалов, на которую мог опереться Убейдаллах-хан, не была монолитной и единой. Отдельные представители ее на разных отрезках времени поддерживали, наоборот, эмиров, особенно в тех районах, где эмиры были сильны и полновластны. Трудовой народ города и деревни, жестоко разоряемый междоусобными войнами, не раз восставал в поддержку центральной власти, против мятежных эмиров. Такова в общих чертах была расстановка сил.

Убейдаллах-хан учитывал все это, хотя и не всегда был последователен. Он опирался прежде всего на ту группу класса феодалов, которые были заинтересованы в укреплении центральной власти и прекращении междоусобий. Чрезвычайно важное звено его внутренней политики — попытка создать новый чиновничий аппарат из людей, только ему обязанных своим возвышением. Историк того времени Мухаммад Амин-и Бухари прямо свидетельствует, что Убейдаллах-хан привлекал к управлению детей ремесленников и торговцев, людей «низкого происхождения», «безродных»¹².

Далеко не случаен, конечно, следующий эпизод: когда бухарские войска подошли к Балху, Убейдаллах-хан издал специальный приказ о том, чтобы посевы жителей не вытапывались, чтобы

¹² Мир Мухаммед Амин-и Бухари, стр. 220, 223.

населению не приносили никакого вреда и т. д. Разбив ставку в одном селении, Убедаллах-хан оплатил вытопанные войском посеы. Здесь видна явная попытка привлечь на свою сторону рядовое население. Как уже отмечалось, в XVII—XVIII вв. народные массы Средней Азии очень активизировались (подробнее ниже), хану выгодно было иметь их союзниками в борьбе против сепаратистов-эмиров.

Какими же рисуются мероприятия Убедаллах-хана? Его отношение к эмирам было враждебным, борьба с ними — открытой и откровенной. Об этом пишет и источник. Он, конечно, награждал деньгами, вещами и землями тех эмиров, на которых опирался, в целом же он начал на них наступление по экономической линии, не брезгуя и малыми средствами. Любопытно, например, что он ввел в систему продажу «подарков» своим политическим противникам, причем по удешевленным ценам. По свидетельству источника, «несчастливым узбекам не стало мочи дышать»¹³. Но более существенными были его попытки ликвидировать часть танхо — условных земельных пожалований в пользу кочевых узбеков. Любопытно, что он прибег к очень хитрому маневру, подсказанному, вероятно, практической невозможностью просто отнять танхо. Он отдавал (т. е. безусловно продавал) эти земли в полную собственность приближенным и чиновникам. Отсюда также следует, что в этой своей политике он опирался на ту группу класса феодалов, которая была заинтересована в укреплении его власти и своего влияния. Такой способ конфискации танхо, кроме того, обострял противоречия между двумя группами класса феодалов.

Еще один источник увеличения доходов казны Убедаллах-хан увидел в ликвидации «обелений», т. е. налогового иммунитета с мельковых земель. Это было смелое и, возможно, рискованное мероприятие, так как оно задевало интересы той группы класса феодалов, на которую он опирался. Вероятно, это делалось выборочно. Известно, в частности, что он лишил налогового иммунитета крупнейших духовных феодалов Средней Азии — джуйбарских шейхов.

Принимал Убедаллах-хан меры и для развития международной торговли. Правда, это в какой-то мере задевало интересы местных купцов. Бухарские купцы иностранные товары закупали оптом, но расплачивались обычно позже, после распродажи. Это было очень неудобно для приезжих купцов. Кроме того, согласно шариату, проданный товар в течение трех лет мог быть возвращен. При Убедаллах-хане правительство в этих вопросах принимало сторону иностранных купцов. Это должно было увеличить приток иностранных товаров и соответственно повысить доходы казны.

¹³ Там же, стр. 227.

Большие надежды Убейдаллах-хан возлагал на денежную реформу¹⁴. Мир Мухаммад Амин-и Бухари был недостаточно осведомлен, когда писал, что причиной проведения этой реформы было полное отсутствие денег в казне на самые необходимые расходы. Некоторые историки некритически восприняли и повторили такое объяснение причин реформы. На самом деле Убейдаллах-хан к моменту проведения реформы разными другими путями скопил в казне, очевидно, очень большие суммы. Джанидские государи в течение XVII в. постоянно прибегали к монетному чекану как источнику доходов. Снижая и повышая пробу монет, они к концу XVII в. довели монетный чекан до того, что в монетах было всего 22,5% серебра. Убейдаллах-хан, наоборот, чеканил довольно высокопробные монеты, в них было 35% серебра. И на протяжении семи лет, в каком бы он ни был положении, не прибегал к порче монет как источнику доходов. Это можно объяснить только двумя причинами: с одной стороны, он не портил монеты, так как это задевало бы интересы и той группы класса феодалов, на которую он опирался; с другой стороны, как показывает содержание реформы 1708 г., он «берег» этот источник, не опустошая его по мелочам, чтобы в надлежащий момент сразу извлечь большие доходы.

В 1708 г. имеющиеся в казне монеты были перечеканены: из каждой монеты было сделано четыре, так что в новых оказалось всего около 9% серебра. После этого было объявлено, что отныне новые монеты (9% серебра) и старые монеты (35% серебра) по покупной способности равны. Иначе говоря, Убейдаллах-хан рассчитывал одним махом учетверить содержание казны. Такого до сих пор не было, обычно пробу серебра снижали на 5—10%. Пойдя на такое необычное мероприятие, Убейдаллах-хан, очевидно, считал, что в его руках окажутся достаточные средства для более эффективной борьбы с эмирами, и поэтому стоило рискнуть. Он должен был понимать, что именно рискует, ибо этой реформой он грабил — пусть временно и пусть с лучшими намерениями — не только своих врагов, но и своих союзников: народ, торгово-феодальную верхушку общества, всех, кто был заинтересован в денежной торговле и имел на руках деньги.

В Бухаре прекратилась торговля, купцы и ремесленники закрыли свои лавки и мастерские. Рядовые горожане оказались в ужасном положении: на базарах ничего нельзя было купить.

Это подстегнуло общее недовольство. Толпы горожан, преимущественно бедноты, подступили с криками и угрозами к резиденции хана. Восстание народа в конце концов было подавлено, нескольких человек казнили. Но это не было поражение в целом, так как Убейдаллах-хан вынужден был пойти на компромисс и изменить содержание реформы. Отныне (и это положение продер-

¹⁴ Давидович Е. А., 1964, стр. 135—147.

жалось много лет даже после смерти Убейдаллах-хана) старая монета была приравнена не к одной, а к двум новым. Иначе говоря, казна Убейдаллах-хана не учетверилась, а только удвоилась. Реформа не принесла ожидаемых доходов, но настроила против Убейдаллах-хана его бывших союзников. Никакого качественного поворота во внутренней политике поэтому совершить не удалось.

Борьба, взаимное недоверие и неприязнь после этого только обострились. Один из заговоров окончился убийством в 1711 г. Убейдаллах-хана, грабежом его казны и всего имущества.

При предпоследнем представителе династии Джанидов Абу-л-Файз-хане (1711—1747 гг.) центральная власть окончательно теряет свое значение, и ханство распадается на отдельные самостоятельные области. Управление страной почти полностью переходит в руки аталыка Мухаммад-Хаким-бия, поддержанного знатью мангитского племени.

В связи с недовольством знати всевластием аталыка Мухаммад-Хаким-бий был впоследствии удален в Карши. Русский посол Флорио Беневени говорит о полной анархии при дворе Абу-л-Файз-хана в это время. Всем распоряжались сановники, стремившиеся к наживе. Они захватили монопольное право на торговлю на бухарских базарах и рынках и бесконтрольно грабили народ.

Эта «генеральная драка» (выражение Ф. Беневени) ханов между собой и полный произвол феодалов сами по себе говорят о тяжелых испытаниях, которые приходилось переживать народам Средней Азии в период царствования Джанидов¹⁵.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Состояние хозяйства. Земельная рента. Налоги в городе

Центральная власть, как видно из изложенного выше, серьезной реальной силы не представляла. Джаниды имели даже официально два центра — Бухару и Балх. В Бухаре сидел сам хан, в Балхе правил его престолонаследник либо крупный военачальник, аталык. Как правило, джанидские ханы зависели целиком от феодально-племенной знати, которая фактически распоряжалась всей страной. По сравнению с шейбанидским периодом чрезвычайно увеличились права аталыков, власть и своеволие узбекской племенной знати: управление почти всецело находилось в их руках, они занимали наиболее важные должности в административном аппарате¹⁶.

¹⁵ Формально династия Джанидов закончила свое существование в 1785 г., но последний хан Абу-л-Гази был чисто подставной фигурой.

¹⁶ Об административном устройстве в государстве Джанидов см.: Бартольд В. В., 1964 и стр. 388 и сл.; Семенов А. А., 1948 а, стр. 137 и сл.

Усиление феодальной реакции, политическая раздробленность, бесконечные междоусобные войны, обезлюдение городов, разорение оседлого населения, подвергавшегося постоянным поборам со стороны различных феодалов, грабивших оазисы и торговые караваны, — все это характерно для изучаемого периода. Это и привело в XVIII в. к глубокому хозяйственному упадку и застою, особенно в центральных областях Средней Азии.

Разорялось сельское хозяйство. Оросительная система сокращалась¹⁷. Не хватало хлеба. «А хлеба в Бухаре и в Балху и в Хиве сеют небольшое (количество), — писал очевидец, посол царя Алексея Михайловича Борис Пазухин, — и за годом у них хлеба остается мало в коих домах»¹⁸. Голод, охватывавший целые районы и области, стал обычным явлением.

Официальная норма феодальной земельной ренты оставалась прежней (0,3 урожая), но практически взималось много больше. Рента собиралась вперед за несколько лет или произвольно увеличивалась. Например, при Субхан-Кули-хане ее взимали в семикратном размере! К этому следует добавить все остальные налоги и поборы и чудовищные злоупотребления чиновников. Вот что об этом пишет Малихо: «Субхан-Кули-хан во всей своей державе, особенно в Самарканде, каждый год брал налоги в семикратном размере. Если кому-нибудь надо было уплатить 1 таньгу, с него брали 7 таньга. Да еще во много раз больше перепадало чиновникам дивана и владельцам»¹⁹. Следует отметить, что налога рента (малуджихат, харадж) увеличивалась, конечно, не только с государственных земель. Соответственно росла государственная доля ренты с мельковых земель, обычно в это время называемая особым термином — мелькана. По свидетельству одного из источников, размер мелькана был так велик, что владельцы мельковых земель отдавали их даром, но никто и даром не хотел их брать. Здесь речь идет, очевидно, не столько о феодалах — владельцах мельковых земель, сколько о той группе крестьянства, у которых еще сохранялись мельковые земли. Процесс сокращения крестьянских мельков и этой относительно привилегированной группы крестьянства был замечен и в XVI в., при Джанидах же имело место их поголовное разорение, особенно в центральных областях Средней Азии.

Налоговый гнет был так велик, крестьянство настолько разорено, что к началу XVIII в. правительство уже не решалось увеличивать налоги или вводить новые. В «Убейдаллах-наме» прямо пишется, что этот путь получения доходов для казны был отрезан, так как грозил большими волнениями²⁰.

¹⁷ Абдураимов М. А., 1966, стр. 260.

¹⁸ Пазухин Б., 1894, стр. 61.

¹⁹ Мирзоев А. М., 1954, стр. 17.

²⁰ Мир Мухаммед Амин-и Бухари, стр. 157.

Наступление на крестьянство вообще шло по всем «фронтам». Крестьянское хозяйство разоряли не только грабежи во время междоусобных войн, не только непосильные налоги. Шел также глубинный социальный процесс изживания общинных порядков, сокращения группы крестьян-общинников, увеличения группы крестьян-арендаторов. Выше отмечалось, что крестьянин-общинник имел хотя бы то преимущество, что ему не нужно было каждые 2—3 года арендовать новую землю; общинную землю он имел право обрабатывать всю жизнь (и его потомки тоже).

Ремесленники также подвергались всяческому притеснению со стороны больших и малых феодалов. Ремесло и торговля облагались произвольно большими пошлинами и всевозможными сборами, обязательными подношениями ханам и эмирам. Вследствие феодального произвола и отсутствия мало-мальских гарантий для частной собственности ремесленников и торговцев происходило обезлюдение даже старых городских центров.

Развитию горнодобывающей промышленности препятствовали запретительные мероприятия из-за характерного для этого периода опасения ханов, что разработка рудных богатств может навлечь набег алчных соседей.

Концентрация земельной собственности в руках феодалов

Вместе с тем в этот период происходила концентрация земельных владений и богатств в руках отдельных крупных феодалов и влиятельных шейхов. Особенно крупными земельными собственниками при Джанидах стали эмиры узбекских племен. Вот несколько примеров. Из юридических документов видно, какими огромными земельными массивами владел Ялангтуш-бий, особенно в Самаркандской области, где он был правителем много лет (в первой половине XVIII в.). Джанидские ханы к тому же «обеляли» его земли от государственного налога-ренты. Крупные земельные массивы собрали Аллаберди-бий и его сын Аллаер-бий: они тоже старались сконцентрировать свои земельные богатства в одном месте, ради этого даже производили обмен земель²¹. Крупнейшими земельными магнатами оставались джуйбарские шейхи. В сложной обстановке того времени, когда центральная власть уже не могла им покровительствовать так, как это было при Шейбанидах, а усилившаяся племенная знать покушалась на их богатства, джуйбарский шейх Тадж ад-Дин все же умножал свои и без того колоссальные земельные владения²².

²¹ Чехович О. Д., 1954 б, стр. IX—XII.

²² Иванов П. П., 1954, стр. 68—80.

Знать и военные продолжали получать пожалования, именовавшиеся чаще всего сургалами и танхо. Пазухин отмечает, что «расписаны все деревни на жалование ратным и всяких чинов людям»²³. При Джанидах, кроме того, значительно чаще и в больших размерах жаловали за службу не только государственные земли, но государственные доли ренты с мельковых земель. Это создавало такие сложные взаимоотношения между разными лицами, имевшими права на разные доли ренты с мельковых земель, что в XVII—XVIII вв., как правильно отметили исследователи, изменяется даже терминология в юридических документах. В купчих, вакуфных грамотах и пр. при описании мельковых земель упор теперь делается на точное определение доли ренты, которую будет получать покупатель или вакуфное учреждение²⁴.

Но концентрация земельных владений шла не только за счет пожалований. Характерный процесс этого времени — концентрация земельной собственности крупными феодалами путем покупки земель. Некоторые феодалы «округляли» свои земли до того, что становились собственниками земель целых районов. Показательно, что в сферу торгового оборота все чаще попадала государственная земля, об этом прямо свидетельствуют юридические документы²⁵. Бедность казны заставляла бухарских ханов все чаще прибегать к такой продаже, а также к дарению. Оформлялось это в канцеляриях кадиев тем же способом, как и в XVI в.

Характерно, что раздел мельковых земель между государством и собственником — частным лицом (т. е. превращение мельковых земель частично в государственные, частично в мельк-и халис) теперь тоже стал куда более интенсивным. И это понятно. Увеличение нормы эксплуатации со стороны государства делало положение феодала-мелькдара очень невыгодным, он предпочитал иметь меньшее количество земли мельк-и халис, но в полном своем распоряжении. Тут его доходы не зависели от того, сколько из крестьян выколотит государство и удастся ли ему самому забрать свою долю ренты с разоренного хозяйства.

Следовательно, для XVII—XVIII вв. характерны: концентрация частнособственнических и жалованных земель в руках крупных феодалов, особенно в руках знати узбекских племен, увеличение нормы эксплуатации крестьянства, массовое разорение крестьян-мелькдаров, сокращение группы крестьян-общинников, рост категории частнособственнических земель мельк-и халис, более интенсивное «распадение» феодальных мельков, продажа государственных земель феодалам, массовая раздача государственных и мельковых земель (собственно государственной доли в мельковых землях) в условное владение, дарение государственных земель

²³ Пазухин Б., 1894, стр. 61.

²⁴ ИТН, II, 2, стр. 37.

²⁵ Чеховиц О. Д., 1954 г., стр. XV—XVIII.

и т. д. В результате — вечная нехватка денег в ханской казне, так как основной источник дохода — поземельный налог-рента — постепенно давал казне все меньше и меньше, пока совсем не сократился в силу вышеуказанных причин. Об этом то прямо, то косвенно свидетельствуют различные источники. Приведем лишь два свидетельства очевидцев, которые в разное время побывали в Бухаре и которым это обстоятельство бросилось в глаза сразу. Б. Пазухин (1669 г.): «А денежные казны в государствах в казне у царей мало, потому что росписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людям, и по царев обиход збирается казна з денежного двора и пошлина; а за обиходом денег за годом не остается». Ф. Беневени: «Хан лицом кажет, что высокие имеет идеи к владению, а силы не имеет, за скудостью казны, которую не один раз Озбеки опростили, а чем бы вновь наполнить доходов не стало»²⁶. Это — экономическое основание все большего ослабления центральной власти и все большего усиления самостоятельности крупных феодалов, особенно эмиров — глав узбекских племен.

Выросла роль и духовных феодалов. В частности, в разное время захватывают в свои руки власть дервишские главари — шейхи (так было в Фергане, Ташкенте).

Народные движения

Невыносимый гнет и феодальная эксплуатация, междоусобные войны, разорение и голод чрезвычайно усилили возмущение народных масс. В разных местах постоянно вспыхивали народные волнения и восстания²⁷. При Абд ал-Азиз-хане, по словам современного ему поэта Сайидо Насафи, в селении Дахбид около Самарканда вспыхнуло восстание. Размах этого народного движения был настолько велик, что сам Абд ал-Азиз прибыл сюда с большим войском и, подавив восстание, сжег и разрушил Дахбид. Точно так же во время правления Субхан-Кули-хана и его преемников постоянно происходили народные волнения, которые иногда удавалось использовать отдельным феодалам для достижения своих личных целей. Например, однажды, когда сам Субхан-Кули-хан подступил к Балху, все население в течение 21 дня героически защищало город, которым владел Махмуд-бий аталык, и отстояло его от бухарцев²⁸. Все слои общества в данном случае были объединены, так как понимали, что взятие города ханом повлечет за собой жестокий грабеж и резню. Но чаще народ поддерживал центральную власть, так как феодальные войны и

²⁶ Пазухин Б., 1894, стр. 61.; Беневени Ф., 1853, стр. 373.

²⁷ Чехович О. Д., 1954, стр. 63—71; Абдурашмов М. А., 1956, стр. 64—72; Чехович О. Д., 1959 а, стр. 221—223; Давидович Е. А., 1964 стр. 135—145; ИТН, II, 2, стр. 44—47; «История Узбекской ССР», 1967, стр. 579—580.

²⁸ Мухаммад Юсуф Мунши, 1956, стр. 162.

междоусобия разоряли население как города, так и деревни.

Крупнейшим и победным было выступление народа в Хисаре в 1703 г. Началось с войны между двумя феодалами: Мухаммад-Рахим-бий с бухарским войском выступил против Уткана, владевшего одной из крепостей на территории области Хисар. Не добившись успеха, бухарское войско стало отходить, бросив на произвол Уткана население Хисара. Тогда жители Хисара обратились к бухарским эмирам с претензией, требуя защиты, коль скоро развязаны были феодальные распри. Эмиры грубо обошлись с уполномоченными народа, один даже бросился на них с шашкой, уполномоченные же схватили камни и палки. Как образно пишет летописец, «бухарские эмиры (поспешно) вышли из крепости Хисар, войско же (их), испытывая смятение, страх и ужас (перед восставшим народом), тоже последовало за ними. Тогда население Хисара, юзы рода шади, бросились грабить шатры и палатки спешно уходивших бухарцев. В самой крепости творилось что-то невероятное, будто наступил страшный суд»²⁹. В данном случае интересы коренного оседлого населения Хисарской области и узбекского племени юз совпали: народ активно выступил за прекращение феодальной войны на своей территории, юзы охотно поддержали победное выступление народа и довершили разгром бухарцев.

Другого характера восстание было в Бухаре в 1714 г. Группа феодалов из племени кенегес во главе с атальком Ибрахимом попыталась проникнуть в арк и совершить дворцовый переворот. Народ встал на защиту власти, в городе были построены баррикады, и хану удалось полностью справиться с врагами лишь благодаря активной помощи народа³⁰.

А до этого, в 1708 г., народ Бухары выступил, наоборот, против Убейдаллах-хана, когда тот объявил свою денежную реформу. Недовольство охватило разные слои общества и сначала приняло форму пассивного сопротивления: закрывались лавки, мастерские, прекратилась торговля, на рынках невозможно было купить самое необходимое. На втором этапе недовольство вылилось в открытое восстание бедноты. По словам хрониста того времени, Мухаммада Амин-и Бухари, восстание было подавлено, несколько человек повесили, реформу полностью провели в жизнь, и все с этим смирились³¹. Некоторое время историки не критически воспринимали эту тенденциозную оценку восстания. Сопоставление актовых и нарративных источников убедило в том, что движение в целом имело значительный успех, оно напугало правительство и заставило его значительно изменить содержание реформы³².

²⁹ Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957, стр. 68.

³⁰ Абд ар-Рахман Тали, 1959, стр. 60—63.

³¹ Мир Мухаммед Амин-и Бухари, 1957, стр. 159.

³² Давидович Е. А., стр. 140 и сл.

В первой половине XVIII в. народные движения были настолько частыми, что даже придворные историки, пусть завуалированно и тенденциозно, но все же вынуждены были упоминать их. Кроме описанных выше, известны выступления народа в 1713—1714 гг. в Бухаре, в 1713 г. в Самарканде, в 1719 г. в Балхе, в 1746 г. в Ташкенте и т. д. Как ни искажали придворные хронисты факты народного возмущения, остается несомненным, что в условиях феодальной реакции и произвола таджикские и узбекские народные массы выступали на борьбу против режима бесправия и тирании, против феодальных междоусобий.

Ремесло, торговля, денежное обращение

Условия для развития ремесла, внутренней и внешней торговли в государстве Джанидов были самые неблагоприятные и ухудшались по мере развития междоусобий и феодальных войн. Некоторые города и целые области подвергались такому грабежу и разорениям, что долгое время не могли после этого оправиться. Но народ не растерял свои технические навыки, свое мастерство: не случайно в одной Бухаре поэт Сайидо Насафи насчитывал более двухсот видов ремесел. Хозяйственная разруха, в которую ввергали страну междоусобные войны, набеги хивинцев, нашествия иностранных войск и кочевников, мешали развитию нормального товарного производства и торговли. Нищета, голодовки, разорение — все это сокращало число рядовых товаров. Тот же Сайидо Насафи, в старости занявшийся ткачеством, очень красноречиво пишет в своих стихах об отсутствии покупателя, о полном застое в торговле уже к концу XVII в.³³:

Во время застоя в торговле товар мой потерял всякую цену
Давно уже стыжусь я своей лавки.

Или:

Всякий раз, как я выношу товар свой на базар,
Мне приходится тащить покупателя за полу и рукав.

Положение еще более ухудшалось в первой половине XVIII в. До крайнего разорения была доведена долина Зеравшана беспре-
рывным семилетием (1723—1730) набегов казахов. Наступил страшный голод, оставшееся в живых население разбегалось на окраины, Бухара и Самарканд опустели³⁴. В лучшем положении оказались те области и города, преимущественно на окраинах государства, которые не были постоянной ареной феодальных войн, набегов хивинцев и кочевников. На их развитии даже

³³ Мирзоев А. М., 1954, стр. 77—78.

³⁴ Чехович О. Д., 1954, стр. 72—73.

благоприятно сказывалось разорение центральных районов государства, ибо ремесленники из наиболее крупных торговоремесленных центров в поисках безопасности и возможности трудиться бежали туда.

Для ремесла и торговли неблагоприятными были также общее состояние денежного хозяйства и правительственная политика в части чекана и обращения монет³⁵. Ко всем тяготам курсовых махинаций, которые тяжелым гнетом ложились на ремесло и торговлю еще в XVI в., теперь прибавилась интенсивная порча серебряных монет. Монеты чеканились из сплава серебра с медью, причем количество меди все возрастало. Казна каждый раз при снижении пробы монет получала выгоду, а население несло большие убытки. Население активно боролось против порчи монет, тут совпадали интересы почти всех слоев общества. Население боролось за «хорошую монету» — твердую, определенную, всегда одинаковую и высокопробную. В XVII в. эта борьба велась с переменным успехом: население иногда одерживало победы, и правительство временно повышало пробу монет. Но в последней четверти XVII в. высокопробные монеты уже не чеканились совсем. Хотя население продолжало борьбу за «хорошую монету», но победы стали более редкими и менее кардинальными: выше 35% содержание серебра уже не повышалось. А позже, в 1708 г., как уже упоминалось, Убейдаллах-хан снизил количество серебра в монетах до 9%, что вызвало восстание народа, одержавшего частичную победу.

Но правительство не только таким прямым путем извлекало выгоду из монетного дела. Еще более тяжелым бременем для населения были курсовые махинации. Как и в XVI в., все серебряные монеты при Джанидах делились на «старые» и «новые». В любой момент правительство могло «новые» монеты объявить «старыми», причем покупная способность «старых» на рынке целиком зависела от их пробы. Например, монеты, в которых было 60% серебра, будучи «новыми», ходили по принудительному курсу, как если бы они были высокопробными. Как только их объявляли «старыми», они теряли 40% своей покупной способности, т. е. население сразу несло убытки на 40%. Иначе говоря, за XVII в. чрезвычайно выросла норма эксплуатации монетного дела, что вело к еще большему разорению ремесленников и купцов, чем то, о котором Дженкинсон писал в середине XVI в.

Все это ясно показывает, что если ремесленники в рассматриваемое время еще полностью владели всеми техническими навыками, то общие условия для ремесла и торговли были таковы, что объем их должен был резко сокращаться, особенно с конца XVII в. Сокращаться должен был и ассортимент товаров.

Безусловно, в несколько лучшем положении находились те

³⁵ Давидович Е. А., 1964, стр. 100—134.

виды ремесел, произведения которых шли на экспорт: внешний спрос стимулировал производство даже в этих трудных условиях. В этом плане особенно важны были крепнувшие и расширявшиеся торговые отношения с Россией.

Русское государство было весьма заинтересовано в укреплении и расширении торговли со Средней Азией и создавало для нее благоприятные условия. Среднеазиатским купцам постепенно дали право торговать во всех городах. Самой льготной была торговля через Сибирь — здесь со среднеазиатских купцов взимали очень небольшую пошлину, некоторые товары пошлинами вообще не облагались. После основания Оренбурга в 1735 г. для привлечения среднеазиатских купцов здесь на некоторое время была объявлена беспошлинная торговля.

Среднеазиатские купцы везли главным образом хлопчатобумажные ткани и изделия из них. Таможенные книги Сибирского приказа и Астрахани показывают, какое большое количество этих товаров вывозилось в Россию. Из подробного перечня в этих книгах также видно, что в Средней Азии этого времени выработывались самые разнообразные сорта хлопчатобумажных тканей. Например, упоминаются разные виды ткани «зендени» (себенди, дюбенди, пурбени, бурмети), разные выбойки (т. е. ткани с набивным рисунком), бязи и т. п.

Ряд данных показывает, что производство шелковых тканей в это время сократилось и по объему и, вероятно, по ассортименту. Не хватало шелка-сырца (вывоз его, между прочим, был запрещен). Ухудшение условий жизни сократило число лиц, занимающихся шелководством, и число потребителей шелка и дорогих шелковых изделий.

Предметами вывоза были кожи, некоторые меха, ковры и пр. Ассортимент товаров так называемой ханской торговли, т. е. вывозимых послами-купцами, был значительно шире. Объем вывоза всех товаров, на которые был большой спрос в Русском государстве, был велик. Следовательно, и производство их в Средней Азии было в лучшем состоянии.

Процветало изготовление оружия и вообще металлических изделий. Они также вывозились за границу. До нас дошли образцы керамики того времени. Кроме обычной и простой, производилась и изящная рисунчатая глазурованная посуда. Прикладные ремесла в XVII в. тоже не были заброшены, на высоком уровне находилось производство мозаик и майолик, резьба по ганчу и дереву. К XVIII в. спрос на высокохудожественные произведения прикладных ремесел почти прекратился.

Что касается внешней торговли, то самой значительной была торговля с Русским государством³⁶. Уже отмечалось, какие сред-

³⁶ Рычков П. И., 1949; Чулошников А., 1932; Зилен Х. З., 1962; 1965 Юлдашев М. Ю., 1964; Джамолов К., 1966.

неазиатские товары вывозились в этом направлении. Следует добавить, что среднеазиатские купцы выступали и в роли посредников: они вывозили не только свои, но и иностранные товары, особенно индийские. Это в свою очередь стимулировало некоторое увеличение привоза в Среднюю Азию товаров из Индии, хотя спрос местного населения на импортные товары в силу уже рассмотренной ситуации должен был снизиться.

Новым в русско-среднеазиатской торговле было не только увеличение объема экспорта и импорта, но и более активное участие в этом русских купцов. Русские купцы или их приказчики теперь по 2—3 года проживали в разных городах Средней Азии, привозили русские товары, вывозили среднеазиатские. Из русских товаров в Средней Азии большим спросом пользовались не только предметы роскоши (дорогие меха, кожи, сукна и пр.) но и разнообразные предметы быта и домашнего обихода: деревянная посуда, галантерейная мелочь и пр.

Торговала Средняя Азия в это время также с Индией, Ираном, Китаем, но объем и значение этой торговли еще недостаточно изучены. Обращает внимание, что в Бухаре был целый квартал, населенный индийскими купцами. Убейдаллах-хан справедливо усматривал большие выгоды для государства в развитии внешней торговли и пытался принять меры для улучшения ее условий, но это был кратковременный эпизод, сметенный усилившейся хозяйственной разрухой. Флорно Беневени, живший в Бухаре в 1722 г. и специально изучавший вопросы торговли, отмечал, что условий для ее развития нет, хотя взаимопотребные для Бухары и России товары имеются³⁷.

3. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Архитектура и искусство

Особенности хозяйственной и социально-экономической жизни XVII—XVIII вв. заметно отразились и на архитектуре. Росло влияние, власть и богатство феодальной верхушки узбекских племен, эмиров. Города и целые области подчас фактически находились в их руках. У них были деньги, чтобы строить, и этим уже традиционным способом они рассчитывали прославить и увековечить свои имена.

Один из таких вельмож — Ялангуш-бий — развернул огромное строительство на Самаркандском регистане и создал тот ансамбль, который существует и поныне. Напротив медресе Улугбека (на том месте, где раньше была ханака Улугбека) по его приказу зодчий Абд ал-Джабар выстроил новое медресе.

³⁷ Беневени Ф., 1853, стр. 376, 380—381.

В тимпанах входного портала этого медресе изображены хищники, бросающиеся на ланей. Отсюда название — медресе Ширдар («имеющее львов»). Фасад медресе Ширдар — копия фасада медресе Улугбека: в центре — портал, по углам — стройные минареты, между порталом и минаретами видны ребристые купола, возведенные над двумя аудиториями — дарс-хана. Зато в деталях планировки и декора много оригинального, своеобразного.

Несколько позже с третьей стороны площади Ялангтуш-бий начал постройку третьего здания, в декоре которого было столько позолоты, что оно получило название Тилла-кари. Это медресе и мечеть одновременно: с трех сторон двора — худжры, четвертая является мечетью (здесь центральное купольное помещение и две галереи с многочисленными куполами).

В результате получилась площадь, открытая с одной стороны, а с трех оформленная богато и блестяще украшенными главными фасадами трех монументальных построек.

Другой крупный ансамбль был завершён в XVII в. в Бухаре. Одной из важнейших частей ансамбля является большой хауз (водоем), отсюда и название ансамбля — Лаб-и хауз. Ранее здание будущего ансамбля было построено еще в XVI в. — это медресе Кукельташ. В XVII в. один из виднейших сановников того времени, Надир-Диван-беги, приказал соорудить хауз, медресе и маленькую ханака. Этот ансамбль не столь гармоничен и уравновешен, как ансамбль Самаркандского регистана. И не столь целостен. Он имел такой вид: монументальный главный фасад медресе XVI в. выходил на площадь, с одной стороны которой было небольшое медресе Надир-Диван-беги, а с другой стороны — Лаб-и хауз, позади же последнего — маленькая ханака. Медресе и хауз с ханака недостаточно уравновешивали друг друга и плохо соответствовали медресе XVI в. Ансамбль лишен и симметрии и композиционного равновесия, зодчий здесь не проявил ни вкуса, ни таланта. Постройки XVII в. сами по себе тоже не представляют ничего замечательного.

Значительнее и интереснее другой бухарский ансамбль, завершённый в XVII в. Это два медресе, построенные друг против друга: одно — медресе Улугбека XV в., другое — медресе Абд ал-Азиз-хана XVII в.

У них много общего, но еще больше различий. Пропорции фасада медресе Улугбека отличаются гармоничностью, декоративная отделка — сдержанностью и изящной простотой. Фасад медресе Абд ал-Азиз хана лишен гармонии, портал слишком вытянут, боковые отрезки фасада, наоборот, массивны. Декорация же отличается чрезвычайной пышностью, а местами даже вычурностью.

Если говорить о XVII в. как одном из этапов развития среднеазиатской архитектуры, то более всего это касается именно декоративной отделки. Декораторы XVII в. развивали традиции двух предшествующих столетий и добивались иногда определенных

творческих успехов. Особенно выдающихся успехов достигли резчики по ганчу. Алебастровые сталактиты в бухарском медресе Абд ал-Азиз-хана поражают сложностью, тонкостью и какой-то воздушной легкостью. Широко применялись майолики и наборные мозаики. Узоры их сложны и замысловаты, но цветная гамма значительно грубее, чем в XV—XVI вв.: желтый и зеленый тона, обильно использованные, сделали их слишком пестрыми.

Число дошедших до нас рукописей XVII в., украшенных миниатюрами местных, среднеазиатских художников, невелико. Но и по этим немногим образцам видно, что традиции среднеазиатской школы миниатюры XVI века в XVII столетии получили достойное продолжение и развитие³⁸. Особенно замечательны миниатюры-иллюстрации к «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йезди. Рукопись переписана в Самарканде в 1628 г., в ней 12 миниатюр³⁹. В батальных сценах миниатюрист с удивительным искусством размещает на миниатюрах большое количество фигур, и при этом — каждая полна динамикой, движения, порыва. Например, на миниатюре, изображающей осаду Тимуром Герата, 23 человеческие фигуры и 18 лошадей. На другой миниатюре, иллюстрирующей поход Тимура против золотоордынского хана Тохтамыша, сражаются 20 человек. Не менее многолюдны сцены пиршеств Тимура: здесь вельможи и стражники, музыканты, певцы, декламаторы, виночерпии. Сцены очень живописны.

Не угасает в XVII в. и искусство портрета. Примером может служить выразительный портрет Илам Кули-хана, выполненный в 1642 г.⁴⁰

Обстановка последующего времени никак не способствовала развитию строительства, архитектуры и искусства. Первая половина XVII в. — время хозяйственной разрухи, междоусобий, разорения городов и деревень, народных восстаний, набегов хивинцев, вторжений кочевников и иностранных войск. Особенно пострадали центральный Мавераннахр и область Балха. Население разбегалось, опустели такие культурные центры как Бухара и Самарканд. Не мудрено, что от этого смутного и тяжелого времени не осталось никаких значительных памятников архитектуры и искусства.

Таджикская художественная литература и исторические летописи в XVII — начале XVIII в.

Во времена Джанидов создаются два литературных центра — в Бухаре и Балхе, где находилась тогда резиденция наслед-

³⁸ Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И., 1965, 358—359; «Среднеазиатские миниатюры XVI—XVII вв.», М., 1964.

³⁹ Семенов А. А., 1956, стр. 3—16.

⁴⁰ Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И., 1965, стр. 360—361. О музыкальном искусстве см.: Семенов А. А., 1946 а.

ника эмира. В этот период таджикская литература развивается заметнее, чем в XVI в. При Субхан-Кули-хане, однако, режим был настолько тяжел, что некоторые придворные поэты были вынуждены покинуть свою родину и переселиться в Индию.

Если придворная и официально-суфийская литература переживала в это время состояние упадка, то в среде городских ремесленников развивалась поэзия, по духу своему более близкая к народной среде. Здесь можно назвать имена Фитрата Зардуза Самарканди, Обид Момтаза и особенно выдающегося поэта Миробида Сайидо Насафи.

Фитрат Зардуз Самарканди родился в 1657 г. в квартале вышивальщиков золотом в Самарканде. Все его родные были искусными вышивальщиками, и он сам овладел этим искусством. В 1685 г. он отправился в Бухару и поступил там в медресе. Жизнь поэта была тяжелой. Испытывая недостаток в средствах, он был вынужден продать свой дом. Покупатель, богатый человек, обманул его и присвоил его дом за незначительную сумму. Поэт отомстил ему сатирой. Умер поэт в начале XVIII в.

В тазкира отмечается, что Фитрат был мастером как в поэзии, так и в прозе. Из его наследия до нас дошло маснави «Толиб и Матлуб», одна сатира, несколько газелей. Диван его пока не найден.

Сайидо Насафи (умер между 1707—1711 гг.) является крупнейшим поэтом этого периода. Он был современником Абд ал-Азиза, Субхан Кули-хана и Убейдаллах-хана и видел страдания трудового народа в условиях жестокого феодального гнета.

В первый период своей творческой деятельности, стремясь, видимо, найти себе покровителя, Сайидо сблизился с некоторыми представителями правящей верхушки и под их влиянием посвятил несколько касид Абд ал-Азизу и Субхан-Кули-хану. Но когда он воочию увидел, что представляет собой придворная среда, он решительно отказался от обращения с нею:

Лучше перестать ходить по улице богачей,
Ибо из каждого следа ноги моей бьет родник кровавый.

Сайидо горячо любил свой народ. Он защищал всех обратившихся к нему несчастных и пострадавших людей не только своими литературными выступлениями, но и личным участием

Повсюду, где я вижу несчастного, я делю его,
Колочка из этой степи первым цветком в корзине моей станет.

Сайидо посвящал свои оды не вельможам и царям, а беднякам, ремесленникам и крестьянам и прекрасно описал жизнь этих групп населения. Таковы его оды хлебопеку, художнику и др. Одно из центральных мест среди произведений Сайидо занимает «Бахорьет» («Весенние мотивы»). В этом произведении он под ви-

дом зверей изображает представителей различных слоев феодального общества и показывает, что люди труда, которые будто бы копошатся под их ногами подобно муравьям, на самом деле стоят выше и если объединятся, то смогут одолеть и льва.

В ряде своих стихотворений Сайидо показал безграничные лишения народных масс при Субхан-Кули-хане, когда на одном полюсе процветало богатство, а на другом гнездилась нужда и разруха. Так, он пишет:

Небо похоже на стан согбенного старца.
Мир похож на разграбленную деревню,
Так как люди мира (знать) высосали кровь друг у друга,
Небосвод похож на высосанный гракат,
Судьба унесла влагу и зелень из ручья цветника,
Земля в саду похожа на рваный карман.
В своей цветистой одежде богач
Похож на червя, замotanного в шелк⁴¹.

Сайидо Насафи являлся первым поэтом в ханстве, который открыто защищал людей труда и остро критиковал феодальный режим. Он выступает как талантливый поэт — выразитель идей и чаяний трудовых слоев населения, в частности ремесленников. Эти слои занимают в его творчестве главное место. В своих воззрениях он ушел далеко вперед по сравнению со своими современниками. Он заявил о превосходстве трудового народа над другими слоями общества, смело говорил, что сила людей труда — в единстве, подверг резкой критике правителей, обвинив их в невежестве и жестокости.

Сайидо внес много нового в тематику и форму поэзии, продолжив вместе с тем лучшие традиции своих предшественников. В газели он противопоставил традиционным сюжетам темы критики правителей, описания разрухи в государстве. Он расширил и тематику касыды (оды ремесленникам). Его «Бахорие» следует считать новой формой дидактической поэзии. В литературе периода после XVI в. жанр «шахрошуг» получает новое развитие в творчестве Сайидо. Поэт обновил также арсенал художественных средств, дав оригинальные метафоры и сравнения, привлекая для этого фольклор, пословицы и поговорки, заимствованные из разговорной речи.

Суфийская идеология оказала некоторое отрицательное влияние на творчество Сайидо, в его стихах заметно и воздействие сложного «индийского стиля», однако использование его носило у поэта творческий характер.

Большая часть поэтов прошлого стремилась сохранить неприкосновенными нормы языка классической литературы. После политических событий начала XVI в., обособления Ирана от Маве-

⁴¹ Мирзоев А. М., 1954, стр. 18.

раннахра сохранение единства языка утратило смысл. Сайидо понял это и смело ломал старую традицию, вводя в поэзию общедоступные слова родного разговорного языка. Язык его произведений очень близок уже к литературному таджикскому языку нашего времени⁴².

XVII в. имел своих историков. Одним из самых выдающихся летописцев этого периода является *Мухаммад ибн Вали*. Его работа «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахбар» («Море тайн в достоинствах известий») — своеобразная энциклопедия, состоящая из четырех томов, историческая часть которой охватывает период от Чингиз-хана до Джанидов включительно.

Следующей важной работой, написанной в это время, является «Тарихи Сайид Рахим» («История Саида Рахима») ⁴³. Эта книга хотя и не описывает исторических событий в последовательном порядке, однако содержит очень много данных об известных личностях, о различных постройках, о литературных трудах от эпохи Тимура до XVIII в.

В число ценных исторических источников этого периода можно включить работу *Мухаммада Амина Яракчи*, называвшуюся «Мухит ат-таварих» («Океан историй»). Автор этой книги, начав историческое повествование с очень древних времен, подробно говорит о переводе Аштарханидов и доводит свой труд до середины XVII в.

«Тарихи Мукумхани» («Мукумханова история» *Мухаммада Юсуфа Мунши* посвящена главным образом истории Джанидов до 1704 г. Наконец, ценным историческим источником, написанным в это время, является «Убейдаллах-наме» («Книга Убейдаллаха») *Мухаммада Амин-и Бухари*, которая целиком посвящена описанию периода правления Джанида Убейдаллах-хана и охватывает события 1702—1711 гг.

⁴² Мирзоев А. М., 1954, стр. 159—162.

⁴³ Рахим — пишущий, писец, летописец.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

БОБОДЖАН ГАФУРОВИЧ ГАФУРОВ И ЕГО ТРУД

Бободжан Гафурович Гафуров (1908—1977 г.г.) — выдающийся общественно-политический деятель, крупнейший советский таджикский ученый, академик Академии наук СССР и Академии наук Тадж. ССР, член многих зарубежных научных обществ. О Б. Г. Гафурове написано много научных и публицистических работ¹, поэтому ограничимся минимальными сведениями о его жизни и трудах. Его детство прошло в родном кишлаке Исписар Ходжентского уезда (сейчас — Ленинабадская область Тадж. ССР). Отец его был садовником и железнодорожным рабочим, его мать — Розия Озод впоследствии стала известной поэтессой. В детстве будущий академик батрачил на баев. Он оставался бы дехканином, как его отец и дед, но Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед способным и пытливым подростком иные пути. Он получает образование, становится комсомольским работником. Закончил в Москве Всесоюзный коммунистический институт. Здесь преподавали многие ветераны партии, работавшие с В. И. Лениным, крупнейшие теоретики партии. Именно здесь Б. Г. Гафуров получил прочный фундамент знаний в области марксизма-ленинизма, наук общественного цикла.

Основательность и вместе с тем необычайная энергия отличали молодого партийного работника. Его назначают редактором республиканской газеты «Кзыл Таджикистан», затем он начинает работу в аппарате Центрального Комитета КП(б) Таджикистана. После этого он возглавляет отдел печати ЦК, заведует культурно-просветительским сектором. В 1941 г. Б. Г. Гафуров — секретарь ЦК КП(б) Тадж. ССР по пропаганде и агитации, с 1944 г. второй, а с февраля 1946 г. — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана.

Б. Г. Гафуров возглавлял партийную организацию республики целое десятилетие. Кроме того он с 1952 по 1961 гг. являлся членом ЦК КПСС. Одновременно он неоднократно избирался в Верховный Совет Таджикистана и в Верховный Совет СССР — он был депутатом Верховного Совета СССР

¹Бободжан Гафурович Гафуров. Вступительная статья И. С. Брагинского. Библиография составлена Э. М. Шевченко. Душанбе, 1969 г., (Материалы и библиография ученых Таджикистана, в. 13); Мухтаров А. М. Академик Гафуров Бободжан Гафурович. Душанбе 1979 (русское и таджикское издания); Мухтаров А. М., Шарипов Ш., Академик Бободжан Гафуров. Душанбе, 1983; Bhushan Shashi. Academician Babajan Gafurov. New Delhi, 1977 и др.

с 1946 по 1970 г. (с трехлетним перерывом). Несмотря на огромную занятость общественно-политической работой, Б. Г. Гафуров со второй половины 30-х гг. уделяет все больше времени преподавательской и научной работе в области истории. К 20-летию революции в Бухаре он, совместно с Н. Н. Прохоровым, выпускает книгу «Падение Бухарского эмирата». В 1940—41 гг. он является аспирантом Института истории АН СССР, а 11 апреля 1941 г. защищает в этом институте кандидатскую диссертацию «История секты исмаилитов с начала XIX в. до первой империалистической войны».

В годы Великой Отечественной войны он пишет статьи и книги, посвященные героическим эпизодам в истории таджикского народа, народным героям. Постепенно накапливался материал для более крупного труда. Отчасти эти материалы были использованы в статьях. Но Б. Г. Гафурова все больше увлекала идея создания обобщающей истории родного народа, в которой он мог бы осветить исторические судьбы таджиков на широком историческом фоне, в тесной связи с историей других народов Средней Азии. Написание такого труда, учитывая исключительную занятость общественно-политической работой, явилось своего рода подвигом. В 1947 г. под редакцией известного литературоведа А. М. Мирзоева в Сталинабаде вышла книга Б. Г. Гафурова «Тарихи мухтасари халки тоҷик. Ҷилди I. Мухаррир А. Мирзоев». Через 2 года, в 1949 г., в Москве Госполитиздат издал русский, значительно переработанный и дополненный вариант этой же книги, под редакцией литературоведа И. С. Брагинского «История таджикского народа в кратком изложении, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». Книга была сразу же раскуплена. Вскоре (1952 г.) понадобилось второе, а затем и третье (1955 г.) издания. В каждое из них вносились добавления и изменения.

Было много откликов, в том числе печатные рецензии С. Айни и крупнейших в то время исследователей прошлого народов Средней Азии — С. П. Толстова (Москва) и А. Ю. Якубовского (Ленинград)¹. За эту монографию Б. Г. Гафурову в 1952 г. была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Во второй половине 50-х гг. Б. Г. Гафуров выдвинул идею создания многотомной «Истории таджикского народа». Это был коллективный труд, в котором участвовали ученые АН Таджикской ССР, а также специалисты Москвы и Ленинграда. В 1963—1965 гг. этот коллективный труд был издан в трех томах (пяти книгах). Б. Г. Гафуров был членом общей редакционной коллегии. Кроме того, он вместе со мной редактировал первый том (с древнейших времен до V в.н.э.) и вместе с А. М. Белевским — второй том (VI—XVI вв.). В то время это издание являлось наиболее детальным, строго научным изложением истории таджикского и других народов Средней Азии. По своему характеру оно было адресовано прежде всего специалистам, носило чисто академический характер.

Мое знакомство и последующее сотрудничество с Б. Г. Гафуровым восходит к началу 50-х гг. 14 апреля 1951 г. ЦК КП(б) Таджикистана, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Таджикской ССР приняли совместное постановление «Об учреждении Академии наук Таджикской ССР». Б. Г. Гафуров был одним из членов-учредителей республиканской Академии. Другим членом-учредителем являлся А. А. Семенов — один из крупнейших советских востоковедов.² Ему было поручено возглавить Институт истории,

¹Толстов С. П. Книга по истории таджикского народа. — «Культура и жизнь», 1950, 22 апреля; Якубовский А. Ю. Серьезное исследование по истории таджикского народа. — «Коммунист», 1953, № 1 (см, также рецензию А. Ю. Якубовского — «Вопросы истории», 1950, № 7). Из рецензий других авторов важна рецензия: В. А. Ромодина. — «Вопросы истории», 1953, № 1.

²Б. А. Литвинский, Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). М., 1971.

археологии и этнографии. Для организации археологической и нумизматической работы А. А. Семенов рекомендовал своих ташкентских учеников — мою жену, Е. А. Давидович, и меня. Именно тогда мне неоднократно доводилось встречаться с Б. Г. Гафуровым, который не только живо интересовался исследованиями, но и посещал места раскопок. Когда готовилось третье издание «Истории таджикского народа в кратком изложении», он обратился ко мне с просьбой предоставить сводку новейших материалов по археологии и специально отметил это в книге.

Сотрудничество продолжалось и после переезда Б. Г. Гафурова в Москву и начала его работы в качестве директора Института востоковедения АН СССР (на этом посту он оставался до своей смерти; он скончался 12 июля 1977 г. в Душанбе, могила его находится в парке им. С. Айни). Приезжая в Душанбе, Б. Г. Гафуров обязательно интересовался ходом научных исследований, новыми археологическими открытиями. Встречались мы и на научных конгрессах и конференциях в Москве и Ташкенте. В эти годы Б. Г. Гафуров продолжает вести большую общественно-политическую работу и вместе с тем выходят его многочисленные труды по истории таджикского народа, по проблемам национально-освободительного движения, по столь близкой ему проблеме «Ленин и Восток». Академия наук СССР избирает его своим членом-корреспондентом (1958 г.), а затем действительным членом (1968 г.).

В 1966—1967 гг. возникла идея нового, четвертого издания «Истории таджикского народа в кратком изложении». Во время очередной встречи в Душанбе Б. Г. Гафуров рассказал мне об этом и попросил посмотреть текст третьего издания и подумать, какие изменения понадобятся для того, чтобы книга была на уровне конца 60-х гг.

Задача была нелегкой. Основное ядро книги было написано в середине 40-х гг. К моменту нашего разговора прошло 20 лет — и каких лет! Это было время бурного развития археологических, нумизматических и исторических исследований. На территории республики были начаты и проводились планомерные археологические раскопки. Для Таджикистана важны две вехи: организация Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (1946 г.) и сектора археологии в Институте истории, археологии и этнографии (1951 г.). Планомерные археологические раскопки проводились и в других республиках. Исключительно важными оказались результаты нумизматических работ. Появилась многолетняя академическая «История таджикского народа», многочисленные издания исторических источников, а также монографий, сборников, целое море статей. Впечатляющими были и результаты работ зарубежных ученых.

Мы откровенно обсудили сложившуюся ситуацию. Хотя «История таджикского народа в кратком изложении» была очень дорога Б. Г. Гафурову, он и до нашей беседы понимал, что она уже в значительной мере устарела. Было два пути. Попытаться в очередной раз расширить изложение, кое-что уточнить, улучшить, «залатать» или же писать принципиально новую книгу? И Б. Г. Гафуров принял радикальное решение: писать новый труд, в котором сочтались бы достоинства и принципиальное направление прежней книги и академическая глубина разработки проблем, свойственные исторической науке 50—60-х гг. В новый труд, разумеется, могли быть включены отдельные тексты из третьего издания «Истории таджикского народа в кратком изложении».

Прошло почти пять лет напряженного труда и рукопись легла на стол. Это был совершенно новый текст, который почти в три раза превышал объем предыдущей книги. Были использованы археологические, нумизматические, лингвистические, этнографические, антропологические материалы и, разумеется, вся совокупность письменных источников на древне- и средненравских языках, греческие, латинские, китайские, индийские, сирийские, армянские, древнеиюрские, арабские, таджикско-персидские и другие. Контуры политической истории были дополнены анализом диний социально-экономического, культурного и этно-лингвистического развития. Культура рассматривалась во всем ее многообразии, включая материальную культуру, литературу, историю нау-

ки и философии, архитектуру, искусство и т.д. Должное место было отведено религии.

Анализ закономерностей развития проведен с позиций марксистско-ленинской теории. Именно поэтому в книге такое внимание уделено социальной и экономической истории, классовой борьбе, роли народных масс. Следует при этом заметить, что это было сделано в манере и с применением терминологии, характерной для нашей исторической науки конца 60-ых гг. и сейчас представляющимися в отдельных случаях излишне категоричными и жестковатыми.

В книге самым широким образом использованы исследования зарубежных ученых: английских, французских, немецких, американских, японских, иранских и др. В этом отношении она далеко превосходит все другие сводные труды по истории отдельных народов Средней Азии. Это позволило ввести историю и историю культуры таджикского народа в контекст истории и культуры Востока.

Начиная с первой и до последней страницы этот труд глубоко интернационален. Вся история таджикского народа рассмотрена в русле связей, дружбы и братства с другими среднеазиатскими народами, особенно подробно — с непосредственным соседом — узбекским народом.

Этот труд, прекрасно полиграфически выполненный, был издан в Москве издательством «Наука»: Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история». Ответственный редактор Б. А. Литвинский. М., 1972.

«Таджики» сразу же завоевали высокий научный авторитет и необычайно широкую популярность. Впоследствии они были изданы на таджикском языке (Б. Г. Гафуров. Тоҷикон. Охириҳои асри миёна ва давраи нав. Китоби I—II. Душанбе, 1983, 1985. С таджикского перевода было сделано кабульское издание арабским шрифтом; с русского — польский перевод.

Как уже подчеркивалось, книга «Таджики» несет зримый отпечаток исторической науки своего времени. Некоторых озадачивало то, что в книгу включены события, протекавшие на территории почти всей Средней Азии, отчасти — Афганистана и Восточного Ирана. Это объясняется специфическим характером этногенеза таджикского народа с одной стороны, обширными размерами их исторической этнической территории и стремлением показать исторические процессы развития таджиков и их культуры не изолированно, а в самой тесной связи с историей и культурой других народов. Как сказано в «Предисловии», «исследование истории таджикского народа помогает понять истоки традиционных связей среднеазиатских народов. Особенно тесно связаны таджики и узбеки — народы, сложившиеся на общей этнической основе. Культурные сокровища таджикского народа были достоянием узбеков, равно как достижения узбекской культуры широко усваивались таджиками... Древнейшая, древняя, а во многом и средневековая история этих народов очень близка, а нередко и идентична, причем развивалась она на одной и той же территории. Тем не менее сложилось два народа, ставшие теперь таджикской и узбекской социалистическими нациями». Это положение в значительной степени распространяется на все народы Средней Азии. Именно поэтому в книге упоминаются или кратко характеризуются деятели и явления культуры, в том числе науки, связанные не только с таджиками, но и с другими народами Средней Азии и соседних стран.

Изложение в книге доведено до сер. XVIII в. Эта хронологическая граница принята условно: дело в том, что предполагалась вторая том, в котором автор намеревался детально рассмотреть исторические процессы вплоть до Октябрьской социалистической революции, но не успел написать эти части.

Во втором русском издании мы решили воспроизвести лишь полностью завершённые части, т.е. изданный при жизни Б. Г. Гафурова текст первого издания.

Вместе с тем следует сделать одну оговорку. Тираж первого издания книги «Таджики» (10 тыс. экземпляров) оказался заниженным, книга была мгновенно раскуплена. К Б. Г. Гафурову обращались многие, предлагая переиздать книгу. Хотя окончательное решение не было принято, Б. Г. Гафуров про-

сил меня, как ответственного редактора, еще раз прочитать теперь уже печатный текст, устранить опечатки, сделать необходимые редакционные уточнения. В середине 70-ых гг. я составил перечень таких уточнений. Они не затрагивали основной текст и касались лишь исправления некоторых дат, имен, уточнения библиографических данных, заполнения пропусков, в нескольких случаях — уточнения формулировок. Б. Г. Гафуров одобрил мои предложения. Все они внесены в текст второго русского издания.

Со времени написания книги «Таджики» прошло около двух десятилетий. Это были годы еще более интенсивных и углубленных исследований во всех областях исторической и смежных наук. Особо велик прирост новых археологических и нумизматических материалов. Их изложение и анализ потребовали бы объема, соизмеримого с объемом книги «Таджики». Поэтому я ограничусь предельно кратким освещением лишь некоторых из наиболее важных новых археологических открытий и исторических и нумизматических исследований.

Каменный век.

За время, отделяющее нас от первого издания книги Б. Г. Гафурова, в области изучения каменного века Средней Азии и особенно Таджикистана были сделаны новые открытия, в значительной степени изменяющие наши представления о времени первоначального заселения первобытным человеком этой территории. Здесь особо следует отметить заслуги В. А. Ранова. Это, прежде всего, открытие В. А. Рановым нового, ранее неизвестного варианта палеолита — лёссового палеолита, связанного с мощными лёссово-почвенными разрезами Южного Таджикистана и обладающего рядом своих специфических особенностей.¹ Благодаря исследованиям, проведенным В. А. Рановым, в 1973—1986 гг. была открыта серия нижнепалеолитических стоянок, впервые в истории изучения каменного века Средней Азии давших возможность обобщать при помощи целого ряда естественных наук их абсолютный возраст.²

Можно отметить, что в силу своих географических условий Южный Таджикистан, окруженный экраном высочайших гор Памиро-Алая и Гиндукуша, задерживающих пыль, выдуваемую ветрами из великих среднеазиатских пустынь, отличается мощными накоплениями лёссов, достигающих 180—200 метров, что позволяет считать Южный Таджикистан, наряду с лёссовыми плато Китая, регионом наибольшего накопления лёссов на нашей планете. Лёссы перемежаются с палеопочвами. Почвы являются прекрасным консервативатором археологических остатков, накапливающихся во время наиболее благоприятного для жизни людей климатического оптимума в результате многократного посещения поверхности формирующейся почвы первобытным человеком.³ В лёссах Южного Таджикистана раскопано три стоянки. Самая древняя из них стоянка Кульдара (Ховалингский район) датируется возрастом в 750—800 тыс. лет. Здесь найдены отщепы и скребла неустойчивой формы, преимущест-

¹Лазаренко А. А., Ранов В. А. Каратау 1 — древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 77, 1977; Додонов А. Е., Ранов В. А., Пеньков А. В. Находки палеолита в древних погребенных почвах Южного Таджикистана и их геологическая позиция. — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 48, 1978; Ранов В. А. Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана. — В кн.: Граница неогена и четвертичной системы. М., 1980 и др.

²Додонов А. Е. Антропоген Южного Таджикистана. М., 1986.

³Ломов С. П., Ранов В. А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий. — «Почвоведение», № 4, 1984, с.21—30.

венно мелкие. Орудия отличаются минимальной обработкой и типологической аморфностью.

Вторая по возрасту стоянка — Каратау I (Яванский район) — датируется возрастом в 200 тыс. лет. Индустрия в целом характеризуется как галечная. Заметное место занимает зубчато-выемчатая группа орудий, наиболее распространены скребла и скребловидные инструменты. Лучшие образцы имеют ступенчатую с заломами регушу, напоминающую мустьерскую. Оригинальными орудиями являются унифасы — орудия вытянуто-подтреугольных очертаний, с полностью обработанной одной из поверхностей. Стоянка Каратау I является стоянкой-эпонимом особой культуры, получившей название каратауской.²

Близкой по возрасту, но более молодой является стоянка Лахути I. Она расположена в том же районе, что и Кульдара. Здесь концентрация находок значительно выше чем на Каратау I. Лахути имеет возраст 130 тыс. лет. Индустрия Лахути I это дальнейшее развитие каратауской культуры.³

Помимо описанных стоянок, в лёссово-почвенных разрезах Южного Таджикистана имеется 30 точек, в которых сделаны находки каменных орудий.

Таким образом, в Южном Таджикистане открыта галечная культура, которая уже 800 тысяч лет развивалась здесь автохтонно, образуя основу всего дальнейшего развития палеолитических культур в этом регионе. Аналогии к каратауской культуре обнаруживаются, с одной стороны, в индустриях соанских памятников Северо-Западной Индии и Пакистана⁴ и с другой в памятниках лёссового плато Китая, менее хорошо опубликованных⁵. Однако, наличие прямых связей между указанными регионами доказать пока сложно. Скорее, здесь имеет место конвергентное сходство не связанных друг с другом исторически палеолитических культур отдаленных районов Азии.⁶

Чрезвычайно интересны работы, проводимые узбекскими археологами в Южной Киргизии, где ими раскапывается очень богатая археологическими материалами пещера Сель-Ункур, расположенная на окраине г.Хайдаркана. В пещере вскрыто 5 горизонтов, содержащих археологические материалы и богатую коллекцию фауны. Индустрия отличается специфическими особенностями — можно проследить определенные черты сходства в технических приемах и менее в типологии с индустрией каратауской культуры, но в Сель-Ункуре более четко прослеживаются более развитые техно-типологические элементы, напоминающие мустьерские. У. Исламов предложил датировать памятник возрастом, восходящим к 500 тыс. лет. Есть данные о том, что найденные здесь зубы человека принадлежат Гомо эректусу, что говорит в пользу предложенной даты. Однако, при этом остается много сложных проблем.

¹Ранов В. А. и др. Кульдара — новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана. — «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 56, 1987, с. 65—75.

²Ранов В. А. Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана. В кн.: Граница неогена и четвертичной системы. «Наука», М., 1980, с. 197; Ранов В. А., Жуков В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г. Археологические работы в Таджикистане. Вып. 14 (1974 год). «Дониш», Душанбе, 1979, с. 7—26.

³Ранов В. А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. Археологические работы в Таджикистане (1979 г.). Вып. 19, «Дониш», Душанбе, 1986, с. 11—36.

⁴Ранов В. А. Соанская культура: миф или действительность? Древняя Индия. Историко-культурные связи. «Наука», М., 1982, с. 267—296.

⁵Wu Rukang, Olsen Y. W. (Ed.). Paleanthropology and Paleolithic Archaeology in the Peoples Republic of China. Academic Press, 1985.

⁶Ранов В. А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Дисс. на соиск. уч. степени докт. ист. наук в форме науч. доклада. Новосибирск, 1988, с. 21.

Две монографии и одна обобщающая статья, посвященные мустьерским памятникам, опубликованы в Узбекистане. Главным образом мустьерским памятникам посвящена и работа по геологии палеолита Средней Азии.¹ Выдвинуто несколько теоретических положений, обосновывающих локальные различия, особенности индустриальных комплексов, хронологию памятников мустьерской культуры. В. А. Рановым и Р. С. Дэвисом выдвинуто предположение о миграции носителей мустьерской культуры — неандертальцев в Среднюю Азию со стороны Ближнего Востока². Итак, прошедшие 15 лет—это время осмысления ранее полученных материалов, в результате чего появляется представление об особом среднеазиатском очаге развития мустьерской культуры в Евразии. То же самое происходит и в области изучения верхнего палеолита.³

В области мезолита продолжалось изучение ранее обнаруженных памятников. Значительным можно считать успех А. В. Виноградова, открывшего целый ряд мезолитических стоянок, характеризующихся присутствием микролитов геометрического типа, что, по-видимому, является фактом, подтверждающим представление о миграции племен — носителей традиции, восходящей к мезолиту Ближнего Востока (или диффузии этой традиции) далеко на восток.⁴

Вместе с тем, к нашему времени все более и более четко оформляется представление о том, что в первой половине голоцена в Средней Азии и прилегающих странах существуют две группы памятников. Для одной, основой для изготовления орудий которой является кремьен, свойственно применение микролитов геометрической формы. Это памятники мезолитические. Для другой, в которой орудия из кремья встречаются очень редко, свойственен набор инвентаря, совершенно лишенный микролитов геометрической формы. Это эпипалеолитические памятники. Они представляют автохтонную линию развития, тогда как мезолит — это отражение ближневосточной традиции.⁵

Для пустынь Средней Азии, где уже 50 лет изучаются памятники кельтеминарской неолитической культуры, очень важны опубликованные только в предварительном виде результаты раскопок стоянки Толстова и могильника Тумек-Кичиджик, осуществленные А. В. Виноградовым.⁶ Они во многом обогащают наши представления о материальной культуре кельтеминарцев. В частности, обнаружен большой набор ранее плохо представленных костяных орудий.

В Южном Таджикистане продолжается изучение горного неолита — гиссарской культуры.⁷ Открыто несколько сот новых пунктов с находками этой культуры в Яванском районе и на берегах Нурекского искусственного озера. Начаты раскопки интересного нового памятника с сохранившимся культурным слоем — Кангуртутта (Советский район). Есть надежда, что здесь удастся зафиксировать самый конец существования гиссарской культуры. Если выводы, которые были сделаны на основании первого года раскопок (1987 г.) подтвердятся, можно будет говорить о том, что гиссарский неолит доживает

¹Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. «Дониш», Душанбе, 1973.

²Ranov V. A., Davis R. S. Toward a New Outline of the Soviet Central Asian Paleolithic. Current Anthropology, v.20, 1979.

³Джуракулов М. Д. Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка. «Фан». Ташкент, 1987.

⁴Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981, с.57—63.

⁵Ранов В. А. Каменный век..., с.33—35.

⁶Виноградов А. В. Древние охотники..., с. 78—89; Виноградов А. В., Итгина М. А., Яблонский Л. Т. Древнейшее население низовий Амударьи, М., 1986, с. 7—78.

⁷Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности). — В кн.: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985, с. 10—35.

до конца второго тысячелетия до н.э. и что гиссарцы были ассимилированы пришедшими с запада земледельческими племенами бронзового века.

Энеолит и бронза.

В Южной Туркмении к 1982 г. было выявлено 27 энеолитических поселений, многие из них детально изучены. На одном из них, Карадепе у Артыка, произведено вскрытие обширного участка. Здесь выявлена застройка тесно смыкающимися друг с другом жилыми массивами, иногда отделенными друг от друга узкими улочками. Такой жилой массив включал до 20 помещений, некоторые из них были с отопительными очагами. Наряду с жилыми были и хозяйственные помещения. Имелись и культовые участки со специфическими очагами. На поселении имелась прекрасная расписная керамика с изображением козлов, пятнистых животных, идущих птиц, орлов с распостертыми крыльями, терракотовые статуэтки, мраморная фигурка быка и др.

Не менее интересные результаты принесли раскопки другого поселения — Геоксюра, где также имелись многоквартирные дома. Как и на Карадепе, они включали планировочные единицы, состоящие из жилого помещения с отопительным очагом и расположенного рядом подсобного помещения. Специальные помещения с очагом-алтарем выполняли функции домашнего святилища. В. И. Сарияниди детально изучил коллективные гробницы в виде кирпичной камеры с ложным сводом.

По энеолиту Южной Туркмении имеется много публикаций, принадлежащих его исследователям О. К. Бердыеву, В. М. Массону, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопину. Издан сводный очерк энеолита Южной Туркмении.¹

Эпоха энеолита имеет особое значение в связи с тем, что именно в это время развивается орошаемое земледелие, возникшее, собственно, даже раньше, в VI тыс. до н.э., в конце неолита. Начальные этапы развития земледелия в Средней Азии были детально изучены Г. Н. Лисицыной. Она исходила из того, что природные условия той далекой поры были во многом сходны с современными.

Согласно ее разысканиям, древнейший этап земледелия (VI—IV тыс. до н.э.) характеризуется сочетанием богарных, т.е. неполивных, и поливных методов ведения хозяйства. Поливное земледелие базировалось на одноразовом поливе: устраивалось на одноразовом поливе: устраивались во время паводков простейшие перегораживающие устройства или обвалованные участки. Позже (IV—II тыс. до н.э.) появляются оросительные системы, хотя и простейшие по конструкции и небольшие по размерам, но предназначенные не для одноразового, а многократного полива. В дельте р. Теджен с помощью аэрофотосъемки удалось реконструировать рисунок древней гидрографической сети и искусственных каналов. В одном случае это были три параллельных канала, выведенные из дельтового протока. От каналов брала начало арычная сеть. Поля узкой полосой были вытянуты вдоль оросительной системы. И, наконец, в конце эпохи бронзы — начале эпохи железа (II—нач. I тыс. до н.э.) начинают сооружать крупные магистральные каналы с головными сооружениями, иногда имеющие водоподъемные устройства. Эти этапы развития ирригации соответствовали периодам в развитии земледелия.²

¹Массон В. М. Энеолит Средней Азии. — В кн.: Энеолит СССР. М., 1982 (Археология СССР), там же обширная библиография.

²Лисицына Г. Н. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. — «Краткие сообщения Института археологии», в. 122. М., 1970; она же. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении (раннеземледельческая эпоха). — «Успехи среднеазиатской археологии», в. 1. Л., 1972; Кесь А. С., Костюченко В. П., Лисицына Г. Н. История заселения и древнее орошение Юго-Западной Туркмении. М., 1980.

За истекшее время важными открытиями ознаменовалось изучение эпохи бронзы. Племена первобытных земледельцев, населявшие Южную Туркмению, изучались с прежней, даже большей интенсивностью. В результате выявлены своеобразные варианты этой культуры. Один из них был распространен в Юго-Западной Туркмении (в частности, в долине Сумбара), где раскопаны (И. Хлопин) могильники поздней бронзы с разнообразным и богатым инвентарем.¹ Чрезвычайно важные материалы были получены В. И. Сариниди в Маргиане (см. ниже). Продолжались и раскопки в подгорной полосе Копет-Дага в частности на Алтын-депе (В. М. Массон).

Холм Алтын-депе возник в энеолите, толщина его напластований достигает 30 м. Верхний слой — эпохи развитого бронзового века (2300—1850 гг. до н.э.). В это время поселение имело сложную оборонительную систему (ее истоки восходят к предшествующему периоду), сильно варьирующую на различных участках. Главный взезд располагался на юге холма. Здесь стены достигали, в результате неоднократных утолщений, толщины 6 м. Главный вход был по сторонам фланкирован двумя башнями-пилонами.

На территории поселения раскопано несколько участков. На севере находился участок, где концентрировались помещения, в которых проживали люди, занимавшиеся ремесленными производствами, главным образом, гончарством. Жилые массивы имеют многокомнатную сгущенную планировку, крошечные помещения и дворики. По соседству располагались обжигательные керамические печи. Близки по планировке и другие массивы рядовой застройки, там встречаются комнаты с тщательной отделкой. В некоторых случаях встречаются отдельные комплексы, в состав которых входили хозяйственные дворики (часто с очагами) и несколько помещений — жилых и хозяйственных. В помещениях, в углах домов (в ямах), часто делались захоронения детей в возрасте до 1—2 лет. Имелись и захоронения взрослых, часть их — в превращенных в гробницы помещениях.

Состоятельная верхушка общества проживала в центре восточной половины — «квартал знати». Здесь находился «дом вождя» с центральным помещением 3,5х5 м. Помещения были построены с большой тщательностью. Характерна четкая планировка уличной сети и построек — видимо, проводилась предварительная разбивка. Здесь был найден клад вещей, в который входили импортные вещи, в том числе изделия из слоновой кости. В комплекс входило 4 гробницы с коллективными захоронениями и богатым инвентарем.

В юго-восточной части поселения располагался культовый центр, который пережил несколько периодов перестроек. Он состоял из многоступенчатой башни (в древнейший период имела по фронту 21 м, ориентирована с севера на юг, сохранилась на высоту 6 м и состояла из остатков 4 ступеней, декорированных трехступенчатыми в плане пилястрами), погребального ансамбля (усыпальница, святилище), групп хозяйственных построек и «дома жреца». Конечно, это уже не обычное поселение, а «протогород». Ступенчатая башня, напоминающая зиккурат, позволяет наметить связи с архитектурой Древнего Востока, в частности, Месопотамии. Перекликается с находками в Месопотамии (Ур, Хафадже и др.) алтындепийская золотая, инкрустированная бирюзой, головка быка. На связи с протондийской цивилизацией указывает находка двух печатей протондийского стиля.²

Ярким памятником протогородской цивилизации более позднего, после расширения ойкумены южнотуркменистанских племен на восток, является бактрийское поселение Сапаллитепе (Южный Узбекистан).

Сапаллитепе до раскопок имел вид небольшого холма, вытянутого с востока на запад, площадью около 4 га. В центре его построена квадратная в плане крепость (82х82 м) сложной конструкции. Выявлено три строительных

¹Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.

²Подробнее — см.: Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981.

периода. Не входя в детали, общая планировка была следующей. Собственно застроенная территория образует квадрат, обводная стена его достаточно массивная (толщина — 1,7 м). Параллельно ей снаружи, с выступом, с каждой стороны было по два коридорообразных отсека со столь же массивными стенами. Вход в них — изнутри поселения, через проемы в обводной стене. Длина этих помещений 26—36 м, ширина — 3,1 м. Пространство между обводной стеной и этими отсеками занимали Т-образные помещения со входами снаружи крепости — входы в них являлись ложными входами в крепость, а сами эти помещения — своеобразными ловушками. Внутрь крепости вел один вход — в середине южной стороны. От этих ворот внутрь крепости вела широкая магистральная улица, от которой в стороны отходили узкие туниковые улочки, которые подвели к обводным отсекам-коридорам. Система улочек разбивала всю застройку на восемь комплексов, состоявших из жилых и хозяйственных помещений и мастерских. Жилые комплексы состояли из одно-, двух- и трехквартирных домов. Если в доме было более одной комнаты, то одна была жилой, с очагом-камином, другая хозяйственной, третья — производственного назначения.

В каждом квартале имелись керамические обжигательные печи. В помещениях, на улицах имеется множество погребений (вскрыто 138 погребений). Почти все они подбойные или катакомбные, большинство — одиночные.

Крепость Сапаллитепа безусловно была построена по единому плану. Четкость общей планировки свидетельствует, что было распланировано не только внешний обвод, но и основные элементы внутренней застройки. В дальнейшем эта четкость была нарушена перестройкой, в частности, были застроены обводные коридоры, «ловушки», появилась застройка вокруг крепости, фортификационное значение которой постепенно упало.

Подсчеты показывают, что в самой крепости проживало в разные периоды до 60 семей, не более 320 человек. Они занимались, главным образом, орошаемым земледелием, а также скотоводством и охотой. Кроме того, они были умелыми ремесленниками — гончарами, металлстами и т.д. Члены общины различались различным социальным и имущественным положением. Датировка А. А. Аскарлова — 1700—1500 гг. до н.э.¹

Заслужив А. А. Аскарлова является и исследование Джаркутана — огромного комплекса, включающего некрополь и поселение.² На последнем обнаружены фундаментальные сооружения, среди которых выделяются два: одно интерпретируется раскопщиком как дворец, другое как храм.

При работах советско-афганской археологической экспедиции на севере Афганистана В. И. Сарниди в Дашлинском, Фарукабадском и Пичканском оазисах открыл целую серию поселений эпохи поздней бронзы. Дашлы I представляет прямоугольную крепость со сплошной внутренней застройкой. Она обведена мощной (до 4 м толщины) стеной с массивными башнями на углах и полуовальными башенками вдоль стен.

На Дашлы—3 вскрыт «храм» круглой формы с круглой обводной галереей, снабженной 9 башенками. Это центральное ядро громадного комплекса концентрической структуры.³

Памятники этого круга были обнаружены и в Южном Таджикистане. Здесь были обнаружены поселения и могильники. Вначале были обнаружены могильники. Большая группа их располагается в Бешкентской долине, в ин-

¹Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; он же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. Однако ряд исследователей полагают, что сапаллитинская культура должна датироваться более поздним временем — XIII в. до н.э. — рубеж II—I тыс. до н.э. (см. например, Хлопин И. Н. Указ. соч., с. 55—56).

²Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана).

³Сарниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 22—40, рис. 7—14.

зовьях Кафирнигана, в низовьях Вахша и Кизыл-су (раскопки А. М. Мандельштама и Б. А. Литвинского). Позже были раскопаны могильники и в Гиссарской долине и других местах, сразу же были выделены две курганные культуры: бешкентская и вахшская. Характер погребального обряда и погребальный инвентарь этих двух культур имеет значительное различие, в частности, в бешкентских погребениях применялось трупосожжение. Для характеристики верований важно наличие культа огня, связанного с заупокойным культом. Племена, оставившие могильники в низовьях Вахша, Кафирнигана и Кизыл-су вели скотоводческий образ жизни.¹

Открыты и могильники земледельческого населения. Один из них находится в Гиссарской долине — могильник Тандырйул, на левом берегу р. Каратаг в Турсунзадевском районе. Здесь раскопано три с половиной десятка могил, отмеченных каменными выкладками или отдельными камнями. Конструкция погребений — простые ямы овальной или округлой формы. Встречаются ямы с подбоем и ямы со спуском. Способ захоронения — труположение, редко частично захоронение. Погребенный лежит в скорченном положении на боку, головой на северо-восток или юго-восток. Зафиксированы кенотафы с антропоморфными изображениями из необожженной глины. Отмечены случаи нахождения угля на дне могилы и обожженности костей скелета. На черепках встречаются следы красной охры и имеет место деформация черепа после смерти. Антропологически погребенные относятся к европеоидному восточно-средиземноморскому типу. В могилу кладется от 1 до 9 сосудов, миниатюрные металлические предметы, украшения из камня и металла, скульптурные изображения из необожженной глины.

Из поселений охарактеризуем Кангурттут. Памятник расположен в горной долине около кишла. Кангурттут Дангаринского района. Заложено 7 раскопов. Общая площадь поселения 500x250 м. Мощность культурного слоя от 0,5 до 2,5 м. В некоторых случаях под слоем бронзового века залегает слой гиссарского неолита. Открыты террасные дома с каменным основанием стен, хозяйственные помещения, печи-тануры, зерновые ямы. Керамический материал подразделяется на три класса: круговая керамика (53, 1%), лепная (46, 7%) и т.н. степная посуда со штампованным орнаментом (0, 2%). Из бронзовых вещей встречаются ножи-серпы, двулезвийные кинжалы, шилья, пуговицы и т.д.; отмечены находки литейных форм. Каменные изделия представлены пестами, ударниками, зернотерками. Из других предметов найдены прясла, каменные бусы, глиняные антропоморфные и зооморфные фигурки. Открыты отпечатки зерен голозерного ячменя и пшеницы. Основной процент — 52% в остеологическом материале принадлежит крупному рогатому скоту, мелкий рогатый скот составляет 19,5%, лошадь — 19%, осел — 5,6%; встречаются кости верблюда — 2,6%, оленя — 1,3% и собаки. Нижняя хронологическая граница поселения определяется гончарной керамикой, близкой финальным памятникам сапаллинской культуры модалинского этапа. В верхних слоях поселения найдена керамика типа Яз 1, позволяющая приблизить верхнюю границу существования памятника в эпоху бронзы к самому концу II тыс. — началу I тыс. до н.э.

¹ *Литвинский Б. А.* Таджикистан и Индия. — в кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 158; Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА, № 145); Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. — СА, № 3, 1974; Литвинский Б. А., Зеймаль Е. В., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977; Пьянкова Л. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы. — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии, в. 1. М., 1971; Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах). — В сб.: «Культура первобытной эпохи Таджикистана». Душанбе, 1982; она же. Находки бронзового века из Нурука. — В сб.: «Материалы по истории и истории культуры Таджикистана». Душанбе, 1981.

Могильник Кангурттут находится в 200 м к юго-западу от поселения на высоком склоне. Открыто 58 погребений. Все могилы, за исключением одной (погр. № 53) — кенотафы. На древней поверхности иногда сохраняются надмогильные камни. Встречаются простые ямы и ямы с подбоем. Способ захоронения — трупоположение, в скорченном положении, на боку. Все кенотафы с погребальным инвентарем. В некоторых случаях кладутся глиняные антропоморфные фигуры из необожженной глины. В могилу помещали от 2-х до 9 сосудов, миниатюрные бронзовые предметы; отмечены находки костей животных. Материал могильника соотносится с находками на поселении.

Кроме того, известны поселения Тегузак, Бараки-Курут, Карим-Берды, в совхозе им. Кирова и др. Наряду с массивным лучком связей с сапаллинской культурой, выявляются связи со степными культурами андроновского круга, а также с бешкентской культурой. Памятники эти сейчас активно исследуются Н. М. Виноградовой и Л. Т. Пьянковой.¹

Исключительно большое значение имеют исследования поселения Саразм в долине Зеравшана в 15 км к западу от городища древнего Пенджикента. Ранее предполагалось, что долина Верхнего Зеравшана — зона распространения культур степного круга. Но и здесь картина оказалась несравненно более сложной. Обнаруженное поселение состоит из 10 всхолмлений общей площадью около 90 га (с учетом распространения случайных находок). Открытое местным жителем, оно с 1977 г. успешно исследуется А. И. Исаковым при участии французских и американских археологов. Выяснилось, что начиная с IV тыс. до н.э., т.е. с эпохи неолита, в долине Зеравшана существовало хозяйство оседло-земледельческого типа, по своему характеру однотипное с хозяйством других ранне-земледельческих цивилизаций. Для Саразма характерны очень высокий стандарт культуры, прекрасные постройки из сырцового кирпича, наличие монументальных многокомнатных сооружений. Саразм пришел в упадок к середине II тыс. до н.э.

Происхождение культуры Саразма следует искать в Южной Туркмении и Северо-Восточном Иране. Вместе с тем ряд связей указывает на Белуджистан. Придя из столь отдаленных мест, жители Серезма развили собственную культуру, заметно отличающуюся от исходной.²

Трудно судить о языках населения юга Средней Азии в те отдаленные времена, в III — нач. II тыс. до н.э. Ряд советских ученых (С. П. Толстов, Б. А. Литвинский, В. М. Массон) высказали гипотезу о том, что территория распространения прото-дравидского языка (на котором, очевидно, говорило население харалпской, иначе — протоиндийской цивилизации) охватывало в IV — начале II тыс. до н.э. и значительную область Средней Азии, смыкаясь в Иране с ареалом эламских по языку племен. О таком распространении протодравидского языка свидетельствует наличие дравидской по языку этнической группы брагуи (брауи) в Северном Белуджистане много севернее основной части дравидов, т.е. ареал дравидских племен был когда-то много севернее.

¹ Виноградова Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. Сб. «Центральная Азия». М., 1987; Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. Сб. «Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока». М., 1986; Vinogradova N. M. Bronzezeitgräber von Tandyriul, Tadjikistan. — Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. B. 4, 1982; Kuz'mina E. E., Vinogradova N. M. Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen — und Oasenkulturen in Mittelasien. — Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. B. 5, 1983, а также указанные выше работы Л. Т. Пьянковой.

² Исаков А. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии. — СА, 1986, № 1; Isakov A. Excavations of the bronze age Settlement of Sarazm. — In: „The bronze age Civilization of Central Asia“. Ed. by P. Kohl, 1981; Besenval R. Découvertes récentes a Sarazm (R.S.S. du Tadjikistan) — „Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus“, 1987, avril-juin.

О северных границах этого ареала свидетельствуют дравидо-финноугорские связи — контакты носителей этих языков можно реально представить лишь в случае заселения дравидскими по языку племенами территории Средней Азии, если не всей, то хотя бы части ее. Новый аргумент и новый стимул в разработке этой гипотезы дало обнаружение французскими исследователями на юг от Амударьи, у южной границы Средней Азии, в Афганистане, поселения Шортугай, где была обнаружена фактория хараппцев.¹ Разумеется, этим не ограничивались языки населения Средней Азии. Во II тыс. до н.э. здесь появляются носители протоиндийских языков (см. подробнее ниже). Где-то в первой половине или середине II тыс. до н.э. в северо-восточной части Средней Азии появляются носители еще одной группы индоевропейских языков — прототохары. Конкретные контуры этих этнолингвистических процессов остаются неизвестными.

Итак, в недрах бронзового века появляются зачатки новой культуры, которую можно назвать протогородской. Все охарактеризованные выше «протогорода» не развились в подлинные города, а прекратили свое существование, но они являлись провозвестниками последующей более чем полуторатысячелетней истории среднеазиатской урбанизации.

Отдельные очаги протогородской цивилизации существовали и за пределами южной зоны, много севернее. Важнейшим является поселение Саразм (между Самаркандом и Пенджикентом). Возникновение таких очагов обязано племенным передвижениям и импульсам, идущим из южной зоны.

Значительная часть центральной и северной зоны Средней Азии и прилегающие части Казахстана были заняты племенами, принадлежавшими к кругу племен степной зоны. Степные просторы Казахстана и Сибири, от Приуралья и на восток до Минусинской котловины были заселены андроновскими племенами, культура которых оказала самое непосредственное влияние на среднеазиатские племена. К западу от андроновских, в Северном Прикаспии и Поволжье (и западнее) находились близкородственные андроновским племена срубной культуры. Вдоль северного и восточного берега Каспийского моря они продвигались в Среднюю Азию, достигая юго-западной Туркмении.

В Семиречье жили племена семиреченского варианта андроновской культуры. В Приаралье была распространена тазабакгыбская культура. Поселения этой культуры включали от двух-трех до полутора десятков домов. На поселении Кокча-15 обнаружено 12 домов, часть из них располагалась кучно, другие — на значительном расстоянии. Обычно дома имели характер прямоугольных полуземлянок площадью 80—85 м² со входом-коридором.

Особо следует остановиться на духовной культуре жителей юга Средней Азии эпохи развита и финальной бронзы. Для этой эпохи характерно появление крупных культовых центров. Примерами могут служить культовый центр Алтын-депе, круглое сооружение Дашлы—3, храм Джаркутана и др. При сохранении домашних и родовых культов намечается процесс их концентрации в культы более крупного порядка — культы целых племен и объединений племен. Космическая соотношенность крупных монументальных построек (Дашлы—3, Сапаллитепа и др.) четко выявляется в их плане и свидетельствует о сложном символическом значении даже профанических построек.

Еще более наглядно это выявляется в культовых постройках. О некоторых из них мы упоминали выше.

¹*Lyonnet B. Decouverte de sites de l'âge du bronze dans le N. E. de l'Afghanistan: leurs rapports, avec la civilisation de l'Indus. — „Annali dell'Istituto Orientale di Napoli”, 37 (N. S. 27), 1977; Frankfort N. — P., Pottier M. H. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et postharappéen de Shortugal (Afghanistan du N. — E.) — „Arts Asiatiques”, t.34, 1978; Frankfort N. — P. The late periods of Shortugal and the problem of the Bishkent culture (middle and late bronze age in Bactria). — „South Asian archaeology 1979”. Berlin, 1981.*

Раскопки в 1983—1986 г. монументального комплекса Тоголок—21 в Маргиане, осуществленные В. И. Сарияниди, выявили культовое здание, состоящее из трех частей, в центре своеобразная крепость с мощными обводными стенами и угловыми башнями, внутри которой идет сплошная, поразительно регулярная застройка, состоящая из двух частей: парадной и подсобной. Все помещения парадной части сохранили интерьеры, покрытые белоснежной гипсовой обмазкой в несколько слоев. В центре парадной части располагается «внутренний дворик» с обводными коридорами, явно сакральная часть всего комплекса. Между парадной и подсобной частями находится помещение, где происходил процесс приготовления опьяняющего (галлюциногенного) напитка.

Доказательством тому служит анализ органических остатков из сосудов этого помещения, содержавших микроскопические веточки эфедры и мака.

Крепость была огорожена почти квадратной стеной с башнями по углам и периметру стен. Вдоль западной стены в цепочку располагаются узкие кельи.

Третья, внешняя стена так же с башнями сохранила алтарную площадку и площадку с платформами и «огненными камерами», в которых горел огонь.

Общая планировка Тоголок-21 не имеет прямых аналогов и лишь по трехчленному внутреннему делению может быть сопоставлен с «Овальным храмом» Хафадже (Месопотамия). Хронологическая его принадлежность к рубежу II—I тыс. до н.э. и общий характер находок (культовые сосуды, «миниатюрные колонки», каменные терки с остатками мака и др.) дают право считать, что в храме совершались культовые возлияния и существовал культ огня. Не исключено, что Тоголок-21 является первым из известных, но далеком мире. Обнаружение в афганском Сеистане, в Годари Шах скопления большого количества «миниатюрных колонок», известных в таком количестве еще только в Тоголок-21, может указывать на существование в Сеистане подобного храма, с такими же культовыми церемониями. В свою очередь Сеистан выделяется многими (хотя и не всеми) лингвистами как место наиболее вероятной родины зороастризма и вероятнее всего «Авесты».

Неопубликованные результаты раскопок 1987 г. нового памятника Тоголок-1 в Маргиане дает право считать, что наряду с «кафедральными» соборами типа Тоголок-21 существовали провинциальные храмы, рассчитанные на отдельные оазисы или даже предназначенные для нужд отдельных крупных поселений.¹

Символика мироздания реализовывалась и через культовые предметы-изображения (бык с астральным символом из Алтындене, изображения змей на статуэтках и печатях). Увеличение доли мужских статуэток свидетельствует о постепенном изживании примата культа богини-матери, свойственного земледельческим культурам эпохи. На передний план выдвигаются мужские изображения и божества. Большую роль играет заупокойный культ, нередко связанный с культом огня.

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Изучение поселений раннеклассового общества резко продвинулось. Лишь на территории Бактрии, по подсчету А. С. Сагдуллаева, зарегистрировано около двух с половиной сотен поселений первой половины I тыс. до н.э.

То, что в Бактрии того времени были крупные города, было известно и раньше. Представление о северо-бактрійском городе того времени дает Кизыл-

¹Сарияниди В. И. Открытие страны Маргуш. — «Наука в СССР», 1986, № 1; он же. Монументальный комплекс Тоголок-21 в Маргиане. — АО 1984 г. М., 1986; он же. Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы. — Информационный бюллетень МАИҚЦА, вып. 13; он же. Le Complexe Culturel de Tоголок 21 en Margiane, „Arts Asiatiques“. Paris, 1986, t. XLI.

тепе (Сурхандарьинская область). На месте существовавшего с VIII—VII вв. поселения здесь в VI в. возникает город. Он прямоугольной формы, площадью ок. 30 га. Форматификация состояла из городской стены (толщиной в основании 10 м) со рвом. Характерно наличие в одном из углов города цитадели. Для этого времени известны круглые в плане с внутренними помещениями башни, в стенах имелись бойницы.

Характер расселения оазисный, с выделенным центральным поселением. Иногда постройки укрепленных поселений возносились на высокую платформу-постамент (Кучук-тепе). Представление о планировке дает усадьба Кизьяча 6: квадратное здание с выходом в примыкающий с юга двор. Здание имеет вид двора (16х16 м) с помещениями по периметру внешней стены. Постройки связаны с двором проходами.

Позже, в ахеменидское время, появились огромные общественные здания. Их облик прослеживался в результате раскопок В. И. Сарьяниди в Южной Бактрии. Им был, в частности, раскопан летний дворец Алтын-10. Это прямоугольное здание 80х55 м, состоящее из двух сомкнутых прямоугольных частей. Между ними — анфиладная полоса помещений. Каждая половина — это двор окруженный колоннами на кирпичных основаниях — это колонные портики. Во внешних углах двора — по квадратному помещению с опорным столбом. Неподдалеку раскопан зимний дворец. Это квадратное здание (36х36 м) с центральным двором, окруженным по периметру многочисленными, по преимуществу мелкими помещениями. В двух угловых помещениях покрыты колоннадой на колоннах. Отдельные помещения могли служить домашними часовнями. Во дворе был водоем.

Много новых памятников открыто и в таджикостанской части Бактрии. Упомянем, остатки ахеменидского времени на Туп-хоне (Гиссар), Тамошо-тепа (Яван), Болдайтепе (Курган-Тюбе) и, главное, раскопанное А. Абдуллаевым культовое сооружение Байтудашт IV (Пяндж), свидетельствующее о высоком уровне архитектурного искусства¹.

В Северном Таджикистане остатки VI—IV вв. выявлены на городище Ширин, на Муг-тепе в Ура-Тюбе, в Ленинабаде — Ходженте. Наибольшее значение имеет открытое Т. В. Беляевой городище Нуртепа (в 22 км севернее Ура-Тюбе) площадью около 18 га. Здесь есть цитадель и собственно город, существовала развитая система фортификации. Раскопки на этом памятнике ведутся с 1979 года².

Кроме того, памятники раннежелезного века исследованы в Южной Туркмении Приаралье, Согде, Ташкентском оазисе, Фергане.

¹Абдуллаев А. Археологические раскопки и разведки в Пянджском районе в 1977 г. — АРТ, в. 17. Душанбе, 1983; Аскаров А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979; Зеймаль Е. В. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — МКТ, в. 2. Душанбе, 1971; Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984; Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — Бактрийские древности. Л., 1976; Сагдуллаев А. С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии. — СА, 1982, № 2; он же. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987; Сарьяниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977 и др.

²Беляева Т. В. Арханжеский, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников. — В. кн.: «Исследования по истории и культуре Ленинабада». Душанбе, 1986; она же. Исследования в Ленинабадской области. — АО 1979 г. М., 1980; Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А. Начало раскопок городища Ширин. АРТ, в. 14. Душанбе, 1982; Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К., К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа. — Сб. «Культура первобытной эпохи Таджикистана». Душанбе, 1982.

АМУДАРЬИНСКИЙ КЛАД

Изучение Амударьинского клада за истекшее время продолжалось. В 1979 г. Амударьинский клад был привезен в СССР и экспонировался в Государственном Эрмитаже и Музее им. А. С. Пушкина. В связи с этим появилось исследование клада Е. В. Зеймалем, явившееся серьезным вкладом в разработку проблемы. Принципиально новым в работе Е. В. Зеймала является рассмотрение клада как комплекса, включающего набор вещей и набор монет. Отметим, что у О. М. Дальтона рассматривались вещи клада и лишь одна ахеменидская монета. О. М. Дальтон исходил из того, что нет уверенности, что монеты и вещи составляли клад в собственном смысле этого слова — ведь они были обнаружены не учеными, при проведении археологических раскопок, а случайно и в неизвестных условиях. Поэтому он включил в издание Амударьинского клада лишь одну монету — дарик.

Е. В. Зеймаль доказывает, что клад состоял из вещевой и монетной частей. В состав клада входило не менее 150 золотых и 1000—1200 серебряных монет. Не все могут быть сейчас выявлены — Е. В. Зеймаль включил в свой каталог свыше полутысячи монет. Среди монет наиболее ранними являются монеты городов материковой Греции нач. V — сер. IV вв. до н.э. и вплоть до монет середины — второй половины III в. н.э. Есть также группа греко-бактрийских монет начала II в. до н.э., но они, как считает Е. В. Зеймаль, могли быть «примешаны» к кладу после его находки.

«...Большинство представленных в кладах монет не характерно для денежного обращения в правобережье Амударьи. За прошедшие сто лет, несмотря на ведущиеся теперь в южных районах Таджикистана и Узбекистана интенсивные археологические работы, там не зарегистрировано ни одной монеты, которая повторяла бы основные относимые к кладу типы. Таким образом, монеты являются по своему составу столь же необычными для этого района, как и остальная часть клада».¹

Е. В. Зеймаль тщательно проанализировал вещевой состав клада и сделал следующее заключение. «Поскольку все вещи и монеты, датированные старше 30-х годов IV века до н.э., бесспорно не местные (бактрийские), а скорее иранские, можно предполагать, что эта часть сокровища сформировалась в последней трети IV века до н.э. за пределами Бактрии и лишь потом была привезена сюда. Невозможно ответить на вопрос, кто мог ее собирать — «нижний чин», который шел с войском Александра брат Персеполь, угрожал Пасаргадам, вступал победителем в Вавилон и всюду участвовал в дележе добычи, или один из чиновников только что созданной селевкидской администрации, ясно, что основное ядро этого сокровища было составлено где-то в Иране на протяжении последней трети IV века до н.э. Второй этап составления клада начинается со второй половины III века н.э., когда первоначальный владелец (или тот, к кому клад перешел) поселился на восточной окраине Селевкидского государства — скорее всего в Бактрии — и здесь продолжал пополнять свои богатства (очевидно, уже менее интенсивно). Трудно сказать, сколько владельцев сменил за это время клад... Монеты показывают, что в правление Эвтидема I (и возможно даже, как и предполагал А. Каннингэм, во время его затяжной войны с Антиохом III в 109—206 гг. до н.э.) пополнение сокровища прекратилось, т.е. оно уже было спрятано и перестало менять владельцев.»²

Вся гипотеза Е. В. Зеймала хорошо обоснована и безупречна с точки зрения логики. При этом, конечно, нельзя отвергнуть окончательно и иные возможности. Дело в том, что пока не обнаружены другие произведения древ-

¹Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, с.16.

²Там же, с.32.

небактрийской торетики, так что сравнивать практически не с чем. Нельзя исключить возможность, что в Бактрах (и других центрах) функционировали мастерские, в которых изготавливались серебряные и золотые изделия в имперско-ахеменидском стиле. Другие мастера могли развивать иную — бактрийско-ахеменидскую традицию.¹

И, наконец, последнее. Открытие Тахти-Саггина внесло новый элемент. Не исключено, что вещи и монеты Амударьинского клада первоначально входили в состав сокровищ храма Окса, а затем золотые и серебряные изделия были оттуда изъяты и перепряганы — именно их в XIX в. нашли местные жители.

Следует отметить, однако, что продолжают высказываться и иные точки зрения, в частности, один из крупнейших современных знатоков ахеменидского искусства О. В. Маскарелла полагает, что это, собственно, не клад и что он не «может рассматриваться как находка, происходящая из одного места или даже района».²

Внутренний строй греко-бактрийского царства.

Раскопки Ай-Ханум французскими археологами продолжались под руководством проф. П. Бернара до 1978 г. Французской археологической миссии в Афганистане удалось вскрыть значительные площади внутри города, исследовать его укрепления, раскопать сооружения вне городских стен.

Городище расположено на двух террасах. Примыкающая к Пянджу часть городища более низкая — нижний город, юго-восточная же значительно более возвышенная — акрополь. Город и его акрополь укреплены «самой природой места», а также мощными оборонительными стенами с башнями, возведенными из сырцового кирпича. П. Бернар считает, что город был основан во время пребывания Александра Македонского в Бактрии. Город относят к центрам восточной провинции Бадахшан, одновременно он служил оплотом против нападения кочевников с востока. Известно, что бадахшанский лазурит, добываемый для всего древнего Востока только в этом месте Бактрии, транспортировался еще в древности в Ассирию, а затем в период Ахеменидской державы в столицы Западного Ирана.

В Ай-Ханум был открыт целый греческий город с общественными зданиями: колонными залами, парадно оформленными входами — пропилеями. Юношество воспитывалось в громадном гимнасии, снабженном бассейном для омошений после физических упражнений и бега. Здесь был и театр с каменными сиденьями для городской знати, расположенный на северной оконечности подножия акрополя. Театр имел 35 ступеней — скамей, расположенных по полукругу диаметром около 45 м и высотой 15 м, оркестру, где происходили театральные представления. По подсчетам археологов, в театре были места для 6000 зрителей. Это один из самых больших эллинистических театров, уступающий театру в Эпидавре, но вдвое превосходящий театр такого крупного города, как Вавилон. В связи с открытием театра в Ай-Ханум возникли вопросы об общей численности жителей Ай-Ханум, о результатах греческого культурного влияния, тем более, что в библиотеке Ай-Ханум был найден стихот-

¹ Е. Е. Кузьмина и Б. Я. Ставиский попытались выделить произведения этой традиции — Кузьмина Е. Е. Греческий курс в Бактрии — Краткие сообщения Института археологии, в. 147, 1976; она же. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. — В кн.: «Искусство Востока в античности». М., 1977; Ставиский Б. Я. Заметки об Амударьинском кладе. — В кн.: «Искусство Востока в античности». М., 1977 (ср.: Зеймаль Е. В. Амударьинский клад, с. 28, 36—37, 44—46).

² Muscarella O. W. Excavated and unexcavated Achaemenian art. — In: „Ancient Persia: the art of an empire“. Ed & by D. Schmandt-Besserat. Udena 7 1980, p. 26.

ворный текст драматического произведения, остатки палируса, содержащего философский трактат, написанный в форме диалога, близкого диалогам Платона, а также «Метафизике» Аристотеля. Другим исконно греческим сооружением был фонтан, устроенный на берегу Пянджа. Вода реки подходила и омывала ступени фонтана, однако греки пользовались отстоянной водой, вытекающей из водосточных сливов в виде головы льва, дельфина и старика Силена. Большинство зданий, в которых осуществлялось управление города и в которых содержались святыни и драгоценности, были возведены из сырцового кирпича, в традиционной местной технике. Это сочеталось с эллинистическими колонными системами, пилястрами и другими конструктивными деталями греческого происхождения, мозаичными полами и т.д.

Одним из важнейших сооружений города был дворец. У него был большой парадный двор (137x108 м), с четырех сторон окруженный целым лесом колон — это были портики со 118 коринфскими колоннами. В середине южной стороны двора — вход в парадную часть дворца, также оформленный портиком. Обширные помещения с дворами включали залы для приемов, жилые и служебные помещения, сокровищницу, специальный двор для отдыха, кладовые, другие служебные помещения. Облик этого сооружения напоминает дворец-ападану в Сузах. По мнению П. Бернара, это дворец, принадлежавший царю.

Огромную площадь занимал также арсенал. Здесь находились мастерские для изготовления оружия, склады для его хранения.

Жилые дома состояли из двора, с южной стороны которого — колонный портик, за которым следовало главное здание. Здесь была центральная комната (служила для жилья и приема гостей), вокруг нее — обводной коридор и подковой — другие помещения. В домах были помещения для купальни. Сюда входили раздевальня, комната для горячей и холодной воды и комната для мытья (мылись обливанием). Пол покрыт плитами или мозаикой из гальки.

Храмы с тремя целлами, как и дворец, обнаруживают следы восточной композиции. Так, храм с уступчатыми нишами по планировке и строительным материалам восходит к месопотамской строительной и культурной практике, хотя в нем была найдена греческая скульптуры и часть ступни громадной греческой статуи Зевса.

В архитектуре Ай-Ханум впервые выявились общие черты и закономерности эллинистического синкретизма, прослеживаемые на всех памятниках Афганистана и Средней Азии эллинистического периода: по планировке и строительным материалам она в основном восточная, ордерные конструкции — греческие-малозазийские (преимущественно — коринфские) с восточными модификациями в применении торовидных баз колонн.

Интерьеры храмов, общественных зданий, а также погребальных сооружений Ай-Ханум украшались скульптурой, изредка мозаичными полами. При этом скульптура в камне и глине носит чисто греческие черты, хотя часто употреблены глиняной полихромной скульптуры, нехарактерной для материковой Греции — дань местной древневосточной традиции, продиктованная отсутствием в Центральной Азии мрамора и высококачественных известняков. Скульптура из мрамора — всегда была привозной (нога Зевса), из известняка — в основном изготовлялась на месте, сколько можно судить по незавершенной прекрасной статуе юного атлета, увенчанного венком. Вся же скульптура из глины — формовалась на месте в виду хрупкости материала и невозможности ее транспортировки. Примечательно, что местная скульптура обычно была полихромной, тогда как живопись в эллинистический период применялась крайне редко. Это объясняется традиционной любовью к замечательным коврам, которыми всегда славилась Бактрия и которые, вероятнее всего, украшали интерьеры эллинистических сооружений. В Ай-Ханум открыто большое количество скульптур из известняка, изваянных в чисто греческих традициях: каменный рельеф с изображением эфеба — относится к традиционным погребальным скульптурам, герма с бородатой головой палестрита — одна из древнейших форм греческой скульптурной пластики, упомянутые каменные сливы — также совершенно греческие; бронзовые и терракотовые статуэтки (Геракла с палицей, муляж

кудрявой женщины, оставленный в матрице), изображения олимпийских бо- жеств а также героев Троянской войны, — т.е. вся крупная и мелкая скульп- тура носит чисто греческие черты. Восточные эллинистические культы отражены на позолоченном серебряном диске с изображением шествия Кибелы на ко- леснице со львами, пересекающей горные вершины, покрытые цветами. Перед Кибелой на повозке Ника — богиня победы, управляющая львами длинным кнутом — стрелалом. На небе три изображения: Гелиос в виде бюста юноши с нимбом из 13 лучей, символ Луны в виде золотого полумесяца, справа — Звезда с 16 заостренными лучами. Перед упряжкой возвышается жертвенник с пятью ступенями, на котором жрец священнодействует, возжигая фимиам на маленькой курильнице, стоящей на вершине алтаря. Очевидный симбиоз греческих (Кибела и Ника на колеснице со львами) и восточных (астраль- ные фигуры, сцена жертвоприношения, жрец) изучены исследователями Ай- Ханум, сделавшими вывод о несомненности связей Сирии и Центральной Азии в этот период. Выводы о непрерывных культурных связях Бактрии селевкид- ского периода с Восточным Средиземноморьем еще конкретнее подтверждают- ся разнообразными письменными источниками (надписи, дипинги, папирусами), наиболее достоверными и информативными памятниками культурного наследия античности.

Наряду с греко-бактрийскими найдено много индийских монет. Есть и на- ходки индийских предметов, что свидетельствует об интенсивных связях с Индией.

Судя по архитектуре и отчасти по надписям, город был заселен в ос- новном греками. Имелись и местные жители, некоторые из них были долж- ностными лицами, например, бактрийцы Оксебоак и Оксубаз. Судя по тем же надписям, город являлся греческим полисом.

Вышло 7 томов трудов экспедиции (каждый объект публикуется отдельно) и множество статей.¹

Другим городом, основанным в эпоху Александра Македонского или вскоре после него, был Тахти-Сангин (Каменный трон — тадж.). Городище открыто на юге Таджикистана (Кабодийский р-н, 40 км южнее райцентра Шаартуз). Оно расположено в верховье на правом берегу Амударьи в месте слияния Вахша с Пянджем. Тахти-Сангин с запада защищен горным хребтом Тахти- Кубад, с востока — Амударьей, с севера и юга — двойным рядом оборонитель- ных стен: был неприступен благодаря стратегически продуманному выбору мес- та. Тахти-Сангин вместе с находящимся в 5 км южнее Тахти-Кубадом посред- ством мощных каменных стен, гавани с переправой и городищем на левом, афганском берегу образовывали комплекс, контролирующий водную и сухопут- ную магистраль.

Узкая долина, лежащая между хребтом и рекой Вахш, пересечена с восто- ка на запад двумя стенами, отстоящими друг от друга на 2 км. Между этими оборонительными стенами видны дома и усадьбы поселения. В центре возвышалась прямоугольная цитадель (237x165 м). Она была фланкирована мощными, свыше 2 м каменными стенами и башнями более 8 м в высоту и окайм- лена рвом

Раскопки Тахти-Сангина, проводившиеся в 1928 г. Б. П. Денике и в 1956 г. А. М. Мандельштамом, носили разведочный характер, хотя А. М. Мандельштам характеризовая стратиграфию памятника, справедливо относя его начало к эл-

¹ *Fouilles d'Aï Khanoum I, rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard, vol. I—II. Paris, 1973 (MDAFA, vol. XXI). См. также: Fouilles d'Aï Khanoum, II (MDAFA, t. XXIX, 1983); III (MDAFA, t. XXVII, 1984); IV (MDAFA, t. XXVIII, 1985); V (MDAFA, t. XXIX, 1986); VI (MDAFA, t. XXX, 1987); VII (MDAFA, t. XXXI, 1987). На русском языке: Бернар П. Проблемы греческой колониаль- ной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии. — В кн.: «Проблемы античной культуры». М., 1986; он же. Гимнасий в Ай Ханум. — В кн.: «Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Античность, ранне- средневековье. Ташкент, 1987; Лерш П. Оборона эллинистического города Айханум в Аф- ганистане. — Там же.*

линническому времени. В 1950 г. М. М. Дьяконов, проводя разведки в Кабодне, побывал на городище, назвав его Каменное городище и указав на громадный интерес памятника для историка и археолога. С 1976 по, 1989 гг. Южно-таджикистанская археологическая экспедиция (руководитель — академик АН Тадж. ССР Б. А. Литвинский, начальник Тахтикубадского отряда И. Р. Пичкиян) завершила раскопки центрального холма цитадели Тахти-Сангина. В результате раскопок был открыт крупный храмовый комплекс: храм восточного типа (51x51 м) и стоящие перед ним на большой огороженной площади два монументальных каменных алтаря. Преимущество исследуемого памятника заключалось в прекрасной сохранности храма, посвященного, как свидетельствует надпись на древнегреческом языке, богу реки Оксу, на берегу которой и был возведен этот храм. Он состоял из огромного (12x12 м) четырехколонного зала, окруженно-го двухрядным обходным коридором. Вход зала был обращен на восток, к реке. По сторонам зала находились выступы-крылья с помещениями для хранения огня. Между ними — двухрядный четырехколонный портик. Перед храмом, на каменном постаменте, стояла огромная бронзовая статуя. Перед храмом была большая храмовая площадь, обведенная монументальной стеной.

Мощные (более 3 м шириной) стены сохранились до 5,5 м от первоначальной высоты 6,6—7 м. Нетронутость археологического заповедника, хорошая сохранность атешгахов — насквозь прокаленных квадратных (5x5 м) помещений — хранилищ вечного огня с центральными многослойными жертвенниками огня, позволили выявить функциональное назначение каждого помещения во внутренней структуре иранских храмов огня и реконструировать процесс происходящих в них общественно-религиозных церемоний, «путь» священного огня.

В храме Окса открыто 12 жертвенников огня и четыре монументальных алтаря из крупных каменных блоков с метками каменотесов в виде букв древнегреческого алфавита. По форме, архитектурной композиции, пропорциям и профилировке монументальные алтари храма Окса восходят к алтарям Малой Азии и ее колоний. Характер обработки камня, устройство и форма пиронов, буквы в алфавитном порядке — указывают на работу греческих мастеров-каменотесов, производимую непосредственно в храме Окса, а также на каменоломне, находящейся в нескольких сотнях метров от цитадели.

Конструкции колонн храма Окса: ионийская капитель малоазийского типа, каменные фусты, базы восточного ордера с тором, выбитым отдельно от двухступенчатого постамента, являют собой синтез ахеменидских и классических греческих архитектурных традиций, порожденный ранним эллинизмом. Стены, выложенные из сырового кирпича крупного стандарта (50x50x14 см), также могут служить примером переходного периода от ахеменидского к эллинистическому модулю. Анализ ионийской капители, находящейся в аналогии в храме Афины в Приене и Артемиды-Кибелы в Сардах, строительство которых было санкционировано Александром Македонским, позволяют датировать завершение постройки храма Окса концом IV — самым началом III в. до н.э.

Таким образом, перед нами типичный иранский храм огня (четырёхколонный зал с алтарем, обходные коридоры — хранилища посвященных приношений, восьмиколонный айван с алтарями и суфами по периметру, с севера и юга окаймленный атешгахами — специальными помещениями для хранения вечного, царского огня, и алтари на площади для общественных религиозных церемоний). Однако греческая надпись, свидетельствующая, что храм был посвящен местному божеству реки Оксу, а также целый ряд изобразительных греческих божеств, в том числе и водных, найденных в храме, показывает, что культ, пронизанный сложными чертами синкретизма, был многофункциональным. Об этом же говорят и сопоставления с близким по времени и планировке храмом огня в Персеполе.

Находки золотых пластин в храме Окса (бактриец, ведущий верблюда), в том числе негравированных полуфабрикатов, сложенных втрое или вдвое (подобно золотым пластинам из Амударьинскогоклада), подкрепляют высказанное ранее мнение о том, что Амударьинский клад был храмовым сокровищем. После находки древнегреческой надписи в храме Окса с посвящением

богу реки возникла мысль, что она «дублирует» адекватное посвящение на перстне, входящем в Амударьинский клад (№ 105), где посвящение Вахшу начефта-но арамейским алфавитом.

Характеризуя комплекс находок храма Окса из более 5000 votивных приношений, исследователи отмечали одновременность хранящихся в нем предметов с гигантским хронологическим диапазоном от V в. до н.э. до III в. н.э. Посвящения составляли сотни греко-бактрийских, парфянских, индийских и кушанских монет, в храме были найдены «свалки» ганчевой и глиняной эллинистической скульптуры, большое количество изделий из слоновой кости, около 3000 железных и более 50 бронзовых наконечников стрел, местные кинжалы — акинаки, ножины греческих кавалерийских и пехотных мечей, изобразительное искусство в самых различных материалах и мелкая пластика.

В настоящее время часть произведений искусства храма Окса уже издана, готовится к печати монография¹ с подробным археологическим комментарием и полным каталогом находок. Археологам предстоит раскрыть еще храмовую площадь — теменос и сооружения, окружающие храм на цитадели. Не исключено, что будут сделаны новые находки, которые прояснят древнее греческое название города на Оксе.

Но уже сейчас ясно, что большое значение находок на Тахти-Сангине заключается в том, что они раскрывают динамику развития во многом неизвестного до этого искусства Бактрии целого тысячелетия: от ахеменидского стиля, через греко-бактрийские традиции, к сложению кушанских художественных школ. Благодаря этому на примере открытий на Тахти-Сангине отчетливо выступают основные составные компоненты греко-бактрийского искусства и архитектуры которые должны быть рассмотрены дифференцированно. В архитектуре преобладающими оставались древневосточные, изначальные традиции, с сильной древнеиранской первоосновой, в искусстве эллинизма — греческие — привнесенные, позже дополненные гандхарским — слитым воедино греко-индийским синтезом.

Средняя Азия в кушанское время

В области изучения истории и культуры кушан следует отметить невероятный прирост археологических и нумизматических материалов.

В кушанское время Бактрия продолжала оставаться «страной тысячи городов», причем археологические данные позволяют утверждать, что городская жизнь стала несравненно более интенсивной, чем в предыдущую, греко-бактрийскую, эпоху. Следует отметить четыре момента.

1. Количественный рост городских поселений, появление новых, ранее не существовавших городов. Число городов становится максимальным за все время истории древней Средней Азии.

2. Рост городских площадей в старых, давно существовавших городах, увеличение плотности городской застройки (разумеется, бывали и исключения).

3. Продолжение формирования трехчастной структуры города: цитадель — собственно город — пригород (включавший кроме жилых и производственных

¹ *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестник АН СССР, 1980, № 7; В. А. Litvinsky, I. R. Pichikiyan. — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1981, N 2; они же. Monuments of art from the sanctuary of Oxus (Northern Bactria). — „Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XXVIII, fasc. 1—4, 1980; они же. Ножины акинака из Бактрии. — ВДИ, 1981, № 3; они же. Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.). — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981; они же. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. — ВДИ, 1985, № 4.

комплексов культовые, особенно буддийские сооружения, а также некрополи). С городами трехчастной схемы соседствовали иные города, в частности, бесцитадельные.

4. Принципиальные внутренние социально-экономические изменения городского организма. Усиление роли города в системе экономической жизни страны на базе прежде всего стремительного роста городского ремесла, как количественного, так и качественного. Города — центры товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе «город — деревня — кочевая степь».

Наряду с этим возрастает и роль городов, как центров идеологической жизни, чему способствует концентрация в городах культовых сооружений. Таким образом, города превратились в важнейшие узлы всей инфраструктуры кушанского государства¹. По данным Э. В. Ртвеладзе, в Сухандарьинской области зарегистрировано 110 памятников, относящихся к кушанской эпохе, причем из них 70—80 возникли в кушанскую эпоху.

Преобладающей формой города новой, кушанской эпохи, продолжала оставаться прямоугольной; реже город имел другие очертания. Выделяется группа очень крупных городов. Это столичные города: Балх, Термез (350 га), Шахринауское городище (350 га), Ер-Курган (150 га), Афрасиаб (свыше 200 га), Мерв и др. Населения этих городов-гигантов достигало пятидесяти тысяч человек. К ним примыкали средние города площадью 15—30 га, такие как Дальверзинтепе, Яванское городище, Топрак-кала и др.; их население укладывалось в пределы пяти-десяти тысяч человек². Часть городов была бесцитадельной, другие имели мощные цитадели.

Одним из наиболее изученных кушанских городов Северной Бактрии является Дальверзин-тепе. Городище имеет прямоугольную форму (650x500 м), в юго-восточном углу в прямоугольник города входит округло-многоугольная цитадель (в поперечнике ок. 180 м). Город был сильно укреплен — городской стена с прямоугольными башнями, ров.

Система планировки была довольно свободной, строгой уличной сети не было. Основную часть города занимали жилые кварталы, состоявшие из средних и крупных жилых комплексов. Это дома бедных, средних горожан и аристократов. Дома последних по своей площади в три-четыре раза превышали дома средних горожан. В одном из аристократических домов имелось свыше двух с половиной десятков помещений. Центральная парадная часть включала большой четырехколонный зал с алтарем. Вход в парадную часть был оформлен в виде шестиколонного богато декорированного айвана. Дом включал многочисленные помещения, служившие для проживания полноправных и неполноправных членов большой семьи, для ее хозяйственных и бытовых нужд. В таких домах имелся богатый инвентарь, хранились различные сокровища. В одном из домов найден клад золотых слитков с индийскими надписями и индийские и местные золотые украшения. Обнаружены храмы, в том числе буддийские.

Следует отметить и гражданское сооружение — винодавильню³.

Несколько меньше по размерам городище Зар-тепе, квадратное в плане (примерно 400x400 м). Оно было окружено мощной стеной с полукруглыми башнями и глубоким рвом. В северо-восточном углу в квадрат городища вписана также квадратная цитадель. Почти вся внутренняя площадь была за-

¹Б. А. Литвинский. Кушанский город Средней Азии и Индии (параллели). — «Народы Азии и Африки», 1979, № 3; Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Топан-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983, с. 120—121.

²Э. В. Ртвеладзе. О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрии. — В кн.: «История и археология Средней Азии». Ашхабад, 1978.

³Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978; Г. А. Пугаченкова. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978.

строена. Застройка рассекалась центрально-осевой магистралью шириной 10 м. Около центра города, вдоль магистрали, в позднекушанское время располагался дворцовый комплекс. Он состоял из многих помещений. Среди них выделяется четырехколонный зал и более крупный двенадцатиколонный зал. К югу от дворца, отделенное от него переулком, находилось святилище. В нем имелось помещение с алтарем для возжигания огня.

По другую сторону городской магистрали находился поздне-кушанский квартал жилой застройки. Он рассечен широкой (порядка 3—5 м) внутриквартальной улицей на две части, отходящие от нее под прямым углом переулками. Членят квартал на отдельные блоки, в состав которых входят не менее 15 жилых, производственных и хозяйственных помещений. В состав одного из блоков входило домашнее святилище с культовой суфой на центральной платформе. Каждый «блок», очевидно, представлял жилище большесемейной общины, поэтому в них по несколько жилых помещений и целая группа хозяйственно-вспомогательных и производственных помещений. У некоторых домовладений на стороне, противоположной фасаду, были маленькие дворчики с хозяйственными очагами.

На позднем этапе у северо-западной городской стены, разрушив ее, было возведено буддийское святилище. Судя по многочисленности находок, связанных с буддизмом, в городе были и другие буддийские культовые сооружения.¹

Ремесленный квартал в южной части Дальверзини-тепе включал мастерские ремесленников, группировавшиеся вокруг обширного двора и состоявшие из групп взаимосвязанных помещений — очевидно, отдельных мастерских и жилищ. В основании холма, на котором они были сооружены, находились керамические печи. Имелось здание хозяйственно-складского назначения, включавшее винохранилище.

Городские храмы были монументальными зданиями разной планировки. В храмах были алтари, интерьеры были богато украшены живописью и скульптурой. Внутри города находилось и буддийское святилище с замечательными скульптурами.

Вне городских стен находился пригород, но застройка здесь была разреженной. В пригороде находилось буддийское святилище, включавшее ступу в обводе помещений. Найдены скульптурные изображения Будды и светских персонажей. Неподалеку от собственно города находилось и погребальное сооружение — наус, где на протяжении длительного времени производилось захоронение (захоронение костей, труположение).

Многочисленны небольшие города и городки. Примером может служить Тепан-шах (Шаартузский район). В центре находится цитадель 80x80 м, окруженная стеной с башнями на углах и в середине сторон. Центром внутренней планировки был большой, видимо, прямоугольный двор, вокруг него (вдоль наружных стен) располагались комплексы сплошной застройки с жилыми и хозяйственно-вспомогательными помещениями. Имелись и парадные помещения, небольшая домашняя мошля, Цитадель находится в центре неукрепленного поселения, остатки которого вытянуты полосой около 500 м при ширине до 200 м. В 1,5 км к юго-западу от поселения находился буддийский монастырь Уштур-мулло. В 350 м на запад от центральной части находился некрополь — группы наусов разной планировки. Это поселение было центральным в оазисе Шах.²

Много важных материалов получено при изучении кушанских городов

¹В. А. Завьялов. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. — СА, 1979, № 3; К. А. Абдуллаев, В. А. Завьялов. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зар-тепе). — ВДИ, № 4.

²Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тепан-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983; Т. И. Зеймаль. Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана). — Сб.: «Прошлое Средней Азии». Душанбе, 1987.

левобережной (южной, находящейся в Афганистане) Бактрии,¹ особенно Дильберджина (раскопки Советско-Афганской экспедиции)² и Сурх-Котала (раскопки Французской археологической миссии в Афганистане), для которого мы теперь располагаем не предварительными, а детальной окончательной публикацией и исследованиями.³ Они позволяют гораздо детальнее охарактеризовать как сам памятник, так и дать его подробную культовую интерпретацию, которая, тем не менее, во многом остается неясной.

Дильберджинский храм позволяет проследить эволюцию верований, причем в позднекушанский период они стали шиваистскими.

Очень много новых данных получено о буддийских культовых сооружениях и о характере среднеазиатско-кушанского буддизма. Значительные материалы получены при раскопках пещерно-наземного буддийского центра Каратепе⁴ и монастыря Фаяз-тепе в Термезе⁵, буддийского комплекса в Айртаме и др. Очень информативными оказались происходящие из Каратепе и Фаяз-тепе многочисленные буддийские надписи, чаще всего выполненные на индийских языках письменностями кхароштки и брахми, реже — бактрийские и биллингвы.⁶ Кроме того, в Айртаме была найдена бактрийская монументальная надпись.⁷

Из термезских надписей следует, что на Каратепе располагалась «царская вихара», где пребывали монахи секты махасангхика. Как известно, эта секта Хинаяны, имевшая тенденцию к разработке концепции Махаяны. Согласно айртамской надписи, бактрийский термин для наименования храма — «баголагго» («дом бога») прилагался и к буддийским религиозным учреждениям.

Раскапывались также погребальные памятники. Так, на территории Южного Таджикистана было продолжено изучение погребений Тул-хоны и Бешкентской долины, начаты раскопки в Дангаринской долине, открыты новые для Бактрии типы погребальных сооружений — наусы (Тепай-шах). Проведены раскопки кушанских погребальных памятников в Сурхандарьинской области (Айртам, Дальверзин-тепе, Ялангуш-тепе и др.).⁸ Сенсационным было открытие усыпанных золотом княжеских погребений в левобережной Бактрии.⁹

Перечень и детальную библиографию см.: W. Bell et J.—C. Gardin. *Catalogue des sites archeologiques d'Afghanistan*, I—II. Paris, 1982.

¹И. Т. Кругликова. Дильберджин. I. М., 1974; И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова. Дильберджин, II. М., 1977; И. Т. Кругликова Дильберджин. М., 1986.

²D. Schlumberger, M. Le Berre et G. Fussman. *Surkh Kotal en Bactriane*, vol. I, Paris, 1983 (MADAFA, t. XXV); G. Fussman. *Surkh Kotal. Tempel der Kuschan-Zeit in Bactrien*. München, 1983 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichender Archäologie, Bd. 19).

³Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972; Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975; Буддийские памятники Каратепе в Старом Термезе. М., 1982 — все сборники «Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе» под общей ред. Б. Я. Ставиского.

⁴Л. И. Алыбаев. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе. — Сб.: «Древняя Бактрия». Л., 1974; он же. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. — Сб.: «Бактрийские древности». Л., 1976.

⁵М. И. Воробьева-Десятовская. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии. — Сб.: «История и культура Центральной Азии». М., 1983; V. V. Vertogradova. *Indian inscriptions and inscriptions in unknown lettering from Kara-Tepe in Old Termez*. Moscow, 1983.

⁶Б. А. Тургунов, В. А., Лившиц., Э. В. Ртвеладзе. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме. — ОНУ, 1981, № 3.

⁷Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тепай-шах, ук. соч.; Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984; Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др. Дальверзинтепе, ук. соч.; Э. В. Ртвеладзе. Могильник кушанского времени в Ялангуш-тепе. — СА, 1983, № 2; Б. А. Тургунов. К изучению Айртама. — В кн.: «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент. 1973.

⁸V. Sarianidi. *Bactrian gold*. Leningrad, 1985.

Анализ этих погребений, погребальных сооружений, погребального инвентаря позволил выработать новые представления о хронологии погребальных сооружений, погребальных сооружениях и погребальном ритуале в целом. Очень существенно, что по-новому интерпретируется хронология бешкентских могильников. В свое время А. М. Мандельштам «заглубил» их датировку и трактовал их как след передвижения «кочевников на пути в Индию», выпустив именно под этим названием соответствующую книгу, которая была дополнена книгой о раскопках Вабашовского могильника. Бешкентские курганы А. М. Мандельштам датировал последней третью II в. до н.э. и несколько более поздним временем.¹ Однако его аргументация была подвергнута критическому рассмотрению и предложена датировка: I в. до н.э. и (основная часть) — I—II вв. н.э. Соответственно, нет оснований непосредственно связывать появление этих могильников с юэчжийскими передвижениями.²

Погребения кушанского времени из Бактрии типологически очень разнообразны, что свидетельствует о многообразии этносов; культов и ритуалов. В этом многообразии выделяются погребения, тяготеющие к погребениям северо-восточной Средней Азии, к погребениям парфянского круга и т.д. Характерны типично парфяно-арийские обычаи с погребением в наусах — уздана предварительно очищенных от мягких тканей костей.³

При раскопках поселений и могильников выявлен обширный комплекс данных по материальной культуре, искусству и архитектуре. В значительной мере он разработан и исследован в публикациях и частных исследованиях, однако до сих пор отсутствует сводная монография, где было бы проведено детальное исследование и корреляция всех имеющихся материалов с рассмотрением их внутренних и внешних связей.⁴ Такое исследование не проведено и для архитектуры, но имеется для искусства.⁵ Очень важные исследования были проведены в различных областях Кушанского государства, находящегося за пределами СССР, результаты этих работ, а также исследований зарубежных ученых⁶ необходимо самым тщательным образом учитывать историкам Средней Азии.

Особо следует сказать о находках монет и нумизматических исследованиях. Находки их в различных частях Бактрии были многочисленны, причем многие из них были обнаружены при археологических раскопках, в точно зафиксированных стратиграфических условиях. Наряду с отдельными монетами стали известны и целые клады кушанских монет, что особенно важно. Е. А. Давидович опубликовала первый клад серебряных монет Герая (Вахшский район) с детальным исследованием.⁷ Вся совокупность находок кушанских монет из

¹А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. Л., 1966 (МИА, №136); он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.

²Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Культы и ритуалы, с.120—134.

³Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тепаи-шах, ук.соч., с.107—116. О погребальных обрядах см. также: F. Grenet. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'Islamisation. Paris, 1984.

⁴Глава «Северная Бактрия» в книге «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии». М., 1985 является полезной сводкой, но такого анализа не содержит.

⁵Г. А. Пугаченкова. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979; В. Stawiski. Mittelasiens. Kunst der Kuschan. Leipzig, 1979.

⁶Новейший обзор: G. Fussman. Chronique des études Kouchanes (1978—1987). — „Journal Asiatique“, t.CCLXXV, N 3—4, 1987

⁷Е. А. Давидович. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая». — ВДИ, 1976. N 4; E. A. Davidovič. The first hoard of tetradrachmas of the Kusana „Heraios“. — „Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae“, t.XXVIII, N 1—4. Budapest, 1980. Об этом и других кладах кушанских монет см. также: Е. А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.

Южного Таджикистана была опубликована с подробным исследованием Е. В. Зеймалем¹; монеты из Южного Узбекистана были изданы Э. В. Ртвеладзе и Ш. Р. Пидаевым².

Труды Е. В. Зеймаля³ содержат огромный нумизматический материал и основанную на нем классификацию предкушанских и кушанских монет, разработанные им эволюцию монетных типов и их хронологические корреляции. Чрезвычайно важны для кушанской нумизматики и истории, кроме работ Е. В. Зеймаля и Э. В. Ртвеладзе, работы зарубежных ученых и прежде всего монументальный труд Р. Гёбля.⁴

Эти труды, особенно книги Е. В. Зеймаля и Р. Гёбля, по заключению известного французского ученого Г. Фуссмана знаменуют собой «поворотный пункт» (или «решающий этап») в изучении кушанской нумизматики.⁵

Несмотря на столь значительный прогресс в нумизматических исследованиях, вопрос о кушанской хронологии, о котором подробно говорится в книге, все еще не получил окончательного решения. Учитывая различные синхронизмы, я склоняюсь к начальной дате Канишки где-то в пределах 78—128 гг. н.э. Новые эпиграфические исследования увеличили фонд письменных источников.⁶ Заново были переведены и изучены некоторые китайские нарративные источники.⁷ Появилась обобщающая работа по истории и культуре Кушанского государства на русском языке, она принадлежит перу Б. Я. Ставского.⁸

Прирост знаний по Согду был значительно меньше. Интересные материалы принесли раскопки в Южном Согде, в Ер-Кургане. Городище было окружено двумя рядами мощных оборонительных стен. Общая площадь — 150 га, площадь внутреннего пятиугольного города — 40 га. В середине северо-восточного угла находилась построенная в I в.н.э. цитадель со своей фортификационной системой.

У подножья цитадели находился дворец правителей, выстроенный на высокой сырцово-кирпичной платформе. Центральный зал — зал приемов, был расположен на двух уровнях. К востоку от центра города имелся храм, существовавший в III—IV в. Здание было украшено скульптурой и живописью. Вскрыты жилые кварталы, а также квартал керамистов. За пределами внутреннего города обнаружена дахма. Жилая застройка состояла из отдельных кварталов, в каждом из которых было по несколько замкнутых по периметру зданий с одним

¹Е. В. Зеймаль. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

²Э. В. Ртвеладзе и Ш. Р. Пидаев. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981. См. также: Э. В. Ртвеладзе. Древние монеты Средней Азии.

³Е. В. Зеймаль. Монеты Великих Кушан в собрании Государственного Эрмитажа. — «Труды Гос. Эрмитажа», т. IX. Л., 1968; он же. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. — «Культура Востока. Древность и раннее средневековье». Л., 1978; E. V. Zeimal. The political history of Transoxiana. — „The Cambridge history of Iran“, vol. 3(I). Cambridge, 1983.

⁴R. Göbl. System und Chronologie der Münzprägung der Kušanreiches. Wien, 1984. См. также: B. N. Mukherjee. Kushana silver coinage. Calcutta, 1982 (Indian museum monograph. N 13); G. von Mitterwaliner. Münzen der späten Kusaner, des Hunnen Kirada/Kidara und der frühen Guptes, I. München, 1983.

⁵G. Fussman. Une étape décisive dans l'étude des monnaies Kouchanes. — „Revue numismatique“, 6—e sér., t. XXVIII. Paris, 1986, p. 145.

⁶Выше говорилось о советских исследованиях; о зарубежных исследованиях см.: G. Fussman. Chroniques..., p. 355—357.

⁷A. F. P. Hulswè, M. A. N. Loewe. China in Central Asia. The early stage 125 B. C. — A. D. 23. An annotated translation of chapters 61 and 96 of the History of the Former Han dynasty. Leiden, 1979.

⁸Б. Я. Ставский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

общим входом во двор и небольшую площадь. Ширина городских магистралей превышала 10 м.¹

Об изобразительном искусстве Согда дают представление также костяные пластины с гравированными изображениями — они найдены в кургане № 2 у сел. Орлат (Кошрабадский район Самаркандской области). Это батальные и охотничьи сцены, а также другие изображения. Издавшая их Г. А. Пугаченкова датировала их I в. до н.э. — I в.н.э.², однако они, вероятно, относятся ко II—III вв. н.э.

В Хорезме проводились раскопки Топрак-калы, были опубликованы две монографии, содержащие результаты раскопок цитадели с ее дворцом и собственно города, замечательных произведений искусства. Особое значение имеет публикация документов хорезмийской письменности, изданных В. А. Лившицем в одном из этих томов.³

Накоплен также большой археологический и нумизматический материал по Парфии, в частности, проводились раскопки в Нисе. Однако результаты этих раскопок еще ждут своей публикации.

Раннее средневековье

Раннее средневековье — один из важнейших периодов в истории Таджикистана и Средней Азии в целом. Именно в это время произошли коренные изменения социально-экономического облика общества. Именно тогда произошли радикальные изменения в этническом составе населения Средней Азии, важнейшие политические события, такие как включение в Тюркский каганат, а затем арабское завоевание, с последующим включением в Арабский халифат и распространение ислама. В период раннего средневековья высокого уровня достигла урбанизация, народы Средней Азии добились выдающихся культурных достижений. Один из главных аспектов истории этой эпохи — история города в VI — середине VIII вв. освещен в первой части монографии «Средневековый город Средней Азии». Монография вышла в 1973 г., через год после книги Б. Г. Гафурова, в ней использован обширный материал раскопок в Пенджикенте, в значительной мере до того не публиковавшийся, исследований других городов Средней Азии, а также письменные источники. В результате А. М. Беленицкому и И. Б. Бентович, авторам этой части книги, удалось воссоздать многие важные стороны истории городов и городской жизни Средней Азии. Они разработали вопросы фортификации и застройки городов и, особенно детально, городских ремесел и торговли. Коснулись они также проблем, связанных с культурой и социальным составом населения.

Можно отметить значительный прирост археологических и нумизматических данных. Для истории таджикского народа наиболее важны материалы, связанные с Тохаристаном и Согдом.

¹С. К. Кабанов. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, с.23—28; Р. Сулейманов, Н. Нефедов. Раскопки святилища храма городища Ер-Курган, — ИМКУ, № 15. Ташкент, 1979; Н. Ю. Нефедов. Жилая застройка Ер-Кургана, — ИМКУ, № 18, Ташкент, 1983; М. Х. Исамидинов, Р. Х. Сулейманов. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984; он же. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения. — В кн.: «Городская культура Бактрии — Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.

²Г. А. Пугаченкова. Новое о художественной культуре античного Согда. — В кн.: «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1983». Л., 1985, с. 524—531.

³Городище Топрак-кала (раскопки 1965—1975 гг.). Отв. ред. Е. Е. Неразник, Ю. А. Рапопорт. М., 1981; Топрак-кала. Дворец. Отв. ред. Ю. А. Рапопорт. Е. Е. Неразник. М., 1984.

В Северном Тохаристане (юг Средней Азии) раскопки проводились на территории Южного Таджикистана и Южного Узбекистана (Сурхандарьинская область).

Так, были продолжены В. С. Соловьевым (под руководством Б. А. Литвинского) раскопки на городище Кафыр-кала — раннесредневековом центре Вахшской долины. В книге дана краткая характеристика раскопок по состоянию на 1970 г. Раскопки после этого проводились почти ежегодно. Это позволило завершить вскрытие верхнего яруса помещений на цитадели, а также раскопать несколько участков в собственно городе — шахристане. Установлено, что город пережил три периода в своей истории: посткушанский (конец IV — первая половина V в.); тохаристанско-эфталитский (конец V — конец VI в.); тохаристанско-туркский (конец VI — середина VIII в.).

Анализ полученных при раскопках материалов позволил во многом возродить отдельные черты облика одного из столичных городов Тохаристана, городской планировки, фортификации, архитектуры, материальной культуры. Архитектура и фортификация Кафыркалы, несомненно развивались в русле среднеазиатского раннесредневекового гражданского и оборонительного зодчества. Строительные материалы, планировочные решения, конструкции арок, сводов, тропов, куполов — все это находит себе прямые параллели в памятниках этого времени на большой территории Средней Азии и Казахстана. Вместе с тем кафыркалинское зодчество имеет свои особенности, вызванные спецификой местных условий, наличием устойчивой бактрийско-тохаристанской традиции.

На примере Кафыркалы видны те качественные изменения, которые произошли в строительном деле Средней Азии в VI—VIII вв. по сравнению с предшествующим античным периодом. Появляются новые типы куполов, развитые пояса тропов, прямоугольный кирпич, который был практически квадратного и т.д. Установлено также, что истоки раннесредневекового зодчества восходят к античности. К столь же принципиальным выводам приводит изучение материальной культуры и искусства Кафыркалы.¹

Изучались и небольшие (не столичные) города. В качестве примера можно указать на городище Калаи-Кафирниган — оно расположено в Ленинском районе, в 80 км на юго-запад от Душанбе, на левом берегу р.Кафирниган вблизи кишлака Эсанбай. Оно двухчастное, состоит из собственно городища (шахристана) и отделенной рвом цитадели. Общие размеры шахристана 275x100-150 м, площадь городища — около 3,5 га. Городище было окружено стеной с 12 башнями. Поверхность шахристана до раскопок состояла из бугров. Четко прослеживается сеть главных улиц, шириной 5—7 м. Основные раскопки производились Б. А. Литвинским в 1974—1980 гг. Было установлено, что поселение существовало на протяжении трех периодов: греко-бактрийского, кушанского и раннесредневекового. Фортификационная система была воздвигнута в греко-бактрийское время и, обновляясь, продолжала функционировать вплоть до раннего средневековья. Таким образом, раннесредневековый город вмещался в границы древнего.

На шахристане три яруса построек: нижний — греко-бактрийский, средний — кушанский и верхний (кроющий) — раннесредневековый. Основные раскопки проводились в южной части шахристана и вскрыли сооружения верх-

¹Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985; Litvinskij B. A., Solov'ev V. S. L'art du Tocharistan à l'époque du Haut Moyen Âge (monuments non bouddhiques). — „Arts Asiatiques“, t.XV. Paris, 1985; Litvinskij B. A. and Soloviev V. S. Kafurkala. Frühmittelalterliche Stadt im Vachš-Tal, Süd-Tadzikistan. München, 1985 (Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie, Bd. 28). См. еще отчеты В. С. Соловьева в АРТ (1973 год), в.XIII. Душанбе, 1977; АРТ (1974 год), в. XIV. Душанбе, 1979; АРТ (1975 г.), в.XV. Душанбе, 1980; АРТ (1976 год), в. XVI. Душанбе, 1982; АРТ (1978 г.), в. XVIII. Душанбе, 1984; АРТ (1979 г.), в. XIX. Душанбе, 1986.

него яруса: квартал рядовой застройки, жилище представителя городской элиты, крупную постройку (возможно, дворцово-купольную), включающую центральный зал и обходной коридор, и, наконец, в юго-западном углу шахристана — буддийский храм.

Упомянутая выше крупная постройка — это целый монументальный комплекс. Его ядро составляет подквадратный зал (7,35x7,55 м). Внутри помещения, вдоль стен — двухступенчатая суфа, которая на стороне, противоположной входу, расширяется, образуя «эстраду». В центре помещения находился пьедестал — основание под алтарь огня. Плоское перекрытие поддерживали четыре орнаментированные колонны высотой не менее 3,75 м. Имелся наборный орнаментированный деревянный потолок. Верхние части стен были украшены резными орнаментированными панелями. Были и панели с изобразительными мотивами, например, с парой огромных павлинов. Этот зал с трех сторон был окружен коридором, причем сам зал был «приподнят» и на пути к нему под коридоров повышался. Коридоры были также украшены резными деревянными панелями. Хотя центральный зал напоминает приемные залы (мехмон-хона — гостиная), однако ряд его черт позволяет думать, что этот комплекс первоначально имел культовые функции (или наряду с жилыми выполнял и культовые функции).

В 1975—1977 гг. проводились раскопки объекта, смежного с предыдущим — они разделены лишь древней улицей. Центром вскрытого сооружения — буддийского храма — являлось квадратное святилище, в которое попадали со стороны храмового двора. У входа находился четырехколонный портик. У квадратного помещения было два входа на одной оси (один вход — со стороны двора, с востока). С трех сторон квадратное святилище было охвачено П-образным коленчатым коридором. Из отрезка коридора, противоположного портику, один вход вел во внутреннее квадратное «святилище» (?), другой — в помещения внешнего яруса, которые, очевидно, служили и для жилья монахов. С юга к храмовым помещениям примыкала группа помещений хозяйственно-бытового назначения.

В центральном святилище в одной из стен была ниша с постаментом для крупной фигуры сидящего Будды, скульптуры находились в углах помещений и на центральном постаменте — всего было по крайней мере девять крупных скульптур. Кроме того, скульптура была и в обходном коридоре, стены которого были украшены живописью. Скульптура чрезвычайно эффектная, она полухромная, изображения даны в сложных ракурсах. На сохранившемся участке живописи — двухъярусная роспись. Вверху изображены сидящий Будда и по сторонам его — предстоящие, внизу — буддийская процессия с превосходно изображенными фигурами знатных поклонников буддизма и буддийских монахов.

Живопись, сейчас известная по тохаристанским памятникам, объединяет ся общностью ряда иконографических и стилистических признаков. Очень важно, что небуддийская живопись Балалыктепе и буддийская живопись Калан-Кафирнигана во многом являются «двойниками». Это показывает, что две ветви среднеазиатского раннесредневекового искусства — буддийское и небуддийское (так — в первоначальном приближении, на самом деле картина была много сложнее) — развивались не просто по параллельным направлениям, а как две органически связанные, хотя и не тождественные, части общего единства. Очень важны также раскопки Кафирниган-Калы и для истории среднеазиатской архитектуры. Анализ одного из помещений буддийского храма позволил установить генезис такого важного типа среднеазиатской архитектуры как мусульманский мавзолей и т.д.¹

¹О Калан-Кафирнигане и его раскопках — см.: Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблемы генезиса. — В кн.: Этнография и история Средней Азии. М., 1979; он же. Настенная живопись Калан Кафирнигана. — В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (ис-

Немало нового получено при раскопках в Южном Таджикистане других раннесредневековых памятников: замка-крепости Уртабоз II (Колхозабадский район) с прекрасной архитектурой¹; городища Калаи-Шодмон (Орджоникидзеабдский район) с настенной живописью² и др.

Через 3 года после выхода книги Б. Г. Гафурова были завершены раскопки буддийского монастыря Аджинатепе (Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль). Раскопки продолжались 16 лет (1960—1975 гг.). Оказалось, что в обеих половинках памятника пятьдесят два помещения, восемь из которых являются святилищами. Первая половина (мы ее назвали монастырской, так как здесь находились жилые помещения монахов) имела двухэтажные помещения, вторая (храмовая) — одноэтажные. Главная ступа занимала почти весь двор храмовой половины, в углах его находились миниатюрные ступы, найдены крошечные глиняные модели ступ с вставленными в них глиняными таблечками с буддийскими мотивами. Было найдено много шедевров буддийского искусства. Выяснилось, что Аджинатепе обладает строго продуманной архитектурной композицией.³

Исследование раннесредневековых городов привело к ряду важных георитических заключений. Это касается вопроса о якобы имевшем место в Средней Азии, в том числе в Тохаристане, упадке городов в раннее средневековье. Сторонники упадка городов ссылаются на то, что одни города кушанского времени в раннее средневековье запустели, лежали в руинах, в других же была обжита лишь часть их площади. Оценка всей совокупности фактов позволяет утверждать, что в раннесредневековье в соответствии с новыми условиями социально-экономической жизни происходила перестройка, может быть, даже коренная, «сетки» городских поселений, возникало много новых поселений, в том числе средних и крупных. Внутренняя структура городских поселений, насколько мы себе представляем по некоторым данным, изменилась.

Вместе с тем, несмотря на серьезнейшие трансформации, во всех областях городской жизни, материальной культуры и искусства прослеживаются связи с предшествующей эпохой.

тория и культура). М., 1981; Litvinskij B. A. Kalai-Kafirnigan. Problems in the religion and art of early medieval Tokharistan. — East and West, N. S., vol. 31, N 1—4; Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии. — В кн.: История и культура Центральной Азии. М., 1983.

Резко изменились представления о датировке живописи Балалуктепе. Раскопавший этот памятник Л. И. Альбаум датировал живопись V в. Позже были предложены другие определения: VI — начало VII в. или же конец VI—VII вв. (Antonini Ch.S. Le pitture murali di Balaluk Tere. — „Annali dell'Istituto Orientale di Napoli“, vol.32 (N.S., 22), 1972, p.71—77; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Опыт сравнительной характеристики памятников среднеазиатской живописи. — В кн.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Реферативный сборник. М., 1976, с.6; они же. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 4. Л., 1979, с.35).

¹Зеймаль Т. И., Соловьев В. С. Работы Уртабозского отряда. — АРТ (1977 г.), в. XVII. Душанбе, 1983; Зеймаль Т. И. Раскопки крепости Нижней Уртабоз в 1975 г., — АРТ (1978 г.), в. XVIII. Душанбе, 1984.

²Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Раскопки на Калаи Шадмон в 1979 г. — АРТ (1979 г.). Душанбе, 1986.

³Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ (1973 г.), в. XIII. Душанбе, 1977; Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджинатепе в 1975 г. — АРТ (1975 г.). Душанбе, 1980; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики ступы в Средней Азии и Индии. — В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.

Это действительно так. Можно также привести подсчеты, согласно которым из 107 раннесредневековых памятников Сурхандарьинского региона Северного Тохаристана 44 памятника, основанные еще в кушанское время, обживались в раннесредневековье, а 63 возникли непосредственно в V — первой половине VIII в.¹

Серьезные изменения в характеристике инфраструктуры, а также материальной и духовной культуры относятся ко второй половине IV—V вв. Генезис раннесредневековой культуры Тохаристана, как и Средней Азии в целом, связан с древней культурой соответствующих областей, однако не ограничиваются этим субстратом. Значительные этнические массивы, пришедшие из других регионов, безусловно, внесли свой вклад в развитие самих основ культуры в Средней Азии, в том числе в Тохаристане. Культурный синтез, подразумевающий взаимодействие и слияние различных элементов, протекал под воздействием культурных влияний, шедших с востока, юга и запада. Этот сложный процесс заключал также медленные, но существенные, эволюционные изменения.

Все это и объясняет сложение на базе раннефеодальных отношений раннесредневековой культуры и модели раннесредневекового города. Что же касается уровня раннесредневековой городской культуры, то он, как показали раскопки в различных частях Средней Азии, в том числе и в Тохаристане, необычайно высок.

Хотя роль города и городского ремесла была очень велика, все же в жизни раннесредневекового Тохаристана не меньшее, а, вероятно, преобладающее значение имели сельское население и сельскохозяйственное производство. По подсчетам Э. В. Ртвеладзе, в сурхандарьинском регионе Тохаристана на одно городское поселение приходилось в эпоху раннего средневековья семь-восемь сельских.² Эту оценку можно экстраполировать на весь Северный Тохаристан³, с учетом, конечно, того, что города обычно были значительно крупнее сельских поселений.

Обильные находки монет (только в Чаганиане их найдено около 1000 экземпляров) позволили исследовать денежное обращение Северного Тохаристана в V—VIII вв.

До конца V — начала VI в. в обращении были подражания монетам кушанских царей. «В конце V — начале VII в. их место в сфере обращения заняли медные монеты, выпускавшиеся сравнительно небольшими владениями и имевшие, судя по ареалам находок, узколокальное обращение. Одна группа таких монет с уверенностью локализуется в Термезе, другая — в южной части долины р. Кафирниган (Кобадан)... Новое в денежном обращении рассматриваемой области: появление со второй половины V в. в составе монетной массы серебряных монет: привозных сасанидских, сасанидских с надчеканами (возможно, местными), эфталтских и местных подражательных». Во второй четверти VII — середине VIII вв. «... в Северном Тохаристане выпускались и обращались три количественно значительные группы медных литых монет с отверстием: тохаристанские с курсивной эфталтской легендой (так называемые «мунчакского типа»), тохаристанские с согдийской легендой и тохаристанские анэпиграфные. Количество их достигает несколько сотен (Аджина-тепе, колхозабадская Кафыр-кала, Кафирниган-кала и другие пункты в Южном Таджикистане). Отсутствие таких монет в долине Сурхандарьи (если это

¹ *Аннаев А.* Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Автореферат канд. дисс. Л., 1984, с. 16.

² *Аршавская Э. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А.* Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982, с. 34.

³ *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Средневековая культура Тохаристана, ук. соч., с. 125.

не пробел в наших знаниях), видимо, следует объяснить причинами политического свойства (например, обособление в это время в отдельное владение Чаганиана, за которым последовало обособление и хозяйственное). Параллельно с медными монетами в Северном Тохаристане выпускались и обращались серебряные подражания сасанидским монетам с надчеканами...»¹

Детально исследовано денежное обращение Чаганиана. Здесь в обращении были серебряные сасанидские драхмы Варахрана, Пероза, Валаша, Хосрова I, Хормизда IV, Хосрова II; местные подражания драхмам Пероза и Хосрова I с бактрийскими и согдийскими надчеканами. Имелись местные подражания монетам Пероза и Хосрова, а также монеты местной династии чаганхудатов, выпущенные на базе драхм Хосрова I. Имелись также медные монеты разных типов, в том числе привозные согдийские.

На монетах Хосрова I и подражаниях им имеются легенды бактриско-эфталитской письменности. Они содержат имя правителя и его титул, например: Сашпохдев, Заринохдев и др. Чаганхудатские монеты чеканились во второй половине VII — последней четверти VIII в. На поздних выпусках бактриско-эфталитская надпись, содержащая имя и титул правителя — Хнар хидев (или Энар хидев). Свои особенности имело денежное обращение в Гуфтае (долина Шерабад-дарьи) и Термезе.²

Для Согда (и Средней Азии в целом) важнейшее значение имеют раскопки в Пенджикенте. Начатые в 1947 г., они последовательно возглавлялись А. Ю. Якубовским, М. М. Дьяконовым и особенно долго — А. М. Беленицким, заслуги которого исключительно велики. Много лет во главе этих раскопок стоит Б. И. Маршак, который осуществил принципиально новые подходы к раскопкам, значительно усовершенствовав методику, и к интерпретации полученных при раскопках данных.

Результаты раскопок Пенджикента до нач. 70-ых гг. были обобщены и проанализированы в уже упоминавшемся капитальном труде А. М. Беленицкого и И. Б. Бентович «Город в VI — середине VIII в.»³

В Пенджикенте за последние десятилетия были сделаны новые открытия, не только дополнявшие, но и во многом изменившие представления об истории и культуре раннесредневекового Согда.⁴ Среди множества публикаций большое значение имела статья А. М. Беленицкого, Б. И. Маршака и В. И. Распоповой, написанная к тридцатой годовщине начала раскопок и опубликованная несколько позднее.⁵ Авторам удалось показать, как усовершенствование

¹ Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма). — В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 72—74. См. также: Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана..., ук. соч., с. 136—137 (по материалам В. А. Лившица).

² Ртвеладзе Э. В. Денежное обращение в северо-западном Тохаристане в раннем средневековье. — В кн.: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Ташкент, 1987.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973; Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980 и др.

⁵ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента). — СА, 1981, № 2, с. 94—110. См. также: Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. — Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979. вып. 4.

методики раскопок позволило на изученной половине территории древнего Пенджикента выделить синхронные срезы, сопоставление которых, в свою очередь, дало возможность проследить историю города от поколения к поколению на протяжении почти четырех веков. В этой и других работах тех же авторов по-новому показана социальная структура согдийского общества и дана характеристика экономики.¹

В Пенджикенте, помимо цитдели с дворцом правителя² и храмов, раскопаны около полутора сотен многокомнатных жилищ, ремесленные мастерские, лавочки и т.д. Такой большой объем изученных жилищ позволил исследователям Пенджикента наметить их иерархию. Два из пенджикентских жилищ выделяются своими размерами, приближаясь в этом отношении и по составу помещений к дворцу. Размер этих домовладений, соответственно, 1200 и 2000 м². Они включали в себя сравнительно небольшие жилые помещения первого и второго этажа; парадную часть с залом, коридором перед ним, помещением с алтарем и другими строениями; обращенные на улицу лавки и мастерские, не связанные проходами с внутренними помещениями. В каждом из этих жилищ имеется еще большой зал или большой зал с двором, по площади соизмеримые с тронным залом дворца. В этих частях сооружений могли происходить многолюдные собрания. Ниже рангом два домовладения площадью 575—800 квадратных метров, которые аналогичны предыдущим по составу помещений, но в них нет дополнительных залов. Далее следуют такие же по характеру жилища меньшей площади — 160—500 кв. м. И, наконец, — рядовые домовладения площадью 60—90 кв. м. Они были двухэтажными, имелись и парадные помещения, которые, впрочем, использовались как жилые. За одним исключением, рядовые жилища, в отличие от более богатых, не имели живописного убранства. Мастерских и лавок при таких жилищах не было. Более или менее богатые дома с живописью составляли, примерно, треть всех домов.³

«Основное членение населения по образу жизни не совпадало с членением на феодалов и торгово-ремесленные слои. Четкая граница проходила между знатью и крупным купечеством, с одной стороны, и ремесленниками вместе с мелкими торговцами, входившими в состав «рабочников» (к гук'г), — с другой.

Структура застройки* пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь. Контраст между плотностью застройки с ее высокой этажностью, отсутствием дворов в огромном большинстве домовладений, теснотой лавок и мастерских, узостью улиц, часть которых даже перекрывали сводами, чтобы возвести над ними вторые и третьи этажи, и простором парадных залов сразу обращает на себя внимание. Зажиточные пенджикентцы, выделявшие часть своего участка под лавки и мастерские для получения дохода, гораздо большую часть несомненно дорогой городской земли отводили под парадные помещения с их богатым убранством живописью и скульптурой. Очевидно, от пышности происходивших в залах приемов и обрядов зависело общественное лицо владельцев домов. Однако парадные залы частных горожан вмещали едва ли более 20—30 гостей одновременно».

¹Беленицкий Б. И., Маршак Б. И., Распопова В. И. Социальная структура населения древнего Пенджикента. — Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с.19—26; они же. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде. — Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с.15—26; Распопова В. И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда. — Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979, вып. 4, с.22—26; Лившиц В. А. Правители Панча. (Согдийцы и турки). — Народы Азии и Африки, 1979, № 4.

²Раскопки на цитадели освещены в специальной монографии: Исаков А. И. Цитадель Древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.

³Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Социальная структура..., ук. соч., с.19—21.

Те же исследователи обращают внимание, что и во дворце, и в двух наиболее крупных аристократических домах залы вмещали в несколько раз больше людей, здесь могли происходить многолюдные собрания. Бируни сообщал, что в его время, т.е. конце X — нач. XI в. в каждой деревне согдийцы «собираются у всякого раиса, едят и пьют. Это происходит у них по очереди». Они высказывают предположение, что в домусульманское время такой обычай мог быть и в городах, в частности, в Пенджикенте.

В мугских документах упоминается пенджикентская городская община — п'р. Наличие двух храмов согласно гипотезе этих ученых (А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова) можно связать с двумя частями городской общины (или двумя городскими общинами), возглавляемыми двумя раисами.¹

Оказалось, что платежеспособный спрос на продукцию городского ремесла обеспечивался наличием в городах мощного слоя получателей феодальной ренты и купечества, связанного с караванной торговлей, тогда как крестьянство было слабо затронуто развитием товарно-денежных отношений. Городская знать не только экономически, но и политически возглавляла гражданскую общину, упомянутый в документах с горы Муг городской п'р. Если раннее господство знати считали несовместимым с развитием мелкотоварного ремесла и торговли, то теперь становится очевидным, что это взаимосвязанные явления. Были уточнены многие вопросы денежного обращения и с помощью точных стратиграфических данных хронология монетных выпусков VII—VIII вв.²

В. И. Распопова специально исследовала металлообрабатывающее ремесло Пенджикента и Согда в целом в своей насыщенной фактами монографии.³ Опираясь на ее данные, попытаемся представить, что мы на минуту перенеслись на пенджикентский базар VII в. Через открытую дверь раздается мерный перестук молотков, несет гарью. Это крошечная кузница. Ее площадь всего 10 или 11 кв.м. Внутри, в полутьме, освещенные слюхами огня, работает кузнец и трое подручных или учеников. Двое из них непрерывно качают два меха, и двойное сопло, через которое нагнетается воздух, обеспечивает равномерность дутья, высокую температуру. Есть еще один горн и в нем тлеют угли. Иногда изделие нужно поддержать разогретым — для этой цели служит открытый очаг в полу комнаты. Рядом с ним вмазан в пол сосуд с водой, необходимой для закаливания. В боковой стене — ниша для инструментов: молоты, молотки, щипцы, клещи, зубила и т.д. Недалеко от горна и сосуда с водой в земляной пол утоплен деревянный брус, на нем — железная наковальня. Куча железных заготовок в виде стержней и шаров разного размера свалена в одном углу; в другом углу сложены козлиные рога — их применяют как карбюризатор или цементации поверхности готовых изделий. Ассортимент их был очень обширен: от иголок и ножей до замечательных стальных кольчуг и парадных мечей, которые высоко ценились на Востоке.

Очень близкими по устройству были мастерские ювелиров. Однако горны в них были поменьше и имелось много тиглей, литейных форм, матриц, льячек и т.д. Ювелиры прекрасно знали свойства различных драгоценных и полудрагоценных камней и успешно их использовали. Бронзовые, золотые и серебряные курильницы, блюда, чаши, кубки, серьги, перстни и ожерелья из золота и драгоценных камней — все это найдено при раскопках или же известно по изображениям в живописи и торевтике. В связи с этим следует

¹ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Социальная структура..., ук.соч. с.21—23.

² Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981; Распопова В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв. — КСИИ, вып. 147. М., 1976, с.39—48; Довутов Д. Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V—VIII вв.): Автореф.дис. канд. ист. наук: 07.00.09. Л., 1982.

³ Распопова В. И. Металлические изделия..., ук.соч.

специально сказать о согдийской торевтике. Б. И. Маршаку в результате серьезного исследования удалось выявить согдийскую школу торевтики и проследить эволюцию и взаимосвязи согдийского серебра, а также детально изучить и другие группы и центры раннесредневековой среднеазиатской торевтики.¹

Несколько монографических работ по отдельным аспектам согдийской истории и культуры основаны главным образом на пенджикентских материалах. Таковы исследования А. Анарбаева по благоустройству городов, Д. Абдуллаева по проблемам согдийского наследия в раннеисламской культуре Средней Азии, Г. Л. Семенова по раннесредневековой фортификации Согда.² Подробно прослежена строительная история пенджикентской цитадели и двух городских храмов.³ Вместо прежней несколько статичной картины теперь стала очевидной динамика эволюции города: рост его территории, развитие укреплений, совершенствование и усложнение архитектуры жилищ. Эволюция храмов показала стабильность основного культа — почитания богов. Во второй половине V — начале VI веков в одном из храмов существовало специальное помещение для вечного огня.⁴ Вероятно, исследователи Пенджикента правы, относя культ, отправлявшийся в храмах, к местной разновидности зороастризма. Более того, они все более склоняются к тому, что вся совокупность иконографических материалов из Пенджикента свидетельствует именно об этом⁵ — эта интерпретация представляется наиболее вероятной.

По-прежнему большое значение придавалось изучению произведений искусства. А. М. Беленицким были выпущены большие публикации росписей, причем в отличие от первых изданий копий они имеют подлинно документальный характер, включая воспроизведения цветных фотографий с оригиналов. Публикации сопровождаются детальным исследованием. Много сделано в этом плане Б. И. Маршаком.⁶ За последние пятнадцать лет весьма усовершенствовались прорисовки, выполненные с оригиналов. Даже при плохой сохранности росписей они позволяют выявить сюжеты изображений. Благодаря этому сильно увеличился корпус иконографических материалов, что позволило и в изучении искусства перейти на новый уровень обобщения.⁷ Наиболее показательна в этом отношении статья Б. И. Маршака «Искусство Согда», в ко-

¹Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971; Marschak B. Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3—13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986.

²Абдуллоев Д. Пенджикент периода арабского завоевания Средней Азии и вопрос о согдийском культурном наследии: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1980; Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V — начало XIII в.). Ташкент, 1981; Семенов Г. Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1985.

³Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977; Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V—VIII вв.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1986.

⁴Skoda V. G. Le culte du feu dans les sanctuaires de Pendjikent. — Cultes et monuments religieux dans l'Asie préislamique. Paris, 1987, p.63—72.

⁵Маршак Б. И. Искусство Согда. — В кн.: Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987, с. 241.

⁶Беленицкий А. М. Монументальное искусство...; Belenizki A. M. Mitteleasien Kunst der Sogden., Leipzig, 1980.

⁷Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 75, 89, 179—186; Belenitski A. M. and Marshak B. I. The Paintings of Sogdiana. — In: Azarpay G. Sogdian Painting. Berkeley. Los Angeles. London, 1981, p. 11—77.

торой росписи парадных залов рассматриваются как целостная система.¹ Три ранга росписей зала различаются как формально (по их более или менее почетному месту на стенах и по размерам фигур), так и содержательно. Высший ранг — культовая сцена, которая показывает богов — покровителей семьи и молящихся перед ними хозяев дома, второй ранг — иллюстрации к эпосу или сцены благородного образа жизни (пиры, охота), третий ранг — иллюстрации к притчам, сказкам, басням, развлекательные сценки. Вся программа в целом показывает иерархию ценностей в мировоззрении согдийцев. Роли, которые отводились в нем благочестию, доблести, практической мудрости и развлечениям, показывают высокую самооценку представителей многочисленной городской знати. Это были не подданные восточных деспотов, а граждане городов-государств. Каждый парадный зал дома по сложности своей архитектурной организации походил на дворцовый или храмовый интерьер. При этом согдийские архитекторы были высоко профессиональны, они разрабатывали темы, имевшие большое значение в истории мирового зодчества (например, залы «типа вписанного креста».)² В изучении Пенджикента за последние 15 лет количество перешло в качество: все исследования частных проблем привели к созданию цельного представления об эволюции, социальной структуре, культуре и искусстве согдийского города раннего средневековья. Серьезная сводка по согдийскому искусству была написана и американской исследовательницей Г. Азарпай.³

Наряду с новыми обобщениями большой интерес представляют некоторые работы, посвященные частным темам; характеризующие отдельные стороны городской жизни. Так история одного квартала на протяжении целого столетия (со второй половины VII в. по 70-е гг. VIII в.) показала движение земельной собственности в городе; рост дома богача, присоединившего к своему жилищу скромный дом рядового горожанина.⁴ Урбанизация привела к усложнению образа жизни, к театрализации ритуалов. Б. И. Маршак проследил в целле одного из пенджикентских храмов остатки деревянного подъемного устройства, заставляющего вспомнить стихи Саади об идеале, поднимавшем жреца, когда спрятанный жрец тянул сзади за веревку.⁵ О широте кругозора согдийцев свидетельствуют сюжеты росписей, навеянные переводной литературой, к числу которых теперь, видимо, можно отнести иллюстрации к великому индийскому эпосу «Махабхарате».⁶ Местный земледельческий культ Деда-земледеца, переключившийся с этнографическими ритуалами таджиков, приобрел в живописи Пенджикента, усложненные аристократические черты.⁷

¹Маршак Б. И. Искусство Согда. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. Сборник статей. М., 1987, с. 233—248.

²Маршак Б. И. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста. Пенджикент и Бамаиан. VI—VIII вв. — В кн.: Problems der Architektur des Orients. Halle (Saale), 1983.

³Azarpay G. Sogdian Painting. Berkeley. Los Angeles, London, 1981.

⁴Рахматуллаев И. Жилой квартал древнего городища Пенджикент. — СА, 1982, № 1, с. 143—154.

⁵Маршак Б. И. Подъемная машина в храме древнего Пенджикента. — Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987, с. 95—103.

⁶Семенов Г. Л. Сюжет из «Махабхараты» в живописи Пенджикента. — Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985.

⁷Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледеца. — Сб.: Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984; Maršak B. et Raspopova V. Une image sogdienne du Dieu-Patriarche de l'agriculture. — Studia Iranica, t. 16, f. 2, 1987, p. 193—199.

Продолжались раскопки на Афрасиабе (древний Самарканд), которые привели к открытию новых раннесредневековых объектов. В тексте книги Б. Г. Гафурова дано краткое описание памятников афрасиабской живописи, сделанное на основе предварительных публикаций. В середине 70-х гг. появилась в свет детальная публикация этих памятников, принадлежащая перу Л. И. Альбаума¹, дающая полное представление об этом замечательном цикле среднеазиатского искусства, что значительно дополнило наши представления о согдийской иконографии и идеологии. Отсылая интересующихся к этой публикации, отметим лишь, что художественный уровень афрасиабской живописи соответствовал столичному статусу Самарканда, а степень ее информативности, особенно учитывая надписи, очень высока.

Для изучения искусства и религиозных представлений согдийцев очень важны вновь обнаруженные оссуарии с изобразительными сюжетами в Самаркандском и Южном Согде. Они публиковались Л. В. Павчинской, Г. А. Пугаченковой и др. Кроме того, опубликованы глубокие исследования этих оссуариев.²

Важный вклад в изучение религии согдийцев сделали также лингвисты. Западногерманский ученый Х. Хумбах провел глубокое исследование сведений письменных источников о некоторых божествах согдийского пантеона³, причем извлеченные им из источников сведения и иконографические данные дополняют друг друга.

Обширный цикл произведений искусства был открыт при возглавляемых Н. Н. Негматовым раскопках в Шахристане на Калаи-Ках-Каха I. Этот цикл относится к VIII — первой пол. IX вв. и является наиболее поздним из числа раннесредневековых памятников. Краткая характеристика шахристанских иконографических материалов была приведена в книге Б. Г. Гафурова. В 70-е гг. реставратору-искусствоведу В. М. Соколовскому удалось воссоздать из осколков живописные композиции Малого зала. В своей (лишь частично опубликованной) диссертации он дал характеристику и исследование живописи раннесредневекового Шахристана⁴. Вместе со статьей Н. Н. Негматова⁵ эти работы дают общее представление о характере живописи Шахристана, отдельные ее сюжеты были исследованы более детально. Также опубликованы статьи о произведениях резного дерева.⁶ Однако серьезного монографического исследования раскопок и искусства Калаи Кахкаха не существует и это резко контрастирует с положением в области изучения искусства Пенджикента.

¹Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

²Pugacenkova G. A. Les ostothèques de Miankal — Mesopotamia, vol. 20. Firenze, 1985; Grenet F. L'art zoroastrien en Sogdiane. Études d'iconographie funéraire. — Mesopotamia, vol. 21. Firenze, 1986.

³Humbach H. Vayu, Šiva und der Spiritus Vivens in ostiranischen Synkretismus. — Acta Iranica, II sār., vol. 4. Leiden, Tāhāran—Liège, 1975.

⁴Соколовский В. М. О живописи «Малого» зала дворцового комплекса городища Калан Кахкаха I (Шахристан, Таджикская ССР). — Сообщения Гос. Эрмитажа, в. XXXIX. Л., 1974; он же. Монументальная живопись средневекового Шахристана. Автореф. канд. дис. М., 1983.

⁵Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (предварительное сообщение). — СА, 1973, № 3.

⁶Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. — Сообщения Гос. Эрмитажа, в. XXXVIII. Л., 1973; Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны. — В кн.: Наука и человечество. 1974. М., 1975; Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М., 1975; Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны. — СА, 1976, № 1; Негматов Н. Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны. — Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977.

В Согде было обнаружено большое количество монет — в одном лишь Пенджикенте свыше 2000 экземпляров. Общая характеристика денежного обращения Согда содержится в работе Е. А. Давидович и Е. В. Зеймалю. В Бухарском Согде циркулировали выпускавшиеся здесь медные монеты. Вместе с тем с конца V или с VI в. выпускались серебряные монеты, чеканенные по образцу драхм Варахана V. Позже они стали снабжаться согдийской легендой. В Самаркандском Согде до VI в. выпускались монеты с изображением лучника. Позже VII—VIII вв. знаменовались значительными переменами в чекане и обращением монет. О. И. Смирнова, выпустившая капитальный сводный каталог бронзовых согдийских монет, назвала этот период денежного обращения «позднесогдийским». Он знаменуется тем, что в 20—30-е гг. VII в. возникает новый тип согдийских местных монет. Он был изготовлен по образцу китайских монет танского времени. Вначале в Согде просто копировали танские монеты, потом на них появляется краткая, а затем и пространная согдийская надпись с титулом и именем царя и его знаками. Наряду с медными, в Бухарском и Самаркандском Согде на базе бухархудатских монет были созданы монеты «гитриф» и «мухаммади», обращавшиеся соответственно в Бухаре и Самарканде в первые века после арабского завоевания.¹

Анализ согдийских монетных легенд, мугских согдийских документов и других источников позволил В. А. Лившицу установить имена правителей древнего Пенджикента. (в согдийской письменности он назывался Панчем). Первым правителем, имя которого засвидетельствовано на монетах, был Гамакийан (или Хумакийан). Он, очевидно, правил в конце VII в., может быть, в 70—80-е годы этого столетия, во всяком случае — до 690 или 694 г. Затем идет правитель с монетной легендой «правитель Панча государь Бильге». Его полное имя, согласно мугским документам — Чекинчур Бильге, сын Бычута. Судя по имени, он был тюркского происхождения. Он правил примерно в 694—708-9 (или 690—704 гг.). Его сменил, по мугским документам, Деваштич, сын Йодхшетака. Однако монет с его именем нет. Согласно предположению В. А. Лившица, этот правитель (ок. 709 или 704 до 722 г.), претендовавший на самаркандский престол, не хотел поэтому выпускать пенджикентские монеты со своим именем, опасаясь, что это будет воспринято как отказ от его притязаний. Поэтому монеты выпускались от имени его старшей жены, которая носила имя Нана. Это подтверждается и монетной стратиграфией в Пенджикенте.

Новый анализ мугских документов позволил В. А. Лившицу выдвинуть предположение, что поездка Фатуфарна, после Деваштича, имела место не в 712—713 гг., а скорее в 718—719 гг. и именно тогда Деваштич претендовал на самаркандский престол. Впрочем, в трактовке этих событий все еще остается много неясного и последнее слово еще не сказано.

Вместе с тем, имеющиеся материалы показывают, что в согдийском городе Панч (Пенджикент) немалую роль играли и тюрки. Иногда представители тюркской знати даже стояли во главе города (правитель Чекинчур Бильге), наряду с согдийцами в Пенджикенте и его округе жили и тюрки, например, управляющий дворцовым хозяйством Ут и т.д.² Это указывает на глубину этнокультурных тюрко-согдийских связей.

¹ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 105—130; Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981; Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство..., ук. соч., с. 73—76.

² Лившиц В. А. Правители Панча (согдийцы и тюрки). — «Народы Азии и Африки», 1979, № 4.

Средняя Азия и таджикский народ в периоды развития и утверждения феодального строя

Над различными проблемами истории таджикского народа в эпоху средневековья работал целый отряд исследователей. Дать общий очерк достигнутого ими по всем направлениям исторического знания и уложиться в отведенный нам объем просто невозможно. Поэтому мы были вынуждены ограничиться в самом сжатом виде и чрезвычайно выборочно, характеристикой лишь двух проблем: 1. Изучение политической и социально-экономической истории; 2. Город и ремесло. К сожалению, пришлось отказаться от обзора новых исследований по археологии, науке, литературе, культурной жизни и дополнительного библиографического указателя.

Политическая и социально-экономическая история

За истекшее время, вопросы, связанные с историей Аравии накануне ислама, возникновением и развитием ислама детально изучались советскими учеными, которые исследовали весь спектр источников. К тому же с 1983 г. успешно функционирует Советско-Йеменская комплексная экспедиция, осуществляющая археологические, этнографические, исторические, историко-географические, лингвистические, архитектурные и антропологические исследования в Южном Йемене. Появились капитальные монографические исследования¹.

Новое освещение получила проблема общественного строя Южной Аравии накануне ислама. Детально и глубоко исследовавшая эту проблему Л. В. Негря пришла к заключению, что «до возникновения государственного образования в Медине развитие родо-племенной организации в Аравии шло по пути создания различных форм межплеменных и межродовых союзов, что таило в себе потенциальную возможность перерождения институтов общинно-родового строя в институты классового общества и вело к становлению государства. С возникновением государственности в Медине дальнейшее развитие родо-племенной организации по этому пути стало невозможно. Заключение новых межплеменных союзов на старой основе запрещалось. «Нет союзов в исламе», — провозгласил Мухаммад. Грабительские набеги как социальное явление, несшее на себе основную нагрузку внешнеэксплуататорской деятельности ислама, запрещенные государством в его пределах, были использованы последним с целью завоевания соседних стран.»² Эту трактовку полностью поддержал П. А. Грязневич.³

Пути становления средневекового общества в Южной Аравии (Йемен) детально изучены М. Б. Пиотровским. В его монографии читатель найдет освещение политической истории, хозяйственной жизни, соотношения кочевников и оседлых, структуры общества, борьбы вероучений и многих специальных вопросов. По заключению М. Б. Пиотровского, Южная Аравия следовала по пути генезиса феодализма «с ясным превалированием античных начал», т.е. с сохранением значительных элементов древнего социально-экономического на-

¹Обзор — см.: Грязневич П. А. Проблемы изучения истории возникновения ислама. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984.

²Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1978, с. 17—18. См. также: Негря Л. В. Из истории классовообразования в раннесредневековой Аравии. — «Народы Азии и Африки», 1975, № 4; она же. Общественные отношения в доисламской Аравии V—VII вв. — В сб.: «История и идеология стран Востока». М., 1978.

³Грязневич П. А. Проблемы изучения.... с. 10—11.

следа. Этот путь становления феодализма Южной Аравии» находился под влиянием процессов, которые происходили в V—VII вв. в кочевом и оазисном обществе Внутренней Аравии, где сказывались новые формы политической и экономической зависимости и идеологии, нашедшее свое дальнейшее развитие в исламе и в общине Мухаммада. В некотором приближении и, разумеется, с оговорками Внутренняя Аравия может быть отнесена к дофеодальной протофеодальной стадии общественного развития или же сопоставима с типом генезиса феодализма непосредственно из родо-племенного строя «варваров».¹

Итак, речь идет о том, что при всей специфичности развития отдельных областей Аравии в ней складывались феодальные отношения.²

Был предпринят (М. Б. Пиотровский) анализ идейно-политической ситуации в Аравии VII в. Он «позволяет говорить о существовании там пророческого движения, частью которого была деятельность Мухаммада. Анализ же составляющих элементов его власти пророка может служить наглядным примером того, как история использует традиционные представления и институты, развивая их и вливая в них новое содержание».³ Занимались проблемой происхождения ислама и другие исследователи, в частности, П. А. Грязневич.⁴ Ислам, сыгравший важную роль в истории и истории культуры таджикского и других народов Средней Азии и Казахстана, за последние два десятилетия освещался во многих трудах советских ученых, которые изучали его с позиций религиоведения и истории культуры, издали много важных источников.⁵ На русский язык были переведены некоторые работы выдающихся зарубежных исламоведов.⁶

Прежде чем проникнуть в Среднюю Азию, арабы разгромили Сасанидскую державу и захватили, в частности, Иран. Процесс завоевания арабами Ирана теперь получил детальное и всестороннее освещение в труде А. И. Колесникова.⁷ Особую ценность книге придает ее обширный III раздел «Арабы и коренное население Ирана». Здесь рассматриваются два типа экспансии ислама на Востоке: «насильственное», т.е. силой оружия, и мирное, подразумевающее заключение мирного договора между победителями и побежденными.

¹Пиотровский М. Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М., 1985, с. 172—173.

²См. об этом Надирадзе Л. И. Проблемы феодальных отношений в халифате VII—IX вв. Автореф. докт. дисс. М., 1975.

³Пиотровский М. Б. Пророческое движение в Аравии VII в. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 25.

⁴Грязневич П. А. Происхождение ислама (Состояние и перспективы исследования). — В кн.: Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. М. — Ташкент, 1980.

⁵Помимо указанных выше, см.: Ан-Наухбахти, ал-Хасан ибн Нуса. Шитские тексты. Пер. с араб., исслед. и комментарии С. М. Прозорова. М., 1973; Ал-Газали. Воскрешение наук о вере. Пер. с араб., исслед. и коммент. В. В. Наумкина. М., 1980; Ислам в истории народов Востока. М., 1981; Арабские страны. История и современность. М., 1981; Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982; Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982; Ислам. Краткий справочник. М., 1983; Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984 и многие др. См. также: Коран. Пер. и комментарии И. Ю. Крачковского. Изд. П. М., 1986.

⁶У. М. Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976; Арабская средневековая культура и литература. Сб. статей зарубежных ученых. М., 1978; Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978; Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1982; Грюнебаум Г. Э. Классический ислам. Очерк истории. М., 1986 и др.

⁷Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982.

Эти два типа имели значение для последующих взаимоотношений мусульманской администрации и населения. При этом большая часть территории Сасанидского Ирана была завоевана «мирным» путем. Договор включал в некоторых случаях требования принять ислам в других случаях (их было большинство) политическое подчинение с уплатой дани или подушного налога. Тогда население сохраняло религию и обычаи предков. Земли сохранялись за прежними владельцами. Массовая исламизация началась много позже. Далее А. И. Колесников рассматривает вопрос об иранских союзниках арабов и первых иранских мусульманах, иранской администрации на завоеванной арабами территории, об основании арабских поселений в Иране и арабской администрации и др. Все эти материалы очень важны и для объяснения ситуации и в Средней Азии, для которой источники более скудны.

После 1972 г. была проведена определенная работа по изучению истории отдельных периодов и династий эпохи развитого средневековья, Средней Азии, изданы статьи и несколько книг.

В Сасанидскую эпоху «наибольшим политическим могуществом обладали владельцы Хорезма, Исфиджаба, Саганиана». В Саганиане правила династия Мухтаджидов. И после падения Саманидов Саганиан оставался под властью своих эмиров.¹ Вот, собственно говоря, все, что было написано В. В. Бартольдом относительно Саганиана в саманидское и постсаманидское время. Исследование письменных и нумизматических источников позволило значительно расширить представление об истории Саганиана в эту эпоху. Выдающийся английский востоковед К. Э. Босворт, изучив многочисленные письменные источники, ряд из которых не был использован В. В. Бартольдом, впервые дал очерк политической истории Саганиана в X—XI вв. История этого владения рассматривается не изолированно, а в тесной связи с другими владениями.² В заключительной части своей работы он излагает содержание «особо важной» статьи Е. А. Давидович, посвященной саганианским монетам XI в. и анализу их значения как исторического источника.³ Новые находки саганианских монет позволили Э. В. Ртвеладзе выявить имена ряда ранее неизвестных саганианских правителей, уточнить даты их правления, установить степень их зависимости от центральной власти.⁴

В высшей степени результативным оказалось изучение Е. А. Давидович саманидских монет Ахсикета — средневековой столицы Ферганы. Уже в конце IX в. Ахмад бен Асад положил начало ферганскому уделу со столицей в Ахсикете, как об этом свидетельствует его монета, выпущенная в 890—91 гг. Удалось установить имена и последовательность правителей Ахсикета в конце IX — первой четверти X в. «Пять первых владельцев Ахсикета были независимыми не только фактически, но и формально, и демонстративно подчеркивали свою самостоятельность тем, что имя главы династии вовсе не упоминали на своих монетах даже в качестве созерена. Лишь шестой владетель, получивший Ахсикет с помощью центральной власти, чеканя монету от свое-

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. 1. М., 1963, с. 293.

² Bosworth C. E. The rulers of Chaghaniyan in early Islamic times. — "Iran", vol. XIX. London, 1981.

³ Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1970.

⁴ Ртвеладзе Э. В. Саганианские медные фельсы мухтаджидов X в. — В кн.: Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980; он же. К истории денежного обращения в Саганиане VIII — начале XIII в. — «Эпиграфика Востока», вып. XXIII. Л., 1985.

го имени, в качестве сюзерена главу династии все же упоминал.»¹ Были исследованы и другие ферганские монеты — вплоть до 70-х гг. X в. Помимо различных вопросов политической истории, они зафиксировали многоступенчатую феодальную иерархию, феодальные пожалования с различным экономическим содержанием и административно-политическими привилегиями.²

Активизировалась работа в области изучения истории Караханидов. В свое время крупнейшие востоковеды не раз высказывали мнение, что караханидские монеты позволяют продвинуть вперед изучение истории Караханидского государства. Большая серия нумизматических публикаций Е. А. Давидович в 50—70-е гг. показали на деле, сколь велики возможности караханидской нумизматики. За последние два десятилетия фонд караханидских монет резко вырос — обнаружены как отдельные монеты, так и целые клады. Значительно продвинулись вперед, стараниями прежде всего Е. А. Давидович³ и Б. Д. Кочнева⁴ исследования в области Караханидской нумизматики. Удалось идентифицировать многие титулы монетных надписей, что позволило продвинуть далеко вперед изучение политической, в первую очередь — династической истории Караханидов, а также членения и политической структуры Караханидского государства и т. д. Нумизматические материалы позволяют поставить также вопросы о взаимоотношениях в первый период караханидского господства караханидских правителей и местной аристократии⁵ и т. д.

Кроме этих исследований можем отметить появление обобщающей работы О. Караева⁶, который сделал попытку объединить все имеющиеся материалы по этнической, политической и социально-экономической истории. Задача эта в нашей науке традиционно считается исключительно трудной. С этим связаны сильные и слабые стороны книги О. Караева.

З. М. Буниятов создал ценный труд по истории государства Хорезмшахов — Ануштегинидов.⁷ В. В. Бартольд в свое время называл эту династию «самой блестящей» из хорезмийских династий. Ее истории великий отечественный востоковед посвятил значительное место в своем основополагающем труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Однако, — пишет в своей книге З. М. Буниятов, — со времени издания труда В. В. Бартольда (1900 г.) прошло более восьми десятилетий, за это время стали доступны сочинения арабских и персидских авторов, документальных источников, изданные или обнаруженные в

¹ Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX—X вв. из Самарканда). — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с.122.

² Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972.

³ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977; она же. О монетах дихканов Илака конца X — начала XI в. — В кн.: Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978 и др.

⁴ Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 1—7. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20. Ташкент, 1978, 1979, 1981, 1982, 1983, 1984, 1986; он же. Новые нумизматические данные по истории Караханидов конца X — начала XIII вв. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983 и др.

⁵ Давидович Е. А. О монетах дихканов Илака...

⁶ Караев О. История Караханидского каганата (X — начало XIII в.). Фрунзе, 1983.

⁷ Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов — Ануштегинидов 1097 — 1231. М., 1986.

рукописях после выхода в свет труда В. В. Бартольда. До написания своей книги З. М. Бунятов провел большую источниковедческую работу, осуществил комментированное издание переводов двух письменных источников. Таким образом, источниковедческая база очень основательная.

Книга З. М. Бунятова включает детальное рассмотрение проблем возникновения, развития и гибели государства Хорезмшахов — Ануштегинидов. Значительная часть сведений, сообщаемых автором, ранее не была известна. Большую ценность представляют главы, посвященные военной организации, структуре государственного аппарата, городам и селениям, монетному чекану и денежному обращению, культурной жизни и судьбе хорезмийцев, покинувших родину. Уже этот перечень показывает богатство содержания книги. Приведенные в ней данные позволяют представить весьма конкретную картину важнейших сторон жизни в государстве Ануштегинидов. Это очень важно для выявления специфических черт государства Хорезмшахов. Следует подчеркнуть, что в книге приведены материалы, связанные не только с Хорезмом, но и с многими другими областями Средней Азии.

Ряд проблем истории XIII в. (после монгольского нашествия) исследован монографически. Так, Е. А. Давидович посвятила книгу денежному хозяйству Средней Азии после монгольского завоевания в XIII в.¹ Содержание книги значительно шире. Наряду с публикацией и исследованием собственно нумизматического материала в книге содержится (на основе письменных и археологических источников) анализ социально-экономического развития Средней Азии. Он приводит Е. А. Давидович к совершенно новым выводам и заключениям. Обычно время после монгольского завоевания до конца XIII в. в исторических трудах рисовалось черной краской или же создавались надуманные концепции (например, Б. Шпулера). На самом деле, согласно Е. А. Давидович, социально-экономическая жизнь пережила три этапа. Рубежом первого и второго этапов был курултай 1251 г.; третий этап связан с денежной реформой купца — правителя Масуд-бека 1271—72 гг. И если второй этап был временем оживления городской жизни и денежной торговли в некоторых районах Средней Азии, то на третьем этапе созрели условия и объективные предпосылки для серьезного развития городской жизни и внутренней денежной торговли во многих районах Средней Азии. В книге Б. Г. Гафурова (стр. 459—461) все это излагается на основании и со ссылкой на изданную в 1970 г. статью Е. А. Давидович, поэтому очень кратко и обобщенно. Книга Е. А. Давидович позволяет значительно углубить и конкретизировать это изложение. Этому спо-

собствует также публикация текста и перевода бухарского вакфа 1299 г., т.е. относящегося к самому концу XIII столетия. Публикация документа предваряется содержательным «Введением», в котором, на основании письменных источников, дается анализ положения Бухары и ее округа в 1220—1299 гг. Авторы «Введения» (А. К. Арендс, А. Б. Халидов, О. Д. Чехович), проанализировав эти источники, в том числе — текст вакфной грамоты, солидаризируются с общим заключением Е. А. Давидович.²

История XIV—XV вв. посвящено немало исследований и публикаций. Часть из них посвящена социально-экономической проблематике. История денежного обращения XV — первой четверти XVI в. освещена в капитальной монографии Е. А. Давидович.³ Первая часть работы — источниковедческое исследование, где анализируются надписи монет и надчеканов. Здесь выявляются денежные единицы — согласно монетным надписям, устанавливаются термины, обозначающие те или иные монетные единицы, и выясняется их реальное содержание.

¹ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII в.). М., 1972.

² Бухарский вакф XIII в. Издание текста, пер. с арабского и персидского, введения и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Халидова, О. Д. Чехович. М., 1979.

³ Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV — первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М., 1983.

Во второй части изучаются важнейшие проблемы денежного обращения. Много внимания уделено проблемам монетной политики и формам эксплуатации монетной регалии. Здесь рассматривается политика в отношении веса монет, масштаба цен и форм эксплуатации монетной регалии. Выявлено несколько кризисов денежного обращения, четыре денежные реформы и т.д. Наряду с денежными реформами общегосударственного (например, Улугбека, Мухаммада Шейбани-хана и др.) значения, в книге исследуются и реформы «локального» характера в частности проведенная правителем Гиссарского владения Хосроу-шахом в 1500—1502 гг. Из письменных источников извлечены сведения о размерах вознаграждения различных категорий в средне- и низкооплачиваемых людей. Очень глубоко разработан вопрос о периодизации и локальных вариантах чека и обращения монет. Автор выделяет восемь этапов чека и обращения медных монет. Проводится сопоставление Центрального Мавераннахра с одним из «провинциальных» центров — Гиссаром. При этом выяснилось, что регион Гиссара за XV в. догнал центральную часть Мавераннахра по уровню развития производства товаров широкого потребления, по розничной торговле и степени вовлечения сельского населения в товарно-денежные отношения. Заключает книгу раздел, содержащий постановку вопроса об относительном — за эпоху феодализма — места периода XV — нач. XVI в. с точки зрения развития товарного производства. Как установила Е. А. Давидович, это время было «пиком» интенсивного развития товарного производства и вовлечение городского и части сельского населения в товарно-денежные отношения — ни раньше, ни позже такого не было.

Трудно переоценить общенсторическое и методологическое значение итога исследования: «Нам представляется, что историки должны обратить пристальное внимание на тот отрезок времени, который, по нумизматическим данным, выглядит таким «особенным». Ведь это явление не могло быть изолированным, это, безусловно, лишь одно из звеньев в цепи фактов. Но это звено важно уже по одному тому, что оно требует искать остальные. Нумизматика показывает, что к рубежу XV—XVI вв. вызрели какие-то особые условия; очевидно, в области товарного производства создавались некоторые объективные предпосылки для зарождения капитализма, которые, однако, не получили дальнейшего развития.»¹

Наряду с проблемами социально-экономической истории, историки занимались исследованием роли отдельных выдающихся личностей XV в., сыгравших важную роль в историческом процессе. Внимание специалистов привлек в частности Ходжи-Ахрар (1404—1490 гг.) — крупнейший духовный феодал второй половины XV в., активно участвовавший в политической жизни своей эпохи. В советской исторической литературе он чаще всего рассматривался как реакционный деятель и даже — обскурант, как сказано в книге Б. Г. Гафурова Ходжи Ахрар являлся «...одной из наиболее мрачных фигур в истории народов Средней Азии».

В дальнейшем по этому вопросу разгорелась дискуссия между двумя видными специалистами. О. Д. Чехович, публикуя документы, связанные с деятельностью Ходжи Ахрара, дала его характеристику, используя впервые многие ранее неиспользованные письменные источники. При этом она пришла к выводу, что «...выдавая себя за защитника угнетенных, Ходжа Ахрар в действительности был прямым пособником эксплуататоров: он помогал им в тех случаях, когда народ не подчинялся грубой силе и требовалось более тонкое, духовное орудие угнетения»².

¹ Давидович Е. А. История денежного обращения..., с. 323. Для эпохи Улугбека см. также: Давидович Е. А. Свидетельство Даулатшаха о размерах земельной ренты при Улугбеке. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971., М., 1974.

² Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974. См. также: Чехович О. Д. О социальной роли и политической деятельности Ходжи Ахрара. — В кн.: Бартольдские чтения. 1982. Год шестой. Тезисы. М., 1982.

А. Н. Болдырев в блестящем исследовании¹ привел много фактов, которые, напротив, свидетельствуют в пользу положительной роли Ходжи Ахрара и указал на необъективность и непоследовательность, проявленные прежними исследователями. Он подчеркнул, в частности, то, что Ходжи Ахрар активно боролся «... с идущей от монгольского завоевания традицией хищнического ограбления народа, узаконенного произвола насильников...», т.е. с «чингисхановщиной». И далее он пишет: «...установившаяся в нашей науке отрицательная характеристика Ходжи Ахрара вынесена без достаточным учета всей совокупности известных первоисточников (житий, писем, собственных сочинений Ходжи-Ахрар), в отрыве от исторической обстановки, без попытки воссоздать и оценить его идейно-этическую концепцию, т.е. без должного историко-филологического и методологического обоснования».

Конечно, вопрос никак нельзя считать решенным — здесь требуются углубленные монографические исследования, учет всех сторон исторического исследования.

Основательным является труд Б. А. Ахмедова, посвященный Балхскому ханству XVI — первой половине XVIII вв.² «В работе предпринята попытка не только воссоздать политическую историю Балхского ханства, занимавшего огромную территорию, простирающуюся с севера на юг между областью Хисар и горами Гиндукуш и с запада на восток между реками (надо — рекой. — Б.Л.) Мургабом и Бадахшаном, но и раскрыть его социально-экономическое положение, политические и торговые связи с Индией, Ираном и Россией и выявить место этого удельного владения в судьбах Бухарского ханства, от которого оно находилось в номинальной зависимости. На основе письменных источников рассматривается политико-экономическое положение подвластных Балху городов, характеризуются занятия населения как городского, так и сельского, определяется примерная топография Балха — главного города владения.»³

В позднее средневековье территории к югу от Гиссарского хребта на протяжении длительного времени (хотя и не постоянно) входили в Балхское владение. В книге Б. А. Ахмедова в главе о территории и главных городах Балхского ханства приведены многочисленные данные из позднесредневековых письменных источников о ряде городов и областей Южного Таджикистана (Куляб, Гиссар и др.)

Социально-экономическим проблемам XVI в. и последующего времени посвящены несколько работ, в частности, книги Р. Г. Мукминовой, связанные с историей ремесла и социальной структурой города (о них см. ниже, в следующей главе.). Проблемы феодального землепользования явились объектом исследования Б. А. Ахмедова, Е. А. Давидович, А. Еганн, Р. Г. Мукминовой, О. Д. Чехович⁴.

Понимание отдельных проблем, связанных с наиболее сложным периодом истории Средней Азии, средневековья, временем формирования важнейших экономических, идеологических институтов, наконец, государств и народов, в значительной степени сдерживается отсутствием или фрагментарностью данных письменных источников нарративного характера. Трудно переоценить в этой связи значение данных эпиграфики. Принципиальная возможность получения конкретных результатов по вопросам культурно-исторического круга при анализе эпиграфических памятников была доказана еще В. В. Бартольдом.

¹ Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа-Ахраре.— В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

² Ахмедов Б. А. История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент. 1982.

³ Ахмедов Б. А. Ук. соч., с. 3.

⁴ См. сборник: Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.

Он подчеркивал, что основные проблемы истории Мавераннахра могут быть полно воссозданы только при комплексном исследовании письменных источников, нумизматического, археологического и эпиграфического материала.

Представляется, что результаты эпиграфических исследований ученых Таджикистана — А. М. Мухтарова и Л. Н. Додхудоевой позволили в определенной мере дополнить наши представления по истории и истории культуры таджикского народа в период с XI по XIX вв. Так, изучение эпиграфических памятников Кухистана XI—XIX вв., проведенное А. М. Мухтаровым, способствовало пониманию эволюции такого важного института, как дехканство, лучшему уяснению административных функций казиев. Важным моментом исследования явилось выявление целого ряда ранее не известных каллиграфов-резчиков XIV—XVI вв. Стихотворные элгии на таджикском языке, выбитые на надмогильных камнях, явились образцами народной поэзии, процветавшей в этом горном крае.

Украшением кухистанской коллекции является надпись — автограф Бабура, выбитая рукой прославленного правителя.

Самаркандская коллекция надмогильных камней — кайраков XI—XIV вв., одна из крупнейших в Средней Азии, стала предметом специального исследования Л. Н. Додхудоевой. Собранные в работе уникальные памятники эпиграфики углубили представления об истории Самарканда, особенно накануне нашествия Чингизидов; они свидетельствуют о сильно влиянии духовенства на все стороны жизни феодального общества, о борьбе религиозных деятелей за суннизм и чистоту ислама, против рационализма философии и сектантства, о тесных культурных и экономических связях Самарканда с другими городами мусульманского мира; подтверждает высокий уровень развития ремесла и торговли, указывает на существование династий чиновников, осуществлявшие городское управление; свидетельствует о достаточно высоком общем уровне грамотности населения, об использовании арабского языка только как языка культа и о преобладании родного, таджикского.

Город и ремесло

Выше мы уже обращались к рассмотрению первой части книги «Средневековый город Средней Азии»¹. Этот труд вышел в свет уже после появления книги Б. Г. Гафурова. Автор второй части книги, носящей название «Город в конце VIII — начале XIII в.», О. Г. Большаков, один из крупнейших историков-медиевистов, впервые в отечественном востоковедении создал обобщающий труд по средневековому среднеазиатскому городу. Этот труд сочетает в себе обобщение результатов предыдущих исследований истории отдельных городов с глубоким исследованием всей совокупности письменных и археологических источников.

«От мельчайших и частных вопросов до крупных проблем работа О. Г. Большакова — творческая, это анализ источников, это критическое осмысление и пересмотр литературы, это разработка совершенно новых вопросов истории средневекового города Средней Азии VIII—XII вв. (таких, которыми до О. Г. Большакова никто не занимался), но это и новые решения старых вопросов и проблем, за которыми большая и разноликая литература; это критический отбор одной из точек зрения, но иногда отказ от всех»².

В первой главе труда О. Г. Большакова очерчен круг проблем и охарактеризованы источники. Автор подробно останавливается на всех письменных источниках, оценивая важность каждого для темы исследования. Далее он пишет: «Единственный поставщик новых сведений — археология. И удельный вес ее данных о городе возрастает с каждым годом». «Важнейшим достижением последних десятилетий

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

² Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии». — В кн.: Древность и средневековье народов Средней Азии. М., 1978, с. 103.

явилось превращение археологического материала из иллюстративного придатка в самостоятельный источник объективных, зримых сведений о средневековом городе». Он вместе с тем указывает на особенности археологического источника. «Он безусловно более объективен, чем письменные источники, совершенно свободен от классово-религиозной и иной тенденциозности, которая так искажает картину прошлого, фиксируемую пером древних авторов, но он больше говорит сам о себе, чем об отношениях людей в обществе, его оставившем. Так, прогресс в общественных отношениях не всегда и не сразу отражается в прогрессе производства, внутригородская организация настолько слабо отражается в планировке, что это отражение может быть не обнаружено. [Синхронизация известных исторических событий с изменениями, обнаруживаемые на городище, не всегда надежна в силу неточности археологических методов датировки]. К этому добавляются сложности, возникающие на почве несовершенства методики раскопок, интерпретации их результатов и характера публикаций».

Во второй главе анализируются последствия арабского завоевания. В этой главе автор останавливается также и на характеристике города предшествующего арабскому завоеванию периода. Он приходит к справедливому на наш взгляд заключению, что «наибольшие изменения в связи с арабским завоеванием происходили в городах. В них стояли большие гарнизоны, селились арабские переселенцы. В них в первую очередь начиналась исламизация и арабизация, устанавливались новые формы взаимоотношения и быта». После завершения арабского завоевания «изменилось и положение города. Из резиденции феодала он превратился в административный центр, резиденцию властей, представляющих государство. Включение Средней Азии в состав обширной империи способствовало расширению торговых и культурных связей, которые продолжали развиваться и после ее распада, и быстрому росту городов. К началу IX в. сложился тот тип города, который без принципиальных изменений просуществовал все средневековье».

Третья глава посвящена теме «количество городов». Рассмотрение ведется по историко-культурным регионам: Южная Туркмения, Хорезм и т. д. Фактическое содержание этой главы значительно шире, чем следует из ее названия. Для каждой исторической области, входящей в тот или иной регион, приводятся данные о городах, известных по письменным источникам, сведения об их локализации, размеры соответствующих городищ и т. д. Большинство этих данных сведено в таблицы. Для крупных городских центров анализируются данные о некоторых элементах их исторической топографии. Кроме того, ставится и вопрос о динамике городской жизни в тех или иных областях. Первые после В. В. Бартольда заново была рассмотрена и сопоставлена вся совокупность письменных и исторических источников. Выводы О. Г. Большакова позволяют внести серьезные коррективы в существовавшие представления. Это касается и городов, расположенных на территории Таджикистана. Так, например, он вскрыл слабые пункты в предложенной Н. Н. Негматовым локализации столицы Уструшаны города Бунджиката на месте современного Шахристана и высказал мнение, что сохранившиеся средневековые описания этого города скорее подходят к Ура-Тюбе. Последующие археологические исследования позволили уточнить или детализировать многие конкретные вопросы, составляющие содержание этой главы (см. ниже).

В своих заключениях О. Г. Большаков опирался на содержащиеся в средневековых географических сочинениях описания 250—270 городов. Общее его заключение сводится к тому, что в IX в. в Средней Азии происходит взрыв градообразования, причем города превращаются в крупные ремесленно-торговые центры. Очень важными были IX—X вв. В XI—XII вв. рост городов продолжался, но не столь интенсивно. К концу этого периода «...города достигают наибольшей величины, которая была превзойдена только в XIX в.»

Четвертая глава озаглавлена «Территориальное развитие города». Она содержит анализ истории и, особенно, исторической топографии таких крупнейших городов, как Мерв, Бухара, Самарканд. При этом автор останавливается лишь на тех вопросах, которые позволяют «...проследить рост городской территории и

выявить размещение торгово-ремесленных и административных районов города»

Пятая глава «Численность населения» содержит попытку определения численности населения многих крупных городов. По его мнению, к началу VIII в. в крупнейших городах число жителей достигало 10—60 тыс. человек, в средних городах — 5—10 тыс. человек. В XI—XII вв. в Мерве могло проживать ок. 150 тыс. человек, в Бухаре — 40—50 тыс. чел., в Самарканде — 75—85 тыс. чел. (в Самарканде с окрестностями — 100—110 тыс. чел.), в Термезе — 20—25 тыс. чел., в Бинкете — 22—25 тыс. чел.

Глава VI рассматривает проблемы, связанные с ремеслом, торговлей, бытом. Здесь дана широкая картина определенных сторон городской производственной деятельности (текстильное ремесло, гончарное производство, стеклоделние, обработка металлов). Впервые были собраны сведения о строительных профессиях, о переработке продуктов земледелия и животноводства. В городах, как показывает О. Г. Большаков, много людей были связаны с обеспечением внутригородских потребностей: мельники, пекари, торговцы хлебом и съестными продуктами, в том числе харисой (род плова из дробленой пшеницы и мяса), мясники, портные, шапочники, сапожники и др.

Торговля, как показывает О. Г. Большаков, включала обмен между городом и сельской округой, торговлю с кочевниками, внутригородскую, межобластную и международную, в том числе транзитную торговлю. Ассортимент товаров был необычайно широк. Специфический товар — это рабы, особенно славился обучением и продажей невольников Самарканд. Как явствует из сообщений средневекового автора, невольники являлись таким же специфическим товаром Самарканд, как бумага. В городах были базары, различные постройки, связанные с торговлей. Центрами торговли были торговые хорсу, помещавшиеся на перекрестке главных улиц.

Торговые ряды часто были крытыми. Большую роль сыграли саррафы — менялы. О. Г. Большаков считает, что хотя прямых сведений о цеховом устройстве ремесла нет, все же можно допустить ее зарождение в это время.

В соответствующих разделах рассматривается вопрос о ценах и жизненном уровне, благоустройстве городов и др. С VIII в. в городах появляются первые бани, они широко распространяются в IX в., например, в Самарканде. В крупных городах имелись госпитали.

Социально-экономические отношения в городе обстоятельно рассмотрены О. Г. Большаковым в заключительной, седьмой, главе. Здесь, в частности, исследуется вопрос о городском самоуправлении в средневековой Средней Азии. Он рассматривает статус и функции городских райсов, их взаимоотношения с центральной властью, это же касается кадиев. Он приходит к мысли об отсутствии автономного городского бюджета и муниципальных органов. Некоторые муниципальные функции городского самоуправления выполняли квартальные объединения горожан и объединения ремесленников и торговцев.

Жесточайшая эксплуатация вызвала восстания горожан. О. Г. Большаков приводит в своем труде материалы, характеризующие городские восстания.

Общее его заключение сводится к следующему: «Город IX—XII вв. в Средней Азии господствует над сельскохозяйственной округой как политически, являясь ее административным центром, так и экономически, поскольку значительная часть крупных землевладельцев живет в городах, занимаясь одновременно и торговой деятельностью. Рост ремесленного производства и торговли не только приводит к концентрации больших средств в руках городской верхушки, но и создает отсутствовавший прежде многочисленный слой ремесленников и наемных рабочих».

Мы привели подробный обзор труда О. Г. Большакова, ибо он значительно дополняет, а иногда и изменяет существовавшие ранее представления о среднеазиатском средневековом городе IX—XII вв. Конечно, не все общие и конкретные положения О. Г. Большакова бесспорны, некоторые требуют дополнительного обоснования, другие спорны или дискуссионны. Это было показано в специальной

работе Е. А. Давидович, которая, отметив слабые места в аргументации О. Г. Большакова, предложила свои трактовки, продвинув вперед исследование истории средневекового города Средней Азии¹.

Вслед за трудом О. Г. Большакова, охватывающим территорию всей Средней Азии и Южного Казахстана², появились сводные (или обобщающие) груды по отдельным историко-культурным областям. Таковы работы Ю. Ф. Бурякова, посвященные генезису и этапам развития городской культуры Ташкентского оазиса³, и К. М. Байпакова — средневековым городам Южного Казахстана и Семиречья⁴. Обе содержат обильный материал по истории отдельных городов, археологических комплексов, исследуют специфические черты урбанизации соответствующих регионов и т. д. Кроме того, ставятся и некоторые общие вопросы.

Исследованы монографически и отдельные стороны городской жизни IX—XII вв., в частности, городское благоустройство⁵.

Одна из сторон более поздней эпохи в истории городской жизни исследована в книге Р. Г. Мукминовой⁶, которая осветила вопросы социального состава городов Узбекистана в XV—XVI вв. Она использовала разнообразие письменные источники (нарративные, акты и др.).

«Хотя мы не располагаем цифровыми данными, — пишет Р. Г. Мукминова, — можно предположить, что в количественном отношении мелкие производители составляли в крупных ремесленных центрах, какими были Самарканд и Бухара, большую часть трудового заселения». Среди ремесленников-устодов («мастеров») были богатейшие люди вроде Тангри Берди, имущество которого включало два дома, мельниц, рабов, лошадь, большие запасы сырья; полуфабрикатов, готовых изделий, дорогие предметы, большую сумму наличных денег. Он был крупный делец, организатор производства и торговец. Среди его должников был даже шейх ул-ислам. Вместе с тем, положение рядовых ремесленников было очень тяжелым, они находились в долговой кабале. Согласно одному документу, ремесленник, не подчинившийся скупщику, чьим должником он являлся, обязан был развестись со своей женой — не менее и не более!

В еще более зависимом положении находились наемные работники и ученики. Еще ниже на социальной (и имущественной) лестнице стояла городская беднота и деклассированные элементы. В самом ее основании находились рабы. Сравнительно немногочисленный класс феодалов также состоял из нескольких прослоек, в частности, включал духовных феодалов. Автор приходит к заключению, что в XVI в. «... заметно усилилось имущественное и социальное расслоение городского населения».

Внутренний строй Ташкентского владения XVIII в. был исследован О. Д. Чехович⁷. Изучение источников привело ее к неожиданным выводам. «Внутреннее

¹ Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии». — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии (история и культура). М., 1978; продолжение — в кн.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

² См. также сборник: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

³ Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

⁴ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986.

⁵ Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.

⁶ Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV — XVI в. Ташкент, 1985.

⁷ Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. — В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

самоуправление в четырех частях города, а также в подвластных Ташкенту селам и городках, объединявшее все торгово-ремесленное и земледельческое население обширной области, носило черты своеобразного феодально-республиканского строя. Поскольку во главе ташкентского самоуправления стояли крупные торговцы и землевладельцы, принадлежавшие к аристократическому сословию хождей, мы вправе назвать эту феодальную республику аристократической... Важную роль играли, вероятно, цеховые организации ремесленников...».

Детальное исследование исторической топографии позднесредневекового Балха осуществил в специальной книге А. М. Мухтаров¹. Он в 1972 и 1974 гг. изучал Балх на месте и тщательно исследовал многочисленные письменные источники. В книге дается описание и характеристика различных элементов города: стены, ворота, городские кварталы и т. д. Специальное внимание уделено городским сооружениям (мечети, медресе и др.). Книга завершается разделом о системе орошения. Книга А. М. Мухтарова содержит наиболее подробные, строго выверенные сведения об одном из крупнейших городов, его исторической топографии.

Велось интенсивное археологическое изучение ряда городских центров, в том числе крупных. Перечисление, а тем более характеристика этих раскопок не могут быть здесь приведены. Отметим лишь появление монографических публикаций по истории и исторической топографии Отрара², Ташкента и Ташкентского оазиса³, Кувы⁴, Самарканда⁵, Бухары⁶, Согда⁷, Мерва⁸, Дахистана⁹ и др.

Большие археологические исследования проводились в средневековых городах Таджикистана. Здесь прежде всего следует отметить продолжение Э. Гулямовой начатых еще в 1953 г. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским раскопок Хульбука (городище Курбан-Шанд в Восейском районе). С 1958 г. эти работы Э. Гулямова проводит много сезонов. Город был очень велик — лишь центральная часть его занимала около 70 га. Основные раскопки были сосредоточены на цитадели (50×150 м). Как показали раскопки, на цитадели был расположен обширный дворец. После сильного пожара в XI в. часть дворца была радикально перестроена. Дворец на последнем этапе состоял из двух частей. Более высокая, южная часть пересекалась двумя крестовидно пересекающимися коридорами. В углах было множество помещений, в том числе парадных и культовых. Центральную часть вымощенного жженым кирпичом двора занимал водоем. Он был окружен парадными, жилыми и хозяйственными помещениями. По обращению к водоему периметру помещений шел колонный айван. Стены построек кулбукского дворца делались из пахсы, сырцового кирпича и жженных кирпичей.

¹ Мухтаров А. Позднесредневековый Балх. (Материалы к исторической топографии города в XVI—XVIII вв.). Душанбе, 1980.

² Акишев А. К., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, они же. Отрар в XIII—XV веках. Алма-Ата, 1987.

³ Древний Ташкент. Ташкент, 1973; Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975; Древности Ташкента. Ташкент, 1976; Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979; Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983 и др.

⁴ Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. Для Ферганы важна еще монография: Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.

⁵ Афраснаб, вып. II—IV. Ташкент, 1973—1975. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.

⁶ История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.

⁷ Лукина С. Б. Города Древнего Согда в VIII—XII вв. Ташкент, 1984.

⁸ Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. XV—XVI. Ашхабад, 1974, 1978 и др.

⁹ Атагарриев Е. Средневековый Дахистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л., 1986.

Помещения комплекса были богато украшены: полы были «паркетными» (из обожженных плиток), стены покрыты штукатурными панно со сложными геометрическими, растительными, зооморфными и эпиграфическими мотивами. Они встречаются изолированно или же в сложных сочетаниях. Штукатурные панно часто расцвечивались, что придавало им особую эффектность. О количестве таких панно может дать представление тот факт, что найдено свыше пяти тысяч фрагментов и целых экземпляров. Сенсационным было открытие сюжетной живописи. Среди изображений — сцены с гвардейцами, музыкантами и т. д. Раньше живопись была обнаружена в газневидских памятниках Афганистана; синхронная живопись имеет специфику. Бесспорно, что хульбукская живопись продолжает иконографические традиции тохаристанской (шире — центральноазиатской) живописи раннего средневековья. Предстоит еще детально исследовать эту проблему. Но и сейчас представляется бесспорным, что хульбукская живопись — важный дополнительный аргумент о теснейшей органической связи «мусульманской» и «домусульманской» культуры Средней Азии.

В Кулябском же регионе, в 18 км к юго-западу от пос. Московский Э. Гулямова провела многолетние раскопки на городище Сайед. Это огромное городище (1,5×0,8 г.) находится вблизи р. Пяндж. Раскопки открыли в Шахристане богатый аристократический дом дворцового типа (50×50 м). Планировка его следующей: вокруг центрального двора расположены по периметру помещения. Многие из них были украшены не менее, а иногда более богато, чем в Хульбуке. Особенно богато украшено помещение мечети. В комплексе имела баня. В целом, комплекс штукатурной декорации из Сайеда, остатки найденной здесь настенной живописи значительно дополняет находки из Хульбука. На городище имелись другие сооружения, аналогичные по планировке, но более скромные.

Средневековые сооружения Хульбука и Сайеда, а также некоторых других раскопанных в Кулябской области средневековых памятников дают представление о рядовой городской застройке, жилищах в зажиточных и аристократических домах, о дворцах, о других типах городских сооружений и о городском благоустройстве. Трудно переоценить значение открытых здесь замечательных памятников архитектуры и искусства. Воистину, это среднеазиатская Самарра. К сожалению, все это богатство опубликовано лишь в виде кратких заметок и предварительных отчетов. Публикация и исследования этих материалов — впереди!

Обширные археологические раскопки на средневековых памятниках городского типа (или памятниках со средневековыми слоями) провела в районах Шахристана — Ура-Тюбе, Ленинабада (Ходжента) и др. Северо-Таджикстанская экспедиция под рук. Н. Н. Негматова. Так, в Ходженте было заложено в цитадели и шахристане много десятков шурфов и небольших раскопов. Они дали важный материал для суждения о стратиграфии отдельных участков города, об-

¹ Первая публикация: Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хутталского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. — Доклады АН ТаджССР, № 11. Сталинабад, 1954. Публикации Э. Гулямовой: Отчет о работах Пархарского отряда в 1972 г. — АРТ, в. XII (1972 г.). Душанбе, 1976; она же. Раскопки на городище Сайед в 1973 г. — АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977; она же. Резной штурк Хульбука. — Материальная культура Таджикистана, вып. 3. Душанбе, 1978; она же. Раскопки на городище Сайед в 1974 г. — АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979; она же. Раскопки на городище Сайед в 1975 г. — АРТ, в. XV (1975 г.). Душанбе, 1980; она же. Раскопки на городище Сайед в 1976 г. — АРТ, в. XVI (1976 г.). Душанбе, 1982; она же. Раскопки средневековых городищ Хульбук и Сайед (1978 г.). — АРТ, в. XVIII (1978 г.). Душанбе, 1984; она же. Раскопки на городище Сайед в 1977 году. — АРТ, в. XVII (1977 г.). Душанбе, 1983; она же. О работах Хульбукского и Московского отрядов в 1979 г. — АРТ, в. XIX (1979 г.). Душанбе, 1986; она же. Изображение львов в декоре и архитектуре Хутталя. — Материальная культура Таджикистана, вып. 4. Душанбе, 1987. См. также: Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Душанбе, 1980; Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

наружены предметы материальной культуры и т. д. Краткие отчетные данные об этих раскопках или их общие характеристики в обобщающих работах опубликованы¹, но ни одной обобщающей монографии пока нет.

Многое сделано в области изучения истории горного дела и металлургии Средней Азии в эпоху средневековья. Исследовано много средневековых рудников, более детально и глубоко проанализирована история горного дела. Упомянем две монографии. Ю. Ф. Буряков в своей монографии² освещает вопросы истории горного дела и металлургии в средневековом Илаке. Книга состоит из двух частей. Первая содержит подробное описание и характеристику рудников и плавильных пунктов Чаткало-Кураминского района, в том числе находящихся на территории Северного Таджикистана рудников юго-западного Карамазара, для которых автор приводит, наряду с ранее известными, и новые, собранные им лично, данные. Вторая часть книги содержит характеристику этапов развития горного промысла в регионе. Здесь ставится вопрос об общих объемах добычи, о преобладающем значении добычи именно серебро-свинцовых руд, об археологических следах добычи руд, относящихся ко II тыс. до н. э. и т. д. Затем приводятся характеристики отдельных этапов (VIII в., IX—X вв.; XI—нач. XIII вв., XIII—XVI вв.).

М. А. Бубнова посвятила свою монографию³ добыче полезных ископаемых в Средней Азии эпохи позднего средневековья и нового времени. Вопросы эти и раньше обсуждались в литературе (особенно П. П. Ивановым), но М. А. Бубнова сделала это несравненно подробнее и основательнее. Она обследовала фонды московских, ленинградских, ташкентских, фрунзенских и оренбургских архивов, в том числе геологических. Исчерпывающе использованы печатные материалы (донесения послов, отчеты путешественников, геологические труды и т. д.). Работа содержит сведения о добыче полезных ископаемых, они сгруппированы по государственным образованиям (Бухарское ханство и т. д.). Они дополняются сведениями о среднеазиатской торговле полезными ископаемыми, об организации и технике горного дела и металлургии в эту эпоху.

¹Число предварительных публикаций велико. Упомянем лишь следующие: Негматов Н. Н. Работы Северо-Таджикстанского археологического отряда в 1972 г.—АРТ (1972) г.). Душанбе, 1976; он же. Работы Северо-Таджикстанского археологического отряда в 1973 г.—АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977; он же. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века.—Материальная культура Таджикистана, вып. 3. Душанбе, 1978; он же. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г.—АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979; он же. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.—АРТ, вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1980; Билалов А. И., Беляева Т. В. Исследование цитадели Ходжента в 1975 г.—АРТ, вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1980; Негматов Н. Н. О работах СТАКЭ в 1976 г.—АРТ, в XVI (1976 г.). Душанбе, 1982; Беляева Т. В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г.—АРТ, в XVI (1976 г.). Душанбе, 1982; Негматов Н. Н. О работах СТАКЭ в 1977 году.—АРТ, вып. XVII (1977 г.). Душанбе, 1983; Беляева Т. В. Исследования Ходжентского отряда в 1977 г.—АРТ, вып. XVII (1977 г.). Душанбе, 1983; Негматов Н. Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1978 г.—АРТ, в XVIII (1978 г.). Душанбе, 1984; Беляева Т. В. Некоторые итоги работ Ходжентского отряда в 1978 г.—АРТ, в XVIII в. Душанбе, 1984; Негматов Н. Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1979 г.—АРТ, в XIX (1979 г.). Душанбе, 1986; Беляева Т. В. Раскопки на Ходжентском арке в 1979 г.—АРТ, в XIX (1979 г.). Душанбе, 1986; Негматов Н. Ходжент. Основные этапы истории.—В кн.: Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе, 1986 и др.

² Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака V — начала XIII в. М., 1974.

³ Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975.

На территории Таджикистана раскопано поселение рудокопов Базар-Дара на Восточном Памире (Мургабский район) на высоте 3900 м. Здесь имеется обнесенный стеной караван-сарай (площадь — 400 м²) и собственно поселка (площадь около 1 га). Поселок состоял из 80—85 домов, из этого числа раскопано 6 домов. Проведенные здесь в труднейших условиях М. А. Бубновой раскопки привели к открытию богатейшего комплекса материальной культуры XI в. Здесь производилась добыча серебро-свинцовых руд:

Собственно городскому ремеслу посвящена книга Р. Г. Мукминовой². Это тщательно выполненное монографическое исследование состояния ремесла и положения ремесленников в Самарканде и Бухаре XVI в. Оно целиком основано на письменных источниках: актовых, исторических и литературных источниках, рисала и др. После краткого обзора состояния Самарканда и Бухары в XVI в., Р. Г. Мукминова переходит к характеристике отдельных ремесел. В ее труде содержатся данные о ткацком деле, красильном деле, производстве бумаги, металлообработке, изготовлении одежды, гончарстве, каменотесном и строительном деле, деревообделочном производстве и т. д. При анализе использованы археологические и этнографические материалы. В специальных главах рассматриваются такие вопросы, как социально-экономическое положение ремесленников, ремесленных мастерских и сбыт их продукции, подати с ремесла и торговли, социальные противоречия. Книга Р. Г. Мукминовой, содержащая обильный материал, бесспорно явилась важным вкладом в изучение средневекового среднеазиатского ремесла.

Археологический материал по среднеазиатскому средневековому ремеслу, полученный при раскопках, буквально огромен. Издана и исследована лишь небольшая часть ее. Более всего повезло керамике и стеклу. Из опубликованных монографий выделяются книги Г. В. Шишкиной³ и Л. Г. Брусенко⁴. Богатейшие комплексы керамики и стекла из раскопок на территории Таджикистана монографически до сих пор не опубликованы. Многие сделано для изучения средневековых среднеазиатских бронз⁵, в том числе полностью опубликован Узунский клад таких изделий (Колхозабадский район)⁶.

¹ Бубнова М. А. Результаты раскопок поселения Базар-Дара в 1973 г.— АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977; она же. Раскопки рабада на поселении Базар-Дара (полевой сезон 1974 г.).— АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979; она же. Значение караванной торговли для высокогорных поселений Восточного Памира в XI в.— В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979; она же. Поселение Базар-Дара (полевые исследования 1975 г.).— АРТ, вып. XV (1975 г.). Душанбе, 1980, она же. Обеспечение рудничных поселений продуктами питания на примере поселения Базар-Дара (XI в.).— В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. См. также: Древности Таджикистана. Душанбе, 1985.

² Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976.

³ Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент, 1979; она же. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII—начало XIII в. Ташкент, 1986.

⁴ Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII веков. Ташкент, 1986.

⁵ Маршак Б. И. Бронзовый кубшин из Самарканда.— В кн.: Средняя Азия и Иран. Сборник статей. Л., 1972; он же. Серебряные сосуды X—XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии.— В кн.: Искусство и археология Ирана, т. П. М., 1976; Воронина В. Л. Бронзы Ахсикета из коллекции А. Н. Смирнова.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-тюбе.— В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

⁶ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине, М., 1985, с. 164—192; 198—204.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Для эпохи первобытнообщинного строя на территории Средней Азии основным источником являются археологические материалы (с учетом данных по смежным регионам). Для реконструкции природной среды много дают данные палеогеографии и четвертичной геологии. В фольклоре, этнографии, языке отложились и сохранились до наших дней отдельные черты духовной культуры людей того отдаленного прошлого. Привлечение и использование всей совокупности этих данных, сочетание сведений, полученных методами гуманитарных и естественных наук, позволяют проникнуть в отдаленное прошлое, наметить контуры развития древнейших человеческих общин на территории Средней Азии. При этом более всего пока поддается изучению материальное производство, значительно меньше — социальные проблемы и идеология. Как писал К. Маркс, «такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезающих животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезающих общественно-экономических формаций».

Для периода разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу исследователи среднеазиатской истории располагают, помимо вышеперечисленных источников, свидетельствами древнейших частей индийских «Вед» и иранской «Авесты».

Для истории эпохи древности разнообразие и количество источников резко возрастают¹. Имеется большое количество письменных источников разного характера. Важным первоисточником является упоминаемая «Авеста», основные разделы сохранившейся части которой освещают быт, культуру и идеологию иранских народов, и в том числе (а, вероятно, и прежде всего) древних жителей Средней Азии. Многие события

политической и культурной жизни Средней Азии упомянуты или описаны в высеченных на скалах, а также на каменных блоках, каменных и металлических пластинах и т. д. клинописных надписях ахеменидских царей на древнеперсидском и других языках. В царских и других официальных надписях более поздней иранской династии — Сасанидов также содержатся некоторые данные по истории Средней Азии. Для истории Кушанского государства очень важны надписи на бактрийском языке из Сурх-Котала (Афганистан); надписи на индийских языках из Индии, Афганистана и Средней Азии.

Сочинения греческих и римских авторов содержат очень много ценных материалов по политической и этнической, а также по экономической, социальной и культурной истории и исторической географии, древней Средней Азии. Авторы дошедших до нас сочинений сами не были в Средней Азии, но пользовались записками своих соотечественников — военных, купцов, путешественников, посетивших в разное время Среднюю Азию, различными официальными и неофициальными документами. Разумеется, использование источников древними авторами носило обычно не прямой, а опосредованный характер, нередко это мозаика разновременных сведений разной достоверности, в них имеются анахронизмы, неточности или прямые искажения, следование традиции и осмысление событий через призму обычных для эллинов и римлян представлений и нормы литературного жанра — все это, причудливо переплетаясь, порождало порой стереотипы, которые не соответствовали действительности. Вместе с тем греко-римские источники остаются одним из основных и важнейших видов письменных источников, и значительная часть сообщаемых ими сведений имеет исключительную ценность. Поэтому широко используются сочинения Геродота (V в. до н. э.), Ктесия (нач. IV в. до н. э.), Ксенофонта (род. в V в. до н. э.), Полибия (II в. до н. э.), Помпея Трога (I в. до н. э.), сочинения которого дош-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

² Наиболее подробная сводная характеристика источников по древней истории Средней Азии см.: ИТН, I, стр. 12 — 22.

ли в извлечениях Юстина — автора II или III в. н. э. Диодора (I в. до н. э.), авторов рубежа н. э. — II в. н. э. Квинта Курция Руфа, Плутарха, Страбона, Арриана, а также труды более поздних авторов — Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского и др.

Отдельные данные по истории Средней Азии сохранили китайские источники начиная с последней трети II в. до н. э., когда в Среднюю Азию приезжал ханьский посол Чжан-Цянь. Эти сведения, сохранившиеся в китайских династийных историях, записках послов, пилигримов и т. д., отличаются, как правило, определенной тенденциозностью.

Для отдельных периодов древней среднеазиатской истории, особенно тех, когда части Средней Азии в Индию входили в состав общих государств, приобретают большое значение индийские источники разного характера, в том числе эпиграфические.

Сирийские хроники VI в. (особенно сочинение Иешу Стилита), труды древних армянских историков IV — V вв. н. э. (особенно Егише Вардапета, Фавста Бузанда, Моисея Хоренского), поздние среднеиранские — пехлевийские сочинения содержат немало интереснейших данных для древней и раннесредневековой истории Средней Азии. Сведения по истории Средней Азии древнего периода содержатся в средневековой арабо-персоязычной литературе, донесшей и отклик, хотя и не всегда точные, местной традиции (Табари и его таджикоязычная переработка Балами: Бируни и др.). Особенно важно в этом плане произведение величайшего поэта Фирдоуси «Шах-наме».

Характеристика положения Средней Азии накануне и в период ее вхождения в состав Арабского халифата содержится в арабофарсоязычной литературе. Важные данные можно извлечь также из древнетюркских рунических надписей. Открыты три архива местных документов: в Нисе — парфянских (I в. до н. э.), на Топрак-кале — хорезмийских (III в. н. э.) на горе Мут — согдийских (VII—VIII вв. н. э.) и большое число надписей на различных изделиях и произведениях искусства. Значение этих местных источников переоценить невозможно.

В целом письменные источники по

древней и раннесредневековой истории Средней Азии носят отрывочный, мозаичный характер, и во многих случаях сочинения, написанные за тридцать земель от Средней Азии, далеко не адекватно отражают исторические события. Целые периоды и многие важнейшие исторические и историко-культурные процессы отражены в ничтожной степени или вовсе не освещены письменными источниками. Кое-что, разумеется, можно извлечь из изучения этнографий, фольклора, лингвистических материалов, в частности этно- и топонимии, ономастики; для вопросов этногенеза существенно важны палеоантропологические материалы. Однако историческая перспектива древней и раннесредневековой истории Таджикистана может быть воссоздана лишь благодаря сочетанию письменных источников с нумизматическим и археологическим материалом. Нумизматические данные, опубликованные на протяжении последних полутора столетий в трудах русских, советских, а также иностранных исследователей, в комбинации с письменными источниками для ряда периодов образуют скелет политической истории. Многие они дают и для истории культуры, в том числе искусства и идеологии, для определения торговых связей и т. д. Нередко нумизматические объекты — единственный источник, освещающий те или иные события. Намечается использование нумизматического материала и для решения проблем экономической истории.

Огромен фонд археологических источников по древней и раннесредневековой Средней Азии. Основные проблемы древней истории освещаются на основе исследования этого материала, который принципиально важен не только для проблем культурной истории (выявление характера материальной и духовной культуры, ее связей), но и для выяснения развития производительных сил исторической географии, экономических связей, этногенеза и т. д.

Хотя мы в начале упомянули письменные источники, а затем нумизматические и археологические, именно последние позволили советской исторической науке поставить и решить многие важнейшие проблемы древней истории.

Период вхождения Средней Азии в состав Арабского халифата отражен в

первую очередь в произведениях арабских авторов³. Здесь прежде надо отметить компилятивный труд Табари (ум. в 923 г.) «Тарих ар-расул ва-л-мук» («История пророков и царей») — сочинение типа всемирной истории; очень важную историю Белазури (ум. в 892 г.) «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоеваний стран»), содержащую ценный рассказ о военных походах арабов; труд Ибн ал-Асира (ум. в 1231 г.), всемирную историю Якуби (ум. в 897 г.) и др. Имеются также китайские и древнетюркские известия.

Новое, чем мы располагаем теперь, — это прежде всего мусульманский архив, содержащий синхронные этому периоду документы, описывающие взаимоотношения среднеазиатских князей между собой и с арабами, а также археологические материалы и наблюдения.

История среднеазиатских государств IX — начала XIII в. очень детально освещена в письменных источниках разных типов. Помимо общенсторических трудов можно упомянуть различные арабские и фарсыязычные сочинения, в частности написанный около 1050 г. труд Гардизи; труды, посвященные одной династии или правителю, или мемуарные сочинения, например труд Бейхаки (ум. в 1077 г.); историю областей и городов (из последних особенно важна «История Бухары» Наршахи); биографические и географические словари (Самани, ум. в 1167 г.; Якут, ум. в 1229 г.), энциклопедии (одна из наиболее важных — Юсуфа ал-Хорезми — конец X в.), агрографические сочинения (жизне Абу Саида Мейхнейского, составлено между 1158 и 1220 г.), сборники документов и отдельные юридические документы.

³ Прекрасная характеристика источников по истории Средней Азии IX — XII вв. дана В. В. Бартольдом (1963 б, стр. 45 — 108). Дополнением к нему могут служить: *Беляев В. Н.*, 1939; *Ромаскевич А. А.*, 1938, 1939, в части арабской географической литературы; *Крачковский И. Ю.*, 1957. Из общих, чрезвычайно полезных обзоров источников см.: *Spuler B.*, 1952, XVI — XXXII; 1968, 100 — 168; *«Historians»*, 1962; *J. Sauvaget*, 1965. Полная картина в сводах: *Brockelmann C.*, 1943 — 1949; *C. A. Storey*, 1927 — 1958; *F. Sezgin*, 1967.

Исключительно богатый материал содержится в географических сочинениях, административно-географических справочниках, описаниях путешествий. Одним из первых авторов, оставивших географическое описание общего типа, был Ибн Хордадбех (846/47 в авторская переработка, 885/86 г.). Географом был упоминавшийся выше историк Якуби. Около 903 г. было составлено географическое сочинение Ибн ал-Факиха. В последующие годы составили свои труды географы Ибн Русте (ок. 943 г.), Ибн Фадлан (побывал в Средней Азии в 921—922 г.), Кудамма (ок. 928 г.), Масуди (947—950 гг.), Истахри (ок. 941 г.), Ибн Хаукаль и Мукаддаси (Макдиси) — вторая половина X в. Все это арабоязычные сочинения. Но существовали и таджикоязычные, в частности замечательное анонимное географическое сочинение «Худуд ал-Алам» (982/83 г.), «Джахан-наме» Бекрана (начало XIII в.).

Важным историческим источником являются и произведения других жанров. Таковы, например, «Сиясет-наме» — политический документ — поучение конца XI — начала XII в., антология «Четыре беседы» Низами Арузи (написано в 1156/57 г.); «Сборник анекдотов и блестящих рассказов» Ауфи (написано ок. 1228 г.), научные и литературные произведения той эпохи на таджикском, арабском, тюркском языках.

Следует подчеркнуть, что территориально, хронологически и тематически эти источники распределяются крайне неравномерно. Так, например, довольно детально освещены история Тахиридского, Саманидского, Газневидского государств, а сведения по истории Караханидов предельно фрагментарны. Очень велик фонд сведений по экономике IX — X вв. (особенно по ирригации, сельскому хозяйству, торговле, топографии городов, месторождениям полезных ископаемых и их добыче, о налогах), но внутренняя организация ремесла, городская жизнь, социальные отношения всего периода IX — XII вв. очень слабо отражены в письменных источниках. Именно поэтому первостепенное значение приобретают другие виды источников, особенно нумизматические и археологические.

Нумизматические материалы для этой

эпохи чрезвычайно обильны. Они дают очень много для изучения политической истории; например, они представляют основной источник для изучения политической истории и генеалогии Караханидов. Как отметил в свое время академик Б. Дорн, одной лишь историей Караханидов было бы достаточно, чтобы должным образом оценить значение нумизматики для истории⁴. Еще более справедливым это утверждение является в настоящее время, когда исследования советской нумизматической школы пролили новый свет на историю Караханидов. Комплексное изучение нумизматических и письменных источников с целью выяснения социальных отношений и динамики ряда сторон экономической жизни, чутким индикатором которых является денежное обращение, привело к целой серии блестящих открытий, в частности к пересмотру трактовки характера феодальной структуры Саманидского государства.

История монгольского завоевания Средней Азии детально изложена прежде всего в сочинениях трех современных событий: Ибн ал-Асира, Джузджани Несеви. Полный же обзор событий, связанных с этим периодом, содержится в «Тарих-и джахангусай» Джувейни (написано в 1260 г.). Это сочинение ценно и тем, что в нем содержится и история хорезмшахов. Джувейни пользовался разнообразными, в том числе монгольскими, источниками, и в его изложении имеется некоторая идеализация монгольских правителей. В целом же это, пожалуй, основной первоисточник для данного периода. Очень важны исторические труды Рашида ад-Дина, огромная историческая энциклопедия которого «Джами ат-таварих» была закончена в 1310 — 1311 гг. Примерно в это же время написал свою историю монголов Вассаф, несколько позже появились историческое и географическое сочинения Хамдаллаха Казвини. Следует упомянуть и несколько других сочинений, особенно труд Джемаля Карши (нач. XIV в.), содержащий данные для предшествующего периода, монгольские, армянские и другие источники. Путешественники из Китая (Чанчунь), Западной Европы (Марко

Поло и др.), мусульманских стран (Ибн Баттута) оставили записки, содержащие весьма конкретные сведения и описания. Чрезвычайно важны документы, касающиеся вакфа в Болхуз мавзолея и ханака Сайфулдина Бохарзи (1326 — 1333 гг.).

Социально-экономические аспекты истории именно Средней Азии в наличных письменных источниках освещены далеко недостаточно. И здесь велик вклад нумизматических исследований, в которых вскрыты явления, события и тенденции, не отмеченные в письменных источниках. Археологическими материалами этот период, напротив, обеспечен достаточно.

Эпоха Тимура и Тимуридов вызвала к жизни огромное количество исторических сочинений, большинство их написано на таджикском языке, некоторые на арабском и староузбекском. Главнейшие из них: «Дневник похода Тимура в Индию» Гияс ад-Дина Али; составленная еще при жизни Тимура, между 1399 — 1403 гг., «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шам, заверщенное в 1404 г.; одноименное сочинение, заверщенное в 1424/25 г., Шараф ад-Дина Иезди; исторические и географические сочинения Хафиз-и Аbru (составлены в 1412 — 1426 гг.); историческое сочинение Абдар Раззака Самарканди, написанное около 1470 г. (автор внесил в него исправления до 1480 г.); всеобщие истории Мирхонда (конец XV в.) и его внука Хондемира (труд последнего завершен в 1524 г.). Из региональных историй особенно важен законченный в 1493 — 1494 гг. труд Исфизари по истории Герата и его области, где много материалов по экономике. Следует отметить и сочинения мемуарного характера, освещающие быт и духовную жизнь Средней Азии и Хорасана конца XV — начала XVI в.: «Удивительные события» Васифи (завершены в 1531 — 1532 гг.), а также труд Тимурида Захир ад-Дина Бабур — «Бабур-наме». Сохранились подлинные юридические документы того времени. Оригинальные данные и наблюдения содержатся в записках путешественников, особенно побывавшего при дворе Тимура испанца Рюи Гонзалеса де Клавихо.

Нумизматика этой эпохи разработана еще недостаточно, хотя ряд проблем исследован и выявлены факты, не отмечен-

⁴ Дорн Б., 1881, р. 198.

ные в письменных источниках (например, денежная реформа Удубека), Из материальной культуры лучше всего изучены архитектурные памятники.

Для XVI—XVIII вв. мы располагаем многочисленными нарративными источниками. Это различного рода исторические хроники, преимущественно на таджикском и узбекском языках. Очень большое значение для освещения этого периода имеет агиографическая литература — «жития». Отдельные документальные источники известны и для предыдущих периодов средневековья, но только эпоха XVI—XVIII вв. представлена такой массой материала: много тысяч документов разнообразного характера, происходящих почти из всех районов Средней Азии, целые архивы. Эти документы содержат бесценный материал по социально-экономической истории. Их исследование открывает возможность детального освещения социально-экономической истории, выявления специфики отдельных частей Средней Азии. Привлечение нумизматических материалов — второго важнейшего для эпохи XVI—XVIII вв. источника по социально-экономической истории, позволяет рассмотреть конкретную динамику и специфику денежного обращения, выявить периоды кризисов, изучить экономическую политику, а также общие проблемы развития феодализма в Средней Азии этой эпохи.

С середины XVI в. интенсивно развиваются среднеазиатско-русские экономические и дипломатические отношения. Документы русского Посольского приказа и Министерства иностранных дел, таможенные записи и ведомости, отчеты и записки посольств, купцов, пленных содержат разнообразный материал почти о всех сторонах среднеазиатской жизни.

Даже этот предельно сжатый и фрагментарный перечень показывает, сколь велика и разнообразна источниковедческая база по изучению средневековой истории таджикского народа. Благодаря обилию нарративных источников лучше может быть изучена политическая история, а также история литературы⁵ и науки⁶. Следует иметь в виду особенности большинства произведений феодальной историографии Средней Азии — панегирический, тенденциозный характер многих ее произведений и

отсутствие интереса к освещению положения народных масс, скудость социально-экономических данных. Именно поэтому требуется скрупулезное исследование всей совокупности письменных источников с особым вниманием к тем из них, где содержатся материалы по социальной и экономической истории, и самое широкое использование нумизматических и археологических материалов. Исторической критике должны быть подвергнуты и другие перечисленные выше категории письменных источников с учетом классовой позиции их авторов и составителей. Историк-марксист помимо формального анализа источников всегда осуществляет и их классовый анализ.

Письменные источники использовались главным образом по критическим изданиям текстов (например, греко-римские в основном в серии «The Ioel Classical Library», с учетом существующих русских изданий и переводов); арабские географы — по серии «Bibliotheca geographorum arabicorum» и отдельным позднейшим изданиям; многие средневековые сочинения — по Гиббовской серии и т. д.

В некоторых случаях мы пользовались существующими русскими и западноевропейскими переводами источников. При отсутствии критических изданий средневековых источников привлекались публикации (в том числе литографические) отдельных рукописей, факсимильные издания, а неизданные источники использовались по рукописям различных хранилищ⁷.

⁵ Из общих обзоров таджикской (таджикско-персидской) литературы см.: *Browne E. G.* 1902, 1906, 1920, 1924; *Брагинский И. С.*, 1956 г., 1966; *Бертельс Е. Э.*, 1960; *Рипка Л.*, 1963, 1968; *Рипка Я.*, 1970.

⁶ *Sarton G.*, 1962

⁷ Общий обзор рукописных востоковедных фондов СССР см.: *Гергинова А. С.*, 1963; *Rosen V.*, 1877, 1881; *Михухо-Маклай Н. Д.*, 1955, 1961; *Михайлова А. И.*, 1961; *Бавеский С. И.*, 1962, 1968; *Тагарджанов А. Г.*, 1962; *Акимушкин О. Ф.* и др., 1964; *Дмитриев Л. В.* и др., 1965; «Собрание». I—VIII: «Каталог», I—III.